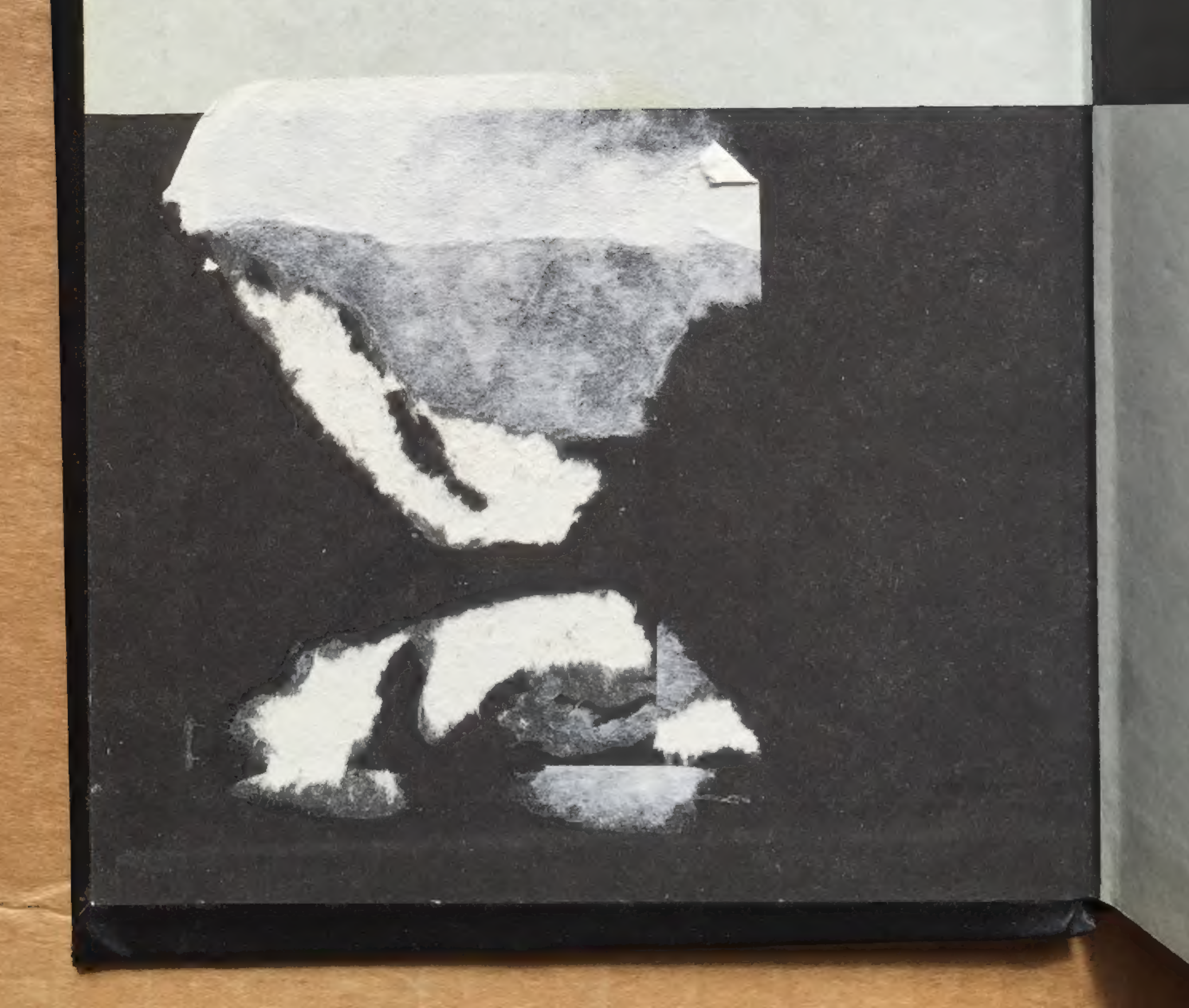
СМЕРТНАЯ КАЗНЬ: ЗА И ПРОТИВ

3

Смертная казнь

Смертная казнь за и против

Смертная казнь: за и против

Составители:
О. Ф. Шишов,
Т. С. Парфенова

Под редакцией
доктора
юридических наук
С. Г. Келиной

СОДЕРЖАНИЕ

Москва «Юридическая литература»
1989

АВТОРЫ

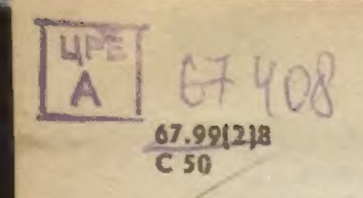
Бердяев Н. А.
Боборыкин П. Д.
Булгаков С. Н.
Владимиров В.
Гернет М. Н.
Ефимов Е. Н.
Жижиленко А. А.
Кистяковский А. Ф.
Колоколов Г. Е.
Короленко В. Г.
Люблинский П. И.
Набоков В. Д.
Пионтковский А. А.
Розанов В. В.
Соловьев Вл.

Адамов А. Г.
Алексеев С. С.
Алексеев Н. С.
Безуглов А. А.
Бестужев-Лада И. В.
Звекич У.
Иванушкин Е. А.
Карпец И. И.
Келина С. Г.
Клигман А. В.
Кубо Т.
Кудрявцев В. Н.
Кудрявцев И. А.
Кузнецов И. В.
Кулешов А. П.

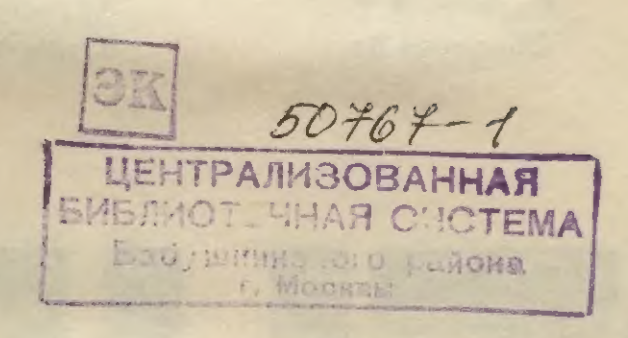
ротив

Спасович В. Д.
Таганцев Н. С.
Фельдштейн Г. С.
Фойницкий И. Я.

Решетников Ф. М.
Рожнов Г. В.
Сахаров А. Д.
Стручков Н. А.
Хазин М. Г.
Хачатуров Р. Л.
Цыпин В. А.
Шишов О. Ф.

Книга подготовлена
творческой группой в составе:

ст. науч. редактор
Т. С. ПАРФЕНОВА,

ст. редактор
А. В. ВИШНЯКОВА,

мл. редактор
В. Н. ФИЛИППОВА

С $\frac{1203020110-040}{012(01)-89}$ КБ-31-10-89 ISBN 5-7260-0150-8

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О КНИГЕ

Милиционеры-взяточники, сказочно разбогатевшие торговые аферисты, изобретательные воры, наглые грабители, уличные хулиганы вызывают наше естественное и справедливое негодование, выражающееся, как правило, в словах: «Стрелять их надо».

Распоясавшаяся молодежь, бессмысленно увечащая и убивающая друг друга в стихийно возникающих, грандиозных по масштабам драках, наводит ужас на горожан. «Расстрелять бы парочку на виду у всех — сразу поутихли бы», — со знанием дела и с поразительным единодушием выносят свой приговор и умудренные жизнью старцы, и солидные отцы семейств, и напуганные молодые мамы.

Об убийцах и насильниках, заманивающих маленьких девочек в подъезд, и рассуждать нечего. Их прямо — «без суда и следствия».

По некоторым данным — бóльшая часть населения страны безоговорочно поддерживает смертную казнь. Более того — требует ее.

Высшая, исключительная мера наказания — смертная казнь. Добро это или зло? Справедливое возмездие или неоправданная жестокость раздираемого противоречиями, далеко не идеального общества, не справляющегося со своей же преступностью? Можно ли поставить знак равенства между ценностью жизни преступника и ценой награбленного им имущества, даже если оно исчисляется миллионами? Является ли смертная казнь спасением от всех бед? Поможет ли она избавиться от преступлений? Какие духовные и материальные сферы жизни общества затрагивает эта «социальная необходимость»? Что чувствуют приговоренные к смертной казни? А «лица, приводящие в исполнение»?

Об этих и многих других вопросах, связанных с преступлением и наказанием, рассуждают на страницах нашей книги более сорока ее авторов.

Начинается она с обширной статьи из истории смертной казни в нашей стране — об ее открытом, принародном шествии по России с батогами, секирами и виселицами и о тайных путях ее по подвалам Лубянки, Военной коллегии Верховного Суда, в специально отведенных для этой цели помещениях тюрем и следственных изоляторов.

Отдельный раздел книги посвящен мнениям о смертной казни русских юристов, философов, писателей конца XIX — начала XX века. Прогрессивные общественные деятели дореволюционной России категорически и безоговорочно отрицали смертную казнь. Это можно объяснить разными причинами, но одной из них, несомненно, является тот факт, что в подавляющем большинстве случаев царские суды выносили смертные приговоры

исходя из политических соображений — бунтовщикам, борцам против режима, установленных монархией порядков, участникам кружков, ставящих своей целью убийство царствующих особ, профессиональным революционерам, то есть лучшей части передовой русской интеллигенции. Такой вывод можно сделать, внимательно прочитав список приговоренных к смертной казни за период с 1826 по 1906 год, приведенный в историческом обзоре.

Сегодня ситуация в нашей стране в этом отношении сильно, можно сказать, принципиально изменилась. Жаль, что пока мы не можем подтвердить нашу мысль статистическими данными, однако сообщения прессы, других средств массовой информации (радио, телевидения) позволяют сделать вывод, что смертные приговоры выносятся сейчас в основном за убийство.

Именно это обстоятельство порождает множественность мнений юристов — ученых и практиков — относительно судьбы смертной казни в жизни современного общества.

Высказывая различные, часто противоположные, точки зрения на эту исключительную меру, советские авторы приводят свои аргументы «за» и «против». Читатель по мере проникновения в глубь проблемы, осознавая ее сложность и неоднозначность, соглашаясь с одним автором и мысленно полемизируя с другим, выработает собственное отношение к этому вопросу. Оно может быть тем или иным, но читатель придет к нему осознанно, вооруженный знаниями, почерпнутыми из нашей книги.

Если это произойдет, то цель издания будет достигнута.

Т. ПАРФЕНОВА
ведущий редактор книги

Не надо быть пророком, чтобы сказать,
что недалеко то время,
когда смертная казнь исчезнет
из уголовных кодексов
и для наших потомков самый спор
о ее целесообразности
будет казаться столь же странным,
каким представляется теперь
для нас вопрос о необходимости
и справедливости колесования
или сожжения преступников.

Н. С. Таганцев

О. Ф. ШИШОВ

Смертная казнь в истории России

доктор юридических наук,
профессор

Смертная казнь в истории Советского государства

Смертная казнь в истории России

Вместо вступления

Смертная казнь! У одних эти два коротких слова вызывают чувство ужаса и содрогание, порой недоумение, у других — решительный протест. Более того, у многих смертная казнь как вид уголовного наказания ассоциируется с официально узаконенным лишением жизни человека. «Чем же смертная казнь отличается от убийства?» — вопрошают они и не могут найти удовлетворительного ответа. «Не пора ли отменить смертную казнь? Соответствует ли она нашему мировоззрению и социалистическому правосознанию? Не расписывается ли наше государство в своей беспомощности в борьбе с преступностью, устанавливая смертную казнь за довольно широкий круг преступлений?» Такого рода суждения и вопросы можно часто услышать от представителей самых широких слоев населения нашего общества.

Но можно встретить и рассуждения иного, диаметрально противоположного характера, суть которых сводится к тому, что в нашем обществе очень редко применяется смертная казнь, а потому-де преступность не сокращается. Претензии адресуются прежде всего правоохранительным органам, а зачастую и законодателю. Таким образом, между ростом преступности и применением смертной казни устанавливается как бы непосредственная связь. Как видите, по вопросу о смертной казни существует два различных мнения. А если подойти к проблеме смертной казни исторически, то мы сможем убедиться в том, что каждая эпоха, измеряемая десятилетиями, а порой и столетиями, выражает всегда два направления, существующих в общественном мнении, — противников и сторонников смертной казни. Вот почему предлагаемый вашему вниманию сборник называется «Смертная казнь: за и против». Проблема «за и против» смертной казни возникла в умах человечества еще задолго до новой эры. До нас дошли свидетельства того, что этот вопрос впервые активно дебатировался уже в Древней Греции во время Пелопонесской войны, когда город Митилена, расположенный на острове Лесбосе, восстал против Афин и переметнулся на

сторону противника. Разгневанные афиняне, захватив Митилену, решили жестоко наказать изменников и предать казни все мужское население города, а женщин и детей обратить в рабство.

Во время решения участи митиленцев на Народном собрании возник диспут и было высказано два противоположных мнения. Афинский демагог Клеон высказался за смертную казнь, приведя ряд веских доводов, в частности, он говорил: «Ведь спустя некоторое время гнев пострадавшего смягчается, и он менее строго карает обидчика, а наказание, непосредственно следующее за совершенным преступлением, ведет вернее всего к необходимому возмездию». Клеон призывал покарать митиленцев за восстание смертью .

Иного мнения придерживался афинянин Диодот. Вот фрагмент его выступления, запечатленный знаменитым греческим историком Фукидидом: «По своей натуре все люди склонны совершать недозволенные проступки как в частной, так и в общественной жизни, и никакой закон не удержит их от этого. Государства перепробовали всевозможные карательные меры, все время усиливая их, в надежде, что будут меньше страдать от деяний преступников. В древности кары даже за тягчайшие преступления, вероятно, были более мягкими, но со временем почти все наказания были заменены смертной казнью, так как законы постоянно нарушали. Однако и от этой меры преступления не уменьшились. Итак, следовало бы либо придумать еще более страшные кары, либо признать, что вообще никаким наказанием преступника не устрашить: то бедность, угнетая человека, внушает ему дерзкую отвагу, то избыток, в сочетании с высокомерием и самомнением возбуждает в нем стремление искать еще большего. Точно так же и в других житейских обстоятельствах, в каждом в отдельности, снова и снова с некоей неодолимой силой разжигаются в человеке слепые страсти и заставляют его рисковать.

Ко всему присоединяются увлечение и надежда: первое влечет человека вперед, внушая преступные замыслы, а вторая, следуя за ним, манит щедростью судьбы. И эти невидимые силы гораздо сильнее действуют на человека, чем зрелище страшных казней...

Одним словом, просто невозможно и глупо было бы

предположить, что суровыми законами или другими средствами устрашения люди в силах удержать других людей от поступков, к которым они склонны по своей натуре»[1].

Я не случайно привел столь большую цитату, по всей вероятности сымпровизированную Фукидидом, ибо она свидетельствует о том, что уже 2500 лет тому назад подвергалась глубокому сомнению идея устрашающего воздействия смертной казни и эффективного ее воздействия на сокращение преступности.

В споре Клеона и Диодота победителем оказался последний — Народное собрание Афин проголосовало против казни мужской половины Митилены. К сожалению, это гуманное и разумное решение затерялось где-то в анналах истории и было просто-напросто забыто. Дальнейший ход истории дает нам бесчисленное множество примеров, когда гуманные соображения уступали место необузданной жестокости, превращающейся порой в кровавую расправу.

Русское дореволюционное законодательство

Несмотря на многие общие закономерности развития, присущие уголовно-правовым системам всех стран мира, каждая страна, каждый регион имеют и свои специфические особенности. Это целиком и полностью относится к истории развития различных видов уголовного наказания, в том числе и смертной казни в России.

Прообразом смертной казни, впрочем, как и других видов уголовного наказания в догосударственном обществе, являлась кровная месть.

«Происхождение уголовного права, — писал видный советский юрист Е. Б. Пашуканис, — связывается исторически с обычаем кровной мести. Несомненно, что генетически эти явления близки друг другу.

Но месть становится *вполне местью* только потому, что за ней следует вира и наказание, т. е. и здесь последующие этапы развития, как это часто наблюдается в истории

[1] Фукидид. История. Л., 1981, с. 127, 132 — 133.

человечества, объясняют намеки, заключающиеся в предыдущих формах. Если же подходить к тому же явлению с противоположного конца, мы не увидим в нем ничего, кроме борьбы за существование, т. е. чисто биологического факта»[1].

Из утверждения Е. Б. Пашуканиса следует, что кровная месть — это чисто биологическое явление. Думается, правильнее полагать, что кровная месть представляет собой биосоциальное явление. Правильно отмечал А. С. Шляпочников, что биологизация кровной мести лишает нас возможности не только понять последующую замену ее в классовом обществе уголовным наказанием, качественно от нее отличающимся, но и постепенное ограничение кровной мести уже в пределах родового строя — на стадии его разложения — принципом талиона, то есть нанесением равного ущерба, и ее полную замену впоследствии системой выкупа. Причина этих изменений заключается не в абстрактной «природе» человека, а в изменении материальных условий существования родового общества по мере его развития [2].

С возникновением частной собственности, классов и государства кровная месть приобретает публично-правовой характер, метаморфируется в уголовное наказание и становится орудием в руках господствующих классов. Но если в условиях родового общества кровная месть могла осуществляться как отдельными членами рода, так и всем родом, то с возникновением судебной системы кровная месть реализуется только судом.

Кровная месть существовала и в Древней Руси, о чем свидетельствуют древнерусские летописи, но согласно Русской Правде круг родственников, имевших право кровной мести, был весьма ограничен. В этом памятнике русского права имело место сочетание публично-правового начала с частно-правовым. Это относилось и к кровной мести.

Русская Правда не знала смертной казни[3]. Известный русский криминалист и историк права профессор Н. П. За-

---

[1] Пашуканис Е. Б. Избранные произведения по общей теории права и государства. М., 1980, с. 160.

[2] См.: Шляпочников А. С. Происхождение уголовного права. М., 1934, с.14—15.

[3] См. статью Р. Л. Хачатурова в настоящем сборнике.

госкин писал в 1892 году: «Смертная казнь чужда правовому мировоззрению русского народа, как чуждо ему суровое отношение к преступнику вообще. «Повинную голову меч не сечет», — говорит русская пословица. Русский народ из глубины веков унаследовал себе воззрение на преступление как на «грех», «прегрешение», «несчастье». «Несчастные», «несчастненькие» — так до сих пор называет наш народ присужденных к наказанию преступников, готовый поделиться с таким «несчастненьким» последним трудовым грошем своим» [1].

Впервые в истории русского государства смертная казнь законодательно была закреплена в 1398 году в Двинской уставной грамоте, юридически оформившей вхождение Двинской земли в состав Московского государства. Двинская уставная грамота представляет собой один из важных памятников истории русского права, отражающий процесс образования централизованного русского государства и формирования сословно-представительной монархии. Составлен этот документ был великим князем московским Василием Дмитриевичем.

В ст. 5 Двинской уставной грамоты предусматривается назначение смертной казни только в одном случае — за кражу, совершенную в третий раз [2]. Законодатель, устанавливая это суровое наказание за трижды совершенную кражу, исходил из повышенной общественной опасности преступника и реального предположения о возможности совершения кражи и в четвертый раз. Введение смертной казни за многократную кражу является также показателем обострения классовой борьбы, связанной с процессом феодализации в России.

Небезынтересно заметить, что Двинская уставная грамота не устанавливает смертной казни за убийство.

«Применение смертной казни к виновным именно в повторных кражах, — отмечал русский дореволюционный криминалист С. К. Викторский, — к лихим людям, а не к иным преступникам, имело, кажется, еще одно печальное последствие: оно способствовало постепенному примире-

---

[1] Загоскин Н. П. Очерк истории смертной казни в России. Казань, 1892, с. 10.

[2] См.: Российское законодательство X — XX веков. Т. 2. М., 1985, с. 181, 184.

нию населения со смертной казнью, до того времени противной его правосознанию» [1].

В литературе на протяжении длительного периода времени существует мнение, что появлением смертной казни российское законодательство обязано византийскому влиянию. Действительно, воздействие Византии на русскую жизнь в целом и на русское право в частности началось с принятия христианства на Руси. Однако, когда греческие епископы рекомендовали князю Владимиру заимствовать римско-византийскую карательную систему, включающую в себя смертную казнь, заявляя «достоит тебе, княже, казнити разбойники», — князь Владимир отнесся к их совету с сомнением и неудовольствием. «Боюсь греха!» — отвечал им русский князь [2].

Византийские епископы стремились приобщить Русь к канонам Кормчей книги, где говорится о необходимости казни лиц, занимающихся разбоем. «Ты поставлен от бога на казнь злых людей», — доказывали епископы Владимиру. На какой-то период карательной практике того времени были известны случаи применения смертной казни за разбой, но смертная казнь не была воспринята русской действительностью, и Владимир отменил ее, перейдя к давно известной русскому законодательству системе денежных пеней.

Византийская уголовно-правовая система предусматривала смертную казнь за целый ряд преступлений. Так, 17 титул Частной распространенной эклоги — основного уголовно-правового акта Византийской империи того периода — предусматривал смертную казнь за оскорбление величества и заговор против императора или империи. Смертная казнь полагалась за насилие над посвященной богу девушкой или благочестиво живущей вдовой, замужней женщиной или собственной невестой. Эта же мера наказания применялась к разведчикам, подосланным врагами. Кроме того, смертная казнь назначалась за святотатство и вторжение в ночное время в алтарь с целью похищения священных подношений богу, а также за изготовление

---

[1] Викторский С. К. История смертной казни в России и современное ее состояние. М., 1912, с. 25.

[2] См.: Аверинцев С. С. Византия и Русь: два типа духовности. — Новый мир, 1988, № 7, с. 210 — 213.

ядовитых веществ, убивающих людей [1]. Нетрудно заметить, что смертная казнь устанавливалась прежде всего за государственные и религиозные преступления.

В дальнейшем русское уголовное законодательство в определенной мере пойдет по пути византийского законодательства в части норм, предусматривающих смертную казнь.

Псковская судная грамота 1467 года значительно расширяет случаи применения смертной казни по сравнению с Двинской уставной грамо́той.

Смертная казнь устанавливается здесь за: 1) воровство в церкви; 2) конокрадство; 3) государственную измену; 4) поджоги; 5) кражу, совершенную в посаде в третий раз. Судя по всему, Псковская грамота, устанавливая смертную казнь за перечисленные преступления, ставила задачу избавиться от наиболее опасных для общества элементов.

В этом законодательном акте ничего не говорится о смертной казни за убийство. Известный русский историк права И. Я. Беляев писал по данному поводу следующее: «судя по характеру Псковской грамоты, вообще не отличающейся снисходительностью к преступникам и осуждающей на смертную казнь святотатцев, конокрадов и вообще даже простых воров, уличенных в третьей краже, необходимо предположить, что за убийство по Псковской грамоте назначалась смертная казнь» [2].

Нас не может не интересовать вопрос: какие цели преследовала власть, устанавливая в указанных выше законах смертную казнь? Представляется, что на этой мере вплоть до конца XV века лежал отпечаток обычая кровной мести. Став официальным государственным установлением, смертная казнь преследовала прежде всего цель возмездия, а также неразрывно связанную с ним цель устрашения. Вместе с тем напрашивается мысль о том, что с образованием и развитием государственности на Руси верховная власть проявляла определенную заботу о жизни, собственности и правах имущих, а также и о своей собственной безопасности. Поэтому смертная казнь применялась также

---

[1] Подробнее см.: Лившиц Е. Э. Законодательство и юриспруденция в Византии в IX — XI веках. М., 1981, с. 38 — 41.

[2] Беляев И. Д. Лекции по истории русского законодательства. М., 1879, с. 281.

в целях безопасности всего общества и относительного спокойствия граждан. Государственная власть стремилась «...дать гражданам возможность жить более мирной жизнью, не боясь каждую минуту, что их блага пострадают не только от нападений на них со стороны злоумышляющих, но и от самоосправы, которая только тогда может сократиться и уничтожиться в своих проявлениях, когда люди проникнутся сознанием, что за них посягающим на их право отомстит, накажет «обидчиков» сама власть и что та же власть, с другой стороны, не попустит самоуправства и за него, в свою очередь, придется нести довольно чувствительную ответственность» [1].

В силу сохранности на Руси обычаев смертная казнь применялась и в случаях, не предусмотренных законами. Так Киевский князь Ростислав, прогневавшись на Григория Чудотворца, повелел связать ему руки, повесить на шею тяжелый камень и сбросить провинившегося в воду. Любопытно, что в период татаро-монгольского ига ханы выдавали русскому православному духовенству ярлыки, согласно которым священнослужители пользовались правом наказания смертью. Ярлык, выданный татарским ханом Менчу Темиром, давал право киевскому митрополиту Кириллу казнить за хулу православной веры, как и за всякое нарушение предоставленных духовенству привилегий. В 1230 году были подвергнуты сожжению за колдовство четыре волхва. В том же году были сожжены те, кто во время голода прибегал к людоедству.

Но среди представителей верховной власти были и противники смертной казни. Всем хорошо известна заповедь Владимира Мономаха, вошедшая в пословицу: «Не убивайте, не повелевайте убивать, даже если кто и будет повинен в чьей-либо смерти».

И тем не менее, к смертной казни прибегали многие правители Руси в XIII и XIV веках. Так, Дмитрий Донской в 1379 году подверг смертной казни боярина Вельяминова за измену, а в 1383 году был казнен Сурожский гость Некомат. Еще в 1069 году во времена Русской Правды, не предусматривавшей смертной казни вообще, князь Изяслав, овладев Киевом, послал сына своего, который предал смертной казни 70 человек, участвовавших в изгнании

---

[1] Викторский С. К. Указ. соч., с. 31.

Изяслава из Киева. Можно было привести много и других примеров, однако и этого представляется достаточным, чтобы прийти к выводу: смертная казнь применялась на Руси издавна как в случаях, предусмотренных законом, так и тогда, когда закон о ней умалчивал. На применение этой меры наказания имели право князья и вече Новгорода и Пскова в отношении лиц, представляющих определенную опасность. Во многих случаях применение смертной казни граничило с произволом отдельных правителей [1].

Распространению смертной казни на Руси в этот период способствовали в немалой степени татаро-монгольские завоеватели, чьи обычаи и писаные законы в довольно большом объеме предусматривали этот вид наказания.

Наметившаяся в первой половине XV века тенденция к расширению публичного характера уголовного наказания получила свое завершение в Судебнике 1497 года, принятом при Великом князе московском Иване III. Этот судебник расширил сферу применения смертной казни по сравнению с Двинской и Псковской грамотами.

Смертной казнью карались: разбой, убийство, кража (повторная), клевета, убийство своего господина, измена, святотатство (в частности, хищение церковного имущества), кража холопов (возможно, кража, сопряженная с убийством), поджог, государственные и религиозные преступления.

Судебник 1550 года, принятый при Иване IV, установил смертную казнь уже за многие преступления. Например, смертная казнь назначалась: а) за первую кражу, если вор пойман с поличным или в процессе пытки признается в содеянном; б) за вторую кражу и второе мошенничество, если преступник признается; в) за разбой, душегубство, ябедничество или иное «лихое дело», если преступник «ведомый лихой»; г) за убийство господина, государственную измену, церковную кражу, поджог, если преступник «ведомый лихой». При этом в Судебнике подчеркивалось, что за перечисленные преступления смертная казнь должна назначаться «без всякой пощады». Судебник пре-

---

[1] Некоторые авторы усматривали здесь даже не смертную казнь как меру уголовного наказания, а типичную месть князя или веча к своим врагам. См.: Богдановский А. Развитие понятий о преступлении и наказании в русском праве до Петра Великого. М., 1857, с. 72.

дусматривает два вида процесса, по которому должен быть судим обвиняемый: розыскной (инквизиционный) и состязательный. Если обвиняемый будет признан «лихим» человеком, следствие осуществляется органами сыска и преступника надо пытать, то есть вести дело по правилам розыскного инквизиционного процесса, а если он будет признан «добрым», то дело ведется по правилам состязательного процесса, то есть в судебном порядке. В целом оба судебника предусматривали смертную казнь в 12 случаях.

Судебник 1550 года был направлен на ликвидацию последствий боярского правления и дальнейшее развитие и укрепление экономических и политических позиций тех социальных групп, на которые опиралось правительство Ивана IV — дворян-помещиков, а также верхов посада.

Судебник 1550 года — документ классовой юстиции. По свидетельству Н. М. Карамзина, деяния, за которые крестьянина или мещанина вешали, для боярских детей влекли за собой помещение виновного в темницу или сечение батогами [1].

Расправляясь с неугодными ему боярами, Иван Грозный прибегал к смертным казням, которые приняли невиданный до этого на Руси размах. «Москва цепенела в страхе. Кровь лилася; в темницах, в монастырях стенали жертвы...» — писал Н. М. Карамзин [2].

Массовые казни осуществлялись в Москве на Лобном месте. К осужденным применялись чудовищные пытки, ставшие своего рода символом тирании царя Ивана. Казням подвергались бояре, подозреваемые в заговорах против царя. Их «виновность» устанавливалась на основе доносов, ложных показаний, а зачастую и в результате собственных признаний, выбитых путем тяжких пыток.

Из темниц на Лобное место приводились измученные жертвы тирана, оглашался приговор; помолясь Спасову образу на Спасских воротах, осужденный кланялся в четыре стороны и просил прощения, а затем шел на казнь. Здесь стояли виселицы и столбы, срубы для сжигания еретиков и колдунов. На Лобном месте закапывали заживо в землю женщин, виновных в супружеской измене; сажали

---

[1] См.: Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. X. СПб., 1852, с. 232.

[2] Карамзин Н. М. Указ. соч. Т. IX, с. 25.

на кол, колесовали и четвертовали. И все это происходило на глазах многотысячной толпы.

Ближайшие сподвижники царя, Малюта Скуратов и князь Черкасский, угождая царю, часто выступали в роли палачей и отсекали головы своим политическим противникам.

Народ, присутствуя на казнях, безмолвствовал, не протестовал. И это было хуже всего, ибо народ не только не возражал против чудовищных казней, но и, судя по всему, одобрял кровавые деяния царя. «И хотя этот бешеный зверь, Иван Грозный, превратил свое царствование в подлинную оргию жестокости, убийств и похоти; хотя он был столь же труслив, как и низок, и, подозревая повсюду заговоры против своей особы, засекал до смерти тысячи своих подданных и подвергал их, — писал С. М. Степняк-Кравчинский, — таким пыткам, что даже при чтении о них кровь стынет в жилах; хотя похотливый тиран насиловал жен и дочерей бояр, умерщвляя всех, кто смел высказывать малейшее недовольство; и хотя его мерзости продолжались ни мало ни много сорок лет без перерыва, — за все время его чудовищного царствования ни разу не раздался голос протеста, ни одна рука не поднялась для сопротивления или мести за позорные надругательства.

Жертвам Ивана IV иногда удавалось спастись бегством; но историки не обнаружили ни малейшего следа какого-нибудь заговора против него. И все же эти люди не были трусы. В большей части храбрые воины, славные своими подвигами на поле брани, они часто проявляли в камере пыток и на Лобном месте необычайные стойкость и мужество, редкую силу духа. Но вследствие привитых им воспитанием превратных воззрений сила духа служила лишь тому, чтобы превозмочь естественный порыв к мятежу и подавить возмущение, ибо униженная покорность царю была священным идеалом, незыблемым для них с ранней юности. Князь Репнин был посажен на кол, и, умирая медленной смертью в жестоких мучениях, несчастный славил царя, своего государя и убийцу»[1].

---

[1] Степняк-Кравчинский С. М. Россия под властью царей. М., 1964, с. 59 — 60. Подробнее о терроре при Иване Грозном см.: Скрынников Р. Г. Лихолетье: Москва в XVI — XVII веках. М., 1988, с. 44 — 51.

Увы! Трагическая ирония истории такова, что многое в ней повторяется, — в иных социальных условиях и при ином политическом режиме... Невольно возникает поразительная ассоциация... Спустя четыре столетия выдающийся советский полководец И. Э. Якир, оклеветанный и приговоренный к смертной казни, в момент расстрела воскликнул: «Да здравствует Сталин!» Он также прославлял своего убийцу.

Однако не следует преувеличивать количества людей, казненных при Иване Грозном, как это делается иногда. Например, Г. З. Анашкин без ссылки на источник утверждал, что, по словам летописца, при разгроме Новгородской вольницы опричниками было подвергнуто смертной казни до 60 тысяч человек[1]. Эти данные преувеличены в 20 раз.

Советский историк Р. Г. Скрынников на основании обстоятельного исследования предоставленного царю отчета руководителя опричников Малюты Скуратова о результатах карательной экспедиции в Новгород установил, что при разгроме новгородцев погибло примерно две или три тысячи человек. Всего в период массового террора опричнины было казнено около четырех тысяч человек[2].

Если сравнивать количество казней, совершаемых в России того периода, с количеством казней на Западе в XVI веке, то можно убедиться в том, что Европа своей жестокостью значительно опережала Россию. Например, в Германии при Карле V было казнено около 100 тысяч человек. Одному лишь судье фон Карпцов пришлось вынести около 20 тысяч смертных приговоров. В Англии при Генрихе VIII было повешено 70 тысяч упрямых нищих «при общей численности населения» 4,5 млн. человек. При Елизавете I в Англии было казнено 19 тысяч человек. Наместник испанского короля Филиппа II в Нидерландах герцог Альба казнил 18 тысяч человек[3].

---

[1] Анашкин Г. З. Смертная казнь в капиталистических государствах. М., 1971, с. 45.

[2] Скрынников Р. Г. Иван Грозный. М., 1975, с. 158, 191.

[3] См.: Таганцев Н. С. Смертная казнь. СПб., 1913, с. 22, 116 — 117; Сергеевский Н. Д. Русское уголовное право. СПб., 1896, с. 129; Рогов В. А. Уголовное право и внутренняя политика Русского государства: анализ хроники С. Герберштейна «Записки о московских делах». — В сб.: Вопросы истории уголовного права и уголовной политики. М., 1986, с. 13.

На тот факт, что в России по сравнению со странами Западной Европы смертная казнь применяется значительно реже, обращал внимание австрийский дипломат Сигизмунд Герберштейн, дважды посетивший Россию в 1517 и 1526 годах. «Они (русские. — *О. Ш.*), — писал С. Герберштейн, — строго применяют меры правосудия против разбойников (praedones, Rauber). Поймав их, они первым делом разбивают им пятки, потом оставляют их на два-три дня в покое, чтобы пятки распухли, а затем разбитые и распухшие (пятки) велят терзать снова. Чтобы заставить преступников сознаться в грабеже и указать сообщников злодеяний, они не применяют никакого рода пыток [1]. Если призванный к допросу окажется достойным казни, то его вешают. Другие казни применяются ими к преступникам редко, разве что они совершили что-нибудь слишком ужасное.

Воровство редко карается смертью, даже за убийство казнят редко, если только оно не совершено с целью разбоя. Если же кто поймает вора с поличным и убьет его, то остается безнаказанным, но только при том условии, что он доставит убитого на государев двор и изложит дело, как оно было. (Даже скотоложцы и те не подвергаются смертной казни.)

Немногие из начальников имеют власть приговаривать к смертной казни. Из подданных никто не смеет пытать кого-либо. Большинство злодеев отвозится в Москву или другие главные города. Карают же виновных по большей части в зимнее время, ибо в летнее этому мешают дела военные» [2].

Смертная казнь была довольно широко представлена и подробно регламентирована в Уложении 1649 года, принятом при царе Алексее Михайловиче. Хотя по отношению к этому монарху многие историки применяли часто эпитет «тишайший», жестокие уголовные наказания, предусмотренные указанным законодательным актом, действовавшим почти два столетия, лишний раз подтверждают мудрость известной пословицы: «В тихом омуте черти водятся».

---

[1] С. Герберштейн не знал о пытках, применяемых опричниной и санкционированных царем.

[2] Герберштейн Сигизмунд. Записки о Московии. М., 1988, с. 118.

Уложение 1649 года представляло собой свод законов крепостнической России, отражавших и закреплявших феодально-помещичьи отношения.

Система наказаний по своей жестокости вполне соответствовала эпохе развитого феодального общества в России. Смертная казнь являлась основным видом уголовного наказания и устанавливалась за очень многие преступления. Санкциями, предусматривающими смертную казнь, буквально пестрело Уложение. Из-за этой «пестроты» русские криминалисты, занимавшиеся исследованием смертной казни, не могли осуществить точный математический подсчет и установить, в скольких случаях и за какие преступления Уложение устанавливало смертную казнь. Так, дореволюционный криминалист профессор А. Ф. Кистяковский утверждал, что смертная казнь предусмотрена Уложением в 54 случаях [1], а другой видный отечественный криминалист профессор Н. Д. Сергеевский установил 64 случая [2]. Дело, разумеется, не в точном количественном подсчете статей, санкции которых предусматривали смертную казнь, а в выяснении характера тех преступлений, за которые она могла назначаться. Это прежде всего государственные преступления и преступления религиозные. Следует особо отметить, что не только убийство или покушение на убийство государя каралось смертной казнью, но и приготовление к такому деянию, и даже обнаружение умысла на лишение жизни царя влекло за собой смертную казнь. Смертной казнью карались также измена и бунт, поджог с целью измены, ложный донос о государственных преступлениях, приход скопом к царю и заговор против царя, ближних его людей, бояр, сокольничих, воевод. Выезд без разрешения царской власти в другое государство с целью измены царю, поджог царских грамот, подделка денег, недонесение об измене, хранение подложных царских грамот и даже обнажение оружия в присутствии царя карались смертной казнью.

Столь широкий круг государственных преступлений, виновные в совершении которых подвергались лишению

---

[1] См.: Кистяковский А. Исследование о смертной казни. Киев, 1867, с. 169.

[2] См.: Сергеевский Н. Д. Наказание в Русском праве XVII века. СПб., 1887, с. 83.

жизни, объяснялся тем, что еще слишком свежо было воспоминание об ужасах смутного времени, а возрастание крестьянских волнений и бунтов заставляло представителей господствующего класса ввести систему мер устрашения, обеспечивающих его безопасность. Устрашительный элемент кары пронизывает весь этот законодательный акт. «Уложение 1649 года как бы видит в каждом члене общества действительного или предполагаемого «лихого человека» и спешит застращать его угрозой жестокой кары с тем, чтобы удержать от правонарушений»[1]. «К этому времени общество и власть стали говорить совсем, что называется, на разных языках и начали подозревать друг друга»[2], — отмечал С. К. Викторский.

Смертной казнью наказывались и религиозные преступления, т. е. преступления против церкви. К ним относились, например, богохульство и церковный мятеж. Тягчайшими религиозными преступлениями считались: учинение драки в церкви, сопровождающейся убийством, а также обращение в басурманскую веру путем насилия и обмана.

Смертью карались особо опасные преступления против личности и собственности: убийство, отравление, поджог, повторный разбой, укрывательство опасных преступников, изнасилование ратными людьми, мучительство, торговля табаком. По нашим подсчетам смертная казнь могла быть назначена за 63 преступления.

Уложение 1649 года предусматривало пять видов исполнения смертной казни. Однако правоприменительная практика не ограничивалась ими, а прибегала и к другим способам приведения в исполнение этой меры наказания. Смертная казнь подразделялась на обыкновенную, или простую, и квалифицированную. К обыкновенной относились: отсечение головы, повешение и утопление. К квалифицированной — сожжение, залитие горла металлом, четвертование, колесование, закапывание в землю по плечи, посажение на кол и др.

Смертная казнь через повешение придавала оттенок уничижения осужденного и применялась согласно Уложению к военным, перебежавшим к неприятелю («за измену ратных дел»). Утопление применялось, главным образом,

[1] Загоскин Н. П. Указ. соч., с. 43.
[2] Викторский С. К. Указ. соч., с. 64.

в тех случаях, когда экзекуция производилась в широких масштабах. Этот вид исполнения смертной казни был известен и ранее. Так, в 1607 году по распоряжению царствовавшего тогда Василия Шуйского до четырех тысяч пленных мятежников каждую ночь выводили сотнями и убивали, ударяя дубиной по голове, а тела спускали под лед в реку Яузу. Сожжение заживо применялось к осужденным за религиозные преступления. Преступников сжигали или на обыкновенном костре, или в деревянном срубе, иногда предварительно заключив в металлическую клетку. Как вид смертной казни сожжение практиковалось на Руси уже в XIII веке. Истоки этого изуверского наказания следует искать в византийском праве. Сожжение еретиков широко практиковалось испанской инквизицией. Во второй половине XVII века сожжение в России особенно часто применялось в отношении раскольников за их упорство к «старой вере». Жертвой сожжения был известный религиозный и общественный деятель — протопоп Аввакум. Этот вид смертной казни осуществлялся путем сожжения на медленном огне, что представляло собой постепенное копчение преступника. В 1701 году этот способ сожжения был применен к некому Гришке Талицкому и его соучастнику Савину за распространение возмутительных «тетрадей» (листовок) о Петре I. Обоих осужденных в течение восьми часов окуривали едким составом, от которого у них вылезли все волосы на голове и бороде и все тело медленно тлело, как воск. В конце концов их обезображенные тела были сожжены вместе с эшафотом[1].

На Руси, особенно при Иване Грозном, применялся и такой варварский способ смертной казни, как кипячение в масле, вине или воде. Иван Грозный казнил этим способом государственных изменников. Особенность этой лютой казни заключалась в том, что приговоренного сажали в котел, наполненный жидким веществом, вдевали его руки в специально вмонтированные в котел кольца и ставили котел на огонь, медленно подогревая жидкость. Такая казнь была сопряжена с невыразимыми муками.

К квалифицированному виду смертной казни относи-

---

[1] Подробнее о сожжении на Руси см.: Берхин. Сожжение на Руси в XVII — XVIII веках. — Русская старина, 1885, т. 45.

лось и залитие горла расплавленным свинцом. Применялся этот вид смертной казни исключительно к фальшивомонетчикам. В 1672 году этот вид смертной казни был заменен отсечением обеих ног и левой руки преступника.

Четвертование применялось за оскорбление государя, за покушение на его жизнь, иногда и за измену, а также за самозванство. Это была самая страшная казнь. Преступнику отрубали все четыре конечности, а затем голову. Этот способ казни применялся на Руси еще в XV веке. В первой половине XVII века был четвертован самозванец Анкудинов, выдававший себя за царя Василия Шуйского, когда тот был в польском плену. Четвертование было применено и к Степану Разину.

Колесование получило широкое распространение с введением Воинского устава Петра I. Вот как описывает порядок исполнения этого вида смертной казни профессор А. Ф. Кистяковский: «Способ колесования состоял в следующем: к эшафоту привязывали в горизонтальном положенее андреевский крест, сделанный из двух бревен. На каждой из ветвей этого креста делали две выемки, расстоянием одна от другой на один фут. На этом кресте растягивали преступника так, чтобы лицом он обращен был к небу; каждая оконечность его лежала на одной из ветвей креста и в месте каждого сочленения он был привязан к кресту. Затем палач, вооруженный железным четвероугольным ломом, наносил удары в часть члена между сочленением, которая как раз лежала над выемкою. Этим способом переламывали кости каждого члена в двух местах. Операция оканчивалась двумя или тремя ударами по животу и переламыванием станового хребта. Разломанного таким образом преступника клали на горизонтально поставленное колесо так, чтобы пятки сходились с заднею частью головы, и оставляли его в таком положении умирать» [1].

Такой квалифицированный вид смертной казни, как закопание («окопание») заживо в землю, назначался за убийство мужа. По свидетельству подъячего посольского приказа Г. К. Котошихина, осужденная за убийство мужа зарывалась живой в землю по плечи, с завязанными за спиной руками. В таком положении осужденная находи-

---

[1] Кистяковский А. Ф. Указ. соч., с. 257.

лась до тех пор, пока не умирала от голода, холода и жажды. К ней приставлялась стража, которая должна была наблюдать, чтобы никто не давал закопанной в землю пищи и воды. Прохожим позволялось только бросать деньги, которые употреблялись на покупку ей гроба и свечей. Пока окопанная оставалась жива, к ней приходил духовник, который напутствовал ее и молился о спасении ее души при зажженных свечах. Смерть осужденной при окопании наступала, как правило, на второй или третий день, а иногда на седьмой, восьмой или даже на двенадцатый. Был случай, когда осужденная к смертной казни путем закопания скончалась только на тридцать первый день[1].

В романе С. Чапыгина «Степан Разин» описывается этот варварский мучительный способ исполнения смертной казни. Он применялся вплоть до середины XVIII века.

И, наконец, последним квалифицированным видом смертной казни являлось посажение на кол, которое применялось, как и четвертование, преимущественно к бунтовщикам и «воровским изменникам». В 1614 году на кол публично был посажен сообщник Марины Мнишек Заруцкий. Этот вид казни был исключителен по своей мучительности: от тяжести тела казнимого кол медленно проникал во внутренности его и выходил наружу из груди или между лопатками. Иногда с целью усугубить мучения на колу делалась, невдалеке от его острого конца, особая перекладина, которая задерживала спускание по колу тела и тем самым на день или даже на два замедляла смерть, оставляя казненного в адских страданиях; иногда во время сидения преступника на колу производился последний допрос, а священник давал напутствие[2].

Уложение 1649 года, закрепляя смертную казнь, в целом ряде случаев не указывало ее вида; это свидетельствует о том, что в XVII веке не придавалось серьезного значения индивидуализации вины и наказания. В многочисленных исследованиях о смертной казни в России обращается

---

[1] См.: Котошихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1906.

[2] Все виды смертной казни, существовавшие в русском уголовном законодательстве в XVII и XVIII веках, подробно освещены в монографии: Сергеевский Н. Д. Смертная казнь в России в XVII и в первой половине XVIII века. — Журнал гражданского и уголовного права, 1884, кн. 9.

внимание на тот факт, что приговоренные к смертной казни получали духовное напутствие. По Уложению, им давали шесть недель для покаяния, после чего они допускались к причастию. Казнь осуществлялась на третий день после причастия. Осужденному к смертной казни приговор зачитывался публично. К месту казни он шел с зажженной восковой свечой. По праздникам и в дни поминания царских особ не казнили.

«Не довольствуясь ужасами этих разнообразных видов смертной казни, практика еще усугубляла их квалификацией, стремясь придать им как можно более устрашительный характер. Самую экзекуцию обставляли возможно большею гласностью и публичностью, устраивая торжественные процессии к месту казни, а трупы или части тела казненных выставлялись на месте казни с тем, чтобы вид казненных производил на прохожих устрашительное впечатление. Иногда казненные подолгу оставлялись на виселицах, на колу или на колесе; при четвертовании отрубленные члены выставлялись в разных концах города или прибивались к деревьям, по дорогам, а голова казненного водружалась в публичном месте воткнутою на кол» [1].

Трудно точно установить число казненных в России во второй половине XVII и в первой половине XVIII века. Так, на протяжении трех месяцев после подавления восстания Степана Разина «наводили порядок» карательные экспедиции. Всех уличенных в сколько-нибудь отдаленном участии в восстании немедленно вешали, четвертовали, колесовали, сажали на кол и т. д. Только в одном Арзамасском уезде было казнено свыше 10 тысяч человек.

По свидетельству современников, при Алексее Михайловиче было казнено в течение нескольких лет 7000 человек, причем бывали случаи, когда число казней в один день достигали 150. При Петре I число казненных считали сотнями, и бывали случаи, когда в течение месяца подвергали казни более 1000 человек. В 1698 году только за один месяц было казнено 1166 человек.

Удивительно, что ужасы повешения, колесования, четвертования и другие изуверские способы смертной казни нисколько не возмущали общественное мнение, не противо-

---

[1] Загоскин Н. П. Указ. соч., с. 57 — 58.

речили правосознанию масс. Ужасы смертной казни не производили какого-либо потрясающего впечатления, не вызывали протеста и отвращения, писал русский дореволюционный криминалист профессор Андрей Антонович Пионтковский, на палача не смотрели с презрением. Его роль как исполнителя закона признавалась почетной, и бывали случаи, когда в качестве палачей выступали лица из «общества», занимающие то или иное видное служебное положение, даже сам Петр не чуждался этой роли и, как известно, собственноручно отсек головы у пяти стрельцов[1].

Законодательство эпохи Петра I чаще обращается к смертной казни по сравнению с Уложением 1649 года. Воинские артикулы Петра I и другие многочисленные уголовно-правовые акты этого периода насчитывают применение смертной казни в 123 случаях[2]. Цель этой кары состояла в устрашении, а вся карательная система петровской эпохи была в целом «устрашительной». «Сколько бы голов ни приходилось снять с плеч, кому бы ни принадлежали эти головы, — писал профессор Н. Д. Сергеевский, — они должны были свалиться без всяких рассуждений, на страх другим, ради истребления враждебных государственному порядку сил»[3].

Сами осужденные к смертной казни и все общественное мнение были проникнуты сознанием того, что казни совершаются во имя устрашения. Например, во время одной из казней взбунтовавшихся стрельцов стрелец Оброська Петров «...ибо к той казни шедши, дерзновенно при своем прощении перед всем народом голос его со слезами о тех воровских своих винах чистое покаяние свое приносил, объяви подлинно, что поистине он такой поносной смерти достоин, и чтобы другие, на его смерть смотря,

---

[1] Пионтковский А. А. Смертная казнь в Европе. Казань, 1908, с. 71.

[2] По подсчетам Н. Д. Дурманова и П. С. Ромашкина, смертная казнь предусмотрена в 74 артикулах из 209 в качестве безусловного наказания и 27 артикулах как наиболее тяжкое наказание наряду с другими наказаниями, т. е. альтернативно. Кроме того, смертная казнь установлена в «Патенте о поединках и зачинании спор» и упоминается в ряде других законов. См.: Дурманов Н. Д. Введение к памятникам уголовного права эпохи Петра I. — В сб.: Памятники русского права. Вып. 8. М., 1962; Ромашкин П. С. Основные начала уголовного и военно-уголовного законодательства Петра I. М., 1947.

[3] Сергеевский Н. Д. Указ. соч., с. 70.

явно казнились, и перед от такого погибельного случая и от действия себя оберегали». Помимо преступлений, за которые предусматривалась смертная казнь Уложением 1649 года, а оно продолжало действовать и в петровскую эпоху, смертная казнь назначалась еще за 13 видов: измена, богохульство, идолопоклонничество, чародейство, чернокнижество, святотатство, сопротивление начальству, раздирание и вычернение указов, препятствование исполнению казни, неправосудие, лихоимство, лжеприсягу, расхищение, подлог, поединок, изнасилование, мужеложство, блуд, разбой, грабеж, похищение денег из кошелька и др.

Введение смертной казни за отдельные преступления обосновывалось государственными интересами. Когда Петр I начал строительство флота, столь необходимого для укрепления могущества России и способного «прорубить окно в Европу», он обратил свои заботы на сохранение леса, который нужен был для кораблестроения. В этих целях 19 ноября 1703 года был издан указ, запрещающий в определенных местностях рубку леса. За порубку же дубового леса виновные карались смертной казнью. (Следует, однако, отметить, что на практике смертная казнь за порубку леса практически не применялась.)

В эпоху Петра I широко применялась смертная казнь по жребию. Так, за драку на спорных землях двадцатого по жребию убивали.

Такое обилие санкций в законодательстве Петра I, предусматривающих смертную казнь, наводит на мысль о чрезмерной жестокости этих законов. Однако жестокость петровского законодательства «это — не бесцельная жестокость, практикуемая всегда и во чтобы то ни стало, это сознательная политика, проводимая во имя охраны государственного порядка. Правда, этому порядку приносилось в жертву все; его интересы нередко совершенно заглушали интересы личности, нравственности и прочее, откуда, на наш взгляд, и вытекало потом так много болезненных последствий для правильного роста нашего общественного развития», — писал крупный исследователь законодательства петровской эпохи профессор А. Н. Филиппов[1].

Петр I, вошедший в историю как великий преобразова-

[1] См.: Филиппов А. Н. О наказании по законодательству Петра Великого в связи с реформой. М., 1891, с. 145.

тель России, боролся с варварством варварскими же методами. Огромные успехи были достигнуты путем жесточайшего угнетения народа. Петр I и его сподвижники были убеждены в целесообразности жесточайших наказаний для коренных преобразований России. Так, Петр I в приложении к письму от 12 апреля 1708 года, давая указания Долгорукому, писал, что ему следует «самому ж ходить по тем городкам и деревням, которые пристают к воровству, и оные жечь без остатку, а людей рубить, а заводчиков на колеса и колья (колесовать и сажать на кол. — *О. Ш.*), дабы тем удобнее оторвать охоту к приставанию... к воровству людей, ибо сия сарынь, кроме жесточи, не может унята быть» [1]. Таким образом, деспотичность Петра проявлялась в том, что он «...кровью заставлял расплачиваться тех, кто оказывал непослушание» [2].

И все же смертная казнь в эту эпоху применялась значительно реже, чем предусматривалась в законодательстве, зачастую она заменялась другими наказаниями, за многие виды преступлений вообще не применялась. Последнее обстоятельство лишний раз свидетельствует о том, что в петровскую эпоху идея устрашения достигла своего апогея.

Человек в этот период был целиком порабощен государством. В нем не видели личность, обладающую честью, достоинством и рядом других социальных ценностей, требующих охраны со стороны государства и закона. Человек рассматривался лишь как материал, «который может быть годен государству для достижения его целей и который поэтому заслуживает государственной защиты, но который одновременно, а именно при впадении человека в преступление, теряет для государства всякую цену, и с которым оно вольно поступать, как ему заблагорассудится» [3].

Какие же способы приведения в исполнение смертной казни преобладали в петровскую эпоху?

Воинский артикул определял способ исполнения смертной казни в 56 случаях, а в остальных не указывал его, предоставляя усмотрению суда.

---

1 Голиков. Деяния Петра Великого. Т. XIV. М., 1842, с. 533.
2 Листовки петербургских большевиков. Т. 1. М., 1939, с. 88.
3 Викторский С. К. Указ. соч., с. 171.

Артикул предусматривал три вида смертной казни — аркебузирование, или расстрел, обезглавливание и повешение.

Аркебузирование введено было только для военнослужащих. Этот способ смертной казни лишен признаков опозорения и не покрывал бесчестием имя расстрелянного. Применялся в 7 случаях.

Обезглавливание осуществлялось на плахе или на бревне мечом, а не топором, как это делалось до Петра I. Обезглавливание указано в 11 случаях. По свидетельству современников, во время казни стрельцов в Москве на Лобном месте Петр в нескольких случаях сам выполнял функции палача.

Повешение предусматривалось Воинским артикулом в 25 случаях. Оно являлось одним из древнейших способов применения смертной казни в России. К повешению прибегали на Руси еще задолго до того, как упоминание о смертной казни появилось в законе. Повешение, или вершение, представляло собой самый позорный вид смертной казни. Об этом способе говорилось и в Уложении 1649 года, и во многих последующих законодательных актах. В литературе можно встретить такое выражение: «Виселица была символом феодальной карательной системы». И, по сути дела, это действительно так.

Виселица устраивалась в виде двух столбов, соединенных вверху перекладиной, или в виде букв «Г» и «Т». Иногда сооружались большие и длинные виселицы, на них вешали одновременно несколько осужденных; пользовались также деревьями, на которых вешали по дорогам разбойников.

Наконец, бывали случаи повешения на плавучих виселицах-плотах, пущенных по течению больших рек. К повешению прибегали чаще, чем оно предусматривалось в законе, к нему обращались при подавлении бунтов, восстаний и крестьянских волнений, а также в случаях, когда хотели устрашить толпу видом повешенных, трупы которых долгое время оставались на виселицах.

Исключительной жестокостью характеризовалось уголовное законодательство периода царствования Анны Иоановны (1730 — 1740) и временщика Бирона. Вот как описывает этот период русский историк В. О. Ключевский: «Казнями и крепостями изводили самых видных русских

вельмож Голицыных и целое гнездо Долгоруких. Тайная розыскная канцелярия, возродившаяся из закрытого при Петре II Преображенского приказа, работала без устали, доносами и пытками поддерживая должное уважение к предержащей власти и охраняя ее безопасность; шпионство стало наиболее поощряемым государственным служением. Все казавшиеся опасными или неудобными подвергались изъятию из общества, не исключая и архиереев; одного священника даже посадили на кол. Ссылали массами, и ссылка получила утонченно жестокую разработку»[1].

Система наказаний включала в себя смертную казнь в виде отрубания головы, повешения, колесования, сажания на кол и сожжения; политическую смерть, кнуты, плети, батоги, шпицрутены; ссылку на галеры; каторжные работы; ссылку на поселение в Сибирь и другие места.

Смертная казнь считалась лучшим средством для достижения порядка и справедливости. По рекомендации представителей церкви она могла применяться к лицу, достигшему двенадцатилетнего возраста.

К существовавшим ранее способам применения смертной казни прибавилось еще подвешение на крюк за ребро, при котором железным крюком протыкали бок преступника с таким расчетом, чтобы крюк захватил ребро: казнимый должен был висеть боком со свешенными вниз руками, головою и ногами[2].

25 ноября 1741 года на русский престол взошла дочь Петра I Елизавета.

Известный историк второй половины XVIII века князь М. М. Щербатов утверждал, что Елизавета Петровна, отличавшаяся особенной набожностью, «идучи на свержение с престола Иоанна Антоновича, где крайняя ей опасность представлялась», усердно молилась перед этим богу и дала обет во все свое царствование, если ей удастся взойти на престол, никого не лишать жизни.

Современники то же самое рассказывали в начале XVII века и про царя Бориса Годунова: говорили, будто Годунов при восшествии своем на престол торжественно

---

[1] Ключевский В. О. Соч. Т. 4. Курс русской истории. Ч. 4. М., 1958, с. 295.

[2] См.: Гернет М. Н. Смертная казнь. М., 1913.

2 Зак. 702

обещал в течение пяти лет не утверждать ни одного смертного приговора [1].

Однако Елизавета Петровна только в 1744 году в опубликованном 7 мая сенатском указе предписала прекратить на территории России экзекуции над осужденными к смертной казни, заменив эту меру другими видами наказания. «Усмотрено в Правительствующем сенате, — говорится в этом указе, — что в губерниях и в провинциях, и в городах, также и в войске и в прочих местах Российской империи смертные казни и политическую смерть чинят не по надлежащим винам, а другим и безвинно». В силу этого указ повелевал для лучшего рассмотрения присылать в Сенат «обстоятельные перечневые выписки» из всех дел, по которым состоялись смертные приговоры, и до получения из Сената соответствующих указов в исполнение этих приговоров не приводить, руководствуясь тем же правилом и в «будущее время». Из смысла этого документа вытекает, что смертная казнь не была отменена при Елизавете, но было приостановлено действие этого вида наказания — впредь «до указа».

Приостановление исполнения приговора к смертной казни до особого указа Сената привело к тому, что тюрьмы оказались переполнены людьми, осужденными к этому суровому виду наказания. И только через десять лет, 30 сентября 1754 года, издается указ, в котором подтверждается, что «приговоренным к смертной казни смертной экзекуции до рассмотрения и точного о них указа не чинить», а для того, чтобы осужденные не оставались безнаказанными, — предписывается ссылать их в Рочервик и в иные места, подвергать жестокому наказанию кнутом, рвать ноздри и клеймить словом «вор».

Весь гуманизм и добрые пожелания Елизаветы лопались как мыльные пузыри в результате замены смертной казни «жестоким наказанием кнутом». По ироническому и довольно меткому замечанию князя М. М. Щербатова: «кнут палача — горше четвертования», ибо наказание кнутом обрекало осужденного на медленную и мучительную смерть.

В 1754 году была создана седьмая по счету, начиная

---

[1] Щербатов М. М. Размышление о смертной казни. Кн. I. М., 1860, с. 56.

с конца XVII века, колификационная комиссия, в задачу которой входило составление проекта нового уложения. В апреле 1755 года комиссия направила в сенат две части проекта: «судную» и «криминальную».

Сенат одобрил обе части проекта и представил их на утверждение императрице. Однако Елизавета Петровна их не утвердила. Ее смущала опять-таки смертная казнь, изобиловавшая в криминальной части проекта. Кроме обыкновенных видов смертной казни — отсечения головы и повешения, в проекте фигурировали сожжение, колесование, залитие горла раскаленным металлом, повешение за ребро и, наконец, неведомая ранее русскому уголовному законодательству — разорвание на части пятью лошадьми, назначаемое за тяжкие политические преступления. Смертная казнь по проекту могла назначаться даже за кражу на сумму свыше 40 рублей и за любую кражу, совершенную в третий раз. Указы Сената от 25 мая и 18 июня 1753 года предписывали заменять смертную казнь другими наказаниями — вечной ссылкой на каторжные работы после публичного наказания кнутом и клеймения. Практически смертная казнь сохранялась только за государственные, воинские и карантинные преступления.

Таким образом, несмотря на все попытки Елизаветы отменить смертную казнь, ее благие намерения в решении этого вопроса привели лишь к формальному исключению смертной казни, ибо она оставалась в замаскированном виде — в форме засечения кнутом, плетьми, батогами, розгами.

Гуманные побуждения русской императрицы не нашли поддержки ни у дворянства, ни у представителей тогдашней чиновничье-бюрократической системы. Напротив, вызвали определенное противодействие воплощению идеи об отмене смертной казни. Да и сама императрица не была последовательна в реализации своего замысла, ибо проводимая ею линия на отмену смертной казни характеризовалась известной двойственностью. Об этом свидетельствуют сопоставление и анализ ряда изданных по ее велению законодательных актов. С одной стороны, она считала необходимым сохранение смертной казни для устрашения разбойников, а с другой — довольно четко выражала отвращение к смертным казням и приостанавливала их.

В эпоху царствования Екатерины II появляются новые

идеи как о наказании вообще, так и о смертной казни в частности. Эти идеи получили воплощение в екатерининском Наказе 1767 года. Он представлял собой концентрированное выражение идей «просвещенного абсолютизма». Создавая это произведение, Екатерина как бы отдавала пиетет Д'Аламберу, Вольтеру, Дидро и Монтескье, широко используя произведения западноевропейских просветителей. Не разделяя атеистические идеи просветителей, императрица уже в самом начале помещает обращение к богу. В нашу задачу не входит анализ этого труда Екатерины II, но поскольку в нем ряд статей посвящен проблемам смертной казни, то именно под этим углом зрения мы его кратко рассмотрим. Следует отметить, что Наказ не имел практического значения, ибо ему не была придана сила законодательного акта. В этом произведении, являющемся важным историческим документом второй половины XVIII века, было выражено философско-этическое, политическое и правовое кредо Екатерины II.

В Наказе по вопросам уголовного наказания воспроизведены многие идеи и положения Вольтера, Монтескье и Беккариа. Наказ был направлен на отзыв Дидро и Вольтеру.

Екатерина проводит мысль о необходимости соответствия наказания преступлению и о назначении различных наказаний за различные преступления. Наказание должно быть «скорое, потребное для общества, умеренное сколь можно при данных обстоятельствах, уравненное с преступлением и точно показанное в законах».

Цель наказания, по мнению Екатерины, состоит не в том, «чтоб мучить тварь чувствами одаренную; они на тот конец предписаны, чтоб воспрепятствовать виноватому, дабы он впредь не мог вредить обществу, и чтобы отвратить граждан от соделания подобных преступлений». Несколько статей Наказа посвящено и смертной казни. Екатерина ставит вопрос в такой плоскости: «смертная казнь полезна ли и нужна ли в обществе для сохранения безопасности и доброго порядка?»

А в следующей статье дает ответ на этот вопрос, вполне ясный и определенный. «Опыты свидетельствуют, что частое употребление казней никогда людей не сделало лучшими: чего для если Я докажу, что в обыкновенном состоянии общества смерть гражданина ни полезна, ни

нужна, то Я преодолею восстающих против человечества. Я здесь говорю: в обыкновенном общества состоянии: ибо смерть гражданина может в одном только случае быть потребна, сиречь, когда он лишен будучи вольности, имеет способ и силу могучую возмутить народное спокойство. Случай сей не может нигде иметь места, кроме когда народ теряет, или возвращает свою вольность, или во время безначалия, когда самые беспорядки заступают место законов. А при спокойном царствовании законов и под образом правления соединенными всего народа желаниями утвержденным, в государстве противу внешних неприятелей защищенном, и внутри поддерживаемом крепкими подпорами, то есть силою своею и вкоренившимся мнением во гражданах, где вся власть в руках Самодержца: в таком государстве не может в том быть никакой нужды, чтоб отнимати жизнь у гражданина. Двадцать лет государствования Императрицы Елизаветы Петровны подают отцам народов пример к подражанию изящнейший, нежели самые блистательные завоевания». А в следующей статье говорится: «не чрезмерная жестокость и разрушение бытия человеческого производит великое действие в сердцах граждан, но непрерывное продолжение наказания». И наконец: «Смерть злодея слабее может воздержать беззакония, нежели долговременный и непрерывно пребывающий пример человека, лишенного своей свободы для того, чтобы наградить работою своею чрезо всю его жизнь продолжающеюся вред им сделанный обществу. Ужас, причиняемый воображением смерти, может быть гораздо силен, по забвению в человеке природному оной противустоять не может. Правило общее: впечатления во человеческой душе стремительные и насильственные тревожат сердце и поражают, но действия их долго в памяти не остаются. Чтобы наказание было сходно с правосудием, то не должно тому иметь большего степени напряжения как только, чтоб оно было довольно к отвращению людей от преступления. Итак, я смело утверждаю, что нет человека, который бы хотя мало подумавши, мог положити в равновесии, с одной стороны преступление, какие бы оно выгоды не обещало; а с другой всецело и со жизнию кончающееся лишение вольности» [1].

---

[1] Наказ ее Императорского Величества Екатерины Второй. СПб., 1820.

Из этих положений Наказа становится очевидным, что хотя Екатерина II была противницей смертной казни, однако допускала возможность ее применения в двух случаях: 1) если преступник, не будучи казнен, сможет и из места своего заключения «возмутить народное спокойствие»; 2) если «самые беспорядки заступают место законов», что бывает только во время «безначалия». Но если смертная казнь по Наказу принципиально допустима и может применяться во время беспорядков или во время «безначалия», то тем самым, как справедливо отмечал профессор Б. С. Ошерович, «открывался большой простор для ее применения, ибо при желании самые скромные требования народа, предъявляемые царским властям, могли быть признаны выражением безначалия и беспорядка»[1].

К вышеизложенному следует добавить, что в одной из статей Наказа, развивая свои соображения о смертной казни, Екатерина заявляет, что «гражданин бывает достоин смерти, когда он нарушает безопасность даже до того, что отнял у кого жизнь, или предпринял отнять». Другими словами, наказание смертной казнью рассматривается ею как «обратное воздаяние».

И, завершая свои рассуждения о смертной казни, Екатерина неожиданно заявляет, что «смертная казнь есть некоторое лекарство больного общества». Данное положение никак не согласуется со всеми предыдущими положениями Наказа о смертной казни.

Таким образом, в Наказе наличествует определенная двойственность в оценке смертной казни. И эта двойственность позволяет увидеть, что автор таких идей о смертной казни в своей практической деятельности окажется далеко не на высоте гуманности и высшей целесообразности, а «его дела, при первом же удобном случае, разойдутся со словом против смертной казни и будут скорее сочетаться с другим, хотя кратким, но более соответствующим природе автора»[2].

Прогрессивные и гуманные идеи Наказа не повлияли на

[1] Ошерович Б. С. Очерки по истории русской уголовно-правовой мысли (вторая половина XVIII века — первая четверть XIX века). М., 1946, с. 68.

[2] Викторский С. К. Указ. соч., с. 238.

законодательство о смертной казни и практику ее применения в этот период.

Например, 17 августа 1764 года Екатерина издала Манифест о казни путем четвертования подпоручика Смоленского пехотного полка Василия Мировича, организовавшего вместе с другими офицерами заговор в целях освобождения из Шлиссельбургской крепости заточенного в ней слабоумного царевича Ивана Антоновича (сына императрицы Анны Леопольдовны) и провозглашения его императором[1]. А 13 февраля 1766 года в изданной по указанию Екатерины Инструкции землемерам прямо указывалось на применение смертной казни за ряд преступных деяний с выводом дел о них из общей подсудности и передачей в военные суды.

После волнений заводских крестьян русская императрица — «поборница гуманности» — предлагала жалующихся на заводчиков «драть в Москве на разных площадях в торговый день плетьми с барабанным боем».

Когда читаешь о казнях, которым были подвергнуты Емельян Пугачев и его сподвижники, то трудно поверить, что они имели место после опубликования Наказа. В Указе от 10 января 1775 года было сказано: «Пугачеву учинить смертную казнь, четвертовать, голову взоткнуть на кол, части тела разнести по четырем частям города и положить на колеса, а после на тех же местах сжечь... Перфирьева... четвертовать в Москве, Чике, он же и Зарубин... отсечь голову, и взоткнуть ее на кол для всенародного зрелища, а труп его сжечь с эшафотом купно».

Живым и ярким свидетельством казни Емельяна Пугачева в Москве на Болотной площади являются дошедшие до нас воспоминания Андрея Болотова, присутствовавшего при казни. Привожу их полностью.

«Нам с господином Обуховым удалось, протеснившись сквозь толпу господ, пробраться к самому эшафоту и стать от него не более как сажени на три, и с самой той восточной стороны, оного, где Пугачев должен был на эшафоте стоять для выслушивания читаемого ему се-

---

[1] Подробно о деле Мировича см.: Брикнер А. История царствования Екатерины Второй. СПб., 1888. Т. 2; Роман Белоусов. «Шлиссельбургская нелепа» и Мирович ее виновник. — В кн.: Тайна Иппокрены. М., 1978.

натского приговора и сентенции (судебного приговора. — *О. Ш.*).

Итак, имели мы наивыгоднейшее и самое лучшее место для смотрения: и покуда его довезли, и довольно времени для обозрения эшафота и всего окружающего оный довольно еще просторного порожнего внутри круга. Эшафот воздвигнут был посреди оного, четверосторонний, вышиною аршин четырех и обитый снаружи со всех сторон тесом и с довольно просторным наверху помостом, окруженным баллюстрадом. Вход на него сделан был только с одной стороны по лестнице. Посреди самого сего помоста воздвигнут был столб, с воздетым на него колесом, а на конце утвержденным на него железною острою спицею. Вокруг эшафота сего в расстоянии сажен на двадцать поставлено было кругом и со всех сторон несколько виселиц, не выше также аршин четырех или еще ниже, и с висящими на них петлями и приставленными лесенками. Мы увидели подле каждой из них приготовленных уже палачей и самых узников, назначенных для казни, держимых тут стражами. А таким же образом лежали некоторые и другие из их злодейского общества, скованные, при подножии самого эшафота.

Не успела колесница подъехать с злодеем к эшафоту, как схватили его с ней и взведя по лестнице на верх оного, поставили на краю восточного его бока, против самых нас. В один миг наполнился тогда помост множеством палачей, узников и к ним приставов, ибо все наилучшие его наперсники и друзья долженствовали жизнь свою кончить вместе с ним на эшафоте, почему и приготовлены уже были на всех углах и сторонах оного плахи с топорами.

Подле самого же Емельки Пугачева явился тотчас секретарь, с сенатским определением в руках, а перед ним, внизу и подле самых нас, на лошади верхом, бывший тогда обер-полицмейстер г. Архаров. Как скоро все установилось, то и началось чтение сентенции... Но нас занимало не столько слушание читаемого, как самое зрение на осужденного злодея... Он стоял в длинном нагольном овчинном тулупе, почти в онемении и сам вне себя и только что крестился и молился. Вид и образ его показался мне совсем не соответствующим таким деяниям, какие производил сей изверг. Он походил не столько на зверообразного какого-нибудь лютого разбойника, как на какого-либо

маркитантщика (торговца в харчевне, в трактире или торговца, следующего в походе за войском. — *О. Ш.*) или харчевника плюгавого. Бородка небольшая, волосы всклоконенные и весь вид ничего незначущий и столь мало похожий на покойного императора Петра третьего, которого случалось мне так много раз и так близко видать, что я, смотря на него, сам себе несколько раз в мыслях говорил: — Боже мой! До какого ослепления могла дойтить наша глупая и легковерная чернь, и как можно было сквернавца сего почесть Петром третьим!

Между тем, как ни пристально мы на него смотрели, однако успели оглянуться и назад на стоящие вокруг эшафота виселицы. На них увидели мы всех осужденных к смерти, взведенных на лестницы с надетыми на головы их тюриками[1] и с возложенными на шеи их уже петлями, а палачей, державших их и готовых при первом знаке столкнуть их с лестниц. И как назначено было им в одну секунду умереть с своим начальником, то по самому тому и не могли мы видеть самое произведение их казни, которую, как думаю, и никто не видал, ибо всех глаза устремлены были на эшафот и на Пугачева.

Как скоро окончили чтение, то тотчас сдернули с осужденного на смерть злодея его тулуп и все с него платье, и стали класть на плаху для обрубания, в силу сентенции, наперед у него рук и ног, а потом и головы. Были многие в народе, которые думали, что не впоследствует ли милостивого указа и ему прощения, и бездельники того желали, а все добрые того опасались. Но опасение сие было напрасное: преступление его было не так мало, чтобы достоин он был какого помилования; к тому ж и императрица не хотела сама и мешаться в это дело, а предала оное в полное и самовластное решение сената; итак, должен он был неотменно получить достойную мзду за все его злодейства.

Со всем тем произошло при казни его нечто странное и неожиданное, и вместо того, чтоб, в силу сентенции, наперед его четвертовать и отрубить ему руки и ноги, палач вдруг отрубил ему прежде всего голову, и богу уже известно, каким образом это сделалось: не то палач был

[1] Тюрик, тюрюк — здесь холщевый колпак, который надевался на преступника во время смертной казни.

к тому от злодеев подкуплен, чтоб он не дал ему долго мучиться, не то произошло от действительной ошибки и смятения палача, никогда еще в жизнь своей смертной казни не производившего; но как бы то ни было, но мы услышали только, что стоявший там подле самого его какой-то чиновник вдруг на палача с сердцем закричал:

— Ах сукин сын! Что ты это сделал?

И потом: — Ну, скорее — руки и ноги.

В самый тот момент пошла стукотня и на прочих плахах и вмиг после того очутилась голова Пугачева, взоткнутая на железную спицу на верху столба, а отрубленные его члены и кровавый труп, лежащий на колесе. А в самую ту ж минуту столкнуты были с лестниц и все висельники, так что мы, оглянувшись, увидели их всех висящими и лестницы отнятые прочь. Превеликий гул от аханья и многого восклицания раздался тогда по всему несчетному множеству народа, смотревшего на сие редкое и необыкновенное зрелище.

Сим образом совершилась сия казнь и кончилось сие кровавое и странное позорище.

Надлежало потом все части трупа сего изверга развозить по разным частям города и там сожигать их на местах назначенных, а потом прах рассевать по воздуху»[1].

В воспоминаниях А. Болотова, не преисполненных сочувствия к Пугачеву, имеется один существенный пробел: ничего не сказано об обращении Пугачева перед самой казнью с эшафота к народу, заполонившему Болотную площадь. Этот пробел восполняется свидетельством другого очевидца казни — И. И. Дмитриева: «По прочтении манифеста, — читаем мы у этого автора, — духовник сказал несколько слов и сошел с эшафота. Читавший манифест последовал за ним. Тогда Пугачев сделал с крестным знаменем несколько земных поклонов, обратясь к соборам, потом с уторопленным видом стал прощаться с народом: кланялся во все стороны, говорил прерывающимся голосом: «Прости, народ православный, отпусти, в чем я согрубил перед тобою, прости народ православный».

При сем слове экзекутор дал знак: палачи бросились

[1] Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. Том третий: 1771 — 1795 гг. М., 1931, с. 189 — 193.

раздевать его; сорвали белый бараний тулуп, стали раздирать рукава щелкового малинового полукафтана. Тогда он всплеснул руками, опрокинулся навзничь, и вмиг окровавленная голова уже висела в воздухе»[1].

И все это происходило в эпоху Екатерины II спустя 10 лет после опубликования Наказа.

Как будто не было и приостановления действия смертной казни, введенного Елизаветой Петровной. Все это воскрешало мрачную эпоху многочисленных смертных казней при Алексее Михайловиче и Петре I.

При подавлении пугачевского восстания граф Никита Панин предлагал на виселицах и колесах «казнить злодеев и преступников подлого состояния, не останавливаясь за изданными о удержании над преступниками смертной казни Всемилостивейшими Указами».

Таким образом, у Екатерины слова резко расходились с делом; стремление казаться в глазах передовой мировой общественности прогрессивной и гуманной правительницей, заигрывание с Вольтером и Дидро находилось в резком противоречии с условиями русской действительности второй половины XVIII века, характеризующейся усилением крепостнического гнета и нещадной эксплуатацией народа.

И тем не менее, идеи, высказанные в Наказе, имели широкий общественный резонанс и получили распространение в передовых слоях России той эпохи. Если реакционные круги русского общества, дворянство и чиновничье-бюрократический аппарат не восприняли идей Наказа и не собирались вносить изменения в уголовное законодательство на его основе, то основные прогрессивные положения этого документа оказали огромное влияние на формирование новых уголовно-правовых взглядов целого ряда поколений.

Справедливости ради следует отметить, что вся жестокость уголовных наказаний в русском государстве в XVII и XVIII веках не идет ни в какое сравнение с жестокостями испанской инквизиции, ужасами «Каролины» и прочими изощренными формами мучительных наказаний, предусмотренных уголовным законодательством средневековых государств Западной Европы. Профессор Н. Д. Сергеевс-

---

[1] Дмитриев И. И. Взгляд на мою жизнь. М., 1866, с. 29 — 30.

кий справедливо отмечал: «грубы и жестоки были формы смертной казни в России, но до такого разнообразия и утонченности способов лишения жизни преступников, до таких сложных приспособлений к увеличению страдания преступника, какие мы находим в Западной Европе, наше отечество никогда не доходило»[1].

Во второй половине XVIII века в русском уголовном законодательстве наблюдается тенденция к сокращению смертной казни, а на практике — к ограничению ее применения.

Если в XVII и первой половине XVIII века система наказаний соответствовала существовавшим феодально-крепостническим отношениям и не вызывала протеста даже со стороны многих прогрессивных мыслителей эпохи, то во второй половине XVIII века картина резко меняется. «Прогрессивность тех или иных взглядов по вопросам уголовного права, — писал профессор М. Д. Шаргородский, — определялась в этот период отношением к телесным и членовредительским наказаниям, отношением к требованиям отмены или ограничения применения смертной казни и уничтожения различных наказаний для разных сословий. Эти специальные требования неизбежно соединялись с общеполитическим требованием отмены крепостного права»[2].

Передовые русские мыслители рассматриваемого периода находились под воздействием прогрессивных идей западноевропейских просветителей XVIII века. Развивая их учение, они старались преломить его под углом зрения российской действительности, исходя из экономических и политических условий России.

Первым русским профессором-юристом, в чьих трудах получили выражение политико-правовые взгляды просветителей второй половины XVIII века, был С. Е. Десницкий (1740 — 1789). Среди его многочисленных работ далеко не последнее место занимает книга «Слово о причинах смертных казней по делам криминальным» (М., 1770).

---

[1] Сергеевский Н. Д. Русское уголовное право. Часть Общая. СПб., 1911, с. 117. Аналогичное мнение было высказано и профессором С. В. Познышевым. См.: Познышев С. В. Основные начала науки уголовного права. Общая часть. М., 1912, с. 476.

[2] Шаргородский М. Д. Наказание по уголовному праву эксплуататорского общества. М., 1957, с. 271.

В ней он выступает ярым противником смертной казни и весьма аргументированно утверждает, что «...нет в свете кроме смертоубийства иного греха, который бы в чувствовании непристрастных и посторонних зрителей заслуживал смертного наказания». Ярым противником смертной казни был и А. Н. Радищев. В «Проекте для разделения Уложения Российского» он указывал: «аксиомою поставить можно, что казнь смертная совсем не нужна (разве из сожаления и по выбору преступника), что всякая жестокость и уродование не достигают в наказании своей цели»[1]. В книге «Житие Федора Васильевича Ушакова» А. Н. Радищев утверждал, что «...смертное наказание не может быть ни полезно, ни нужно в государстве»[2], а в трактате «О человеке» содержится обращение к законотворцам: «А ты, о превратнейший из всех, ибо употребляешь насилие власти, о законодавец тигр. Почто дерзаешь уродовать богообразие человека»[3]. В «Проекте для разделения Уложения Российского» сказано также: «Польза наказания телесного есть (по крайней мере для меня) проблема недоказанная. Оно цели своей достигает ужасом. Но ужас не есть спасение и действует лишь мгновенно»[4]. В предлагаемой им системе наказаний смертная казнь отсутствует.

Другой прогрессивный общественный деятель России того периода, товарищ и соученик А. Н. Радищева в период учебы в Лейпциге, Ф. В. Ушаков также был противником смертной казни. В своей книге «О праве наказаний и о смертной казни» он ставит вопрос: «Смертная казнь, нужна ли и полезна ли в государстве, то есть в обществе людей, законами управляемом?» И отвечает на него так: «...смертная казнь никогда долговременного не производит впечатления и, поражая сильно и мгновенно души, бывает тем и недействительна»[5]. Ф. В. Ушаков был противником признания возмездия целью наказания. Наказание должно исправлять человека, а «...смертная казнь удивляет, но не

---

[1] Радищев А. Н. Полн. собр. соч. Т. 3. М.-Л., 1952, с. 169.
[2] Радищев А. Н. Избранные философские сочинения. М., 1949, с. 243.
[3] Радищев А. Н. Полн. собр. соч. Т. 3, с. 170.
[4] Радищев А. Н. Материалы и исследования. М., 1936, с. 61.
[5] О взглядах Ф. В. Ушакова мы можем иметь представление по трудам А. Н. Радищева, в частности, по его книге «Житие Федора Васильевича Ушакова», где содержится подробнейший анализ его взглядов.

исправляет; она окрепляет, но не трогает; но впечатление медленное и продолжительное оставляет человеку полную власть над собою. Он соображает, сравнивает; следовательно, сие впечатление по существу своему есть действительнее, и тем полезнее. А если продолжительное впечатление глубокие в сердце человеческом оставляет черты, то долженствует следовать, что оно действует на человека сильнее»[1].

Следовательно, смертная казнь не достигает задачи частного предупреждения и вообще находится в противоречии с целями частной и общей превенции. «Дабы смертная казнь производила свое действие, нужно, чтобы преступления были всечастны; ибо каждое примерное наказание предполагает вновь сделанное преступление; желать сего есть то же, что хотеть, чтоб самая та же вещь была сама по себе купно и другая вещь в одно время, следовательно, желать противоречия»[2]. Ф. В. Ушаков, выступая против смертной казни, был сторонником лишения свободы на длительные сроки, не исключая и вечную изоляцию от общества. Он также считал, что применение смертной казни способствует не сокращению, а росту преступности.

Но в этот период были и иные взгляды. Так, князь М. М. Щербатов (1733 — 1790) выступал за максимально суровые уголовные наказания, ибо строгость наказания, по его глубокому убеждению, сдерживает людей от совершения преступлений. В своем трактате «Размышления о смертной казни» М. Щербатов критикует путь, по которому движется русское законодательство. «Европа, — писал он, — видела сочинение Беккариа, воздала достойную хвалу его человеколюбивым мыслям, но оным нигде, кроме России, не последовали (намек на Наказ Екатерины. — *О. Ш.*)... Отцеубиец, разбойник, смертоубиец, обагренный кровью своих братьев, достоин ли какого милосердия?»[3], — вопрошает М. Щербатов и отвечает отрицательно. По его мнению, естественное право, «сходствуя с божественным законом», должно допускать смертную казнь. Эту меру следует применять также и в отношении «богохульца и развратника веры», «и предателя отечества».

---

1 Радищев А. Н. Избр. философские соч., с. 246—247.
2 Там же, с. 242.
3 Щербатов М. М. Указ. соч., с. 57.

М. Щербатов старался доказать, что смертная казнь — наиболее действенное наказание, и свои сообщения о целесообразности и незаменимости смертной казни он обосновывал ссылками на историю Древнего Рима. «Римляне, писал он, — никогда ни жестоким, ни варварским народом не почитались, а, однако, часто видели и казни, и в самых играх их... убиение и издыхание гладиаторов. Сам народ получал не жестокость, а твердость и безбоязненность смерти» [1].

Нетрудно заметить, что М. Щербатов был далек от конкретно-исторического подхода к оценке социальных процессов и явлений, не видел существенных различий, которые имели место в общественных условиях Древнего Рима и России второй половины XVIII века.

Сторонником смертной казни в русском уголовном законодательстве был и выдающийся русский поэт В. А. Жуковский (1783 — 1852). В статье «О смертной казни» он писал: казнь «не иное, что как представитель строгой правды, преследующей зло и спасающей от него порядок общественный, установленный самим богом. Смертная казнь, как угрожающая вдали своим мечом Немизида, как страх возможной погибели, как приведение, преследующее преступника, ужасна своим невидимым присутствием, и мысль о ней, конечно, воздерживает многих от злодейства» [2]. В. А. Жуковский, выступая против публичного совершения казни, полагал, что смертной казни следует придать «образ величественный, глубоко трогающий и ужасающий душу». Анализируя статью В. А. Жуковского «О смертной казни», Н. Г. Чернышевский не без иронии заметил, что она — «прекрасное свидетельство того, что идеализм и возвышенность чувств не мешают практической основательности» [3].

Таким образом, проблема «За и против смертной казни» довольно четко вырисовывается в общественно-политической мысли второй половины XVIII века.

В 1813 году был разработан новый проект Уголовного уложения. В нем впервые в истории русского уголовного законодательства была разработана система наказаний,

---

[1] Щербатов М. М. Указ. соч., с. 70.
[2] Жуковский В. А. Соч. Т. XI. СПб., 1857, с. 117 — 186.
[3] Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. Т. IV. М., 1948, с. 589.

включенная в Общую часть. Проект определял семь родов наказаний с подразделением их на разные степени: смертная казнь, лишение всех прав политических и гражданских (гражданская смерть); лишение свободы и чести, наказания позорные; бессрочное лишение свободы; денежные пени; церковное покаяние.

Только в 1824 году проект Уголовного уложения был внесен на рассмотрение Государственного Совета незадолго до кончины Александра I. Но этому проекту так и суждено было остаться проектом. Основная причина состояла в том, что серьезные возражения были высказаны относительно включения в систему наказаний смертной казни. Во главе решительных противников Проекта оказался адмирал граф Н. С. Мордвинов. Это был государственный и общественный деятель крупного масштаба, образованнейший для своей эпохи человек с весьма радикальными взглядами. Он выступал за превращение России из экономически отсталой, феодально-крепостнической в передовую капиталистическую державу. В области уголовного права он стоял на прогрессивных позициях и был абсолютным противником смертной казни. Его доводы сводились к следующему: смертная казнь в России отменена 70 лет назад императрицей Елизаветой и восстанавливать ее нет никакого резона. «Когда благодетельными самодержцами России отменена смертная казнь, то восстановление ее в новоиздаваемом Уставе (Уложении. — *О. Ш.*) при царствовании Александра I невольно приводит меня в трепет и смущение — тем более, что не доказано, что и российский народ сделался злонравнее и дерзновеннее на всякие преступления, — писал Н. С. Мордвинов, — а знатнейшие по уголовной части писатели признали и доказали ненадобность и бесполезность смертной казни, приводя всем другим народам в изящный пример тому Россию»[1]. Он полагал, что применение смертной казни не может способствовать сокращению преступности, и приводил следующие доводы против смертной казни в условиях России того времени: «при настоящей степени благочиния,

---

[1] Соображения графа Н. С. Мордвинова о смертной казни изложены им в трех его «Мнениях»: 1. О смертной казни; 2. Дополнительные статьи о смертной казни и 3. Указ о смертной казни. См.: Архив графов Мордвиновых, Т. 9, с. 15, 575.

при усовершенствовании гражданских законов и ограждений, при сближении всех сословий в правах и взаимных нуждах и обязанностях, при внутренней страже и сильнейшей деятельности правительства... заговоры, бунты и возмущения менее опасны, нежели за полвека тому назад оные быть могли». Н. С. Мордвинов считал, что смертная казнь недопустима даже при совершении покушения на жизнь императора и членов его семьи, а также при бунтах и народных восстаниях. В этих случаях, пишет он, «следует поставить самую высшую казнь, какие в разряде наказаний исчислены, *кроме смертной казни*».

Свое отрицательное отношение к смертной казни Мордвинов подкрепляет ссылками на положения Беккариа и статьи екатерининского Наказа. «Имеет ли, — говорит он, — человек право отнять у подобного себе то, чего, раскаявшись впоследствии, он не в силах ему возвратить? Судья, постановляющий смертный приговор, невольно чувствует душевное содрагание: не есть ли это напоминание ему совестью о том, что он принимает на себя ему не принадлежащее? Нравственный и всеобщий закон, воспрещающий убивать безоружного, должен ли измениться в своей правости в применении к обществу, а окованный, лишенный свободы, предаваемый смерти, по невозможности его быть далее вредным — не есть ли жертва бесполезная и невинная? ... Где часто казнят, — заключает он, — там день казни для развратных бывает днем удачного мошенничества и не служит для порочных исправлением».

Н. С. Мордвинов считал, что гораздо более действенными наказаниями являются лишение свободы, прав гражданства и каторжные работы. Вот его доводы: «Воин идет на смерть, ставя грудь против пуль и ядр за малый знак почести в петлицу.., но никто... не подвергнет ни жизни, ни благосостояния своего, если бы наравне со смертью, каторга ему предстояла... Сию же мысль можно отнести и к самоубийству. Самоубийцы предают себя смерти, но никто еще не предавал себя каторге» [1].

---

[1] Подробнее об уголовно-правовых взглядах графа Н. С. Мордвинова см.: Солодкин И. И. Очерки по истории русского уголовного права. Л., 1961, с. 49 — 63; Ошерович Б. С. Очерки по истории русской уголовно-правовой мысли. М., 1946, с. 91 — 112. Из дореволюционной литературы см.: Фельдштейн Г. С. Главные течения в истории науки уголовного права в России. Ярославль, 1909.

Мы не случайно довольно подробно остановились на высказываниях графа Н. С. Мордвинова о смертной казни, ибо никто до него в первой четверти XIX века с такой убедительностью и решительностью не выступал против этого наказания.

Мнения Н. С. Мордвинова были рассмотрены Государственным Советом, а его доводы признаны весьма убедительными, и проект Уложения 1813 года не был одобрен.

Любопытно, что император Александр I, знакомившийся с работой комиссии и знавший содержание Проекта, до его обсуждения не высказывался против включения в него смертной казни. Однако Александр I и не возражал, когда Проект провалили в Государственном Совете. В этом проявилась двойственность личности русского императора, то есть та черта характера, которая была подмечена многими историками.

В начале XIX века прогрессивные идеи в области уголовного права высказывались многими представителями передового дворянства, а также видными русскими криминалистами. Среди них были и ярые противники смертной казни. Так, видный русский юрист И. В. Лопухин, веря в исправимость даже самого закоренелого преступника, отрицательно относился к применению смертной казни даже и при исключительных обстоятельствах. «Она (смертная казнь. — *О. Ш.*), по моему мнению, бесполезна, — писал он. — Тяжкие наказания и заточения, употребляемые вместо смертной казни, при способах... исправления наказуемых, сохраняя их всегда на полезную для государства работою службу, столь же могут примером устрашать и удерживать от злодеяния, если еще не больше, как смертная казнь»[1]. Другими словами, И. В. Лопухин отдавал предпочтение лишению свободы, соединенному с трудом осужденных.

Резко отрицательное отношение к смертной казни прослеживается в трудах декабристов, особенно у П. И. Пестеля и Н. И. Тургенева.

П. И. Пестелем была разработана целая система буду-

---

[1] Записки некоторых обстоятельств жизни и службы действительного тайного советника сенатора И. В. Лопухина, сочиненные им самим. Кн. II. М., 1860, с. 8.

щего уголовного законодательства[1]. Он был противником смертной казни. Считая, что лишение жизни другого человека допустимо лишь в условиях необходимой обороны, П. И. Пестель был убежден, что государство не обладает правом лишать жизни даже преступника. Применяя смертную казнь, государство выходит за пределы необходимости «бессовестно и зловластно», полагал он. Ведь ошибаться свойственно всем, в том числе и судьям. В результате этого невиновный человек может быть привлечен к уголовной ответственности и необоснованно осужден. Поэтому следует назначать такие наказания, которые позволили бы исправить ошибку суда. Смертная казнь исключает возможность исправления судебной ошибки... «Всякое наказание, — писал Пестель, — должно быть налагаемо таким образом, чтобы возмездие, вознаграждение или удовлетворение были возможны. Смертная же казнь, соделывая всякое возмездие совершенно невозможным, по одной уже этой причине никогда уже не должна быть употреблена» [2].

Принципиальным противником смертной казни был и Н. И. Тургенев. «Императрица Елизавета Петровна уничтожила смертную казнь, — писал он. — Говорят, что суеверие было причиною сего.

Поспешим с благоговением почтить суеверие такого рода, — если бы монархи не имели других недостатков, кроме подобных, то народы были бы счастливы. В неудобности и жестокости кнута согласны. Уничтожение оного желают многие. Но почтим уничтожение и смертной казни и ограничим уголовные наказания простым заклейменением. Пусть такой закон милосердия ознаменует царствование Александра» [3].

Император Александр I, разумеется, не знал о пожеланиях Н. И. Тургенева, однако Уголовное уложение во время его царствования принято не было. И в этом, как мы убедились выше, несомненная заслуга графа Н. С. Мордвинова. Вообще при Александре I смертная казнь применялась крайне редко. Всего было казнено за 25 лет 24 челове-

---

[1] Подробнее об уголовно-правовых взглядах П. И. Пестеля см.: Солодкин И. И. Очерки по истории русского уголовного права. Л., 1961.

[2] См.: Восстание декабристов. Документы. Т. VII. М., 1958, с. 286.

[3] Дневники Н. И. Тургенева. Т. II. М., 1913, с. 328.

ка. При этом подавляющее большинство казней приходится на период Великой Отечественной войны 1812 года, когда приговоры к смертной казни выносились военно-полевыми судами.

Восшествие на престол императора Николая I ознаменовалось восстанием на Сенатской площади 14 декабря 1825 г., подавлением его и казнью пяти декабристов.

Суд над декабристами осуществлялся не высшим судебным органом России — Сенатом (хотя дела о преступлениях, затрагивающих основы государственного строя, были подсудны Сенату), а созданным в обход законам по указанию Николая I Особым судебным присутствием — Верховным уголовным судом. Судьи были подобраны самим императором, который опасался, что Сенат не выполнит его волю. Процесс над декабристами проходил со многими процессуальными нарушениями. Смертный приговор был вынесен 36 декабристам. В обоснование применения смертной казни суд ссылался на Уложение 1649 года, Воинский устав 1716 года, Морской устав 1720 года, манифесты от 21 февраля и 24 октября 1762 г., Полевое уголовное уложение для действующей армии 1813 года и другие акты. В приговоре был определен способ применения смертной казни: четвертование, предусматривающееся 19 Артикулом воинского устава 1716 года[1].

Член Верховного уголовного суда, судившего декабристов, — граф Н. С. Мордвинов, принес апелляцию на приговор, считая его незаконным. Мордвинов выдвинул те же аргументы, что и при обсуждении проекта Уголовного уложения. Возражая против казни, он ссылался при этом на елизаветинский Указ 29 апреля 1753 г., предписывавший не исполнять смертные приговоры и не делавший никаких исключений для политических преступлений [2].

Николай I, хотя и оставил апелляцию Мордвинова без внимания, тем не менее утвердил только пять смертных приговоров. Остальным приговоренным смертная казнь была заменена каторгой. Верховный уголовный суд дей-

---

[1] См. об этом подробнее: Гернет М. Н. История царской тюрьмы. Изд. 3-е. Т. 2. М., 1961, с. 133—152.

[2] Подробнее см.: Гернет М. Н. Указ. соч.; Басков В. И. Суд кровавого палача (кровавая расправа над декабристами). М., 1980.

ствовал в полном соответствии с предписаниями императора. «Касательно главных зачинщиков и заговорщиков примерная казнь будет им справедливым возмездием за нарушение общественного спокойствия», — так напутствовал Николай I членов суда еще задолго до вынесения приговора.

Приговор Верховного уголовного суда после утверждения императором вступил в законную силу. 13 июля 1826 г. были казнены: К. Ф. Рылеев, П. И. Пестель, С. И. Муравьев-Апостол, М. П. Бестужев-Рюмин и П. Г. Каховский.

Вот описание казни декабристов, принадлежащее перу известного немецкого историка Иоганна Генриха Шницлера, очевидца этого события: «13 (25) июля 1826 года близ крепостного вала, против небольшой и ветхой церкви св. Троицы, на берегу Невы, начали с двух часов устраивать виселицу, таких размеров, чтобы на ней можно было повесить пятерых... Около трех часов тот же барабанный бой возвестил о прибытии приговоренных к смерти, но помилованных. Их распределили по кучкам на довольно обширной площадке впереди вала, где возвышалась виселица. Каждая кучка стала против войск, в которых осужденные прежде служили. Им прочли приговор, и затем велено было им стать на колена. С них срывали эполеты, знаки отличий и мундиры; над каждым переломлена шпага. Потом их одели в грубые серые шинели и провели мимо виселицы. Тут же горел костер, в который побросали их мундиры и знаки отличий.

Только что вошли они назад в крепость, как на валу появились пятеро осужденных на смерть.

По дальности расстояния зрителям было трудно распознать их в лицо; виднелись только серые шинели с поднятыми верхами, которыми закрывались их головы. Они восходили один за другим на помост и на скамейки, поставленные рядом под виселицею, в порядке, как было назначено в приговоре. Пестель был крайним с правой, Каховский с левой стороны. Каждому обмотали шею веревкою; палач сошел с помоста, и в ту же минуту помост рухнул вниз. Пестель и Каховский повисли, но трое тех, которые были промежду них, были пощажены смертью. Ужасное зрелище было представлено зрителям. Плохо затянутые веревки соскользнули по верху шинелей, и не-

счастные попадали вниз в резверстую дыру, ударяясь о лестницы и скамейки. Так как государь находился в Царском Селе и никто не посмел отдать приказ об отсрочке казни, то им пришлось, кроме страшных ушибов, два раза испытать предсмертные муки. Помост немедленно поправили и взвели на него упавших. Рылеев, несмотря на падение, шел твердо, но не мог удержаться от горестного восклицания: «Итак, скажут, что мне ничего не удалось, даже и умереть!» Другие уверяют, будто он, кроме того, воскликнул: «Проклятая земля, где не умеют ни составить заговора, ни судить, ни вешать!» Слова эти приписываются также Сергею Муравьеву-Апостолу, который так же, как и Рылеев, бодро всходил на помост. Бестужев-Рюмин, вероятно потерпевший более сильные ушибы, не мог держаться на ногах, и его взнесли. Опять затянули им шеи веревками и на этот раз успешно. Прошло несколько секунд, и барабанный бой возвестил, что человеческое правосудие исполнилось. Это было на исходе пятого часа. Войска и зрители разошлись в молчании. Час спустя виселица была убрана. Народ, толпившийся в течение дня у крепости, уже ничего не видел. Он не позволил себе никаких изъявлений и пребывал в молчании»[1]. И опять, как мы видим, повторяется картина, аналогичная той, которая наблюдалась при публичных казнях в XVI, XVII и XVIII веках: народ безмолвствует, возможно, сочувствует, но не протестует. Народ боится...

Свод законов Российской империи 1832 года, вступивший в действие 1 января 1835 г., впервые довольно четко определил пределы применения смертной казни. Она могла назначаться только за наиболее тяжкие виды государственных преступлений[2] и лишь в тех случаях, «когда оные по особой их важности предаются рассмотрению и решению Верховного уголовного суда». Смертная казнь также допускалась за карантинные преступления, указанные

---

1 Декабристы в воспоминаниях современников. М., 1988, с. 310 — 311.

2 Смертная казнь могла назначаться за злоумышления против императора и членов императорского дома; поношение императора и членов императорского дома злыми и вредительными словами, бунт и измену. Причем за государственные преступления допускалось применение смертной казни лишь в качестве исключительной меры и только по приговору Верховного уголовного суда. Обыкновенные судебные инстанции за эти преступления приговаривать к смертной казни не могли.

в карантинном Уставе 1832 года. И, наконец, — за воинские преступления, совершенные во время военного похода, перечисленные в Полевом уголовном уложении. Смертную казнь за воинские и карантинные преступления могли назначать только военные суды.

В 1833 году в особом секретном комитете обсуждался вопрос о применении смертной казни к ссыльным в Сибири, где тогда находилось множество декабристов. Однако по высочайшему повелению Николая I применение смертной казни допускалось только за совершение каторжными преступлений «политического оттенка».

Поскольку Свод законов Российской империи 1832 года содержал ряд существенных недостатков, то вскоре был образован особый комитет под руководством графа Д. Н. Блудова; перед комитетом была поставлена задача создать новое уложение.

Д. Н. Блудов весьма дипломатично и осторожно подошел к вопросу о смертной казни в составляемом проекте нового Уложения. «Нельзя не согласиться, — говорится в его объяснительной записке к проекту Уложения, — что сия казнь есть в некотором смысле зло уголовного законодательства, крайность, которую иные философы-моралисты не совсем несправедливо почитают противною религии»[1]. Он пытался юридически обосновать правомерность существования смертной казни в России, утверждая, что законодательным путем она не была отменена ни при Елизавете Петровне, ни при Екатерине II.

Составители проекта Уложения включили в систему наказаний смертную казнь, однако можно с уверенностью сказать, что вера в целесообразность и эффективность этой меры была подорвана как у самого Блудова, так и у других составителей проекта, о чем свидетельствует экивочность рассуждений в объяснительной записке и их достаточная осторожность.

Проект Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года предлагал установить смертную казнь за следующие преступления: 1) важнейшие преступления государственные; 2) умышленное убийство отца и матери; 3) вторичное, уже после осуждения, совершение лицами,

[1] Объяснительная записка графа Блудова. Проект Уложения о наказаниях уголовных и исправительных. СПб., 1871, с. 1.

осужденными к каторге, тяжких преступлений, а именно: убийства, поджога, разбоя и грабежа[1]; 4) важнейшие карантинные преступления.

Император Николай I не утвердил установление смертной казни за вторую и третью группу, предусмотренных проектом преступлений. В результате смертная казнь в самом Уложении о наказаниях уголовных и исправительных была предусмотрена только за государственные и карантинные преступления[2].

Устанавливая смертную казнь за государственные преступления, которые были перечислены и в Своде законов 1832 года, Уложение 1845 года придает этой мере наказания уже не исключительный, а обычный, ординарный характер. Это способствовало упрочению смертной казни в карательном механизме российского государства.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года воспроизвело все положения о смертной казни Уложения 1845 года[3]. Эти законодательные акты так же, как и Уголовное уложение 1903 года, сократили применение смертной казни по сравнению с ранее действовавшим уголовным законодательством. Тем не менее, и по этим нормам, действовавшим до февральской революции 1917 года, случаи применения смертной казни в России были весьма часты.

Все передовые умы России, резко критиковавшие царское самодержавие, крепостнический строй и насильственные методы подавления свободомыслия, выступали против репрессий и жестокостей наказаний.

Выдающиеся революционные демократы А. И. Герцен и Н. Г. Чернышевский были противниками смертной казни. А. И. Герцен считал само применение смертной казни — преступлением. В 1845 году в своем дневнике он сделал следующую запись по поводу казни бургомистра, покушавшегося на Фридриха-Вильгельма IV: «Не понимаю, как такие простые вещи, как ненужность казней, вред их, не

[1] Против включения в проект Уложения этой категории преступлений выступил граф Д. Н. Блудов в упоминаемой объяснительной записке.

[2] См.: Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб., 1860, ст. ст. 241, 242, 243, 244, 249, 253, 254.

[3] 7 октября 1868 года Уложение 1845 года было пополнено ст. 244[1], устанавливающей смертную казнь за насилие против караула или часовых, охраняющих императора и членов императорского дома.

бросаются в глаза правительствам — отрубить голову — при современных понятиях глупо, безрасчетно даже потому, что человек твердый реабелитируется казнью и обращает к себе симпатии...

Неужели вся история на всякой странице не говорит им, что не токмо ни одного фанатика никогда не останавливала казнь, но даже людей, увлеченных случайной страстью»[1].

В статье «Преступление в Польше», посвященной зверскому подавлению царизмом польского восстания 1863 года, Герцен писал: «Мы не верим ни в возможность наказаний за гробом, ни в справедливость уголовных кар, мы не признаем ни смертных грехов, ни смертных казней. Всякое окончательное осуждение, всякий безапелляционный приговор ограничивает мысль и мешает дальнейшему пониманию, с одной стороны, и восстановлению — с другой»[2].

Н. Г. Чернышевский считал смертную казнь «...делом бесчеловечным, вредным для общества, преступным»[3].

Крайне отрицательно относился к смертной казни и И. С. Тургенев. В статье «Казнь Тропмана» великий русский писатель необычайно тонко показал всю омерзительность самого зрелища публичной казни и ее бессмысленность. «Мы рассуждали, — писал Тургенев, — о ненужном, о бессмысленном варварстве всей этой процедуры... По какому праву все это делается? Как допустить такую возмутительную рутину? И сама смертная казнь — может ли она быть оправдана?

...Да и кому же неизвестно, что вопрос о смертной казни есть один из очередных, неотлагаемых вопросов, над разрешением которых трудится современное человечество»[4].

В ноябре 1849 года был вынесен смертный приговор участникам кружка М. В. Буташевича-Петрашевского, которые обвинялись в организации преступного сообщества

---

1 Герцен А. И. Полн. собр. соч./ Под ред. М. К. Лемке. Т. 3, с. 440 — 441.

2 Там же. Т. 16, с. 113 — 114.

3 Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. Т. IV, с. 423.

4 Тургенев И. С. Статьи и воспоминания. М., 1981, с. 281 — 282.

с революционными целями, заочном оскорблении царя, антиправительственной пропаганде, распространении письма В. Г. Белинского к Н. В. Гоголю, богохульстве и пр. Среди приговоренных к смертной казни петрашевцев был и Ф. М. Достоевский.

В день казни всех осужденных возвели на эшафот, расставили в два ряда и приказали снять шапки. Но никто не выполнил это распоряжение. Петрашевцы, стоя на эшафоте, впервые узнали о том, что приговорены к расстрелу. Священник призывал приготовиться к покаянию перед смертью. Никто ему не внимал. Троих осужденных, среди которых был и сам Петрашевский, привязали к столбам, и солдаты по команде начали целиться в них. «Момент этот был поистине ужасен, — вспоминал спустя много лет петрашевец Д. Д. Ахшарумов. — Видеть приготовление к расстрелянию, и притом людей близких по товарищеским отношениям, видеть уже наставленные на них почти в упор ружейные стволы и ожидать — вот прольется кровь и они упадут мертвыми, было ужасно, отвратительно, страшно... Сердце замерло в ожидании, и страшный момент этот продолжался с полминуты. При этом не было мысли о том, что мне предстоит то же самое, но все внимание было поглощено наступающею кровавою картиной. Возмущенное состояние мое возросло еще более, когда я услышал барабанный бой, значение которого я тогда, как не служивший в военной службе, не понимал. «Вот конец всему»... Но вслед за тем увидел я, что ружья, прицеленные, вдруг все были подняты стволами вверх. От сердца отлегло сразу, как бы свалился тесно сдавивший его камень» [1].

Сразу же было объявлено, что смертная казнь по повелению императора заменяется другими наказаниями. Весь этот спектакль был заранее отрепетирован со всеми иезуитскими тонкостями по заданию Николая I. Петрашевцам были заготовлены даже саваны, чтобы создать у осужденных убеждение в неизбежности расстрела. Ф. М. Достоевскому смертная казнь была заменена четырьмя годами каторги. Он пережил состояние, аналогичное Ахшарумову, которое впоследствии гениально передал в своем романе

---

[1] Ахшарумов Д. Д. Из моих воспоминаний (1849 — 1852 гг.). СПб., 1905, с. 108 — 109.

«Идиот», где с необычайным по психологической глубине мастерством раскрыл мучительные ожидания смертной казни.

Выдающийся русский юрист А. Ф. Кони, анализируя этот роман Ф. М. Достоевского, обратив особое внимание именно на это место, тонко подметил, что доводы великого писателя против смертной казни не могут не заставить защитников этого наказания пересмотреть свои позиции. «Есть наказание выше, — писал А. Ф. Кони, — и споры о нем, о его целесообразности и справедливости давно уже разделяют юристов и политиков на два неравных лагеря. Этот вечный вопрос — eine ewige Frage уголовного права — смертная казнь. И по отношению к ней Достоевский высказался прямо и бесповоротно. Нельзя не прислушаться к тому, что скажет об отнятии жизни у отдельного лица целым обществом писатель, который так умел описать весь ужас, все бесчеловечие убийства как преступления. В горячих словах своего «Идиота» он строго осудил смертную казнь, как нечто еще более жестокое, чем преступление. Как бы продолжая потрясающий рассказ Виктора Гюго о последнем дне приговоренного к смерти, обрывающийся в виду эшафота, Достоевский пошел с преступником на этот эшафот и описал, в негодующих выражениях, ту «четверть секунды», когда «склизнет над головою нож...» Это описание, чрезвычайно сильное в своей краткости, эта защита «надежды» в человеке не могут не укреплять противника, не могут не заставить еще раз строго проверять свои взгляды серьезного защитника смертной казни. И в этом новая заслуга мыслителя-художника» [1].

Официально в эпоху Николая I было казнено 40 человек, однако тысячи гибли в результате внесудебного произвола властей. Введение шпицрутенов и применение тяжких телесных наказаний являлось завуалированной формой смертной казни. Известна резолюция Николая I на приговоре о смертной казни — «виновных прогнать сквозь 1000 человек 12 раз. Слава Богу, смертной казни у нас не бывало и не мне ее вводить», хотя хорошо известно, что даже физически сильный человек не может выдержать такого наказания [2].

---

[1] Кони А. Ф. Собр. соч. Т. 6. М., 1968, с. 421.

[2] Заимствую из кн.: Шаргородский М. Д. Наказание по уголовному праву эксплуататорского общества. М., 1957, с. 283.

Русские криминалисты пореформенного периода, исходя из того, что в цивилизованном обществе смертная казнь должна быть изъята из системы уголовных наказаний, решительно выступали против нее.

Профессор варшавского университета С. Будзинский в своем учебнике по уголовному праву высказывался против смертной казни и приводил следующие аргументы: «Хотя смертная казнь не имеет существенных качеств наказания, однако ж оно ни справедливо, ни необходимо, ни полезно.

Итак: 1) Смертная казнь не имеет существенных качеств наказания. Она не делима, не отпустима; ее невозможно степенить соразмерно вине, если она применена по ошибке, то ее уже вознаградить нельзя;

2) Это наказание противно правилам христианства, по которому Бог не желает смерти грешного, законодатель же должен стремиться к исправлению преступника. От такой возвышенной задачи христианское государство уклоняться не может;

3) Общественная безопасность может быть ограждена вместо смертной казни пожизненным или бессрочным заключением, с возможностью в последнем случае, освобождения несомненно исправившегося преступника... Смерть исключает возможность исправления;

4) Цель устрашения может быть достигнута посредством пожизненного заключения... Уменьшению числа преступлений скорее содействуют умеренные, нежели строгие наказания...

5) Смертную казнь защищают преимущественно в убийстве, утверждая, что по общему убеждению народов пролитая кровь требует крови. Хотя законодатель должен изучать общественную совесть, однако ж он не может слепо ей следовать; напротив того, он обязан облагораживать ее и освобождать от предрассудков» [1].

Противниками смертной казни были видные русские криминалисты: М. В. Духовской [2], П. Д. Калмыков [3],

---

[1] Будзинский С. Начала уголовного права. Варшава, 1870, с. 256 — 257.

[2] Духовской М. В. Смертная казнь с точки зрения рационального учения о наказании. — Юридический вестник, 1879, № 5.

[3] Калмыков П. Д. Учебник уголовного права. СПб., 1866.

А. Лохвицкий [1], И. Я. Фойницкий [2], А. Ф. Кистяковский [3], Н. С. Таганцев [4], Н. Д. Сергеевский [5], В. Д. Спасович [6], И. С. Джабадари [7] и многие другие.

Из отечественных правоведов конца XIX — начала XX века к числу сторонников ограниченного применения смертной казни принадлежал Б. Н. Чичерин, который считал, что справедливость, базирующаяся на принципе эквивалента, — основного принципа наказания — «...влечет за собой требование смертной казни при убийстве...

Чем выше ценится человеческая жизнь, — писал он, — тем выше должно быть и наказание за ее отнятие...

Если мы скажем, что жизнь есть такое благо, которое не имеет цены, отнятие такого блага у другого влечет за собой отнятие того же блага у преступника. Это закон, который он сам себе положил. Поэтому с точки зрения правосудия смертная казнь составляет чистое требование правды...

И государство имеет полное право ее прилагать, ибо высшее его призвание состоит в отправлении правосудия» [8]. Вместе с тем Б. Н. Чичерин признавал весьма серьезными возражения противников смертной казни в той части, где речь шла о невозможности исправления преступника в случае ее применения. Но это возражение, по его мнению, значительно ослабляется тем соображением, что смертная казнь всего сильнее действует на душу человека, заставляя его раскаяться. Однако Б. Н. Чичерин как бы возражал самому себе, обращая внимание и на то, что многие осужденные равнодушно относятся к факту лишения их жизни. А потому проблема «за» и «против» смертной казни навсегда остается открытой.

Применение смертной казни усилилось с ростом кресть-

---

[1] Лохвицкий А. Курс русского уголовного права. СПб., 1867.

[2] Фойницкий И. Я. Учение о наказании в связи с тюрьмоведением. СПб., 1889.

[3] Кистяковский А. Ф. Исследование о смертной казни. Киев, 1867.

[4] Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая. Т. II. СПб., 1902; его же. Смертная казнь. СПб., 1913.

[5] Сергеевский Н. Д. Русское уголовное право. Часть Общая. СПб., 1896.

[6] Спасович В. Д. Учебник уголовного права. Общая часть. СПб., 1863.

[7] Джабадари И. С. Смертная казнь в связи с правом наказания. СПб., 1895.

[8] Чичерин В. Н. Философия права. М., 1900.

янских волнений, возникновением революционного и национально-освободительного движения.

Отмена крепостного права и реформы 60-х годов не могли удовлетворить передовые общественные круги. Наиболее прогрессивной в смысле осуществления буржуазных начал из всех реформ была, пожалуй, судебная реформа 1864 года. В результате ее проведения введены всесословные суды, установлена гласность судопроизводства, для рассмотрения уголовных дел введен суд с участием присяжных заседателей, учреждена адвокатура.

Однако и эта реформа несла на себе печать крепостнических влияний. Произвол и насилие царили при проведении политических процессов. А ведь смертная казнь предусматривалась именно за государственные преступления. Политические процессы проходили в различных судебных инстанциях: в Особом присутствии Сената; в судебных палатах; в Верховном суде и в губернских судах. В нашу задачу не входит рассмотрение политических процессов в России во второй половине XIX века. По данному вопросу имеется обширная литература[1]. В исследованиях о политических процессах в России обращается внимание на то, что если в 60-е годы прошлого столетия политические процессы еще не были частые и громкие, то 70-е и 80-е годы для России — это целая эпоха политических процессов. Роль судов в борьбе с революционным движением была первостепенной[2]. Всего с 1866 до 1895 года, т. е. без малого за 30 лет, на 226 политических процессах в России суду были преданы 1342 человека. Суды вынесли им 137 смертных приговоров, из которых были приведены в исполнение 44, а 93 заменены вечной или (реже) срочной каторгой[3].

Процессы проводились с явным обвинительным укло-

---

[1] См.: Троицкий Н. А. Царские суды против революционной России. Саратов, 1976; его же. Безумство храбрых. Русские революционеры и карательная политика царизма 1866 — 1882 гг. М., 1978; его же. Царизм под судом прогрессивной общественности. 1866 — 1895 гг. М., 1979.

[2] Не совсем точным представляется мнение Н. Н. Полянского о том, что до 1905 года суды играли в борьбе с революционным движением второстепенную роль. См.: Полянский Н. Н. Царские военные суды в борьбе с революцией 1905 — 1907 гг. М., 1958, с. 8.

[3] См.: Троицкий Н. А. Царизм под судом прогрессивной общественности, с. 282.

ном, и в обвинительных актах допускались искажения, улик было всегда меньше, чем это требовалось для вынесения смертного приговора. Даже в процессе по делу об убийстве императора Александра II, совершенного 1 марта 1881 года, «немало было оснований, — как отмечал Г. К. Градовский, — к замене смертной казни другим тяжким, но все же поправимым наказанием». Желябов был арестован до убийства царя, Перовская, Кибальчич, Гельфман и Михайлов не убивали царя, непосредственным исполнителем убийства был Гриневицкий, но он сам погиб от бомбы, поразившей Александра II[1]. Однако всем подсудимым был вынесен смертный приговор.

В последние два десятилетия XIX века и в начале XX века смертная казнь в России применялась на основе Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия от 4 сентября 1881 г.

Положение предоставляло право высшим административным чинам передавать на рассмотрение военных судов для осуждения по законам военного времени дела о вооруженном сопротивлении властям, умышленном поджоге, приведении в негодность предметов воинского снаряжения и о некоторых других преступлениях.

После подавления революции 1905 года, в период разгула столыпинской реакции смертная казнь применялась в невиданных ранее размерах. Массовым явлением становится внесудебное применение смертной казни по решению губернаторов и главнокомандующих. Так, в январе 1905 года в Варшаве по распоряжению генерал-губернатора по подозрению в антиправительственной пропаганде, за изготовление бомб и покушение на грабеж казнено 16 человек, среди которых были несовершеннолетние. С протестом и возмущением против такого беззакония выступали, в частности, два видных русских криминалиста, профессора В. А. Набоков и П. П. Пусторослев[2]. Число казненных без суда и при отсутствии обвинительно-

---

[1] См.: Градовский Г. К. Итоги (1862 — 1907). Киев, 1908, с. 85.

[2] Набоков В. Расстрелы без суда. — Право, 1909, № 4; Пусторослев В. Принадлежит ли генерал-губернатору право смертной казни без суда. — Право, 1909, № 18.

го приговора только в декабре 1905 года составило 376 человек, а в первые три месяца 1906 года — 679[1].

Значительно занижая число казненных в России, помощник начальника тюремного управления царской России М. М. Боровитинов информировал в 1910 году Вашингтонский тюремный конгресс о том, что в 1906 году в России было казнено 144 человека, в 1907 году — 1130, в 1908 году — 825. Однако профессор М. Н. Гернет в монографии «Смертная казнь» приводил следующие данные о количестве казненных: 1906 год — 574; 1907 год — 1139; 1908 год — 1340; 1909 год — 717; 1910 год — 129; 1911 год — 73; 1912 год — 126[2].

А вот как оценивал карательную политику столыпинской эпохи один из крупнейших государственных деятелей того периода граф С. Ю. Витте, сам отправлявший на виселицу многих революционеров: «Никто столько не казнил и самым безобразным образом, как он, Столыпин, никто не произвольничал так, как он, никто не оплевал так закон, как он, никто не уничтожал так, хотя видимость правосудия, как он, Столыпин, и все сопровождая самыми либеральными речами и жестами». Столыпин «казнит совершенно зря: за грабеж лавки, за кражу 6 рублей, просто по недоразумению... Можно быть сторонником смертной казни, но столыпинский режим уничтожил смертную казнь и обратил этот вид наказания в простое убийство, часто совсем бессмысленное, убийство по недоразумению. Одним словом, явилась какая-то мешанина правительственных убийств, именуемая смертными казнями»[3]. Такая характеристика столыпинского режима представляет особый интерес, ибо принадлежит человеку, чуждому революционных идей и вошедшему в историю как сторонник укрепления монархии в России и приспособления монархической формы правления к капиталистическим условиям российской действительности. «Всякие убийства, — писал С. Ю. Витте, — с точки зрения человеческой, нравственных принципов, не могут быть оправданы, тем не

[1] См.: Викторский С. К. Указ. соч., с. 342.
[2] См.: Гернет М. Н. Смертная казнь. М., 1913, с. 98 — 99.
[3] Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 3. М., 1960, с. 61 — 62.

менее убийства во всех видах постоянно производятся; многие из этих убийств производятся лицами, власть имущими. Так, между тысячами и тысячами людей, которые были казнены во время премьерства Столыпина, десятки, а может быть, сотни людей были казнены совершенно зря, иначе говоря, эти люди были убиты властью, которую Столыпин держал в своих руках»[1]. Действительно, дело обстояло именно так, и лучше не скажешь.

В период кровавых событий 1905 года вопрос о смертной казни будоражил всю передовую общественность. Против смертной казни выступали и широкие слои крестьянства. Среди 75 наказов крестьян Государственной думе в 35 содержались требования об отмене смертной казни. В одном из наказов читаем: «Мы, крестьяне, пришли к заключению, что нам необходимо отменить смертную казнь. Убить человека можно, а воскресить — не воскресишь никогда, никакими сказочными водами. Много, много погибает людей безвинно и напрасно и никогда их не возвратить...»

Решительные протесты против массовых применений смертной казни доносились отовсюду. Протестовали рабочие, крестьяне, интеллигенция. Протестовал и Второй съезд отечественных психиатров, проходивший в Киеве 11 сентября 1906 г., Пироговское общество врачей, московское хирургическое общество. Вот, что писали хирурги о своем воззвании: «Истязание, пытки и смертная казнь переполнили русскую землю из конца в конец. Ценность человеческой жизни пала, весь цивилизованный мир содрогнулся перед ужасами, совершающимися в стране, давшей великих ученых и мыслителей. Хирургическое общество в Москве, поставившее на своем знамени изыскание средств охранения драгоценного блага людей — их здоровья и жизни.., несовместимое с бесправием и потоками крови, не может оставаться спокойным и безразличным к происходящим ужасам... Довольно крови. Не истязайте

[1] Витте С. Ю. Указ. соч., с. 556.

братьев и сестер... Конец истязаниям и пыткам. Долой смертную казнь...» [1].

19 июня 1906 г. на заседании первой Государственной думы обсуждался проект закона об отмене смертной казни. Статья I проекта гласила: «Смертная казнь отменяется». Далее было записано следующее: «Во всех случаях, в которых действующими законами установлена смертная казнь, она заменяется непосредственно следующим по тяжести наказанием».

Несмотря на решительные выступления против отмены смертной казни реакционной части духовенства, утверждавшего, что «смертная казнь относится к числу «божественных установлений», Государственная дума приняла проект закона об отмене смертной казни. Однако проект не был утвержден Государственным Советом. В тот самый момент, когда Государственная дума обсуждала законопроект об отмене смертной казни, Рижский генерал-губернатор в нарушение существующих законов санкционировал казнь восьми осужденных, обвинявшихся в убийстве пристава Поржицкого. Внесудебная расправа была осуществлена несмотря на то, что депутаты Думы обратились с просьбой не принимать решения о судьбе осужденных до тех пор, пока законопроект об отмене смертной казни не будет принят Думой.

Волна возмущения пронеслась по всей России. Выдающийся русский писатель В. Г. Короленко, присутствовавший на заседаниях первой Государственной думы в качестве корреспондента одной из газет и бывший свидетелем ужасающей картины, когда депутатам сообщили, что их ходатайство о приостановлении применения смертной казни в отношении восьмерых осужденных игнорировано и незаконный приговор приведен в исполнение, весьма образно и убедительно запечатлел свои наблюдения в очерке «Бытовое явление»: «Воистину, бывали, может быть, времена хуже, — писал он, — но такого циничного времени не было... Новый закон унесен потоком событий, смывших первую Думу, а факт остался. Виселица опять принялась

---

[1] Цит. по кн: Ушерович С. Смертные казни в царской России. Харьков, 1933, с. 244, 245.

за работу, и еще никогда, быть может со времени Грозного, Россия не видала такого количества смертных казней. До своего «обновления» старая Россия знала хронические голодовки и повальные болезни. Теперь к этим привычным явлениям наша своеобразная конституция прибавила новое. Среди обычных рубрик смертности (от голода, тифа, дифтерита, скарлатины, холеры, чумы) нужно отвести место новой графе — «от виселицы».

Почти ежедневно, в предутренние часы, когда над огромною страной царит крепкий сон, где-нибудь по тюремным коридорам зловеще стучат шаги, кого-нибудь подымают от кошмарного забытья и ведут здорового и полного сил к готовой могиле...

Да как не признать, что русская история идет самобытными и необъяснимыми путями. Всюду на свете введение конституций сопровождалось хотя бы временными облегчениями: амнистиями, смягчением репрессий. Только у нас вместе с конституцией вошла смертная казнь как хозяйка в дом русского правосудия. Вошла и расположилась прочно, надолго, как настоящее бытовое явление, затяжное, повальное, хроническое...»[1].

Не мог пройти мимо массовых казней в армии и на флоте, арестов и истязаний крестьян и рабочих великий русский писатель Л. Н. Толстой. В статье «Не могу молчать», написанной под непосредственным впечатлением семи казней в России, осуществленных в мае 1908 года, он подверг резкому бичеванию разгул столыпинской реакции: «Ужаснее же всего в этом то, что все эти бесчеловечные насилия и убийства, кроме того прямого зла, которое они причиняют жертвам насилий и их семьям, причиняют еще

---

[1] Короленко В. Война пером. М., 1988, с. 408 — 409. Прочитав первые шесть глав «Бытового явления», потрясенный Л. Н. Толстой писал Короленко: «...всячески во время чтения старался, но не мог удержать слезы, а рыдания. Не нахожу слов, чтобы выразить всю мою благодарность и любовь за эту и по выражению, и по мысли, и, главное, по чувству превосходную статью. Ее надо перепечатывать и распространять в миллионах экземпляров. Никакие думские речи, никакие трактаты, никакие драмы, романы не произведут одной тысячной того благотворного действия, какое должна произвести эта статья». (См.: Толстой Л. Н. Переписка с русскими писателями. М., 1962, с. 672.)

Весь тираж номера газеты «Речь» с публикацией статьи В. Г. Короленко был конфискован.

большее, величайшее зло всему народу, разнося быстро распространяющееся, как пожар по сухой соломе, развращение всех сословий русского народа. Распространяется же это развращение особенно быстро среди простого, рабочего народа потому, что все эти преступления, превышающие в сотни раз все то, что делалось и делается простыми ворами и разбойниками и всеми революционерами вместе, совершаются под видом чего-то нужного, хорошего, необходимого, не только оправдываемого, но поддерживаемого разными, нераздельными в понятиях народа с справедливостью и даже святостью учреждениями: сенат, синод, дума, церковь, царь. И распространяется это развращение с необычайной быстротой»[1]. Массовые репрессии, бесчисленные казни и террор столыпинского режима не могли не вызвать протеста со стороны мировой общественности.

«Неужели же спустя сто пятьдесят лет после Беккарии и Ж.-Ж. Руссо приходится еще провозглашать перед европейцами гнусность смертной казни? — писал выдающийся французский писатель Анатоль Франс. — Пусть судьи ваши одумаются: они не судят, а убивают. Они обвиняют свои жертвы за покушение на «общественное благо». Но ведь в России еще не установлено общественное благо. Напрасно они станут утирать окровавленные руки о тексты законов, более смертоносные, чем японские снаряды. Эти законы гнета и насилия заранее оправдывают всякое возмущение. Они дают русскому народу право законной самозащиты против дикого безумия агонизирующего старого порядка»[2].

Упомянутый выше проект об отмене смертной казни был одобрен и второй Государственной думой, но не утвержден Государственным Советом. Предложение об отмене смертной казни было внесено социал-демократической фракцией третьей Государственной думы. В первую сессию Думы 1908 года по решению большинства ее членов

---

[1] Толстой Л. Н. Собр. соч. Т. 16. М., 1964, с. 554 — 555. «Ужасаюсь на казни», — записал Л. Н. Толстой в своем дневнике 10 марта 1908 г. Аналогичные записи проходят через весь его дневник этого периода.

[2] Против смертной казни, с. 307.

проект был передан в комиссию судебных реформ, которая промариновала его около двух лет, и только в 1910 году он был внесен на рассмотрение Думы.

Однако на сей раз все попытки левого крыла Думы провести проект встретили бешеное сопротивление со стороны реакционного большинства членов Думы, и проект был отклонен.

Летом 1908 года появилось воззвание об учреждении в России «Лиги борьбы против смертной казни», которую предполагалось образовать ко времени юбилея Льва Толстого. Лига, подобно таким же организациям Западной Европы, признавала наказание смертной казнью несовместимым ни с основами христианской морали, ни с идеей справедливости, как основы правового порядка в государстве, ни с принципами разумной уголовной политики. Лига считала смертную казнь негодным средством для рациональной борьбы с преступностью и даже для охраны государственного и общественного спокойствия.

Лица, призывавшие к образованию Лиги, намечали для ее будущей деятельности широкую идейную борьбу с этим варварским пережитком: они предполагали собирать точные данные о применении смертной казни, о влиянии ее на рост преступности, хотели изучать влияние массовых казней на нравы народов, рассчитывали осуществлять активную устную и письменную пропагандистскую деятельность в широких массах о необходимости отмены смертной казни. Другими словами, они хотели идейно подготовить общество к отмене этого вида наказания.

«Мы обращаемся, — говорилось в воззвании Лиги, — ко всем русским гражданам и гражданкам, без различия вероисповедания, общественного положения, степени образования, политических убеждений, мы обращаемся с призывом направить все свои нравственные силы и влияние на борьбу против ужаса наших дней — смертной казни... Протестуйте против смертной казни! В вашем семейном, дружеском и деловом кругу, в тех обществах, где вы работаете, с церковных амвонов, с учительской кафедры, в печати, словом,

всеми доступными вам средствами — протестуйте против смертной казни»[1].

Однако Особым присутствием в Москве и Петербурге в 1909 году Лиге было отказано в регистрации по тем мотивам, что такая организация может угрожать общественному спокойствию и безопасности.

Важную роль в пропаганде идей несовместимости смертной казни с передовыми принципами цивилизованного общества сыграл видный русский криминалист профессор М. Н. Гернет. По его инициативе увидели свет два сборника: «О смертной казни. Мнения русских криминалистов» (М., 1909 г.) и «Против смертной казни» (первое издание — 1906 г., второе — 1909 г.)[2]. А в 1913 году М. Н. Гернетом была опубликована крупная монография «Смертная казнь», где использовался огромный фактический материал и данные статистики. В это же время выходят исследования других известных криминалистов: Н. С. Таганцева и А. А. Пионтковского, также посвященные проблемам смертной казни. Оба автора выдвигают весьма убедительные доводы за отмену смертной казни. И, наконец, в 1912 году увидела свет книга доцента московского университета С. К. Викторского об истории смертной казни в России.

Несмотря на решительные протесты общественности и обоснованные мнения ученых, смертная казнь в России отменена не была.

После февральской революции в России Временное правительство в первые дни своего существования приняло ряд буржуазно-демократических законодательных актов. 12 марта 1917 года было опубликовано правительственное постановление о повсеместной отмене смертной казни[3]. Однако 12 июля 1917 г. смертная казнь была восстановлена на фронте за убийство, разбой, измену, побег к неприятелю, сдачу в плен, уход с поля боя и за другие воинские преступления[4].

---

[1] Таганцев Н. С. Смертная казнь. СПб., 1913, с. 1.

[2] Ряд статей, опубликованных в этих сборниках, воспроизводится в настоящем издании.

[3] См.: Право, 1917, № 9, с. 506.

[4] См.: Право, 1917, № 13, с. 745; № 14, с. 823 — 826.

В сборнике статей «Против смертной казни» под редакцией М. Н. Гернета (Москва, 1906) в качестве приложения помещен список лиц, приговоренных к смертной казни за период с 1826 по 1906 год. Это время крупнейших политических событий в России, в том числе: декабрьское восстание 1825 года, польское восстание 1830 года, крестьянские волнения 1861 года, деятельность кружков петрашевцев и народовольцев, покушения на царские особы, наконец, революционные волнения в 1905 году.

Список по-своему уникален как с точки зрения исследовательской работы, которая вызывает восхищение, так и с точки зрения заложенной в нем информации патриотического характера. Представляют интерес не только имена приговоренных к смертной казни, многие из которых известны из истории России, но и сведения, за что приговорены, как и когда приговор приведен в исполнение (заменен другими наказаниями). Поэтому считаем полезным и уместным опубликование данного списка в структуре исторического обзора.

Поименный список приговоренных к смертной казни русскими судами в период с 1826 по 1906 год

Фамилии приговоренных	За что?	Примечание
1	2	3
1. Кн. Трубецкой, полковник 2. Кн. Оболенский, поручик 3. Муравьев-Апостол, Матвей, полковник 4. и 5. Братья Борисовы, подпоручики 6. Горбачевский, подпоручик 7. Спиридов, майор 8. Кн. Борятинский, штаб-ротмистр 9. Кюхельбекер, коллежский асессор 10. Якубович, капитан 11. Поджио, подполковник 12. Муравьев, Артамон, полковник	По делу декабристов 1825 года. К смертной казни отсечением головы	Смертная казнь заменена другими наказаниями

1	2	3
13. Видковский, прапорщик		
14. Бечаснов, прапорщик		
15. Давыдов, полковник		
16. Юшневский, 4-го класса		
17. Бестужев, Александр, штабс-капитан		
18. Андреевич, подпоручик		
19. Муравьев, Никита, капитан		
20. Пущин, коллежский асессор	По делу декабристов 1825 года. К смертной казни отсечением головы	Смертная казнь заменена другими наказаниями
21. Кн. Волконский, генерал-майор		
22. Якушкин, капитан		
23. Пестов, подпоручик		
24. Арбузов, лейтенант		
25. Завалишин, лейтенант		
26. Повалло-Швейковский, полковник		
27. Панов, поручик		
28. Сутгоф, поручик		
29. Кн. Щепин-Ростовский, штабс-капитан		
30. Дивов, мичман		
31. Тургенев Н. И., литератор		
32. Пестель, полковник		
33. Рылеев, поэт, подпоручик	К смертной казни через четвертование	Повешены 13 июля 1826 г.
34. Муравьев-Апостол, Сергей, подполковник		
35. Бестужев-Рюмин, подпоручик		
36. Каховский, отставн. поручик		
37. Бар. Соловьев, штабс-капитан		Смертная казнь заменена другими наказаниями
38. Сухинов Ив. Ив., поручик		
39. Мазалевский, прапорщик		
40. Сухинов Ив. Ив.		Повесился
41. Бочаров		
42. Голиков	Заговор, поднять восстание в Сибири	Расстреляны в Сибири
43. Бондорев		
44. Птицын		
45. Непомнящий		

1	2	3
46. Высоцкий, Петр, подпоручик*	За участие в польском восстании 1830 года	Не были разысканы
47. Мальчевский, Франц		
48. Немоевский, Вицентий, обыватель		
49. Пршибыльский, Фома, рядовой		
50. Громан, Клементий, унтер-офицер		
51. Бышинский, Ив., унтер-офицер		
52. Банчакевич, Люд., подпрапорщик		
53. Чарковский, Леон, подпрапорщик		
54. Рачинский, Леон, подпрапорщик		
55. Пончевский, Клемен, подпрапорщик		
56. Зелинский, Ив., унтер-офицер		
57. Козьмян, Адам, унтер-офицер		
58. Энглерт, Владислав, унтер-офицер		
59. Китлинский, Феликс, унтер-офицер		
60. Лещинский, Войцех, унтер-офицер		
61. Мацейовский, Казимир, унтер-офицер		
62. Вержбицкий, Ремигий, унтер-офицер		
63. Смолинский, Станислав, унтер-офицер		
64. Поплавский, Викентий, унтер-офицер		
65. Боярский, Антон, унтер-офицер		
66. Троинский, Фаддей, фельдфебель		
67. Сташевский, Вацлав, унтер-офицер		
68. Махнацкий, Камилл, унтер-офицер		

* Лица, помеченные в этом списке под № 46—307, были заочно осуждены за участие в польском восстании к смертной казни. Манифестом 4 сентября 1834 г. все они «обращены в изгнание навсегда». В случае возвращения должны были подлежать смертной казни.

1	2	3
69. Верпезобре, Эдуизд, унтер-офицер		
70. Ольшевский, Ив., унтер-офицер		
71. Фальковский, Ант., унтер-офицер		
72. Мацейовский, Евстафий, унтер-офицер		
73. Обухович, Франц, унтер-офицер		
74. Гарчинский, Осип, унтер-офицер		
75. Минишевский, Карл, фельдфебель		
76. Ныко, Аппол., подпоручик		
77. Малянкевич, Фома, унтер-офицер		
78. Плохецкий, унтер-офицер		
79. Непомуцен-Млодецкий, Иван, унтер-офицер		
80. Добжелевский, Мартын		
81. Фальковский, Ив., фельдфебель	За участие в польском восстании 1830 года	Не были разысканы
82. Пеховский, Осип, унтер-офицер		
83. Бризенмейстер, Августин, унтер-офицер		
84. Полянский, Игнатий, унтер-офицер		
85. Сверкоцкий, Фома, фельдфебель		
86. Клосс, Карл, фельдфебель		
87. Запасник, Ант., унтер-офицер		
88. Обремский, Каз., унтер-офицер		
89. Радлицкий, Апрр., унтер-офицер		
90. Карчевский, Фед., унтер-офицер		
91. Зджарский, Войцех, фельдфебель		
92. Хельмонский, Франц, подпрапорщик		
93. Скочевский, Юлиан, подпрапорщик		
94. Вашкевич, Осип, фельдфебель		
95. Япушинский, Ант., унтер-офицер		

1	2	3
96. Раевский, Мартын, унтер-офицер		
97. Скальский, Ант., фельдфебель		
98. Фитинский, Симон, унтер-офицер		
99. Бернацкий, Ксаверий, унтер-офицер		
100. Кулаковский, Зенон, фельдфебель		
101. Павловский, Ив., унтер-офицер		
102. Войцеховский, Осип, унтер-офицер		
103. Шаблицкий, Сильвестр, унтер-офицер		
104. Ковальский, Осип, унтер-офицер		
105. Карпинский, Викентий, фельдфебель		
106. Колачинский, Гаспор, унтер-офицер		
107. Трушковский, Станисл., унтер-офицер	За участие в польском восстании 1830 года	Не были разысканы
108. Виславский, Маркел, фельдфебель		
109. Скридский, Людовик, фельдфебель		
110. Гулевич, Федор, фельдфебель		
111. Зомбковский, Валент., фельдфебель		
112. Елинский, Федор, унтер-офицер		
113. Литостанский, Максимилиан, унтер-офицер		
114. Дембицкий, Иоромин фельдфебель		
115. Лисецкий Франц, фельдфебель		
116. Добржинский, Леон, унтер-офицер		
117. Мануский, Маркел, унтер-офицер		
118. Павловский, Феликс, подпрапорщик		
119. Пихельский, Ив., подпрапорщик		

1	2	3
120. Словяновский, Михаило, подпрапорщик		
121. Боровский, Ант., фельдфебель		
122. Пепловский, Павел, унтер-офицер		
123. Массальский, Осип, фельдфебель		
124. Мильцер, Франц, фельдфебель		
125. Лясота, Адам, унтер-офицер		
126. Гротовский, Андрей, унтер-офицер		
127. Баерский, Осип, унтер-офицер		
128. Зветковский, Людов., унтер-офицер		
129. Мейснер, Фердин., унтер-офицер		
130. Лисецкий, Франц, унтер-офицер		
131. Саский, Доминик, унтер-офицер		
132. Морачевский, Гаврило, унтер-офицер	За участие в польском восстании 1830 года	Не были разысканы
133. Консиновский, Матвей, унтер-офицер		
134. Кетлинский, Леопольд, унтер-офицер		
135. Лубенский, Феликс, унтер-офицер		
136. Новосельский, Андрей, унтер-офицер		
137. Ковецкий, Констант., унтер-офицер		
138. Пательский, Осип, фельдфебель		
139. Мазурчевич, Станислав, унтер-офицер		
140. Бачевский, Антон, унтер-офицер		
141. Шимановский, Феликс, унтер-офицер		
142. Липинский Леон, унтер-офицер		
143. Рыдецкий, Станислав, унтер-офицер		

1	2	3
144. Козловский, Венед., унтер-офицер		
145. Янушевский, Ив., унтер-офицер		
146. Вержбицкий, Антон, унтер-офицер		
147. Мыстыковский, Михаил, фельдфебель		
148. Чайковский, Станислав, фельдфебель		
149. Бржезинский, Ив., фельдфебель		
150. Шамота, Франц, унтер-офицер		
151. Мшанецкий, Степан, унтер-офицер		
152. Любовицкий, Осип, унтер-офицер		
153. Глашинский, Франц, унтер-офицер		
154. Пенчиковский, Ив., унтер-офицер		
155. Яворский, Кастан, унтер-офицер	За участие в польском восстании 1830 года	Не были разысканы
156. Остророг, Мих., унтер-офицер		
157. Модзелевский, Викентий, подпрапорщик		
158. Берльер, Едуард, унтер-офицер		
159. Пьяновский, Андрей, унтер-офицер		
160. Скомпский, Франц, унтер-офицер		
161. Паенцкий, Иороним, унтер-офицер		
162. Коперский, Лукьян, фельдфебель		
163. Козловский Осип, фельдфебель		
164. Хрусцинский, Вильгельм, унтер-офицер		
165. Гуский, Ксаверий, унтер-офицер		
166. Барженцкий, Эразм, унтер-офицер		
167. Парис, Антип, унтер-офицер		

1	2	3
168. Радзийовский, Виктор, унтер-офицер	За участие в польском восстании 1830 года	Не были разысканы
169. Ражицкий, Людовик, унтер-офицер		
170. Гауч, Викентий, унтер-офицер		
171. Добровольский, Иосиф, подпоручик		
172. Зелинский, Осип, рядовой		
173. Трашковский, Конст., фельдфебель		
174. Кобылинский, Карл, унтер-офицер		
175. Тыльский, Виктор, унтер-офицер		
176. Попинский, Станислав, отст. подпоручик		
177. Циховский, Северин, отст. подпрапорщик		
178. Пашкевич, Карл, отст. унтер-офицер		
179. Набеляк, Людовик, редактор газет		
180. Гощинский, Северин, редактор газет		
181. Рупневский, Рох, студент Варшавского университета		
182. Орнишевский, Людовик, студент		
183. Насиоровский, Валент., студент		
184. Тризцинский, Эд., студент		
185. Янковский, Люд., студент		
186. Свентославский, Александр, студент		
187. Красновский, Валент., студент		
188. Реттель, Леонард, бывш. ученик Варшавского лицея		
189. Заливский, Осип, подпоручик		
190. Чарнецкий, Ант., подпоручик		
191. Грабовский, Яков, фельдфебель		
192. Росляковский, Ант., капитан		

1	2	3
193. Слубицкий, Викентий, поручик	За участие в польском восстании 1830 года	Не были разысканы
194. Свенцицкий, Осип, поручик		
195. Сицинский, Маркел, подпоручик		
196. Косицкий, Алексей, подпоручик		
197. Пршерадский, Адам, подпоручик		
198. Пршерадский, Тит, подпоручик		
199. Кршиштонорский, Осип, подпоручик		
200. Заиончковский, Юлиан, подпоручик		
201. Лоссовский, Матвей, подпоручик		
202. Гавронский, Андрей, капитан		
203. Госфорт, Рудольф, подпоручик		
204. Карспицкий, Карл, подпоручик		
205. Долингер, Станислав, подпоручик		
206. Шиндлер, Антон, унтер-офицер		
207. Урбанский, Петр, поручик		
208. Человский, Леон, подпоручик		
209. Лоский, Александр, подпоручик		
210. Балинский, Людовик, подпрапорщик		
211. Михайловский, Людовик, подпоручик		
212. Боркевич, Люд., подпоручик		
213. Яблковский, Люд., подпоручик		
214. Лазовский, Ив., подпоручик		
215. Стрненский, Александр, подпоручик		
216. Вендроговский, Адам, унтер-офицер		

1	2	3
217. Волошинский, Игнатий, подпоручик		
218. Бетковский, Леон, подпоручик		
219. Герник, Игнатий, фельдфебель		
220. Лобановский, Ив., поручик		
221. Орловский, Александр, подпоручик		
222. Граф Маврикий-Гауке, подпоручик		
223. Ольшевский, Антип, унтер-офицер		
224. Гаевский, Альберт, унтер-офицер		
225. Новосельский, Феликс, подпоручик		
226. Иокиш, Осип, подпрапорщик		
227. Гартпель, Викентий, подпрапорщик		
228. Пухальский, Алексей, подпрапорщик		
229. Белявский, Осип, подпрапорщик		
230. Василевский, Осип, унтер-офицер	За участие в польском восстании 1830 года	Не были разысканы
231. Жарский, Ант., подпрапорщик		
232. Борковский, Карл, унтер-офицер		
233. Глембоцкий, Осип, унтер-офицер		
234. Липский, Антип, унтер-офицер		
235. Пентко, Игнатий, унтер-офицер		
236. Допивский, Александр, подпрапорщик		
237. Раковский, Люд., унтер-офицер		
238. Штиковский, Ант., унтер-офицер		
239. Дорнфельд, Северин, унтер-офицер		
240. Косс, Леон, унтер-офицер		
241. Бржезинский, Андрей, подпрапорщик		
242. Фрезе, Станисл., подпрапорщик		
243. Венчленский, Ксаверий, подпрапорщик		

1	2	3
244. Сколимовский, Ант., унтер-офицер		
245. Дорантович, Фаддей, подпрапорщик		
246. Прешель, Христофор, подпрапорщик		
247. Гриффель, Юлиан, подпрапорщик		
248. Граф Платер, Эдуард, подпрапорщик		
249. Звержховский, Леопольд, подпрапорщик		
250. Заржецкий, Векентий, унтер-офицер		
251. Яшовский, Александр, унтер-офицер		
252. Прошковский, Матвей, подпрапорщик		
253. Бартковский, Ив., студент		
254. Гевартовский, Леопольд, студент		
255. Фалинский, Станисл., студент		
256. Пивоварский, Ад., студент	За участие в польском восстании 1830 года	Не были разысканы
257. Шиманский, Напол., студент		
258. Кобылинский, Викентий, студент		
259. Лидке, Александр, студент		
260. Бацевич, Ан., студент		
261. Сухорский, Поликарп, студент		
262. Миончинский, Александр, студент		
263. Швейцер, Мих.		
264. Мейзнер, Осип		
265. Витковский, Кастан, студент		
266. Модлинский, Игнатий, студент		
267. Яроновский, Конст., бывш. ученик 6-го кл. Варшавского уч.		
268. Домбский, Юлиан, студент		

1	2	3
269. Горженский, Леон, студент		
270. Пашкович, Казим., подполковник		
271. Островский, Иосафат Болеслав, студент		
272. Бронниковский, Ксаверий, патрон при гражд. трибунале		
273. Мохнацкий, Маврикий, магистр прав		
274. Граф Малоховский, Густав, бывш. посол		
275. Граф Гуровский, Ад., помещик		
276. Гржимала, Франц, редактор газет		
277. Бабский, Напол., писец при редакции газеты		
278. Дембинский, Мих., увол. помощ. секр. правит. комис. финансов		
279. Корманский, Влад. Казим., отст. подпоручик	За участие в польском восстании 1830 года	Не были разысканы
280. Штольцман, Карл, поручик		
281. Радзеиовский, Алéксандр, отст. унтер-офицер		
282. Трищинский, Франц, бывш. посол Орл. повета		
283. Циховский, Адольф, отст. подпоручик		
284. Мневский, Александр, помещик		
285. Пршиборовский, Конст., житель Калишс. воев.		
286. Понинский, Нап., житель Краковского воев.		
287. Кн. Четвертинский, Янут, подпоручик		
288. Коржениовский, Онуфрий, унтер-офицер		
289. Нешокоц, Викентий, поручик		
290. Антонини, Яков, майор		
291. Граф Солтыков, Роман, бывш. посол повета		

1	2	3
292. Зверковский, Валентин, член комитета кредитного общества	За участие в польском восстании 1830 года	Не были разысканы
293. Граф Островский, Владислав, бывш. посол повета		
294. Граф Островский, Антип, бывш. сенатор		
295. Граф Ледуховский, Ив., бывш. посол повета		
296. Воловский, Франц, бывш. депутат Варшавского округа		
297. Лущевский, Ад., бывш. посол повета		
298. Лелевель, Иох, бывш. посол повета		
299. Кн. Чарторыжский, Адам, бывш. сенатор, воевода		
300. Моравский, Феофил, бывш. посол		
301. Баржиковский, Станис., бывш. посол		
302. Скршинецкий, Ив., полковник		
303. Немойовский, Бонавентура, помещик		
304. Моравский, Федор, помещик		
305. Бернацкий, Алонзий, бывш. посол		
306. Свирский, Иосиф, бывш. посол		
307. Шанецкий, Ив. Ольрих, бывш. депутат		
308. Петрашевский, Михаил	По делу петрашевцев 1849 г. приговорены к расстрелу	Смертная казнь заменена другими наказаниями
309. Спешнев, Николай		
310. Момбели, поручик		
311. Григорьев, поручик		
312. Львов, капитан		
313. Филиппов, студент		
314. Достоевский, Ф. М., писатель		
315. Ахшарумов, канд.		
316. Дуров, отст. коллежский асессор		

1	2	3
317. Ханыков, студент	По делу петрашевцев 1849 г. приговорены к расстрелу	Смертная казнь заменена другими наказаниями
318. и 319. Дебу братья, чиновники		
320. Толль, учитель		
321. Ястржембский, пом. инсп.		
322. Плещеев, поэт		
323. Кашкин, чиновник		
324. Головинский, чиновник		
325. Пальм, поручик		
326. Тимковский, чиновник		
327. Европеус, отст. коллежский секретарь		
328. Шапошников, мещанин		
329. Петров, Антип, крестьянин	В 1861 г. к расстрелу (крестьян. волнен.)	Расстрелян
330. Ариголд, офицер	В 1862 г. приговорены к расстрелу за хранение и распространение между солдат брошюр возмутительного содержания	Расстреляны
331. Сливицкий, офицер		
332. Ростковский, юнкер		
333. Красовский, подполковник		Смертная казнь заменена каторгой
334. Яковлев, студент		
335. Волков, 20 лет		
336. Васильев, 18 лет		
337. Ушаков, офицер	В 1863 г. за пропаганду между фабричными рабочими	Заменена каторгой
338. Иваницкий, штабс-капитан	В 1864 г. приговорены к расстрелу по делу о «казанском заговоре»	Расстреляны
339. Мрочек, поручик		
340. Станкевич, подпоручик		
341. Кеневич, дворянин		
342. Орлов, Ив., студент		Заменена каторгой
343. Новицкий, дворянин		
344. Госцевич, дворянин		
345. Алехнович, дворянин		
346. Маевский, мещанин		

1	2	3
347. Черняк, офицер	В 1865 г. по тому же делу	Расстрелян
348. Каракозов, Дмитрий, бывш. студент, 25 лет	В 1866 г. за покушение на убийство Императора Александра II	Повешен
349. Ишутин, пот. поч. гр., 26 л.	По тому же делу.	Заменена каторгой
350. Ковальский, Иван*	В 1878 г. за вооруженное сопротивление жандармам	Расстрелян
351. Дубровин, офицер	В 1879 г.	
352. Бранднер	В 1879 г. приговорены к смертной казни через расстрел	Повешены
353. Антонов		
354. Осинский, Валер		
355. Лешерн, Софья		Заменена каторгой
356. Горский	В 1879 г.	Повешены
357. Бильчанский		
358. Федоров, (Гобст)		
359. Чубаров	В 1879 г. 5 авг. приговорены воен.-окружным судом в Одессе к смертной казни через повешение	10 авг. [redacted] повешены
360. Лизогуб		
361. Давиденко		
362. Виттенберг		
363. Логовенко, матрос		
364. Малинка	В 1879 г. приговорены в Одессе к смертной казни через повешение	7 дек. повешены
365. Дробязгин		
366. Майданский		

* В 1876 г. были приговорены к смертной казни двое (казнены); в 1877 г. — четверо (казнены); в 1878 г. — 23 (казнены); нам имена их неизвестны.

1	2	3
367. Соловьев		
368. Мирский*		Заменена каторгой
369. Розовский		
370. Лозинский	В 1880 г. приговорены в Киеве к повешению	5 марта повешены
371. Попов, Михаил		
372. Иванов, Игнат		Смертная казнь заменена каторгой
373. Млодецкий		22 февр. повешен
374. Сабуров (Оболешов)	В 1880 г. в С.-Петербурге	Смертная казнь заменена каторгой
375. Михайлов, Адриан		
376. Квятковский		4 нояб. повешен
377. Ширяев	В 1880 году в С.-Петербурге, военно-окружным судом	Смертная казнь заменена каторгой
378. Пресняков, рабочий		4 нояб. повешен
379. Тихонов, рабочий		Заменена каторгой
380. Окладский, рабочий		
381. Желябов	В 1881 г. за убийство Императора Александра II приговорены к повешению	Повешены 3 апр. 1881 г.
382. Михайлов, Тимофей		
383. Кибальчич		
384. Рысаков		
385. Перовская, Софья		
386. Гельфман, Геся		Умерла в Петропавловской креп.
387. Щедрин	В 1881 г. в Киеве	Заменена каторгой
Он же (Щедрин)	В Иркутске за оскорб. действ. тюрем. инсп.	Заменена приковыванием к тачке

* В 1879 году было приговорено к смертной казни, кроме указанных лиц, еще четверо, имена которых нам неизвестны.

1	2	3
388. Легкий	За убийство тюрем. надзирателя	Повешен
389. Соньковский	В 1881 г. за покушение на жизнь Черевина	Заменена каторгой
390. Михайлов, Ал., дворянин 25 л.	Народовольцы. В 1882 г. приговорены в С.-Петербурге к повешению	Заменена каторжными работами
391. Колодкевич, 31 год		
392. Фроленко, сын фельд., 33 л.		
393. Исаев, 24 лет		
394. Емельянов, 20 лет		
395. Клеточников		
396. Тетерка, столяр		
397. Суханов, отст. лейтенант		Расстрелян
398. Лебедева, Татьяна, 29 лет		Заменена каторгой
399. Якимова, дочь свящ., 26 лет		
400. Нагорный	В 1882 г. за убийство шпиона Прейма	Заменена каторгой
401. Евсеев		
402. Поливанов	В 1882 г. в Саратове	
403. Желваков, студент	В 1882 г. в Одессе за убийство военного прокурора	Повешены
404. Халтурин, рабочий		
405. Кутитонская, Мария	В 1883 г. за покушение на жизнь губернатора	Заменена каторгой
406. Богданович	В 1883 г. приговорены в С.-Петербурге к повешению	Заменена заключением в Петропавловскую креп., где все и умерли
407. Буцевич		
408. Грачевский		
409. Теллалов		
410. Златопольский		
411. Неустроев, учитель гимназии	В 1883 г. за пощечину генерал-губернатору	Расстрелян

1	2	3
412. Мышкин, Ип. Ник.	В 1884 г. за оскорбление надзирателя в Шлиссельбургской креп.	Расстреляны
413. Минаков		
414. Рогачев, офицер	В 1884 г. в С.-Петербурге к повешению	Повешены
415. Бар. Штромберг, офицер		
416. Ашенбренер, офицер		Заменена заключением в Шлиссельбургскую креп.
417. Похитонов, офицер		
418. Тихонович, офицер		
419. Юначев, офицер		
420. Фигнер, Вера Ник.		
421. Волькенштейн, Людм.		
422. Лисянский	В 1885 г. в Харьк.	Повешен
423. Манучаров	В 1885 г. в Ростове-на-Дону	Заменена каторгой
424. Бордовский, мировой судья	1885 г. в Варшаве к повешению	Повешен
425. Люри, офицер		Заменена каторгой
426. Куницкий, бывш. студент		Повешен
427. Шмаус, рабочий		Заменена каторгой
428. Петрусинский, рабочий		Повешены
429. Оссовский, рабочий		
430. Ковалевский, рабочий	В 1886 г. в Варшаве	Повешен
431. Лопатин	В 1887 г. в С.-Петербурге к повешению	Заменена каторгой
432. Салово		
433. Иванов, Сергей		
434. Стародворский		
435. Канашевич		
436. Сухомлинов		
437. Якубович, П. Ф.		
438. Генералов, В., студент	В 1887 г. в С.-Петербурге, за покушение на жизнь Императора Александра III	Все повешены
439. Осипов, В., студент		
440. Ульянов, А., студент		
441. Андрюшкин, П.		
442. Шевырев		
443. Оржих	В 1888 г.	Заменена каторгой

1	2	3
444. Зотов 445. Коган-Бернштейн 446. Гаусман	В 1889 г. за вооруженное сопротивление властям	Повешены
447. Гинцбург, Софья	В 1890 г.	Заменена каторгой
448. Балмашев, С.	Убийство министра	Повешены
449. Лекерт	Покушение на убийство	Повешены
450. Качур	Покушение на убийство	Заменена каторгой
451. Гершуня 452. Мельников	Участие в боевых организациях	Заменена каторгой
1905 год		
453. Пиляшек, крестьянин	В Варшаве	Заменена каторгой
454. Каляев, Иван	В апреле убийство В. Кн. Сергея Александровича	Повешен 10 мая
455. Дейч	За покушение на убийство пристава	Заменена каторгой
456. Маньковский	6 июня в Двинске за покушение на жизнь полицмейстера	Оправдан при вторичном разборе дела
457. Окржея	11 июня в Варшаве (бомба в участок)	Повешен
458. Зелинский	За покушение на убийство околоточного надзирателя	Оправдан при вторичном разборе дела
459. Евлагин 460. Крыжановский	За убийство тюремного надзир. и покушение на убийство начальника тюрьмы	

1	2	3
461. Рогачев, рядовой 462. Пархоменко, рядовой 463. Ермаков, рядовой 464. Бурименко, рядовой 465. Харчук, рядовой	За покушение на убийство начальника дисциплин. бат. полковника Давыдова в г. Херсоне	Расстреляны четверо 24 авг.
466. Мочедлобер, рядовой	За покушение на убийство командира полка 20 июля	Повешен 6 окт.
467. Сидорчук	За убийство житомирского пристава Куярова 19 июля	Заменена каторгой
468. Васильев, рабочий	За убийство околоточного надзирателя	Повешен 20 авг.
469. Комаровский	За нанесение раны городовому	Заменена каторгой
470. Гершкович	За покушение на убийство пристава Стаховича и дворника 18 июля	Казнен 20 авг.
471. Гурджидзе	За убийство околоточного надзирателя	Заменена каторгой
472. Куликовский	За убийство московского градонач. гр. Шувалова	
473. Тевзадзе, рабочий, 17 лет 474. Николаишвили	За убийство тифлисского кондитера Алиханова	
475. Друя, мещанин	За покушение на убийство городового	
476. Персиц 477. Прокопе	За покушение на убийство	Заменена каторгой

1	2	3
478. Петров, матрос	Беспорядки на «Пруте» в Севастополе	Расстреляны 24 авг.
479. Афименко, матрос		
480. Черный, матрос		
481. Дорофеев	Беспорядки в порте Александра III. Приговорены 12 авг. в Либаве	Заменена каторжными работами
482. Шпаковский		
483. Ткачев		
484. Анненков		
485. Субботин		
486. Лазарев		
487. Тарашев		
488. Колесников		
489. Каспржак, 65 лет	Убийство двух офицеров, двух городовых в Варшаве	Повешен 26 авг.
490. Хмельницкий	За покушение на убийство солдата в Варшаве	Повешен 28 авг.
491. Никифоров	Убийство нач. охран. отд. в Ниж. Новг.	Повешен 12 авг.
492. Дайнего, матрос	В Севастополе	Расстре- [redacted] 3 сент.
493. Кушуба, матрос		
494. Лаго, 20 лет	За покушение на убийство нежинск. пристава Крещаповского, 17 сент.	Заменена каторгой
495. Зьяньянц	За убийство бывш. бакинского губерн. кн. Накашидзе	Заменена каторгой
496. Майрамов		
497. Саханьянц		
498. Артюнов		
499. Агасеньянц, малолетн.		Дело направлено на доследов.
500. Краузе	За покушение на убийство городового	Повешен

1	2	3
501. Алешкер	За покушение на убийство сыщика	Заменена каторгой
502. Орыма	За убийство казака	Казнен 30 сент. в Варшаве
503. Салам Оглы	За убийство стражника, воор. сопротивл. 25 сент.	
504. Джорджий	В Баку 22 сент. за убийство околоточного надзир.	
505. Лупандин, рабочий	Вооруж. нападение. К повешению	

1906 год

1	2	3
506. Розенцвейг	В Варшаве, за принадлежность к боевой организации анархистов коммунистов	Расстреляны 3 янв.
507. Гольшаин		
508. Рифкинд		
509. Шаер		
510. Пфефер		
511. Марковский	За убийство начал. железнодор. станции в Люблине	Расстрелян
512. Озоль, владелец книжной лавки	По приг. воен. суда в Вендене, Лифл. губ.	Расстрелян
513. Заславский, 16 лет	Попытка освободить арестованного	Заменена бесср. каторгой
514. Штеймберг, мещанин, 20 лет	Приговорен 28 янв. к повеш. в Риге	Повешены 28 февр.
515. Задзе, мещанин, 21 года		
516. Струнин, кочегар (Петрунин ?)	Покушение на убийство коменданта Кушкинской креп. Прасолова	Заменена каторгой

1	2	3
517. Пулихов, Ив.	Покушение на убийство минск. губ. Курлова и полиц. Нарова к повеш. 16 февр.	Повешен 25 февр.
518. Измайлович, Анна		Заменена каторгой
519. Оксенкрух, 20 лет		
520. Якунович	Покушение на убийство околоточного надз. в Вильно	Заменена каторгой
521. Баташев, рабочий	Нанесение раны жандарму в Туле	Заменена каторгой
522. Цветков, канонир	Главн. воен. суд 13 февр.	Бежал
523. Бушуев	Покушение на убийство уф. в.-губ. Келеповского (февр.)	Заменена каторгой
524. Борзин, Ян	Убийство казака в Риге	Казнен
525. Джорбжиашвили	Убийство генерала Грязнова в Тифлисе	Казнен 1 марта
526. Окунцов, дир. реал. уч.	Изд. «Революц. газеты», по 99 100, 103, п. 3 ст. Угол. улож.	Заменена каторгой
527. Шинкман, доктор		
528. Мирский, ссыльный		
529. Неизвестная	Убийство ген.-ад. Сахарова в Саратове	Заменена каторгой
530. Бакманов	Покуш. на убийство в.-губ. в Саратове	Заменена каторгой
531. Орына	Вооруж. напад. на патруль в Варшаве к повешению	
532. Барышевич		

1	2	3
533. Петров, Сергей	По делу бобруйского дисципл. батальона приговорены к смертной казни в марте 1906 г.	
534. Петров, Николай		
535. Кошин, Иван		
536. Быстров, Василий		
537. Сарников, Николай		
538. Гребешков, Михаил		
539. Казанцев, Степан		
540. Кодырс, Кодиор		
541. Калашников, Ден.		
542. Гуревич, Леонид		
543. Васильев, Ив.		
544. Мочалин, Пав.		
545. Федоров, Вас.		
546. Тиц, студент	Заочно приговорен за агитацию в Прибалт. крае	
547. Григорович, техник	Забастовки	Казнены 2 марта в 3 ч. дня в Чите
548. Цупоман (Цукерман ?) пом. нач. ст.		
549. Столяров, рабочий		
550. Ванштейн, жел.-д. служ.		
551. Кузнецов, директор музея в Чите		Заменена каторгой
552. Кларк, жел.-дор. служ.		
553. Кривоносенко, мещанин		
554. Фабричный, рядовой	За убийство командира батальона в Вятке (приг. 8 февр.)	
555. Шмидт, лейтенант	Вооруж. восстан. 18 февр.	Расстреляны
556. Частник, кандукт.		
557. Антоненко, командор		
558. Гладков, машинист		
559. и 560. Чекальские, братья	За покушение 21 дек. 1905 г. на убийство земск. страж. Варш. губ.	
561. Зерницкий	За убийство 23 дек. 1905 г. зем. стр. в Заверце	Казнен 24 февр.

1	2	3
562. Бауман, Ян, крестьянин	За убийство городового в Риге	
563. Теманс, присяжный поверен.	Заочно к повешению в Ревеле	Не разысканы
564. Пяц, тов. гор. головы	То же	
565. Слиндер, несоверш.	За покуш. на убийство жандарма в Вильне	
566. Замошников	По 51 ст. и 1 ч. 100 ст. Угол. улож. (почтов. забастовка)	Заменена каторгой
567. Хмелев		
568. Костылев		
569. Андреевский		
570. Рыбин		
571. Бергман		
572. Розов(?)		
573. Дмитриев, Иосиф	По 51 ст. и 3 ч. 102 ст. Угол. улож. (участие в почтов. союзе) в Чите	Заменена каторгой
574. Афанасьев		
575. Мейлун		
576. Греков		
577. Сосновский		
578. Богоявленский		
579. Коротков, крестьянин	В Екатеринославе за участие в сообщ. с целью ниспровержения существ. строя	
580. Жуков, рядов. дис. бат.	Покуш. на убийство генер.	Заменена каторгой
581. Финовский	За нападение на патруль в Люблине	
582. Боришевский		
583. Михельсон	Стрельба в чинов. полиц., напад. на ювелирн. магаз.	Казнен
584. Конаржевский		Повешен
585. Спек	За покушение на убийство полиц.	Казнен

1	2	3
586. Бисенок	Стрельба в драгуна в Митаве	Казнен
587. Берденников	За убийство надз. в Томске	
588. Земгал	За нападение на городового в Риге	Дело кассировано
589. Иогансон, несоверш.		
	Разгром гминного управл. и оскорбление портр. Государя	
590. Хойнатский, Ив.		Повешены в Варшаве
591. Гузинский, Владислав		
592. Случче		Расстрелян 6 февр.
593. Пумпурь, учитель	В Прибалт. крае	Повешены 30 янв.
594. Кронберг, вол. пис.		
595. Клопи, сыровар		
596. Чиче	В Прибалт. крае	Расстреляны
597. Данберг, седельник		
598. Зарницкий		
599. Кабельяни	Убийство пристава	Расстрелян
600. Спиридонова	Убийство Луженовского	Заменена каторгой
601. Чекальский		
602. Коровин, фельдфебель	Дело «саперов» в Киеве к расстрелу апрель, 14	
603. Квашнин, фельдфебель		
604. Рябый, унтер-офицер		
605. Гланто, несоверш.	За убийство кассира	
606. Гольдберг, крестьянин	Покушение на убийство двух городовых	
607. Короткий	За убийство полиц. и рана полицм. Вильна к повешению	Расстрелян 1 февр. 1906 г.
608. Гордеев, рабочий		
609. Гольсобель		Повешены 12 февр.
610. Медведников, инж. тех.		
611. Малютинский, машинист		
612. Пашинский, нач. станции		Заменена каторгой

Смертная казнь в истории Советского государства

Марксизм-ленинизм в принципе отрицательно относится к смертной казни. Карл Маркс писал: «...весьма трудно, а, может быть, вообще невозможно, найти принцип, посредством которого можно было бы обосновать справедливость или целесообразность смертной казни в обществе, кичащемся своей цивилизацией» [1].

Буквально на второй день после свершения Великой Октябрьской социалистической революции Второй Всероссийский съезд Советов в принятом им Декрете отменил смертную казнь в нашей стране.

В первые месяцы после революции молодая Советская власть проявляла подлинное великодушие и мягкость по отношению к представителям контрреволюции. Так, под честное слово был отпущен генерал Краснов, организовавший заговор против Советской власти.

До лета 1918 года карательные органы Советской власти не применяли смертной казни по отношению к своим политическим противникам. В. И. Ленин писал в 1919 году: «После революции 25 октября (7 ноября) 1917 г. мы не закрыли даже буржуазных газет, и о терроре не было и речи. Мы освободили не только многих министров Керенского, но и воевавшего против нас Краснова. Лишь после того, как эксплуататоры, т. е. капиталисты, стали развертывать свое сопротивление, мы начали систематически подавлять его, вплоть до террора» [2].

Этот факт признали даже враждебно настроенные к Советской власти историки.

Известный советолог Шапиро писал: «Однако в первые месяцы террор применялся лишь от случая к случаю и не принимал организованного характера вплоть до лета 1918 года — начала гражданской войны, убийства несколь-

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 8, с. 530.
[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39, с. 113 — 114.

4 Зак. 702

ких большевистских лидеров и покушения на Ленина»[1].

Бешеное сопротивление свергнутой буржуазии, заговоры, контрреволюционные выступления и восстания поставили перед Советской властью задачу активизации борьбы с контрреволюцией.

В обращении СНК «Ко всему населению о борьбе с контрреволюционным восстанием Каледина и Дутова» от 25 ноября 1917 г. говорилось: «Рабочие, солдаты, крестьяне, Революция в опасности. Нужно народное дело довести до конца. Нужно смести прочь преступных врагов народа. Нужно, чтобы контрреволюционные заговорщики, казачьи генералы, их кадетские вдохновители почувствовали железную руку революционного народа»[2]. И тем не менее, в первых актах, устанавливающих перечень уголовных наказаний: Инструкции НКЮ от 18 декабря 1917 г. «О революционном трибунале и печати» и Инструкции революционным трибуналам от 19 декабря 1917 г. — смертная казнь отсутствовала.

7 (20) декабря 1917 г. Совнарком на заседании под председательством В. И. Ленина постановил создать Всероссийскую чрезвычайную комиссию по борьбе с контрреволюцией и саботажем.

К началу 1918 года резко обострилась внутренняя и международная обстановка молодой советской республики.

21 февраля 1918 г. СНК РСФСР принимает декрет «Социалистическое отечество в опасности!»[3].

Декрет провозгласил переход к чрезвычайным мерам и допустил возможность применения расстрела на месте за совершение преступлений неприятельскими агентами, спекулянтами, погромщиками, хулиганами, контрреволюционными агитаторами, германскими шпионами.

Во исполнение этого декрета ВЧК 23 февраля 1918 г. опубликовала заявление, в котором указывалось: «Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией при Совете

---

[1] Цит. по кн.: Спирин Л. М. Классы и партии в гражданской войне в России. М., 1968, с. 214.

[2] Декреты Советской власти. Т. I, с. 154 — 155.

[3] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35, с. 357 — 358.

Народных Комиссаров доводит до сведения всех граждан, что до сих пор комиссия была великодушна в борьбе с врагами народа, но в данный момент, когда гидра контрреволюции наглеет с каждым днем, вдохновляемая предательским нападением германских контрреволюционеров, когда всемирная буржуазия пытается задушить авангард революционного интернационала — российский пролетариат, ВЧК, основываясь на постановлении СНК, не видит других мер борьбы с контрреволюционерами, шпионами, спекулянтами, громилами, хулиганами, саботажниками и прочими паразитами, кроме беспощадного уничтожения на месте преступления» [1].

Следовательно, ВЧК предоставлялись права внесудебного подавления врагов революции, вплоть до их расстрела на месте. По свидетельству одного из руководителей ВЧК М. Я. Лациса, за первую половину 1918 года было расстреляно 22 человека, затем репрессии ужесточились, а с середины осени 1918 года их число пошло на убыль. В октябре расстреляли 641 врага Советской власти, в ноябре — 210, в декабре — 302, в январе 1919 г. — 144, а в феврале — 34[2]. Это явилось результатом того, что сопротивление свергнутых классов в стране в значительной степени было преодолено.

В связи с этим возникает вопрос, как совместить расстрелы, совершаемые ВЧК, с принципом законности и с тем, что, по сути дела, расстрелы осуществлялись без суда и следствия, без точного установления признаков конкретного состава преступления, хотя официально смертная казнь была отменена.

Все это объясняется исключительно сложной, экстремальной политической обстановкой в стране: борьба шла не на жизнь, а на смерть. Чрезвычайные меры, в том числе и внесудебного характера, в условиях военного времени применялись и применяются в любой стране и в разных исторических условиях.

Сравнивая обстановку, сложившуюся тогда в России, с политической ситуацией во Франции периода Великой французской революции, Л. Д. Троцкий писал: «Железная

---

[1] Известия ВЦИК, 1918, № 32, 28 февр.

[2] Лацис М. Я. Чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией М., 1921.

диктатура якобинцев была вызвана чудовищно тяжким положением революционной Франции». Иностранные войска вступили с четырех сторон на французскую территорию, внутри страны — многочисленные тайные сторонники старого порядка, готовые всеми средствами помогать неприятелю...

«Суровость пролетарской диктатуры, — проводит параллель Л. Д. Троцкий, — была обусловлена не менее тяжкими обстоятельствами. Сплошной фронт на севере и юге, западе и востоке. Кроме русских белогвардейских армий Колчака, Деникина и пр., против Советской России выступают одновременно и поочередно: немцы и австрийцы, чехословаки, сербы, поляки, украинцы, румыны, французы, англичане, американцы, японцы, финны, эстонцы, литовцы. В стране, охваченной блокадой, задыхающейся от голода, — непрерывные заговоры, восстания, террористические акты, разрушение складов, путей и мостов» [1].

В таких экстремальных условиях вполне оправданы исключительные, чрезвычайные меры борьбы с врагами революции.

«...Социализм, — писал В. И. Ленин, — никогда не удастся строить в такое время, когда все гладко и спокойно, социализм никогда не удастся осуществить без бешеного сопротивления помещиков и капиталистов» [2].

Дальнейшая активизация сил контрреволюции: мятеж левых эсеров, убийства М. Урицкого и В. Володарского, покушение на жизнь В. И. Ленина вызвали необходимость в принятии еще более решительных мер в борьбе с врагами революции.

5 сентября 1918 г. СНК РСФСР принял постановление «О красном терроре», в котором говорилось, «что подлежат расстрелу все лица, прикосновенные к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам; что необходимо опубликовать имена всех расстрелянных, а также основания применения к ним этой меры» [3].

В. И. Ленин еще в январе 1918 года, исходя из глубокого анализа сложившейся социально-политической

---

[1] Цит. по кн.: Исаев М. М. Общая часть уголовного права РСФСР. М., 1925, с. 69.

[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36, с. 505.

[3] СУ РСФСР, 1918, № 65, ст. 710.

обстановки, считал необходимым введение смертной казни. «Пока мы не применим террора — расстрел на месте — к спекулянтам, ничего не выйдет, — говорил В. И. Ленин. — Если отряды будут составлены из случайных, не сговорившихся людей, грабежей не может быть. Кроме того, с грабителями надо также поступать решительно — расстреливать на месте» [1].

Первый случай применения смертной казни имел место 26 февраля 1918 г., когда были расстреляны самозванный князь Эболи, известный своими авантюрами и бандитскими налетами, и его сообщница Бритт. Эболи и Бритт, под видом обысков и выдавая себя за представителей Советской власти, совершали кражи, грабежи и разбои. Этот расстрел был утвержден коллегией ВЧК.

Заместитель Председателя ВЧК Я. Х. Петерс следующим образом обосновывал применение в данном случае расстрела: «Вопрос о смертной казни с самого начала нашей деятельности поднимался в нашей среде, и в течение нескольких месяцев после долгого обсуждения этого вопроса смертную казнь мы отклоняли как средство борьбы с врагами. Но бандитизм развивался с ужасающей быстротой и принимал слишком угрожающие размеры. К тому же, как мы убедились, около 70% наиболее серьезных нападений и грабежей совершались интеллигентными лицами, в большинстве бывшими офицерами. Эти обстоятельства заставили нас в конце концов решить, что применение смертной казни неизбежно, и расстрел князя Эболи был произведен по единогласному решению» [2].

16 июня 1918 г. Наркомюст РСФСР принял постановление о том, что революционные трибуналы в выборе мер борьбы с контрреволюционным саботажем и прочими преступлениями не связаны никакими ограничениями, за исключением случаев, когда в законе определена мера в выражениях: «не ниже такого-то наказания». Трибуналам предоставлялось право выносить приговоры к расстрелу.

Первый приговор к расстрелу революционным военным трибуналом был вынесен в отношении бывшего начальника

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35, с. 311.

[2] Известия ВЦИК, 1918, 6 нояб. Следует отметить, что в «Правде» систематически публиковались сообщения о лицах, приговоренных ВЧК к расстрелу.

военно-морских сил Балтийского флота контр-адмирала А. М. Щастного, который был признан виновным в подготовке контрреволюционного переворота на Балтийском флоте [1].

Решительные действия Советской власти, прибегнувшей к красному террору, вызвали нападки со стороны международной буржуазии. В. И. Ленин в письме к американским рабочим, датированном 20 августа 1918 г., писал: «...слуги (буржуазии. — *О. Ш.*) обвиняют нас в терроре... Английские буржуа забыли свой 1649, французы свой 1793 год. Террор был справедлив и законен, когда он применялся буржуазией в ее пользу против феодалов. Террор стал чудовищен и преступен, когда его дерзнули применять рабочие и беднейшие крестьяне против буржуазии! Террор был справедлив и законен, когда его применяли в интересах замены одного эксплуатирующего меньшинства другим эксплуататорским меньшинством. Террор стал чудовищен и преступен, когда его стали применять в интересах свержения *всякого* эксплуататорского меньшинства, в интересах действительно огромного большинства, в интересах пролетариата и полупролетариата, рабочего класса и беднейшего крестьянства!

...Не может быть успешной революция без *подавления сопротивления эксплуататоров*. Наш долг был, когда мы, рабочие и трудящиеся крестьяне, овладели государственной властью, подавить сопротивление эксплуататоров. Мы гордимся тем, что делали и делаем это. Мы жалеем о том, что недостаточно твердо и решительно делаем это» [2].

Сама жизнь, бурное развитие революционных событий, требования уголовной политики опережали закон. При этом нельзя забывать и о том, что ужесточение репрессии, красный террор, введение внесудебных мер подавления контрреволюции, расстрелы были навязаны нам самой буржуазией.

В этот период смертная казнь в виде расстрела применялась ВЧК, деятельность которой до ноября 1918 года не была законодательно регламентирована, а также революционными трибуналами. «Кроме права арестов, — писал Н. В. Крыленко, — она (ВЧК. — *О. Ш.*)

---

1 Известия ВЦИК, 1918, 22 июня.

2 Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37, с. 59 — 60.

присвоила себе право безапелляционного решения вопросов жизни и смерти, причем эти самые решения выносились «тройками» или «пятерками» чрезвычайных комиссий без каких бы то ни было норм, определявших как подсудность, так и метод рассмотрения дел. Вторая половина 1918 года была эпохой разгара красного террора, поэтому вполне понятно, что в атмосфере этих исключительных полномочий могли возникнуть и иметь место ряд эксцессов и ненормальностей в работе этих комиссий, которые в свою очередь не могли не вызвать справедливой реакции» [1].

На эти недостатки и теневые стороны деятельности ВЧК было обращено внимание на проходившем в июне 1918 года съезде председателей революционных трибуналов. В частности, обращалось внимание на отсутствие гласности судопроизводства и законодательного закрепления деятельности ВЧК. Кроме того, нужно признать, что в деятельности органов ВЧК были перегибы, некоторые сотрудники действовали по принципу: «лес рубят — щепки летят».

Обоюдный, красный и белый, террор вызвал протест представителей передовой русской интеллигенции. Так, В. Г. Короленко в 1920 году в письмах к А. В. Луначарскому решительно выступал против внесудебных расстрелов, осуществляемых сотрудниками ВЧК. «При царской власти я много писал о смертной казни и даже отвоевал себе право говорить о ней печатно много больше, чем это вообще было дозволено цензурой. Порой мне удавалось даже спасать уже обреченные жертвы военных судов, и были случаи, когда после приостановления казни получались доказательства невиновности и жертвы освобождались,.. хотя бывало, что эти доказательства приходили слишком поздно...

Но казни без суда, казни в административном порядке — это бывало величайшей редкостью даже и тогда... Я думаю, что не всякие средства могут действительно обращаться на благо народа, и для меня несомненно, что административные расстрелы, возведенные в систему

---

[1] Крыленко Н. В. Судоустройство РСФСР (Лекции по теории и истории судоустройства). М., 1923, с. 97.

и продолжающиеся уже второй год, не принадлежат к их числу» [1].

Человеколюбие, преисполнявшее душу этого выдающегося писателя-гуманиста, его гражданское мужество заставляли его выступать против актов произвола, имевших место в деятельности некоторых сотрудников ВЧК. «Для нас, современников, этот террор представляется тем более трагичным, что он оказался не последним, — пишет в предисловии к письмам В. Г. Короленко Луначарскому Сергей Залыгин. — ...Нам нужно помнить и тех рыцарей морали и справедливости, которые находились всегда и везде в самые трагические моменты и действовали так, как подсказывала им собственная совесть и ничто другое. Ведь в самый разгар и таких человеческих бедствий, как терроризм, находились люди, которые по мере своих сил (и даже сверх этой меры) противостояли подобным бедствиям.

Может быть, исторически они были не во всем правы, но даже если это так, они не перестают быть рыцарями и должны бесконечно долго жить в памяти народной» [2].

За девять месяцев (июнь 1918 — февраль 1919 г.) по приговорам органов ВЧК было расстреляно на территории 23 губерний 5496 человек, в том числе около 800 уголовных преступников [3].

Недостатки в работе ВЧК, ошибки, допускаемые отдельными ее сотрудниками при применении мер уголовной репрессии, нарушения законности не могли не волновать В. И. Ленина.

2 ноября 1918 г. В. И. Ленин составляет набросок тезисов постановления «О точном соблюдении законов», которые получают одобрение ЦК партии. Эти тезисы легли в основу постановления Чрезвычайного VI Всероссийского съезда Советов «О революционной законности, которое было принято 8 декабря 1918 г. Постановление закрепило

---

[1] Владимир Короленко. Письма к Луначарскому. Письмо первое. — Новый мир, 1988, № 10, с. 199.

[2] Новый мир, 1988, № 10, с. 198.

[3] См.: Спирин Л. М. Классы и партии в гражданской войне в России. М., 1968, с. 216.

требование революционной законности и стало основой для дальнейшей работы органов ВЧК [1].

В июне 1919 года были расширены права ВЧК в части применения расстрела. За органами ВЧК согласно Декрету ВЦИК от 20 июня 1919 г. сохранялось право непосредственной расправы, вплоть до расстрела в местностях, объявленных на военном положении, за преступления, указанные в самом постановлении о введении военного положения, а именно: за государственную измену, шпионаж, укрывательство изменников и шпионов, принадлежность к контрреволюционным организациям и участие в заговоре против Советской власти, сокрытие в контрреволюционных целях боевого оружия, подделку денежных знаков, подлог в контрреволюционных целях документов, участие в контрреволюционных целях в поджогах и взрывах, умышленное истребление или повреждение железнодорожных путей, мостов и других сооружений, телеграфного и телефонного сообщения, складов воинского сооружения, снаряжения, продовольственных и фуражных запасов, бандитизм, разбой и вооруженный грабеж, взлом советских и общественных складов и магазинов с целью незаконного хищения, незаконную торговлю кокаином [2].

Применение смертной казни революционными трибуналами вызвало озлобление контрреволюции, и особенно левых эсеров. Вопрос был настолько острым, что обсуждался на V Всероссийском съезде Советов, проходившем с 4 по 10 июля 1918 г. Председатель ВЦИК Я. М. Свердлов, опровергая позицию левых эсеров, говорил на съезде: «Революция в своем развитии вынуждает нас к целому ряду таких актов, к которым в период мирного развития, в эпоху спокойного, органического развития мы бы никогда не стали прибегать». Критикуя левых эсеров за отсутствие логики в подходе к вопросу о смертной казни, Я. М. Свердлов продолжал: «Я напомню товарищам о том, что в Российской Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией... принимают равное участие во всех работах, в том числе и в расстрелах, проводимых комиссией,

---

[1] См.: В. И. Ленин и ВЧК. Сборник документов (1917 — 1920 гг.). Изд. 2-е, доп. М., 1987, с. 89, 90.

[2] См.: Из истории ВЧК (1917 — 1921). Сборник документов. М., 1958, с. 300 — 301.

и левые эсеры, и большевики, и по отношению к этим расстрелам у нас как будто никаких разногласий нет. Но левые эсеры заявляют, что они — против смертной казни... по суду, но смертная казнь без суда ими допускается. Для нас, товарищи, такое положение является совершенно непонятным, оно нам кажется совершенно нелогичным. Я не сторонник употребления резких слов, но важно указать, что как-нибудь нужно свести концы с концами»[1]. Это было сказано в адрес лидера левых эсеров М. А. Спиридоновой, которая выступила на V съезде Советов против применения смертной казни на основе судебных приговоров, но не возражала против расстрелов, осуществляемых Чрезвычайной Комиссией.

С докладом Совета Народных Комиссаров на V Всероссийском съезде Советов выступил В. И. Ленин, который убедительно доказал неизбежность применения смертной казни в условиях ожесточенной борьбы со свергнутой, но пытающейся всеми средствами восстановить свое утраченное господство буржуазией: «Постоянно приходится слышать, что то там, то здесь восстают против Советов, — говорил Ленин. — Восстания кулаков захватывают все новые области. На Дону Краснов, которого русские рабочие великодушно отпустили в Петрограде, когда он явился и отдал свою шпагу, ибо предрассудки интеллигенции еще сильны и интеллигенция протестовала против смертной казни, был отпущен из-за предрассудков интеллигенции против смертной казни. А теперь я посмотрел бы народный суд, тот рабочий, крестьянский суд, который не расстрелял бы Краснова, как он расстреливает рабочих и крестьян. Нам говорят, что, когда в комиссии Дзержинского расстреливают — это хорошо, а если открыто перед лицом всего народа суд скажет: он контрреволюционер и достоин расстрела, то это плохо. Люди, которые дошли до такого лицемерия, политически мертвы... Нет, революционер, который не хочет лицемерить, не может отказаться от смертной казни. Не было ни одной революции и эпохи гражданской войны, в которых не было бы расстрелов.

...Меня, видавшего виды партийных разногласий, революционных споров, не удивляет, что в такой трудный период увеличивается число людей, которые впадают

[1] Свердлов Я. М. Избранные произведения. Т. 2. М., 1959, с. 243.

в истерику и кричат: я уйду из Советов. Ссылаются на декреты, отменяющие смертную казнь. Но плох тот революционер, который в момент острой борьбы останавливается перед незыблемостью закона. Законы в переходное время имеют временное значение. И если закон препятствует развитию революции, он отменяется или исправляется»[1].

Таким образом, В. И. Ленин к вопросу о смертной казни в сложившихся тогда условиях предлагал подходить с позиции революционной, политической целесообразности. Красный террор им рассматривался как одно из средств реализации уголовной политики.

Смертная казнь в виде расстрела была законодательно закреплена в Руководящих началах по уголовному праву РСФСР 1919 года — первом законодательном акте, где в концентрированной форме регламентированы основные положения и институты общей части нового уголовного права.

К началу 1920 года политическая обстановка в стране меняется. Разгром Юденича, Колчака и Деникина, занятие Ростова, Новочеркасска и Красноярска, взятие в плен «верховного правителя», а также уничтожение крупнейших тайных организаций контрреволюционеров и бандитов и достигнутое этим укрепление Советской власти — все это дало возможность отказаться от применения смертной казни к врагам первого в мире социалистического государства.

Инициатором отмены смертной казни был Ф. Э. Дзержинский, который вошел в Политбюро ЦК РКП(б) с предложением о ее отмене. Политбюро обсудило на своем заседании 13 января 1920 г. это предложение и приняло решение об опубликовании предложения Дзержинского в виде приказа от имени ВЧК о прекращении с 1 февраля 1920 г. всеми местными ЧК применения высшей меры наказания и о передаче всех дел, по которым могло бы грозить такое наказание, в Ревтрибунал. Было принято также решение избрать комиссию в составе Ф. Э. Дзержинского, Л. Б. Каменева и Л. Д. Троцкого для разработки приказа и подтверждения этого приказа от имени правительства в целом. Уже 15 января

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36, с. 503 — 504.

1920 г. в «Правде» было опубликовано следующее постановление ВЧК: «Революционный пролетариат и революционное правительство Советской России с удовлетворением констатирует, что взятие Ростова и пленение Колчака дают им возможность отложить в сторону оружие террора». Здесь же давалось предписание о прекращении применения расстрела по приговорам ВЧК и всех ее местных органов.

В постановлении предлагалось поручить Дзержинскому войти в Совет Народных Комиссаров и ВЦИК с предложением о полной отмене применения высшей меры наказания не только по приговорам чрезвычайных комиссий, но и по приговорам городских, губернских, а также Верховного, при ВЦИК революционных трибуналов[1].

По инициативе Ф. Э. Дзержинского ВЦИК и СНК приняли 17 января 1920 г. постановление «Об отмене применения высшей меры наказания (расстрела)». «Революционный пролетариат и революционное правительство Советской России, — говорилось в этом постановлении, — с удовлетворением констатируют, что разгром вооруженных сил контрреволюции дает им возможность отложить в сторону оружие террора. Только возобновление Антантой попыток, путем вооруженного вмешательства или материальной поддержкой мятежных царских генералов, вновь нарушить устойчивое положение Советской власти и мирный труд рабочих и крестьян по укреплению социалистического хозяйства может вынудить возвращение к методам террора, и, таким образом, отныне ответственность за возможное в будущем возвращение Советской власти к жестокому методу красного террора ложится целиком и исключительно на правительства и правительствующие классы Антанты и дружественных ей русских помещиков и капиталистов».

ВЦИК и СНК постановили «отменить применение высшей меры наказания (расстрела), как по приговорам Всероссийской Чрезвычайной Комиссии и ее местных органов, так и по приговорам городских, губернских, а также и Верховного при Всероссийском Центральном Исполнительном Комитете трибуналов»[2].

---

[1] См.: Дзержинский Ф. Э. Избранные произведения. Т. 1. М., 1977, с. 199.

[2] СУ РСФСР, 1920, № 4—5, ст. 22.

В. И. Ленин, считая смертную казнь временной, исключительной и чрезвычайной мерой наказания, применение которой зависит от внутренней обстановки в стране и международного положения, в свой речи на IV конференции губернских чрезвычайных комиссий 6 февраля 1920 г. говорил: «Так что, хотя по инициативе т. Дзержинского после взятия Ростова и была отменена смертная казнь, но в самом начале делалась оговорка, что мы нисколько не закрываем глаза на возможность восстановления расстрелов. Для нас этот вопрос определяется целесообразностью. Само собой разумеется, что Советская власть сохранять смертную казнь дольше, чем это вызывается необходимостью, не будет, и в этом отношении отменой смертной казни Советская власть сделала такой шаг, который не делала ни одна демократическая власть ни в одной буржуазной республике»[1].

В связи с отменой смертной казни в РСФСР Всеукраинский революционный комитет также обсуждал этот вопрос и определил свое отношение к красному террору. В постановлении от 2 февраля 1920 г. комитет пришел к выводу, что применение смертной казни по приговорам ЧК и ревтрибуналами не может быть отменено, так как на Украине еще не ликвидированы условия, угрожающие Советской власти, и враг оказывает Красной Армии еще достаточное сопротивление. В постановлении подчеркивалось: «Но пусть украинский народ, убедившись на примере Советской России, знает, что террор и все тяжелые репрессии в отношении врагов рабочих и крестьян навязываются нам исключительно свергаемой буржуазией и ее наемниками, и что эти тяжелые меры отменяются, как только укрепление власти рабочих и крестьян считается завершенным»[2].

Дальнейшее развитие событий показало, что украинский революционный комитет поступил правильно. Весной и летом 1920 года политическая обстановка в нашей стране опять изменилась. Вовлечение Советского государства в войну с польским буржуазно-помещичьим государством, наступление в Крыму Врангеля вынудило Советскую власть

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 40, с. 114.

[2] Борьба с преступностью в Украинской ССР. Т. I. Киев, 1966, с. 165 — 166.

вновь прибегнуть к введению смертной казни. Постановление ВЦИК и СТО «Об объявлении некоторых губерний на военном положении» от 11 мая 1920 г. предоставило губернским революционным трибуналам в отношении определения меры репрессии права́ революционных военных трибуналов[1]. А декретом от 28 мая 1920 г. ВЧК и тем ее органам, которые будут на то уполномочены, были предоставлены права революционных военных трибуналов по делам о преступлениях, направленных против военной безопасности республики.

В период гражданской войны и военной интервенции к смертной казни трибуналами было приговорено из числа всех ими осужденных: в 1919 году — 14%, в 1920 году — 11%, в 1921 году — 5%, в 1922 году — 1%[2].

Только в 1920 году революционными военными трибуналами к смертной казни было приговорено 6541 человек[3].

В процессе подготовки проекта УК РСФСР 1922 года снова возник вопрос о смертной казни. В беседе с Наркомом юстиции Д. И. Курским В. И. Ленин высказал ряд соображений, которые были положены в основу этого проекта. Спустя некоторое время после беседы В. И. Ленин писал наркому: «Т. Курский! В дополнение к нашей беседе посылаю Вам набросок дополнительного параграфа Уголовного Кодекса... Основная мысль, надеюсь, ясна, несмотря на все недостатки черняка: открыто выставить принципиальное и политически правдивое (а не только юридически узкое) положение, мотивирующее *суть* и *оправдание* террора, его необходимость, его пределы.

Суд должен не устранить террор; обещать это было бы самообманом или обманом, а обосновать и узаконить его принципиально, ясно, без фальши и без прикрас»[4].

Обратите внимание: В. И. Ленин требует дать в уголовном кодексе не «юридически узкое», а «политически правдивое» обоснование террора. Далее, В. И. Ленин здесь не употребляет юридический термин «смертная казнь»,

---

[1] См.: В. И. Ленин и ВЧК, с. 314 — 315.

[2] См.: Тарновский Е. Судебная репрессия в цифрах за 1919 — 1922 гг. — Еженедельник Советской Юстиции, 1922, № 44 — 45, с. 43.

[3] См.: Пять лет Верховного суда. Сборник статей. М., 1923, с. 65.

[4] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45, с. 190.

а прибегает к политическому термину — «террор», то есть подходит к проблеме смертной казни с позиций политики. Террор в понимании В. И. Ленина всегда являлся составной частью классовой борьбы. Вместе с тем в условиях нэпа В. И. Ленин требует строгого узаконения террора. Это полностью соответствует принципам социалистической законности, обоснованным им и развитым в письме для Политбюро «О «двойном» подчинении и законности»[1].

Хотелось бы также обратить внимание и еще на одну сторону этого вопроса. В советской уголовно-правовой литературе на протяжении ряда десятилетий доминировало мнение, что марксизм-ленинизм всегда рассматривал и рассматривает смертную казнь «в плане террора»[2].

Такая оценка политической сущности смертной казни представляется ошибочной. Смертная казнь может отождествляться с террором только в условиях ожесточенных классовых битв, в условиях проведения революций и гражданской войны, когда террор являлся важным средством в борьбе за защиту завоеваний революции, для подавления сопротивления свергнутых классов. Однако в условиях мирного времени, если государство считает необходимым и целесообразным сохранение смертной казни в законодательстве, то это уже не террор, а вид уголовной репрессии. Отождествление смертной казни и террора характерно для сталинизма как авторитарного режима. Эта концепция возникла на основе ошибочных положений Сталина об усилении классовой борьбы по мере строительства социализма, о необходимости расширения чрезвычайных мер в условиях мирного времени. Разумеется, террор в обстановке сталинщины являлся не формой подавления сопротивления эксплуататорских классов, а безудержной расправой с миллионами ни в чем не повинных людей.

Но вернемся к рассмотрению вопроса о смертной казни в 20-е годы. Мы видим, что уголовная политика первых пяти лет Советской власти характеризуется динамизмом,

---

1 См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45, с. 197 — 201.

2 См.: Ошерович Б., Эстрин А. Расстрел, изгнание и объявление врагом народа. — В кн:. Советская уголовная репрессия. М., 1934, с. 53 — 61; Шаргородский М. Д. Наказание по советскому уголовному праву. М., 1958, с. 63 — 65.

гибкостью и подвижностью. Это довольно четко проявляется и в отношении Советского государства к смертной казни, отношении, которое определялось стремительно меняющейся конкретно-исторической обстановкой.

Система наказаний, предусмотренная УК РСФСР 1922 года, не включала смертную казнь. Норма о смертной казни в виде расстрела была помещена в отдельной статье. Следовательно, законодатель относился к расстрелу как к экстраординарной мере уголовного наказания. Статья 33 УК РСФСР 1922 года гласила: «По делам, находящимся в производстве военных трибуналов, впредь до отмены ВЦИКом, в случае, когда статьями настоящего кодекса определена высшая мера наказания, в качестве таковой применяется расстрел». Отсюда можно сделать вывод, что право применения смертной казни предоставлялось только военным трибуналам[1]. Обычные суды не могли назначать

[1] Высшая мера уголовного наказания согласно УК РСФСР 1922 года могла быть применена за совершение следующих преступлений: организация контрреволюционных восстаний (ст. 58); сношение с иностранным государством в контрреволюционных целях (ст. 59); участие в контрреволюционной организации (ст.ст. 60, 61, 62); участие в террористических актах (ст. 64); диверсия (ст. 65); шпионаж (ст. 66); активная контрреволюционая деятельность на ответственных должностях при царском строе (ст. 67); контрреволюционная агитация и пропаганда, если они совершены в военной обстановке или при народных волнениях (ст. 69); самовольное возвращение в пределы РСФСР лиц, изгнанных из РСФСР на срок или бессрочно (ст. 71); участие в массовых беспорядках (ст. 75); бандитизм (ст. 76); уклонение от воинской повинности при особо отягчающих обстоятельствах (ст. 81); агитация и пропаганда во время войны и направленные к неисполнению гражданами возложенных на них воинских или связанных с военными действиями обязанностей и повинностей (ст. 83); фальшивомонетничество (ст. 85); сопротивление представителю власти, сопряженное с убийством, нанесением увечий или насилием над представителем власти (ст. 86); получение взяток при отягчающих обстоятельствах (ст. 114); хищение государственного имущества, производившееся систематически, или совершенное ответственными должностными лицами, или в особо крупных размерах похищенного (ст. 180); разбой, совершенный рецидивистом (ст. 184); неисполнение военнослужащим приказания, законно отданного ему по службе начальником, совершенное в боевой обстановке (ст. 202); сопротивление исполнению законно отданного по военной службе приказания или распоряжения (ст. 203); побег в военное время или в боевой обстановке из воинской части или подстрекательство или пособничество этому деянию (ст. 204); уклонение военнослужащего от несения военной службы или от участия в боевых действиях путем членовредительства или иного обмана (ст. 206); промотание военнослужащим предметов казенного обмундирования и амуниции, а равно умышленная порча их или оставление без присмотра и в ненадлежащем месте, если

эту меру наказания. Декретом ВЦИК от 27 июня 1922 г. ст. 33 УК РСФСР 1922 года была дополнена следующим примечанием: «Высшая мера репрессии не может быть применена к лицам, не достигшим в момент совершения преступления 18-летнего возраста». А в Декрете ВЦИК от 7 сентября 1922 г. устанавливалось, что «высшая мера наказания (расстрел) не может быть применена к женщинам, находящимся в состоянии беременности, установленной врачебным исследованием»[1].

Всего по УК РСФСР 1922 года смертная казнь, как правило в качестве альтернативной санкции, устанавливалась по 28 составам преступлений, что составляло 7,6% от числа всех статей в этом кодексе.

15 февраля 1923 г. ВЦИК Декретом установил: «По делам, находящимся в производстве Верховного Суда, губернских судов и трибуналов всех категорий, в случаях, когда статьями настоящего Кодекса определена высшая мера наказания, в качестве таковой применяется расстрел»[2]. Вторая сессия ВЦИК X созыва 10 июля 1923 г. приняла постановление, в котором указывалось, что расстрел подлежит обязательной замене, по выбору суда, изгнанием из пределов РСФСР на срок или бессрочно или лишением свободы, если со времени совершения преступления прошло не менее 5 лет. И только за активные действия или активную борьбу против рабочего класса и революционного движения, проявленные на ответственных или особо секретных (агентура) должностях при царском строе (ст. 67 УК РСФСР 1922 года), применение давности предоставлялось усмотрению суда.

Но уже в это время стали раздаваться голоса в пользу полной отмены смертной казни. Огромный интерес в этой связи представляют соображения Ф. Э. Дзержинского, изложенные им в записке от 16 августа 1923 г. своему заместителю И. С. Уншлихту.

это деяние совершено в военное время или в боевой обстановке (ст. 207); нарушение военнослужащими уставных правил караульной службы, если оно повлекло за собой вредные последствия и было совершено в военное время или в боевой обстановке (ст. 208); самовольное оставление поля сражения во время боя или отказ во время боя действовать оружием против неприятеля (ст. 211); мародерство (ст. 214).

[1] СУ РСФСР, 1922, № 47, ст. 590; № 58, ст. 732.

[2] СУ РСФСР, 1923, № 15, ст. 192.

Вот что писал Ф. Э. Дзержинский: «Мне кажется, что размеры применения высшей меры наказания в настоящее время (как по суду, так и по нашим решениям) не отвечают интересам дела и сложившейся обстановке при нэпе и мирной полосе развития. Высшая мера наказания — это исключительная мера, а потому введение ее как постоянный институт для пролетарского государства вредно и даже пагубно. Поэтому я хочу перед ЦК поставить этот вопрос.

Я думаю, что высшую меру следует оставить исключительно для государственных изменников (шпионов) и бандитов и поднимающих восстание. По отношению к ним этого требует наша самозащита в окружении врагов. Но все остальные преступления должны караться изоляцией и принудительными работами...

Я уверен, что будь Владимир Ильич у руля, он был бы за это предложение, а может быть, пошел бы еще дальше[1]. Пришло время, когда мы можем вести борьбу и без высшей меры. Это было бы большим оружием в руках коммунистов за границей для привлечения интеллигентских и мелкобуржуазных масс» [2].

Как мы видим, Ф. Э. Дзержинский, этот «железный Феликс», руководитель карающего меча пролетарской революции, уже в 1923 году выступал за резкое ограничение смертной казни.

Мало кому известно, что Ф. Э. Дзержинский трижды вносил предложение в СНК об отмене смертной казни. «Всегда Совнарком радостно шел навстречу возможности заменить этот крайний метод борьбы за достижения революции другими, более мягкими формами, — вспоминал В. Д. Бонч-Бруевич. — Контрреволюционные, уголовные и белогвардейские организации понимали эти «отмены» или «смягчения» методов борьбы как проявление слабости Советского правительства, как кем-то «вынужденные», вместо того, чтобы понять раз и навсегда, что обречены на поражение все попытки к выступлениям против самой народной, не на словах, а на деле самой популярной, широчайшим образом признанной народными массами власти» [3].

---

1 В. И. Ленин в это время был болен. — *Прим. авт.*

2 Дзержинский Ф. Э. Указ. соч. Т. I, с. 349.

3 Бонч-Бруевич В. Д. Воспоминания о Ленине. М., 1969, с. 155.

Переход к нэпу был связан с сокращением применения расстрела. «Наша линия поведения в настоящее время совершенно определенна, — писал в 1923 году советский юрист П. И. Стучка, — постепенное сокращение — соответственно моменту и его условиям — количества случаев вынесения приговоров к высшей мере наказания» [1].

Основные начала уголовного законодательства СССР и союзных республик 1924 года постановили, что «временно», в качестве высшей меры социальной защиты, впредь до полной ее отмены ЦИК СССР, для борьбы с наиболее опасными видами преступлений, угрожающими основам Советской власти и советского строя, допускается расстрел. Расстрел не мог применяться к лицам, не достигшим 18-летнего возраста, и к женщинам, находящимся в состоянии беременности (Примечание 2 к ст. 13 Основных начал).

Дальнейшее сокращение применения смертной казни имело место в связи с введением в действие УК РСФСР 1926 года и Манифеста ЦИК СССР к 10-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции (1927 г.), ограничившего возможность применения расстрела только кру́гом дел о государственных и воинских преступлениях, а также о вооруженном разбое.

При обсуждении проекта УК РСФСР 1926 года на 2-й сессии ВЦИК XII созыва против применения смертной казни выступил директор ИМЭЛ Д. Рязанов, доказывая, что эта мера наказания отрицается марксизмом как норма. Д. Рязанов считал, что применение смертной казни допустимо только в экстремальных условиях, какими являются условия революции и гражданской войны. В условиях же мирного времени — смертная казнь недопустима. Однако доводы Д. Рязанова были отвергнуты, и УК РСФСР воспринял положения ст. 13 Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик. И все же статьи Особенной части УК РСФСР 1926 года, допускавшие возможность применения смертной казни, составляли всего 3,4%, тогда как в УК 1922 года их было 7,6% [2].

---

[1] Стучка П. И. Мысли о нашем правосудии. — Еженедельник Советской Юстиции, 1923, № 25 — 26, с. 581.

[2] См.: Ошерович Б., Эстрин А. Указ. соч., с. 67.

В 1922 — 1925 годах число лиц, приговоренных к смертной казни, составило 0,1 % от общего числа осужденных, а в 1926 — 1930 годах — менее 0,1 % [1].

Явная тенденция уголовной политики этого периода в сторону ограничения применения смертной казни проявлялась также в актах амнистии и помилования. Так, в постановлении Президиума ЦИК СССР от 2 ноября 1927 г. об амнистии к 10-летию Октябрьской революции предписывалось: «Всем осужденным к высшей мере социальной защиты (расстрелу), за исключением лиц, изъятых из амнистии ст. 10 Манифеста ЦИК Союза ССР от 15 октября 1927 г. (виновных в преступлениях государственных, воинских и вооруженном разбое. — *О. Ш.*), по делам, по которым приговоры еще не приведены в исполнение, заменить расстрел десятилетним лишением свободы со строгой изоляцией и конфискацией имущества» [2].

Несмотря на то, что Советское государство всегда относилось к смертной казни как к временной и исключительной мере уголовного наказания, эта мера ни в 20-е, ни в 30-е годы отменена не была. Более того, выдвинутая Сталиным теория усиления классовой борьбы по мере продвижения к социализму влекла за собой ужесточение репрессии. Искусственное приумножение «классовых врагов», насильственное проведение коллективизации сельского хозяйства, жесточайшее массовое истребление «класса кулаков», в который произвольно зачислялись и ставшие в период нэпа относительно зажиточными представители трудового крестьянства и середняки, — все это не могло не получить отражения в уголовном законодательстве.

В проекте Уголовного кодекса РСФСР, разработанном в конце 20-х годов под руководством Н. В. Крыленко, была предпринята попытка с позиций уголовного права обосновать сталинскую концепцию усиления классовой борьбы. В основе проекта лежала теория опасного состояния личности, провозглашающая основанием привлечения к уголовной ответственности не факт совершения виновного, общественно опасного, предусмотренного конкретной статьей уголовного кодекса деяния, а опасность личности,

---

[1] См.: Эстрин А. Я. Развитие советской уголовной политики. М., 1933, ст. 229.

[2] СЗ СССР, 1927, № 61, ст. 620.

определявшаяся ее классовой принадлежностью. В этом проекте речь шла уже не о мерах социальной защиты, не о мерах уголовного наказания, а о мерах классового подавления. Любое преступление, будь то кража, хулиганство или изнасилование, рассматривалось как форма проявления классовой борьбы. В проекте этого кодекса вообще отсутствовали санкции за конкретные преступления, а приговор должен был выноситься на основе правосознания судей.

Смертная казнь рассматривалась как мера классового подавления. В ст. 32 проекта говорилось: «Расстрел применяется, как исключительная мера охраны, впредь до отмены этой меры ЦИКом СССР, и лишь за преступления контрреволюционные и приравненные к ним... Расстрел может быть применен лишь в случаях убеждения суда в невозможности иным способом предотвратить повторные преступления со стороны данного лица либо в случаях особой необходимости оказать особо устрашающее воздействие на классовых врагов. Суд обязан всякий раз обсудить вопрос о возможности замены расстрела длительной изоляцией. Расстрел не применяется к лицам, не достигшим совершеннолетия, и женщинам, находящимся в состоянии беременности»[1].

К счастью, проекту этого уголовного кодекса так и суждено было остаться проектом.

Однако выражение «враг народа» получает широкое распространение как в официальных документах тех лет, так и в теоретических работах. При этом данное выражение толкуется крайне широко.

Согласно постановлению ЦИК и СНК от 7 августа 1932 г. «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности»[2], «...люди, покушающиеся на общественную собственность, должны быть рассматриваемы как враги народа, ввиду чего решительная борьба с расхитителями общественного имущества является первейшей обязанностью органов Советской власти». Этот закон предписывал приравнивать хищения к госу-

---

[1] Проект нового Уголовного кодекса РСФСР, разработанный Комакадемией. М., 1930, с. 47 — 48.

[2] СЗ СССР, 1932, № 62, ст. 360.

дарственным преступлениям, а к расхитителям применять расстрел.

В уголовно-правовой литературе 30-х годов всячески обосновывалась необходимость осуществления террора против остатков умирающих классов [1], которые в действительности не представляли уже серьезной опасности для Советского государства. Искусственно раздувая шпиономанию, создавая в стране обстановку подозрительности, недоверия друг к другу, всюду видя классовых врагов, Сталин с помощью законодательных мер и путем внесудебной репрессии постепенно не только избавлялся от политических противников, но и нещадно истреблял закаленные в подполье царской России и в жестоких битвах гражданской войны испытанные и опытные ленинские партийные кадры.

Разгул сталинского террора начался после убийства С. М. Кирова. 1 декабря 1934 г. в день этого убийства было принято постановление ЦИК и СНК СССР «О внесении изменений в действующие уголовно-процессуальные кодексы союзных республик», в которое 14 сентября 1937 г. были внесены некоторые изменения.

Эти реакционнейшие в истории нашего законодательства акты являлись официальным утверждением беззакония. Они устанавливали исключительный порядок расследования и судебного рассмотрения дел о вредительстве, террористических актах и диверсиях, а именно: следствие по этим делам заканчивать в срок не более десяти дней; обвинительное заключение вручалось обвиняемому за одни сутки до рассмотрения дела в суде; кассационное обжалование не допускалось; дела слушались без участия сторон; приговор к высшей мере наказания приводился в исполнение немедленно по вынесении приговора [2].

5 ноября 1934 г. на основании постановления ЦИК и СНК СССР было создано Особое совещание при НКВД СССР, которому предоставлялось право применять во внесудебном порядке к лицам, признанным общественно опасными, такие меры уголовного наказания, как ссылка, высылка и заключение в лагерь [3]. В лагерях же создавались

[1] См.: Советская уголовная репрессия.
[2] СЗ СССР, 1934, № 64, ст. 459; 1937, № 61.
[3] СЗ СССР, 1935, № 11, ст. 84.

условия, обрекающие осужденных на медленную и мучительную смерть, и лишь немногим удавалось чудом выжить.

Подчинив себе весь аппарат НКВД и сведя на нет партийный контроль и прокурорский надзор за деятельностью этих органов, Сталин использовал органы внутренних дел и госбезопасности в своих личных интересах, идущих вразрез с интересами развития демократии в советском обществе и гарантиями прав личности.

И хотя официально объявлялось, что самым ценным капиталом в нашей стране является человек, человеческая личность была обесценена. Никто не мог быть уверен в завтрашнем дне, никто не мог быть гарантирован от неожиданной расправы и репрессии.

К середине 30-х годов сложился культ Сталина, сопровождавшийся усилением единоличной власти и на местах.

Такой политический режим практически исключал возможность демократического обсуждения вопросов общественной и государственной жизни, борьбы мнений. Роль общественных наук, в том числе и юридической науки, свелась к славословиям в адрес вождя и комментированию его высказываний. С той же целью использовались и средства массовой информации.

В своих работах Сталин доказывал, что при социализме властвуют не те, кто выбирают и голосуют, а те, кто правят — люди, которые овладели на деле исполнительными аппаратами государства, которые руководят этими аппаратами [1].

Воздействие пропаганды на формирование общественного мнения было настолько велико, что многие воспринимали сталинские репрессии как должное и необходимое. К тому же на политическом мышлении масс еще лежал отпечаток идеологии военного коммунизма и оправданных жестокостей периода гражданской войны.

Те же, кто и догадывался об истинных причинах массовых репрессий, молчали — система устрашения достигла поставленных перед ней задач.

Репрессии времен культа Сталина достигли своего

---

[1] См.: Курицын В. М. Политическая система общества: замедление процессов демократизации. — В кн.: Механизм торможения: истоки, действия, пути преодоления. М., 1988, с. 157.

апогея в 1937—1938 годах. Их жертвами стали не только выдающиеся партийные и государственные деятели, талантливейшие военачальники, но и ученые, писатели, художники и артисты. Миллионы честных, ни в чем не повинных рабочих, крестьян и представителей интеллигенции были расстреляны или осуждены к длительным срокам лишения свободы, что было в то время равносильно смертной казни[1].

Ярлык врагов народа был приклеен к тем, кто за двадцать лет до этого был у колыбели Великого Октября, кто во главе и рука об руку с В. И. Лениным отстаивал завоевания первой в мире рабоче-крестьянской власти. Речь идет о Н. И. Бухарине, А. И. Рыкове, Л. Б. Каменеве, Г. Е. Зиновьеве и многих других организаторах и руководителях Коммунистической партии и Советского государства. Обвинения в заговорах, шпионаже, диверсиях, связях с иностранными разведками основывались на «собственных признаниях обвиняемых», добытых путем применения пыток, истязаний, угроз расправы над близкими, лживых обещаний сохранения жизни себе и близким и прочими варварскими методами, применяемыми сталинскими палачами Ягодой, Ежовым, Берия и их подручными.

Компенсируя свои стратегические просчеты в реализации планов первых пятилеток и проведении индустриализации и коллективизации страны, Сталин стремился создать мощный промышленный концерн подневольного, принудительного, по сути своей рабского, труда, от которого гибли миллионы безвинно осужденных людей. «О каком вкладе Сталина в строительство социализма можно говорить, если он уничтожил миллионы безвинных людей, в их числе — цвет ленинской гвардии, — справедливо ставит вопрос Агдас Бурганов. — ...Может быть, его вклад состоит в том, что он так называемые великие стройки коммунизма строил колоннами заключенных? На их слезах, неимоверных страданиях, на их костях! Русская демократическая интеллигенция не простила Николаю I строительство таким способом первой в России... железной дороги, в фундаменте которой кости тысяч наших предков (вспом-

---

[1] См.: Гинзбург Е. Крутой маршрут. — Даугава, 1988, № 7 — 12; Швед С. А. Воспоминания. — Урал, 1988, № 2.

ним знаменитые строки Н. А. Некрасова). Почему же мы должны простить много худшее Сталину»[1].

Пытаясь обосновать чудовищные репрессии того периода, А. Я. Вышинский доказывал, что по делам о контрреволюционных преступлениях признание обвиняемым своей вины является царицей доказательств, а бремя доказывания невиновности перелагается на самого обвиняемого. Признание же вины добывалось пытками и другими незаконными способами, санкционированными секретными предписаниями Сталина.

Спустя 50 лет мы узнали о невиновности Н. И. Бухарина, А. И. Рыкова, Г. Е. Зиновьева, Л. Б. Каменева и многих других, необоснованно обвиненных в тягчайших преступлениях и расстрелянных. Они посмертно реабилитированы. Однако наивно полагать, что если бы в уголовном законодательстве тех лет отсутствовала смертная казнь, то многим бы удалось избежать своей участи — при авторитарном режиме иного быть не могло. Внесудебные меры расправы превалировали в практике правоохранительных органов того периода.

«Наши отцы и деды полагали, что, отстаивая Советскую власть всеми доступными им средствами, утвердив ее навсегда, они навсегда же откажутся и от средств террора, — справедливо замечает С. Залыгин. — Оказалось не так, оказалось, что в 1929 — 1931, в 1937 — 1938 годах, а потом уже и в послевоенные 1948 — 1949 годы многим из них самим суждено было стать едва ли не первоочередными жертвами «нового» терроризма.

И чтобы отныне и уже поистине никогда это страшное явление не возникло в социалистическом и все еще революционном обществе, нам нужно знать его историю. Всю в целом, а не по отдельным ее частям»[2].

Трудно точно определить количество жертв сталинского террора. По неполным данным число незаконно расстрелянных и замученных в лагерях достигает 20 млн. человек.

Но вернемся к законодательству о смертной казни.

В тридцатые и сороковые годы смертная казнь по УК РСФСР 1926 года с последующими дополнениями

---

[1] Бурганов Агдас. История — мамаша суровая. Дружба народов, 1988, № 6, с. 156.

[2] Новый мир, 1988, № 10, с. 198.

предусматривалась за следующие преступления: измена Родине (ст. ст. 58^{1}а, 58^{1}б), вооруженное восстание в контрреволюционных целях (ст. 58^{2}), сношение в контрреволюционных целях с иностранным государством (ст. 58^{3}), оказание в контрреволюционных целях помощи международной буржуазии (ст. 58^{4}), склонение иностранного государства к объявлению войны СССР (ст. 58^{5}), шпионаж (ст. 58^{6}), вредительство (ст. 58^{7}), террористический акт (ст. 58^{8}), диверсия (ст. 58^{9}), контрреволюционная агитация или пропаганда, совершенные при массовых волнениях или при наличии иных указанных в законе отягчающих обстоятельств (ст. 58^{10}), организационная деятельность, направленная к совершению тех контрреволюционных преступлений, за которые по закону возможно применение смертной казни (ст. 58^{11}), активная контрреволюционная деятельность на службе у царского или белогвардейских правительств (ст. 58^{13}), контрреволюционный саботаж (ст. 58^{14}), массовые беспорядки (ст. 59^{2}), бандитизм (ст. 59^{3}), похищение огнестрельного оружия при особо отягчающих обстоятельствах (ст. 59^{3}а), разрушение путей сообщения с целью вызвать крушение (ст. 59^{3}б), злостное нарушение работниками транспорта трудовой дисциплины, если эти действия повлекли или могли повлечь тяжкие последствия (ст. 59^{3}в), нарушение работниками гражданской авиации служебных обязанностей при особо отягчающих обстоятельствах (ст. 59^{3}г), отказ или уклонение в военное время от внесения налогов или выполнения повинностей, совершенные при особо отягчающих обстоятельствах (ст. 59^{7}), фальшивомонетничество (ст. 59^{8}), квалифицированная контрабанда (ст. 59^{9}), умышленное убийство, совершенное военнослужащим при особо отягчающих обстоятельствах (ст. 136), вооруженный разбой, совершенный при особо отягчающих обстоятельствах (ст. 167), неисполнение военнослужащим отданного по службе приказания, совершенное в военное время при наличии отягчающих обстоятельств или совершенное в боевой обстановке (ст. 193^{2}), оказание военнослужащим сопротивления лицу, исполняющему возложенные на него военной службой обязанности, если это деяние совершено при отягчающих обстоятельствах (ст. 193^{3}), принуждение указанного лица к нарушению указанных обязанностей при наличии отягчающих обстоятельств (ст. 193^{4}), дезертирст-

во, совершенное в военное время, и иные случаи самовольной отлучки из воинской части при наличии отягчающих обстоятельств (ст. ст. 193^{7}, 193^{8}, 193^{9}, 193^{10}), уклонение от мобилизации, совершенное при особо отягчающих обстоятельствах (ст. $193^{10а}$), уклонение военнослужащего от военной службы путем членовредительства или иного обмана, совершенное в военное время или в боевой обстановке (ст. 193^{12}), промотание оружия, совершенное в военное время или в боевой обстановке (ст. 193^{14}), нарушение уставных правил караульной службы, совершенное при наличии отягчающих обстоятельств в боевой обстановке (ст. 193^{15}), злоупотребление военачальником властью при наличии особо отягчающих обстоятельств (ст. 193^{17}), сдача неприятелю начальником вверенных ему военных сил с целью способствовать неприятелю или без этой цели (ст. 193^{20}), самовольное отступление начальника от данных ему для боя распоряжений с целью способствования неприятелю или без этой цели, но при наличии особо отягчающих обстоятельств (ст. 193^{21}), самовольное оставление во время боя поля сражения (ст. 193^{22}), оставление погибающего военного корабля командиром, не выполнившим до конца своих служебных обязанностей (ст. 193^{23}), мародерство при отягчающих обстоятельствах (ст. 193^{27}), совершенные при отягчающих обстоятельствах насильственные действия по отношению к населению в районе военных действий (ст. 193^{28}). Общей сложностью смертная казнь предусматривалась за 42 состава преступления.

Вскоре после Великой Отечественной войны Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 мая 1947 г. была провозглашена отмена смертной казни. Этот Указ установил, что за преступления, наказуемые по действующим законам смертной казнью, в мирное время применяется заключение в исправительно-трудовые лагеря сроком на 25 лет [1].

Казалось бы, что Сталин решил наконец отказаться от бессмысленных кровопролитий. Но в то время, когда в прессе прославлялась мудрость вождя и гуманизм уголовной политики, Берия издает секретную директиву, парализующую, по сути дела, действие Указа об отмене смертной казни. Согласно этой директиве смертная казнь

---

[1] См.: Ведомости Верховного Совета СССР, 1947, № 17.

могла применяться специальными судами МГБ по делам о контрреволюционных преступлениях. Таким образом, исполнительная власть свела на нет предписания власти законодательной.

Спустя три года, 12 января 1950 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «О применении смертной казни к изменникам Родины, шпионам, подрывникам-диверсантам», а 30 апреля 1954 г. смертная казнь была введена и за умышленное убийство.

Следует, однако, отметить, что Советский Союз вносил в 1949 году на сессии Генеральной Ассамблеи ООН предложение об отмене смертной казни во всех странах мира. Но тогда это предложение не получило поддержки.

После смерти Сталина и разоблачения Берии были отменены Особое совещание и все внесудебные формы рассмотрения уголовных дел. Прокурорский надзор восстановили в его правах.

XX съезд КПСС, доклад Н. С. Хрущева с разоблачением сталинизма, постановление ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий» сыграли огромную роль в восстановлении ленинских норм партийной жизни и принципов социалистической законности.

Партией был взят курс на смягчение уголовной репрессии за преступления, не представляющие большой общественной опасности.

Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 года не включили смертную казнь в систему наказаний, а выделили ее в самостоятельную статью в качестве исключительной и временной меры уголовного наказания (ст. 22). Они установили исчерпывающий перечень преступлений, за которые допускалось применение смертной казни. Это: измена Родине, шпионаж, диверсия, террористический акт, бандитизм и умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах. Основы допустили также возможность применения смертной казни в условиях военного времени или в боевой обстановке и за другие особо тяжкие преступления в случаях, предусмотренных законодательством Союза ССР.

К сожалению, в дальнейшем уголовное законодательство пошло по пути существенного расширения круга деяний, за которые возможно применение исключительной меры уголовного наказания. Указом Президиума Верховного

Совета СССР от 5 мая 1961 г. «Об усилении борьбы с особо опасными преступлениями» смертная казнь была установлена за хищение социалистического имущества в особо крупных размерах, фальшивомонетничество, спекуляцию валютными ценностями или ценными бумагами в виде промысла или в крупных размерах, дезорганизацию деятельности исправительно-трудовых учреждений. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 февраля 1962 г. смертная казнь была установлена за посягательство на жизнь работника милиции или народного дружинника, изнасилование и получение взятки при отягчающих обстоятельствах. На основании общесоюзного Указа от 3 января 1973 г.[1] УК РСФСР был дополнен ст. 213[2], установившей уголовную ответственность за угон воздушного судна, наказываемый при особо отягчающих обстоятельствах смертной казнью.

Таким образом, несмотря на то, что на протяжении семидесяти с лишним лет существования Советского государства неоднократно подчеркивался «временный» и «исключительный» характер смертной казни, последняя продолжала «украшать» санкции 33 статей Уголовного кодекса РСФСР и уголовных кодексов других союзных республик. Другими словами, исключение из правила превратилось в само правило.

Нужна ли смертная казнь в таком законодательном изобилии нашему обществу?

Ответить на этот вопрос положительно или отрицательно можно, лишь располагая статистикой применения смертной казни и материалами социологических исследований, позволяющими судить об эффективности или, наоборот, неэффективности этой меры уголовного наказания. К сожалению, советские ученые-юристы не располагают такой статистикой, равно как не могут проводить социологические исследования об эффективности смертной казни и ее влиянии на преступность. Последнее обстоятельство в немалой степени способствовало и способствует формированию общественного мнения не в пользу отмены или сокращения смертной казни.

Многие искренне полагают, что в основу борьбы с преступностью должны быть положены устрашение

---

[1] См.: Ведомости Верховного Совета СССР, 1973, № 1, ст. 3.

и ожесточение репрессии. «Слишком мягко и нерешительно борются у нас с преступниками... Надо больше сажать и стрелять мерзавцев, мешающих нам спокойно жить и честно трудиться!» Такого рода суждения можно постоянно слышать в самых разных аудиториях. Это свидетельствует о том, что в сознании масс прочно укоренилось убеждение в необходимости ужесточения репрессии по отношению к преступным элементам. Однако в действительности дело обстоит значительно сложнее.

Профессор Г. З. Анашкин, автор единственного монографического исследования в нашей стране, посвященного смертной казни[1], анализируя практику применения смертной казни, не смог констатировать какого-либо существенного воздействия этой меры на рост или снижение преступности. Более того, несмотря на введение в 1961 году смертной казни за хищение государственного или общественного имущества в особо крупных размерах, дезорганизацию деятельности исправительно-трудовых учреждений, фальшивомонетничество и спекуляцию валютными ценностями процент осужденных за эти преступления несколько возрос, составив в 1962 году 72,5% по сравнению с 1946 годом. В период с 1964 по 1969 год в сравнении с 1962 — 1963 годами значительно сократилось применение смертной казни; в это же время судимость за все преступления на 100 тысяч человек населения заметно уменьшилась[2].

23 мая 1986 г. в ст. 23 Основ уголовного законодательства было внесено дополнение, согласно которому при замене в порядке помилования смертной казни лишением свободы оно может быть назначено и на срок более 15, но не свыше 20 лет[3].

Помилование осужденного к смертной казни представляет собой акт Президиума Верховного Совета СССР или Президиумов Верховных Советов союзных республик о замене исключительной меры наказания лишением свободы на вышеуказанный срок. Приходится сожалеть о том, что, несмотря на обстановку гласности в стране, Отдел помило-

---

[1] См.: Анашкин Г. З. Законодательство СССР о смертной казни и практика его применения. М., 1969.
[2] См. там же, с. 14.
[3] См.: Ведомости Верховного Совета СССР, 1988, № 22, ст. 365.

вания Президиума Верховного Совета РСФСР не смог предоставить нам данные о помиловании лиц, осужденных к смертной казни. Поэтому мы используем данные Г. З. Анашкина, относящиеся к периоду двадцатилетней давности. Из числа всех помилованных в период с 1958 по 1968 год осужденные к смертной казни за умышленные убийства составили свыше 90%; за другие преступления смертная казнь применялась значительно реже, поэтому ходатайств таких лиц о помиловании было несравненно меньше. В 1956 — 1957 годах в порядке помилования смертная казнь заменялась примерно каждому пятому, приговоренному к этой мере наказания[1].

Мне представляется, что тенденция уголовной политики последних лет идет в направлении сокращения применения смертной казни и замены ее лишением свободы. Наблюдается заметный разрыв между количеством санкций, предусматривающих смертную казнь, и практикой их применения. Все это говорит в пользу того, что настало время отменить смертную казнь за подавляющее большинство преступлений, за которые она сейчас предусматривается. Смертная казнь — свидетельство определенных издержек общества, которое порой само виновато в том, что появляются убийцы, насильники, изменники Родины и прочие опасные преступники. Все силы общества должны быть направлены на предупреждение преступлений, на создание здоровой, нормальной обстановки во всех сферах нашей действительности. Жизнь человеку дается только один раз и никто не вправе ее отнять, в том числе и государство.

Что бы ни говорили, руководствуясь самыми гуманными соображениями, представители науки уголовного права, какие бы доказательства ни приводили в подтверждение того, что уголовное наказание по советскому уголовному праву не преследует целей кары и возмездия, пока наличествует в законе смертная казнь, от возмездия и кары никуда не денешься.

Принцип талиона, хотя и прикрытый гуманистическими одеждами, продолжает действовать и в социалистическом обществе. Много десятилетий назад К. Маркс писал, что государство и в правонарушителе «должно видеть... человека, живую частицу государства, в которой бьется кровь его

[1] Анашкин Г. З. Указ. соч., с. 166.

сердца, солдата, который должен защищать родину,.. члена общины, исполняющего общественные функции, главу семьи, существование которого священно, и, наконец, самое главное — гражданина государства». Вот почему, писал далее К. Маркс, «государство не может легкомысленно отстранить одного из своих членов от всех этих функций, ибо государство отсекает от себя свои живые части всякий раз, когда оно делает из гражданина преступника»[1].

Еще в конце XVIII века Чезаре Беккариа, автор знаменитого трактата «О преступлении и наказании», выступая против смертной казни и жестоких наказаний, высказал мысль, которую спустя почти полтора столетия воспроизвел В. И. Ленин: «сила наказания не в его жестокости, а в его неотвратимости».

«Нельзя согласиться с бытующим мнением о том, — справедливо пишет А. Власов, — что с помощью смертной казни можно добиться реальных успехов в борьбе с преступностью. История свидетельствует против этого»[2].

Год назад много толков и разноречивых мнений вызвала выпущенная Рижской студией документальных фильмов кинокартина «Высший суд» (режиссер — Герц Франк). Напомню содержание фильма: студент-рижанин, бывший комиссар студенческого строительного отряда, сын крупного строителя, отмеченного государственными наградами, и матери-юриста — Валерий Долгов с целью ограбления убил двоих: Эмму Бурилину и ее друга Айвара Озолиньша.

Фильм начинается с трех фотографий:

Крупным планом отец, мать, потом голенький малыш.

И закончился фильм также фотографией того, кто из этого малыша вырос — убийцы Валерия Долгова. Красивый широкоплечий парень с правильными чертами лица, изящно очерченным ртом, твердой линией подбородка, глазами, как две темные вишни. Создатели фильма снимали Долгова на всех стадиях уголовного судопроизводства, а затем сделали съемки в камере осужденных к смертной казни. И все это — с целью раскрыть психологию убийцы, выявить механизм его нравственного падения, а главное —

---

1 Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. I, с. 132.
2 Власов А. На страже правопорядка. — Коммунист, 1968, № 5, с. 58.

его отношение к смертному приговору, его состояние в связи с неизбежностью смерти...

«Я презираю себя, — говорит он. — Дай бог, чтобы мне отказали (в помиловании. — *О. Ш.*)... Надо быть трусом, чтобы до сих пор руки на себя не наложить... Я так люблю людей... Я буду любить даже тех, кто меня к стенке поставит...» Слезы текут по его лицу, но говорит он твердо.., говорит правду, он осуждает только себя.

«И как бы ему ни было нечеловечески тяжко, — справедливо отмечает журналист О. Кучкина, — это и означает, что народился *человек* там, где был недочеловек».

За несколько минут до казни с ним происходит нравственный переворот, переоценка всей жизни, здравое осмысление своих поступков, презрение к самому себе и любовь к людям. Именно в эти минуты до его сознания дошел весь смысл человеческой жизни.

«Имеет ли общество право убить убийцу?» — риторически восклицает О. Кучкина. «Но дело в том, — продолжает она свою мысль, — что убийцы больше не было. Был измучившийся нравственной мукой, сам себе вынесший обвинительный приговор, переменившийся человек. Фильм должен был стать общественным прошением о помиловании не прежнего — иного человека» [1].

Фильм «Высший суд» наталкивает на размышления как философско-этического, так и сугубо юридического плана.

Стресс, вызвавший у преступника переоценку смысла всей своей жизни и осуждение своих поступков, был вызван смертным приговором. В искренность Долгова перед исполнением смертной казни мы не можем не верить. Ведь он не молил о пощаде и не взывал к милосердию. Остается задуматься и поразмыслить вот над чем: неужели общество, кроме смертного приговора, не располагает иными средствами, способными вызвать у преступника еще до совершения им тяжкого преступления такое же стрессовое состояние и превратить его в полезного для общества человека?

Мы сейчас стоим у порога реформы уголовного законодательства и судебной реформы, активно вносятся предложения по совершенствованию уголовного законодательства. Многие из них касаются и смертной казни. В модели

---

[1] Кучкина О. После убийства. — Комсомольская правда, 1988, 8 янв.

5 Зак. 702

уголовного кодекса, подготовленного Институтом государства и права АН СССР, предлагается резко сократить круг деяний, за которые может быть назначена смертная казнь, и сохранить ее в качестве крайнего средства борьбы лишь с наиболее опасными преступлениями — измена Родине, террористический акт, диверсия и умышленное убийство при особо отягчающих обстоятельствах [1].

Я бы в своих предложениях пошел еще дальше и предложил оставить смертную казнь только за умышленное убийство при особо отягчающих обстоятельствах, террористический акт и диверсию. Относясь в принципе отрицательно к смертной казни, я полагаю, что сейчас отмена ее за все преступления была бы несколько преждевременной, ибо общественное мнение, с которым нельзя не считаться, не подготовлено к такой отмене.

---

[1] См.: Уголовный закон. Опыт теоретического моделирования. М., 1987, с. 154 — 155.

М. Н. Гернет
Н. С. Таганцев
Г. С. Фельдштейн
Вл. Соловьев
А. Ф. Кистяковский
А. А. Жижиленко
Н. А. Бердяев
А. А. Пионтковский
В. Д. Набоков

СМЕРТНАЯ КАЗНЬ

и русское общественное мнение конца XIX — начала XX века

С. Н. Булгаков
П. И. Люблинский
П. А. Кропоткин
Г. Е. Колоколов
Е. Н. Ефимов
В. Владимиров
П. Д. Боборыкин
В. В. Розанов
В. Д. Спасович
В. Г. Короленко
И. Я. Фойницкий

Гернет Михаил Николаевич (1874 — 1953) — русский советский юрист, специалист в области уголовного и исправительно-трудового права. Заслуженный деятель науки РСФСР, доктор юридических наук, профессор. В 1906 году выпустил сборник «Против смертной казни», куда вошли статьи видных русских юристов, философов, писателей и церковных деятелей, а в 1913 году опубликовал монографию «Смертная казнь». Перу М. Н. Гернета принадлежит огромное количество работ по вопросам уголовного права, уголовной статистики, криминологии и пенитенциарии. Особенно известно его исследование: «История царской тюрьмы» в пяти томах.

Смертная казнь и общественное мнение

Из кн.: Гернет М. Н. Смертная казнь. М., 1913. О смертной казни. Мнения русских криминалистов. М., 1909.

Говоря о смертной казни, необходимо отличать ее положение в законодательствах от ее положения на практике: отмена смертной казни в уголовных уложениях не всегда вела к прекращению ее применения, и, наоборот, известны примеры ее полного фактического вымирания при ее существовании в законодательствах.

Пример полной отмены смертной казни в законодательстве был дан Россией, где еще в 1744 году было сделано распоряжение императрицей Елизаветой о представлении ей на рассмотрение всех смертных приговоров, а 30 сентября 1754 г. состоялся указ сената об отмене смертной казни и о замене ее пожизненными каторжными работами с клеймением преступника клеймом «Вор» на лбу и щеках и вырезыванием ноздрей. Однако позднейшая судебная практика истолковала этот указ, как отменяющий смертную казнь не за все преступления, и поэтому смертные приговоры были вынесены и приведены в исполнение, например, в 1764, 1771, 1775 годах и др.

Но отмена казни в действительности в России не совершилась, так как заменившее ее наказание кнутом

с обязательным требованием производить его «жестоко» было замаскированной смертной казнью. Тем не менее нельзя не признать громадного значения за повелениями императрицы Елизаветы: институт легального убийства получает первый серьезный удар. Если смертная казнь не исчезла вполне из русского законодательства, то область ее применения была сужена до пределов, не известных европейским законодательствам не только того времени, но и более позднего.

Смертная казнь считает годы своего существования тысячелетиями, а свои жертвы — миллионами. Пройдя долгий кровавый путь, она с гордостью указывает своим противникам, что ее жертвенники стоят почти во всех государствах. Это — верно. Но несомненно также, что все еще страшная своею силою, продолжающая сокрушать ежегодно сотни человеческих жизней, она с каждым годом слабеет. Совершавшаяся ранее среди торжественной обстановки, при свете яркого солнца, она спряталась теперь в мглу темной ночи или в потемки раннего утра. Не знавшая ранее врагов, не имевшая противников, она теперь принуждена вести упорную борьбу за свое сохранение, и в лицо ей все чаще бросают позорные упреки и тяжкие обвинения. В законодательных учреждениях некоторые партии энергично борются за ее отмену.

За истекшее XIX столетие значительно сокращено число случаев ее возможного применения. Область ее применения в более отдаленном прошлом была почти беспредельна. Не было ни одного преступления, сколько-нибудь серьезно затрагивавшего интересы правительства и господствовавшего класса, за которое закон не грозил бы смертной казнью. Применение ее оправдывалось указаниями на «общественную пользу», которая понималась довольно своеобразно. Известен закон Древнего Рима, предписывавший предавать казни не только раба — убийцу своего господина, но и всех других рабов, которые жили при том же господине. В правление Нерона один помещик был убит рабом, мстившим ему за гнусное насилие над ним. Согласно закону, должны были подлежать казни свыше 400 рабов, совершенно непричастных к преступлению. Такая массовая казнь волновала народ, но тем не менее она была совершена по настоянию сенаторов, требовавших

ее во имя «общественной пользы», то есть пользы класса рабовладельцев.

Классовые неравенства находят свое яркое отражение в законодательстве о смертной казни. Жизнь лиц из низших классов почти совсем не ценилась. В Индии судра подлежал смертной казни за целый ряд преступлений, которые не считались преступными, если их совершал брамин.

Кража цветка из сада брамина влекла за собою для судры увечащее наказание — отрубание руки или даже смертную казнь. Позднее, при замене рабства крепостничеством, положение мало изменилось, и крестьяне подлежали казни даже за такие проступки, как ловля раков в озерах помещика или охота в его лесах. Ордонанс 1386 года, изданный в Париже, грозил смертной казнью за расстановку тенет для поимки голубей. Одним из наружных показателей могущества сеньора была воздвигнутая в его владениях виселица: у герцога она была о шести столбах, у барона — о четырех, у шателена — о трех и у остальных только о двух столбах.

Мы поэтому не удивляемся, что сознательные представители трудящихся классов населения заявили себя в массе более энергичными противниками смертной казни, чем, например, аристократия и духовенство, среди которых, наоборот, часто встречаются сторонники этого наказания.

Так, в конце XVIII века вопросы уголовного законодательства подвергаются всенародному обсуждению при составлении в 1789 году наказов депутатам, посылаемым в Париж для работы над обновлением государственного строя.

Менее всего интересовал вопрос о смертной казни духовенство. Только в двух наказах оно высказывается за ограничение этого наказания. Духовенство же г. Нанси требует, чтобы законы, изданные против дуэлей, соблюдались со всей строгостью. Следует заметить, что эти законы были в высшей степени жестоки: дуэлянты подлежали смертной казни; в случае бегства виновного, он осуждался заочно, и казнь исполнялась над изображением осужденного; казни исполнялись даже над трупами убитых на дуэли; лакеи и прислуга, передавшие письмо с вызовом на дуэль, подлежали телесному наказанию и клеймению раскаленным железом.

Интересно выяснить отношение избранных депутатов к смертной казни.

Франция переживает революцию. Дух народа приподнят как никогда. Национальное собрание слушает доклад депутата Лепельтье-Сан-Фаржо. Он критикует современное ему кровавое законодательство и требует полной отмены смертной казни за одним исключением: глава партии, объявленной декретом законодательного собрания революционной, должен быть казнен не для искупления своей вины, но ради безопасности государства. Этот доклад и прения по нему, бывшие более ста лет тому назад, полны глубокого интереса.

«Закон тем менее достигает цели, чем более он расходится с гуманностью». Таково основное положение докладчика, из которого он делает вывод, что первым требованием уголовного закона является его гуманность. Жестокий закон, противный общественному мнению, не применяется, и преступление остается безнаказанным. В виде примера он указывает на требование закона казнить за кражу у господ, «но господа предпочитают теперь прогнать неверного слугу, нежели донести на него властям; если же дело доходит до суда, то государственный обвинитель, свидетели и потерпевший и даже сами судьи входят между собою в соглашение для защиты обвиняемого от смертной казни и оправдывают его». (Заметим здесь, что именно этими соображениями безнаказанности преступления объясняется петиция банкиров в Лондоне в начале XIX века: более 1000 банкиров и купцов просили парламент об отмене смертной казни за подделку банковых билетов и мотивировали свою просьбу, между прочим, тем, что громадное число оправданий за это преступление объясняется нежеланием применять смертную казнь: «опасность грозит, — писали они, — самому праву собственности».)

Вторым требованием уголовного наказания Лепельтье-Сан-Фаржо считал соразмерность между виною преступника и применяемой к нему карой; применение же смертной казни к вору, совершившему кражу со взломом, и к убийце является нарушением этого требования.

Исходя из принципов устрашения и исправления, Лепельтье требовал от наказания, чтобы оно было длящееся, публичное и отбывалось, по возможности, в месте совершения преступления.

Переходя к вопросу о смертной казни, докладчик не останавливается на пресловутом вопросе о праве на наказание. Государство имеет это право так же, как имеет право убивать врагов во время внешней войны. Преступник — внутренний враг, и, если нет других средств побороть его, смертная казнь необходима. Но способна ли она остановить движение преступности? По мнению докладчика, — ни в каком случае. Никогда боязнь смерти не останавливает преступника. Он всегда надеется избежать наказания. Простая, неквалифицированная смертная казнь, о которой теперь только и может идти речь, не устрашает, а зрелище казней развращает зрителя. Однако эта критика не помешала автору предложить в замену смертной казни продолжительное суровое заточение с предварительной трехдневной публичной выставкой в кандалах у позорного столба на площади. Имя осужденного, его преступление и приговор должны быть написаны на доске над головой преступника. На этой же доске должно быть описано и наказание, предстоящее виновному: «одно из наиболее горячих желаний человека — быть свободным, потеря свободы будет первым условием его наказания. Вид неба и света — одна из самых приятных радостей; осужденный будет заключен в темный карцер. Общество и общение с людьми необходимы для счастья людей — осужденный будет содержаться в полнейшем одиночестве. Его тело закуют в железо. Хлеб и вода будут его пищей, солома для подстилки будет дана в необходимом размере»... «Но не будем забывать, что всякое наказание должно быть гуманно, и внесем некоторое утешение в этот темный карцер страдания. Первое и главное смягчение этого наказания — сделать его временным... Слово «навсегда» — страшно и неразрывно связано с чувством отчаяния. Преступник должен постепенно получать разные льготы и облегчение своего положения».

Предложение об отмене смертной казни было отвергнуто почти единогласно. Публика, переполнявшая трибуны, была на стороне защитников смертной казни и аплодировала решению Национального собрания сохранить эшафот и на будущее время. Из речей ораторов, выступавших за отмену смертной казни, мы остановимся на двух наиболее интересных. Одну из них произнес знаменитый Робеспьер, а другую, очень обширную и всесторонне освещавшую

вопрос, депутат от г. Парижа Дюпор. Робеспьер доказывал, что смертная казнь несправедлива и бесполезна. «Победителя, умерщвляющего побежденного врага, зовут варваром. Человек, убивающий ребенка, которого он может обезоружить и наказать, — чудовище. Обвиняемый, которого осуждает на смерть общество, тот же побежденный и беспомощный неприятель; он, сравнительно с обществом, еще более слаб, чем ребенок перед взрослым... И поэтому в глазах правды и справедливости эти сцены казней — лишь отвратительные убийства». Варварский закон налагает цепи на человека; он — оружие, которым пользуются деспоты, чтобы подчинить народ своему игу; он написан кровью... О необходимости смертной казни говорят защитники старой, варварской рутины. Но разве государство не располагает другими средствами для борьбы с преступлениями? Закон должен быть образцом справедливости. Но, если он заставляет проливать человеческую кровь и показывает народу сцены жестокости и убийства, то он действует развращающе».

Речь Дюпора была произнесена от имени комитетов по пересмотру уголовного законодательства и конституционного.

Она произвела впечатление на слушателей, но враждебное отношение большинства аудитории было очевидно для оратора, и он с грустью сознавал, что его речь лишь отсрочивает на четверть часа торжество смертной казни. Лишь один раз Национальное собрание аплодировало Дюпору, когда он возражал защитнику казни в рясе. Это духовное лицо прервало речь Дюпора возгласом, что смертная казнь допущена к употреблению Библией. Дюпор напомнил ему, что братоубийца Каин не был казнен, а Национальному собранию он напомнил, что в 8-й статье «Декларации прав человека и гражданина» оно само признало: «Закон может устанавливать лишь действительно и очевидно необходимые наказания», смертная же казнь не принадлежит к числу таких наказаний. Она не устрашает преступников; они видят в ней лишь ее материальную сторону, нравственная сторона их не касается; наказание смертью для них только смерть, а смерть — дурная четверть часа.

В речи Дюпора сторонники обоих новых течений в области уголовного права при желании могли бы найти

их основные идеи. «Убийца — поистине больное существо», — вот мысль Дюпора, которая несколько десятилетий спустя нашла себе выражение в трудах уголовно-антропологической школы. Но в то время как антропологи пришли к оправданию казни неисправимых прирожденных преступников, Дюпор видел в болезненности убийц довод против смертной казни. Идея же социологической школы выражена оратором в признании, что и жестокие преступления имеют свои причины, на которые необходимо реагировать. Это — крайняя нищета и безнадежно тяжелое положение. Необходимы предоставление работы желающим и помощь не имеющим возможности работать. С глубокою верою в социальное происхождение преступлений Дюпор говорил Национальному собранию: «Вы сочли совершенно правильно одною из главных ваших обязанностей составление уголовного уложения, но я решаюсь заявить вам, что три четверти этого уложения заключаются в той работе, которую должен представить вам ваш комитет о нищенстве».

В Конвенте вопрос об отмене смертной казни возбуждался шесть раз, прежде чем было принято предложение о ее отмене, впрочем лишь со дня опубликования о наступлении общего успокоения.

Как известно, во Франции не было опубликовано о наступлении успокоения, и смертная казнь осталась неотмененной. Буржуазная революция удовольствовалась провозглашением красивой формулы отмены смертной казни точно так же, как, провозгласив свободу, равенство и братство, не дала народу ни свободы, ни братства, ни равенства.

Особый интерес представляет странное на первый взгляд явление: в рядах защитников смертной казни видное место занимают служители христианской церкви. Защита смертной казни «служителями Христа», «учителями слова Божьего» всегда вызывала большое удивление и поражала своей неожиданностью.

Однако история борьбы со смертной казнью показывает нам, что эти неожиданности повторялись слишком часто и пора бы уже привыкнуть к ним. Пока церковь была гонимою в первые века христианства, духовенство и на словах и на деле было горячим противником казней. Но наступили новые времена, и положение резко изменилось. Уже при Феодосии IV появляется в католической церкви

смертная казнь даже за религиозные преступления. Она встречает резкое осуждение со стороны некоторых христианских учителей, но быстро входит в употребление и получает сильное распространение. Сотни тысяч еретиков и колдуний находят себе мученическую смерть на кострах инквизиции. Но духовенство еще избегает заявлять себя сторонником смертной казни. Оно еще соглашается, что пролитие крови настолько противно религии, что, отказываясь само присуждать к смертной казни, оно обходит запрет Христа о пролитии крови и отдает осужденных ею в руки светского палача или отправляет их на костер для сожжения заживо «без пролития крови».

Но наиболее ярко обнаруживается отношение духовенства к казни начиная с XVIII века в законодательных учреждениях Западной Европы. Некоторые из представителей духовенства, не ограничиваясь своей ролью в законодательных собраниях, пропагандируют идею смертной казни и ее «божественного установления» в периодической печати, проповедях и на собраниях. Конечно, мы не думаем утверждать, что все духовенство во всей его массе является сторонником смертной казни. Нам слишком хорошо известны выступления в русской и иностранной печати духовных писателей против смертной казни. Еще не забыты в России речи, произнесенные в первой и второй Думе скромными сельскими священниками против казней. Известны также примеры, когда духовенство в прежнее, уже давно минувшее время, ходатайствовало о помиловании осужденных. Но бросается в глаза совершенно иное отношение к казни со стороны преимущественно высшего духовенства.

Так, в заседании Государственного Совета 27 июня 1906 г. протоиерей Т. И. Буткевич произнес обширную речь в защиту смертной казни, хотя и относил себя к непримиримым противникам всякого пролития крови: «Слишком смелы те комментаторы новозаветного учения, которые утверждают, будто бы в Евангелии есть прямое осуждение смертной казни... Такого осуждения я не нахожу». Оратор склонен думать, что смертная казнь не самое суровое наказание. Он осматривал один из казематов старой Шлиссельбургской крепости и «ужаснулся человеческой жестокости... У меня, — говорил он, — не станет духа спросить вас, милостивые государи, что хуже для человека:

моментальная ли смертная казнь или подобное многолетнее заключение в Шлиссельбургском каземате».

В наказах дворян выражается желание об усилении репрессии, о введении смертной казни за целый ряд преступлений, а если и они просят о смягчении наказаний, то для своего сословия.

Как верно замечает проф. Малиновский, такое настроение в пользу смертной казни свойственно было не только рядовому захолустному дворянству. Оно разделялось, например, одним из просвещеннейших людей XVIII века историком кн. Щербатовым, который полемизировал с Беккарией и доказывал необходимость смертной казни.

Все последующие проекты уголовного уложения в России, выработанные представителями высшего чиновного мира, уделяли столь же широкое место наказанию смертью, сколь проведению резкого различия в положении дворянина и не дворянина перед лицом уголовного правосудия. Исключение в этом отношении составили дворяне-декабристы. В выработанном ими проекте русской конституции и в Наказе Временному Верховному Правительству они потребовали, чтобы «законы, особенно уголовные, были одинаковы для всех состояний»; вместе с тем они самым решительным образом высказались против смертной казни. Стоявший во главе заговора Пестель записал в свою «Русскую Правду»: «Смертная казнь никогда не должна быть употребляема». Он мотивировал это возможностью судебных ошибок.

Борьба против смертной казни стала теперь сильнее. Проф. Prins объясняет это положением Европы: «Когда вспоминают, что современная борьба человека отнимает преждевременно жизнь у честных людей и жертвует полезными работниками на полях сражения, при различных междоусобиях и при несчастных случаях на работе, то говорят, что наша цивилизация мало ценит человеческую жизнь и что нет соответствия между этой гекатомбой и заботами, с которыми она относится к вредным членам». Нельзя не признать, что человеческая жизнь, действительно, до сих пор ценилась и теперь ценится очень дешево. Но когда в ответ на требования человеческого отношения к преступнику сторонники смертной казни упрекают своих противников в сентиментальности, то они совершают очевидную и грубую ошибку. Не без остроумия итальянс-

кий криминалист и депутат Турати называл призывающих к жестокости в борьбе с преступностью террористами; в согласии с наиболее эгоистичной и трусливой частью общества они, говорит он, железною рукой аплодировали смертной казни, требовали поменьше школы, побольше розги; перед печальным и нелепым явлением, что тюрьма слишком часто предпочитается мышиной норке рабочего, они не видели другого средства, как ухудшения первой.

В истории борьбы против смертной казни в России за последние восемь лет ее усиленного применения имеется немало примеров того или другого отношения к этому вопросу различных слоев русского общества. Но историку приходится говорить здесь более о поразительно единодушном отрицании этого наказания, чем о его одобрении. В самом деле, Дума 1-го созыва уже во втором заседании (29 апреля 1906 г.) единогласно приняла предложение: «возложить на комиссию непременную обязанность внести в адрес указание на безусловную необходимость ныне же приостановки смертной казни по всем делам, политическим и уголовным, в общих и военных судах до тех пор, пока не будет окончательно и раз навсегда отменена смертная казнь в России».

Это предложение было внесено представителями конституционно-демократической партии. В третьем заседании социал-демократы предложили, «чтобы, не ожидая выработки адреса, Дума выразила свою и народную волю об амнистии и об отмене смертной казни через своего председателя Государю».

18-го мая конституционно-демократическая партия внесла проект отмены смертной казни, и в тот же день Дума передала его в комиссию с поручением представить доклад не позже следующей недели. Предложение трудовиков о немедленном обсуждении проекта было отвергнуто. Через месяц, 19 июня, проект отмены смертной казни был принят *единогласно*, при громе продолжительных аплодисментов.

Проекты отмены смертной казни были внесены трудовиками и конституционно-демократической партией и в Думу 2-го созыва. Через несколько заседаний Дума была распущена, и проект остался необсужденным. Но отношение Думы к наказанию смертью ясно выразилось при обсуждении проекта отмены военно-полевых судов.

Дума 3-го созыва дала, как известно, новую группировку политических партий: в нее вошли большей частью сторонники правых политических течений или близких к ним. Отношение Думы к смертной казни поэтому также резко изменилось. Левые партии внесли 19 июня 1908 г. за 103 подписями проект ее отмены, но господствовавшее в Думе большинство (правые, партия 17-го октября, националисты) не спешило с его обсуждением. Только 28 января 1909 г. вопрос об отмене был передан в особую подкомиссию и комиссию по судебным реформам; обе высказались против отмены смертной казни. Попытки ускорить обсуждение Думою проекта не привели к желательным результатам.

Такое отношение к институту наказания смертью является вполне характерным и обычным для партий центра и правых. Последние поднимали свой голос с требованием казни в то время, когда страницы периодической печати покрывались бесчисленными протестами против этого наказания и когда ни одно публичное собрание не обходилось без принятия соответствующих резолюций. «Союз русского народа» по телеграфу еще в 1906 году посылал ходатайства, печатавшиеся в «Правительственном вестнике», об удержании смертной казни... Так, телеграмма из Рузы гласила: «Союз русского народа» в городе Рузе умоляет тебя, Государь, о сохранении смертной казни, неприменение которой, а также дарование амнистии поведут, по крайнему нашему разумению, к ожесточению и самосуду над крамольниками». Такого же содержания были телеграммы и от других отделов означенного союза.

Если в этих телеграммах говорится об ожесточении и предстоящем самосуде над крамольниками в случае отмены смертной казни, то сторонникам ее отмены приходилось выслушивать сходные угрозы даже убийством. Перед обсуждением проекта отмены в Государственном Совете некоторые его члены получили письма одинакового содержания с печатью, изображающей череп и две сложенных накрест кости: «Вы добиваетесь отмены смертной казни для того, чтобы дать революционерам совершать безнаказанно государственные преступления. Мы не можем допустить, чтобы банда сановных крамольников тиранила мирное население и заливала Россию кровью ее верных сынов. Знайте, что как только ваше

стремление исполнится и смертная казнь будет отменена, мы первые воспользуемся тотчас же данной вами свободой для того, чтобы безнаказанно свести счеты с такими радетелями родины, как вы. Если у законной власти отнимается сила, мы будем вынуждены взять ее себе. Палка о двух концах. Если вы дадите возможность революционерам терроризировать население, нам останется для спасения родины ответить террором, первыми жертвами которого падете вы. Закон пройдет, — готовьтесь к смерти».

Агитация правых партий в пользу смертной казни никогда не встречала сочувствия в широких кругах народа. Наоборот, отрицательное отношение последних к этому наказанию обнаруживается из целого ряда фактов. Депутаты крестьяне и рабочие в первой и второй Государственной Думе были горячими противниками наказания смертью. Среди печатавшихся в газетах протестов часто встречались подписанные исключительно рабочими или крестьянами. Среди просмотренных нами протестов крестьян встречаются наивные по форме, но интересного содержания. Так, в одном из таких протестов мы прочли: «Мы, крестьяне... пришли к заключению, что нам необходимо отменить смертную казнь. Убить человека можно, а воскресить его не воскресишь никогда, никакими сказочными водами. Много много погибает людей безвинно — напрасно и никогда не возвратишь». Среди 75 наказов крестьян Самарской губернии депутатам первой Думы мы нашли 37 наказов с требованием отмены смертной казни.

Достаточно ясным показателем отрицательного отношения широких слоев России к наказанию смертью может служить самое число подписывавшихся под протестами. В самое короткое время, например, в «Русские ведомости» было доставлено около 25 000 подписей, не считая коллективных заявлений, которые должны были дать еще бóльшие цифры. Наконец, вся русская печать, за исключением крайнего правого направления, упорно боролась и борется против смертной казни.

* * *

Как ни трудно прибавить что-нибудь новое к доводам против смертной казни, но окружающая нас русская действительность с ее ежедневными смертными приговора-

ми и с ее еженощными приведениями их в исполнение дает все новые и новые факты, громко кричащие об ужасе, бессилии и несправедливости этого наказания.

Эти факты, страшные своей лаконичной краткостью, вскрывают такую глубокую бездну человеческого страдания, при взгляде на которую голова кружится, сердце перестает биться и ум отказывается понять, что мы, люди XX века, являемся современниками этих фактов и что оправдание им ищут в нашем благе, в благе «общества».

Не претендуя на новые доводы против смертной казни, мы ограничиваем нашу задачу указанием лишь некоторых новых фактов. Мы могли бы привести их, к сожалению, слишком большое число, но считаем это лишним: каждый из них настолько ярок до ослепительности, что мы можем быть очень кратки.

Сторонники смертной казни считают ее главным достоинством, что она истребляет преступников и устрашает их. Опровержением правильности этого утверждения являются события нашей русской жизни. Трудно найти город, где бы вслед за применением смертной казни не было новых случаев совершения преступлений, тождественных тем, за которые была применена смертная казнь. Из опубликованных в печати сведений, доставленных Министерством внутренних дел в Государственную Думу, видно, что число приговоренных и казненных непрерывно увеличивалось, начиная с 1905 года вплоть до 1909 года. Так, военно-окружными судами были вынесены и приведены в исполнение смертные приговоры по делам о лицах гражданского ведомства:

год	осуждено	казнено
1905	72	10
1906	450	144
1907	1056	456
1908	1741	825

Кроме того, по приговорам военно-полевых судов казнено с 19 августа 1906 г. по 20 апреля 1907 г. — 683 чел.

Эти громадные цифры показывают, что смертная казнь не истребила преступников и не остановила новых преступлений. В русской криминалистической литературе, начиная с учебника проф. Спасовича и блестящей страницы в курсе

проф. Таганцева, не раз указывалось на полное бессилие смертной казни в борьбе с политической преступностью. Правильность этой мысли еще раз подтверждается не только приведенными выше статистическими данными, но и появившимися за последнее время в печати известиями о последних словах казненных и их предсмертными письмами. В «Руси» были напечатаны следующие последние слова приговоренного к казни и казненного Пулихова: «В горящем доме разбитых стекол не считают — так сказал Дурново. Я — только одно из этих стекол в многоэтажном, рассыпающемся здании. Пусть будет так, но я счастлив тем, что, пока я жил, сквозь это стекло проникал, хотя тусклый, свет во внутрь этого здания. Здание горит: пусть моя жизнь сегодня оборвется, но сквозь разбитое стекло, я верю, ворвется внутрь порывистый ветер, еще ярче раздует горящее пламя... Я счастлив, клянусь вам, я не лгу. Как горячею волною смыло с меня в эти минуты всю душевную нечисть, всю ложь. Огромную отраду доставляет мне в эту минуту мысль о вас, моих близких, дорогих. Прощайте».

В докладе, представленном комиссией судебных реформ, гражданского и уголовного законодательства французской палате депутатов по вопросу об отмене смертной казни, мы находим следующий разительный факт полнейшего бессилия этого наказания как средства устрашить обыкновенных преступников. Это было в 1894 году. Толпа, собравшаяся на площади Melun, ждала исполнения казни над неким Шерером. Один из зрителей, чтобы лучше видеть казнь, забрался на дерево перед гильотиной. Жандармы пытались снять его оттуда, но он залез еще выше. В это время привезли осужденного, и жандармы были принуждены оставить любопытного зрителя на дереве. Он слез оттуда лишь после того, как нож гильотины отрубил голову осужденного. Год спустя, на этом же самом месте, на этой же площади Melun совершалась новая казнь за преступление, аналогичное преступному деянию Шерера. На этот раз казнили того самого зрителя, который год тому назад «любовался» с дерева казнью Шерера.

Другой довод сторонников смертной казни — оправдание ее целями «справедливого возмездия». Эта своеобразная «справедливость» будто бы требует страдания-наказания, эквивалентного тяжести преступления. Такая теория,

являясь плодом отвлеченной мысли, не знает или не хочет знать всей тяжести наказания смертью, перед которой бледнеют мучения жертвы убийства. Именно с этой точки зрения была освещена психология казнимых в русской и иностранной беллетристике. На эту же точку зрения встал доктор Н. Н. Баженов в очерке, напечатанном в сборнике «Против смертной казни». Весь ужас смертной казни, во много раз превышающий ужас жертвы убийства, виден не только там, где под тяжестью смертного приговора осужденный падает на колени и молит о пощаде, но и там, где казнимый умирает, стараясь показать свое хладнокровие и даже радость перед смертью.

Величайшая ошибка сторонников смертной казни, видевших в ней справедливое возмездие, лежит в их мысли, что все наказание смертью сводится к отнятию жизни. Но в громадном большинстве случаев физические муки смертной казни ничто в сравнении с психическими муками ожидания смерти, расставания с родными и близкими и отвращения к объятиям палача. Эти муки заставили пятнадцать заключенных Александровской каторжной тюрьмы братски поделить между собою яд для своей отравы. Эти же муки вызывают эпидемию самоубийств в других тюрьмах, где осужденные к смертной казни или ожидающие смертного приговора вешаются, отравляются, перерезывают себе артерии кончиком стального пера (в Тамбовской тюрьме). В Курской тюрьме приговоренный к смерти отнимает револьвер у надзирателя тюрьмы, стреляет в двух своих осужденных товарищей и кончает с собою самоубийством из этого же револьвера. В Лысогорском форте привезенный для казни Юрченко бросается в кандалах бежать и пробегает в темноте около полуверсты, прежде чем успевают догнать его...

Тяжесть смерти от руки палача в приведенных случаях слишком очевидна. Но нужно быть слепым, чтобы не видеть психических мук смертной казни даже там, где из-под ножа гильотины несутся торжествующие крики анархиста Казерио: «Да здравствует анархия!»; где в экстазе идеи, захватившей все существо приговоренного, он пишет в своем предсмертном письме о безмерном ожидающем его счастье, об ожидающей его на пороге одиночной камеры

смерти; где казнимый с гордостью отказывается от повязки на глаза перед расстрелом; где жестокий убийца Эйро с презрением кричит стоящим у гильотины представителям правосудия: «Вы хуже убийцы, чем я!».

«Наказание должно быть индивидуально». Таков принцип современной карательной политики в ее борьбе с преступностью. Однако вопреки этому принципу всякое наказание в той или другой степени отзывается на близких приговоренного. Но противоречие смертной казни этому принципу настолько велико, что оно несет страдания людям, совершенно посторонним для осужденных: оно несет им даже сумасшествие и самоубийство. О величине этого страдания свидетельствует следующий факт, имевший место в С.-Петербурге: на петербургской станции финляндской железной дороги покончил с собою, бросившись под отходящий поезд, 50-летний священник села Ново-Елизаветинского Днепровского уезда Таврической епархии о. Александр Пономарев. Он положил свою седую голову на рельсы, и колеса паровоза ее отрезали. Старик приехал в С.-Петербург хлопотать о смягчении смертных приговоров Екатеринославского суда. Потрясенный отклонением его ходатайства он покончил с собою самоубийством... Другой факт имел место в Киеве. Товарищ прокурора Киевского окружного суда Воробьев присутствовал по назначению суда при совершении смертных казней. Он заболел буйным помешательством и все время кричит: «Я убийца, палач»...

С тех пор как смертная казнь сделалась предметом обсуждения законодательных собраний, вопрос об отношении к ней народа стал далеко не безразличным. Отвращение к этому наказанию, питаемое русским обществом и русским народом, проявлялось и проявляется настолько ярко, что не может оставлять никакого сомнения. История смертной казни в иностранных государствах не знает такого момента, когда протест против этого наказания достигал бы такой высоты и силы напряжения, как у нас, в России за последние годы. Заседания и съезды представителей науки, труда, искусства, политические собрания и митинги считали своим долгом выразить свое осуждение смертной казни. Газеты переполнялись такими же протес-

тами. Первая и вторая Государственная дума с удивительным единодушием высказывались против смертной казни. Не приводя формул протеста, мы ограничимся указанием на некоторые случаи, когда он выливался в форму определенных действий. Так, в июне 1906 года при суде над 17 чинами Мингрельского полка, которым грозила смертная казнь, в Тифлисе произошла забастовка рабочих, прислуги в ресторанах, извозчиков и др. Более значительная забастовка произошла в Лодзи, Згерже и Побианицах 27 сентября 1906 г. В этот день в лесу близ Лодзи были расстреляны по приговору военно-полевого суда пять человек. Собравшаяся толпа вырыла трупы казненных, вынула их и уложила в ряд. Явившийся патруль расстрелял толпу и арестовал 30 человек. В этот же день началась общая забастовка. Закрылись фабрики, магазины, банки, прекратилось движение трамваев, извозчиков.

Припомним наряду с этими случаями массового протеста случаи отказа чинов судебного ведомства и врачей присутствовать при казни.

К разряду этих же фактов должны быть отнесены проводы, устроенные врачами в Тамбове доктору Брюханову, принужденному в 24 часа покинуть город за свой отказ подать руку доктору Либиху, «присутствовавшему при приведении в исполнение одного довольно обычного в наше время акта». В Екатеринбурге консультация присяжных поверенных при окружном суде просила удалиться явившегося к ней за советом Хелидова, служившего палачом в Екатеринбургской тюрьме. По его словам, ему было обещано уплачивать за каждого казненного по десяти рублей. Он повесил 16 человек и получил не 160 руб., как ему следовало, а 100 рублей и поэтому желал бы предъявить «иск»...

«Смертная казнь противоречит принципу восстановимости наказания, которому должно отвечать наказание». Правосудие еще не достигло такой организации, при которой исключалась бы возможность судебных ошибок. Русская действительность знает несколько случаев ошибок при приговорах к смерти. Одну из них удалось предупредить, другие совершились. Так, в Двинске 1905 года 6 июня Маньковский за покушение на убийство помощника по-

лицмейстера был приговорен к смерти. Приговор был кассирован и при втором разборе дела обвиняемый был оправдан. То же самое произошло с Зелинским. По подозрению в покушении на убийство околоточного надзирателя он был приговорен к казни, а затем оправдан. В начале 1906 года временный военный суд в Риге приговорил к смерти германского подданного Иогансона и рабочего Земгала. Приговор был отменен, и дело рассматривалось гражданским судом. По приговору С.-Петербургской Судебной Палаты Земгал был оправдан, а Иогансон признан виновным не в разбое, в чем обвинил его военный суд, а в покушении воспрепятствовать должному лицу исполнить его обязанности и приговорен в тюрьму на два с половиною года. Такая ошибка была совершена Варшавским военным судом, приговорившим к повешению шесть человек за нападение на жилище Покрживы и троих за недонесение — к каторжным работам в общей сложности на 45 лет. Приговор был кассирован, и дело рассматривалось Гродненским судом с участием присяжных заседателей, которые оправдали одного из шести приговоренных к смертной казни и трех приговоренных ранее за недонесение к каторжным работам, а остальных пятерых признали виновными, но вопреки решению военного суда не в разбое... В Екатеринославе был приговорен к смертной казни убийца начальника Александровских мастерских. Приговор был отменен, так как г. Александров не находился на военном положении. В феврале 1907 года в московских газетах была напечатана телеграмма об отмене согласно всеподданнейшего доклада варшавского военного губернатора смертного приговора военного полевого суда Беднарскому, Пиотровскому и Хойнацкому. По словам телеграммы, трое осужденных оказались жертвами лжесвидетельства. Жертвой лжесвидетельства оказался в Москве Кузнецов, приговоренный к казни. После признания московским окружным судом двух свидетелей по этому делу виновными в лжесвидетельстве дело рассматривалось военным судом вторично, и Кузнецов был оправдан. Телеграмма из Одессы, напечатанная в московских газетах 25 января 1907 г., сообщила: «Выясняется, что повешенные 19 января два брата Трегеры, Оренбах и Грейгерман пали жертвою

ужасной судебной ошибки. Они ничего общего ни с анархистами, ни с другими партиями не имели».

В «Новой Руси» 21 ноября 1908 г. была напечатана корреспонденция из Ташкента, автор которой утверждает, что сын инженера-технолога Ососков осужден и казнен невинно. В Варшаве Шмигельский и Данек были приговорены к смертной казни за стрельбу в военный патруль. Генерал-губернатор заменил казнь каторжными работами. Но местный судебный следователь, своевременно не предупрежденный о передаче дела жандармским властям, приступил к следствию и, установив, что такого факта не было, направил дело на прекращение. Петровский Окружной Суд дело производством прекратил за отсутствием состава преступления.

Таковы новые факты о смертной казни под старыми рубриками доводов против этого наказания.

Тяжело писать о смертной казни, о ее прошлом, но еще тяжелее писать о ее настоящем, о том, что мы все видим, о чем читаем в газетах, что слышим и чувствуем. Но если писать о ней тяжело и больно, то молчать о ней нестерпимо. Тем более не должен молчать криминалист теперь, когда общественное мнение в России выдвинуло вопрос об отмене смертной казни на первую очередь. К сотням тысяч голосов русских граждан должна присоединить и присоединяет свой авторитетный голос и наука уголовного права, и голос все тот же: «Смертная казнь должна быть вычеркнута из лестницы наказаний».

Таганцев Николай Степанович (1843 — 1923) — выдающийся русский криминалист второй половины XIX — начала XX века, представитель классического направления в науке уголовного права, профессор Петербургского университета (1862 — 1882), сенатор, академик, член Комиссии по составлению Уголовного Уложения 1903 г. Автор двухтомного курса по Общей части уголовного права, выходившего двумя изданиями и по своей фундаментальности не имеющего равного в Европе.
В 1913 году опубликовал сборник своих работ под общим названием «Смертная казнь».
Н. С. Таганцев был в дружеских отношениях с И. Н. и М. А. Ульяновыми.
Используя свое влияние при дворе, предпринимал все меры к тому, чтобы смертный приговор А. И. Ульянову был отменен.

По законопроекту об отмене смертной казни

Выступление сенатора, академика Н. С. Таганцева в Государственном Совете 27 июня 1906 г. при обсуждении одобренного Государственной думой проекта Закона об отмене смертной казни в России. Опубликовано в кн.: Н. С. Таганцев. Смертная казнь. СПб., 1913.

Господа члены Государственного Совета. Я сознаю, что беру на себя серьезную обязанность, выступая перед Государственным Советом защитником законопроекта об отмене смертной казни. Я предвижу то, что скажут члены Государственного Совета: несколько лет тому назад в 1902 и 1903 гг. Государственный Совет обсуждал новый проект Уголовного Уложения. Редакционная комиссия подробно изложила вопрос о смертной казни и представила свои соображения, почему бы Россия, которая, начиная с XVIII века, шла по направлению ограничения смертной казни, могла бы принять исключение таковой из лестницы наказаний.

Редакционная комиссия находила возможной отмену смертной казни; но Государственный Совет не примкнул к предположению редакционной комиссии, и смертная казнь в Уголовном Уложении осталась. Что же произошло с тех пор в России? По России пронесся революционный смерч, и эта революционная буря еще не кончилась. Вся Россия покрылась целою сетью страшных преступлений. Убийства залили кровью окраины и центры. Что же скажут мне теперь члены Государственного Совета? Три года назад при мирном состоянии края мы, рассматривая Уголовное Уложение, отказались от отмены смертной казни: какие же могут быть основания в настоящее бурное время к отмене ее и даже к рассмотрению этого вопроса в Государственном Совете? Да, отвечу я на это, буря пронеслась над Россией, буря сильная, и тем не менее я позволю себе утверждать, что есть полное основание для того, чтобы и рассмотреть этот вопрос и отменить смертную казнь.

Прежде всего, не могу не остановиться на том, что мы рассматриваем теперь проект закона, прошедший уже одно учреждение, один центр законодательной власти, Государственную Думу, которая единогласно высказалась в лице 330 участвовавших в его рассмотрении представителей народа за отмену смертной казни и, следовательно, Государственный Совет не может уклониться от рассмотрения проекта.

Нельзя не обратить внимание на это единогласие лиц разных воззрений, людей, пришедших с разных концов России, принадлежащих к разным классам общества. Они единогласно высказались по этому вопросу. Не можем же мы, господа, не задуматься над этим единогласием. Нельзя не согласиться, что представители России, представители громадного числа русских людей сознательно отнеслись к необходимости отмены смертной казни и что это достаточный повод для пересмотра того, чего не сделали мы в 1903 году. Есть и другое основание, почему мы можем коснуться этого вопроса. Сила и значение вопроса о смертной казни в России теперь совсем иные, чем тогда. С 1866 года по 1903 год во всей Российской Империи, причисляя сюда и окраины, как указывают статистические данные, количество смертных казней ежегодно не превышало 15, а ныне? За пять месяцев 1906 года по сведениям,

которые я черпаю из книги, изданной Гернетом, в Российской Империи было произнесено 180 приговоров и казнено 90 (человек. — *О. Ш.*). Я думаю притом, что это число неполно, потому что сведения, очевидно, недостаточны. В эту цифру не вошли, например, все те расстрелы, которые имели место без суда. Тут речь идет только о приговорах судебных. Значение вопроса становится иным, когда в год более 200 жизней прекращаются в России; значение смертной казни стало иное. Наконец, не могу не прибавить, что несправедливость не отмененная не делается вследствие этого справедливостью.

Я 40 лет с кафедры говорил, учил и внушал той молодежи, которая меня слушала, что смертная казнь не только нецелесообразна, но и вредна, потому что в государственной жизни все то, что нецелесообразно, то вредно и при известных условиях несправедливо. И такова смертная казнь. С теми же убеждениями являюсь я и ныне пред вами, защищая законопроект об отмене казни.

Говорить подробно о тех доводах, которые приводились против смертной казни, я не буду. Литература по этому вопросу весьма обширна. Нет ни одного соображения, по которому писавшие не высказывались бы всесторонне, и едва ли найдется среди Государственного Совета хотя бы один член, который не думал бы об этом вопросе, обсуждая его с различных сторон.

В разосланных нам материалах отпечатаны объяснения редакционной комиссии; значит, в вашем распоряжении имеются все те доводы и мотивы, которые в 1881 г. редакционная комиссия высказывала по вопросу об отмене смертной казни. Поэтому я позволю себе остановиться только на некоторых существенных и наиболее важных доводах, приводимых в защиту смертной казни. Так, еще недавно говорили нам, что смертная казнь не может быть устранена из государственного карательного арсенала, потому что государство должно охранять жизнь своих верных слуг, которые из-за угла, на посту, при исполнении своих обязанностей убиваются во всех местностях России. Поэтому смертную казнь считают необходимой для охраны государственного спокойствия. Раскрывая скобки и разбирая довод о том, что смертная казнь безусловно нужна для охраны должностных лиц, мы увидим, что в нем и кроется то единственное основание, на котором укрепились защит-

ники смертной казни, — ее устрашительность. Выкиньте ее из арсенала карательных мер, говорит этот довод, и опасность возрастет, безопасность будет поколеблена и невозможно будет справиться с массой преступлений, которые тогда начнут совершаться. Я не буду указывать, сколь мало жизнь подкрепила то предположение, будто смертная казнь устрашает, будто смертная казнь есть задерживающий элемент для преступников. Ознакомясь с объяснениями редакционной комиссии, конечно, господа члены Совета обратили внимание и на те примеры, которые приведены в них из громадной литературы вопроса. Я позволю себе сделать одно напоминание. После того, как мотивы редакционной комиссии были изготовлены, одна страна совершенно отменила смертную казнь. Это Италия, отменившая казнь в 1890 г., та Италия, в которой ежегодные убийства в пропорциональном отношении к числу жителей всегда составляли огромное количество. Какие же последствия отмена смертной казни имела для нее? Позволю себе цитировать одного выдающегося криминалиста — Энрико Ферри, добросовестность трудов которого в этом отношении трудно заподозрить. В заметке, помещенной в сборнике Гернета, он говорит, что в Италии, как в Голландии и Бельгии, после отмены смертной казни число убийств не только не увеличилось, но постепенно продолжало уменьшаться. Значит, и предположение, что смертная казнь была задерживающим средством, вовсе не подтвердилось. Но зачем ходить так далеко; мне кажется, что эти доказательства мы можем почерпнуть из нашей истории. Я не буду углубляться ни в далекие Елизаветинские времена, ни во времена Императора Павла I, который в указе 1799 г. всенародно заявил, что смертная казнь отменена по нашим государственным законам. Я беру гораздо позднейшее время: по Своду Законов издания 1832 г. — в царствование Императора Николая I — смертная казнь, если не ошибаюсь, на основании статьи 17, устанавливалась в трех случаях: по 1 пункту — за мятеж и измену, но только при одном условии, если они ведались верховным судом, т. е. таким, который каждый раз учреждался по особому Высочайшему повелению; по 2 пункту — как наказание за карантинные преступления; и, наконец, по 3 пункту — за преступления, совершенные в военное время и наказуемые по полевым законам, и только.

Количество преступлений, за которые мог быть вынесен смертный приговор по Уложению 1845 года, несколько возросло, но тем не менее ввиду постановления судебных уставов в первоначальной редакции 236 статьи возможность применения смертной казни была весьма ограничена, так как гражданские лица могли наказываться по закону военному лишь в местах, объявленных на военном положении, и только за преступления, поименованные в Высочайшем указе. Мы не знали смертной казни, таким образом, ни за убийства, ни за квалифицированные поджоги, ни за другие преступления. Далее, мы хорошо знаем, что наши тюрьмы, наши каторги, ссылка и арестантские роты благоустройством не отличались и воспитательного влияния не имели, а, наоборот, имели прямо развращающее влияние. А между тем статистика показывает, что процент преступности в России и процент преступности в западноевропейских державах — Франции, Англии и Германии — не различался существенно, и оказывается, что Россия не стояла на первом месте, как следовало бы ожидать. Поэтому нельзя возлагать надежды на смертную казнь, стремясь к уменьшению числа преступлений. Рост преступлений, их уменьшение или увеличение управляются более важными законами социальной жизни того или иного государства. По-видимому угроза смертной казнью имеет мало задерживающего значения. Я позволю себе кратко остановиться на психологическом объяснении этого явления, приводимом во всех исследованиях о смертной казни. Угроза неминуемою смертью, которая стоит недалеко и висит, как топор над головой, еще может влиять на человека, но и то не всегда, и нельзя думать, чтобы эта угроза могла безусловно остановить человека в чем-либо. Кто не преклоняется перед самоотвержением воина, во время боя идущего на верную смерть. Разве откажется какой-нибудь ординарец, когда он послан для исполнения своего долга, проехать через место, где 99 шансов быть убитым? Он, может быть, не сочувствует целям войны, не сочувствует режиму, который послал его на поле битвы, но, верный своему долгу, своему знамени, идет на верную смерть, не боясь ее. Два предшествующих оратора уже указали на христиан; как не вспомнить благоговейно чтимых светочей христианства, которые шли на смерть, славословя Того, за Кого они проливали кровь. Разве они

не вызывают нашего благоговения? Укажу на наших сектантов, самосожигателей, которые себя и своих детей приносили по религиозным заблуждениям в жертву Богу жизни и равнодушно шли на смерть. Но религиозный фанатизм стоит рядом с политическим. Вероятно, среди лиц, ныне совершающих тяжкие преступления, есть много таких, которые только прикрываются политическим фанатизмом, но есть между ними и люди, которые отдаются целиком той идее, которую они считают правильною. Разве фанатизм политический не делает из человека то же самое, что делает фанатизм религиозный, разве такой человек не отдается целиком идее, которой он служит, даже в тех кровавых делах, которые он совершает под ее влиянием? Он идет так же исполнять свой долг, как идет воин на поле сражения. Угроза казнью не удержит преступную руку, если она идет на преступное дело под влиянием политического фанатизма.

Если же мы перейдем к тому, что нас теперь интересует, т. е. к смертной казни, применяемой по суду, то мы увидим, что задерживающий мотив — угроза смертью — становится еще более слабым. Тот, кто идет на преступление, не может не учитывать шансов на то, что он не попадется. Большинство преступников думает, что преступление не будет открыто или не будет достаточно улик для того, чтобы изобличить преступника, что его не поймают, что его не приговорят к смертной казни, а затем еще есть шанс на помилование. Нам, криминалистам, хорошо известно, что такие соображения вовсе не пустые слова. Стоит сопоставить в какой угодно стране количество совершенных убийств с числом последовавших и действительно исполненных приговоров, чтобы сказать, что применение смертной казни к преступнику, учинившему деяние, ею угрожаемое, — это 1 шанс на 100. Вот довод, на основании которого я говорю, что смертная казнь средство нецелесообразное, а потому и вредное в государственной машине.

Не останавливаюсь на тех аргументах, что нельзя мертвецу вернуть жизни, хотя бы он и оказался невинным; что смертная казнь наказание неуравнительное, потому что приходится назначать одну и ту же смертную казнь при различных оттенках виновности.

Вот почему я и повторяю, что смертная казнь есть наказание нецелесообразное и несправедливое. Но на это

говорят — очень может быть, что смертная казнь не нужна, что она будет выкинута из кодексов, но не теперь; нужно подождать, пока окончатся кровопролитие и восстание и настанет царство свободы и мира. За последнее время в России сильно пошел в ход афоризм фельетонного болтуна Карра о том, что смертную казнь можно бы отменить, но пусть начнут господа убийцы. Этот афоризм охотно принимают в нашем современном обществе за полноценную монету, никто не хочет испытать ее лигатуру, а иначе они бы увидели, что она не годится и для самого плохого билона. Оказывается, что эта фраза не столько орудие для защиты смертной казни, сколько, наоборот, говорит против смертной казни. Это позорное признание государства, что оно ставит себя наравне с убийцами, довело нас до того, что не какой-нибудь социал-революционер или социал-демократ, но мирный буржуа, профессор Гейдельбергского университета Еллинек в своем письме, помещенном в сборнике Гернета, о том, как ему представляется современная Россия, высказывает следующие мысли, которые, думаю, каждый русский прочтет с глубокой скорбью. «Вряд ли в каком-нибудь государстве заветы гуманности так беззастенчиво попираются, как в России, где одна часть населения занята лишь мыслью, как бы истребить другую, и где управляющие и управляемые одинаково обагрены кровью». Да и действительно, как сопоставлять то, что не может быть сопоставлено? Как сопоставить преступление с актом государственной деятельности, с актом правосудия? Кто должен начать, преступник или государство? Ведь это похоже на прекращение спора детей между собой, когда отец или мать говорят им: кто поумней, тот и перестанет первый. Но если сопоставлять убийство и смертную казнь, то несомненно, что государство скорее должно перестать, чем преступники.

Я повторяю, говорю все это потому, что к афоризму Карра так часто прибегают. В каждом убийстве и в каждом исполнении смертной казни есть два фактора: с одной стороны, виновный или применитель наказания, с другой — тот, кто страдает. Я беру убийство. Что испытывает убийца, когда бросает бомбу, режет ножом, стреляет из пистолета? Нужно быть очень закаленным злодеем, чтобы без внутреннего содрогания, без мучений, без угрызения совести пойти на кровавое дело; преступник не может не

думать о возможности попасть под суд. И вся эта внутренняя борьба значительно изменяет психическую физиономию убийцы в то время, когда он посягает на свою жертву. Совершенно в другом положении находится исполнитель строгого закона. Со спокойной совестью, может быть со спокойным сердцем, сознавая весь долг, который лежит на нем как на судье, исполняет он веления непреклонного закона, подписывает смертные приговоры. У него нет волнений и страдания от совершаемого акта, он, может быть, не думает, что его приговор есть повеление лишить дыхания жизни, лишить того, что Творцом вложено в каждого человека. Подписав приговор, он, может быть, возвращается спокойно к своей домашней жизни, к семейным занятиям, может быть, к удовольствиям. Он исполнил долг и обязанность! Но можно сказать многое против хладнокровного, спокойного лишения жизни ближнего, хотя бы и в силу закона.

А положение палача, картинно называемого русским народом «мастером заплечных дел», т. е. мастера, технически знакомого со всей обстановкой своего ремесла, и какого ремесла — лишения жизни людей? Достаточно известно, с каким отвращением народ смотрит на палача. Только в наше неврастеничное время можно себе представить, что находятся люди, добровольно принимающие на себя эту обязанность.

А жертва убийства? Сама жертва при убийстве, конечно, может мучиться, может страдать, если рана не была смертельна, если физическая боль продолжалась довольно долго. Но там, где убийство было наповал, где смерть наступила немедленно, страдания прекращаются скоро. Теперь представьте себе положение осужденного. Один из моих предшественников указал на человека, который хладнокровно относился к тому, что ему готовилось, и шел совершенно спокойно на смертную казнь. Но не все таковы. Ряд уголовных дел может показать, что бывали явления другого рода. Попробуйте на минуту перенестись в положение осужденного, когда приговор утвержден, когда просьба о помиловании не принята, когда нет более выхода, когда человек считает дни, часы и, наконец, минуты, которые осталось жить ему, здоровому человеку, и по истечении которых прекратится его жизнь по воле непреклонного закона, карающего за преступление. В эту

минуту человек действительно переносит такие страдания, которые заставляют забыть об его преступлении [1].

Пойдем на эшафот. Ныне, когда смертная казнь перестала быть публичной, положение казнимого преступника стало хуже. Человек, умирающий за идею, мог порисоваться перед публикой, найти в толпе поддержку. Теперь же другой порядок казни. Если осужденный переносит казнь спокойно, все проходит без последствий, но если на эшафоте он начнет просить, молить, целовать руки у тех, которые его ведут под виселицу, каково впечатление этой смерти беззащитного?

Если же наказуемый сильный человек, если под угрозой смерти силы его удесятерились, если на эшафоте начинается борьба? Ведь иногда пяти, шести человек недостаточно для того, чтобы избить, искалечить преступника и изнеможенного поставить под виселицу. Весьма недавно было опубликовано и осталось неопроверженным такое именно известие. Если бы мы применили понятия Уголовного Уложения к подобным поступкам, то можно было бы сказать, что такое лишение жизни осужденного — квалифицированное убийство. Люди истязают и мучают этого обезоруженного человека, чтобы лишить его жизни. Неужели и это ничего не говорит против смертной казни? Возвращаясь опять к афоризму Карра, я бы сказал, надо начать государству, потому что функции государства таковы, что оно должно воспитывать в народе уважение к личности, свободе, а этого нет при исполнении смертной казни.

Если таково положение вопроса о смертной казни вообще, то еще хуже положение смертной казни у нас в России, в том виде, в каком мы ее застаем теперь. Все то, что говорится против нее при нормальном порядке вещей, удваивается и утраивается при том порядке, в котором казнь исполняется теперь у нас; ибо она исполняется не в общем порядке, на основании непреложных законов, которыми твердо управляется Российская Империя, а на основании законов временных, установленных на год, на два, а действующих долгие годы. Смертная казнь применяется при действии положений об усиленной и чрезвычайной охране или по военному положению в силу 279 статьи

[1] Гернет М. О смертной казни. М., 1909.

Свода Военных Постановлений, так что к смертной казни могут быть приговорены и за умышленное убийство, и за изнасилование, и за грабеж, и за разбой, и за умышленные поджоги. Присутствующие здесь юристы пусть скажут, равноценны ли эти преступления и пусть прикинут уголовную их стоимость. Здесь и убийства, за которые грозит закон бессрочной каторгой, и грабежи, которые по новому Уложению влекут за собой тюрьму. Во всех этих разнообразных случаях одинаково применяется смертная казнь, и это понятно, ибо военное положение писалось для военного времени, для действий в виду неприятеля и во время борьбы с ним, когда и маленькое преступление может стать чем-то большим и важным. В 1903 году было Высочайше утверждено новое Уголовное Уложение, введенное в силу 10 июня 1904 года по отношению к государственным преступлениям. В силу этого, если даже было бы совершено такое тягчайшее преступление, как посягательство на жизнь Государя Императора, Императрицы, или Наследника престола, тем не менее, по ст. ст. 55, 57 и 58 этого Уложения, нельзя предавать смертной казни молодых преступников от 14 до 21 года, т. е. несовершеннолетних; лицо старше 70 лет также не может попасть на виселицу. Что же касается лиц женского пола, то и помимо этих условий, только совершив деяния, предусмотренные статьей 99 Уложения, т. е. посягнув на жизнь Государя Императора, могут они быть повешены. Теперь же мы видим, что сплошь и рядом вешают и расстреливают юношей моложе 21 года, женщин. Я не верю, хотя и неопровергнутым правительством, газетным сведениям о том, что были казненные моложе 17 лет, но казни несовершеннолетних несомненны. Что может быть ужаснее того произвола, когда генерал-губернатор может по своему личному усмотрению за то же самое преступление одного казнить, а другого, не предавая суду, выслать, основываясь на военном положении, и когда в 24 часа можно окончить все расследование и суд за сложное преступление? Мы, юристы, все хорошо знаем, что такой суд скорый несправедлив. Мы полагаем, что при каждом преступлении должно быть справедливое расследование, без чего неизбежно громадное зло, так как при скорости рассмотрения нет средств для справедливого решения суда. Ведь был такой случай, что вместо одного брата был казнен другой.

Поэтому я имею смелость ходатайствовать перед Государственным Советом о принятии законопроекта об отмене смертной казни. При этом я не хочу входить в детали вопроса, ибо теперь нам важно решить только общий принцип. Особо же избранная комиссия обсудит проект, внесенный из Государственной Думы, конечно, в пределах нашей компетенции, установленной Основными Законами... Заканчивая мою речь, я позволю себе сказать еще следующее. Ходатайствуя об отмене смертной казни, я и мои единомышленники, которых, надеюсь, будет довольно много, не говорим, что те деяния, которые обложены смертною казнью, останутся без всякого наказания и что виновные в них перестанут быть преступниками. Убийства и тяжкие злодеяния останутся таковыми и при отмене смертной казни, когда за них будут ссылать в каторгу или на поселение. Я верю, что несмотря на все попытки растравить и возбудить русский народ на кровь и злодеяния, он не поддастся этим волкам в овечьей шкуре. Я верю, что в русском народе не утратились нравственные основы любви к ближнему, что он не забыл заповеди Того, Кто на кресте молился за своих врагов. Русский народ не пойдет за теми, кто зовет на погромы и разрушения. Но если бы эта вера моя оказалась неосновательной, ложной, то и тогда я позволил бы себе одно: обратиться к Всеблагому Подателю жизни, чтобы он взял и меня отсюда, из этой юдоли вражды и ненависти, но никогда не пойду в тот стан, который требует крови и жертв.

6 Зак. 702

Фельдштейн Григорий Самуилович (1868 — 1929 гг.) — отечественный криминалист и историк науки уголовного права, профессор Демидовского лицея в Ярославле. Его перу принадлежат два серьезных монографических исследования: «Учение о формах виновности в уголовном праве». М., 1902 и «Главные течения в науке уголовного права». М., 1909. Публиковался и после Великой Октябрьской социалистической революции. В 1926 году в его переводе с латинского языка и с его комментариями была опубликована книга Овидия Назона «Искусство любви и красоты».

Противники смертной казни в русской криминалистической литературе второй половины XVIII века и первой половины XIX века

Статья написана для сборника «О смертной казни. Мнения русских криминалистов» (М. 1909).

В 1764 году выходит в свет книга Беккарии «О преступлениях и наказаниях». Неизвестный до этого времени итальянский писатель приобретает громкое имя, и труд его появляется в многочисленных переводах. В значительной степени Беккариа обязан был своим успехом энергичной и красноречивой проповеди против смертной казни. Но, сгруппировав ряд доводов против этого наказания, Беккариа не выступил безусловным противником допустимости смертной казни в практике государств. Смерть какого-либо гражданина, писал Беккариа, делается необходимой, когда государство восстанавливает или теряет свою свободу, или во время безначалия, когда беспорядки занимают место законов.

Взгляды Беккариа по вопросу о смертной казни были восприняты известным Наказом Екатерины II и в ст. ст. 210 и 212 этого замечательного памятника мы

находим почти дословное повторение аргументов великого итальянского писателя.

Идеи Наказа о смертной казни были восприняты некоторыми писателями по вопросам уголовного права как бы фотографически — с теми оговорками, которые нашли себе место еще у Беккариа. Но, наряду с этим, в русской литературе XVIII века наметились и другие течения, находившие себе почву в неудовлетворенности наиболее культурных представителей общества существовавшей практикой смертной казни. Одни из них считали насущной необходимостью бороться только против жестоких форм смертной казни, другие заявляли себя безусловными противниками смертной казни вообще. В дальнейшем мы позволим себе остановиться на этих оттенках взглядов русских криминалистов. Общим в них является то, что все они исходят, в большей или меньшей степени, из непригодности смертной казни в ее реальном проявлении служить целям уголовного правосудия. Взгляды эти представляют для людей нашего времени не один исторический интерес. Они должны быть дороги во все времена как свидетельство ясного понимания опасности применения смертной казни в качестве меры, имеющей тенденцию стать обычным средством уголовной реакции. Мы встречаемся в этих взглядах с рядом таким доводов, которые и в наши дни не утратили значения аргументов против смертной казни как эмпирического средства борьбы с преступностью, моральные и юридические основания которого не только не выдерживают критики, но и целесообразность которого при современном состоянии знаний ни в каком случае не может считаться доказанной.

Из русских писателей второй половины XVIII века, считавших недопустимой существовавшую практику смертной казни и рекомендовавших крайнюю осторожность в ее применении, мы могли бы указать на *А. А. Артемьева*, автора одного из первых научных опытов в области русской юриспруденции. Мы читаем в его «Кратком начертании римских и российских прав» (1774 г.): «Разрушать на части и рвать живое человеческое тело на куски... есть дело, которое человечество, сколько бы ни было оно раздражено на виноватого, не может терпеть.

И таковые чинимые казни, выходя за пределы человечества, по истине теряют свой успех... часто ожесточают сердца подданных, а иногда причиною бывают великих смятений и бунтов...»

Принципиальных противников смертной казни мы находим в лице выдающегося русского криминалиста двадцатых годов XIX столетия *Г. Солнцева*, проф. Казанского университета, и *Ил. Васильева*, адъюнкта Московского университета той же эпохи: «Употребление казней никогда не делало людей лучшими... чрезмерные судные наказания ожесточают сердца... смерть гражданина в обыкновенном состоянии общества ни полезна, ни нужна...»

Но несравненно значительнее в русской литературе соответственной эпохи число писателей, приводящих красноречивые доводы в пользу совершенной недопустимости смертной казни. Не претендуя на то, чтобы исчерпать список всех убежденных противников этого наказания, выступавших в нашей литературе, мы остановимся в дальнейшем на кратких, по возможности, выписках из относительно мало известных в широких кругах трудов Лангера, Ушакова, Лопухина и адм. Мордвинова.

Проф. Московского университета *К. Г. Лангер*: «Вожделенную безопасность граждан удобно соблюсти можно и другими наказаниями, общей пользе более приличественными, которыми преступники не лишаются жизни... От беспрестанного учащения самых лютых казней беззаконники не токмо не устрашаются, но еще ежедневно большее число их прибывает... Бесчисленное множество примеров показывает, что злодения случались и во время самой казни».

Ф. В. Ушаков, воспитанник Сухопутного кадетского корпуса, один из составителей рижского торгового устава: «Смертная казнь никогда долговременно не производит впечатления и, поражая сильно и мгновенно души, бывает тем недействительною»; «Со всеми осторожностями в суждении преступления можно ошибиться и осудить невинного и бывают случаи, когда истина едва через долгое течение времени отверзается».

Ив. Влад. Лопухин, советник уголовной палаты с 1782 года и впоследствии сенатор: «Она по моему

мнению... бесполезна... тяжкие наказания и заточения, употребляемые вместо смертной казни, при способах... исправления наказуемых, сохраняя их всегда на полезную для государства службу, столько же могут примером устрашать и удерживать от злодеяния, если еще не больше, как смертная казнь...» «Могут сказать, что смертная казнь нужна для избавления общества от такого государственного злодея, которого жизнь опасна для общего спокойства. Но и в сем редком, и, конечно, важнейшем случае, строгое заключение может отвратить ту опасность, а время ослабляет и наконец уничтожает ее...».

Адм. Мордвинов, занимавший должность Председателя департамента гражданских и духовных дел Государственного Совета: «Человек не одаренный всесовершенством, поступает ли согласно с правотою совести своей, когда присваивает себе то право, которое единому Всесовершенному токмо Существу принадлежит?.. Окованный, лишенный свободы, предаваемый смерти, по невозможности ею быть вредным, не есть ли жертва бесполезная и невинная... Лишение свободы, прав гражданских и каторжная работа составляют наказания, удерживающие людей от преступлений более, нежели смертная казнь. Воин идет на смерть, ставя грудь против пуль и ядер за малый знак почести в петлицу... но никто... не подвергнет ни жизни, ни благосостояния своего, если, наравне со смертью, каторга ему предстоит... Самоубийцы предают себя смерти, но никто еще не предавал себя каторге. ...Где часто казнят, там день казни для развратных бывает днем удачного мошенничества и не служит для порочных исправлением...»

Соловьев Владимир Сергеевич (1853 — 1900) — русский религиозный философ, поэт, публицист и критик, сын историка С. М. Соловьева. После речи против смертной казни в марте 1881 г. (в связи с убийством Александра II народовольцами) был вынужден оставить преподавательскую работу.
В 80-е годы проповедовал идеи объединения Востока и Запада через воссоединение церквей, боролся за свободу совести, против национально-религиозной дискриминации. В 90-е годы занимался философской и литературной работой, переводил Платона.
В своей философской системе пытался соединить христианство, платонизм и немецкую классическую философию. Правду на земле понимал как абсолютное воплощение в жизнь идеалов христианства. Считал, что союз русского самодержавия с римским папой может способствовать всеобщему благоденствию. Идеи Вл. Соловьева оказали влияние на Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова и Е. Н. Трубецкого. См.: Вл. Соловьев. Избранные произведения в двух томах. М., 1988.

О смертной казни

Статья опубликована в сборнике «Против смертной казни» (М., 1906).

Учреждение смертной казни есть последняя важная позиция, которую варварское уголовное право (прямая трансформация дикого обычая) еще отстаивает в современной жизни. Дело можно считать решенным. Все более и более редеет еще недавно густая толпа защитников, которую собрал кругом себя ветхий полуистлевший идол, еле держащийся на двух подбитых и глиняных ногах: на теории возмездия и на теории устрашения.

В любопытной сравнительно-статистической таблице, которую проф. Н. С. Таганцев приводит из книги Гетцеля, наглядно представлен быстрый прогресс науки относительно этого вопроса. Гетцель, сочинение которого по этому предмету отличается библиографической полнотой, берет всю известную ему (западную) литературу о смертной казни за столетие с лишним (от появления знаменитой

книги Беккариа Dei delitti e delle pene[1] и до 1869 года). Оказывается, что во второй половине XVIII века число защитников смертной казни еще было значительным и несколько превышало число ее противников (первых — 61, вторых — 45), но уже с начала XIX века устанавливается обратное отношение, которое за первую половину этого века выражается в таких цифрах: на 79 защитников уже 128 противников, а затем в эпоху, современную Гетцелю (XIX век. — *Прим. ред.*), число противников (158) втрое с лишним больше числа защитников (48), причем нужно заметить, что к числу последних Гетцель с немецкою Billigkeit[2] относит и тех криминалистов, которые, отрицая в принципе смертную казнь, допускают ее сохранение на практике как временную меру. Если не останавливаться на 1869 годе, то результат был бы еще более блестящим. Так, у нас в России, после смерти Баршева и Лохвицкого, не осталось ни одного криминалиста с некоторым именем в науке, который бы защищал смертную казнь.

Этому прогрессу в науке или в теоретическом правосознании соответствует такой же прогресс в жизни или в юридической практике, законодательной и судебной. Во-первых, поразительно сокращается самый объем приложения смертной казни по закону или число тех родов и видов преступлений, за которые полагается эта кара. Еще в конце XVIII века (перед революцией) во Франции, например, сумма таких криминальных категорий была 115 (в том числе контрабанда, протестантская проповедь, блуд при духовном родстве, печатание и сбыт запрещенных книг), уже по Code pénal 1810 года[3] она сократилась до 38, а затем еще значительно уменьшилось по законам 1832 и 1848 годов. В Германии и Австрии по кодексу Карла V, действовавшему и в XVIII веке, смертной казни подлежали 44 рода преступных деяний (между ними сочинение пасквилей, порча межевых знаков, двоебрачие, кража плодов и рыбы), а в настоящее время смертная

[1] «О преступлениях и наказаниях».

[2] Зд.: дотошностью.

[3] Уголовный кодекс.

казнь сохраняется только в двух случаях: при предумышленном убийстве и при посягательстве на жизнь императора. В Англии по статутам, действовавшим еще в начале XIX века, число всех подлежавших смертной казни родов и видов правонарушений с различными казуистическими подразделениями выражается чудовищной цифрой: 6789, которая кажется несколько менее изумительною, когда мы узнаем, что смертной казни по этим законам подлежали между прочим: порубка деревьев, увечье чужого скота, воровство свыше одного шиллинга при некоторых отягчающих обстоятельствах, простое воровство в 5 шиллингов, кража писем, злостное банкротство, угрозы на письме, окрашивание серебряной монеты в золотую или медной в серебряную и т. п.

С первых лет XIX века начинается в Англии фактическое, а затем и законодательное ограничение этой уголовной безмерности; особенно быстро пошло дело в первой половине царствования королевы Виктории, и после коренного пересмотра статутов в 1861 году от 6789 случаев остается только два: государственная измена и убийство. С тех пор предложение о совершенной отмене смертной казни неоднократно вносилось в парламент и принятие его, уже имевшее большинство в одной парламентской комиссии, есть только вопрос времени. Вполне отменена смертная казнь законодательным путем: в Румынии с 1864 года, в Португалии с 1867 года, в Голландии с 1870 года и в Италии с 1890 года. В Швейцарии, отмененная по Конституции 1874 года, она была через пять лет законодательно восстановлена в 8 из 25 кантонах, но и здесь остается на практике почти без применения. В России законодательное движение против смертной казни началось раньше, чем в других государствах, но не пошло прямым путем к ее полной отмене, как в только что названных странах. Хотя за преступления против общего права эта казнь не назначается с самого начала царствования императрицы Елизаветы Петровны, но более ста лет она сохранялась фактически и притом квалифицированная — под видом тех чрезмерных телесных наказаний, которые имели неизбежным своим последствием, а иногда и предуказанной целью — мучительную

смерть преступника. После отмены этого рода истязаний, в царствование императора Александра II, смертная казнь и фактически, и по закону исчезла у нас из общего порядка юстиции и осталась карательной мерой лишь для случаев особого, исключительного порядка, разумея здесь исключительность как в смысле криминальном (политические преступления), так и в смысле процессуальном (судимость военными судами). Эта специальная подсудность может иметь своим основанием или военное звание судимого в связи с особыми требованиями военной дисциплины, или военное положение данной местности в данное время, или, наконец, чудовищный и исключительно опасный характер данного преступления.

Кроме все бо́льших и бо́льших законодательных ограничений прогресс в этом деле можно усмотреть из чрезвычайного уменьшения числа смертных приговоров вообще и приговоров исполненных в особенности. В прошлые века, несмотря на малочисленное сравнительно население, в каждой из европейских стран ежегодное количество казнимых смертью исчислялось тысячами. Так, в Англии за последние 14 лет царствования Генриха VIII было казнено около 72 000 человек, следовательно, средним числом более 5000 в год. За все царствование королевы Елизаветы (1558 — 1603) было казнено свыше 89 000, то есть около 2000 в год. В начале XIX века, несмотря на значительно увеличившееся народонаселение, тысячи ежегодных казней заменяются сотнями и десятками: за двадцатилетие (1806 — 1825) было казнено 1614 человек, следовательно, по 80 в год (в частности, в 1813 году казнено 120 человек, а в 1817 — 115 человек), а в царствование Виктории годовые цифры казни колеблются между 10 и 38. Во Франции еще в двадцатых годах XIX века среднее число казненных в год было 72, но в тридцатых уже только 30, в сороковых — 34, в пятидесятых — 28, в шестидесятых — 11, в семидесятых тоже 11, в восьмидесятых — только 5. В Австрии среднее годовое число в шестидесятых годах — 7, а в семидесятых — только 2.

«А потому, — справедливо заключает проф. Таганцев рассуждение об этом предмете в своих лекциях, — не надо быть пророком, чтобы сказать, что недалеко то время,

когда смертная казнь исчезнет из уголовных кодексов, и для наших потомков самый спор о ее целесообразности будет казаться столь же странным, каким представляется теперь для нас вопрос о необходимости и справедливости колесования или сожжения преступников».

Но пока это желанное и близкое будущее еще не наступило, пока этот остаток варварства не исчез совсем из законодательства и юридической практики большинства европейских стран, нельзя оставлять общественное сознание без постоянных напоминаний об этом тягучем позоре, и хотя бы новый опыт его нравственно-юридического освещения был тысяча первым или тысяча вторым, он не может считаться лишним.

Рассматривая ниже воззрение на уголовное наказание как на воздаяние злом за зло, мы обратили внимание только на два крайних конца этого воззрения — на terminus a quo[1]: первобытный, грубый обычай кровной мести, связанный с родовым бытом, и на terminus ad quem[2]: схоластически отвлеченную «абсолютную» теорию равномерного возмездия. Но есть еще в уголовно-правовом развитии третий элемент, давно утративший в этой области прямое практическое значение, не лишенный, однако, скрытого влияния на умы консервативного направления, и именно по вопросу о смертной казни.

Не подлежит никакому сомнению, что отдельность норм и учреждений политико-юридических от норм и учреждений религиозных есть факт сравнительно поздний, а первоначально эти две области сливались между собою, что порождало явления и понятия совершенно, на наш взгляд, неожиданные. Если современный человек, знающий по-латыни, но не знакомый с древностями, прочтет в законе XII таблиц при обозначении какого-нибудь преступления, например ночной кражи плодов, такую краткую формулу наказания: sacer esto, то он хотя и не переведет этого *да будет священным*, однако под влиянием новейших понятий не сразу догадается, что это собственно значит: *да будет зарезан или да подлежит закланию*. Во всяком

[1] Начальный пункт.
[2] Конечный пункт.

случае такая омонимия покажется ему очень странной. Между тем тут не было вовсе никакой омонимии, т. е. употребления одного слова для различных понятий, одному слову здесь отвечало одно понятие, так как в известную эпоху под *освящением*, когда дело касалось живых существ, ничего другого и не мыслилось, кроме предустановленного *умерщвления*[1]. Вообще, *освящать* значило: из суммы однородных предметов (людей, животных, плодов и т. д.) отделять некоторые, чтобы отдать их божеству. Первоначальный, коренной способ этого отдавания состоял в жертвоприношении, то есть в торжественном истреблении отделенных предметов, что и было их окончательным освящением. Оснований, по которым именно эти, а не другие предметы подлежали освящению или истреблению, было много; главные из них были двоякого рода: естественные, как, например, *первородство* (приносились в жертву первенцы людей и скота, начатки плодов и т. д.), и социальные, в силу которых приносились в жертву чужеземцы (что было особенно лестно для национального божества), военнопленные и преступники. Так как нормы общежития теснейшим образом связывались с богопочитанием как прямые выражения высшей воли, то всякое нарушение этих норм понималось как оскорбление божества, которому нарушитель и выдавался головой: sacer esto!

В области библейских представлений между двумя основаниями «освящения»: первородством и преступлением, просвечивает мистическая связь, поскольку первенец рода человеческого, Адам, и его первенец, Каин, были оба и первыми преступниками — один прямо против Бога, другой — против человека[2]. Не касаясь теологической стороны вопроса, заметим, однако, что именно Библия, рассматриваемая в целом, высоко поднимает человеческое сознание над темною и кровавою почвою дикой религиозности и религиозной дикости, из которой языческие народы лишь отчасти выбивались в своих высших классах,

---

1 По-сербски и теперь освятите, значит — зарезать.

2 Потомство же Каина, истребленное потопом, представляло собой третий тип преступности — против природы, что впоследствии в малых размерах повторилось в Содоме и Гоморре.

благодаря развитию греческой философии и римской юриспруденции.

В Библии по нашему вопросу обозначаются три главные момента: 1) После первого убийства *провозглашение нормы*: преступник, даже братоубийца, не подлежит казни человеческой: «И отметил Превечный Каина, чтобы кто-нибудь не убил его». 2) После потопа, вызванного крайними обнаружениями зла в человеческой природе — *приспособление нормы* к «жестокосердию людей»: «Кто прольет кровь человека — человеком прольется кровь его»; это приспособительное положение подробно развивается и осложняется в Моисеевом законодательстве. 3) *Возвращение к норме*: у пророков и в Евангелии. «Мне отмщение, — говорит Превечный, — я воздам». Чем воздаст? «Милости хочу, а не жертвы». «Я пришел взыскать и спасти погибшее».

Библия есть многосложный, тысячу лет выраставший духовный организм, совершенно чуждый внешнего однообразия и прямолинейности, но удивительный по внутреннему единству и стройности целого. Выхватывать произвольно из этого целого одни промежуточные части, без начала и конца, есть дело фальшивое и пустое; а ссылаться на Библию вообще в пользу смертной казни — свидетельствует или о безнадежном непонимании, или о беспредельной наглости. Те, кто, подобно Жозефу де Местр, сближают понятие смертной казни с понятием искупительной жертвы, забывают, что искупительная жертва за всех уже принесена Христом, что она всякие другие кровавые жертвы упразднила и сама продолжается лишь в бескровной евхаристии — забвение изумительное со стороны лиц, исповедующих христианскую веру. Поистине, допускать еще какие-нибудь искупительные жертвы, значит отрицать то, что сделано Христом, значит — изменять христианству.

* * *

Негодная лжерелигиозная замазка не может исправить растреснувшуюся глину «абсолютной» метафизической криминалистики, требующей сохранения смертной казни как должного воздаяния за преступление. Посмотрим, крепче ли другая глиняная нога этого гнусного кумира —

утилитарное воззрение, находящее смертную казнь самою целесообразною мерою общественной обороны против важнейших преступников.

Лишь очень немногие криминалисты, стоящие на этой точке зрения, понимают пользу смертной казни в прямом смысле — как самого простого и дешевого способа отделаться от преступника. Большинство писателей стыдятся этой простоты. А между тем, если стоять на точке зрения пользы и только пользы, что́ можно противопоставить соображению о надежности и дешевизне виселицы сравнительно с тюрьмой? И не ясно ли также, что если это средство выгодно относительно десяти или двадцати преступников, то оно тем более выгодно относительно десяти тысяч, и что всего выгоднее для общества вешать всех преступников и всех людей, которые ему в тягость. А если такого вывода стыдятся, то, значит, стыдятся и того принципа, из которого этот вывод с логическою необходимостью вытекает. Но какую же цену может иметь теория, сторонники которой должны признать постыдным ее собственный принцип?

Со времени Ансельма Фейербаха почти все криминалисты утилитарного направления признают пользу смертной казни лишь в косвенном смысле — со стороны ее устрашающего действия. Но именно относительно смертной казни этот взгляд допускает опытную проверку. Если вопрос о целесообразности устрашающих наказаний вообще остается на эмпирической почве спорным, то о смертной казни, в частности, этого сказать нельзя: здесь вследствие простоты и определенности данный вопрос может получить бесспорное опытное решение.

Если бы защитники смертной казни в смысле необходимого устрашения, удерживающего от совершения преступлений, были серьезно и последовательно убеждены в своем тезисе и признавали его полную силу, то они должны бы были задуматься над следующим приведением их взгляда к абсурду. Производимое смертною казнью устрашение есть необходимое средство для удержания от преступлений; следовательно, по мере неупотребления этого необходимого средства число преступлений должно соответственно возрастать; независимо от этого, оно, конечно, возраста-

ет естественным приростом (и увеличивающейся скученностью) населения. Приложим это к фактам. При Генрихе VIII в Англии казнили ежегодно 5000 преступников; с тех пор население возросло в 12 раз, следовательно, если бы «необходимое» средство устрашения продолжало применяться, то следовало бы теперь казнить ежегодно 60 000 злодеев; вместо того теперь казнят средним числом всего 15 человек, то есть в 4000 раз меньше, чем следовало бы; такое сокращение «необходимой» меры устрашения должно бы соответственно повлиять на увеличение числа преступлений, и если для царствования Генриха VIII считать их (чтобы быть великодушным) столько же, сколько было казнимо, то есть по 5000 год, то теперь этих, уже более не казнимых преступлений должно бы совершаться не менее 20 миллионов ежегодно, то есть не только все взрослые англичане должны бы оказаться поголовно профессиональными преступниками, но, пожалуй, и некоторой части грудных младенцев обоего пола пришлось бы для оправдания теории обкрадывать своих кормилиц или делать порубки в чужих лесах.

Против такого абсурдного вывода из их теории приверженцы устрашения имеют только один довод, который в сущности есть отречение от их принципа. Они могут сказать, что обилие казней есть лишь условная необходимость и вопрос времени: при Генрихе VIII нужно было по 5000 казней в год вследствие грубости и дикости нравов и неустойчивости общежития, а теперь довольно и 15 для устрашения наиболее опасных преступных стремлений; но если преступность до такой степени ослабела в силу общественного прогресса или благоприятного изменения жизненных условий, то на этой положительной почве и нужно до конца бороться с преступлениями, оставив раз навсегда казни как бесполезную жестокость.

Но есть ли в самом деле вопиющая бессмыслица утверждать, что вчера еще склонность к воровству была так сильна в обществе, что воров можно было напугать только виселицей, а сегодня эта склонность вдруг почему-то ослабела, и для них уже и тюрьма оказывается достаточно страшной, а виселица должна оставаться только для убийц, которые почему-то тюрьмы не боятся?

Опытная проверка мнимой устрашающей силы смертной казни может быть сделана и без всякого сопоставления между собою отдаленных эпох. В тридцатых годах XIX века сравнительно с двадцатыми годами того же века никакой существенной разницы в социальных и культурных условиях жизни не было, а потому если бы вообще смертная казнь имела влияние на проявление преступности, то последовавшее в это время, вследствие отмены старых статутов, быстрое сокращение смертных казней (со 115 в год до 15 и даже 10) должно было бы сказаться значительным увеличением злодеяний, за которые больше не грозила смерть. Между тем не только значительного, но и никакого увеличения числа преступлений в Англии не произошло, а обнаружилось, напротив, некоторое их уменьшение. В Тоскане, где смертная казнь была совершенно отменена еще в XVIII веке (сначала фактически, потом и по закону), никакого увеличения преступности не оказалось, и бесполезность ее была так очевидна, что все позднейшие попытки ее восстановления (по соображениям политическим) не имели успеха: общественное мнение не допускало исполнения смертных приговоров. В Австрии в самом Императорском декрете (1803), которым восстанавливалась смертная казнь, отмененная прежде Иосифом II, признается тот факт, что за время отмены число преступлений не увеличилось. И во всех других случаях отмены, кончая последними, совершившимися на наших глазах, результат неизменно один и тот же: заметного увеличения числа преступлений, как следовало бы по теории устрашения, в действительности не происходит. Нельзя себе представить более блестящего опытного опровержения этой теории, последний удар которой нанесен в наши дни устранением публичного исполнения смертной казни. Ясно, что казнь, совершаемая секретно и стыдливо, не предназначена для устрашения. Факт этой секретности довольно красноречив, но еще красноречивее его основание: было констатировано, что публичные экзекуции, производя деморализующее действие на толпу, сопровождались подъемом преступности в данной местности.

Сравните теперь это робкое, краснеющее, по возможности комфортабельное для жертвы юридическое убийство

украдкой, в стенах тюрьмы, в утренние сумерки — сравните его со всеми великолепиями прошлых времен: торжественно по целым дням на многолюдных площадях при колокольном звоне у сотен людей вытягивали кишки, сдирали кожу, жгли их медленным огнем, разрывали по суставам, заливали горло свинцом, варили в кипятке, в горячем масле и вине! От всего этого пришлось отказаться, и если сам ад не устоял перед проснувшейся совестью, неужели устоит его бледная трепещущая тень?

* * *

«Никто, — говорит известный ученый, знаток этого вопроса, — никто даже из самых горячих сторонников смертной казни не мог в защиту необходимости ее привести хотя бы малейший факт, который бы доказал, что отмена ее в упомянутых государствах (в Тоскане и др.) повлекла за собою увеличение преступлений, что она сделала менее безопасными общественный порядок, жизнь и имущество граждан. Упомянутая отмена естественно низводила исследование о смертной казни из заоблачных сфер теории на почву здравого и нелживого опыта». Благодаря этому опыту личное мнение отдельных передовых умов о бесполезности смертной казни для защиты общества стало теперь положительною истиной, экспериментально доказанною, и оспаривать эту истину могут только или незнание, или недобросовестность, или предвзятость.

Но бесполезная материально для общества смертная казнь духовно вредна как безнравственное действие самого общества.

Это есть действие нечестивое, бесчеловечное и постыдное.

Во-первых, смертная казнь *нечестива*, так как по своей безотносительности и окончательности она есть присвоение человеческой юстицией того абсолютного характера, который может принадлежать только суду Божию, как выражение божественного всеведения. Преднамеренно и обдуманно вычеркивая этого человека из числа живых, общество заявляет: я знаю, что этот человек безусловно виновен в прошедшем, безусловно негоден в настоящем и безуслов-

но неисправим в будущем. А так как на самом деле не только о будущей неисправимости этого человека, но и о его прошедшей виновности, хотя бы лишь фактической, обществу и его судебным органам ничего вполне достоверного неизвестно, что достаточно доказывается многими обнаруживающимися судебными ошибками, то не есть ли это явно нечестивое посягательство на пределы вечные и слепое безумие человеческой гордости, ставящей свое относительное знание и условную справедливость на место всевидящей правды Божественной. Или смертная казнь совсем не имеет никакого смысла, или она имеет смысл нечестивый.

Во-вторых, смертная казнь *бесчеловечна* — не со стороны чувства, а со стороны нравственного принципа. Вопрос совершенно принципиальный: дóлжно ли признавать в человеческой личности какой-нибудь предел для внешнего на нее действия, что-нибудь неприкосновенное и неупраздняемое извне? Тот ужас, какой внушает убийство, достаточно показывает, что есть такой предел и что он связан с жизнью человека. Не самый факт физического существования важен, а то, что в узкие рамки этого факта вмещена для нас теперь и им обусловлена вся бесконечная судьба человека. Убийство возмутительно не разрушением видимой действительности, всегда ограниченной и большею частью неважной, а теми безграничными возможностями, которые оно, не ведая их, уничтожает. Это есть преступление потому, что здесь преступается крайний предел между двумя существами и ниспровергается последнее основание всяких отношений — то, что есть необходимое условие для всего остального. Но вот страшное дело совершилось, человек превратил другого в бездушную вещь. Допустим, что этому нельзя было помешать, допустим, что общество пока не виновато. Оно возмущается, негодует, и это хорошо: было бы очень печально, если бы оно оставалось равнодушным. Но, справедливо ужасаясь перед убийством, каким делом выразит оно свое чувство? Новым убийством! По какой же это логике — повторение зла есть добро? Разве убийство возмутительно тем, что убит хороший человек? Он был, может быть, негодяем. Но возмутительно самое действие воли, преступающей нравственный предел,

возмутителен человек, говорящий другому: ты для меня ничто, я не признаю за тобою никакого значения, никакого права, даже права на существование, и доказывающий это на деле. Но ведь именно так и поступает общество относительно преступника, и притом без всяких смягчающих обстоятельств, без страсти, без порочных инстинктов, без душевного расстройства. Виновна, но заслуживает снисхождения фанатическая толпа, которая под влиянием безотчетного негодования убивает преступника на месте; но общество, которое делает это медленно, хладнокровно, отчетливо, не имеет извинения.

Особое зло и ужас убийства состоит, конечно, не в фактическом отнятии жизни, а во внутреннем отречении от основной нравственной нормы, в решимости от себя, собственным действием разорвать окончательно связь общечеловеческой солидарности относительно этого действительного, передо мною стоящего ближнего, такого же, как и я, носителя образа и подобия Божия. Но эта решимость покончить с человеком гораздо яснее и полнее, чем в простом убийстве, выражается в смертной казни, где, кроме этой решимости и ее исполнения, совсем ничего нет. У общества по отношению к казнимому преступнику остается только желание уничтожить в абсолютно чистом виде, совершенно свободное от всех тех физиологических и психологических условий и мотивов, которые затемняли и закрывали сущность дела в глазах самого преступника, совершил ли он убийство из корыстного расчета или под влиянием менее постыдной страсти. Никаких таких осложнений мотивации не может быть при смертной казни; все дело здесь выведено начистоту: единственная цель — покончить с этим человеком, чтобы его вовсе не было на свете. Смертная казнь есть убийство как таковое, абсолютное убийство, то есть принципиальное отрицание коренного нравственного отношения к человеку.

Это в сущности признают и защитники смертной казни, которые иногда проговариваются самым неожиданным образом. Так, один из них на требование отмены смертной казни отвечал знаменитой фразой: «Пусть господа убийцы начнут первые!». Здесь казнь прямо приравнивается к убийству, и казнящее общество ставится на одну доску с «господами убийцами», то есть с единичными преступниками, которым даже присваивается привилегия быть

образцами и руководителями целого общества в его исправлении.

Менее наивные сторонники гильотины и виселицы прибегают к уловкам, заслуживающим внимания по своей непоследовательности. Смерть, говорят они, не есть окончательная потеря существования, человеческая душа живет и за гробом, смерть есть только переход, вовсе не имеющий безусловного значения, и т. д. Но если конец видимого, земного существования так не важен, то почему же вас до такой степени ужасает убийство? А если, несмотря на загробную жизнь, есть основание ужасаться убийством, то позволительно ли его повторять в худших условиях? Если вы в самом деле так легко смотрите на смерть, то относитесь легче к убийствам, а если они вас так возмущают, то остерегайтесь подражать им в этой жизни под предлогом ее продолжения за гробом.

Будучи нечестивой и бесчеловечной, смертная казнь имеет и *постыдный* характер, который уже давно закреплен за нею общественным чувством, как это видно из всеобщего презрения к палачу. Война, дуэль, открытое убийство могут быть бесчеловечны, ужасны, с известной точки зрения бессмысленны, но особого, специфического элемента постыдности в них нет. Что бы ни говорили сторонники вечного мира, военный человек, сражающийся против вооруженных противников с опасностью для собственной жизни, ни в каком случае не может возбуждать к себе презрения. Хотя дуэль нельзя и сравнивать с войною, хотя дуэлянт справедливо вызывает негодование и преследуется как за преступление, но все-таки человека, выходящего на барьер, никто за одно это искренне не презирает и по той причине, что этот человек возвышается, по крайней мере, над инстинктивным страхом смерти и показывает, что его собственная физическая жизнь сама по себе без известных нравственных (хотя бы и ошибочно понятых) условий не имеет для него цены. То же до некоторой степени можно сказать и про иные случаи убийства. Но вся эта сторона самопожертвования или риска собственною жизнью и свободой, оправдывающая войну, извиняющая дуэль и даже смягчающая в известных случаях ужас прямого убийства, — в смертной казни совершенно отсутствует. Здесь заранее и заведомо обезоруженный и связанный человек убивается человеком вооруженный и связанный человек убивается человеком вооружен-

женным, совершенно ничем не рискующим и действующим исключительно из низкого своекорыстия. Отсюда специфически постыдный характер смертной казни и безграничное всеобщее презрение к палачу.

Странно было бы опровергать постыдность смертной казни и презренность палача указанием на те древние времена, когда смертная казнь была священнодействием и совершалась жрецами, а также и на ту более позднюю старину, когда светские высокопоставленные лица не гнушались исполнять обязанности палача. Что же это может доказывать? Было время, когда проституция, как в естественных, так и в противоестественных формах, была религиозным учреждением. Но из того, что женщины древнего Вавилона смотрели на блуд с иностранцами за деньги как на священнослужение богине Милитте, не вытекает никакого оправдания проституции для наших дней. Точно так же никакие воспоминания о каннибальской старине не помешают тому, что на той ступени нравственного сознания, которой уже достиг теперешний средний человек, смертная казнь осуждена не только как нечестивое и бесчеловечное, но и как постыдное дело.

Будучи противна первоосновам нравственности, смертная казнь вместе с тем есть отрицание права в самом его существе. Мы знаем, что это существо состоит в равновесии двух нравственных интересов: личной свободы и общего блага, откуда прямой вывод, что последний интерес (общего блага) может только ограничивать первый (личную свободу каждого), но ни в каком случае не иметь в намерении его полное упразднение, ибо тогда, очевидно, всякое равновесие было бы нарушено. Поэтому меры против какого бы то ни было лица, внушенные интересом общего блага, никак не могут доходить до устранения этого лица как такового чрез лишение его жизни или чрез пожизненное отнятие у него свободы. Следовательно, законы, допускающие смертную казнь, пожизненную каторгу или пожизненное тюремное заключение, не могут быть оправданы с точки зрения юридической как упраздняющие окончательно данное правовое отношение чрез упразднение одного из его субъектов. Притом утверждение, что общее благо в известных случаях требует окончательного упразднения данного лица, представляет и внутреннее логическое противоречие. Общее благо потому только

и есть общее, что оно содержит в себе благо всех единичных лиц без исключения, — иначе оно было бы лишь благом большинства. Из этого не следует, чтобы общее благо состояло в простой арифметической сумме всех частных интересов отдельно взятых или заключало в себе сферу свободы каждого лица во всей ее беспредельности, — это было бы другое противоречие, так как эти сферы личной свободы могут сами по себе отрицать друг друга и, действительно, отрицают. Но из понятия общего блага с логической необходимостью следует, что, ограничивая именно как общее (общими пределами) частные интересы и стремления, оно никак не может упразднять хотя бы одного носителя личной свободы или субъекта прав, отнимая у него жизнь и самую возможность свободных действий. Общее благо по самому своему понятию должно быть благом и этого человека; но когда оно лишает его существования и возможности свободных действий, следовательно, возможности какого бы то ни было блага, — тем самым это мнимо общее благо перестает быть благом и для него, следовательно, утрачивает свой общий характер, само становится лишь частным интересом, а поэтому теряет и свое право ограничивать личную свободу.

И в этом пункте мы видим, что нравственный идеал вполне согласен с истинною сущностью права. Вообще право в своем особом элементе принуждения к минимальному добру, хотя и различается от нравственности в тесном смысле, но и в этом своем принудительном характере, служа реальному интересу той же нравственности, ни в каком случае не может ей противоречить. Поэтому если какой-нибудь закон находится в принципиальном противоречии с нравственным сознанием добра, то мы можем быть заранее уверены, что он не отвечает и существенным требованиям права, и правовой интерес относительно таких законов может состоять никак не в сохранении, а только в их правомерной отмене.

Кистяковский Александр Федорович (1839—1885 гг.) — видный русский криминалист второй половины XIX века, профессор Киевского университета. Автор «Элементарного учебника общего уголовного права», выдержавшего три издания (первое издание вышло в свет в Киеве в 1877 году, второе — в 1882, третье — в 1891). Одним из первых среди русских криминалистов начал глубокую теоретическую разработку проблем смертной казни. Его монография «Исследование о смертной казни» выдержала два издания в 1867 (Киев) и в 1896 (С.-Петербург) годах.

Фрагмент из книги «Исследование о смертной казни» (СПб, 1896, 2-е изд.).

I. *Противники смертной казни говорят, что жизнь человеческая есть благо ненарушаемое и неотчуждаемое, поэтому смертная казнь несправедлива.* Внимательная оценка изложенных доказательств *против и за* приводит к следующим заключениям. Если учение о ненарушимости жизни человеческой не подтверждается ни прошедшею, ни настоящею жизнью народов, это еще не означает, чтобы оно было противно природе человека и, следовательно, неосуществимо. Напротив, с тех пор, как оно явилось на свет Божий, оно имеет уже свою, хотя и скудную, историю. Выше было сказано, что оно вызвано было новыми потребностями, совершенно противными тем, которые поддерживали такую низкую цену на жизнь человеческую. С тех пор уважение к жизни человеческой значительно возросло, а вместе с тем крепнет надежда на возможность осуществления в системе наказаний учения о ненарушимости жизни человеческой. Подтверждением всему этому служит постепенное изгнание в течение последних полутораста лет смертной казни из европейских и американских кодексов, громадное уменьшение в действительности количества смертных экзекуций в Европе и Америке, все более и более возрастающее нерасположение европейского человека к отнятию жизни у преступников. Если в жизни народов есть движение вперед, то нет сомнения, что, идя тем путем, которым они до сих пор шли, они дойдут до полного изгнания смертной казни и вместе с тем до

признания ненарушимости жизни человеческой даже в лице преступника. Этого-то не хотят замечать защитники смертной казни. С ними может случиться то же самое, что с их противниками: те, увлекшись идеалами будущего, забыли все прошедшее и построили здание из воздуха; эти, устремляя свои взоры только в прошедшее, могут потерять под собою почву настоящего, которое, что шаг вперед, то оказывает больше уважения к жизни человеческой.

Сравнение общества, карающего смертной казнью убийцу, с честным человеком, убивающим того, который на него нападает, есть сравнение фальшивое, натянутое и неверное. Общество в отношении к преступнику находится совершенно в другом положении, чем лицо, подвергшееся нападению в отношении к нападающему. Если это лицо не убьет своего противника, оно само может лишиться жизни; оно поставлено в такое крутое положение, в котором убийство есть единственный исход для сохранения собственной жизни. Если бы даже был другой идеальный исход, время так коротко, подвергшийся нападению находится в таком ненормальном положении, что ему рассуждать некогда, и остается единственное спасение — убить своего противника. Не так поставлено современное государство к преступнику, и в частности к убийце. Преступник, как бы тяжко ни было его преступление, слишком слаб и ничтожен по своим силам в сравнении с государством; захваченный преступник уже не опасен государству; самое преступление, как бы тяжко оно ни было, будучи исключительным явлением в нормальной общественной жизни, не ставит в опасность существования государства. Как поступить с преступником, какими способами сделать его безвредным на будущее время, — для решения этого вопроса государство имеет и время, и независимость духа; совершенно в его власти, не прибегая к крайнему средству — смертной казни, — ограничиться отнятием у преступника свободы. Возражение, что лишенный свободы убийца может убежать и совершить новые убийства, лишено серьезного основания. Большинство самых тяжких преступников, особенно убийц, совершают преступление не по ремеслу, а в минуту данной настроенности, под влиянием известных обстоятельств, так что для совершения нового подобного преступления нужно предположить возобновление того и другого, а это в большинстве случаев дело немыслимое; подобные

преступники по совершении преступления нередко приходят к сознанию тяжести своего преступления. Притом, от государства зависит сделать тяжких преступников совершенно безвредными посредством строгого содержания их в таких тюрьмах, из которых бы они не в состоянии были уйти.

Считают смертную казнь необходимою для защиты порядка нравственного. Но почему только смертная казнь может защищать этот порядок, а не тяжкое тюремное заключение? Очевидно, на этот вопрос не может быть специального ответа, а разве общие фразы или ссылка на то, что так принято, так всегда считалось. Если под нравственным порядком разуметь известный строй общественный, то очевидно, что наказание вообще и без смертной казни, наряду со многими другими общественными учреждениями, действительно, способствует защите этого порядка. Но если под нравственным порядком разуметь собственно учреждения, ту внутреннюю деятельность человека, которая незрима для глаз, но которая составляет источник деятельности, то здесь смертная казнь и бессильна, и не нужна, и даже опасна. *Бессильна* как всякое грубое физическое средство, не способное развить добрые мысли и честные побуждения; наказание только тогда может быть мерой, способствующей утверждению указанного нравственного порядка, когда в него действительно внесены известные качества для достижения этого, что и хотят сделать из тюремного заключения. *Не нужна*, потому что главная нравственная сила государства заключается в здоровой части общества, которая служит хранителем нравственных убеждений и главной опорой общественной жизни. Нравственные убеждения этой части общества живут и крепнут помимо не только жестоких казней, но и всяких наказаний. Странно строить силу нравственного порядка на казнях и преступниках; на этом фундаменте не может существовать ни одно общество. *Опасна* смертная казнь для защиты нравственного порядка, потому что для этой цели опасно употреблять вообще наказание: не напрасно современная наука права проводит твердую границу между правом и нравственностью, занимаясь исключительно первым и предоставляя вторую на долю других отраслей общественной деятельности.

Итак, смертная казнь не необходима для безопасности

государства. Но, может быть, казнь преступника полезна в том отношении, что она воздерживает от преступлений других, будущих преступников; может быть, лишение жизни одного виновного сохраняет жизнь многим невинным?

II. *Противники смертной казни положительно утверждают, что смертная казнь не устрашает и не удерживает людей, склонных к тяжким преступлениям.*

Оценка доводов *за и против* устрашимости смертной казни приводит к следующим заключениям:

а) По-видимому, нет ничего нагляднее, проще и очевиднее, как устрашимость смертной казни. Человек чувствует ужас при одном мысленном представлении этого наказания. Наблюдения над осужденными, за немногими исключениями, также подтверждают, что эта казнь производит страх и ужас на душу человека. И, однако, эта очевидность похожа на ту, которая удостоверяет нас, что солнце ходит вокруг земли: первобытная вера в устрашимость смертной казни столь же достоверна, как убеждение простого человека, что солнце идет с востока на запад. С прошедшего столетия стали замечать, что разнообразные виды смертной казни нисколько не способствуют уменьшению тяжких преступлений; это — первое возникновение сомнений касательно устрашимости смертной казни. И в самом деле, нельзя было не усомниться в силе смертной казни, если после стольких столетий ее применения в самых ужасных и изысканных формах преступление со своей стороны ничего не потеряло ни в количественном, ни в качественном отношении. Но вывод этот в то время имел недостаточные и односторонние доказательства. Преступления не уменьшаются, когда преступников карают самыми жестокими казнями: но кто поручится, что число их не увеличится, когда отменят эти казни? Этот вопрос был разрешен последующими переменами в области уголовного законодательства. Уничтожение во всех европейских кодексах квалифицированной смертной казни, отмена ее за бóльшую часть преступлений, редкость исполнения смертных приговоров, наконец, полное изгнание ее из кодексов некоторых государств, — все эти важные перемены отнюдь не сопровождались ни увеличением тяжких преступлений, ни уменьшением общественной и частной безопасности. Таким образом, к прежним опытам, доказы-

вавшим, что смертная казнь в самых даже жестоких формах не способствует уменьшению преступлений, прибавились новые, подтверждающие, что отмена ее не имеет никакого влияния на увеличение преступлений. Уже в прошедшем столетии убеждение, что смертная казнь не устрашает, шло рука об руку с возникавшим тогда мнением о том, что количество преступлений не есть случайное явление, а результат более или менее постоянных, более или менее неизбежных причин, скрывающихся как в природе человека, так и в природе обществ. В нынешнем столетии Кетле, Гери и Вагнер самыми неопровержимыми статистическими цифрами подтвердили эту истину и, таким образом, нанесли окончательный удар теории устрашения вообще и устрашимости смертной казни в частности.

б) Эти научные опыты как будто не существуют для защитников смертной казни. Одни из защитников продолжают отстаивать смертную казнь ради ее специальной устрашимости единственно потому, что им не знакомы ни история смертной казни за последние сто лет, ни статистические работы новейшего времени. Другие, более знакомые с новейшими наблюдениями над действием смертной казни, не могут не признать их значения, но по старой вере в силу смертной казни и по особенному взгляду на уголовную статистику хотят примирить новое со старым, отделываясь такой голословной фразой: если смертная казнь не удерживает от преступлений всех, к ним склонных, то все-таки она удерживает многих, или по крайней мере некоторых. Эта фраза давно пущена в обращение и сделалась у всех защитников общим местом; лет тридцать тому назад, когда Миттермайер стоял в противоположном лагере, он любил повторять эту фразу. Защитники смертной казни, которые твердят об устрашимости смертной казни на основании разных проявлений между людьми страха пред этим наказанием, похожи на того человека, который, несмотря на научные доводы об обращении земли вокруг солнца, все-таки твердит: не земля, а солнце ходит вокруг земли, меня в этом убеждают собственные мои глаза...

в) Защитники смертной казни готовы навязать своим противникам намеренное или ненамеренное стремление доводами против действительности и полезности смертной казни подорвать необходимость и пользу других наказа-

ний. Повод к этому подают отчасти те из противников смертной казни, которые, отвергая устрашительность смертной казни, признают, однако, это качество за другими наказаниями. Таким образом, защитникам не стоит большого труда, применив аргументы своих противников против смертной казни к другим наказаниям, доказывать, что эти аргументы подрывают основание вообще всех наказаний. Но дело в том, что как смертная казнь, так, очевидно, и другие наказания не имеют той устрашительной силы, чтобы удерживать от преступлений других; и те противники смертной казни, которые доказывают бессилие страха смертной казни и силу страха других наказаний, сами себе противоречат и подрывают силу собственных доводов. Отрицание устрашимости наказания не есть отрицание вообще наказаний. Наказания необходимы и полезны и помимо устрашительной и сдерживающей силы, которую им прежде приписывали, но которая при более глубоком изучении дела оказалась несуществующей: они полезны тем, что они отнимают возможность у самого преступника делать преступление и причинять вред обществу; они отнимают или физическую, или нравственную возможность вредить. Если, правда, на деле наказания не всегда способствуют возрождению в преступнике нравственной невозможности делать преступление, и даже производят обратное действие, то это зависит от дурной организации тюрем, а не от самого наказания. Все стремления современных обществ направлены в деле наказаний к тому, чтобы сделать из них орудие нравственного перерождения; если эти стремления не имели вполне удачных результатов, то это еще не значит, что они были неосуществимы.

Из изложенного следует второе положение относительно смертной казни: это наказание не только не необходимо для общественной безопасности, но оно и не содействует охранению жизни отдельных граждан.

III. *Смертная казнь не только бесполезна, но она еще приносит положительный вред — говорят противники.*

Из сопоставления доводов противников смертной казни с возражениями на них защитников можно вывести следующие заключения:

а) И те, и другие признают зловредное влияние исполнения смертных казней; вся разница между ними в признании большей или меньшей степени зловредности.

Но если неопровержимо, что смертная казнь ни одного тяжкого преступления не предупредила, если ее защитники признают вредное ее влияние на нравственность народа, что же остается за этим наказанием такого, что бы могло говорить за его сохранение?

б) Те защитники смертной казни, которые настолько беспристрастны, что не могут отвергнуть фактов ее вредного влияния на народ, думают очистить это наказание от этого влияния, скрыв исполнение ее от глаз публики. Но с допущением этой меры, что остается полезного от смертной казни для общества? Если стать на точку зрения защитников смертной казни, то есть допустить, что она устрашает, то естественно дело, что главная устрашительная сила ее заключается в ее публичности, в ее обстановке, в том, что она прямо и непосредственно действует на зрителей. Ни один из защитников не может с своей точки зрения отвергнуть того факта, что на человека неизмеримо сильнее действует то, что совершается пред его глазами, чем то, о чем ему рассказывают, что он мысленно только себе предполагает. Итак, очевидно, защитники смертной казни, перенося ее исполнение в стены тюрьмы, с своей точки зрения отнимают, хотя и не хотят в том признаться, главную силу у этого наказания; этим они подкапывают главный фундамент своих доказательств и признают фактически, не сознаваясь в том, несостоятельность смертной казни. Напрасно они силятся доказать, что звон колоколов во время исполнения смертной казни может напоминать народу о казни и производить спасительный страх: это ничем не доказанные фразы; если, по убеждению самих же защитников смертных казней, даже публичное исполнение их только некоторых, а не всех, удерживало от преступлений, чего же можно ждать от казней, скрыто совершаемых?

в) Скрытое исполнение смертных казней действительно отнимает у казни значительную долю ее зловредного влияния, но только известную долю, не делая ее, однако, полезной. Взамен этого оно неразлучно с такими недостатками, которые ему одному свойственны. Уже и публичное исполнение казней, совершаемое с соблюдением известных обрядов, методически, по всем правилам искусства, представляет нечто противоречащее тем правилам человечности, которых, по-видимому, хотели бы в настоящее время

держаться; с этой стороны справедливо некоторые считают смертную казнь неизмеримо ужаснее большинства видов убийства, которые совершаются в страсти, в припадке увлечения. Но в публичности есть еще остаток той прямоты и решительности, без которых никакое общественное учреждение не может быть прочно и полезно. Закрытое совершение казней лишено и этого последнего качества; оно представляет вид какого-то коварства, нечто изысканно жестокое, что может быть исполнено только в застенке, чего нельзя показать добрым гражданам; поэтому оно еще более противно чувствам и убеждениям мыслящих людей. Оно напоминает те средневековые времена, когда нередко прибегали к тайным казням из боязни стать в противоречие с общественным мнением относительно казнимого. Поэтому не без оснований народы, привыкшие к гласности общественных дел, боятся злоупотреблений закрытого совершения казней. Допустить одного палача и тюремщика распорядиться жизнью осужденного, значило бы отнять у смертной казни даже последнюю наружную обстановку наказания; поэтому защитники скрытого совершения казней требуют присутствия при этом кровавом акте известных почтенных лиц, как-то: прокуроров, судей, выбранных от общества. Тут одно из двух: или законодатель должен допустить полную свободу для чиновников и граждан отстранять от себя подобное назначение и таким образом должен наталкиваться и терпеть постоянный молчаливый протест против закона, допускающего смертную казнь; или же, признав присутствие при закрытых казнях непременной обязанностью для каждого назначенного или избранного, наложить на многих чиновников и граждан обязанность, невыносимую для них и вредную для их физического и душевного здоровья. Справедливы или нет упреки, делаемые нашему времени в слабодушии и сентиментальности — это другой вопрос. Но факт несомненный, что даже те, которые произносят приговор, не все в состоянии присутствовать при его исполнении, подобно тому, как судья не согласится быть исполнителем им же назначенного наказания. «Вы утверждаете, — говорит Дюкпетьё, — что закон (осуждающий на смерть) справедлив, необходим, нравствен; хорошо. Я вас спрошу: если вы не имеете человека, который бы казнил нарушителей этого закона, согласитесь ли вы сами

нанести роковой удар? Предложите судьям, привыкшим произносить смертные приговоры, сопровождать осужденного на гильотину или виселицу, опускать нож гильотины или привязывать веревку; они отступятся от этого с ужасом и негодованием. Отчего? Ведь закон необходим, нравствен, обязателен; осужденный ведь виноват. Совесть была спокойна, произнося приговор; откуда же происходит то, что она приходит в тревогу, возмущается, когда ей предлагают исполнить собственный приговор?»

IV. *Смертная казнь неразлучна с ошибками, которых человек не в силах даже сколько-нибудь исправить.*

Из сопоставления доводов, выводимых из судебных ошибок *за и против* смертной казни, открывается: главная сила тех и других заключается не в них самих только, но в связи их с предыдущими доводами. Доказано, что смертная казнь не устрашает и не удерживает от преступлений, что для детей слабоумных и испорченных она служит плохим примером, что она деморализирует народ: тогда казни невинных — новое сильное доказательство против смертной казни. И наоборот, если бы до сих пор не была поколеблена полезность смертной казни, если бы неопровержимыми опытами было доказано, что без нее не было бы возможно правосудие, существование и развитие обществ, — казни невинных были бы меньшим злом, которое, как и многое другое зло, общество обречено терпеть для избежания зол больших. А так как перевес доказательств на стороне бесполезности и ненужности смертной казни, так как опытом доказано, что правосудие и благоденствие совершенно возможны и без смертной казни, то очевидно, что казни невинных представляют новую значительную доказательную силу против смертной казни.

V. *Смертная казнь отнимает у преступника возможность исправления.*

И противники и защитники равно признают исправление преступника делом небезразличным. Только первые придают ему несравненно бóльшую важность, чем вторые, и поэтому желают, чтобы для исправления преступника были употреблены все средства, чтобы это исправление было деятельное и испытанное долговременным опытом, не только религиозное, но и житейское, выражающееся в честной и трудолюбивой жизни. Вторые довольствуются

только религиозным, моментальным и более или менее формальным раскаянием и не считают нужным употреблять особенные усилия для исправления преступника. Защитники смертной казни, относительно исправления преступника, похожи на того английского пастора, который советовал казнить доведенного им до раскаяния осужденного, чтобы отнять у него возможность возвратиться к преступным мыслям. Самое раскаяние, которым довольствуются защитники смертной казни, не может иметь большого значения; осужденные находятся в таком расстройстве душевных сил, что они не в состоянии поступать сознательно и, будучи объяты ужасом и страхом, делают все большей частью машинально, полусознательно. Самые способы, которые употребляются для приведения осужденного к раскаянию, не всегда могут быть одобрены.

В Англии, по свидетельству одного писателя, как только делается известным, что осужденный должен быть казнен, духовные всех сект спешат в тюрьму и начинают мучить осужденного; по его же словам, приводимые примеры раскаяния осужденных мало стоят доверия. Сравнение положения жертвующего своей жизнью для благих целей с положением преступника есть сравнение натянутое и фальшивое. Жертвующий своей жизнью делает хорошее дело и в том смысле заслуживает всепрощение, даже если его совесть обременена какими-нибудь дурными делами.

Разве в таком нравственном положении находится преступник, когда у него отнимают жизнь посредством казни? Нельзя не заметить, что доводы защитников смертной казни относительно раскаяния и исправления, главным образом основаны на необходимости этого наказания: необходимость смертной казни, по их мнению, гораздо важнее, чем допускаемая ими необходимость исправления преступника. Но необходимость смертной казни есть субъективное мнение, которое не подтверждается объективными доказательствами; поэтому необходимость исправления получает самостоятельное значение и особенную важность, — за что собственно и стоят противники смертной казни.

Одно из самых сильных доказательств, которое приводят в пользу смертной казни ее защитники, *это голос народа, его юридические убеждения, его совесть.*

Сопоставляя эти *доводы и возражения против* них, можно придти к следующим заключениям:

а) До сих пор в известной части народа живут, хотя и в обломках, те стародавние, первобытные воззрения на преступления и наказания, которым обязана своим происхождением смертная казнь: по этим воззрениям преступление есть личное оскорбление, а наказание — грубая и ничем не сдержанная кровавая месть; позже воззрения эти несколько видоизменяются и принимают религиозный оттенок. По этим видоизмененным религиозным воззрениям, за которыми в сущности скрывались воззрения грубой мести, преступление есть оскорбление божества, а наказание — примирение с Богом, очищение от преступления, искупление вины, удовлетворение правосудия. Это в сущности только апотеоза прежних воззрений: как там, так и здесь в преступлении главное — не объективный вред, а субъективное оскорбление, в наказании — не соответствие с тяжестью вины, а удовлетворение или чувству человеческого мщения, или скрывавшему его понятию божественного мщения. Господство частного мщения и мщения за оскорбленное божество в виде воздаяния *равное за равное,* искупления вины, умилостивления, очищения собственно прошло. Преобладание получили другие воззрения. Но обломки этих воззрений остаются, в виде тех явлений, на которые указывают защитники смертной казни как на доказательство необходимости ее. К этим обломкам принадлежат: любовь массы к зрелищам казни; неудовольствие, когда лишают ее этого зрелища, вопреки ее ожиданиям; собственная ее расправа с помилованным и неказненным преступником и вообще весь тот цинизм ее поведения, который она проявляет в эту слишком тяжелую минуту общественной жизни. Обломки этих народных воззрений имеют свою теорию и свою философию. Сюда до́лжно отнести теорию тех новейших писателей, которые считают смертную казнь необходимой как возмездие, как удовлетворение равное за равное, как искупление вины, как очищение нравственного зла; сюда же до́лжно отнести и теорию Канта, который считал смертную казнь до того необходимой и до того обязательной для общества, что оно должно сегодня казнить убийцу,

если бы ему завтра предстояло разойтись[1]. Все эти теории есть новое, исправленное и дополненное издание упомянутых стародавних народных воззрений на преступление и наказание, хотя они скрывают свое происхождение и даже, считая за стыд подобное родство, воображают, что они новейшего происхождения. Таким образом защитники смертной казни, ссылающиеся на юридические воззрения народа, были бы совершенно правы, если бы европейскую теорию подвинуть на тысячу лет назад или если бы она начала возвращаться туда, откуда она вышла.

б) Особенно странным представляется то, что защитники смертной казни в этом случае опираются на воззрения народные, не давши себе труда понять их сущность. Отчего те же защитники не прибегают к воззрениям народным для разрешения других, первой важности государственных, общественных и научных вопросов, например вопроса о податях, о поземельной собственности, о кредите, о солнце, земле и т. д. Отчего, например, они же не считают необходимым преследовать ведьм, в которых народ так еще крепко верит и которых он не прочь преследовать судом? С воззрениями народными необходимо во многих случаях считаться; это не мешало бы твердо помнить и некоторым защитникам смертной казни; но считаться с ними без разбору, только потому, что они народные — значило бы иногда обречь все успехи цивилизации на совершенную гибель.

в) Защитникам смертной казни, опирающимся на народное воззрение, следовало бы идти далее по этому пути и приводить в доказательство того, что народ требует смертной казни, все те грубые, циничные сцены, которые случаются во время казней, все шутки, все безнравственные выходки в это время толпы, все ее равнодушие к нравственной стороне казней и всю ее жадность созерцать грубую, нечеловеческую их сторону. Ведь во всем этом толпа, если не прямо, то косвенно, выражает одобрение пролитию человеческой крови. Впрочем, если ближе всмотреться в те факты из народной жизни,

---

1 Совр. значение: исчезнуть, раствориться.

7 Зак. 702

которые они приводят за смертную казнь, то они близки к только что приведенным.

Итак, смертная казнь не только не содействует общественной безопасности, не только не воздерживает от преступлений, но имеет дурные стороны, которые чужды всем другим наказаниям. Единственное преимущество ее в глазах народов состоит в том, что она очень простое, дешевое и не головоломное наказание. Чтобы человека держать в тюрьме, чтобы переломить его порочную натуру и сделать его полезным или по крайней мере безопасным членом общества, для этого требуются значительные издержки, большое терпение и настоящее гражданское мужество, не подчиняющееся влиянию более или менее временных тревог, а умеющее побороть душевную опасность. Тогда как смертная казнь, не требуя ни долгого времени, ни издержек, ни особенных трудов, одним разом и навсегда отнимает у преступника возможность вредить и тем гарантирует и эгоизм человеческий от мнимых и действительных опасностей. Защитники смертной казни старательно маскируют указанную причину привязанности народов к смертной казни, давая ей более возвышенное объяснение. Но тем не менее эта причина много способствует сохранению смертной казни в числе наказаний, что иногда более откровенные защитники ее и высказывают. Так, в 1864 году, в английском парламенте известный Робук отстаивал смертную казнь как более дешевое средство лишить преступника возможности вредить обществу. Насколько законен, одобрителен и устойчив подобный эгоизм — это другой вопрос.

Жижиленко Александр Александрович (1861 —?) — известный русский криминалист, профессор Петербургского ун-та. В 1914 году опубликовал в Петрограде книгу «Наказание, его понятие и отличие от других правоохранительных средств», представляющую собой самое фундаментальное исследование этой проблемы в русском дореволюционном уголовном праве. После февральской революции был назначен начальником Главного Тюремного управления при Временном правительстве. В советский период занимался преподавательской и научной деятельностью в Петрограде. Опубликовал книги: «Очерки по общему учению о наказании», Петроград, 1924; «Преступность и ее факторы». Л., 1926; «Имущественные преступления», 1925 г.

Статья написана для сборника «О смертной казни. Мнения русских криминалистов».

История уголовного права рисует нам картину постепенного смягчения наказаний под влиянием общего хода развития культуры. Прежние грубые формы воздействия на личность преступника смягчаются или вовсе исчезают, вместо них появляются иные, более соответствующие новой ступени культуры, покоящейся на ином, чем прежде, положении личности в государстве, новому правосознанию, дающему новую оценку отдельных правовых благ человека. Вместе с тем совершенствование человеческой психики с течением времени дает возможность обходиться без прежних грубых средств принуждения и позволяет заменить их другими мерами, могущими с большим успехом воздействовать на психику преступника. Но это общее изменение характера уголовной репрессии происходит медленно, и в эпохи более поздние мы встречаем переживания эпох более ранних; только постепенно эти переживания прошлого, эти анахронизмы окончательно отходят в область истории. К таким особенно резким анахронизмам в современной карательной системе, основывающейся на признании ценности личности и на стремлении возродить эту личность для социальной жизни, относится смертная казнь, исходящая по самому своему

существу из полного игнорирования и неуважения личности человека. С одновременным существованием смертной казни наряду с такими мерами борьбы с преступностью, как условное осуждение, досрочное освобождение и т. п., не может и не должен смириться современный криминалист, иначе смотрящий на цель наказания и необходимые его свойства, чем смотрели на них прежде.

При оценке смертной казни, как и всякого другого наказания, мы должны считаться, с одной стороны, с тем, насколько смертная казнь достигает тех целей, которые государство преследует в своей карательной деятельности, и с другой — насколько близко подходит она к тому идеалу наказания, который существует в данную эпоху. При этом, конечно, следует помнить, что наказание есть зло, применение которого оправдывается достижением известной полезности и что от этого зла приходится отказываться, как только можно усмотреть, что оно значительно превышает ту пользу, ради которой дозволяется его применение.

Обращаясь к оценке смертной казни сообразно целям карательной деятельности государства, можно заметить, что смертную казнь защищают и с точки зрения теорий абсолютных, теорий возмездия, и с точки зрения теорий относительных, теорий общего и специального предупреждения. Однако, на сторону какой бы из этих теорий ни становиться, все-таки, с точки зрения общих исходных положений любой из них, следует по тем или иным соображениям отвергнуть возможность применения смертной казни.

Исходя из теории возмездия, смертную казнь защищают ввиду того, что есть преступления настолько тяжкие, что единственным подходящим наказанием в отношении их признается смертная казнь. Отголосок этой теории сквозит отчасти и в рассуждениях тех защитников смертной казни, которые всячески открещиваются от теории возмездия, но признают, что существуют такие преступники, к которым единственно применимой мерой воздействия является смертная казнь. Обыкновенно в этих случаях имеют в виду убийство, в отношении которого и отстаивают старый принцип: кровь за кровь. Однако высказывающие этот взгляд отказываются от его последовательного проведения, так как это знаменовало бы возвращение

к отдаленным, уже пережитым стадиям культуры, и делают ряд оговорок, указывая на то, что смертная казнь применима не ко всем видам убийства, а только к особым его случаям, к так называемому предумышленному убийству, понятие которого, однако, не может быть с точностью установлено.

Другие же указывают на то, что такими преступлениями, за которые должна назначаться смертная казнь, являются важнейшие государственные преступления, где особое значение объекта посягательств позволяет приравнивать ему на весах правосудия жизнь преступника.

Но, с одной стороны, если сравнивать друг с другом убийство и смертную казнь, то придется признать, что должного равновесия между этими двумя видами пролития крови нет, так как при воздаянии смертью за убийство всегда получается некоторый плюс, невыгодно освещающий смертную казнь — это убийство, совершенное велением государственной власти, по сравнению с убийством, совершенным преступником. То психическое состояние, которое переживает преступник, приговоренный к смертной казни с момента постановления приговора до момента его исполнения, и в особенности на месте казни, состояние натуры, так мастерски и картинно изображенной нашими писателями, особенно ярко подчеркивает отсутствие равновесия между смертной казнью и убийством. Самая необходимость прибегать к особой обстановке, в которой совершается смертная казнь, к особым приготовлениям к ней придают ей характер такого мучительного и жестокого наказания, которое и с точки зрения теории возмездия должно признаваться наказанием, несоразмерным убийству, следовательно, несправедливым, а потому и недопустимым.

С другой стороны, что касается посягательств на государственный строй, то современный взгляд на сущность этих деяний не усматривает в них какую-нибудь особенную, выдающуюся их опасность по сравнению с другими преступлениями, как это признавалось прежде, а это заставляет отказаться от применения к ним смертной казни как наказания, которое могло бы соответствовать предполагаемой особой тяжести посягательства этого рода.

Если, далее, стать на точку зрения теории общего предупреждения и иметь в виду эту цель наказания как главную и преимущественную, то следует сказать, что роль

смертной казни, как средства общего устрашения или общего предостережения не так велика, как это могло бы казаться на первый взгляд. Всем известно, что рост преступлений не задерживается изобилием смертных приговоров, как это легко можно установить на основании простого наблюдения явлений, происходящих сейчас на наших глазах. Вообще же нормально люди воздерживаются от совершения преступлений, влекущих за собой смертную казнь, не потому, что они боятся именно этого наказания, а потому, что ввиду самой ценности объектов посягательств этого рода они без особых преобладающих мотивов на совершение подобных деяний не решатся. К этому следует прибавить, что самый способ правового воспитания масс посредством угрозы смертной казнью представляется совершенно недопустимым в условиях современной культуры и развитой психики современного человека; он до некоторой степени мог бы быть применим в отношении первобытных дикарей, но не в отношении современных людей, доступных иным приемам правовой мотивации.

Но, если с точки зрения общего предупреждения нельзя отметить положительных сторон смертной казни, то, с другой стороны, нельзя не указать на ее отрицательные стороны. Государство, преследуя цель насаждения в гражданах социальных мотивов поведения путем применения к ним особых средств правового принуждения, должно выбрать такие способы своей деятельности, которые производят благотворное влияние на человеческую психику, и избегать таких, которые вызывают обратные результаты. Между тем, применением смертной казни государственная власть способствует лишь развращению общества. Пролитие крови, совершаемое государством, порождает усиление наиболее тяжких посягательств, как результат обесценения человеческой жизни. И государство в этом отношении, конечно, не способствует росту культуры, а задерживает его, прививая психике граждан антисоциальные мотивы деятельности. Переживаемая нами эпоха особенно ясно подтверждает это положение. Наконец, самая необходимость для государства содержать наемного убийцу-палача и совершать легальные убийства с соблюдением весьма тягостных формальностей должна, естественно, шокировать совесть каждого честного и гуманного гражданина

и подрывать в его глазах авторитет государственной власти, прибегающей к таким мерам борьбы с преступностью.

Наконец, что касается специального предупреждения, как цели наказания, то, само собой разумеется, смертную казнь можно защищать, имея в виду лишь цель обезврежения — его достижение наилучшее устранение преступного элемента из общества; ни о цели устрашения преступника, ни о цели его исправления здесь речи быть не может. С этой точки зрения защищают смертную казнь в особенности представители уголовно-антропологической школы, для которых прирожденный преступник, учинивший тяжкое посягательство, — существо настолько невыносимое для общества, что последнее должно считать себя вправе применять к нему смертную казнь. Но почему именно надо прибегать в этом случае для достижения цели обезврежения непременно к смертной казни? Разве другие меры не могут быть использованы с той же целью? Ведь, если иметь в виду идею удаления преступника из общества в ее чистом виде, то, естественно, можно было бы защищать в отношении прирожденных преступников и применение пожизненного лишения свободы. Защита в этом случае смертной казни ясно указывает, что и здесь оказала свое влияние идея возмездия. Прирожденный преступник, совершивший особенно тяжкое посягательство, должен подвергнуться смертной казни потому, что это наказание наиболее соответствует тяжести самого преступления. И здесь, следовательно, начало — кровь за кровь проявляет свое действие. Нужно сказать, однако, что в самое недавнее время защита смертной казни с точки зрения уголовной антропологии поколеблена самим главой и основателем школы Ломброзо, который находит, что для достижения цели радикального устранения преступника надо было бы казнить не то небольшое число преступников, которое обычно подвергается смертной казни, а число, во много раз его превышающее, но это было бы настоящей бойней. «И я думаю, — замечает Ломброзо, — что в наши дни, озаренные светом гуманности, распространяющимся на все живые существа, самый ярый сторонник смертной казни не дойдет до этого».

Таким образом, и при оценке смертной казни с точки зрения специального предупреждения признано необходи-

мым считаться не исключительно только с опасностью самого преступника, но и с социальным значением этого наказания. Но если цель специального предупреждения понимать в смысле цели социального перевоспитания преступника, к чему единственно государство и должно стремиться в своей карательной деятельности, то с этой точки зрения не может быть места для смертной казни в карательной системе.

Оценивая в заключение смертную казнь с точки зрения современного идеала наказания и обращая при этом внимание на те общие свойства, которыми должно обладать наказание, следует отметить одну черту, которая особенно невыгодно отличает смертную казнь от других наказаний, черту поэтому весьма характерную — ее невосстановимость. Современное государство, сохраняя, с одной стороны, в своей карательной системе смертную казнь, а с другой, — признавая принцип вознаграждения невинно привлеченных к суду уголовному и невинно осужденных, впадает в этом отношении в самое резкое противоречие с самим собой. Если наше правосознание не мирится с понятием вреда от судебной ошибки над человеком, невиновным в случае отбытия им менее тяжкого наказания или простого привлечения к суду, на чем и покоится институт вознаграждения за этот вред, то совершенно немыслимо допущение существования смертной казни ввиду одной возможности случаев судебной ошибки, при которых ни о каком вознаграждении потерпевшего за причиненный ему вред, притом вред самый существенный, не может быть речи.

Итак, подводя итог всему сказанному, следует признать, что смертная казнь есть анахронизм, она не соответствует современной оценке личности, она не оправдывается ни с точки зрения теорий возмездия, ни с точки зрения теорий общего и специального предупреждения, она невосстановима. При таких условиях смертная казнь не может и не должна существовать в современной карательной системе.

Н. А. БЕРДЯЕВ

Бердяев Николай Александрович (1874—1948) — русский религиозный философ, идеолог персонализма. Будучи студентом Киевского университета оказывал содействие Союзу борьбы за освобождение рабочего класса. В начале девятисотых годов поклонник неокантианства, один из идеологов легального марксизма. В 1907 году становится на позиции религиозного миросозерцания и примыкает к богоискательству. Отрицал объективный характер законов истории и не верил в исторический прогресс. Политические симпатии Бердяева были на стороне кадетской партии.

Кроме участия в издании журналов «Новый путь» и «Вопросы жизни», играл активную роль в организации Петербургского религиозно-философского общества. Считал себя свободным и независимым философом.

В 1922 году уехал в Париж, где находился безвыездно до конца своей жизни.

Основные работы: Ф. А. Ланге и критическая философия. СПб., 1900; Духовный кризис интеллигенции. СПб., 1910; Новое религиозное сознание и общественность. СПб., 1907; Философия свободы. СПб., 1911; Миросозерцание Ф. М. Достоевского. М., 1968; О рабстве и свободе человека. Париж, 1972.

Казнь и убийство

Статья опубликована в сборнике «Против смертной казни».

Кровь, которую проливает русское правительство, убийства, которые оно совершает, не могут быть подведены под юридический институт смертной казни. Этот криминальный институт давно уже признан нецелесообразным наукой уголовного права, давно уже восстало против него моральное сознание человечества. Но ужас, который сейчас происходит, нельзя обсуждать с юридической точки зрения, как-то неуместно аргументировать против смертной казни, да и слишком элементарный это вопрос. Контрреволюция черной смертью пронеслась над Россией, применила террористическую тактику, перед которой бледнеют все революционные терроры мира, убийство сделала своим главным, почти единственным

орудием. Все черные, звериные силы страны мстят за то, что пошатнулось их безбожное царство и что призваны они, наконец, историей к ответу за вековые свои преступления. Контрреволюционный террор, не знающий границ, зверская месть, организованное убийство беззащитных — вот что называют у нас в эти дни смертной казнью. Совершает эти преступления государственная власть, мнящая себя христианской[1].

Сказано было: «Взявшие меч, мечом погибнут». Это про государство сказано было, так как государство не только первое взяло меч, в кровавых убийствах родилось, но и убийство возвело в закон, смерть одним из законов жизни признало. Известно, что смертная казнь исторически развилась из кровавой мести, что государство заботливо взяло на себя задачу организовать возмездие, превратив его в безличное. Стихия кровавой мести — иррациональная, в ней первозданный хаос шевелится, и бесконечно благороднее, святее этот хаос, чем организованное, разумное, сознательно-зверское возмездие государства, чем чудовищная его безличность. Страшна смерть и отвратительно убийство, но что сказать о смерти, возведенной в закон жизни, об убийстве, организованном сознательно хозяевами жизни во имя поддержания призрачного в ней порядка. Есть в мире правда высшая, чем эта кровавая месть, и не к мести этой призывает наше сознание, но не государству об этой правде напоминать, не перед государством будет дан ответ за ужас убийства. Человеку было сказано: «Не убей», но государство — люди государственные, люди власти не приняли этого на свой счет, отнесли заповедь лишь к подвластным им и поддерживают свое существование законом звериным, о Боге ничего не ведающем.

Смерть — самое крайнее, самое страшное выражение мирового зла, отпадение мира от Бога, и целью религии всегда была победа над смертью, утверждение жизни вечной. Если крестная смерть Христа была победой над смертью, то она вместе с тем была и самым властным, религиозным осуждением убийства. Казнящий смертью, утверждали истинные христиане, присоединяется к делу мучителей Христа, убивает не только человека, но и Бога.

[1] Имеются в виду расправы над участниками революции 1905 года.

Революционеры, совершающие политические убийства, на которые ссылается правительство для оправдания своих преступлений, не первые подняли меч, не «холодно» убивают, не «безоружных» убивают. И эти убийства ужасны, мы жаждем выйти из кровавого круга, в который вступило правительство, но не всякий смеет осуждать их, не всякий имеет на это право и менее всех, конечно, обагренная кровью невинных государственная власть. В политических убийствах, совершенных отдельными героями, в дуэлях, в защите чести личность человеческая отдает и свою жизнь, отвечает за себя собою, а государство всегда безответственно по своей безличности. Убийство, из «хаоса» рожденное, невиннее, благороднее, для совести нашей выносимее, чем убийство по «закону» холодно-зверское, рассудочно-мстительное. И смерть хаотическую и смерть законническую преодолеет свободная гармония, но верим, что перед судом Божиим к ответу будут призваны прежде всего убийцы-законники, мешавшие смерть преодолеть, и вечный ужас откроется перед их прозревшим сознанием, поймут они, кому служили.

Пионтковский Андрей Антонович (1862—1915) — русский криминалист, профессор Казанского университета, представитель социологического направления в русской науке уголовного права. Автор курса лекций по общей части уголовного права (Вып. I. Казань 1913 г.; вып. 2. Казань 1916 г.). В 1908 году в Казани вышла монография «Смертная казнь в Европе»

Публикуемый очерк представляет собой фрагмент этой книги.

Не в пользу казни и ее превентивного значения говорят и массовые статистические наблюдения.

В Тоскане казнь, как известно, неоднократно то отменялась, то вводилась. Наблюдения официального характера показали, что во время отмены казни число преступлений, подлежавших этому наказанию, не возросло. Точно также фактическое неприменение казни в Швеции усилением тяжкой преступности не сопровождалось. Равным образом, окончательная отмена смертной казни в Италии не повлекла за собою увеличения числа тяжких преступлений; так, до законодательной отмены казни в Италии в период с 1880 по 1886 год среднее число ежегодно обнаруженных убийств было 4692, в период с 1887 по 1889 год — 4089, а после 1890 года (времени окончательной отмены казни) оно не только не увеличилось, но даже несколько уменьшилось и в период с 1890 по 1892 год достигало лишь 3993, в период с 1893 по 1895 год — 4043, а в 1896 году — 3866.

Не менее характерны данные, касающиеся Голландии и Бельгии.

В Голландии казнь фактически перестала применяться с шестидесятых годов прошлого столетия, и это ее неприменение не отразилось неблагоприятно на общественной безопасности, не повлекло за собой усиление тяжкой преступности. В 1811—1861 гг. в Голландии было совершено 102 казни, что составляло в среднем две казни ежегодно, и произнесено (в этот же период) 430 смертных

приговоров, что составляло 8 приговоров ежегодно, а в 1861—1871 гг. (период фактического неприменения казни) было произнесено 82 смертных приговора, что составляло также в среднем 8 приговоров ежегодно; с юридической же отменой казни число присуждений к пожизненному заключению, заменившему собою казнь, выразилось в следующих цифрах:

Год	Число присужденных к пожизненному заключению	Год	Число присужденных к пожизненному заключению
1871	5	1879	1
1872	5	1880	1
1873	—	1881	—
1874	—	1882	—
1875	—	1883	2
1876	1	1884	2
1877	2	1885	2
1878	1		

И это неусиление роста тяжкой преступности в Голландии продолжается до наших дней, носит прочный, устойчивый, неизменный характер. В последние годы в Голландии присуждают к пожизненному заключению крайне редко; так, в 1902 и 1903 годах не было ни одного случая такого присуждения, в 1904 году был только один случай.

В Бельгии казнь, как известно, фактически не применяется с 1863 года. Это ее неприменение оказалось вполне удачным; оно не принесло никакого вреда ни общественной безопасности, ни военной дисциплине и не привело к усилению тяжкой преступности. В период, например с 1841 по 1855 год был произнесен 191 смертный приговор (и совершено 43 казни), а в период с 1876 по 1890 год было произнесено таких приговоров только 124 (и ни один не был приведен в исполнение) несмотря на то, что к этому времени население Бельгии возросло чуть ли не на 50%.

Что касается Португалии, то уже через тринадцать лет после отмены смертной казни в этой стране, в 1880 году официально указывалось, что факты свидетельствуют о все более и более прогрессирующем уменьшении тяжких преступных деяний, за которые прежде полагалась казнь.

Словом, нигде неприменение или окончательная отмена не влекли за собой усиления роста тяжкой преступности, не сопровождались какими-либо вредными для дела борьбы с преступностью последствиями.

Набоков Владимир Дмитриевич (1869—1922) — русский криминалист и политический деятель, профессор уголовного права. За выступления на процессах в защиту обвиняемых царским судом в 1904 году был лишен придворного звания камергера, а за корреспонденции по делу М. Бейлиса привлечен к суду. (Дело Бейлиса — судебный процесс, организованный царским правительством и черносотенцами по клеветническому обвинению в убийстве.) Один из основателей конституционно-демократической партии.

Статья написана для сборника «О смертной казни. Мнения русских криминалистов».

Не отрицая огромного значения уголовно-политической точки зрения при разрешении вопроса о смертной казни, вполне соглашаясь с тем, что и в науке, и в законодательных собраниях она должна быть настойчиво выдвигаема, я, однако, полагаю, что в настоящее время вопрос должен быть переставлен на *этическую* почву. Нужно осознать, что помимо соображений философского и уголовно-политического характера, говорящих с полной убедительностью против смертной казни, ее этическая недопустимость имеет бесспорное и решающее значение.

Еще в конце XVIII века вполне возможны были споры о целесообразности *пытки*, как вернейшего средства отыскания истины в уголовном процессе. Известный криминалист Muyart de Vouglans (1767 г.) доказывал, что на одного невинного, подвергнутого в течение ста лет пыткам, приходятся тысячи таких, которые без применения этого средства остались бы безнаказанны, совершив тяжкие преступления; что пытка должна быть сохранена потому, что еще не придумано в замену ее достаточно действенного и подходящего средства; наконец, он ссылался на древность и общераспространенность пытки.

Возможно ли себе представить, чтобы теперь кто-нибудь согласился принять спор на этой почве и доказы-

вать, что пытка — плохое, нецелесообразное процессуальное средство? Если еще Александр I провозгласил, что самое выражение пытки, «стыд и укоризну человечеству наносящее», должно быть навсегда изгнано из памяти народной, то для людей XIX и XX веков показалось бы совершенно нелепым спорить о процессуальных достоинствах пытки. Раз в общественное сознание вошло и прочно в нем укоренилось представление об этической недопустимости пытки, выраженной в прекрасных словах императора Александра I, всякий спор о целесообразности, о праве на применение пытки, утрачивает свой смысл.

Другой пример — крепостное право, институт рабства вообще.

Раз люди поняли, что обращение одного человека в собственность другого этически недопустимо, спор о достоинствах или недостатках крепостного права может иметь лишь академическое, историческое значение.

В течение XIX века этика культурного человечества отвергла квалифицированные виды смертной казни, а также увечащие телесные наказания, и мы теперь посмотрели бы на того, кто вздумал бы требовать возвращения к колесованию, к залитию горла оловом и т. п. как на сумасшедшего, как на нравственного урода.

К вопросу о смертной казни следует подойти с этой этической точки зрения, которая должна господствовать над всякими соображениями о целесообразности, отодвигая их на задний план. Ответ следует искать не только и не столько в соображениях разума, а прежде всего в велениях и запретах совести. Стоя на этой точке зрения мы скажем, что спор о том, устрашает или не устрашает смертная казнь, должен иметь также мало значения, как аналогичный спор о пытке или об увечащих телесных наказаниях. С этой же точки зрения, если бы даже удалось добиться полного устранения судебных ошибок, если бы юстиция стала непогрешимой, это бы не прибавило ни йоты в пользу смертной казни, ибо не заглушило бы протеста нравственного чувства.

Сознание же этической недопустимости смертной казни достигается не столько логическими рассуждениями, сколько апеллированием к этому нравственному чувству, к совести культурного человечества.

Первый из ораторов, говоривших во французской

палате по вопросу о смертной казни, сделал одно любопытное указание. Он сослался на анкету, сделанную одним из его коллег среди французской магистратуры. Анкета эта показала, что все те, кто отрицательно относится к смертной казни, бывали свидетелями ее приведения в исполнение, и наоборот, ни один из ее защитников никогда не присутствовал при ней. Это наглядный пример того, как нравственное чувство может быть разбужено непосредственным восприятием.

Целый ряд признаков свидетельствуют об истинном отношении этого нравственного чувства, не заглушенного вековою тяжестью традиционных предрассудков, обывательским равнодушием, человеконенавистническими внушениями. В былое время смертная казнь отправлялась публично, в праздничные дни, на глазах массы народа, с пышной торжественностью. Теперь вся обстановка свидетельствует о том, что творится ужасное и отвратительное дело. Присутствие при исполнении казни для лиц обязанных — тяжелое, зачастую невыносимое испытание. Известны случаи душевной болезни, развившейся у таких невольных свидетелей, под влиянием впечатлений на месте казни.

Инстинктивный протест нравственного чувства сказывается и в отношении к палачам. У нас в России палач никогда не был официальным лицом, и в нашей государственной росписи мы тщетно стали бы искать те кредиты, которые были вычеркнуты из французского бюджета. Для выполнения смертных приговоров власть должна прибегать к услугам отвергнутых людей, потерявших последний остаток нравственного чувства. Да и эти люди, часто лишь доведя себя вином до почти полной невменяемости, оказываются способными выполнить до конца свое дело...

В нашей русской литературе — не юридической, а художественной — эта именно сторона смертной казни выражена с потрясающей силой и яркостью. Немного страниц Тургенева («Казнь Тропмана»), Толстого (рассказ Крыльцова в «Воскресении»), Достоевского (рассказ князя Мышкина в «Идиоте») убедительнее и неотразимее тысячи ученых сочинений и столбцов статистических цифр. Они не *доказывают, они показывают*, и в этом их сила. С ними нельзя спорить: можно только зажать уши и зажмурить глаза...

Вот в каком направлении желательна и плодотворна дальнейшая борьба. Пусть не возражают, что она таким образом переносится в область чувства, рассчитывает бить по нервам, тогда как и чувства и нервы притуплены. Апеллируя к этике, стремясь будить дремлющий голос совести, мы служим высшим задачам человечества.

Более чем когда-либо, в России нужны великие усилия в этом направлении.

Аболиционисты XIX века для более успешной борьбы против смертной казни вывели вопрос из области абстрактных философствований и, поставив смертную казнь на уровне прочих наказаний, доказали ее уголовно-политическую несостоятельность. Настало время для нового фазиса: смертная казнь должна быть вновь выведена из общей системы карательных мер во имя требований этики. Во имя этих требований должен быть предъявлен отвод против уголовно-политического спора. Смертная казнь не может более признаваться мерой правосудия: она лишь остаток старого варварства, пятно на человечестве, «стыд и укоризну» ему наносящее.

Задача современных аболиционистов — заразить все общество духом омерзения и ужаса перед этим варварством, добиться того, что оно в общественном сознании будет заклеймено.

Как рабство, как пытка, как увечащие наказания смертная казнь будет изгнана из законодательства не теоретическими только рассуждениями, а немолчным, все растущим и всех охватывающим протестом возмущенного нравственного чувства.

Булгаков Сергей Николаевич (1871—1944) — русский буржуазный экономист, философ, теолог, профессор политэкономии в Киеве с 1901 по 1906 год, в Москве с 1906 по 1918 год, член 2-й Государственной думы. Начав с легального марксизма, позже перешел к религиозной философии. С этих позиций выступал против смертной казни.
С 1923 года — в эмиграции, в 1924—1944 годах — профессор догматики и декан русского Богословского института в Париже.
Основные работы: Философия хозяйства (М., 1912); Проблемы идеализма (М., 1902); Из глубины (М., 1918); Тихие думы (М., 1918).

О смертной казни

Статья опубликована в сборнике «Против смертной казни».

Всякое убийство есть дело ненависти. Не может быть, чтобы человек убивал человека из любви к нему. Смертная казнь есть один из самых ужасных видов убийства, потому что она есть холодное, расчетливое, сознательное, принципиальное убийство, — убийство без всякого аффекта, без всякой страсти, без всякой цели; убийство ради убийства. И в этом главный ее грех и ужас. При всяком убийстве есть виноватый, есть тот, кто этого убийства хотел, кто его замыслил и взлелеял, кто из-за него вел с собой ожесточенную иногда борьбу, кто принял его на свою совесть. При всяком убийстве есть убийца, живой человек, способный падать и возвышаться, грешить и каяться. При смертной казни нет убийцы в смысле живого лица, есть отвлеченный убийца, закон или государство. Убили Шмидта и трех матросов не те солдаты, которые дали по ним смертельный залп и послужили лишь орудием убийства, и не тот прокурор, который применил к ним статьи закона, какие он не мог не применить, стоя на его почве, и даже не адмирал Чухнин, лишь конфирмовавший этот не им поставленный и имеющий силу закона приговор; вообще ни одному из звеньев этого бездушного аппарата, имеющего на одном конце параграф закона, а на другом — человеческий труп, не

может быть вменено целиком убийство, хотя каждый виновен в нем: и стрелявший солдат, и неумолимый прокурор, и жестокий, беспощадный адмирал. Никто из них, может быть, искренно не хотел и не хочет убийства, и тем не менее принимает в нем участие. Здесь есть какая-то ужасная логика событий и отношений, есть зло сверхиндивидуальное, каким всегда является дурной, безбожный закон, и это сверхиндивидуальное зло воплощается в индивидуальные грехи. Но зато это сверхиндивидуально, а следовательно, в большей или меньшей степени всеобще, не может принять вину целиком никто, ибо виноваты в сущности все. Да, все — и те, кто теперь заливают Россию кровью казнимых, и те, которые на это негодуют, пишут « Письма в редакцию» против смертной казни, все, кто терпит этот строй и мирится с ним.

Двоякое чувство в людях возбуждает смертная казнь: в одних ненависть и жажду мести, которые в соединении с личной самоотверженностью вызывают ответные политические убийства, ведущие к новым смертным казням, — этим люди как бы облегчают свою совесть, жертвуя собой, в других — бессильный ужас и чувство стыда, ответственности, виновности — соответственности и совиновности. Да, виновные все мы и каждый из нас в отдельности: это я и вы и наши знакомые вместе с несчастными молодыми матросами расстреляли Шмидта и бесчисленное количество жертв, кровь их на нас и на детях наших, и эта солидарная ответственность не пустая фраза. Я слышу самодовольные и негодующие голоса: «Да разве мы не подписывали протестов, разве мы не негодовали, но мы бессильны». Однако по чистой совести, пред лицом великого таинства смерти, торжественность которого только подчеркивается обстановкой казни, может ли каждый из нас сказать, что он сделал все, что мог, а следовательно, и что должен был, для борьбы с этим злом, что он не был погружен в себялюбивые интересы или житейскую суету, именно тогда, когда проливалась кровь, что он не *чувствовал* крови... А разве могли бы мы теперь жить, как мы все живем: пить, есть, спать, ходить в театр, на службу, к знакомым, если бы мы чувствовали кровь, которой захлебывается страна? Мы хотим отмахнуться от назойливого беспокоящего призрака, обеспечить свой покой, от которого должны бы отказаться, от которого не осталось

бы и тени, если бы мы не были так бесчувственны. А если мы внутренне неправы, если мы не сделали того, к чему обязывает нас наша совесть, то как же мы можем утверждать, что мы бессильны и отрицать свою совиновность, свое соучастие в смертной казни, в убийстве. Я не знаю, какое чудо тогда совершилось бы, как распались бы стены темницы, как переродились бы сердца жестоких правителей, если бы совесть сделала во всех нас свое дело... Те, которые казнены, умерли, удостоившись мученического венца, — их нечего уже жалеть, им можно только завидовать и желать всякому той преданности идее, того самоотвержения, которое увенчивается мученичеством. Быть готовым к мученичеству, совершить акт внутреннего самоотречения — разве это не высшая свобода, не высшая сила, для которой не страшно ничто, и которой — и только ею одною — побеждается зло. Но мы содрогаемся при известиях о смертной казни не только непосредственным ужасом пред происходящим, но и стыдом своего бессилия, своей неготовности, своей привязанности к жизни, которая застилает нам глаза и притупляет совесть.

Будем бороться со смертной казнью всеми внешними средствами, какие существуют в нашем распоряжении: будем издавать сборники, принимать резолюции, подписывать петиции, говорить речи. Но от всего этого в глубине души, пред всевидящим оком совести — чего-то стыдно, неловко, чувствуется какая-то ложь. И ложь эта в том, что говорить мощным и властным голосом о смертной казни и громить ее может только тот, кто сам готов принять смертную казнь, и только тогда, когда он совершил внутренне эту казнь над собой, отрекся от себя. Только равный может выступать за равного, и только эта защита неотразима и непобедима. Жертва за жертву! Вот почему так страшно и так стыдно только *писать* против смертной казни.

Вне этого условия мы не можем избыть своей собственной вины, своего соучастия, как бы мы ее ни устраняли словесным негодованием. В нравственной экономии мира ничто не пропадает даром, а кровь казненных, эта драгоценнейшая влага из всех земных влаг, менее чем что-либо. И она должна научить нас не только протестовать словесно против смертной казни, но и самим делаться достойными этого протеста, приобрести на него право,

внутренне его оправдать. И когда, и если совершится это перерождение, смертная казнь будет действительно побеждена — не внешне, хотя при этом условии и внешняя победа станет легка и естественна — но внутренне: перестав страшить нас самих, она даст нам силы страшить наемных, механических, бездушных, жалких или презренных убийц.

Вот этой-то внутренней победы над смертной казнью прежде всего я желаю и себе и своим читателям. И эта победа зависит только от нас самих, от наших личных усилий, за нас ее никто не может совершить, а потому, поскольку это имеет значение и для самого существования смертной казни, никто не может исполнить за нас того, что может быть сделано нами самими. Внешний успех или неуспех — дело внешних сил, внутренняя победа — наше собственное дело, и поскольку оно является условием и внешнего успеха, на нашу личную совесть ложится и существование смертной казни в обществе.

Люблинский Павел Исаевич (1883—1838) — видный отечественный криминалист и процессуалист, профессор Петербургского, а затем Ленинградского университета. Автор серьезных монографических исследований как в области уголовного права, так и в области уголовного процесса, крупный знаток зарубежного права. К числу наиболее солидных исследований следует отнести: Очерки уголовного суда и наказания в современной Англии (СПб., 1911); Международные съезды по вопросам уголовного права. 1905—1913 гг. (Петроград, 1915); Преступления в области половых отношений (М.-Л., 1925); Полиция, суд и тюрьмы Америки (М., 1933).

Статья написана для сборника «О смертной казни. Мнения русских криминалистов».

В современной литературе можно встретить самые разнообразные доводы против смертной казни, каждый из которых, однако, будет обязателен только при допущении определенных предпосылок. Указывают, что смертная казнь противоречит христианству. Но этот аргумент действителен только для тех, кто считает себя связанным догматами религии и кто ставит эти догматы во главу всех правил поведения. Против смертной казни можно возражать с точки зрения определенного этического миросозерцания, но перед тем нужно доказать всеобщее значение такого взгляда. Существует, наконец, попытка отрицания смертной казни как меры, противоречащей эстетическому чувству гармонии и красоты, как меры, представляющей собой зрелище отвратительное и гадкое. Такая точка зрения часто встречается в художественной литературе.

Все эти взгляды часто вполне последовательно проводят свое отрицательное отношение к смертной казни, но общим их недостатком является невозможность для них доказать общеобязательность своей точки зрения и необходимость ее для современного государства. Если каждая оценка — нравственная, эстетическая, религиозная — не

могут претендовать на безусловное значение, то не доказано, почему государство должно с ними считаться, почему оно не может ставить выше свои грубые интересы, требующие применения смертной казни.

Бессильны равным образом и попытки правового отрицания смертной казни, пытающиеся из самого существа государственного союза вывести незакономерность казни. Ссылки на воображаемый договор, на неотчуждаемые права, естественную справедливость и пр. не могут составить препятствия для государственной власти, которая с помощью принуждения возводит в степень права любые нормы и нисколько не считается с тем, противоречат или нет эти нормы правосознанию граждан, если только они вызываются государственной необходимостью.

Единственно правильной позицией в данном вопросе являлась бы точка зрения государственной политики. Эта точка зрения не имеет всеобщего значения, она не приводит к отрицанию допустимости лишения жизни вообще, а имеет в виду лишь государство как орган, применяющий казни. Она вполне пригодна для решения вопроса о применении смертной казни в качестве предписываемого государством наказания за некоторые преступления. Вопрос сводится к тому, по каким основаниям государство не должно карать смертью?

Ответ на этот вопрос зависит от характера государственной власти на определенной стадии. Еще в начале и середине XIX века на государство смотрели как на исключительного охранителя существующих прав и благ, рисуя себе идеал государства — ночного сторожа. При таком взгляде смертная казнь, как средство обороны от преступных посягательств, могла отрицаться с точки зрения уголовно-утилитарной. Указывалось, что она в качестве меры наказания неустрашительна, невозвратима, неиндивидуальна, обладает рядом технических недостатков: неделимость, неравенство и пр. Словом, указывалось, что она непригодна для цели охраны общества и эта цель может с бо́льшим удобством быть достигаема мерами лишения свободы. Это утилитарно-политическое отрицание смертной казни сыграло свою роль, устранив смертную казнь за ряд преступлений, усилив гарантии при применении ее, устранив публичность ее. Но оно не в состоянии было подняться до степени отрицания смертной казни как

меры государственной политики, так как самый вопрос о действительности или недействительности смертной казни в смысле репрессии за преступления не был решен вполне окончательно.

Необычный рост государственной власти с половины XIX века, начавшийся главным образом вследствие установления представительных учреждений в Европе, приводит к чрезвычайному усложнению функций власти. Государство становится руководителем хозяйственной жизни страны, примиряет классовые противоречия, во много раз увеличивает заботы об умственном и моральном усовершенствовании населения. В связи с этим необычайно усложняется и правовая жизнь. Требуемое государством поведение уже не ограничивается элементарными действиями, а представляется порою сложною комбинацией актов, стоящих на высоком моральном уровне. Уже не все право может быть правом санкционированным, ибо не повсюду может проникнуть принуждение. Наоборот, значительные области его покоятся на свободном этическом сознании граждан. Это свободное этическое сознание, составляющее фундамент всей правовой системы культурно развитого государства, является силой, необычайно ценной для дальнейшего роста, и разумная государственная политика должна состоять в укреплении и развитии его. Наоборот, внесение государством в народную психику элементов этического гниения, норм, понижающих этический уровень, должно губительно отражаться на дальнейшем прогрессе государства и общества. Поэтому для современного государства возникает проблема уважения к личности, поддержания общественной этики на должной высоте, устранения всего развращающего последнюю, так как в противном случае само государство будет подтачивать свои жизненные силы.

Смертная казнь в современном государстве и является таким гнилостным явлением, отравляющим народную психику. Основанная на крайнем пренебрежении к человеческой личности, приносимой в жертву охране конкретных благ, разжигающая грубые инстинкты и дающая торжество низким сторонам человеческой природы, она, в случае частого применения, способна на многие годы заглушить высокое этическое чувство населения. Заменяя мотивы уважения при повиновении законам мотивами страха

и трепета, она не позволяет добиваться от граждан поведения высокого типа, ибо трусливый раб не может свершить того, что в состоянии сделать свободный гражданин. Строя благополучие настоящего на подтачивании ростков будущего, она всегда ослабляет государство, делая его менее способным к культурному развитию. Не с уголовно-политической, а с государственно-политической точки зрения поэтому должна быть отвергаема смертная казнь. Она непригодна не потому, что не достигает своей цели как наказание, а вследствие того, что мешает культурному росту государства, забота о котором составляет первую обязанность разумной власти.

Фактически мы видим, что вопрос о смертной казни давно вышел за пределы уголовного права и стал вопросом государственной политики. Назначение и исполнение смертной казни есть уже не столько дело суда, сколько дело органов, руководящих политическою жизнью страны. Суд только высказывается первым, но за ним обязательно должен раздаться голос правительства и голос верховной власти, желающей или не желающей применить право помилования. Во всех странах Запада каждый акт приведения смертной казни в исполнение становится делом политики, по которому высказывается общественное мнение, парламент, министерство. В странах, где смертная казнь применяется зависимыми от власти военными судами, где применение ее зависит от объявления исключительного положения, от передачи соответственного дела в военный суд, от конфирмации главнокомандующего, — там это значение казни как меры чисто государственной политики, а не меры карательного возмездия со стороны беспристрастного закона, еще более усиливается.

А если применение казней есть мера государственной политики, то мы вправе спросить, какими основаниями руководствуется государство в каждом конкретном случае. Жизнь нам подсказывает здесь только один ответ: применение казней — это демонстрация силы в руках фактически слабой государственной власти. Если правительство признает, что оно не может предупредить преступность иными средствами, кроме казней, то этим оно указывает, что потеряло всякое руководящее значение в народной жизни, что силы, творящие правопорядок и двигающие развитие государства, не оказывают ему достаточной

поддержки. Если казни признаются мерой успокоения, то это значит, что правительство видит это успокоение в установлении застоя, так как действие более глубоких факторов брожения не может быть приостановлено смертными казнями. Виселица или топор устраняют лишь то, что выходит виднее других на поверхность, оставляя все ту же пучину внутри. Можно многое сказать, оценивая смертную казнь как меру государственной политики. Наша задача исчерпывается лишь тем, что мы наметили эту точку зрения как единственно правильную при рассмотрении вопроса о смертной казни в современном государстве. И история вопроса о смертной казни в России за последние годы показывает, что эта точка зрения являлась все время доминирующей. Каждая эпоха вносит свою точку зрения на смертную казнь. Исчезнут остатки государственной косности и старины, ослабнет принудительный характер государственной власти, и этические моменты в отрицании смертной казни выдвинутся еще сильнее. Воспоминание о казнях покажется столь же мрачным для грядущих потомков, как ныне мрачные страницы средневековых пыток и мучительств, и стыдно будет потомкам за тех, кто делал виселицы одним из атрибутов государственного правосудия.

Кропоткин Петр Алексеевич (1842—1921) — русский революционер, публицист, социолог. В 1872 году вступил в I Интернационал, примкнув к М. А. Бакунину. В 1873 году составил записку «Должны ли мы заняться рассмотрением идеала будущего строя» — важный документ народничества. В 1874 году арестован, в 1876 — бежал заграницу. Летом 1917 года вернулся в Россию. Проповедовал «классовый мир», «безвластный социализм».

Наказание смертной казнью

Статья опубликована в сборнике «Против смертной казни».

Ныне существующая система наказаний представляет собою пережиток понятий, сложившихся в давно прошедшие времена. В ней есть следы *родовой мести, уплаты* за причиненное зло, установившейся в эпоху общин и, наконец, *системы устрашения*, выработанной в деспотических монархиях и теократиях Востока. Но главным образом выработана была нынешняя система наказаний с целью охранения привилегий, захваченных имущими и правящими классами. И уже в силу этого к ней нельзя относиться иначе, как с самым беспощадным отрицанием.

По мере того как идею мести становилось все труднее защищать в современном обществе, для оправдания нашей системы наказаний стали все более и более настаивать на том, что она необходима для устрашения людей с преступными наклонностями, а также для устранения преступников из общества. При этом наиболее лицемерные из ее защитников прибавляют еще, что она имеет целью также и *исправление* преступников. Несмотря на равнодушие общества и даже реформаторов к этому вопросу, за последнее время было сделано, однако, немало исследований, которыми доказано, что ни одной из названных трех целей наша система наказаний не достигает. Тюрьмы не только не устрашают заключенных и не исправляют их, но, напротив того, они толкают их на новые и худшие преступления, так как делают их еще более неприспособленными к жизни общественной, усиливают в них неохоту или даже ненависть к правильному труду и разви-

вают в половом отношении такие наклонности, которые прямо намечают их в кандидаты на уголовное преследование.

Из вора тюрьма делает виртуоза воровства или же грабителя; из человека, провинившегося в чем-нибудь небольшом против общественной нравственности, она делает одного из типов, описанных Крафтом Эббингом, и т. д. Так что из моих личных тюремных наблюдений и многочисленных бесед с людьми из тюремной администрации в Европе и Америке я мог только вынести одно непреложное заключение: *тюрьма* — всякая тюрьма, в силу основных ее начал, — есть *университет преступности*. Кроме того — и на это обстоятельство, совершенно упускаемое из виду, следует обратить особое внимание — всякая тюрьма и всякий суд, поощряя шпионство, донос и провокацию, сыскную полицию и частные сыскные агентства, становится центром распространения в обществе разврата в самых отвратительных его формах.

Но если, говоря вообще, наша система наказаний не достигает своих целей исправления и устрашения, а, напротив того, наши тюрьмы постоянно ухудшают формы преступности, то смертная казнь точно так же, как и пытки, является совершенно лишней жестокостью, которая в свою очередь служит только распространению и усилению жестокости в обществе.

Известно, что в странах, уничтоживших у себя смертную казнь, количество преступлений, наказывавшихся смертью, *никогда* не увеличивалось. Известно также, что в Англии и во Франции наиболее зверские убийцы выходили именно из той толпы, которая в ночь перед казнью собирается вокруг тюрьмы или на площади и проводит всю ночь в пьянстве и разврате. В Женевской Республике смертная казнь была уничтожена после того, как один убийца сознался, что за несколько лет перед тем он совсем еще молодым человеком присутствовал при одной смертной казни. С тех пор мысль об убийстве не покидала его. Известно, наконец, что в Англии, где в начале XIX века казнили за множество проступков, например за кражу белья, развешанного на задних дворика, число подобных проступков после уничтожения казни за них отнюдь не увеличилось, а, напротив того, вследствие действия общеизвестных общих причин, шло уменьшаясь.

Теперь по вторникам и по средам все дворики в предместьях больших городов бывают завешаны бельем, и много его остается на ночь в самых пустынных улицах на границе полей, не пропадая. Между тем в Англии, где вешают до сих пор с библейской свирепостью за убийство, убийства свирепее, чем где бы то ни было.

Словом, имеется громадная масса фактов, доказывающих *ненужность, зловредность* смертной казни. Только косность ума да трусость собственников удерживают этот пережиток варварских времен.

С другой стороны, нет сомнения, что факт существования смертной казни поддерживает в обществе мысль, что убийство есть хорошее средство возмездия и представляет собой действительное средство устрашения против злодеяний лиц, принадлежащих к правительству и к эксплуатирующим классам. И покуда смертная казнь будет существовать, будет существовать также и убийство со стороны угнетаемых.

Вообще за последнее время человеческая жизнь истребляется в таких количествах и так бесшабашно не только на войне, но и в видах устрашения крестьян и рабочих и подчинения их богатым и правящим классам, что человеческая жизнь перестает считаться чем-то ценным. Достаточно вспомнить о массовых избиениях в Париже после падения Коммуны, в Милане, в крестьянских бунтах в Андалузии и по всей Италии и, наконец, в последнее время в России. За белым террором всегда, однако, следует красный террор, и последний является, таким образом, прямым порождением первого.

Единственный выход для современного общества — это признание высшего начала, чем месть и устрашение. Нужно признать открыто, что узаконенное устрашение, возведенное в систему и производимое судом и палачами под предлогом охранения общества, оказалось ложным началом, недействительным для намеченной цели и пагубным для общественной нравственности. Что же касается до смертной казни, то пора признать, что не только она ненужная жестокость, но она главный источник, который поддерживает в обществе жестокость нравов.

Колоколов Георгий Евграфович (1853—1909) — **видный русский криминалист второй половины** XIX — начала XX века, профессор Московского университета.
Его перу принадлежат крупные монографические исследования: «К учению о покушении».
М., 1884; «О соучастии в преступлении». М., 1881, а также Курс лекций по общей части уголовного права.
Литографированное издание, 1899—1900 гг.

Фрагмент из курса лекций «Уголовное право». М., 1899—1900 гг., с. 567—568.

В теоретической литературе было много попыток доказать необходимость смертной казни, но ни одна из них не выдерживает и слабой критики. Наиболее ревностными ее защитниками являются сторонники абсолютных теорий Канта и Гегеля. Смертная казнь необходима, по их мнению, потому что для некоторых наиболее тяжких преступлений невозможно найти другого эквивалента. Но такие доводы могут быть убедительны только для того, кто смотрит на наказание, как на осуществление абсолютной справедливости. С рациональной точки зрения весь вопрос должен сводиться к тому, необходима ли смертная казнь для удовлетворения частной мести или для общего и частного предупреждения преступлений. Как бы ни было драгоценно благо, разрушаемое преступлением, чувство возмездия, возникающее в потерпевшем, при современном состоянии культуры может быть достаточно удовлетворено другими средствами, кроме смертной казни. Ясно поэтому, что последняя не составляет необходимого условия для ограничения мести — самоуправства. Далее, устрашающее действие уголовной угрозы зависит главным образом не от жестокости наказания, а от его неизбежности. Статистические таблицы убеждают нас в том, что ни ограничение сферы применения смертной

казни, ни полное ее уничтожение никогда не влекли за собой увеличения числа преступлений. Затем, данные опыта доказывают, что неисправимых преступников нет, а если это так, то предупреждение рецидива всегда может быть достигнуто посредством исправительных наказаний. Но если даже допустить, что в известных случаях можно быть вполне убежденным в неисправимости преступника, то для предупреждения рецидива вполне достаточно таких мер, как пожизненное тюремное заключение. В доказательство нерациональности смертной казни можно привести еще и другие чрезвычайно верные соображения. Так, она не удовлетворяет ни одному из условий, требуемых от наказания вообще.

Ефимов Евгений Николаевич, русский криминалист, доцент кафедры уголовного права Московского университета. Автор крупной монографии «Природа преступления».
Часть 1. Естественнонаучная теория преступления. М., 1914.

Статья написана
для сборника
«О смертной казни.
Мнения русских
криминалистов».

«Не надо быть пророком, чтобы сказать, что недалеко то время, когда смертная казнь исчезнет из уголовных кодексов».

В 1902 году проф. Таганцев снова повторил слово в слово свое предсказание. А через три-четыре года потоком полилась кровь казненных, и за последние два года убито на законном основании почти втрое больше числа верстовых столбов от Москвы до Петербурга. Предсказание не сбылось. Где же ошибка? Предсказатели неверно ли оценили факты и произвольно заключили от них к будущему, или прогресс науки мнимый: в ее изысканиях о смертной казни допущены логические ошибки, подчеркиваемые теперь кровавыми чернилами сухим учителем — жизнью? Нет, наука не виновата в несбывшихся мечтах благородных предсказателей. В течение 143 лет со времени издания «О преступлениях и наказаниях» Беккариа она трудилась над разрешением проблемы неутомимо, честно, с борьбой и сделала все, чтобы разрушить эту «последнюю, важную позицию» варварского уголовного права. И, думается, нового здесь сказать уже нечего. Просмотрите речи в нашей Государственной Думе, во французской палате — в них нет ничего, что не было бы уже сказано с трибуны или в печати. В области теоретической оценки этого вида наказания все измерено, взвешено и определено. Логика исчерпала свои средства, и, тем не менее, смертная казнь продолжает свое очевидно антилогическое существование. Не логика, следовательно, является законом развития и смерти этого «гнусного» учреждения. Вот почему, между прочим, нельзя упрекать и наших

предсказателей за их несбывшиеся предсказания: в руках ученого и философа есть единственное средство познать и оценить явление — логика. Но ей-то и не поддается смертная казнь.

В своем классическом исследовании проф. А. Ф. Кистяковский подчеркивает, что смертная казнь до сих пор сохраняется в законах и в практике потому, что еще не угасли окончательно те элементы и силы, которые ее создали и питают. Каковы эти силы, он с полной определенностью установил для времени, предшествующего его работе. Это — рабство в той или другой форме, привилегии меньшинства, усугубляемые помилованием, снисхождением судьи вследствие кастового пристрастия, господством духовенства и т. д., словом, обобщая содержание исследования в выражениях самого же автора, те учреждения, которые ценность жизни одних — меньшинства — подымают высоко, жизнь же других — большинства — ценят дешевле жизни кролика, зайца, голубя, куропатки. Таким учреждением у нас, так сытно питающим смертную казнь в XX веке, является государство в русском смысле слова, то есть организованный союз 130 000 семейств, для которых остальные десятки миллионов людей — лишь питательное вещество, и ценность этих людей определяется не их человеческим достоинством, но степенью их питательности. Я не могу входить в анализ, простой по своей консистенции, структуры этого государственного образования; отмечу лишь, что для него характерны то равнодушие, с которым оно относится к преступлениям в среде этих миллионов людей, снисхождение к преступлениям членов государства против последних и неутолимая жестокость за преступления последних против первых, хотя эмблемой правосудия остается все та же Фемида, правда, без повязки на глазах. Но это усовершенствование необходимо, чтобы увереннее действовать тем, что заменило в ее руке весы — виселицей. Но есть еще одна черта, чрезвычайно типическая — это стремление присвоить себе «право», фактически впрочем осуществляемое, казнить людей без закона, без суда и без следствия, то есть просто по встретившейся надобности; таков по крайней мере смысл рапорта варшавского генерал-губернатора от 18 ноября 1906 г. за № 2627. В старой Франции существовал закон, каравший смертью крестьянина за убийство зайца, кролика

8 Зак. 702

и т. д. в господском парке. Жизнь человека была там, следовательно, равноценна жизни этих животных. Цена невысокая, но все-таки имелся эквивалент. У нас пошли дальше: смертная казнь применялась в случаях, неосязаемых ни для гражданского, ни для военного прокурорского надзора, то есть ценность человеческой жизни понизилась до нуля. Эта черта интересна потому, что свидетельствует об утрате государством сознания о дозволенном и недозволенном в нравственном отношении. Оно, следовательно, аморально и в этой аморальности заключается важный жизненный нерв смертной казни.

Другой источник, питающий ее, такой же богатый, как и первый, но более печальный и угрожающий — это прогрессирующее понижение субъективной ценности жизни и чувства человеческого достоинства в массе. Свидетельств этого факта много, но я укажу лишь на колоссальную эпидемию самоубийств, дающую еще более грандиозный поток смертей, чем казнь. Но как же человек может заставить уважать свою жизнь, если он сам ее не ценит? Причины этого явления, конечно, сложны, но мне кажется, они не исчерпываются современной политической и экономической слабостью русского человека. В нем самом есть недочет, убыль идеализма, — единственное, что делает зоологического человека человеком — личностью, повышает субъективную ценность жизни и дает ей силы «pour se faire respecter[1]». Вот почему усилия друзей человечества должны быть направлены не на отыскание новых аргументов против смертной казни, но на поднятие самосознания и чувства человеческого достоинства в массе: обществу, члены которого умеют только умирать, грозит худосочие; а худосочие представляет благодарную почву для болезненных, часто смертельных, процессов. Освободиться от них можно только подъемом жизненных сил организма.

[1] Чтобы внушить к себе уважение.

Казнь по суду

Сведений о Владимирове не найдено. Сборник «Против смертной казни»

Россия переживает время пыток, время казней... Человеческая жизнь приносится в жертву будущему счастью народа. Руками правительственных палачей проливается ежедневно кровь лучших людей нашей Родины.

Кровь льется ручьями. Каждый день приносит новые известия о новых жертвах, новых казненных через повешение, через расстреляние... У правительства не хватает теперь палачей: работа их так горяча, спрос на их руки так велик, что приходится или увеличить штаты и расширить институт своих палачей, или же придумать русскую гильотину. На чем же оно остановится?..

Тот, кто подписывает смертный приговор, или прокурор, оканчивающий громовую обвинительную речь словами: «Я требую от вас, господа судьи, во имя справедливости смертной казни!», разве оба они не знают, что отнимать жизнь человека нет ни у кого права и что такого права никто дать не может? Жизнь дарована не ими, поэтому отнимать эту жизнь никто не имеет права. Жизнь — это бесценный дар природы, которым владеет каждый по праву, данному самой природой, и никто не может его оспаривать. Поэтому одинаково, как коллегия лиц, подписавших и конфирмовавших смертную казнь, так и те, кто приводит дело в исполнение, работают совместно, рука об руку как палачи, проливающие человеческую кровь. Как те, так и другие одинаково создаются правительственным режимом, спросом на их преступные руки.

Разница только одна: палачей низшего ранга все ненавидят, открыто позорят, кричат им в лицо «палач!»; палачей же высшего ранга окружают почестями, вниманием и благодарностью, как охранителей порядка и справедливости, защищающих лиц, власть имущих, целость их награбленных богатств, их позорные кровавые дела, их сытость.

Поэтому воздух не оглашается, как в первом случае, свистками и заслуженными кличками, а лишь в глубине

сердец честных граждан имена их записываются, как в скрижали истории, на вечное проклятие и позор.

* * *

Когда Катина и Кузнецова утром выводили из «секретки» под вооруженным конвоем и они шли по узкому проходу тюремного двора мимо камер своих товарищей — политических заключенных, те повскакивали на окна, приветствовали борцов-мучеников радостными криками, пропели им похоронный марш... Этой песне вторила буря, и ветер с неимоверной силой крутил и злился и обдавал снежной пылью разгоряченные лица товарищей, высунувшихся в открытые форточки.

Ведь один из тех, кого вели на заседание трибунала, был совершенно невинен. Все улики сводились против него только к тому, что он побежал после того, как Катин выстрелил в Богдановича и при обыске у него нашли револьвер. Разве это доказательство виновности? А ведь суд присудил его к смерти!

Это понимали все... Все были уверены...

На суде Катин показал, что он убил Богдановича, он один и больше никто. Кузнецов невинен и никакого участия не принимал.

Кузнецов показал, что он не убивал Богдановича, не принимал участия, находился в толпе совершенно случайно.

Невиновность Кузнецова чувствовалась всеми, она доказана, неоспорима. Смерть этого несчастного, невинного человека, как призрак бродила в этом зале между креслами суровых инквизиторов и торопила их скорее прийти к желанному концу.

Состояние присутствующих было ужасное. Не хотелось верить, что это был действительный суд в цивилизованной стране. Это — суд средневековый, сколок с испанской инквизиции. Та же тяжелая атмосфера, удручающая жестокость, несправедливость, жажда крови...

Все знали, что уже во время судопроизводства губернатор Лауниц сообщил прокурору, чтобы он позаботился о приготовлениях к казни. К чему же этот суд, когда с утра готовятся для двух лиц столбы, следуют распоряжения...

После продолжительного совещания судьи вынесли приговор: смертная казнь обоим, и тут же объявили им, что

права кассации они не имеют и что казнь будет немедленно приведена в исполнение.

Вскоре собрались все власти, и Катина и Кузнецова вывели из «секретки». Они шли без шапок, в верхней одежде; их окружали четыре тюремщика с факелами, дальше шли казаки, вдоль стены двора были расставлены часовые.

Наступила тишина.

Они приблизились к столбам, их привязали.

Подошел священник с крестом в руках.

Они отказались, послав его к тем, кто осудил и кто прольет их кровь...

Им прочли смертный приговор. Они выслушали его твердо, молча.

Раздалась команда: «Ружья на плечо!»

Прошла длинная пауза, затем: «пли»... второй залп... и все смолкло...

При осмотре врача, приглашенного констатировать смерть казненных, оказалось, что один из них был мертв, а другой еще дышал. Присутствовавшие власти забеспокоились и готовы были подвергнуть умирающего новому расстрелу, но врач на заданный ему вопрос заявил категорически, что несчастный скоро умрет сам, так как раны смертельны.

Действительно, через некоторое время смерть прекратила его ужасные мучения.

* * *

Спиридонова была весела, улыбалась и приветливо качала головой при встречах со своими знакомыми, когда ее везли в суд. Был одиннадцатый час утра. Рядом с ней сидел на извозчике жандарм.

Она была бледна, только щеки неестественно горели красными пятнами, да темные круги под глазами придавали ей что-то загадочное. Большие глаза, казалось, смотрели откуда-то из глубины, из черной пропасти и оттуда горели прекрасным огнем. Эти глаза ощущали близость смерти. Она знала, что другого приговора, кроме того, который она получила, т. е. смертной казни, и не могло быть.

Да кроме того, смерть ей будет желанным концом, выходом из настоящего положения...

Суд продолжался всего три-три с половиною часа.

На суде Мария держала себя очень просто, объяснения давала в живой, образной форме, много смеялась хорошим безыскусным смехом.

И эта готовность к смерти, такое равнодушное отношение к жизни, в то время, когда полной грудью вдыхаешь в себя весенний воздух, когда нежные лучи ласкающего солнца яркими красивыми бликами ложатся на щеки, на лицо, когда кругом шум, говор толпы с ее животной потребностью хвататься за жизнь до последней капли своей крови — все это производило ужасное, потрясающее впечатление.

Ее спокойная, плавная речь, излагавшая во всех подробностях обстоятельства убийства Луженовского со всеми мелочами и деталями, искренность действовали подкупающим образом на слушателей, на весь персонал суда.

Рассказывая о Луженовском, рисуя картину тех деяний палача, от которых жутко становилось судьям, обрисовывая личность того, кого она убила, в ярких сильных красках, она завоевывала себе всеобщую симпатию.

Ее маленькая фигурка выделялась на этом судбище среди окружавших штыков, серых солдатских шинелей и грубых лиц судей как светлый луч, упавший в подземное царство, где господствуют темные силы, произвол и анархия.

Подкупающим образом действовало на судей и сознание того ужаса, тех мук, которые пришлось пережить этой хрупкой по внешности, но могучей по духу женщине. Протокол осмотра следов истязаний на ее теле, прочитанный на суде тюремным врачом Финком, уничтожил всякие сомнения в них. Судьям стало страшно и жутко. В них проснулась совесть. Неужели им придется добить эту несчастную девушку, повесить ее?..

Минута борьбы была тяжелая и трудная. Они искали какого-нибудь выхода и нашли его в следующем: «заслуживает снисхождения, ходатайствовать о помиловании»...

Но сколько новых и сильных страданий причинили они этим бедной, измученной Спиридоновой. По словам доктора Финка, который ее теперь лечит, в тюрьме у нее развился туберкулез легких в жестокой форме, и она тает с каждым днем на его глазах.

По его мнению, она не в состоянии будет перенести этапного пути в каторгу и умрет в дороге.

* * *

Как искра облетела всю Россию телеграмма из Севастополя, напечатанная в «Руси»: «Если Петербург не сделает немедленного распоряжения, то приговор о Шмидте завтра, в субботу, будет приведен в исполнение. Делаются грозные приготовления».

Эта телеграмма поразила всех.

Не хотелось верить этому; всем казалось, что если правительство не казнило его сразу же после приговора суда, то не казнит его вовсе, помилует. Каждый гражданин лелеял в душе своей глубокую уверенность, что кровь не прольется, что правительство не проявит себя столь жестоким.

Протест всего общества настолько ярко был выражен в прессе, такие горячие пожелания высказывались лицами всех слоев, что после этого каждому думалось, что лейтенант Шмидт и матросы должны остаться живы.

Но 6 марта грустная действительность показала другое.

В 4 часа утра, когда первые лучи восходящего солнца позолотили широкий простор волнующегося моря и светлыми переливами отразились в свободных шумных волнах, была совершена казнь.

Шмидта и трех матросов казнили.

Эта казнь подействовала на всех так тяжело, так удручающе, что из сердец их вырвался стон.

Только силою оружия, силою штыков могла совершиться казнь как издевательство над чувствами народа. Не «право» высших руководящих сфер как органов, стоявших во главе народа, а только физическая сила дала возможность бросить вызов своему народу и посмеяться над его лучшими стремлениями и желаниями.

Но ведь это не есть победа правительства. Чего достигло оно, казнив Шмидта? Что доказало оно себе и другим? Только свою слабость, бессилие и жестокость!

Разве в том не видна слабость правительства, что, убив человека, оно тем самым создало в сердцах всего народа память об убитом как о любимом народном герое.

Оно уничтожило Шмидта, убило его тело, его физическую оболочку, но дух его, образ живы в каждом человеке. Правительство не могло этого убить. Оно бессильно при помощи штыков убить в душе людей близкий и дорогой им облик казненного. Народ поставит ему как борцу за свободу дивный памятник на пустынном острове Березань. То, что живет в душе людей, будет вылито в виде исторической статуи, напоминающей потомкам, что сила не в штыках и в нагайках, а в народе, в его творческой силе. Это будет апофеозом поражения правительства и победы народа.

В 9 часов вечера накануне казни в каземат, где содержался Шмидт, явился священник Бартенев. Шмидт исповедался, был сосредоточен и кроток. Не так держали себя со священником остальные приговоренные. Когда тот стал их утешать и делал ссылки на евангельское учение, они оборвали его и просили указать то место в Евангелии, где сказано, что человек может лишать жизни другого человека. Когда же священник не знал, что ответить, они попросили оставить их в покое. Священник на это обиделся и пожаловался на матросов Шмидту.

Всю ночь Шмидт бодрствовал, писал письма сестре, сыну и другим родным.

В 3 часа утра к нему вошла стража и сообщила, чтобы он готовился. Через потайные двери приговоренные были сняты на баржу и их повезли на остров Березань.

Здесь были командир и офицеры «Прута», жандармский ротмистр, священник, четыре готовых гроба, вкопанные столбы, лопаты...

Расстреливали их матросы канонерской лодки «Терец» в числе 60-ти человек. Они были выстроены в 50-ти шагах от столба, имея в тылу 3 взвода войск, поставленных на всякий случай.

Шмидт быстро направился к месту казни. Он обратился с прощанием к братьям-матросам, к солдатам, просил не забывать лейтенанта Шмидта, проливающего кровь за любимый народ, за его свободу и счастье, за Родину. «Таких как я много, будет еще больше!»

Простился с офицерами, расцеловался с командиром «Прута» и просил не привязывать себя к столбу и не закрывать лица мешком.

Он был без шапки, в одном белье. Стоял с открытым

благородным лицом, с высоко поднятой головой. Со слезами простился и поцеловался он с дорогими товарищами по несчастью, приговоренными к смерти.

Раздалась барабанная дробь... Еще минута... Матросы взяли ружья на прицел... Всего было десять залпов...

После четвертого залпа пули перебили веревки, и Антоненко и Частник свалились. Шмидт упал навзничь. Гладков повис на веревке...

Антоненко и Частник долго бились в судорогах на земле, их прикончили двумя выстрелами.

Казнь без суда

Для полноты картины современных казней нельзя не отметить и упрощенных приемов, при посредстве которых отнималась жизнь человеческая, когда власти решали откинуть всякий стыд и страх и всю излишнюю ненужную комедию суда. И тогда суд упразднялся.

Казнили людей по спискам, по указаниям шпионов и сыщиков, полицейских и черносотенцев, казнили без суда и следствия, без права сказать свое последнее слово, без возможности знать за минуту до смерти, что будут убиты, без молитвы, без покаяния, без последнего «прости» своим детям, женам, родным.

Набросаю картину кровавых действий на протяжении ста с лишним верст по Московско-Казанской железной дороге, которыми правительство отомщало народу за все его стремления к свободе, к свету, к улучшению своего экономического быта. Целым рядом жестоких казней без суда оно решило оставить в памяти местного населения неизгладимый след кровавой вакханалии с безумными жестокостями, упиваясь ими в своей дикой злобе.

И правительство достигло своего.

Это вселило ужас, который кровавым призраком гнался вслед за уходящим поездом, где жестокие мстители праздновали свою кровавую победу под стоны умирающих, избитых, израненных людей.

* * *

Это происходило днем около 3 часов.

Совершенно случайно, проезжая на лошадях через Люберцы, машинист Ухтомский остановился в местном трактире, ничего не предполагая о пребывании солдат на станции. Когда его обыскали, то нашли при нем револьвер, задержали и отправили к офицеру на станцию.

На допросе он не говорил своей фамилии.

Офицер, просматривая список, имевшийся у него в руках, и фотографические карточки, сличив одну из них с оригиналом, воскликнул:

— Вы — машинист Ухтомский, вы будете расстреляны.

— Я так и думал, — хладнокровно ответил Ухтомский.

На месте казни ему предложили завязать глаза, он отказался, говоря, что встретит смерть лицом к лицу.

Его случайные товарищи по расстрелу молили офицера даровать им жизнь, становились на колени, рыдали. Минута перед казнью была ужасна.

Ухтомский молча смотрел на приготовления, потом обратился к солдатам: «Сейчас вам предстоит исполнить долг согласно вашей присяге. Исполните его честно, так же как я исполнил честно долг перед своей присягой; но наши присяги разные. Капитан, командуйте»...

Раздался залп... Рабочие упали.

Ухтомский остался недвижим со скрещенными руками на груди. Ни одна пуля его не задела.

Раздался второй залп, и он упал на снег... Он был жив, в полном сознании, ужасным взглядом смотря на окружающее.

Капитан, видя его живым и желая быть «милосердным», приблизился с револьвером в руках и прекратил его мучения выстрелом в голову.

* * *

Когда поезд подходил к станции «Голутвино», солдаты стали спрыгивать, не ожидая остановки, на тихом ходу с площадок вагонов, заняли переезд на Коломенский завод, рассыпались по путям станции, окружили все запасные пути, станцию и прилегающую дорогу. Внутри окруженного пространства оказалось человек 300, которые были препровождены на станцию.

На платформе было много народа, но сразу все отхлынули внутрь вокзала.

Затем вышел полковник Риман с московскими жандармами. Ко всем входам и выходам станции были приставлены часовые, главный же выход на улицу был заколочен еще до приезда семеновцев.

Дежурным по станции в это время был Тупицын. Его задержали в дежурной комнате, а дежурство сдали Климову. Тупицыну не позволили выходить из этой комнаты. На станции в это время случайно находился и начальник станции Надежин.

При обыске у машиниста Варламова нашли револьвер со сломанным курком, и он не хотел отдавать его солдатам, говоря, что этот револьвер стрелять не может, что он нес его в депо для исправления.

Когда его привели в дежурную комнату к полковнику Риману, Варламов сказал:

— Позвольте мне объясниться, ваше высокородие, я — железнодорожный машинист Варламов.

Полковник прервал: «Застрелить его», — и приказал вести его на кухонное крыльцо.

Солдаты направились через зал III класса, сзади за ними последовал Риман. Никто не верил, что машиниста расстреляют. Всего меньше верил сам Варламов и спокойно прошел через толпу, наводнившую залу. Но какой ужас овладел всеми, когда с того крыльца явственно донеслись револьверные выстрелы.

Сомнения не могло быть.

Риман, возвращаясь в зал с револьвером в руках, натолкнулся у буфетного прилавка на запасного фельдфебеля 1-й роты Ильичева, только что возвратившегося из Маньчжурии. Событие совершилось слишком быстро, внезапно... и трагично.

Одни утверждают, что Ильичев не посторонился, другие, что не отдал чести; некоторые говорили, что Риман придрался к его небрежному костюму, и в ответ на какие-то слова Ильичева полковник крикнул:

— Посмей только кто слово сказать — расстреляю...

Первая пуля попала в висок, а две остальные в затылок, так как в это время фельдфебель уже упал на пол ничком.

Раздалась команда: «Руки вверх», — и начался обыск. Риман с солдатами встал в коридоре, отделяющем

телеграфную комнату от черного холодного выхода. В этом коридоре были только две двери. Дверь направо вела к выходу на улицу. Через эту дверь проходили все те, кто получал свободу. Дверь налево вела в телеграфную комнату, где ожидала несчастных смерть. Никто из входящих сюда не предполагал, что его ждет через полчаса. Заключенные там (10—12 человек) разговаривали между собой, шутили, предполагая, что их скоро выпустят.

В этой же комнате были начальник станции Надежин и помощник его Шелухин.

К 6 часам вечера закончились операции полковника Римана на вокзале. Никто, кроме активных участников его, не знал о случившемся. Все вдовы и сироты были твердо уверены до самого утра, что их мужья, отцы и братья арестованы и что поэтому они и не могли вернуться к своим семьям на ночь.

Вдова Надежина еще с вечера посылала несколько раз на станцию своего старшего сына-гимназиста проведать, где ее муж и что с ним, и каждый раз сын приходил с ответом: «Ничего не узнал, солдаты не говорят, на станцию не пускают».

Утром, когда еще было темно, Надежина послала вновь сына на разведку. «Ничего не узнал», — был его ответ. Несколько раз он ходил туда и все безрезультатно. В это время прибежала маленькая девочка вдовы Шелухиной и говорит:

— У нас папы нет со вчерашнего вечера.

— У нас тоже нет, — ответила Надежина.

Через несколько минут вбегает сын-гимназист с возгласом:

— Убили, всех убили.., — падает на скамью в передней.

Слово «убили» как искра разнеслось по всей местности от одного к другому, из жилища в жилище.

Одни от ужаса не могли понять, где, кого, за что убили. Другие, наоборот, содрогнулись от простоты и ясности представления, что так должно случиться: «они» для того и прибыли сюда, чтобы пролить кровь, убить.

Многие вдовы пошли на станцию искать трупы близких, но и тут они ошиблись; в ответ получили, что все закопаны в яме. Другие вдовы так и не ходили никуда. В немом

исступлении оставались они дома под гнетущей тяжестью рокового вопроса: «За что»?..

Никакие доводы, никакие доказательства, убеждения не могли бы поколебать глубокой веры вдовы Надежина в то, что правительство не могло расстрелять неповинного человека.

В ее воображении рисуется, что офицеры судебным порядком разбирали преступность каждого и после явных, неоспоримых доказательств приговаривали виновных к расстрелу. Таким оказался ее муж. Только вина его осталась тайной для несчастной женщины. Чтобы переубедить ее, ей следовало видеть суд, происходивший в Перове. Там каждый лично, своими глазами убеждался, что тут убивали людей без суда, без вины, иногда в силу какой-нибудь случайности, иногда по случайному раздражению. Убивали на глазах у всех, открыто.

И убили в оставшихся в живых веру в человеческий закон, в поддерживающую его государственную власть, веру в правду на земле, ту веру, с которой дожили до глубокой старости, которую унаследовали от своих дедов и отцов. Там, в Перове, редко приходилось слышать этот роковой вопрос: «За что»?

Наоборот, когда я спрашивал крестьян, «за что» убили сына или мужа, получал резкий категорический ответ.

Там, в Перове, не осталось сомнения, за что казнили стольких людей.

Но бедная вдова Надежина не в состоянии понять того, что так ясно поняли перовцы, и в продолжение двух часов моей беседы с ней слово «за что» не сходило с ее уст.

Много припоминала она «преступностей» своего мужа, но каждый раз, задумавшись после минутного молчания, как судья, углубившийся в свою совесть перед тем, как вынести оправдательный вердикт, она с оживлением говорила: «Нет, нет! не за это... Наверно, есть другая вина. За это нельзя казнить человека! Так за что же? Как это ужасно, я не знаю, за что! Все, что я припомнила, все, что только знала, все, что могло быть поставлено ему в вину, я вам рассказала. Ведь, правда, за это его не могли приговорить к смертной казни?»

Я с ней согласился и хотел было уходить, но она остановила меня и сказала:

«Я хочу спросить вашего мнения; вот я написала письмо к одному из начальников и спрашиваю его, «за что» убили моего мужа. Я вам прочту, и вы посоветуете, послать ли его?»

Я выслушал это письмо.

Именем своих детей она умоляла сказать всю правду, сказать «за что» убили ее мужа? Она просит его потому, что когда дети подрастут, чтобы над ними не тяготела тайна страшного преступления отца, за которое он был казнен. Лучше выслушать горькую истину, нежели томиться в постоянной неизвестности ужасной, страшной тайны преступления. Кончив чтение, она спросила:

«Ну, как, советуете послать это письмо? Получу я ответ на свой вопрос?»

Что должен был сказать я измученной женщине? Получит ли она ответ на свой роковой вопрос: «За что?..» Пусть пошлет она это письмо полковнику Риману, и своей искренностью, тем безысходным горем и страданием, которые чувствуются в каждом слове, в каждой строке, написанной под влиянием глубокой веры в правду, это письмо тронет сердце убившего и он ответит ей также искренне, что он убил ее мужа «невинно».

Боборыкин Петр Дмитриевич (1836—1921) — русский писатель, публицист, критик и историк литературы, театральный деятель, мемуарист, переводчик. Учась в Казанском университете на юридическом факультете, а затем в Дертском университете на физико-математическом факультете, решил посвятить себя литературной деятельности. В 1860 году опубликовал драму «Однодворец», а в 1862—1864 гг. — автобиографический роман «В путь-дорогу». В 70-е годы корреспондент «Отечественных записок» в Париже. Будучи за границей (1865—1871), встречался с Герценом, Огаревым, Лавровым, Бакуниным, интересовался общественными событиями, волнующими Европу, осуждал кровавое торжество реакции, разгромившей Парижскую коммуну. Однако Боборыкин отрицательно относился к революционным методам борьбы. Как писатель отражал в известной мере натуралистическое направление в литературе и был далек от глубоких социальных обобщений. Одним из лучших произведений является роман «Китай-город», в котором рельефно воспроизводятся быт и нравы сытой купеческой Москвы.
Автор мемуаров: «Воспоминания». В 2-х томах. М., 1960 г.
Наиболее известные романы: «Жертва вечерняя», «Солидные добродетели», «Дельцы», «Василий Теркин», «Тяга».

Законное злодейство

Статья опубликована в сборнике «Против смертной казни».

I

Пробил, наконец-то, час, когда по всей России пронесся могучий клич: «Долой смертную казнь!»
Насильственное отнятие жизни, холодное и рассчитанное убийство во имя государственного возмездия или какого-то иезуитского морального равновесия, а в сущности, варварский пережиток... Какой позор!

Да еще пóлно, «пережиток» ли это эпох варварства? Древние наши предки, и не они одни, смотрели на высшее преступление, на убийство, гораздо гуманнее и разумнее, а не с той лицемерной кровожадностью, с какой самые

якобы культурные народы XX века «карают» точно такую же вину перед человечеством. Они брали «виру», заставляли убийцу или его родичей платить роду убитого денежную пеню, потому что для тех это был прежде всего огромный материальный ущерб. Их понятие о «возмездии» было гораздо гуманнее и дельнее. Они все были связаны родовым или общинным бытом. Для них всякая потеря «мужа», члена рода, общины или дружины была слишком чувствительна. И они посмотрели бы, вероятно, как на величайшую нелепость и нечестие, на такой акт «правосудия», путем которого, кроме убитого, подвергался истреблению еще и другой член рода, общины, дружины. Такая очевидная нелепость не приходила им в голову.

А вот мы, утонченные дети общеевропейской культуры, не только терпим такой отвратительный обычай, но целые века ведем теоретические учения, философские прения на эту гнусную тему, силясь доказать всякими софизмами, что смертная казнь не только гуманнее других видов уголовного возмездия, но и справедливее с высшей этической точки зрения.

Нечего греха таить: и такие умы, такие чистые характеры, как Дж. Стюарт, Милль, или Эмиль Меттре, ученик Огюста Конта, поддавались также этой соблазнительной доктрине о гуманности смертной казни, не чувствуя того, что они сами делались жертвами воздействия кровожадного пережитка, который изощрял умы целых столетий на выискиванье доводов в защиту этого чудовищного противоречия в недрах христианства, проповедь которого считается обязательной для самых заскорузлых защитников государственных убийств.

Дело дошло и у нас в настоящую минуту до того, что фарисеи полицейской церковности ехидно спрашивают: «Где Иисус Христос говорит хоть одно слово против смертной казни?»

Им, вероятно, хотелось бы, чтобы Он осквернил Свои уста защитою законного злодейства. Про них-то псалмопевец и сказал: «Яд василисков на устах их».

Такие кощунственные подвохи показывают, что пришел последний день для защитников смертной казни. Для меня

это утешительный признак! Дальше в иезуитских приемах идти уже нельзя.

II

Мне всегда были особенно симпатичны те из защитников свободы и гуманности, кто не хочет входить ни в какие прения *за* или *против* смертной казни. «Она *не должна* существовать!» — вот что они знают, во что верят. И «ultima ratio[1]» в этом *лжевопросе*. Это простое голосование — «да» или «нет» — честных и добрых людей.

Не ученый, не законник, не философ, не резонер-диалектик написал около 80-ти лет назад: «Le dernier jour d'un condamne[2], а поэт и романист Виктор Гюго, создавший своим воображением и трепетным чувством всю трагедию в душе молодого, полного сил, человеческого существа, осужденного на гильотину.

Этот эпизод, размером с небольшой рассказ, составил «эпоху» в истории всемирной литературы...

Весь ужас душевной бури в осужденном на гильотину передан был с поражающей, особенно для того времени, силой, если и не с безусловной психической правдой. Осужденный мог быть и политический преступник, хотя Гюго не выбрал именно этот мотив. Но тогда (в конце Реставрации) смертная казнь за государственные преступления еще была в полной силе. Франция «побила рекорд», как многие выражаются, в жестокости политических кар. Великая революция обагрила себя потоками крови «революционных трибуналов», которые в дни террора не знали другого наказания, кроме смертных приговоров, в чем им до сего дня подражают военные суды. И у них «сказ» короткий: «Повесить!» А в виде особой милости: «Расстрелять!»

Бойня в дни французского террора воспитала в народе, в уличной толпе и в более образованном классе кровожадную похоть к таким отвратительным зрелищам. Палачи, рубя по нескольку десятков голов сразу лучших сынов родины, издевались над ними, а отвратительные бабы,

---

[1] Последний довод, последнее средство (*лат.*).

[2] Последний день приговоренного (*франц.*).

известные под прозвищем «les toirotteuses», сидя под эшафотом, вязали чулки и провожали осужденных циничными криками и ругательствами.

Политические взгляды и принципы (т. е. то, в чем нет и подобия какого бы то ни было «преступления») сделались в культурной Европе главным поводом к беспощадным казням, и Франция только Наполеону III (уже настоящему злодею перед народом и законной конституцией) была обязана отменой смертной казни за государственные преступления, что не помешало ему казнить Орсини, друга Герцена, когда дело дошло до собственной шкуры; а император не был тогда при взрыве бомбы у Оперы даже ранен!

Француз с «традициями» — настоящий буржуа. В Париже и в провинции всякий аристократ — клерикал и патриот, судейский, даже адвокат, католические патеры и их духовные «дщери», миллионы француженок всех классов и слоев общества, крестьяне-собственники, военные — все стоят горой за гильотину, все равно, как за неприкосновенность красных штанов у солдат: «Le pantalon garance!»[1]

Будь это иначе — разве смертная казнь за общие преступления держалась бы еще в республике, имеющей демократическое представительство и избравшей своим девизом: «liberté, égalité...» и в особенности «fraternité»[2]?

III

Кто живал в Париже подолгу, как я, тот знает, что это было за отвращение: публичные казни, происходившие около тюрьмы «La Koquette». Гаже, гнуснее этого нельзя было ничего и вообразить!

Тысячи народа, от светских виверов и первоклассных кокоток до отребья — сутенеров, уличных потаскушек, воров и беглых каторжников проводили всю ночь в окрестных кабачках, пьянствовали, пели похабные песни и с рас-

[1] Красные форменные штаны (*франц.*).
[2] Свобода, равенство, братство (*франц.*).

светом устремлялись к кордону солдат, окружавшему площадку, где высились «les bois de la justice[1]», как официально называют этот омерзительный аппарат.

Издали нельзя было хорошенько видеть, но вся эта масса чувствовала себя в восхищении только от того, что она «была на казни», так лихо и весело провела ночь в ожидании такого пленительного зрелища.

Я все это говорю на основании тех газет, тех отчетов, которые приходилось читать в те годы и всегда с омерзением. И чего я, грешный человек, никогда не мог простить Тургеневу, это того, что он по доброй воле отправился на казнь Тропмана как почетный гость и «знатный иностранец» — того знаменитого Тропмана, убийцы целой семьи, которую он заманил и поодиночке всех перерезал.

Как бы ни соблазнительно было для художника-писателя изобразить то, что он может видеть, ему следует сдержать в себе это нездоровое любопытство. И описанная Тургеневым казнь Тропмана совсем не вызывает того отвращения, какое она сама по себе, по своей идее, должна бы вызывать в каждом истинно гуманном человеке. Каково бы ни было злодейство преступника, оно не ниже сортом *законного* злодейства власти, которая *так* понимает и отправляет правосудие.

В натуре среднего француза сидит еще много жестокости. Это всегда прорывается в революционные эпохи, в ужасах междоусобной войны.

Когда версальцы взяли Париж у коммунаров, в 1871 году, каннибальская жестокость «карательных» отрядов (которых теперь столько расплодилось) дошла до апогея. Генерал Галлиф, когда вел пленных коммунаров в Версаль, остановив их на пути, расстреливал целыми сотнями. Это были не убитые на войне, а казненные без подобия суда. Таким подвигам могут позавидовать и те начальники, которые после московского восстания и в Остзейском крае собственноручно (если верить газетным отчетам) расстреливали рабочих, крестьян, машинистов и начальников станций.

И версальские правосудцы, обходя закон, запрещавший

[1] Виселицы (*франц.*).

смертную казнь за политические преступления, нарядили военный суд, который троих коммунаров приговорил к расстрелу. Я был на этих заседаниях в августе 1871 года и до сих пор слышу гнусавый голос военного обвинителя, какого-то «бурбона» в майорском чине, вижу его уродливую жестикуляцию, сопровождавшую выкрикиванья настоящего «заплечных дел мастера».

IV

И у нас казни давались как всенародные зрелища, вплоть до последнего времени, когда их стали немного стыдиться и производить кровавые экзекуции или безмолвные вздергивания на виселицы келейно, во дворах крепостей и тюрем в такие часы, когда все еще спит.

Картина Верещагина, запрещенная до сих пор в России, обошла оба полушария. На совести покойного художника, так трагически погибшего, осталась его склонность присутствовать при казнях, чем он завлекался и в Турецкую кампанию. Но он взял главным сюжетом своего громадного полотна не самую казнь — ее видно только издали, сквозь петербургскую мглу, — а публику. Он поставил всех этих бесчисленных зрителей спинами и боком к тем, кто смотрит на картину. Прием ловкий!.. А было бы лучше изобразить полную игру физиономий, показать, насколько все эти обыватели всякого ранга и звания *устрашены* казнью; а ведь это, т. е. устрашающее воздействие публичных казней, защитниками их и считается все еще главным аргументом в пользу смертной казни вообще.

В этих фигурах в пол- и четверть лица, со спинами, обращенными к смотрящему на картину, нет никакого ужаса, а только пошлое любопытство, равнодушие и кое у кого злорадство — у тех, кто при проезде осужденных на казнь из крепости на плац зубоскалил над ними. И нашлись писатели «с именем», которые подобрали тогда эти прибаутки толпы.

И наш народ, мягко относящийся к осужденным преступникам, можно легко довести до озверения. Не нужно сентиментальничать!.. И в нем зверские инстинкты

возмездия сказываются достаточно. И в нем нетрудно разбудить зверя. Самосуд крестьянской толпы ужасен. То, что в деревнях делают с конокрадами, известно всем и каждому, а ведь это не что иное, как народно-русский закон Линча.

Еврейские погромы и зверства черных сотен (в ужасные дни после 17 октября), какие учинялись и над природными русскими, над интеллигентами, над юношами и подростками гимназий, курсов, университетов, достаточно показывают, что, если б всех этих защитников «истинно-русских начал» заставить голосовать по вопросу о смертной казни, они, как один человек, стали бы за нее!

Но разве одни только черносотенцы из уличного сброда стоят за казни и экзекуции? Разве петербургская газета, отличающаяся своим «откровенным» направлением, не печатает апологий смертной казни своих почетных сотрудников, причисляющих себя также к сливкам интеллигенции? И если вы знаете, что это за личности, что это за продукты нашего бюрократического болота, то один тот факт, что они именно выступают с пеной у рта за смертную казнь, сам за себя говорит!.. Их скандальная нравственная негодность, смрад и гниль их душонок ждали только такого случая — распустить свое удушливое зловоние... Защита законного злодейства никому не могла быть поручена с большим правом, как таким приспешникам всякого насилия, хищничества и распутства!..

V

Что того же русского безобидного мужичка, переделанного в живую машину, в солдата можно легко превратить в полчище палачей, слишком ярко показали позорные ужасы китайских погромов, предтеч таких же позорных поражений японской войны.

Эти бойни и массовые потопления мирных обывателей в Благовещенске!.. После Ивана Грозного, смирявшего таким же способом новгородцев и псковичей, ничего подобного не происходило ни в Западной Европе, ни в колониях, не исключая и жестоких расправ англичан с сипаями. Но те были вооруженные инсургенты, а тут

беззащитное стадо безоружных китайцев, женщин, детей, стариков...

И эти человеческие «гекатомбы» были не что иное, как массовые казни над населением целых городов и областей. Чтобы их исполнять, и офицерам, и простым рядовым нельзя не таить в себе задатков жестокости. Тут нечего оправдываться дисциплиной, исполнением долга! Такие факты в стране с развитым гуманным чувством должны были бы вызывать не единичные протесты в газетах, а всенародное возмущение совести христианской нации.

А чем хуже собственноручные экзекуции в Москве, ее окрестностях и в Остзейском крае? Эти казни даже специалисты по военно-судной науке называют в печати **убийствами.**

А мы требуем, чтобы не было *никаких* расстрелов, *никаких* казней *и по суду*! Мы живем в государстве, где верховная власть еще полтора века назад торжественно отменила смертную казнь за какие бы то ни было преступления. Но эта отмена была и остается по сегодня облыжной, существующей только на бумаге, да и то лишь для общих уголовных дел. Политические преступления изъяты из категорий тех деяний, которые смертью якобы не наказываются. Исключительные виды репрессии, чрезвычайные охраны и военные положения с их расстрелами и виселицами в корень извращают то, что было создано более гуманным настроением законодателя.

Рухнет казнь за гражданскую борьбу, за взгляды и принципы, за пропаганду, даже за насилия и кровь междоусобных схваток, не будет больше и никаких других «законных» видов казни и за общие преступления.

В этом лежит ядро постыдного вопроса: имеет ли государство право насильственно отнимать жизнь у своих граждан, то есть ограждать себя таким печальным подражанием... самым закоренелым злодеям?

Настанет ли час, когда все, кто считает себя людьми, крикнут: «Нет, не имеет!»

Розанов Василий Васильевич (1856—1919) — русский религиозный философ, литературный критик и публицист. С конца 1890-х годов видный журналист «Русского вестника», «Русского обозрения», «Нового времени». Сборники «Религия и культура» и «Природа и история» свидетельствуют о попытках найти решение социально-философских проблем в церковной религиозности. Розанов выступал с критикой современной ему системы судопроизводства и наказаний, с требованием отмены смертной казни.

Лукавые слова

Статья опубликована в сборнике «Против смертной казни».

«И выпив цикуты, Сократ стал ходить по комнате, пока не почувствовал тяжести в ногах. Тогда он лег и сказал окружающим: «Не забудьте принести в жертву (богу Асклепию) петуха». Так записано в «Федоне» Платона о смерти Сократа, умершего по приговору несправедливого афинского суда. «Жертвоприношение петуха»... какою это древностью звучит! Какая несбыточность для нас, христиан! Уже 2400 лет прошло с тех пор, мы именуемся «христианами»: и вот христианин-палач, окруженный для обеспечения дела христианами-воинами, по приговору христианского суда и во исполнение христианского закона «святой» Руси, затягивает петлю на горле человека и давит его, как кошкодер на живодерне.

Эти живодерни именуются отчего-то и обставлены в «делопроизводстве» не своими словами, не собственными названиями, а уворованными чужими словами из лексикона добропорядочных людей: «уголовный суд», «приговор о смертной казни», «суд приговорил такого-то к повешению», «приговорил к расстрелянию». Когда нужно говорить просто: «мы, судьи, удавили сегодня Петра», «мы приказали солдатам Николаю и Фаддею застрелить мещанина Семена».

«Вешают» платье в гардероб, а человека давят. Кто же говорит о разбойнике: «он повесил домовладелицу такую-то

и конфисковал ее имущество». Разве суд говорит: «Ванька Каин повесил такого-то мирного обывателя и ограбил». Отчего же, когда вешают Ваньку Каина, он обязан употреблять более мягкие термины: «Господа судьи изволили приговорить меня к повешению». И он вправе сказать: «Я удавил помещицу Киселеву, а меня завтра удавят судьи. И все мы — душители: я — вчера, судьи — завтра». И уже читателю остается добавить: «И всем вам та же цена: отродья Сатаны, дьяволы».

Дьявольская эта вещь, при свете дня, в торжественной обстановке творится только государством. Его «регалия»... Все остальные, «последние люди», стыдятся этого; и «средь бела дня зарезал» — это звучит как жалоба на последнюю степень бесстыдства, вызова человеку и человечеству. Обыкновенно ночью, где-нибудь в глубине дома, в гуще леса, в тайге «приканчивает» человек человека... Бр-р-р.., ужас. Только государство, «милое отечество», «седины» родины, барабанит в барабан, сзывает народ, душители надевают мундир, все ордена, становятся, молчат, точно за обедом; и на глазах их удавливают человека.

Черная месса.

Мне кажется, ужас смертной казни удерживается от того в качестве «особой привилегии государства», что, хотя мы и «сознательные христиане», но на самом деле берем все целиком, в комке и не расчленяя, и вовсе не постигаем живым воображением делаемого. И на первую ступень понимания нас не пускают просто эти чужие, неверные слова и термины, которыми мы, как приличной капсулой, обволокли вонючее и нестерпимое содержание.

Спасович Владимир Данилович (1829—1906) — русский юрист, специалист в области уголовного права, профессор Петербургского университета. Спасович автор многочисленных трудов в области уголовного права и процесса, в которых выдвигал требования пересмотра архаичного русского права в целях его приспособления к новым буржуазным отношениям. После судебной реформы 1864 года Спасович — один из первых русских присяжных поверенных, участник многих известных процессов. Он возражал против крайне суровых наказаний, особенно смертной казни. Автор широко известного учебника уголовного права, вышедшего в 1863 году в двух частях: Общая и Особенная.

Статья опубликована в сборнике «О смертной казни. Мнения русских криминалистов».

По уверению ее защитников смертная казнь имеет одно только качество хорошее, но в такой степени, что она им превосходит все другие наказания: она весьма примерна, необыкновенно устрашительна, так что в этом отношении не может быть никакого сравнения между нею и тягчайшим из следующих за нею наказаний — пожизненным заключением. Как ни мрачна и безотрадна жизнь вечного узника, все-таки представление об этом заключении не заставляет стынуть кровь в жилах, не продирает так по коже, как представление о смертной казни. Когда смертная казнь будет вычеркнута из ряда наказаний, то вся система уголовная пошатнется и не будет достаточным образом защищать общественный порядок, — таков корень, таково главное основание смертной казни.

Я много раз старался доказать незаконность этого терроризма, невозможность употреблять преступника как орудие для производства посредством его страдания известных впечатлений на других лиц. Но сделаем здесь уступку, положим, что можно кого-нибудь казнить ради одного только примера, дабы и «иным не было повадно так

делать», как выражалось Соборное уложение 1649 года. Но и при допущении этого предположения придется призадуматься, потому что устрашительность смертной казни весьма сомнительна...

Преступления политические появляются всего чаще только в организмах политических больных и служат верным патологическим признаком не вполне удовлетворительного государственного устройства. В каждом народе есть группы, партии, направления; в каждом народе идет нескончаемая борьба между сталкивающимися противоположными интересами; борьба этих партий и интересов составляет сам процесс жизни народной; каждая же партия представляет собой известную потребность, ощущаемую народными массами. Когда общество так устроено, что известным потребностям — естественным, вытекающим из природы человека и из общежития, нет никакого удовлетворения и выхода, тогда с обществом происходит то же, что с котлом без клапанов и отверстий, который наполнен паром: котел этот будет взорван силою пара.

Та партия, которая представляет собой известную неудовлетворенную потребность, становится в положение, враждебное в отношении к общественному устройству; из нее поминутно выскакивают лица, прибегающие к насилию для разрушения несносного для нее порядка вещей. Общественная власть, видя в них смертельных врагов, казнит их по обезоружении смертью, дабы запугать остальных, причем она ошибается, потому что в казнимых лицах она думает и хочет поразить ту идею, которую они представляют. Но известно, что идея неосязаема. Корень будущих преступлений останется по снесении с плеч той или другой буйной головы; этот корень будет пускать все новые и новые побеги.

Короленко Владимир Галактионович (1853—1921) — русский писатель, публицист, общественный деятель. За подачу в студенческие годы коллективного протеста был исключен из Петровской земледельческой академии и сослан в Кронштадт под надзор полиции.
В 1878 г. выступлением в газете «Новости» началась журналистская деятельность В. Г. Короленко. Под влиянием революционной пропаганды стал «лавристом» (революционный народнический кружок. 1879—1881 гг. — это годы, проведенные в тюрьмах и ссылках. В 1880—1890 гг. пишет много рассказов и очерков в защиту эксплуатируемого народа, выступает с обличением военно-полевых судов, против смертной казни. Вмешательство Короленко в дело Бейлиса помогло добиться оправдательного вердикта присяжных. Сложным было отношение Короленко к революции. Не разделяя полностью взглядов и идей большевиков, он тем не менее активно выступал против контрреволюции, бессудных казней и погромов.
Нам кажется, что из богатейшего литературного наследия В. Г. Короленко в контексте предлагаемого сборника, читателям будут наиболее интересны «Павловские очерки», «В голодный год», «Мултанское жертвоприношение», «Сорочинская трагедия», «Бытовое явление», «Черты военного правосудия».

Из очерков «Бытовое явление» («Заметки публициста о смертной казни»), очерк I, II и III.
Публ. по изд. Короленко В. Г. Война пером. М., 1988.

I
12 мая 1906 года

Ни одно из заседаний всех трех Государственных дум не оставило во мне такого глубокого впечатления, как заседания 12 мая 1906 года.

Прошло полгода со дня знаменитого манифеста. Позади осталась ужасная война, Цусима, московское восстание, кровавый вихрь карательных экспедиций. Двадцать седьмо-

го апреля открылась первая Государственная дума; она должна была отметить грань русской жизни, стать в качестве посредника между ее прошлым и будущим. В ответном адресе на тронную речь Дума почти единогласно высказалась против смертной казни.

Это было последовательно. Во всеподданнейшем докладе гр. Витте, приложенном к манифесту, признавалось открыто и ясно, что беспорядки, потрясавшие в это время Россию, «не могут быть объяснены ни *частичными* несовершенствами существующего строя, ни одной только организованной деятельностью крайних партий». «Корни этих волнений, — говорил глава обновляемого правительства, — лежат, несомненно, глубже». И именно в том, что «Россия пережила формы существующего строя» и «стремится к строю правовому на основе гражданской свободы». «Положение дела, — говорилось далее в той же записке, — требует от власти приемов, свидетельствующих об искренности и прямоте ея намерений». На докладе, в котором были эти слова, государь император написал: «Принять к руководству всеподданнейший доклад ст. секретаря С. Ю. Витте».

Такова была компетентная оценка положения, среди которого созывалась первая Дума. Исторический строй, признанный свыше отсталым и не удовлетворяющим назревшим потребностям современной русской жизни, открыто брал на себя свою долю ответственности за волнения и смуту, охватившие Россию. Ни «организационные партии», ни общество не были повинны в политической отсталости России. Вина в этом падала на единственных хозяев и бесконтрольных распорядителей. Первая Дума сделала из этого вывод: оставьте же старые приемы борьбы, смягчите кары за общую вину всей русской жизни. Это и будет доказательство той искренности и прямоты намерений, о которых вы говорите.

Казалось, историческая власть стоит в раздумье перед новой задачей. «С двадцать седьмого апреля, — говорил в одной из своих речей депутат Кузьмин-Караваев, — ни один смертный приговор не получил утверждения. Напротив, постоянно приходилось читать, что приговор смягчен

и наказание заменено другим...»[1]. В течение двух недель виселица бездействовала, палачи на всем пространстве России отдыхали от своей ужасной работы. Среди этого затишья историческая Россия встречалась с Россией будущей и обе измеряли друг друга тревожными, пытливыми, ожидающими взглядами.

12 мая получилось известие, что виселица опять принимается за работу. Раздумье кончилось.

В Думе происходило обсуждение кадетского законопроекта о неприкосновенности личности... У проекта были, конечно, свои недостатки. На него нападали с разных сторон: для одних он был почти утопичен, для других — слишком умерен. Теперь едва ли можно сомневаться, что будь он действительно осуществлен хоть в значительной части, — Россия вздохнула бы, точно после мучительного кошмара. Весь вопрос состоял в том, может ли Дума осуществить что бы то ни было, или все ее пожелания останутся красивыми отвлеченностями. Призвана ли она для реальной работы, или ей суждено представить из себя законодательную фабрику на всем ходу, с вертящимися маховиками и валами, но только без приводных ремней к реальной жизни.

Случай для ответа на этот вопрос скоро представился и притом в самой трагической форме. Обсуждение законопроекта о неприкосновенности личности было прервано спешным запросом трудовиков: известно ли главе министерства, что в Риге готовится сразу восемь смертных казней?

Еще 11 декабря 1905 года, в разгар преддумских беспорядков, восстаний, усмирений и карательных экспедиций, в Риге был убит пристав Поржицкий. Как известно, в Остзейском крае вообще, в Риге в частности, кризис, вызванный переломом застоявшейся русской жизни, проявлялся особенно резко. С одной стороны, ужасающие газетные известия о пыточных застенках и приемах полицейских репрессий, с другой — убийства сыщиков и агентов власти. Здесь более, чем где бы то ни было,

---

[1] Стенографический отчет о заседании Государственной думы 18 мая 1906 г.

нужно было внимательное отношение к двусторонним проявлениям общей вины и общей ответственности. Искренность, о которой говорил С. Ю. Витте, несомненно требовала передачи дела общему суду при обоюдных гарантиях. При том же этого требовал и формальный закон.

Убийство было совершено 11 декабря. Усиленная охрана заменена военным положением 24 декабря. Предание суду состоялось 15 апреля. Случилось так, что *формально* был промежуток, когда в Риге перестала действовать усиленная охрана, а военное положение еще не вошло в силу. Поэтому военный генерал-губернатор при изъятии дела из общей подсудности вынужден был мотивировать это «усиленной охраной», которая в то время уже не действовала. Это было незаконно: главный военный суд уже кассировал такой же приговор по делу Иогансона и Зегала, передав дело гражданскому суду.

Еще недавно министр юстиции на обращение депутатов по поводу казней забронировался *формальной* законностью: пока смертная казнь не отменена, она действует в законном порядке. Теперь такой же формальный закон защищал восемь жизней. Стоило только применить его, дело было бы рассмотрено общим судом, и восемь рижских виселиц остались бы праздными.

Тем не менее, явно незаконный военный суд состоялся и вынес восемь смертных приговоров. Защитники подали кассационные жалобы, исход которых не мог возбуждать сомнения. Тогда генерал-губернатор *собственною властью не дал хода кассации.*

Общее значение этого эпизода было совершенно ясно. Раздумье кончалось. Исполнительная власть отстраняла общесудебные гарантии и даже на место гарантий военно-судных выдвигала личное усмотрение рижского администратора. Иначе сказать: администрация опять выступала судьей в собственном деле и на основании этого суда, глубоко чуждого самому духу новых учреждений, уже готовила казни.

На этой своеобразной «легальной» почве, около этих восьми жизней, закипела бескровная, но полная глубокого драматизма борьба новой Думы со старой исторической властью. Были пущены в ход заявления, ходатайства, просьбы.

Апеллировали к человеколюбию, к великодушию, к справедливости, к простой формальной законности. Защита подала жалобу в сенат на приостановку кассации и в то же время обратилась с ходатайством на высочайшее имя. Думе, в целом, оставалось только принять запрос. Шестьдесят шесть ее членов подписали отдельное личное ходатайство...

12 мая я сидел в ложе журналистов и запомнил навсегда сумеречный час этого дня, предъявление запроса, речи депутатов, смущенные, полные предчувствий. Среди водворявшейся временами глубокой тишины как будто чуялось веяние смерти и невидимый полет решающей исторической минуты. Это была своего рода мертвая точка: вопрос состоял в том, в какую сторону двинется с нее русская политическая жизнь, куда переместится центр ее тяжести: вперед, к началам гуманности и обновления, или назад, к старым приемам произвола, не считающегося даже с своими собственными законами...

К трибуне подошел В. Д. Кузьмин-Караваев. Речь его была простая, короткая, без громких слов. Раздалось несколько нерешительных рукоплесканий и тотчас смолкли. Председатель поставил на баллотировку предложение: препроводить запрос к председателю совета министров немедленно, без соблюдения обычных формальностей, с указанием на необходимость приостановки исполнения приговора до решения вопроса о кассации, до ответа на ходатайства...

— Кто возражает против предложения, — говорит председатель, — прошу встать.

Не поднялся никто.

В первой Думе тоже были принципиальные защитники смертной казни, и еще недавно высказался в этом смысле екатеринославский депутат Способный. Но еще не было откровенной кровожадности нынешних «правых», требующих виселиц даже для своих думских противников. Решение принято единогласно. Кто не хотел видеть в этом простой справедливости, те чувствовали все-таки святость милосердия и останавливались перед ужасом восьми казней...

И помню, что тотчас по объявлении этого постановления, когда Дума перешла опять к законопроекту «О неприкосновенности», зажгли электричество. Свет залил весь

думский зал, председательскую трибуну, фигуру докладчика на кафедре, амфитеатр думских скамей с фигурами депутатов... И у меня было такое ощущение, как будто тут, в зале есть еще что-то невидимое, но жутко ощутительное, почти мистическое. Может быть, это была неуверенность в спасении восьми жизней, а за ней и во многом другом, что роковым образом сплелось с судьбой этих безвестных восьми людей в Риге... *Дума сделала все, что могла. Но она не сделала ничего,* — кажется, так следует истолковать это странное ощущение. Здесь могут только негодовать, надеяться, скорбеть и высказывать пожелания. А там могут вешать...

Прошло шесть дней. Восемнадцатого мая на трибуну взошел докладчик Набоков, чтобы сообщить ответ председателя совета министров на думский запрос. Ответ был краток и формален. Сущность его, впрочем, была уже известна из газет: рижский генерал-губернатор не пожелал ожидать исхода жалоб на приговор заведомо незаконного суда и распорядился (16 мая) спешно казнить всех восемь приговоренных... [1]

Смысл сообщения был ощутительно ясен; на соображения о законности отвечали заявлением о силе. В Думе полились речи, полные негодования и горечи. «В ответ на наш запрос, — сказал депутат Ледницкий, — нам кинули восемь трупов». «Некоторые из них малолетние», — прибавляет депутат Локоть. Кузьмин-Караваев оглашает звучащую горькой иронией телеграмму Леруа-Болье. Просвещенный француз, знаток и друг России, поздравляет Думу с предстоящей отменой смертной казни. «Этим русский парламент совершит акт милосердия и ускорит прогрессивное развитие человечества». Депутат Родичев еще пытается протестовать против «маловерия», которое темной волной хлынуло в Таврический дворец от этой мрачной генерал-губернаторской демонстрации.

«Вы напишите закон об отмене смертной казни, — утешает он депутатов, — его утвердят, его не могут не утвердить. Неужели вы сомневаетесь, что смертная казнь уже корчится в предсмертных судорогах?»

Увы! Самые оптимистические каламбуры бессильны

---

[1] См.: Наша жизнь, 1906, № 447, 17 мая.

перед фактом. А факт состоял в том, что против потока превосходных слов и проектов рижский генерал-губернатор, разумеется в полном согласии с правительством, выдвинул восемь виселиц. Это было так убедительно, что через десять дней в той же думской зале, тот же депутат Родичев говорил с горьким унынием: «Если мы и признаем обсуждаемую статью (об отмене смертной казни) за закон, в чем же изменится положение дела? Вы убеждены, что этот параграф станет законом и казни прекратятся?.. Но, господа, каждый из нас понимает, что это не так...»

И действительно, это оказалось не так. Кто теперь вспоминает на Руси, что в заседании 19 июня 1906 года в первую Государственную думу внесен законопроект, состоявший из двух статей:

Статья первая: Смертная казнь отменяется.

Статья вторая: Во всех случаях, в которых действующими законами установлена смертная казнь, она заменяется непосредственно следующим по тяжести наказанием...

И что этот законопроект Государственной думой принят... И что он облечен в форму закона... Новый закон унесен потоком событий, смывших первую Думу, а факт остался. Виселица опять принялась за работу, и еще никогда, быть может со времени Грозного, Россия не видала такого количества смертных казней. До своего «обновления» старая Россия знала хронические голодовки и повальные болезни. Теперь к этим привычным явлениям наша своеобразная конституция прибавила новое. Среди обычных рубрик смертности (от голода, тифа, дифтерита, скарлатины, холеры, чумы) нужно отвести место новой графе: «от виселицы». Почти ежедневно, в предутренние часы, когда над огромною страной царит крепкий сон, где-нибудь по тюремным коридорам зловеще стучат шаги, кого-нибудь подымают от кошмарного забытья и ведут, здорового и полного сил, к готовой могиле...

Да, как не признать, что русская история идет самобытными и необъяснимыми путями. Всюду на свете введение конституций сопровождалось хотя бы временными облегчениями: амнистиями, смягчением репрессий. Только у нас вместе с конституцией вошла смертная казнь как хозяйка в дом русского правосудия. Вошла и расположилась прочно, надолго, как настоящее бытовое явление, затяжное, повальное, хроническое...

9 Зак. 702

II
Смертники в Н-ской тюрьме

До сих пор быт русских тюрем знал определенные категории заключенных. Это были «высидочные», отбывавшие срочное заключение по суду, подследственные, пересыльные и каторжане.

«Обновление» принесло еще новую категорию, которой тюремный жаргон присвоил зловещее название «смертники».

Интеллигентный человек, закинутый превратной судьбой в одну из провинциальных тюрем (называть которую он не желает), имел случай наблюдать, хоть не систематически и отрывочно, быт этих людей, ждущих в заключении смертного приговора, конфирмации, казни. Материал, добытый таким образом из случайных встреч, разговоров, урывками и секретно пересылавшихся писем, он предоставил в наше распоряжение, и я хочу познакомить с ним читателя.

Губернская тюрьма провинциального города. Архитектура обыкновенная. По углам главного корпуса четыре башни. Ход в каждую башню из тюремных коридоров, на которые смотрят в два ряда молчаливые «глазки́» камер. В конце коридора крепко запертая дверь, ключ от которой хранится у особых надзирателей. Один из них постоянно караулит вход в башню. За этим входом небольшой темный коридор, ведущий еще к одной двери. За нею круглая башенная камера.

Камера представляет цилиндр, аршин трех или четырех в диаметре. Вверху небольшое окно, забранное двумя решетками. Решетки скрадывают свет, а зимой, когда вставляются двойные рамы, в камере становится так темно, что даже днем читать или писать становится невозможно. Вечером вспыхивает электрическая лампочка, подвешенная к потолку. Она подвешена высоко, и, даже стоя под нею, читать можно лишь с большим напряжением. Ни коек, ни нар в камере нет. Маленький столик и два-три табурета уносятся на ночь. Спать приходится прямо на полу. Стены вверху бледно-серые. Внизу, аршина на два от пола, идет траурная черная полоса.

Камеры верхнего этажа каждой башни лучше. Они суше, светлее; из окон можно видеть город, площадь за

тюрьмой, проходящих по площади людей. Нижние камеры врыты глубоко в землю, так, что их полукруглые окна помещаются на уровне тюремного двора. Люди тут как будто опущены в колодец, траурно-темный, холодный и сырой. Из окон они могут видеть ноги гуляющих по двору арестантов. Против каждой башни стоит надзиратель с ружьем.

Тут помещаются «смертники».

В том году, к которому относятся наблюдения нашего случайного корреспондента, их перебывало свыше сорока. Это были все сравнительно молодые люди, преимущественно рабочие местного крупного железоделательного завода, осужденные по делам об экспроприациях.

Тюремная администрация употребляет все усилия, чтобы изолировать их от остальных заключенных. Для прогулки смертников отведено особое место. В баню их тоже водят отдельно. Но, разумеется, полная изоляция невозможна. На допросы, в суд, на прогулку или на свидания их проводят все-таки общими коридорами, и арестанты смотрят в глазки́ на этих обреченных, уже отмеченных печатью смерти людей. Теми же коридорами ведут их в темные предутренние часы на казнь, и тогда спящие в камерах арестанты тревожно вскакивают, слушая гулкие шаги, порой стоны и предсмертные крики человека, прощающегося таким образом с доступным ему и сочувствующим арестантским миром. Потом шаги и жалобные крики смолкают. В глубокой тишине на заднем дворе совершается последнее действие страшной трагедии... В камерах не спят и гадают, кого это повели только что к открытой могиле...

Порой в часы прогулок гуляющие арестанты слышат откуда-то, точно из-под земли, голоса, громко разговаривающие или спорящие. Порой, особенно в первой половине того года, к которому относится наш материал, из «смертных» камер раздавалось пение. Тогда стоящий у башни караульный начинал волноваться, стучал ружьем и кричал:

— Башня, перестань петь! Башня! Тебе говорят: перестань!

Если это заклинание не действовало, на сцену являлся помощник начальника, и кого-нибудь из людей, ждущих казни, вдобавок сажали в карцер...

Карцер — темная коробка, помещающаяся прямо под тюремною церковью, низкая, сырая, холодная, с отвратительным воздухом. Многих после трех-четырех дней заключения из карцера выносили на рогожах прямо в больницу.

В башнях порой в одиночку, иногда группами люди ждут приговоров или их исполнения... Ждут дни, недели, иногда месяцы, каждый вечер спрашивая себя, увидят ли они завтрашнее утро. В прежнее, еще недавнее, «доконституционное» время один военный судья говорил мне, что продолжительная отсрочка казни являлась огромным шансом за ее отмену: нельзя казнить человека, пережившего такой продолжительный ужас, хуже самой смерти. Теперь этими психологическими тонкостями не стесняются...

III
Будни смертников

Всем еще памятно то одушевление, с которым шли на смерть приговоренные к казни или расстреливаемые без суда в первом периоде нашей «революции». Так умирали интеллигентные люди, молодые девушки, железнодорожные рабочие, матросы. Группа матросов, восставших вместе с лейтенантом Шмидтом, шла на казнь дружным строем и пела известную народную рекрутскую песню:

Последний радостный денечек
Гуляю с вами я, друзья!
А завтра рано чуть светочек
Заплачет вся моя семья...

В этом зрелище было столько одушевления и веры в значение жизни перед лицом неизбежной смерти, что, говорят, эта песня на юге приобрела значение марсельезы.

Теперь многое изменилось, и по мере того, как смертная казнь превратилась в будничное, бытовое явление, от нее удаляется и обволакивавшее ее прежде одушевление. Должно быть, труднее умирать за то, за что люди так часто умирают в наше время.

Впрочем, наш корреспондент отмечает, что в первые дни после приговора многие «смертники» чувствуют себя сравнительно бодро. В свои мрачные башенные камеры они вносят еще возбуждение недавней борьбой, полной если не

возвышенных, то сильных ощущений и крайнего напряжения нервов. Суд и приговор — только последний размах той же волны. В большинстве писем, относящихся к первым дням после приговора, звучит еще своеобразная бодрость, даже ирония. Иные из этих писем чрезвычайно характерны, и мы приведем их в тех отрывках, какие дает наш корреспондент.

«Я напишу вам, — так начинается одно письмо, — но предупреждаю, что я человек малограмотный, неразвитой и малоначитанный. Я чувствую себя *очень хорошо*[1]. Смерть для меня ничто. Я знал, что это рано или поздно, но должно быть. Я был уверен на воле, что меня повесят или застрелят где-нибудь на деле. Так вот, товарищ, может ли мне казаться страшной смерть? Да, конечно, ничуть. Я не знаю, как другие, но до суда и после суда я был в одном настроении. Только обидно: со мной приговорили одного невиновного. Я в суде не утерпел и крикнул судьям...[2] За это мне попало от «сознательного конвоя»...»

Еще через некоторое время тот же автор писал: «Вы спрашиваете, как я провожу время. Определить трудно. Я сам себя не могу учесть в этом случае. Одно могу сказать, что *душевно я спокоен*. Очень даже спокоен. Наружный вид, можно сказать, веселый. С утра до ночи смеемся, рассказываем различные анекдоты, конечно юмористические. Конечно, вопрос о жизни приходит иногда в голову. Задумаешься на несколько минут и стараешься забыть это все потому, что все уже кончено для меня на сей земле. А раз кончено, то такие мысли стараешься отогнать и не поднимать в своей голове. Я вижу, что времени для жизни осталось очень мало, и в такие короткие минуты ничего не могу разрешить. Чем понапрасну ломать голову, лучше все это забыть и последнее время провести веселее. Я сам себя не могу определить: я как будто ненормальный. Иногда хочется отравиться. Отравиться тогда, когда мне этого захочется. Уж очень не хочется идти помирать на задний двор, да еще в сырую погоду, в дождик. Пока дойдешь, всего измочит. А мокрому и висеть не особенно удобно. Да еще и то: берут ночью.

---

[1] Курсивы и далее наши.
[2] Многоточие в присланной нам рукописи.

Только разоспишься, а тут будят, тревожат... Лучше бы отравиться...»

Читатель видит, что здесь у человека еще хватает настроения для какого-то жуткого юмора над своей страшной судьбой... «Измокнешь, а мокрому и висеть неудобно... Только что разоспишься, а тут — тревожат...»

«Чувствую себя ничего, — пишет другой приговоренный. — Даже удивлен, что в душе не сделалось никакого переворота. Точно ничего не случилось...» По-видимому, жизнь обладает своей инерцией движения, и человек еще органически не может себе представить, что она скоро оборвется без внутренних, органических причин. Он *знает* о приговоре, но еще не может его *почувствовать*...

Поддержать в себе возможно дольше, до самой смерти, это настроение продолжающейся жизни, не дать ужасной истине пустить в душу отравляющие ростки, — такова теперь задача, к которой приспособляется весь быт своеобразного общества, населяющего мрачные камеры. «Забыть и дать забыть другим» — это как будто правило его социальной нравственности.

«Спать ложимся мы в три часа ночи, — пишет один приговоренный. — Это постоянно. Р. научил нас играть в преферанс, и мы до того им увлеклись, что играем, как будто бы за интерес. Увлеклись сильно. Тут есть и сожаление от проигрыша, и маленькие радости от выигрыша. *Упадка духа ни в ком как будто и не замечается.* Если посмотреть со стороны и не знать, что мы приговорены к смерти, то можно счесть нас просто за людей, отбывающих наказание. Если же наблюдать нас, зная, что нас ждет смерть, то, вероятно, можно подумать, что мы ненормальны. Действительно, и самому приходится удивляться тому, что мы так хладнокровны. По одной фразе вашей я заметил, что предполагается у нас тяжелое настроение духа. Представьте себе, что нет. Даже, напротив, бывает неестественно веселое настроение. *Часто смех, шутки, песни и рассказы не сходят у нас с уст.* О том, что ждет нас, буквально забываешь. Это, по моему мнению, происходит от того, что сидишь не один... Чуть кто пригорюнится, так другой старается, может быть ненамеренно, оторвать его от тяжелых мыслей и вовлечь в разговор или во что-нибудь другое... Находят минуты какой-то беспричинной злобы, хочется кому-нибудь сделать зло, какую-нибудь пакость.

Насколько я наблюдал, если такому человеку поволноваться и вылить свою злобу в руготне, то он понемногу успокоится. На некоторых в такие моменты действует пение. Затяни что-нибудь, — он поддержит».

В такие-то минуты из наглухо закрытых башен несутся звуки песен, и стража, во дворе начинает тревожиться, стучать ружьями и кричать: «Башня, тебе говорят, замолчи!». Но заставить замолкнуть такую песню, конечно, нелегко...

«Теперешнее мое состояние удовлетворительно, — читаем мы еще в одном письме «из башни», — только в голове какой-то хаос. Хотелось бы на день, на два остаться одному с самим собою; но это невозможно. Жаль погибающую молодость! К тому, что скоро придется умирать, отношусь не то чтобы хладнокровно, но все-таки эта мысль не смущает меня: *я не вдумываюсь в нее*. Чем объяснить это, — я не знаю!»

Автору этого письма хотелось бы остаться одному; но именно одиночество в этом положении ужасно. «Как начинает лезть что-нибудь в голову, — пишет другой «смертник», — так я тотчас же отвлекаю себя разговорами с товарищами, лишь бы только это удалить. А то, как только почувствую, что могу заснуть, стараюсь лечь спать. Мне кажется, что если бы я... сидел один, то давным-давно покончил бы с собою».

По мере того как идет время, спокойствие тоже уходит. «Жизнь приходится считать минутами, она коротка, — пишет один из приговоренных, по-видимому проводящий последние дни в одиночестве. — Сейчас пишу эту записку и боюсь, что вот-вот растворятся двери и я не докончу. Как скверно я чувствую себя в этой зловещей тишине! Чуть слышный шорох заставляет тревожно биться мое сердце... Скрипнет дверь... Но это внизу. И я снова начинаю писать. В коридоре послышались шаги, и я бегу к дверям. Нет, снова напрасная тревога, это шаги надзирателя. Страшная мертвая тишина давит меня. Мне душно. Моя голова налита как свинцом и бессильно падает на подушку. А записку все-таки окончить надо. О чем я хотел писать тебе? Да, о жизни! Не правда ли, смешно говорить о ней, когда тут рядом с тобой, смерть. Да, она недалеко от меня. Я чувствую на себе ее холодное дыхание, ее страшный призрак неотступно стоит в моих глазах... Встанешь утром

и, как ребенок, радуешься тому, что ты еще жив, что еще целый день предстоит наслаждаться жизнью. Но зато ночь! Сколько она приносит мучений — трудно передать... Ну, пора кончить: около двух часов ночи. Можно заснуть и быть спокойным: за мной уже сегодня не придут».

«Я давно не писал вам, — говорится в новом письме (другого лица). — Все фантазировал, но ничего не мог сообразить своим больным мозгом. Я в настоящее время нахожусь в полном неведении, и это страшно мучает меня. Я приговорен вот уже два месяца, и вот все не вешают. Зачем берегут меня? Может быть, издеваются надо мной? Может быть, хотят, чтобы я мучился каждую ночь в ожидании смерти? Да, товарищ, я не нахожу слова, я не в силах передать на бумаге, как я мучаюсь ночами! Что-нибудь — скорей бы!»

Это писал тот самый человек, который вначале удивлялся, что приговор не произвел на него впечатления, и говорил, что смерть его нисколько не пугает... Два его письма — это два полюса в настроении «смертников»: вначале возбуждение и бодрость, потом возрастающий ужас перед развязкой, тупой и безмолвной.

Фойницкий Иван Яковлевич (1847—1913) — известный русский ученый-юрист, специалист в области уголовного права, уголовного процесса и тюрьмоведения. Профессор Петербургского университета с 1871 по 1913 год, сенатор, член правительственной комиссии по разработке проекта Уложения о наказаниях 1903 года. Одним из первых среди русских криминалистов начал заниматься проблемами социологии уголовного права. В 1895 году организовал русскую группу Международного союза криминалистов.
Наиболее крупные работы: Учение о наказании в связи с тюрьмоведением (СПб., 1889);
Ссылка на Западе (СПб., 1881);
Уголовно-правовая доктрина о соучастии (СПб., 1891); Мошенничество по русскому праву (СПб., 1871);
Курс уголовного судопроизводства. Т. 1 (СПб., 1884); Т. 2 (СПб., 1897).

Из кн.
Фойницкий И. Я.
Учение
о наказании
в связи с
тюрьмоведением.
СПб., 1889.

Оценка смертной казни. Но, однако, и до сих пор вопрос о смертной казни дает повод к разногласиям между криминалистами и далеко еще не покончен. Если не подлежит сомнению, что, в отношении историческом, институт смертной казни вымирает, то само собою ставится вопрос: желательно ли такое вымирание?

При таком *логическом* рассмотрении, вопрос о смертной казни распадается на вопросы:

1) имеет ли государство *право* наказывать человека смертью, отнимать у него самое драгоценное благо его — жизнь?

2) *необходима* ли смертная казнь, или можно обойтись без нее? Нет ли мер, приводящих к той же цели более легким способом и, следовательно, более предпочтительных?

I. *Право* государства отнимать жизнь у преступников отрицалось с двоякой точки зрения: 1) религиозной и 2) философской.

1) Не подлежит сомнению, что *христианская религия* относится враждебно к смертной казни. Это выразилось в первоначальном положительном праве западной церкви, в основу которого лег известный принцип: ecclesia abhocret sanguinem [1]. Но принцип этот выставлялся христианскою церковью в тот период, когда она находилась в небольшом числе преследуемых; когда же на западе христианство сделалось господствующим, она мало по малу стала забывать его; она даже начала пользоваться смертною казнью, как оружием против неверующих. Правда, и в этот период она сама не обагряла своих рук кровью, но покорною слугой ее и исполнителем смертных приговоров было государство, которое применяло это наказание для своих и ее целей. Отдельные сектанты и после того от времени до времени восставали против права государства наказывать смертью. Так, в XIII столетии секта вальденцев выставила отрицание смертной казни одним из главных положений своего исповедания; в XV столетии религиозный сектант Социн доказывал несправедливость смертной казни, и так резко высказывался против нее, что ему счел долгом возражать знаменитый немецкий криминалист Карпцов; английские сектанты XVII столетия восставали против смертной казни с точки зрения недопустимости для государства права лишения жизни, как права, принадлежащего только Богу, и как меры, лишающей преступника возможности искупить свою вину. Однако сила этих доводов для вопроса о праве государства наказывать смертью серьезного значения не имеет. Государство есть институт земной, призванный служить земным целям; если для достижения этих земных целей необходимо применение тех или других мер, то вопрос о том, какие именно меры должны быть предпочтены, может быть разрешен только на основании их пригодности и необходимости. Христианское начало воздания добром за зло не может быть положено в основу никакого кодекса.

2) Против права смертной казни возражали те *философские теории*, которые выходили из идеи естественного

---

[1] Церковь не выносит крови.

происхождения прав и договорного образования государства. Так, Фихте не признает за государством права применения смертной казни по следующим соображениям. Люди слагаются в общества по добровольному соглашению, с целью обеспечить себе ту безопасность, которой они не имели в первобытном состоянии. Для этого каждый отказывается от частицы прежней естественной безопасности, и из этих частиц слагается право общества на принятие известных мер для охранения общей безопасности. Каждый, вступая в общество, дает этому обществу право изгнать его, буде он нарушит общественную безопасность; право на лишение жизни не может быть уступлено обществу; что касается других, более легких мер, то они применяются в силу нового договора, на том основании, что изгнание иногда является мерой слишком тяжкой. Эти доводы отпадают с отпадением самого их основания, т. е. с отпадением фикции договорного образования государства и естественного происхождения прав личности.

Отрицать право государства на смертную казнь невозможно; если, для ограждения безопасности, государство может требовать от граждан, чтобы они жертвовали своею жизнью на войне, если, следовательно, ему принадлежит право распоряжения жизнью невинных, то тем более оно принадлежит ему по отношению к виновным.

II. Совершенно иначе ставится вопрос, насколько смертная казнь *необходима* для осуществления целей государства.

В пользу смертной казни приводили: ее устрашительное значение, ее необходимость для удовлетворения народному чувству справедливости и ее необходимость в видах обеспечения государственной и общественной безопасности. Но все эти доводы падают при ближайшем рассмотрении их.

1) Пытались оправдать смертную казнь тем, что она есть мера наиболее устрашительная и потому лучше всего ограждающая общество; страх подвергнуться смертной казни заставляет человека воздерживаться от преступления именно потому, что это наказание направлено на самое дорогое благо его — жизнь. При рассмотрении этого довода нужно различать в устрашительном качестве смертной казни два момента: устрашение угрозы и устрашение самого исполнения.

Устрашительное значение *угрозы* смертной казни

для готовящегося совершить преступление ныне представляется ничтожным, потому что между угрозой и действительным исполнением оказывается целая пропасть; существует масса шансов избегнуть смертную казнь; припомним, что из постановленных судами приговоров едва 1/10 приводится в исполнение; а для того, чтобы приговор был постановлен, нужно, чтобы виновный был задержан, привлечен к ответственности, признан виновным и т. п.; так что можно сказать, что из тысячи человек, на которых распространяется угроза смертной казни, едва 5, 6, много 10, будут ей в действительности подвергнуты. Устрашительное значение угрозы смертной казни для *всего населения* равным образом представляется недоказанным; цифра преступлений не увеличивается там, где законодатель воздерживается от этой меры, и наоборот. Притом, население не всегда знает, за какие деяния закон грозит смертною казнью; иногда условия ее применения поставлены так тонко юридически, что простой, необразованный человек не может и понять их.

Что касается устрашительного значения *исполнения* смертной казни, то нужно различать влияние ее, с одной стороны, на наказываемого, с другой — на население или толпу, присутствующую при совершении казни. На *наказываемого* она имеет страшное влияние: уже постановление приговора о смертной казни отражается на духовной стороне человека чрезвычайно глубоко. Но при этом возможны значительные различия в ее проявлении. Иногда человек, под влиянием близости смерти, раскаивается в прежней деятельности, желает примириться с Богом и людьми; это значит, что устрашение подействовало, и тогда подвергнуть его смертной казни было бы несправедливо. Иногда человек в последнюю минуту начинает чувствовать животное желание жизни, животный страх расстаться с нею; были примеры, что под влиянием такого страха осужденный вступал в личную схватку с палачом; его приходилось силой тащить на казнь; все это производит на лиц, окружающих эшафот, тяжелое, в высшей степени неэстетическое впечатление. Итак, момент исполнения смертной казни, без сомнения, устрашителен для подвергаемого ей; это общее правило; но есть исключения; есть случаи, когда человек совершает какое-нибудь преступление по убеждению, из фанатического служения идее,

и тогда необходимость пожертвовать жизнью, то есть высшим благом, которое он имеет, возвышает его в его собственных глазах; в этом случае смертная казнь не имеет никакого устрашительного значения. Точно так же, как показывает опыт, она не имеет устрашительного значения и для разряда лиц, являющихся «героями каторги и эшафота»; они стараются показать, что с презрением принимают от общества эту кару. Что касается устрашительного значения исполнения смертной казни *на толпу*, то в этом отношении сделаны любопытные наблюдения; в Англии замечали, что на ту же площадь, где происходила казнь, собирались карманные воры и совершали кражи в то самое время, когда за воровство вешали. По отзывам некоторых священников английских тюрем, им были известны целые семейства, где дед, отец и сын кончали жизнь от руки палача и где, следовательно, смертная казнь никакого устрашительного значения не имела. Мало того: влияние ее на общество скорее отрицательное, развращающее; в то время, когда во Франции наиболее деятельно работала гильотина, этот инструмент, в виде игрушки, был в каждом семействе; дети для забавы гильотинировали птиц, собак, кошек и т. п. Все это показывает, что смертная казнь производит действие, противоположное тому, которое от нее ожидают. У лиц, которые окружают эшафот, появляется или сожаление к наказываемому, или, напротив, грубые насмешки, издевания. Весьма нередко, особенно при несовершенстве инструментов, палачу не удается сразу и со всею точностью исполнить акт лишения жизни: рвется веревка, скользит топор; осужденного приходится лишать жизнь в несколько приемов; это в толпе возбуждает неудовольствие против казни и суда, что, конечно, в высшей степени нежелательно. И нельзя сказать, что эти случаи составляют редкое исключение; в прежнее время выработалась даже практика, что если кто сорвется с петли, тот уже вторично не подвергается казни, ибо, в противном случае, тяжесть казни была бы удвоена, смертная казнь стала бы квалифицированною. Развращая грубые элементы населения и разжигая в нем самые несимпатичные инстинкты, зрелище смертной казни представляется зрелищем в высшей степени тягостным для культурного человека нашего времени, привыкшего уважать личность, зрелищем крайне неэстетическим, противо-

речащим всему его мировоззрению. Таким образом, ближайшее исследование расшатывает прежнее убеждение в устрашительном действии смертной казни на толпу; этим объясняется и тот существенный переворот, который произошел в способе исполнения смертной казни; прежде она исполнялась всенародно, на высоком эшафоте, на площади; народ даже насильственно сгонялся на площадь для присутствования при казни. Ныне, напротив, публичное исполнение смертной казни более и более оставляется; начало этому новому порядку положили некоторые штаты Северо-Американского Союза; постепенно непубличное исполнение смертной казни, в стенах тюрем, вводится и в Европе: в 1857 г. его приняла Пруссия, за нею последовали другие германские государства; с 1868 г. оно применяется в Англии, с 1881 г. — в России. Этот переход от публичного исполнения смертной казни к непубличному свидетельствует о коренном изменении во взгляде законодателя на это наказание; он доказывает, что вера в устрашительное значение смертной казни утрачена и что осознано вредное ее влияние на толпу. Но и теперь у подножия эшафота остается ex officio несколько лиц, принадлежащих обыкновенно к высшему, культурному обществу; в какое тяжелое положение ставятся эти лица! Опыт показывает, что большею частью обязанные присутствовать при совершении казни стараются отделаться от этой обязанности.

2) Говорят далее, что смертная казнь необходима, как мера единственно *справедливая* за некоторые тяжкие деяния; что обложение этих деяний другими наказаниями противоречило бы народному чувству справедливости; что хотя прежнее начало уголовной справедливости, требовавшее око за око, зуб за зуб, и отошло в вечность, но что и доныне человек, совершивший убийство, проливший кровь другого, по народному воззрению должен пролить свою кровь; что законодатель обязан преклоняться перед этим чувством народной справедливости и за убийство назначать смертную казнь. Этот довод приводится представителями абсолютных теорий, и приводится именно по отношению к предумышленному убийству, которое, по их мнению, не может быть погашено ни чем иным, как смертью. Но самая ссылка на чувство народной справедливости есть ссылка на нечто весьма неопределенное; сила ее

ослабляется тем уже, что в различных государствах смертною казнью облагаются различные преступления; если чувство народной справедливости с такою настойчивостью требует во Франции смерти матери, убившей своего незаконного ребенка, то почему оно не требует ее в других странах за то же преступление? Опыт показывает, что в странах, где смертная казнь на время была отменена, к такому порядку привыкают, и тогда народное чувство даже противится восстановлению ее (так было в Тоскане). Требует ли у нас народное чувство смертной казни за предумышленное убийство? У нас, правда, слышатся голоса из народа, требующие применения смертной казни, но за совершенно другие преступления, между прочим, за конокрадство; да и эти голоса настолько не определены и не проверены, что не могут служить доказательством необходимости такой меры; наказание, как институт, призванный служить государственным целям, должен покоиться на более прочных основаниях.

3) Аргументируют еще в пользу необходимости смертной казни за политические преступления соображениями *государственной безопасности*. Было время, действительно, когда государства не могли обойтись без смертной казни по отношению к таким преступлениям, но это было в эпоху, когда они носили характер династических посягательств против власти. При династическом характере этих преступлений они концентрировались около известной личности; пока существовала эта личность, оставалась опасность для государства, и меры более легкие, чем смертная казнь, были недостаточны; притом, с уничтожением главы распадалась вся партия; в это время применение смертной казни к политическим преступникам могло еще быть оправдано. Но теперь политические преступления группируются не около личности, а около идеи; отдельные лица являются лишь более или менее убежденными носителями известной идеи; между тем, идея не уничтожается с уничтожением личности; на место казненного являются новые приверженцы данной идеи, готовые бороться за нее. Отсюда вытекает, что смертная казнь ныне и по отношению к политическим преступлениям не может приносить той пользы, какую быть может приносила прежде. Нужно прибавить к этому, что при изменившемся характере политических преступлений, характеризующем

наше время, применение государством крайних мер самоохраны для него самого невыгодно: оно обостряет чувство недовольства, увеличивает ряды недовольных, возбуждая сочувствие к казненному; притом, фанатиков идеи угроза эшафота остановить не может. Заметим далее, что самая оценка преступности или непреступности данных деяний политических подлежит наиболее сильным колебаниям; с изменением правительства, даже с изменением министерства, преступления, считавшиеся наиболее тяжкими, низводятся на степень незначительных проступков или деяний безразличных. Этим и объясняется, что многие законодательства отказались от применения смертной казни именно за политические преступления.

4) Приводят еще тот довод, что смертная казнь необходима для обеспечения *общественной* безопасности; говорят, что наказание должно ограждать общество от всяких преступных посягательств; эту задачу обыкновенно берут на себя нормальные наказания, которые и достигают преследуемую цель по отношению к преступникам исправимым; но иначе ставится вопрос по отношению к неисправимым: если можно с уверенностью сказать, что данный преступник совершенно неисправим, то для ограждения от него общества остается единственная мера — лишить его жизни. Таков довод, приводимый ныне преимущественно итальянскою антропологическою школой. Согласно этому взгляду, таким образом, смертная казнь должна применяться к неисправимым; но является вопрос: какие из преступников должны быть признаны наиболее неисправимыми, те ли, которые совершили наиболее тяжкие преступления? Наблюдения показывают, что, наоборот, наиболее неисправимым представляется класс мелких воришек, подготовленных к преступной жизни праздностью и пороком. И если допустить, что смертная казнь нужна для неисправимых, то это привело бы к тому, что она должна применяться не за тягчайшие преступления, а, напротив, за преступления наиболее легкие. Для юриста этот вывод из приводимого аргумента представляется достаточным, чтобы уничтожить силу самого аргумента. Но антропологическая школа перед таким выводом не останавливается; она говорит, что хотя эти деяния в отдельности не опасны, но они рисуют человека опасным для общества, такой человек и должен быть уничтожен. Нужно заметить, что антропо-

логическая школа рекомендует для неисправимых, как нормальное наказание, пожизненное заключение и ссылку; так что остается невыясненным, каких именно лиц этой категории она желала бы подвергнуть смертной казни, каких — пожизненному заключению или пожизненной ссылке.

Таким образом, те соображения, которые приводятся в пользу смертной казни, оказываются не выдерживающими критики. Вполне признавая *право* государства применять смертную казнь, нужно признать, что *необходимость* ее далеко не доказана.

III. К этим отрицательным доводам должны быть присоединены положительные недостатки, категорически говорящие против смертной казни.

1) Она неделима, представляется наказанием безусловно-определенным и потому не допускает индивидуализирования.

2) Она действует развращающим образом на население, являясь во многих случаях школой грубости и зверства; приводит она, следовательно, к результатам, диаметрально противоположным тем целям, для которых существует.

3) Она невосстановима и неотменима, а это в высшей степени важно на случай судебных ошибок, которые, несмотря на всевозможные предосторожности, неизбежны. Правда, что этот довод не имеет решающего значения: с одной стороны, государство может игнорировать возможность судебной ошибки, приняв меры к тому, чтобы таковые случались как можно реже, с другой стороны — и все иные кары (кроме денежных взысканий), также не вполне восстановимы. Но, однако, наименьшею восстановимостью отличается все-таки смертная казнь.

4) В прежнее время прибегали к смертной казни, как наказанию, наиболее простому по способу исполнения и наиболее дешевому; в лицах, исполнявших смертную казнь, недостатка не было; такие лица пользовались почетом; палач был исполнитель воли божества, и за функцию эту брались жрецы или уважаемые должностные лица; были случаи, что царствующие особы принимали их на себя. Ныне трудно найти человека свободного, честного, который пошел бы в палачи; их приходится рекрутировать из лиц, приговоренных к смертной казни и освобожденных от нее под условием быть палачом; у нас прежде осво-

бождали от тяжких телесных наказаний под этим условием. Общество затворяет перед палачом все двери, ему приходится жить за чертой города. Если бы возложить эту обязанность на военнослужащих, то это составило бы самую тяжелую из всех их обязанностей.

5) Вместе с тем, совершенно голословным оказывается положение, будто смертная казнь самое дешевое наказание. Действительно, эшафот, веревка и пр. стоят недорого, самое исполнение казни обыкновенно не трудно; но если принять в расчет человеческую жизнь, которая представляет в высшей степени важную экономическую ценность, притом ценность, более и более возвышающуюся, то окажется, что смертная казнь есть крайне невыгодное в экономическом отношении, крайне дорогое наказание.

Итак, смертная казнь представляется в высшей степени тяжкою мерой, направленной к достижению таких последствий, которые могут быть достигнуты в нормальном порядке жизни, при помощи мер более легких. Смертная казнь есть несомненно институт вымирающий; она должна совершенно уничтожиться, это — необходимое заключение, к которому приводит историческое рассмотрение этого института. Если можно в настоящее время говорить о сохранении смертной казни, то исключительно как меры крайней, применимой в ненормальные эпохи государственной жизни, когда государство подвергается опасности во время войны и вступает в критический фазис своего существования. Шпионы, изменники, были и будут подвергаемы смертной казни; против этого ничего нельзя сказать до тех пор, пока будет существовать война. Государство в военное время находится в исключительных обстоятельствах; оно не может заводить длинных судебных процедур, оно не может отправлять осужденных в места заключения, так как и места заключения тогда небезопасны; самая тяжесть преступлений в это исключительное время представляется значительно высшей, и опасность отдельной личности для государства доходит до такой степени, какой она никогда не может представлять в другое время. При нормальных же условиях существование смертной казни не может быть оправдано; она излишня, нецелесообразна, а следовательно, и несправедлива.

И. В. Бестужев-Лада
Аркадий Адамов
А. А. Безуглов
М. Г. Хазин
С. Г. Келина
В. И. Теребилов
С. С. Алексеев
Александр Кулешов
И. В. Кузнецов
И. И. Карпец
А. Д. Сахаров

СМЕРТНАЯ КАЗНЬ

в оценке современников

Владислав Цыпин
Р. Л. Хачатуров
А. В. Клигман
В. Н. Кудрявцев
Н. А. Стручков
Георгий Рожнов
Е. А. Иванушкин
И. А. Кудрявцев
Н. С. Алексеев
Ф. М. Решетников
У. Звекич
Т. Кубо

И. В. БЕСТУЖЕВ-ЛАДА,

доктор исторических наук

Гуманизм и псевдогуманизм

I

В противоположность Остапу Бендеру, который, как он уверял, весьма чтил Уголовный кодекс, но, как мы знаем, постоянно нарушал его, — автор этих строк всячески старается не нарушить ни одной статьи упомянутого сочинения, но не испытывает к нему (и ко всей сопутствующей литературе) ровно никакого уважения. Кстати сказать, по довольно веским, на его взгляд, причинам.

Оценка качеств любого литературного произведения — и никакой кодекс, даже если он уголовный, не может составлять тут исключения — должна, по идее, находиться в неразрывной связи с тем, как много посеяно им, этим произведением, разумного и доброго, не говоря уже о вечном.

Посеяно ли хоть что-нибудь в интересующем нас плане Уголовным кодексом?

Очень хотелось бы в ответ на этот вопрос бодро отрапортовать: А как же! Посмотрите, как в результате его несказанно эффективного действия уменьшилась преступность. И не только по сравнению с излюбленным для отсчета 1913 годом. Но и по сравнению с 1928-м — последним годом нэпа. Да и по сравнению с 1956-м — первой трещиной в сталинизме. И даже по сравнению с 1985-м — первым годом перестройки. Была сильная преступность, и даже организованная преступность, и даже мафия — организованная преступность, сросшаяся с коррумпированной частью госаппарата и потому особо опасная. А ввели в действие уголовный кодекс и — спустя некоторое число положенных лет — пожалуйста вам: всего лишь «кто-то кое-где у нас порой честно жить не хочет». Осталось провести дополнительную «воспитательную работу с людьми» — и преступность отойдет в область истории.

Собственно, именно в вышеописанном духе слышали

мы на протяжении минувших десятилетий очень много блудливых слов, не имевших ничего общего с окружающей действительностью. На деле преступность была и остается такая, что о ней стыдно и страшно сказать хоть что-нибудь конкретное и с телеэкрана, и на газетном листе. Прочитаешь еженедельную сводку происшествий в «Московском комсомольце», донельзя вылизанную и приглаженную, — и просто оторопь берет на всю неделю даже от такой гомеопатической дозы информации. То ли столица нашей родины, то ли джунгли, где на каждом углу грабят, насилуют, убивают. А выдь на Волгу — хоть в Казань, хоть в Чебоксары, хоть в любой другой населенный пункт до Астрахани включительно — тебя хватит не только оторопь. Чикаго Швейцарией покажется! И, судя по всему, это только увертюра...

Сорвали завесу блудословия, и вдруг оказалось, что преступность у нас воспроизводится, потому что имеет социальные корни. Мало того, выражаясь суконным языком экономистов и демографов, имеет тенденцию к расширенному воспроизводству в силу особенностей этих самых социальных корней.

Первый корень — подрыв и развал семьи. Почти миллион разводов ежегодно оставляет после себя почти три четверти миллионов детей-полусирот или даже самых настоящих сирот при живых родителях. Подумал ли кто-нибудь, как сказываются на них годы кошмара, предшествующие разводу? Какой степени ожесточения достигает даже нормальный поначалу ребенок, пройдя к 10—12 годам все круги домашнего ада? А оставшийся без отца и отбившийся от рук матери? А избалованный до потери сознания бабушкой и дедушкой или чрезмерно чадолюбивыми родителями? А новый 10-летний Робинзон, кинувшийся в ближайшую подворотню искать нерожденных ему родителями старших и младших братьев и сестер (без чего быть не может нормального взросления ребенка) и обретший к 15 годам таких «родственничков», по сравнению с которыми веселые ребята капитана Флинта — просто гимназистки?

И что же, отважится ли кто-нибудь сказать, что кривая разводов пошла на убыль? Что 144 миллиона наших пап и мам схватились, наконец, за голову и спросили себя: что́ же мы делаем с собственными детьми? Что родители,

дедушки и бабушки только и помышляют теперь, как оптимизировать воспитание детей в семье? А ведь без этого помянутый социальный корень будет плодоносить и плодоносить. Приносить ужасные плоды, год от года горше.

Второй корень — как принято говорить, неадекватность нашей школы (теперь уже не поймешь, дореформенной или пореформенной, поскольку реформа объявлена, но «буксует») требованиям современного общества. Молодой человек любого пола, как и тысячу, как и сорок тысяч лет назад, в десять лет из ребенка превращается в отрока (отроковицу), именуемого ныне подростком, а в четырнадцать-пятнадцать — в физиологически зрелого взрослого человека, кандидата в отцы и матери семейства. Сто и тысячу лет назад он в десять лет был «аспирантом» — ближайшим помощником родителя, в пятнадцать — всезнающим «кандидатом домоводческих наук», заместителем родителя, готовым в любую минуту стать «доктором домоводческих наук», главой нового семейства. А сегодня он и в десять, и в пятнадцать, а нередко и в двадцать, и в двадцать восемь — «дети до 16 лет не допускаются». И действительно, ему под тридцать — а у него, подлинно как у ребенка, ни собственной семьи, ни собственного жилья, ни «взрослого» статуса, ни «взрослого» престижа. С утра до вечера только и слышит: Садись, двойка! Садись, двойка!! Садись, двойка!!! Родителей в школу! Родителей в училище!! Родителей в институт!!!

А между тем, специалисты сообщают, что две трети наших детей (подавляющее большинство!) органически неспособны успешно заниматься в «подготовительном факультете вуза», которым вот уже более полувека была и остается наша средняя школа, вот уже тринадцатый год как ставшая «всеобщей обязательной». То есть, в школе иной направленности они бы занимались блестяще, а в этой — не могут, и баста. Вообразите себе, что вас, в порядке «всеобщей обязательной» загнали в хореографическое училище Большого театра и поставили к балетному станку на восемь часов в день. А у вас не получается. А вас начинают за это травить как зайца. Скажите, пожалуйста, какие чувства начнут вас обуревать по отношению к окружающей действительности? Что? Правильно: деморализация, ожесточение и попытки самоутверждения на любом другом поприще, кроме учебы. Что мы и наблюдаем

в астрономических масштабах, причем «поприща» — одно другого отвратнее.

И умные педагоги, и умные юристы в один голос говорят: до тех пор пока мы будем обходиться со всеми нашими подростками и тем более с двухметровыми усатыми гренадерами в кургузых гимназических курточках, с бывшими девицами на выданьи в старорежимных гимназических фартучках, как с младенцами или дебилами, которых поголовно «натаскивают» на физиков и лириков; до тех пор, образно говоря, пока подросток, как и сто, и тысячу лет назад, не поведет под уздцы лошадь у отца-пахаря, — не миновать нам массовой «немотивированной» молодежной, подростковой и даже детской преступности, начиная с раскрадывания всего, что плохо лежит, и кончая забиванием насмерть случайно попавшейся жерты «просто так, от скуки».

Строго говоря, проблема тут не сводится к одной только школе. Здесь и бюрократическая «заорганизованность» октябрятской, пионерской, комсомольской организаций, массами кидающая ребят в неформальные организации, в том числе и такие, которые не могут не быть рассадниками преступности (хотя сами по себе неформальные организации очень различны, многие из них заслуживают уважения, а корни их происхождения в свою очередь не сводятся к одному лишь «отталкивающему эффекту» организаций формальных). Здесь и невозможность для многих подростков и молодых людей как следует самоутвердиться на ниве производительного труда и общественной деятельности, их обреченность на иждивенчество у родителей и у общества, с соответствующими социально-психологическими последствиями. Здесь и тесная связь с другими негативными социальными процессами.

Третий корень — «теневая экономика», которая успела пронизать едва ли не все поры нашего общества, так что мы шагу не можем ступить, не положив кому-нибудь «на лапу» сверх того, что этой «лапе» положено по всем законам, божеским и человеческим. Самыми различными образами. И в магазине — обвесом, обмером, обсчетом. И в такси, ресторане, гостинице — чаевыми. И в любой конторе, куда пришел клянчить сотую справку о том, что ты не верблюд, — взяткой. И в поликлинике-больнице —

«подарком». И в школе — «подношением». И репетитору «с гарантией поступления в вуз» — многими тысячами. И спекулянту — десятку и сотню «сверх номинала». И так далее без конца.

Вы что же, думаете, вы таксисту что ли «округлили» два двадцать до трешницы? Официанту кинули пятерку «сверх»? Репетитору отсчитали сотенные? Да за каждым из них — десятки хищников, от которых они полностью зависят, и каждый хищник дерет с них «свою» десятку или сотню (а уж потом некоторые, наименее изворотливые, награбастав миллион-другой, получают свои 14 лет с конфискацией имущества). А раз в руках у современного хищника миллион — это тебе не убогий Корейко. У него и секретариат свой, и гвардия собственная. И раз ты как муха попал в его сеть — тебе уже оттуда живьем не выбраться, будешь соучастником преступлений, пока тебя «не подставят» под суд вместо хищника покрупнее.

Полюбуйтесь-ка, кто у нас за решеткой. Только убийцы? Разбойники? Воры? Да нет, в подавляющем большинстве вот такие «подставленные». Малявку-кильку, грабившую каждого покупателя на двугривенный, посадили, а кит-кашалот, которому эта килька исправно вручала каждый месяц сотенную, пошел на повышение и строит десятый полумиллионный особняк внучатой племяннице, отдыхая на сочинском пляже за картами по десяти тысяч ставка или закатывая стотысячные похороны своему «крестному отцу» на глазах у всего города.

Впрочем, что об этом говорить? Все в предельно смягченном виде написано в «Змеелове» и показано в одноименном кинофильме. Надо только помножить прочитанное и увиденное на масштабы страны в целом, имея в виду, что нам рассказали лишь сентиментальную рождественскую сказочку, дозволенную цензурой, которая (сказочка, а не цензура) как небо от земли далека от несравненно более суровой действительности. И пока будет существовать в существующих масштабах «теневая экономика», с ее «крестными отцами» и нехристями-детьми, — она будет воспроизводить преступность стихийно и в массовом масштабе, даже если мы выкорчуем все прочие ее корни.

Наконец, четвертый корень — наркомания, и собственно «наркотическая» (наркотики в узком смысле этого

понятия), и особенно алкогольная. Пока что только никотинная не имеет к преступности прямого отношения, а первая и вторая — еще какое! До тех пор пока наркоман, отчаянно стремясь раздобыть деньги на наркотик, без которого ему жизнь — мученье, будет готов ради этого на любое преступление; до тех пор пока «пол-литра» не перестанет быть для слишком многих предметом вожделения, ради которого пойдут и на воровство, и на разбой, и даже на убийство (а после осушения которого произойдет и воровство, и разбой, и убийство, хотя за полчаса перед тем у преступника зачастую и в мыслях ничего подобного не было), — нам не избавиться от преступности, чтó бы мы ни предпринимали и как бы эффективны ни были все прочие меры.

И все же рискну добавить к перечисленным четырем вроде бы ныне общепризнанным «корням» еще один, тоже постепенно признаваемый: профанацию высокого и разумного понятия «общественная собственность».

Как-то так постепенно сложилось, что общественная собственность превратилась у нас вроде бы в «ничейную», к которой только ленивый либо «не от мира сего» не простирает загребущую длань. И попавшийся с поличным на этом неблагородном деле — вовсе не преступник, а «несун», «ловкач», «рвач», «хапуга», словом, персона нон грата по части морали, а вовсе не по разделу Уголовного кодекса. С такой установкой мы докатились до астрономических масштабов раскрадывания «общественной собственности». При этом подобная практика, с одной стороны, продуцирует социальную психологию, благоприятную для посягательств не только на общественную, но и на любую другую собственность — тем более, что любая частная («у-у-у, частник!») представляется как бы антиподом общественной, предосудительной и потому радостно экспроприируемой. А с другой — посягательства на собственность не всегда обходятся без покушения на ее владельца. И корыстная преступность перерастает в агрессивную, тотальную.

Справедливости ради следует уточнить, что в свое время с посягательствами на общественную собственность пытались бороться поистине драконовыми законами. Помните? «Срокá огромные; кого не спросишь, у всех — указ» (т. е. десять и более лет даже за горсть зерен с убранного поля для голодных детей). И что же? Пошло на убыль?

Нет, приобретало все бо́льшие масштабы, и процесс этот не повернул вспять до сих пор, хотя о «сроках» давно в подавляющем большинстве случаев и речи нет.

Мораль здесь одна: пока общество не начнет относиться с уважением и к труду, и к собственности (любой!) как одному из результатов труда — и своего, и чужого, и общества в целом, — не миновать стихийного воспитания корыстных и агрессивных преступников в массовом масштабе, как бы мы ни избавлялись от них по части корчевания всех прочих социальных корней преступности.

Читатель вправе добавить к перечисленным выше «корням» еще один или хоть еще десяток. Разве в количестве дело? Наша мысль, надеемся, понятна: что ни делай, как ни борись с преступностью, какие меры наказания ни придумывай — пока существуют объективные социальные корни преступности, она будет воспроизводиться без конца, пока мы эти корни не выкорчуем или хотя бы не минимизируем до таких масштабов, когда они перестанут представлять социальную опасность для общества в целом.

Стало быть, развертывать борьбу с преступностью надо не с тех или иных положений уголовного кодекса (какими бы они, эти положения, ни были), а с изменения социальных условий, преступность рождающих. Не за верхушки крапиву дергать, обжигаясь и чертыхаясь, — она же все равно разрастется! — а под корень брать, в соответствующих рукавицах, умеючи. И Уголовный кодекс должен стать при таком подходе всего лишь заключительной брошюркой очень солидного, глубоко разработанного многотомника. Возможно, даже просто заключительным параграфом заключительного тома этого многотомника. Что́ бы мы в этом заключительном параграфе ни написали, какие бы наиэффективнейшие меры наказания ни придумали.

И в этом, на наш взгляд, — наивысшая, подлинная гуманность, справедливость, разумность.

И по отношению к преступнику, и по отношению к обществу в целом.

II

Однако у рассматриваемой нами медали, помимо одной стороны — объективной, о которой шла речь, есть и вторая

сторона — субъективная. Упускать ее из виду было бы неразумно, несправедливо, негуманно во всех отношениях.

Посмотрите на играющих детишек в любой группе детсада — хоть в младшей, хоть в старшей. Они, детишки, — очень разные! Один добродушен и щедр. Другой злобен и жаден. Третий, как говорится, нечист на руку — выхватывает у зазевавшегося соседа игрушку и норовит спрятать ее понадежнее, хотя она ему вовсе не нужна и хотя ему доподлинно известно (убеждался на деле не раз), что отберут и накажут: умом понимает, а характер заставляет. Четвертый непомерно агрессивен — все время старается кого-то толкнуть, ударить, обидеть: это тоже его характер и форма самоутверждения одновременно. Пятый... и так далее. И все это — в самых разнообразных сочетаниях.

Неужели кто-нибудь полагает, что мы, взрослые, отличаемся характерами и формами самоутверждения от нас же самих в детсадовском возрасте? Нет, мы такие же, все из того же роду-племени под хвастливым самоназванием **гомо сапиенс**. Только поопытнее, поумудреннее жизнью и потому похитрее, поизворотливее. А в остальном — вся палитра характеров налицо. В том числе и характеров, предрасположенных к различным асоциальным проявлениям. От научного сотрудника (инженера, врача, учителя, рабочего, сельского механизатора), который крадет деньги из сумочки у коллеги по работе — самолично знаком с такими и в мужском, и в женском варианте, — до такого же научного сотрудника (инженера, врача и т. д.), который способен напасть на человека в лифте или в темном переулке, сорвать шапку, вырвать сумку или портфель, пригрозить ножом, ударить ножом, убить бездумно, чисто импульсивно. В обоих случаях вовсе не клептоман или сумасшедший маньяк (это — разговор особый), а, как говорится, «в пределах нормы», только характер соответствующий. В обоих случаях отчетливо сознает, как велик риск попасться — и все-таки идет на риск, характер заставляет.

А теперь помножьте характер на ожесточение из-за неблагополучия в семье и в новоявленной гимназии под названием «всеобщая обязательная средняя школа», на вязкую паутину теневой экономики, на погоню за наркотиком (спиртным) и на состояние опьянения, на компанию

дружков с ее законами волчьей стаи, на растущую процентную долю психопатов всех категорий, на общее падение социальных нравов в последние десятилетия — и вы получите картину всего древа преступности, от разветвленных глубоких корней до развесистой кроны.

Но не будем возвращаться больше к объективным источникам преступности. Примем во внимание, что помимо объективных, есть еще и субъективные (характер, предрасположенность к так называемому «отклоняющемуся поведению»), и подумаем, как надлежит вести себя по отношению к преступности людям с неотклоняющимся, нормальным поведением.

Прежде всего, вместе со всеми, как можно полагать, советскими юристами, психологами и социологами, решительно отмежуемся от теорий, согласно которым предрасположенность к «отклоняющемуся поведению» отождествляется с предопределенностью такого поведения. Так сказать, растущий бандитом и вырастет бандитом, горбатого могила исправит и т. п. Сама жизнь категорически опровергает подобные теории, поскольку демонстрирует тьму примеров, когда отъявленный преступник перевоспитывался во вполне порядочного человека (правда, не меньше примеров и прямо противоположного процесса). Следовательно, роль перевоспитания по отношению к лицам с «отклоняющимся поведением» никак нельзя сбрасывать со счетов.

С другой стороны, эту роль недопустимо и абсолютизировать, а меж тем именно этим мы — и государство, и общество — преимущественно и занимались в истекшие десятилетия и в общем продолжаем оставаться на соответствующих позициях по сей день. Если несколько отвлечься от сталинских и сталинистских беззаконий, злодеяний, прикрытых флером «гуманной» декламации, то нельзя не констатировать, что по отношению к антиобщественным явлениям вообще и преступности в частности мы ударились в такой же утопизм, как и по отношению к экономике, семье, образованию, культуре. Полагали, что, сделав экономику директивно планируемой, быстро обгоним рыночную западную — а получилось наоборот. Полагали, что «раскрестьянив» сельское хозяйство, получим изобилие продовольствия — а вышло наоборот. Полагали, что, взорвав патриархальные традиции, нравы, обычаи,

автоматически получим благополучную семью и нормальное количественное и качественное воспроизводство населения — а оказалось, что для этого требуется преодолеть сложнейшие проблемные ситуации. Полагали, что, отдав детей целиком в руки профессионалов-воспитателей, автоматически получим «нового человека» — а получили разрыв поколений, вселенскую бурсу и массовую деморализацию молодежи. Полагали, что всеобщее среднее образование и диплом у каждого четвертого работника приведет к тотальной интеллектуализации общества — а получили массового инженера, учителя, врача, научного работника, неотличимого по своему культурному облику от обычного «бездипломного» обывателя.

Точно так же полагали, что, взяв курс на «воспитательную работу с людьми» (необходимую саму по себе), мы быстро перевоспитаем если не всех, то большинство преступников и покончим с преступностью. А что получилось? Получилась еще одна ипостась казарменного утопического социализма — чудовищная преступность, составляющая позор государства

Чтобы не растекаться в скучных абстракциях, давайте разберем один-единственный конкретный пример, «очищенный» для ясности от всех «наслоений», связанных с неурядицами в семье и школе, с мафией, с пьянством и т. п. Вообразим, что мы, обладая соответствующим характером и находясь, как принято говорить, в трезвом уме и твердой памяти, решили «поразвлечься» и включили ночью на полную мощность проигрыватель или мотоцикл без глушителя, вырвали у кого-то из рук сумку, угнали чужой автомобиль, начали приставать к женщине, затеяли драку и, наконец, пырнули ножом человека (кстати сказать, все это — не произвольные допущения, а ежевечерние и еженощные реальности обычного московского двора под окнами квартиры автора настоящей статьи — в сорока минутах ходьбы от любого центрального ведомства по охране общественного порядка). Каковы ожидаются последствия?

Во-первых, приезд вызванного по телефону милицейского автопатруля, и бесконечные (тоже ежевечерние и еженощные) увещевания хулиганов («воспитательная работа с людьми»), плюс задержание и доставка в отделе-

ние милиции нарушителей, буде таковые не успели скрыться. Нет, мы вовсе не за разгул милицейского произвола. Но все же страж закона должен вызывать если не уважение, то хотя бы опасение. Мы же, как самые последние пошехонцы, отдали собственную милицию буквально на поругание самым натуральным подонкам. Оказывается, с милицией можно препираться, ее можно безнаказанно оскорблять, от нее можно удирать на машине, сталкивая милицейский мотоцикл в кювет, и ей можно даже наносить «телесные повреждения» (правда, уже не безнаказанно, но все-таки: безоружный нагло бьёт вооруженного в полной уверенности, что тот оружия не применит). Я давно перестал читать репортажи о милицейских погонях: мне мучительно стыдно за наш бюрократический мазохизм, когда это не касается лично какого-нибудь высокого сановника. Зачем же мы тогда называем милицию милицией? Может, точнее переименовать милиционеров в увещевателей и вооружить их платками для утирания слез пострадавшим?

Уточним, что милиция вызывается ввиду полной беспомощности народных дружин. Не хочу бросить тень на самих дружинников — среди них, как известно, есть подлинные герои, в том числе пожертвовавшие собственной жизнью в борьбе с преступниками. Но вот организация службы народных дружин — ниже всякой критики. Дружинников у нас в стране — чуть не полтора десятка миллионов, в одной Москве почти полмиллиона, один на каждые двадцать жителей и гостей столицы, включая невинных младенцев и с трудом передвигающихся пенсионеров. Но разве секрет, что типичная картина — две обычные советские женщины, отягощенные тяжеленными сумками, которые прогуливаются после своего трудового дня по определенным маршрутам с красными повязками на рукаве. Что они могут сделать, случись на их глазах преступление? Только поднять крик, как и все прочие женщины без повязок на руках. Нет, погоня за количеством еще никогда не приводила к переходу в лучшее качество. Здесь, как и повсюду у нас, требуется радикальная перестройка. По ленинскому принципу: лучше меньше, да лучше.

Во-вторых, коль скоро совершено преступление и преступник задержан, — протокол в отделении милиции, пред-

варительное расследование и суд. Для обычного добропорядочного гражданина это — потрясение на всю жизнь, даже если тут же отпустят, выяснив, что произошло недоразумение. Но для определенной части представителей нашего общества, исчисляющейся отнюдь не считанными единицами, — это жалкая комедия, которая огорчает, но не пугает. И в милиции можно продолжать куражиться. И в КПЗ чувствуешь себя плохо только пока похмелье, а потом — ну, просто как дом родной, где можно вволю покуражиться над окружающими. И на суде есть большой шанс увернуться от «срока», а если и дадут его, то скорее всего, как показывает опыт, выпустят задолго до окончания. В общем, не страшно. Так сказать, пугает, но не останавливает (при существующем положении дел).

Если судить по выступлениям в печати и по собственным беседам с любителями «отклоняющегося поведения» — а завести такую беседу нетрудно, достаточно выйти из подъезда: выбор большой, — то единственное, что вызывает сдерживающие раздумья у подобного рода публики (еще раз напомним — отнюдь не мизерной в числе), так это «вышка», смертная казнь. Как правило, опытные «отклоняющиеся» неплохо разбираются в нашем уголовном законодательстве и стремятся избегать всего, что попахивает «вышкой». Тем же стремлением отличается их поведение при задержании. Все это невозможно не принимать во внимание. Плохо лишь, что мы словно бы стесняемся соответствующих статей Уголовного кодекса и приводим их в исполнение столь туманно (не подберу лучшего слова), что на подрастающие поколения «отклоняющихся» это практически почти никакого воздействия не оказывает, или оказывает до крайности недостаточно. Иными словами, даже «вышка» на практике оказывается недостаточно эффективной в смысле превентивного воздействия на психику потенциального высокоопасного преступника.

Наконец, в-третьих, «срок». Повторим еще раз: для подавляющего большинства людей, нормальных, добропорядочных граждан даже пятнадцать суток — потрясение, катастрофа, гражданская казнь. Но для определенной части людей (очень весомого меньшинства, величины, которой ни в коем случае нельзя пренебрегать) ни месяц, ни год, ни даже пять — десять и более лет «срока» ни

потрясением, ни катастрофой, ни вообще чем-то ужасным не являются. Так, жизненная неприятность, которой желательно избежать, но которая со всяким может случиться. Вроде венерической болезни. Или ремонта с выселением. Ни образа мыслей, ни жизненных установок не меняющее. То, что для большинства — кошмар, для этого меньшинства — курорт, с резким уменьшением дозы наркотиков (в том числе полным или почти полным исключением алкоголя), упорядочением ритма жизни и «трудотерапией». Конечно, неприятно, когда тебя «гоняют». Но обстановка в камере не очень отличается от привычной: тот же главарь — «пахан», те же подручные вокруг него, то же надругательство над всякой человеческой личностью, включая паханскую, и вообще надо всем человеческим, те же разговоры и отношения меж людьми, только без спиртного и по режимному распорядку. Глядишь, грозная поначалу «десятка» обернулась всего тремя-четырьмя годами заключения, пролетевшими как в привычном сне. Вышел — и снова на круги своя, до следующего «срока».

Два следствия, одно ужаснее другого, проистекают из такого пошехонского положения дел.

Ведь в тюремной камере, в лагерном бараке идет не просто надругательство одних заключенных над другими, функционирует целая академия преступных наук со своими «академиками», «профессорами» и «лаборантами», эффективнейше работает целый институт отнюдь неблагородных девиц и юношей до пенсионного возраста включительно. Идет обучение и воспитание, прямо противоположное не то что коммунистическому, но вообще гражданскому, устанавливаются жесткие связи на будущее. И вот уже мать пишет слезное письмо начальнику тюрьмы: нельзя ли придержать моего у вас как можно дольше, его уже ждут здесь «свои», и не миновать ему расстрела за «продолжение». Сколько опытных, вышколенных рецидивистов получаем мы ежегодно из стен учреждений, предназначенных вроде бы для противоположных результатов? Страшно сказать! (Хотя и точно известно.) Ведь это что же получается? Собственными руками, на общенародные средства, растим будущих грабителей, насильников, убийц на собственную не очень умную голову. Иначе не скажешь.

А что происходит «на воле»? Только что было соверше-

но зверское убийство, гнусное надругательство над женщиной, порой над девочкой, ребенком, разгромлена и ограблена дочиста квартира, избили до полусмерти на улице, сорвали шапку, вырвали сумку — и вот проходит пятнадцать суток, полгода, год, три-четыре года, и хулиган, грабитель, убийца, как ни в чем не бывало, водворяется в своей квартире со всеми удобствами (за которую нагло, в отличие от нас с вами, годами не платит ни копейки) и вновь начинает куражиться, сводить счеты с родными и близкими убитого, изнасилованной, ограбленных, избитых. Подумал ли кто-нибудь, какое происходит тут воспитание и в каком духе? Какое мы, общество, имеем моральное право попрекать своих членов-обывателей за то, что они трусливо убегают подальше от места преступления, чтобы «не ввязаться», за то, что они подло отсиживаются по квартирам, когда под окном кричит о помощи жертва, когда они малодушно опускают руки перед хулиганом, бандитом, двуногим скотом, даже когда их десять на одного. Да мы сами каждодневно, каждочасно превращаем гражданина в обывателя парализующей атмосферой безнаказанности любого нарушителя общественного порядка.

И тут же всякая здравая мысль тонет в море псевдоученых, а на деле столь же обывательских слюней о том, что «правосудие — не месть», «возмездие — не кара», «жестокость — не панацея» и прочее блудословие в квазинаучных трактатах, на страницах газет. Причем тут «месть», «кара», «жестокость»? Я, гражданин государства, отказался от права защищать свое имущество, свою честь, свою жизнь, честь и жизнь своих близких с оружием в руках, полностью доверил это государству. И как же государство оправдывает это мое доверие? Плохо оправдывает. Неудовлетворительно выполняет свои обязанности в отношении поддержания общественного порядка, охраны имущества, чести и жизни своих граждан.

Единственное, что наше государство делало до недавних пор весьма успешно, так это затыкало рот своим гражданам, когда они пытались вопиять по поводу неблагополучия в нашей юриспруденции вообще и охраны общественного порядка в частности. Но наступили времена гласности и пора набраться смелости открыто называть черное — черным.

10 Зак. 702

Чтобы оно перестало, наконец, быть черным. Не только на газетных полосах, но и в реальной действительности.

III

Спора нет, назвать черное — черным необходимо, но недостаточно. Следом за вопросом «кто виноват?» (и ответом: «мы, мы сами, прежде всего») должен, как водится, ставиться вопрос «что делать?» Попытаемся ответить на него в порядке своих личных соображений, основанных на многолетнем изучении комплекса социальных проблем современного советского общества. Разумеется, отдавая себе отчет, что такого рода соображения — предмет дискуссии, «информация к размышлению», не более того.

Есть в прогностике такой метод исследования — прогнозные сценарии. По принципу «если — то». Прикинуть, что произойдет при таких-то и таких-то условиях. Как бы «взвесить» последствия намечаемых и тем более принимаемых решений. Очень конструктивный, плодотворный метод. Давайте попробуем применить его к нашим правоохранительным делам.

Сценарий № 1: «сверхлиберальный». Доводим до логического конца наш курс на абсолютизацию «воспитательной работы с людьми». Закрываем на замок все наши суды и тюрьмы, распускаем милицию. Поручаем общественности в лице женщин с хозяйственными сумками в руках и красными повязками на рукавах стыдить хулиганов и преступников на улице. Открываем вместо народных судов товарищеские и продолжаем стыдить согласившихся стыдиться. Что получится? Последствия настолько ясны, что даже самые велеречивые либералы застенчиво отворачиваются от них (хотя ведут именно к этому).

Сценарий № 2: «сверхрадикальный». Объявляем чрезвычайное положение и начинаем каждого хулигана вешать на ближайшем столбе, а каждого преступника — выволакивать на лобное место (благо оно сохранилось) и всенародно четвертовать, колесовать, сажать на кол. Что получится? Горький исторический опыт показывает: получится, как с легализацией порнографии — сначала шок, потом привычка. Люди с таким же удовольствием будут смотреть на казнь, с каким смотрят бокс или хоккей, где мордобоя тоже хватает. А все прочее останется как было.

Да, нам известны страны, где вору отрубают руку или где его расстреливают вместе со всей родней, не щадя ни пола, ни возраста, публично, на страх всем прочим. Но в этих странах — совершенно иная социальная обстановка и совершенно иные социальные проблемы. Озлобленного жизнью человека, принявшего стакан-другой водки или запутавшегося в паутине мафии, после совершенного им преступления хоть четвертуй, хоть колесуй — завтра повторится то же самое. А масштабы преступности, мы об этом уже говорили, у нас таковы, что никаких колес не хватит, а преступления все равно останутся.

Можно придумать еще 22 сценария и в том, и в этом роде — и все они окажутся вопиюще утопическими в смысле беспомощности перед преступностью и еще более кошмарных последствий для общества. Следовательно, нужно вырабатывать сценарий № 23: «оптимальный» (оптимальный для преодоления данной проблемной ситуации в данной стране, в данное время). А для этого необходимы прежде всего критерии оптимальности, необходимы принципы, которыми не должны поступаться не только разные мракобесы и мракобески, но и все мы, граждане нашей великой страны.

И первый принцип, основополагающий — гуманность. Полная и подлинная. Относящаяся не только к преступнику, но и к нам, его жертвам. Человеческая личность как самоцель в научном коммунизме. Человеческая жизнь как самоценность, высший приоритет в кругу наших ценностей, согласно этому мировоззрению. И именно поэтому, во имя этого, первейшая заповедь для действительно эффективного уголовного кодекса:

За посягательство на человеческую жизнь — смерть!

Да, смертная казнь — тоже своего рода лишение человека жизни. Поэтому надо стремиться к ее отмене. Не должно быть в жизни никаких казней, тем более смертных! Но для такой отмены необходимы соответствующие условия, которые надо создавать. А пока таких условий нет, пока смертная казнь хоть в малейшей степени помогает сдерживать смертоубийства — отменять ее так же преступно-глупо, как «отменять» деньги, армию, милицию и другие государственные атрибуты, доставшиеся нам по наследству от прошлого.

Да, существуют смягчающие обстоятельства, и не

каждого, посягнувшего на человеческую жизнь, надо убивать. При известных обстоятельствах целесообразна замена казни каторгой, но, естественно, не двух-трехлетним «курортом», а достаточно продолжительной и достаточно суровой, чтобы у преступника, при одной мысли о ней, дрогнула рука и подкосились ноги. Мало того, чтобы преступник знал: покусившийся на человеческую жизнь не имеет более права жить в мире людей, он обречен провести остаток дней своих после каторги на поселении, среди себе подобных. Мало того, если даже посягательство на жизнь совершено нечаянно (за исключением, разумеется, права на самооборону или когда доведен до отчаяния) — человек, лишивший жизни другого человека, должен быть лишен права жить среди людей. Раньше такое преступление искупали годами покаяния в монастыре. Теперь монастырей для этого не хватит. Следовательно, надо создавать места, столь же удаленные от суеты мирской, где покусившийся на чужую жизнь и не лишенный, по смягчающим обстоятельствам, своей собственной, после каторги или вместо нее, имел бы достаточное время поразмыслить о содеянном, происшедшем и постарался искупить свою вину перед обществом и его убиенным членом самоотверженным трудом.

Главное и здесь — гласность, общеизвестность для всех суровых следствий посягательства на человеческую жизнь. Воспитание не словом, а реальной, хорошо известной всем перспективой в случае покушения. Если же такое воспитание окажется действенным и смертоубийства начнут сводиться, как в некоторых иных-прочих странах, к исключительным, чрезвычайным случаям — что ж, тогда смертная казнь выполнит свою репрессивно-умеряющую роль, перестанет быть целесообразной и может быть заменена, как и там, пожизненным заключением. Но принцип, согласно которому человек, лишивший жизни другого человека, ни при каких смягчающих обстоятельствах, кроме самообороны или отчаяния, не имеет права на жизнь среди людей, а должен убивать оставшиеся годы среди себе подобных, представляется разумным и высокогуманным сохранить и после отмены смертной казни.

По той же логике, вторая заповедь действительно эффективного уголовного кодекса:

За посягательство на общее или чужое имущество — каторга!

Действительно, если преступник не убил, а украл, и таких, как он, в отличие от убийц, мириады, и никакие казни, как мы видим, не помогают (и помочь не могут из-за вышеописанных объективных причин), то зачем зря лишать его жизни? На наш взгляд, гораздо эффективнее и гуманнее, если перед ним будет маячить перспектива продолжительного тюремного заключения — но такого, которое не казалось бы ему «курортом». И для этого вовсе не обязательны издевательства над заключенным, характерные для сталинских лагерей. Просто пора, наконец, отказаться от ханжеско-утопического мифа о том, будто тюрьма кого-то способна «воспитать», «исправить», пора вычеркнуть из нашего карательного лексикона лицемерное словосочетание «исправительно-трудовой» и т. п. и ясно уразуметь: тюрьма должна быть не исправительным домом, коим она никак не может стать, а местом ужасающей кары — кары каторжным трудом, ужасающей не преступника (своим каторжным трудом он лишь искупает свою вину перед обществом), а нас с вами, чтобы мы не позарились на общее или чужое, не совершили корыстного преступления. И когда «срок» отбыт, преступник опять-таки отправляется на определенное число положенных лет в ссылку, на поселение, и вообще возвращается в мир людской только в случае, если какой-то коллектив берет его на поруки и отвечает за него на протяжении известного времени. А если рецидив — то возврата в мир людской больше нет.

Напрашиваются два исключения из этого правила, противоположные по своему характеру.

Первое. Главарей мафии (преступных организаций, связанных с коррумпированной частью госаппарата) и по целесообразности, и по справедливости следует приравнивать к самым отъявленным убийцам, даже если они лично ни в каких преступлениях не изобличены. По очень уважительной причине: всякая мафия (в том числе и наша отечественная) это — микрогосударство в государстве, причем враждебное нашему обществу и в совокупности грозное для него не меньше Гитлера. Мафия — это всегда или почти всегда поборы, вымогательство, рэкет, шантаж, сломанные жизни ни в чем не повинных людей и трупы,

трупы, трупы... Пока что мы довольно беспомощны против такого врага. И чем круче сделаем ему укорот — тем меньше понесем потерь. В том числе и людских.

Второе. Каторга должна полагаться за посягательство на общее или чужое имущество только при достаточно большой дерзости или масштабности, то есть когда налицо действительно отъявленный преступник. А отъявленные ли подавляющее большинство наших осужденных, отбывающих срок за мелкие корыстные преступления, да еще по первому разу? Ничего подобного! Это — в точности такое же мелкое жулье, как и их оставшиеся непосаженными коллеги. Только одни уже попались, а другие еще нет, вот и вся разница. Отъявленными преступниками они становятся уже после тюрьмы, пройдя «камерную академию» и окончательно запутавшись в тенетах уголовного мира. А раз это так, то глупо и преступно смешивать козлищ с агнцами (хотя и те, и другие пахнут скверно). Гораздо разумнее и справедливее применить к нечистым на руку «агнцам» третью заповедь:

При смягчающих обстоятельствах — исправительные работы.

Последние никоим образом нельзя совмещать с местами заключения (во избежание превращения агнцев в козлищ), а надлежит назначать либо непосредственно по месту жительства — и даже, возможно, по месту прежней работы, либо, при менее смягчающих обстоятельствах, в соответствующих населенных пунктах, желательно населенных исключительно собратьями по разуму и совести. В том и другом случае судимость — налицо, кара — тоже, воспитательный эффект (если не все потеряно) — тоже, а опасность вовлечения в более тяжкие преступления после отбытия наказания — несравненно меньше.

При таком раскладе, надо полагать, можно было бы во много раз сократить число заключенных, которых у нас едва ли не на порядок больше, чем в иных равномасштабных странах мира. И во столько же раз повысить эффективность карательной системы, пока что, увы, невысокую.

Остается четвертая и последняя заповедь:

За сравнительно незначительные нарушения общественного порядка — очень значительный штраф.

Просто поразительно, до чего неуклюже и неэффективно используем мы эту в высокой степени действенную и притом «нетрудоемкую» меру. Что такое в современных условиях штраф в один рубль, трешницу, пятерку, десятку,

пусть даже в двадцать пять рублей? Так, мелкий скандал, вроде толкотни в автобусе. Одно озлобление и никакого воспитательного впечатления. Штраф, чтобы он воспитывал надлежащим образом, должен прежде всего быть крупным, порядка сотни или даже нескольких сотен, а за более серьезные прегрешения грозить и тысячными убытками (не для предприятий, конечно, а для конкретных лиц). Учитывая финансовое положение большинства наших сограждан и наличие у них детей, крупные штрафы можно брать в рассрочку — путем вычетов из зарплаты. Их никоим образом не следует брать за «мелочёвку» — безбилетный проезд, неположенный переход, мелкие нарушения правил езды и т. п. (в каждом из таких случаев придумано множество вариантов более эффективных и гуманных мер воздействия). Но уж если брать — то брать. Торжественно. Как минимум в отделении милиции, а для особо одаренных — и в суде. С уведомлением по месту работы. Чтобы запомнилось, если не на всю жизнь, то хотя бы на весь текущий сезон.

Ведь если подумать, что таким образом мы экономим на местах заключения, а результат можем получить более значительный, то почему бы не попробовать?

В общем, изложенные принципы можно кратко переформулировать следующим образом: требуется сделать так, чтобы агрессивные преступления были для преступника смертельно опасны, а корыстные — прямо-таки разорительны. Что называется, себе дороже. И когда потенциальный преступник перед такой перспективой попятится, — последовательно смягчать шкалу санкций, исключая сначала «вышку», затем «каторгу», наконец, возможно, слишком продолжительные исправительные работы и слишком высокие штрафы. При этом должна всемерно развиваться система общественных порицаний.

Остается подумать о совершенствовании инструментария, с помощью которого приводятся в действие предложенные санкции.

Прежде всего, необходима достаточно действенная гражданская гвардия охраны общественного порядка — и по месту работы, и по месту жительства, в тесном контакте тех и других подразделений. Будет ли она называться народными дружинами или как-то еще — вопрос десятый. Будут ли ее члены носить красные повязки на рукавах или экипироваться как-то иначе — тоже вопрос не первостепенный. Главное, чтобы патрульная служба

такой гвардии приводила в трепет потенциальных нарушителей общественного порядка и чтобы наведение порядка в необходимых случаях совершалось оперативно и эффективно. Для этого в гражданской гвардии должен состоять не всякий, а облеченный доверием сограждан. С продуманной организацией и весомыми стимулами своего нелегкого труда. В идеале туда должен быть конкурс, как в НИИ или в ГИТИС, выборы, как в Академию наук.

В сложных случаях на сцене должен появляться участковый инспектор (хорошо бы дать этой должности более краткое и звучное наименование). Не просто лейтенант или даже капитан милиции, а самый настоящий министр внутренних дел своего микрорайона или села. Желательно, избранный населением. Подчиненный, понятно, более высокому начальнику, но подотчетный районному Совету народных депутатов и, конечно же, своему подведомственному населению. Не сменяемый каждую секунду новым в нашей обычной милицейской чехарде. Хорошо знающий каждого из своих подопечных и успевающий познакомиться с каждым подозрительным «гостем». Достаточно авторитетный, чтобы его слушались с полуслова. И достаточно полномочный, чтобы не колебаться разрядить пистолет в кого следует. Такой инспектор — подлинная опора правопорядка — способен заменить не менее десятка наших бесправных, безоружных, никакому хулигану не страшных работников милиции.

В еще более сложных случаях вызывается милицейский патруль. Но это должно быть такое ЧП, чтобы любой хулиган при виде «мигалки» падал в обморок как субтильная барышня, чтобы рука угнавшего машину сама тянулась к ключу, а ноги сами выносили его из кабины вымаливать прощение, чтобы любой преступник, как фриц в 45-м, кричал «капут!», бросал оружие и поднимал руки вверх. Понятно, для этого патрульная служба должна быть организована менее забавно, чем это выглядит сегодня.

Затем — суд. Избранный народом. Независимый ни от законодательной, ни тем более от исполнительной власти. Наоборот, способный, в случае необходимости, призвать к суровому ответу и ту, и другую. С помощью столь же независимой и авторитетной прокуратуры. При содействии столь же авторитетной адвокатуры. Независимость судей должна обеспечиваться и материально (достаточно высокой зарплатой), и организационно (несменяемость до следующих выборов либо до отзыва самими избирателя-

ми). Любая попытка оказать на суд «давление сверху» должна тут же пресекаться, как злостное хулиганство с соответствующими санкциями, не взирая на лица.

Наконец, — гласность. Полная и подлинная. И в отношении имеющейся преступности, и в отношении действенности органов, ее пресекающих. Только таким образом можно воспитать из массового обывателя — продукта морального разложения общества, о чем мы сегодня с такой горечью читаем в партийной печати, — массового Гражданина, главную нашу опору и надежду в борьбе с преступностью.

* * *

Несколько лет назад автор встретился в Тбилиси со своими старыми грузинскими друзьями, и они рассказали ему такую историю. Всю республику незадолго до того потряс неслыханный прежде случай киднеппинга: украли ребенка и потребовали выкуп. Традиционные методы розыска ничего не дали. И тогда руководство милиции решилось на беспрецедентный шаг. С разрешения надлежащих республиканских инстанций, оно объявило по радио и телевидению, что если ребенок не будет возвращен родителям к такому-то часу, — все дело розыска и возмездия передается самому народу. Задолго до назначенного часа ребенок оказался перед родительским домом, и больше ничего подобного в республике не повторялось.

Не знаю, насколько точен и достоверен рассказ. Понимаю, что в данном случае сказалась специфика республики, которую вряд ли можно механически переносить в другие регионы страны. Сознаю, что впечатления могут быть разные и дискутировать можно без конца. Убежден в одном: если все было, как рассказывали, то это — самая высокая государственная мудрость и самая подлинная гуманность. Подлинный гуманизм, который не имеет ничего общего с блудословным псевдогуманизмом, принесшим нам столько вреда на протяжении многих десятилетий.

АРКАДИЙ АДАМОВ,
писатель

«Расстрельные» статьи

Так наши юристы порой называют статьи уголовного кодекса, по которым предусмотрена смертная казнь — расстрел. Их у нас много, этих статей, больше, чем в любом кодексе мира. Тут, правда, наблюдается один любопытный парадокс, но на нем я остановлюсь немного позже. И все же ни одна цивилизованная страна не имеет такого сурового кодекса.

Пришло время задуматься над этим. Тем более, что сейчас активно готовится новое уголовное законодательство. Работают комиссии специалистов. Ученые и юристы-практики выступают по этому поводу в печати. Надо бы и общественности высказать свое мнение. Более того, необходимо. Настало такое время, время движения общества к новым гражданским и нравственным рубежам, к новому осознанию себя и своего пути.

Так вот, именно сейчас, мне кажется, следует поставить вопрос о решительной отмене у нас смертной казни. И отстаивать эту точку зрения надо не только горячо, настойчиво, но прежде всего доказательно. Слишком много у нее пока что противников, слишком долго воспитывались мы в противоположном духе. Здесь, как правило, элементарная неосведомленность соседствует с невоспитанностью чувств.

Вот, например, бьет тревогу газета «Советский спорт» (от 27 октября 1987 г.). Рассказав о трагической судьбе наркомана, бывшего мастера спорта, корреспондент приводит читательские отклики, в том числе и такие: «Этих наркоманов надо ставить к стенке, как бешеных собак, а спортсменов из них расстреливать прямо на стадионах при 100 тысячах народа. Это мое предложение», — пишет москвичка Дина Р. и дальше журналист в тягостном недоумении отмечает: «По странности ли, по новейшей закономерности ли, но в среднем семь из десяти писем (подобного рода. — *А. А.*) присланы девушками в возрасте от 15 до 19 лет». Страшно? Еще бы. Или мнение читателя «Огонька» Д. Петрова из Новосибирска (№ 39, 1987 г.):

«Государство без смертной казни — это не государство... По телевизору показать пару расстрелов...»

Мои друзья, ученые-юристы из научно-исследовательского института по укреплению законности и правопорядка рассказали мне как-то об опросе, который был проведен в одном не очень большом, самом обычном городе. Перед определенным числом людей разного возраста, пола, профессии, уровня образования и так далее были поставлены несколько вопросов, и среди них такой: «Что, по-вашему, надо делать со злостными хулиганами?» И больше половины ответило: расстреливать, а некоторые даже потребовали: вешать на площадях. Так люди дали выход своему негодованию, гневу, наконец, своей тревоге за себя и своих близких.

Сколько раз мне приходилось и сейчас приходится беседовать на эту тему порой с весьма образованными и вполне интеллигентными людьми и как часто я слышу от них убежденное, горячее мнение: наказывать так, чтобы леденела кровь, лить «их» кровь, чтобы не текла наша. Словом, все то же: «Государство без смертной казни — это не государство».

Как видите, важный разговор о смертной казни только начинается. И я постараюсь аргументировать подробнее свою точку зрения.

Так вот, у нас имеется семнадцать статей в уголовном кодексе, по которым предусмотрена смертная казнь — расстрел. И здесь кроме «обычных» для уголовных кодексов других стран статей за убийство, шпионаж, предательство Родины (чаще всего, однако, лишь в военное время) имеются статьи, повергающие зарубежных юристов в недоумение и растерянность: за особо крупные хищения социалистического имущества, валютные операции, взятки, изготовление или сбыт поддельных денег.

Откуда взялась подобная жестокость, отразившаяся в нашем кодексе и в нашем общественном сознании? Это серьезный и непростой вопрос, над которым мы долгое время не желали и даже не смели задумываться. Я не говорю о специалистах, я говорю об обществе в целом, об общественном мнении, общественном сознании.

Мне кажется, подобная жестокость родилась из одного опасного заблуждения и, конечно, в весьма «подходящих» условиях. Что это были за условия? Социально-истори-

ческие, понятно, определявшие в конечном счете и цену человеческой жизни в глазах людей. Высока ли она была? Судите сами.

Я сейчас не буду уходить в глубь веков (хотя при серьезном анализе это необходимо). Давайте начнем с гражданской войны, с четырех ожесточенных и кровавых лет безоглядной борьбы угнетенных за светлое будущее, когда нередко брат шел на брата и сын на отца. Тут цена человеческой жизни, отдельной, единственной и неповторимой, неизбежно упала, как говорят, ниже низшего предела. А дальше? Бесчисленные белые заговоры, разгул уголовщины, саботаж буржуазных «спецов», который в условиях голода и разрухи «тянул» на весах правосудия ничуть не меньше бандитизма. И молодая революционная власть карала за все это высшей мерой.

Вы понимаете, я касаюсь лишь одной стороны жизни нашего общества того времени, жившего святыми идеалами «равенства и братства», идеалами социализма.

Затем наступили еще более крутые времена. Началась поспешная и жестокая «сплошная коллективизация и ликвидация кулака как класса», сопровождавшаяся, как известно, неслыханным нарушением законности, многочисленными волнениями и насильственным, безжалостным разорением и переселением миллионов крестьянских семей. Человеческая жизнь в глазах людей, одна отдельная жизнь, в этих условиях и вовсе мало что значила.

И уж вовсе ничего она не значила потом, в период массовых, развязанных Сталиным кровавых репрессий, породивших сотни тысяч палачей, доносчиков и провокаторов. Причем, все это к тому же теоретически «обосновывалось» антинаучным, провокаторским тезисом Сталина о том, что с победой социализма классовая борьба в обществе якобы нарастает и «врагов народа» становится все больше. Неуемная жестокость подогревалась и лозунгами вроде: «Кто не с нами, тот против нас», «Если враг не сдается, его уничтожают», звавших к непрерывной и безжалостной борьбе. Тот период отмечен такими небывалыми в истории жертвами, таким несправедливым, слепым и жестоким уничтожением ни в чем не повинных людей, что цена жизни стала и вовсе эфемерной в глазах каждого.

Ну, а потом — самая страшная и жестокая из всех пережитых когда-либо нашим народом войн. При всей

воодушевляющей святости ее высоких задач и итогов, давшей, однако, после ее окончания огромный рост преступности, в борьбе с которой за жизнь и покой измученных людей, мы, пережив войну, не скупились на жестокость, видя в ней радикальное и быстрое средство искоренения преступности.

Вот тут я и подошел к тому весьма распространенному заблуждению, о котором упомянул выше. Это отнюдь не только обывательское и потому, как бы, безобидное заблуждение. Отнюдь нет. Его сторонники имеются в самых разных по уровню руководящих кругах, дающих и проводящих в жизнь соответствующие указания на этот счет. А само заблуждение можно определить так: ставка на жестокость наказания в борьбе с преступностью.

Вот где истоки «расстрельных» статей. Они, как правило, возникли из обесценивания жизни и направлены якобы на ее защиту.

Но можно ли страхом, запугиванием, жестокостью уничтожить в людях жестокость? Реально ли это? И потому — мудро ли? Вопрос слишком сложен и важен, чтобы отвечать на него исходя из собственных представлений и чувств. Что же поможет ответить на него разумно и мудро? Очевидно, наука. И первая из них — это история.

Я вспоминаю классический пример на этот счет из учебников криминологии, однажды я на него ссылался в своей книге. В давние времена в Париже появилось небывалое количество карманных воров. И парижский муниципалитет издал драконовский указ: немедленно гильотинировать каждого, кто попался на такой краже. Страшный указ зачитывался на самых больших площадях Парижа при огромном стечении горожан, которые с замиранием сердца слушали глашатаев. И вот в этот-то момент на площадях было совершено такое количество краж, какого не знал Париж. Почему? Что, те люди сошли с ума? Ничуть. Просто возникла чрезвычайно благоприятная ситуация, почти невероятная в другое время: люди, жадно слушавшие указ, совершенно забыли о своих карманах. А воришек указ не удержал от неслыханного соблазна, от привычного, дерзкого, злого дела, он лишь добавил этому делу лихости и азарта, доза же страха не изменилась.

Попробуем уйти дальше в глубь веков. Мрачное средневековье дает нам такой фантастический набор

немыслимых жестокостей и пыток, что кровь стынет в жилах при одном упоминании о них. Эти страшные пытки и казни обрушивались не только на головы еретиков и неверных жен, но и преступников. И что же? Я думаю, что даже неверных жен стало со временем отнюдь не меньше. А ведь их «воспитывали» не год, не десятки лет, а века. И меньше ли стала преступность в человеческом обществе? Отнюдь. Куда больше.

Теперь возьмем совсем близкие нам примеры. В 1954 году у нас был опубликован указ о смертной казни за умышленное убийство «при отягчающих обстоятельствах». И что же? Сократилось ли число таких убийств? Мы, к сожалению, точно не знаем об этом, статистика преступлений до сих пор остается для нас закрытой, что, конечно, серьезно тормозит рост правосознания общества. Однако по косвенным и отрывочным данным мы можем предположить, что этот указ не оправдал возложенных на него надежд.

И уж вполне очевидно не оправдали надежд «расстрельные» статьи, введенные позже и направленные против расхитителей и взяточников. Достаточно вспомнить гигантское «хлопковое дело» по Узбекистану, дело по «Океану» или московскому Главторгу, да и немало других. Ведь никого там не испугали «расстрельные» статьи. Никого!

Нет, суровость и даже жестокость законов во все времена «не срабатывала» на благо человека, не облагораживала нравы и не уменьшала преступность, все ее виды, вплоть до самого страшного и опасного — убийства. Мало того. Не приносящая пользу жестокость законов неизбежно порождает ответную жестокость. Это тоже замечено историей.

В руках общества, особенно нашего общества сегодня, имеется множество форм нравственного воздействия на людей. Но одна из самых эффективных всегда была и остается — пример, образец для подражания, некая всеобщая и незыблемая нравственная норма. Понятие это, естественно, весьма широкое. Но я имею в виду сейчас пример один, особый: отмена смертной казни, «расстрельных» статей.

Такие предложения, кстати, уже вносились некоторыми нашими учеными-юристами. У них был при этом еще

и особый мотив, я имел именно его в виду, упомянув в самом начале о любопытном парадоксе нашего на редкость сурового кодекса. Дело в том, что многие из «расстрельных» статей либо вовсе не применяются судами на практике, либо применяются крайне редко. Потому-то некоторые ученые и предлагали «освободить» наш УК от этих статей и привести его в соответствие с более гуманной практикой. Но им каждый раз отвечали: «Оставим. Все-таки будут сдерживать». Как видим, все та же давно опровергнутая ставка на суровость наказания, на запугивание, на страх.

Однако куда существеннее тут другие аргументы. Я уже приводил однажды некоторые из них в своей книге (она вышла в 1980 году), но поддержки и даже отклика они тогда не нашли.

Первый аргумент — это уже упомянутый мною нравственный пример. Всем своим авторитетом общество провозглашает, отстаивает и неуклонно внушает поколению людей: человеческая жизнь священна и неприкосновенна. Как говорили в старину: «Бог дал, бог и взял». Только так. Исключая, конечно, навязанную нам войну и защиту Отечества. А что касается суровости кары за совершенное преступление, то, наверное, заключение на длительный срок, а то и пожизненное, перенести даже тяжелее, чем мгновенную смерть. Казнь же рассчитана только на устрашение живых. А на мнимую эффективность устрашения красноречиво указала нам история, давняя и близкая.

Есть и еще один аргумент. Задумывались ли вы когда-нибудь, почему врачам запрещено даже в случае жестокой, смертельной болезни прекратить мучения умирающего? Ведь это, кажется, самое гуманное, что может в данных условиях предпринять врач. Но нет, это запрещено ему не только законом, но и медицинской этикой. Почему же? Потому что — а вдруг? Вдруг что-то случится, некое чудо, и человек поправится? Медицина понимает, что пока она не всесильна и не всезнающа, что таится еще много непознанного в удивительном создании природы — человеке. А кроме того, вдруг врач ошибется и примет тяжкую болезнь за неизлечимую, кризисное состояние за предсмертное? И вот во имя высшей гуманности медицина отказы-

вается от сиюминутной, благородно сознавая и признавая, что она пока не всесильна.

Здесь можно найти некую нравственную и, я бы даже сказал, юридическую аналогию со смертной казнью. И тут присутствует это «а вдруг?». Вдруг что-то случится, сработает какой-то неведомый нам нравственный регулятор из прошлого или настоящего этого человека и он, казалось бы, закоренелый преступник, исправится. Возможно такое? Случалось? Да, случалось. Порой совершенно неожиданно для всех.

В огромной почте, скопившейся у меня, отдельно лежит большая стопка писем от людей, в разное время совершивших преступление, порой весьма тяжкое, порой не одно. Среди этих писем есть весьма интересные и даже необычные. Некоторые из них убедительно подкрепляют изложенную выше мысль. Я хочу привести два коротких письма.

Вот первое, уже давнее. Привожу с некоторыми сокращениями и исправлением в орфографии.

«Многоуважаемый товарищ Адамов! Будем знакомы! Извините за беспокойство, прошу уделить десять минут внимания, меня заставляет обратиться к Вам долг. С большим увлечением и жадностью прочел я в «Юности» Вашу повесть, после чего у меня родилось неудержимое желание кое в чем Вам признаться.

В недавнем прошлом я принадлежал к преступному миру и был одним из активных воров-блатных по кличке «Летун», а позже «Директор» из-за моей деликатности и внешнего покрова. На моих делах везде было обозначено «Рецидив», имел несколько судимостей за кражи и грабежи. Когда меня помиловали от «вышки», я особенно не задумался, представляете себе меня?

Но тут вот что случилось. Освободившись в последний раз из заключения, я ехал к родным в Ташкент, где не был 15 лет. А там незадолго произошло страшное землетрясение. Вы слышали, думаю? А я вот нет. И так ехал. В итоге моя мать погибла в этом землетрясении, отец был в тяжелом состоянии, я его увидел в больнице. И тут, верите, сердце мое дрогнуло, не выдержало перегрузки. Мать и отца я жутко любил, а тут еще море слез кругом, девушки меня, извините, особенно трогали. И я решил честно работать и помогать отцу. Пошел в одну промыш-

ленность. И началась у меня интересная и полезная жизнь, а после смерти отца я даже женился. Я свой характер направил на нужное дело и кое-кто, кто плохо работает, меня, извините, побаивается. Сейчас я являюсь редактором стенной газеты и мне доверяют даже подписывать денежно-банковские документы в отсутствие начальства. У меня уже в голове кое-какое образование, а супруга — врач».

Автор письма просил меня срочно приехать и «написать фильм» по его «делу» потому что он будет для всех очень поучителен.

К этому следует только добавить, что он написал абсолютно правдивое письмо, в этом я потом убедился.

И второе письмо.

«Уважаемый товарищ Адамов! Я бы Вам в жизни не написал, если бы не один факт. В журнале «Смена» я прочел Вашу повесть «След лисицы» и был поражен. Как это так, я Вас не знаю, а Вы меня знаете? Вернее, мое «дело»? Иначе как Вы могли описать ту «динаму», которую со мной прокрутили?

Два слова о себе. Кончил Плехановский и был директором магазина «с головой». Искал красивую жизнь и нашел. У меня в гостях были артисты и поэты, а я у них...

Как я получил вторую судимость? Именно за то, что Вы описали. На «очко» шел товар, конечно, левый, а абсолютный дефицит шел налево. Получился даже каламбур, видите? Но это плохой каламбур. По моему делу оказалось две высших меры. Это, кажется, кого хочешь отрезвит. Нельзя зарываться. Но некоторым не дает покоя размах.

Но я Вам не ради каламбура пишу. Я обдумываю заново свою жизнь. В конце концов сорок три года — это еще не конец для мужчины. Как прожить оставшуюся жизнь? Скажу Вам сразу, хочу прожить ее честно, по закону. И не страх меня гонит, клянусь. Но я чувствую какой-то переворот в душе. Тут случилась со мной одна история. Я Вам потом ее опишу...»

Но переписка наша внезапно оборвалась. Истории Игоря Семеновича я так и не узнал.

Однако же и тут тоже: не страх, а «переворот в душе». Внезапно сработал неведомый никому нравственный регулятор. Случилось то самое «а вдруг?».

Есть и второй аргумент, тоже по аналогии с медициной.

Вдруг мы ошибемся и примем тяжкую нравственную болезнь за неизлечимую? Больше того, возможна ведь и судебная ошибка, и человек вообще «не болен», он невиновен, но роковое стечение обстоятельств или небрежность, некомпетентность, наконец, просто умышленная фальсификация помешали это установить.

Что, разве не бывает подобных «судебных ошибок»? Бывают, конечно. Мы и раньше знали об этом. Теперь мы знаем куда больше. Да одних, к примеру, страшных «витебских дел», по которым были жесточайшим образом осуждены ни в чем неповинные люди, один из них расстрелян, а другой, будучи приговоренным к смертной казни, сошел с ума — уже одних этих преступно фальсифицированных дел достаточно, чтобы навсегда зачеркнуть «расстрельные» статьи в нашем кодексе. Но судебных «ошибок» такого рода куда больше. Это мы тоже теперь знаем. И необходимо иметь возможность их хотя бы исправить рано или поздно. «Расстрельная» статья навсегда отрезает такую возможность. Навсегда.

И еще одна тревожная проблема встает за всем этим: кому мы доверяем это острейшее оружие в борьбе с преступностью, оружие, которое столь часто оборачивается против наших же принципов и задач, сея безвозвратные потери? Как же еще часто, недопустимо часто (если вообще считать, что какой-то «допуск» тут возможен!) встречаются среди наших следователей, прокуроров, судей люди малокомпетентные, трусливые, равнодушные, недобросовестные. И удивительно и страшно, что их, по-видимому, никто даже не пытается привлечь к ответственности за фальсификацию следствия, за неправосудные, несправедливые приговоры по явно сфабрикованным делам, о которых мы теперь то и дело читаем. Вы хоть раз видели сообщение о процессах над подобными судьями, следователями и прокурорами? Выходит, их не было, таких процессов? Почему? Ведь в Уголовном кодексе РСФСР, как и других союзных республик, есть специальный раздел: «Преступления против правосудия».

Так из глубин всплывают сегодня темные пятна прошлого, жуткое эхо давнего сталинского террора и глубокого равнодушия недавних «застойных» лет. Все та же цена человеческой жизни, которая когда-то ничего не

стоила в глазах людей. Но ведь это уже сегодняшние люди! Многих из них и близко нельзя подпускать к правосудию.

И здесь тоже не срабатывает наша, казалось бы, вполне демократическая система выбора судей. У нас давно отбили охоту, вкус, интерес к таким выборам, превратив их, как впрочем, и всякие другие выборы, в пустую формальность, в жесткий административно-командный акт. Мы привычно и равнодушно идем на избирательные участки, а то и просим кого-либо проголосовать за нас и бросить в урну бюллетень с одним-единственным именем совершенно незнакомого человека, которого кто-то назначил нам в судьи. Вот так и голосуем, как двадцать, сорок лет назад, а потом возмущаемся и страдаем, когда тот или иной судья оказывается недостоин поста, на который мы же его и избрали.

Ну, а некоторых судей надо просто заново учить юридической грамоте. А как же иначе? В нашей печати приводились данные анкетирования столичных — столичных! — судей. Они меня поразили. Оказывается, лишь 64% из них согласились, что гласность судопроизводства помогает правосудию! А на вопрос «способствует ли повышению правосознания публикация материалов о работе судов?» большинство судей ответило «нет». Большинство! Таково правосознание самих судей.

О, не всех, конечно. И это не дежурная, стандартная оговорка. Я встречал превосходных судей, которыми можно гордиться и которым можно бестрепетно вручить судьбу человека. Таких судей я встречал, конечно, и в Москве. Но... все-таки большинство из них ответило «нет» гласности в судопроизводстве — краеугольному камню нашего правосудия. А потому можно ли ждать от них правосудных решений? Можно ли вкладывать в руки таких судей «расстрельные» статьи, после применения которых уже ничего исправить нельзя?

Вот какая еще встает проблема, когда мы обсуждаем судьбу злополучных «расстрельных» статей в нашем кодексе. Та самая проблема кадров, о которой шла речь еще на январском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС. Как же она болезненна, тревожна и безотлагательна в нашей правовой области!

Один старый адвокат, в прошлом моряк, сказал мне однажды: «Если шлюпка — визитная карточка корабля, то

правосудие — визитная карточка общества». Это справедливо. И нам много надо сделать, чтобы наше сегодняшнее правосудие отражало наше время открытой, честной и справедливой борьбы за подлинные идеалы социализма. И гуманизм есть неотъемлемая его часть.

Давайте же обойдемся без жестоких и бессмысленных «расстрельных» статей в новом нашем кодексе. Совсем обойдемся. Навсегда.

...И вот мы уже видим в газете вынесенный на народное обсуждение проект Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, и снова в статье 41 читаем: «В виде исключительного наказания, впредь до его полной отмены, допускается применение смертной казни — расстрела...» Вот видите, все-таки снова расстрел! Когда же законодатель предполагает эту «полную отмену»? В каких немыслимых, идеальных условиях эта «отмена» окажется возможной? Ведь санкция очевидно уже сегодня не эффективная в смысле воздействия на живых — страх не действует, мы убедились в этом, более того — мера вредная, ибо авторитетом государства как бы освящается убийство, и потому никак не ведущая к смягчению нравов. Но как мы, однако, любим осторожничать, любим половинчатость там, где нужна разумная, мудрая и бесповоротная решимость, как боимся расстаться с неразумной, но зато привычной жестокостью, выдавая боязнь решительных перемен за мудрость. И потому я повторяю свое предложение: совсем обойтись без «расстрельных» статей. Навсегда. И тем, кстати, показать наши сегодняшние передовые, гуманные позиции в мировом уголовном законодательстве: наш путь в ходе перестройки — от самого сурового к одному из самых прогрессивных уголовных кодексов в мире.

БЕЗУГЛОВ Анатолий Алексеевич —
член Союза писателей СССР,
доктор юридических наук,
профессор

ХАЗИН Макс Григорьевич —
старший помощник прокурора
Московской области

Диалог на не совсем обычную тему

Хазин: Итак, тема нашего диалога — смертная казнь. Быть ей или не быть? Что можете сказать по существу заданного вопроса?

Безуглов: Вы прямо играете следователя из посредственного детектива. А по существу могу ответить — быть... Я глубоко убежден, что пока рядом с нами совершаются такие ужасные вещи... Хотя бы те, которые попали в печать. Кстати, я воспользуюсь Вашим же примером.

Помните, Вы описали в «Неделе», как в одном казахстанском городе группа бандитов вырезала семью из шести человек? До них дошли слухи, что семья эта очень богата, у них можно взять «ведро золота». Налетчики долго готовились к нападению, обзавелись холодным и огнестрельным оружием, изготовили маски, арендовали машину. Они даже проводили репетиции, составили план местности и дома, где жили их будущие жертвы. Ворвавшись поздно ночью в дом, эти изуверы не просто убили всех его обитателей, а сначала подвергли их жестоким пыткам. На глазах главы семейства они отрезали ухо у его сына-подростка; в присутствии матери и деда мучили шестимесячную девочку. Не добившись ничего, — потому что ценностей у этой семьи было не больше, чем у любой другой, — бандиты свалили в кучу мертвых и еще живых, облили специально для этого принесенным с собой бензином и подожгли. Спасти никого не удалось... Более того, они планировали убить не шесть, а восемь человек! И убили бы, если бы одна девушка не осталась в тот день ночевать у родственников, а другой посчастливилось спрятаться

в момент нападения. Вы показывали мне фотоальбом, составленный следователями по этому делу. Так ведь на снимки нельзя смотреть без содрогания... Думаю, что Верховный суд Казахской ССР вынес единственно возможный в этом случае приговор: все непосредственные участники убийства осуждены к смертной казни. А вы разве другого мнения?

Хазин: Свою точку зрения я хотел бы изложить чуть позже. Сейчас же меня интересует вот какой деликатный вопрос. Ваши многочисленные коллеги — и писатели, и ученые — в подавляющем своем большинстве ратуют за полную и безоговорочную отмену смертной казни. Мотивировка у них разная, но один мотив незримо присутствует у всех, как бы за скобками: люди творческих профессий, мол, изначально гуманнее всех прочих, а потому больше склонны к состраданию. Ваше выпадение из общего ряда не объясняется ли желанием пооригинальничать, выказать свою индивидуальность и неповторимость?

Безуглов: Я тоже не отличаюсь жестокостью, никто еще не назвал меня безжалостным и бессердечным, не чуждо мне и сострадание. Просто я не понимаю, почему гуманность творческой личности обязательно должна быть обращена на садиста, изувера, убийцу. Ведь не меньше страдают близкие его недавней жертвы. Представьте себе состояние мужа, жену которого убила, надругавшись над ней, группа насильников. Между прочим, есть и дети, они тоже знают, при каких обстоятельствах погибла мать, сами вместе с отцом нашли ее в лесу недалеко от дачи... Вы же мне и рассказали об этом недавнем случае в Подмосковье. Так вот, прежде всего я сострадаю им. Им, а не виновникам их страдания. И в их лице — обществу, которое не только вправе, но просто обязано не подвергать своих членов риску стать новыми жертвами.

Хазин: Хочу покаяться, я знал о Вашей позиции по этой проблеме, но хотелось получить подтверждение от Вас лично. За последние несколько лет мне довелось прочесть три ваших повести, где описывалось расследование тягчайших преступлений.

Напомню Вам вкратце сюжеты. Впрочем, это только говорится «Вам», на самом деле я напомню их читателям.

В повести «Трудный поединок» рассказывается, как был разоблачен в тридцатых годах судебно-медицинский

эксперт, убивший свою жену. Труп он расчленил и разбросал части его в Подмосковье.

Совершенно исключительные события описаны в повести «Соучастник преступления»: там некая Велемирова сначала убила своего внука, грудного младенца, инсценировав несчастный случай; затем пригласила наемных убийц, которые расправились со снохой, в свою очередь инсценировав самоубийство.

И, наконец, в третьей — «Горькие плоды» — некий очень шустрый молодой человек, желая остаться единственным наследником немалого родительского добра, сначала убил сестру-подростка, а затем и родителей, замаскировав последнюю акцию опять же под самоубийство.

Во всех трех повестях убийц приговорили к исключительной мере наказания. Думаю, что выбор тем и сюжетов объясняется не одной лишь замысловатостью фабулы и хитросплетениями жизненных коллизий. Правда, у меня теплилась надежда (кстати, я рад, что мои опасения не подтвердились) — а вдруг в своих художественных произведениях вы утверждаете одно, в жизни же исповедуете совсем другие взгляды? Мало ли морализаторов на бумаге допускают в личной жизни вопиющую безнравственность, да еще подводят под нее теоретическую базу: художественное творчество и поведение в быту — это де вещи разные и совпадать не должны.

Безуглов: Боюсь, что, углубляясь в эту проблему, мы слишком далеко уйдем от темы. Герои моих повестей — персонажи не совсем вымышленные. За основу каждого произведения взято конкретное уголовное дело, следовательно, у каждого героя есть прообраз со своим именем, отчеством, фамилией и одинаково страшной судьбой. Страшной, но заслуженной. Каждый обретает звание человека одновременно со своим появлением на свет. Но если в течение своей жизни он совершает поступки, недостойные этого звания, общество вправе и обязано, по моему мнению, исторгнуть его из своей среды. Навсегда. На сегодняшний день это можно сделать только одним путем.

Хазин: И тем не менее Ваши коллеги буквально засыпали средства массовой информации предложениями исключить смертную казнь из системы наказаний. Уж не считаете ли вы это проявлением, если можно так выразить-

ся, абстрактного гуманизма? Может быть, кое-кто из них настолько оторван от жизни, что рассматривает этот вид наказания, не привязывая его к конкретным обстоятельствам, при которых оно может быть назначено?

Безуглов: Всякое может быть: кто-то заблуждается, а кто́-то лукавит, подыгрывая наиболее популярному, на их взгляд, общественному мнению. Я получаю много писем от своих читателей и хотел бы привести здесь одно. Женщина, посмотрев телевизионную передачу, пишет: «В нашем городе был ужасный случай. Один изверг заманил к себе в квартиру семилетнюю девочку, изнасиловал ее и чтобы замести следы, сбросил с балкона седьмого этажа. Девочка осталась жива, но калекой, ей пришлось ампутировать руку и ногу, да еще она вся обморозилась, дело было ночью, она долго пролежала на снегу. Преступник ранее был несколько раз судим, в том числе, за убийство. Если бы такое случилось с дочерью или внучкой выступавшего по телевидению ученого, интересно, распространил бы он свою гуманность на этого изверга? Уверена, что нет, первый потребовал бы расстрелять мерзавца. А чужие дети его, значит, не волнуют, пусть погибают». Согласитесь, в здравом смысле автору письма не откажешь. Есть ведь поистине чудовища, чьи поступки возмущают душу, сердце и разум, выходят за рамки человеческого понимания. Возьмите хотя бы жителя Витебской области, о котором много писали: за сравнительно короткое время он изнасиловал и убил 36 девушек и женщин разных возрастов. Вряд ли кому-то из их близких могла бы прийти в голову даже тень мысли просить о снисхождении к нему. Пожалуй, не рискнул бы в их присутствии сделать это и никто из либералов, «абстрактных гуманистов», как Вы выразились.

Хазин: Хотелось бы узнать Ваше мнение вот еще о чем. Как известно, одна из функций наказания — исправление преступника, его перевоспитание. Ну, а в случае казни его, признайтесь, говорить об исправлении несколько бессмысленно — объект исправления перестает существовать...

Безуглов: Зря иронизируете. В этом случае функция исправления переносится на тех, кто может и готов совершить подобное преступление. Точнее, речь идет о функции предупреждения, профилактики. Что ни говори, а каждый потенциальный убийца в глубине души рассчитывает, иногда подсознательно, если не уйти от наказания

вообще, то уж сохранить свою жизнь. А будь он убежден, что кара наступит неотвратимо и при этом максимально суровая — уверен, многие убийства не были бы совершены вообще.

Хазин: Я же в этом совсем не уверен. Мне довелось как-то изучать статистические отчеты о состоянии преступности. Я специально обратил внимание на динамику умышленных убийств до введения смертной казни и после, а затем после ее отмены. Если следовать вашей логике, после отмены смертной казни количество убийств должно резко возрасти. Практически ничего подобного не было, никаких серьезных отклонений в ту или иную сторону бесстрастная статистика не зафиксировала. Можете ли вы это объяснить?

Безуглов: Очень даже могу. При отмене и введении смертной казни эти изменения закона очень мало пропагандировались среди населения. О них, в лучшем случае, знали понаслышке. Общее отсутствие гласности оборачивалось особой стыдливостью, когда дело касалось такой «деликатной» темы, как смертная казнь. И не случайно народ не верил, что она вообще у нас применяется. До сих пор бытует легенда, что приговор фактически не исполняется, а осужденных, мол, отправляют на какие-то закрытые «урановые рудники», где они в строгой изоляции и работают до самой смерти.

Хазин: Мне и самому нередко задавали этот вопрос, особенно в 60-е—70-е годы, когда часто приходилось выступать с лекциями. И раз уж мы заговорили о связанных с этим легендах, я вам расскажу еще две. Одну из них поведала очень интеллигентная женщина, редактор по профессии. Ей рассказали, что случается такое: заинтересованные лица (мафия, по ее выражению) добиваются, чтобы приговоренного к смерти на один день перед казнью выпустили на свободу, по их указке он совершает еще одно убийство, а плату за это — большую, конечно же, сумму — отдают его семье. Тайну убийства он уносит с собой в могилу. На мою реакцию — это, мол, немыслимо — она с очаровательной наивностью спросила: «Почему?». Лучше всего здесь подошла бы знаменитая чеховская формула — этого не может быть, потому что этого не может быть никогда. Видимо, если бы люди достоверно знали о режиме содержания приговоренных к смерти, об условиях охраны

их в следственном изоляторе, подобные байки хождения бы не имели.

Безуглов: Вы говорили о двух легендах...

Хазин: Другая заключается в следующем: заинтересованные (опять же) лица договариваются с приговоренным к смерти, и тот, поскольку ему уже бояться нечего, берет на себя еще одно убийство, совершенное кем-то из этих заинтересованных. Обезопасив себя от разоблачения, заказчики за это передают крупную сумму семье осужденного после его казни.

Безуглов: Здесь сказывается общая неосведомленность населения о порядке производства предварительного следствия, об исполнении приговора. Непосвященным кажется, что достаточно приговоренному за минуту до смерти объявить: «А еще я два года назад убил в Воронеже таксиста и ограбил его» — и все, дело прекратят немедленно, если, конечно, оно есть в природе. На самом деле все гораздо сложнее. Действительно бывает, что осужденные на казнь каются в совершенных или вымышленных преступлениях, чтобы продлить себе жизнь, пусть даже в камере смертников. Но все их заявления тщательно проверяются, разумеется, при наличии к тому оснований. Между прочим, описание процедуры смертной казни было дано много лет назад М. Маляровым в «Огоньке». Правда, автор не указал тогда своей должности, а он работал первым заместителем Генерального прокурора СССР, и обозначил свое произведение как рассказ, хотя по существу это был документальный очерк. В то время публикация осталась незамеченной, а сейчас о ней и вовсе забыли. Мне кажется, что общество должно достоверно знать о судьбе наиболее опасных преступников, тогда их имя не будет окружено романтическим ореолом. Тем более, что нередко уходят они из жизни еще более жалко и постыдно, чем жили... Не вижу ничего зазорного в том, чтобы появился на эту тему даже журналистский репортаж... Но пора, кажется, и Вам, Макс Григорьевич, высказаться по существу обсуждаемого вопроса, как любят изящно выражаться некоторые юристы-практики...

Хазин: Я сначала скажу, какого ответа Вы от меня ждете. Естественно, что прокурорский работник с большим стажем по общему представлению является человеком, подвергшимся профессиональной деформации, то есть

сухим, жестким, если не жестоким; его трудно разжалобить, чужие слезы и страдания трогают его мало; выступая в суде, он, как правило, требует максимального наказания, а если суд с ним не соглашается, обязательно опротестовывает приговор. Конечно же, такой функционер может ратовать только за самое широкое применение смертной казни.

Безуглов: Откровенно говоря, я рисовал себе Ваш психологический портрет не в таких мрачных тонах...

Хазин: Я избавляю Вас от необходимости демонстрировать свою деликатность и воспитанность. Знайте: в принципе, я за полную отмену смертной казни. Цивилизованное общество в идеале не должно иметь такой меры наказания.

Безуглов: Это как же, простите, понимать — «в принципе», «в идеале»? Через тысячу лет отменить? Или Вы только теоретически против?

Хазин: Смертную казнь можно отменить хоть сейчас. Но обязательно заменить ее длительным, близким к пожизненному, тюремным заключением. Не лишением свободы, которое, по общему правилу, отбывается в исправительно-трудовой колонии, а именно тюремным заключением. Сейчас максимальный срок лишения свободы — пятнадцать лет. Если учесть, что убийцы — это чаще всего люди молодого или среднего возраста, то после отбытия этого срока они вполне могут совершить такое же преступление. Тем более, что эффективность лишения свободы сейчас крайне невелика, и первая часть названия колонии — исправительная — в сущности не оправдывается. Это подтверждается и следственной практикой, и статистикой о достаточно высокой рецидивной преступности.

Есть и другая сторона проблемы. Отмена смертной казни в рамках ныне действующей системы наказаний неизбежно породит чувство безнаказанности. И без того, увы, убийства в местах лишения свободы случаются. Что же будет, когда склонный к насилию индивидуум получит свои пятнадцать лет плюс гарантию сохранения ему жизни при всех условиях? «Больше не дадут» — это очень опасный стимул повторить преступление. К сожалению, и сейчас непродуманной иногда практикой назначения наказаний мы вводим в заблуждение закоренелых преступников, а расплачивается общество.

В свое время мне пришлось поддерживать государ-

ственное обвинение по делу некого рецидивиста. Большую часть жизни он провел в местах заключения и, что особенно характерно, исключительно за насильственные преступления. Освободившись последний раз, он вскоре по пустячному поводу ударил ножом своего соседа и скрылся. Пока его искали, он познакомился с женщиной, предварительно узнав, что ее муж отбывает наказание. Рецидивист рассказал ей трогательную историю: он, мол, сидел с ее мужем в одной колонии и даже спас ему там жизнь. Растрогавшись, женщина захотела отблагодарить «спасителя», приготовила хороший обед, купила вина. Отведав угощения, новый знакомый убил хозяйку, собрал самые ценные вещи и скрылся. Изловить его удалось только через год. На мой взгляд, никаких смягчающих обстоятельств в этом деле не было. Однако суд со мной не согласился и приговорил убийцу к пятнадцати годам лишения свободы. Через две недели после прибытия в колонию он убил работника надзорсостава, отца двух малолетних детей... Вот только тогда суд приговорил его к расстрелу...

Те, кто ратуют за отмену смертной казни и при этом ссылаются на практику других цивилизованных стран, не знают (или упускают из вида), что именно пожизненное заключение назначается там взамен. Напомню общеизвестные случаи: в тюрьме закончат свои дни убийцы Роберта Кеннеди, Мартина Лютера Кинга, устроители взрывов, унесших жизни многих людей. Только в тюрьме можно гарантировать безопасность других заключенных и представителей администрации. А что получится, отмени мы сейчас смертную казнь? За убийство одного человека — пятнадцать лет, за убийство двух, трех, четырех — и такое бывает — тоже пятнадцать? И дело здесь вовсе не в арифметике, возмущается нравственное чувство и здравый смысл!

Однако я увлекся, а Вы, чувствуется, давно уже хотите высказаться по поводу моего монолога.

Безуглов: Аргументы в пользу пожизненного тюремного заключения Вы привели отменные. Мне только не совсем понятно — а во имя чего Вы выступаете? Допустим, Ваше предложение сегодня принято. Давайте разберемся, что получится. Заключен этот человек в тюрьму, погребен, можно сказать, заживо. Исправления его никто не ждет, никому оно не нужно, в том числе и ему — все равно ведь

не освободят. Значит, общество должно обречь себя на заботу о нем — кормить, поить, обихаживать, охранять, наконец, — только ради того, чтобы он влачил чисто биологическое существование? Не накладно ли? Мое предложение гораздо... чуть не сказал «практичней»... целесообразней, что ли. В том числе и для осужденного.

Хазин: Не хотелось бы, обсуждая это, злоупотреблять прагматическими категориями. Мне думается, что, отказавшись от насильственного лишения жизни себе подобных, мы уже много выиграем. Даже в собственных глазах. С другой стороны, вовсе не обязательно осужденному вести только биологический образ жизни — поел, отправил естественные надобности и на боковую. Надо обеспечить ему, буде он того захочет, достойное мыслящего существа бытие — посильную работу, чтение, радио. Помните, у нас писали об одном заключенном в США? За долгие годы тюремной неволи он из обычного малограмотного уголовника стал известным ученым-орнитологом, написал и издал несколько книг. Другой и вовсе изучил юриспруденцию, стал специалистом по уголовному процессу. Для него, правда, это имело чисто прикладное значение — ему много лет удавалось добиваться снова и снова пересмотра дела и тем самым отсрочки... да, смертной казни. И, наконец, оставление в живых опасного преступника имеет большое значение для его близких — детей, родителей, братьев, сестер. Одно дело, когда им сообщают, что приговор приведен в исполнение, а где могила, говорить не положено... Это для нас он — вампир и душегуб; а дети, возможно, помнят, как он брал их на руки и ласкал; мать помнит, как качала его в люльке, лечила от болезней, купала... Они могут переписываться с ним и при определенных условиях общаться другим образом. Нет, что ни говорите, обсудить это нужно. Плохо, что настоящих дискуссий на этот счет нет.

Безуглов: Это верно. Но если проводить такую дискуссию, надо делать это на строго научной основе. Свое мнение на этот счет не могут не иметь психологи и социологи, экономисты и педагоги, психиатры, политологи. То есть проблему следует изучать комплексно. И обязательно провести достаточно массовый опрос населения, причем разных его слоев — городских и сельских жителей, рабочих и служащих, представителей научной и творческой

интеллигенции, студентов. Лишь в таком большом, глобальном споре может родиться искомая истина.

Хазин: Только нужно учесть, что общественное мнение всегда склоняется к ужесточению наказаний. Мне приходилось наблюдать, как в судебных процессах по делам об убийствах присутствующие возмущались, если подсудимого приговаривали к лишению свободы. Года три назад, помню, я оказался в командировке в Черновицкой области и пошел с прокурором на судебный процесс. Фабула дела была поистине классической — женщина с помощью любовника убила опостылевшего мужа-пьяницу, труп вывезли в соседнюю Молдавию и спрятали в заброшенном колодце, а в милицию жена обратилась с просьбой разыскать супруга, бросившего ее и двоих детей. Никаких отягчающих обстоятельств установлено не было: обычные люди, никогда ни в чем предосудительном не замеченные, оба работали, любили своих детей и... друг друга. Не их преступление, конечно, а они сами вызвали у меня, как все несчастные люди, известное сочувствие. У меня, но никак не у зала. Сельский клуб был переполнен и кипел от возмущения. А ведь это были люди, всю жизнь прожившие рядом с подсудимыми, некоторые вместе росли, учились в одной школе. Видимо, настроение зала если и не передалось суду, то уж во всяком случае повлияло на суровость приговора: его осудили на двенадцать, ее — на десять лет лишения свободы. Мое правосознание ориентировано на Уголовный кодекс Российской Федерации, по которому десять лет — вообще максимальное наказание за убийство без отягчающих обстоятельств. Эти люди максимального никак не заслуживали. Тем более меня неприятно поразила почти единодушная реакция публики: «Мало! Мало!».

Много писем поступает в газеты и журналы с требованием усилить наказания вообще, в том числе и за убийства. Причем авторы писем подчеркивают нередко, что сами они от преступлений не пострадали, а просто возмущены либерализмом и излишней гуманностью закона.

Безуглов: Здесь сказывается низкая правовая культура общества. Она базируется не только на очень древнем принципе талиона «око за око, зуб за зуб», но и на культивируемых почти в наше время «кровь за кровь», «смерть за смерть». Однако если эти правила хороши

и справедливы в экстремальных условиях и для внешних врагов, то для сограждан, соотечественников они просто неприменимы. И самое удручающее, что мы правовое бескультурье не только не ликвидируем, а в известной степени и насаждаем. Да, насаждаем! Своим ложным пуританством, замалчиванием острых проблем, искусственным созданием атмосферы сенсационности вокруг будничных явлений и завесой секретности вокруг действительно сенсационных.

Много лет назад в Москве случилась целая серия убийств: нападали исключительно на женщин, преимущественно в лифтах и подъездах, убивали ударом ножа и забирали только драгоценности. Я тогда вел передачу «Человек и закон» и предложил пригласить работников милиции и прокуратуры рассказать о случившемся, предупредить о возможном появлении убийцы-маньяка, призвать к повышенной осторожности. Заодно можно и нужно было рассказать о его приметах и мерах, которые принимаются для его поимки. Последовали возражения: как можно! что о нас подумают за границей! да мы поднимем в городе панику! Так эта передача и не состоялась.

Между тем именно ввиду отсутствия официальной информации в городе и поднялась паника, тем более, что убийства продолжались. Молва почему-то приписала убийце особую ненависть к «женщинам в красном», среди них он якобы выбирает свои жертвы. Нечего и говорить, что красную одежду напрочь изгнали из обихода, однако «Джек-потрошитель» не угомонился, его кровавый счет все возрастал.

И только года через два, когда в Загорском районе убили женщину, и местные работники милиции изобличили местного же молодого парня, в чулане у него нашли кольца, часы, цепочки, серьги и браслеты, снятые с так называемых «женщин в красном». В ходе следствия выяснилось, что убийца жил очень нелюдимо, ни с кем из москвичей не общался, о панике ничего не знал. Единственным его развлечением был телевизор, и если бы в свое время он увидел передачу о своих «подвигах», то немедленно бы остановился. Так рассказал он сам, то же предсказывали еще до его поимки профессиональные психологи и следователи.

Хазин: А что это, собственно, мы с вами все про

убийства да про убийство? Высшая мера наказания — смертная казнь. А она может назначаться и за многие другие преступления: хищения в особо крупных размерах, взяточничество при отягчающих обстоятельствах, многие так называемые государственные преступления.

Безуглов: Я Вас понял. Очевидно, не случайно мы с Вами так долго не вспоминали об этих преступлениях. На мой взгляд, двух точек зрения здесь быть не может: за экономические преступления, то есть хищения и взяточничество, применение смертной казни вообще недопустимо. Слишком несопоставимые вещи — объект посягательства и жизнь виновного. Со шпионажем, изменой Родине и другими преступлениями этого рода дело обстоит сложнее. Я склоняюсь к мысли, что и за них не следует применять смертную казнь. Если, разумеется, в результате такого преступления, например, диверсионного акта, не последовала гибель людей. В таком случае мы столкнемся с самым настоящим убийством, да еще при особо отягчающих обстоятельствах.

Хазин: Полностью с Вами согласен. А теперь вернемся к убийству. Среди противников смертной казни имеет широкое хождение такой аргумент: в судебной практике случаются ошибки, иногда осуждают невиновного, и вскрывается это через много лет. Если человека приговорили к лишению свободы, этих лет, конечно, ему не вернуть, но во всяком случае он вернется к семье, получит прежнюю работу, возместят ему и материальный ущерб за все годы. А вдруг невиновного расстреляют? Как тогда исправить ошибку?

Безуглов: Абсурдность такого аргумента хорошо видна на примере из медицины: давайте не будем оперировать язву желудка, потому что некоторые операции делаются непрофессионально и заканчиваются летальным исходом. Бывает же такое?

Судебных ошибок вообще не должно быть, даже самых «маленьких». Разве допустимо, чтобы по ошибке честного человека упекли за решетку «всего» на год? Да за год может произойти столько трагических событий, что рухнет под откос жизнь не только этого человека, но и его близких: жена найдет себе другого; сын-подросток бросит школу и отобьется от рук; мать-старуха умрет с горя и т. д. Это не мои фантазии, все это случалось и в более устраша-

ющих вариантах даже меньше, чем за год. Поэтому ни малейшего допуска для судебных ошибок мы оставлять не должны. И рецепт здесь общий для всех категорий дел: повышение профессионализма судей, адвокатов, прокуроров, следователей, отбор на эти должности людей ответственных, принципиальных, обладающих высокими моральными качествами. Неплохо бы психологам и юристам разработать систему тестов для кандидатов на такие должности. В совокупности с надлежаще поставленной воспитательной работой на всех стадиях учебы, при усовершенствованном учебном процессе, сокращении числа заочников — все это в конечном итоге свело бы судебные ошибки к минимуму. Но мы впадем в идеализм и маниловщину, если осмелимся утверждать, что их вообще не будет.

По делам же об убийствах надо поставить двойной и даже тройной заслон. Прежде всего, рассмотреть такое дело можно доверить только судье с большим опытом работы. По таким делам надо увеличить число народных заседателей, которые при вынесении приговора должны дважды проголосовать: первый раз по вопросу — виновен ли подсудимый? второй — заслуживает ли смертной казни? Если при обоих голосованиях судья или хотя бы один народный заседатель ответит «нет» — значит, смертный приговор вынесен быть не может. Думаю, что эта усложненная процедура сможет искоренить судебные ошибки по делам об убийствах.

Хазин: И последнее, что мне хотелось бы с Вами обсудить. По нашему закону предусмотрен только один вид смертной казни — расстрел. В разных штатах США это наказание приводится в исполнение и другими способами — знаменитый электрический стул, повешение, газовая камера. Не кажется ли Вам какой-либо из этих способов «гуманнее»? Хотя говорить о гуманности способа приведения смертной казни в исполнение несколько парадоксально...

Безуглов: Что ж, весь наш диалог — на не совсем обычную тему... А о способах я как-то не думал...

11 Зак. 702

С. Г. КЕЛИНА,

доктор юридических наук

Смертная казнь в системе советской уголовной политики

Проблема смертной казни — многоаспектная проблема, каждый подход к ее решению — политический, нравственный, правовой, религиозный вскрывает различные пласты общественного сознания, использует свою собственную цель аргументации. Если подходить к этой проблеме с позиции юриста, с точки зрения логики уголовного законодательства, то ее решение как будто не представляет особенных трудностей. Поскольку речь идет об одном из видов наказания, то, как и любой другой вид, эта мера должна соответствовать общим целям наказания, сформулированным в законе.

При таком подходе наказание в виде смертной казни представляется логичным лишь в тех системах, где единственной целью наказания провозглашается возмездие. Однако в наши дни такая позиция встречается только в литературе. Например, сторонник этой меры У. Бернс пишет, что убийца заслуживает смертной казни даже в том случае, если его можно исправить; смертная казнь в этом случае удовлетворяет чувство гнева, с которым население воспринимает совершение этого тяжкого преступления [1]. Советское право, как известно, с момента своего возникновения, с первого кодифицированного акта — Руководящих начал по уголовному праву РСФСР 1919 года закрепило отказ от возмездия и сформулировало частное и общее предупреждение в качестве целей наказания (ст. ст. 8 и 10). Эти цели закрепляет и действующее законодательство (ст. 20 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик).

Если проанализировать высшую меру наказания с точки зрения соответствия целям наказания, принятым советским правом, то результаты окажутся следующими. Цель

---

1 Berns W. For capital punishment: Crime and the morality of the death penalty. — N. J. Basic books, 1979.

частного предупреждения — перевоспитание преступника с тем, чтобы он в дальнейшем не совершал новых преступлений, в случае применения этой меры, естественно, не ставится. Сложнее решается вопрос о цели общего предупреждения, то есть удержания других граждан посредством наказания лица, совершившего преступление. Социологические исследования отдельных авторов свидетельствуют о том, что страх наказания удерживает от совершения преступлений от 14 до 24% совершеннолетних граждан [1]. Хотя есть и другие данные. Например, опрос 100 осужденных, проведенный У. С. Джекебаевым, по вопросу «На что рассчитывало лицо, совершая преступление?», показал, что 50% опрошенных ни о чем не думали, 29% надеялись, что никто не узнает, 12% рассчитывали на безнаказанность, а 9% не знали, что совершают преступление [2].

Однако даже если признать, что факт грозящего наказания учитывается некоторыми людьми при совершении преступления, то об этом можно, видимо, говорить только применительно к тем преступлениям, совершению которых предшествует определенный расчет, взвешивание «за» и «против», то есть борьба мотивов. Это может касаться государственных преступлений, хищений и других имущественных преступлений, злоупотреблений по службе, хозяйственных преступлений и т. п. Но хотя действующий закон и предусматривает за совершение наиболее тяжких преступлений этого рода смертную казнь (за хищение в особо крупных размерах, валютные злоупотребления, взяточничество), на практике она за эти преступления почти не применяется. Что касается убийства, наиболее тяжкие случаи которого караются смертной казнью, то борьба мотивов до совершения этого преступления встречается довольно редко. По данным многолетних криминологических наблюдений, доля заранее обдуманных убийств колеблется в пределах 5—10% общего числа совершаемых деяний [3]. Если к этому добавить, что 75% убийств соверша-

---

[1] См.: например, Мицкевич А. Ф. Принцип соответствия наказания общественной опасности преступления в советском уголовном праве, автореф. канд. дисс., Томск, 1986, с. 13.

[2] Криминологические и уголовно-правовые проблемы наказания, Алма-Ата, 1983, с. 32.

[3] Курс советской криминологии. Предупреждение преступности. М., 1986, с. 177, 178.

ется в состоянии опьянения, то можно сказать, что для этого преступления скорее характерна ситуативность, чем холодное обдумывание грозящих последствий своего преступного поведения. Может быть поэтому английский ученый Н. Уолкер пришел к выводу, что как наличие, так и отсутствие смертной казни на уровень убийств воздействия не оказывает [1]. Впрочем, впервые этот вывод был сделан Селлиным (США), который сравнил статистические данные об убийстве в штатах, где смертная казнь была отменена, со штатами, сохранившими эту меру, а также данные о числе убийств до и после отмены высшей меры.

Не оказывает особого предупредительного воздействия на граждан и санкция в виде смертной казни за указанные выше экономические преступления, о чем свидетельствует статистика. Например, число осужденных за совершение хищений в крупных и особо крупных размерах в 1975—1980 гг. увеличилось на 55,8% по сравнению с предыдущим пятилетием [2]. Как ни вспомнить, что именно в статье «Смертная казнь. — Памфлет г-на Кобдена. — Мероприятия английского банка» К. Маркс написал хорошо известные слова: «...История и такая наука как статистика с исчерпывающей очевидностью доказывают, что со времени Каина мир никогда не удавалось ни исправить, ни устрашить наказанием» [3].

В связи с проблемой общего предупреждения хотелось бы также еще раз напомнить и тот довод, который давно фигурирует в литературе: справедливо ли применять эту меру к виновному не только для того, чтобы покарать его лично за содеянное, но чтобы сделать наказание «примерным», в назидание другим [4]. И, наконец, в дискуссии о смертной казни серьезным доводом против этой меры является ее необратимость, окончательность, ибо нельзя сбрасывать со счетов трагические ситуации встречающихся судебных ошибок. По данным американских авторов

---

[1] Walker N. Punishment, danger and stigma. The morality of criminal justice. Oxford, 1980.

[2] Ляпунов Ю. И. Актуальные вопросы уголовно-правовой охраны социалистической собственности. «Сов. гос. и право», 1988, № 2, с. 78.

[3] Маркс К. Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 8, с. 530.

[4] См. дискуссию на эту тему в кн. Анденес И. Наказание и предупреждение преступлений. Пер. с англ. М., 1979, с. 96—98.

Х. Бедау и М. Рейдлета, в США было вынесено 349 ошибочных приговоров к смертной казни, из них 23 приговора были приведены в исполнение.

Таким образом, для юриста, с профессиональной точки зрения, тезис о том, что смертная казнь внутренне противоречит логике советского уголовного законодательства, — очевиден. Явное несоответствие этой меры общим целям наказания, определенным в законе, объясняет необычный, исключительный характер этой меры, в силу чего она помещена вне системы мер наказаний, известных действующему закону (ст. ст. 21, 22 Основ).

И тем не менее опрос практических работников показывает, что число сторонников этой меры среди них едва ли не больше, чем среди непрофессионалов[1]. И это касается не только нашей страны. По данным опроса американского Института общественного мнения, 68% юристов выступают в поддержку смертной казни и только 25% — против; среди населения поддержка этой меры в США с 1981 по 1985 год увеличилась с 68 до 72%[2].

Приведенные факты позволяют высказать суждение о том, что проблема смертной казни — не столько правовая, сколько социальная, точнее социально-правовая.

Известно, что многие государства отказались от этой меры. По имеющимся данным на конец 70-х годов, смертная казнь была отменена полностью в 23 странах и в 12 других государствах отменена за уголовные преступления; в то же время эта мера допускалась в 127 государствах. С тех пор примерно одна страна в год исключала возможность применения этой меры, в частности, смертная казнь была отменена во Франции (1981 г.), ГДР (1987 г.), в самое последнее время — на Филиппинах и Гаити. На октябрь 1988 года эта мера полностью исключена законом в качестве меры наказания за уголовные преступления в 53 странах и не применяется фактически еще в 27 странах. Таким образом,

---

[1] В ходе дискуссии, проведенной журналом «Коммунист», было сообщено, что 68% участвующих в дискуссии судей (это составляет 1% всех судей страны) одобряют наличие в нашем государстве этой меры (Коммунист, 1988, № 7, с. 94).

[2] American Bar Assotiation Yournal, 1985, № 4.

в Европе она сохранилась только в социалистических странах (за исключением ГДР) [1].

Обращение к перечню государств, отменивших смертную казнь, не дает возможности с уверенностью утверждать о наличии прямой связи между отменой или сохранением этой меры и типом социально-экономического строя или степенью промышленного и культурного развития соответствующей страны. Так, смертная казнь отменена в большинстве развитых стран Европы, Северной и Латинской Америки (в Австрии, ФРГ, Дании, ГДР, Финляндии, Швеции, Англии, Бразилии, Канаде, Мексике и т. д.), но в то же время эта мера отменена на Гаити и на Соломоновых островах; и уж совсем показательно положение в таком федеративном государстве как США, где смертная казнь отменена в 13 штатах, однако в остальных эта мера сохранена или восстановлена.

В СССР, как известно, смертная казнь отменялась трижды — в 1917, 1920 и 1947 гг. По-видимому, нужно признать, что первые две акции были явным «забеганием вперед», исключение такой меры в тот период не соответствовало жестким объективным условиям гражданской войны и интервенции. Эти акции отражали общее состояние общественного сознания того периода — ожидания вот-вот начинающейся мировой революции, прихода мировой справедливости, всеобщего счастья, золотого века. В этот период «лозунговой прямоты с его аскетической простотой оценок», как выразился В. Листов [2], периода популярности теории отмирания государственной машины, а с ней и права, смертная казнь как мера наказания, по-видимому, представлялась лишенной смысла. Даже в те периоды, когда формально она не была отменена, суды использовали эту меру довольно редко. Первый расстрел по приговору суда был применен в феврале 1918 года в отношении бандитов, которые проводили обыски и грабежи под видом сотрудников ВЧК. В 1919 году к высшей мере приговаривалось 14% всех осужденных трибуналами, в 1921 году —

[1] В то же время эта мера сохранена в законодательстве и применяется судами Китайской Народной Республики, Кубы, Индии, Японии, Марокко, многих штатов США и в других странах, общее число которых в настоящее время составляет 100.

[2] См. Листов В. Революция молодая. Лит. газ., 1988, 18 июля.

5%, в 1922 году — лишь 1%, при этом половина приговоров не приводилась в исполнение [1].

Но состояние «революционной эйфории» было опрокинуто ходом подлинных исторических событий. Достаточно напомнить судьбу генерала Краснова, несмотря на свою контрреволюционную деятельность отпущенного в 1918 году под честное слово на свободу, а в январе 1947 года все-таки осужденного к смертной казни, потому что великодушие революционного народа не произвело на него впечатления и, едва вырвавшись, он вновь вернулся к борьбе против Советов, а во время второй мировой войны воевал на стороне фашистов и был казнен вместе с атаманом Шкуро [2].

Теперь, в период гласности, достаточно четко просматриваются причины третьей отмены и последующего восстановления смертной казни в нашей стране. Отмена ее в 1947 году — следствие триумфального окончания Великой Отечественной войны, одно из последствий этого праздника. А восстановление в 1950 году — свидетельство нового витка репрессий, беззаконий, продолжение довоенной политики уничтожения цвета нации, поименованной в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 12 января 1950 г. «изменниками, шпионами, подрывниками-диверсантами».

И, наконец, последний период, он тоже очень показателен. Сохранив в Основах уголовного законодательства 1958 года эту меру только за шесть видов особо тяжких преступлений (бандитизм, умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах и четыре особо опасных государственных преступления), законодатель затем потихоньку, не привлекая особого внимания, указами расширил к началу 80-х годов это число для мирного времени до 17. Причем, это расширение прямо противоречило первоначальному тексту ст. 22 Основ, в которой увеличение числа преступлений, наказуемых смертной казнью, допускалось только «в военное время или в боевой обстановке». Если к этому добавить уникальные акты 1964 года, придания

---

[1] См. Курицын В. М. Становление социалистической законности. М., 1983, с. 33; Анашкин Г. З. Ответственность за измену Родине и шпионаж. М., 1964, с. 213.

[2] См. «Правда» 1988, 26 июля.

закону обратной силы по конкретным делам о валютных преступлениях, наказуемых смертной казнью, то общий дух пренебрежения к закону, к воле народных представителей отражается вполне четко.

Этот краткий исторический экскурс позволяет сделать вывод о том, что вопрос о смертной казни не только социально-правовая, но и политико-правовая проблема, она представляет собой крайнее выражение карательного содержания уголовной политики. Поэтому решение этой проблемы заложено в анализе общих идей и положений государственной политики, отраженной в праве.

Уголовная политика выражает многие факторы политической, экономической, общественной жизни, в том числе уровень массового сознания и правовые традиции. Задача современной правовой политики, являющейся частью общей политики перестройки в Советском государстве, заключается в правовом обеспечении перестроечных процессов, формировании социалистического правового государства. Основные принципы, которые лежат в основе современной уголовной политики, четко перечислены в решении Политбюро ЦК КПСС от 18 августа 1988 г., рассматривавшего проект новых Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик. Это принципы законности, демократизма, равенства граждан перед законом, справедливости и гуманизма, неотвратимости ответственности тех, кто посягает на советский правопорядок. Учет каждого из этих принципов вносит свои коррективы в разрешение проблемы смертной казни.

Особое значение в этом отношении, по нашему мнению, имеет принцип справедливости, представляющий собой проекцию в праве нравственных представлений советских граждан о доброте и зле, о мере воздаяния за преступное поведение. Результаты изучения общественного мнения, состояние общественного сознания относительно преступности известны. Они отражают высокий ригоризм населения [1], существенную переоценку возможностей уголовного закона и его влияния на состояние преступности.

Тем не менее с этой оценкой следует считаться, если

[1] См., например, Ефремова Г. Х., Лежава Г. Ш., Ратинов А. Р., Шавгулидзе Т. Г. Общественное мнение и преступление. Тбилиси, 1984, с. 153, 187, 234 и др.

мы стремимся к тому, чтобы законодательство в социалистическом правовом государстве было наиболее полным отражением воли народа. Практически это означает, что сегодня полный отказ законодателя от смертной казни как меры наказания за наиболее тяжкие преступления не соответствовал бы представлениям о справедливости, сложившимся в массовом общественном сознании. Однако общее направление гуманизации, последовательно проводимое в законодательстве и практике правосудия, позволяет постепенно сужать как число преступлений, так и круг лиц, в отношении которых может применяться эта мера. С этих позиций представляются обоснованными те шаги, которые предприняты в проекте Основ уголовного законодательства по ограничению смертной казни, в частности ее исключение из санкций за преступления экономического характера. В настоящее время справедливым представляется сохранение этой меры в качестве кары за некоторые государственные преступления, а кроме того только за умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах. Как выражается д-р К. Поклевский-Козелл (ПНР), смертная казнь за это тягчайшее преступление представляется «естественным эмоциональным отзывом»[1]. Это решение полностью соответствует сложившейся практике: по данным статистики за 1987 год, 96% приговоров к высшей мере было вынесено судами в связи с осуждением по ст. 102 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик[2]. Только это преступление было признано самым тяжким и получило высшую, 10-балльную оценку экспертами — следователями МВД, прокурорами, судьями, адвокатами — при изучении их мнения относительно степени общественной опасности отдельных преступлений[3].

Дальнейшая перспектива в этом отношении видится

---

[1] Поклевский-Козелл К. По поводу постулата об отмене смертной казни в Польше. «Panstwo i prawo», 1988, № 2 (504).

[2] Это видно даже по публикациям в «Бюллетене Верховного Суда СССР» и «Бюллетене Верховного Суда РСФСР». За период с 1946 года, то есть за 42 года, в них было дано 8 материалов, касающихся применения смертной казни, и все они были связаны со ст. 102 УК РСФСР и соответствующими статьями УК других союзных республик.

[3] Блувштейн Ю. Д. Об оценке степени общественной опасности преступлений. — Вопросы борьбы с преступностью, вып. 15, 1972, с. 34—36.

в пересмотре обстоятельств, при которых закон признает убийство особо тяжким. По сравнению с другими странами, предусматривающими смертную казнь за убийство, в нашем законодательстве этот перечень довольно велик [1]. Обращение к практике показывает, что в большинстве случаев основанием применения высшей меры при совершении этого преступления является особая жестокость (п. «г» ст. 102 УК РСФСР) либо совокупность нескольких обстоятельств, предусмотренных этой статьей закона.

В новом уголовном законодательстве, по нашему мнению, в таком перечне должны быть упомянуты только те обстоятельства, каждое из которых самостоятельно может быть оценено как справедливое основание для применения к виновному смертной казни. В современных условиях с этой точки зрения достаточно обоснованным является предложение о дополнении перечня новым видом, не известным действующему праву, — убийство группой лиц по предварительному сговору. Это предложение соответствует происходящему существенному росту организованной преступности, увеличению случаев терроризма. Однако вряд ли правильно сохранять в этом перечне, например, обстоятельство, предусмотренное п. «к» ст. 102 действующего УК РСФСР, — умышленное убийство на почве кровной мести. Нам представляется, что в новом законодательстве некоторые квалифицирующие обстоятельства могут быть выделены из перечня наказуемых смертной казнью в самостоятельную часть статьи, в которой санкция будет предусматривать максимальные сроки лишения свободы.

При решении проблемы смертной казни следует учесть и принцип равенства граждан перед законом. По нашему мнению, ввиду исключительного характера этой меры и ее суровости круг преступлений, наказуемых смертной казнью, должен быть единым для всей страны, независимо от места совершения преступления. Проект Основ уголовного законодательства [2] сделал существенный шаг впе-

[1] УК ВНР знает 8 таких случаев, УК ГДР до отмены смертной казни — 5. Правда, в Польше такой мерой карается всякое умышленное убийство, кроме привилегированных его видов, в УК НРБ предусматривается 14 квалифицирующих обстоятельств.

[2] См. Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик (проект), Известия, 1988, 16 дек.

ред в этом отношении по сравнению с действующим законодательством, когда сформулировал в ст. 41 точный перечень деяний, наказуемых высшей мерой. Однако в отношении умышленного убийства он воспроизвел норму действующего законодательства и тем самым все-таки заложил возможность неравенства, передав формулирование перечня обстоятельств, при которых умышленное убийство может наказываться смертной казнью, на усмотрение союзных республик.

Действующие ныне УК союзных республик расходятся только по одному квалифицирующему обстоятельству, названному в УК РСФСР как умышленное убийство «на почве кровной мести». УК Таджикской ССР кроме того предусматривает умышленное убийство «на почве пережитков прошлого старого быта», УК Туркменской, Узбекской и Киргизской союзных республик, напротив, сужают это обстоятельство до убийства «на почве пережитков прошлого по отношению к женщине», а остальные кодексы союзных республик такого квалифицирующего обстоятельства вообще не знают.

На наш взгляд, при подготовке нового уголовного законодательства нужно принять меры к тому, чтобы исключить такое расхождение в законодательстве отдельных союзных республик. Это может быть достигнуто, если в тексте ст. 41 Основ, посвященной смертной казни, будет названо не просто «умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах», а дан точный перечень этих обстоятельств. По этому пути проект Основ уже пошел применительно к максимальному сроку лишения свободы, который может быть определен законодательством союзных республик. В статье 36 проекта установлено, что максимальное наказание на срок более десяти, но не свыше пятнадцати лет законодательством союзных республик может быть предусмотрено не за всякое хищение, взяточничество, изнасилование, угон самолета при отягчающих обстоятельствах, а точно указано такое обстоятельство применительно к каждому преступлению, например, по взяточничеству — только «в особо крупных размерах». Такую же позицию новые Основы, по нашему мнению, могли бы занять и в отношении умышленного убийства, караемого смертной казнью.

И в заключение хотелось бы коснуться более общего

вопроса: насколько уместно вообще говорить о гуманизме и даже формулировать такой принцип применительно к сфере уголовного права, в частности, в отношении лиц, совершающих самые тяжкие преступления. В этой связи прежде всего хочу обратить внимание читателя к мысли, высказываемой некоторыми литераторами и учеными-неюристами и заключающейся в том, что в наш век, когда рано или поздно практически могут быть осуществлены любые технические задачи, в том числе задачи военного характера, направленные на уничтожение друг друга и, как следствие, наступление состояния «ядерной зимы», единственный шанс для выживания человечества на этой уникальной планете Земля состоит в гуманизации отношений. Это означает всемерное формирование отношений, возвышающих ценность человека, его прав и интересов, формирование и внедрение принципов, основанных на добре и заботе о сохранении каждого человека. «Судьба человеческой популяции состоит в том, — пишет В. Дудинцев, — чтобы в ней постепенно все большее и большее место занимали молекулы добра»[1]. «Для того, чтобы обеспечить свое будущее, человечеству предстоит глубокая смена нравственных принципов», — продолжает академик Н. Н. Моисеев, специалист по информатике и теории управления[2].

Второе соображение в этом плане касается исторической тенденции развития уголовного законодательства и, в частности, судьбы смертной казни как меры наказания. Анализ этого развития свидетельствует о постепенном смягчении нравов, повышении ценности человеческой жизни и соответственно сокращении сферы применения смертной казни. Достаточно сопоставить нынешние времена, например, с законами Хаммурапи (1792—1750 г. до н. э.), где смертная казнь предусматривалась в качестве правового последствия чуть ли не каждого преступления, начиная с кражи овцы. Да и в Воинских Артикулах Петр I эта мера могла применяться за 123 деяния.

Думается, уместно отметить, что постепенно смягчаются и другие уголовные наказания, скажем, наказание в виде лишения свободы. Происходит сокращение сроков

[1] Лит. газ., 1988, 17 авг.

[2] Моисеев Н. Н. У роковой черты. — Октябрь, 1988, № 3, с. 126.

этого наказания, смягчается режим, ставится вопрос о «гуманизации труда и быта в исправительно-трудовых учреждениях» [1]. Эти меры связаны с рядом факторов и не в последнюю очередь с тем, что в результате повышения общеобразовательного и культурного уровня всего населения, в том числе и осужденных, последние становятся более чувствительными к ограничениям, связанным с назначением этой меры наказания. Причем, как показывают исследования, наибольшие страдания вызывают у них не материально-бытовые неудобства и физические нагрузки, а ущемление в ценностях иного рода, прежде всего утрата свободы и отрыв от семьи и родственников [2].

Дальнейшее развитие этого гуманистического начала делает вполне достижимой в качестве конечной цели полную отмену смертной казни как меры наказания. Но путь к этому, по-видимому, долог и поэтому в наши дни проблема смертной казни постоянно находится в центре дискуссий во всех странах.

---

[1] См. ответ руководства МВД СССР на публикацию в газете «Известия» Л. Шинкарева «Зона». Изв. 1988, 21 сент.

[2] См., например, результаты исследований, опубликованные в работах: Елеонский В. А. Воздействие наказания на осужденных. Рязань, 1980, с. 6—27; Сундуров Ф. Р. Лишение свободы и социально-психологические предпосылки его эффективности. Казань, 1980, с. 89—100.

Председатель Верховного Суда СССР

Наказание вообще и смертная казнь, в частности, понятия, включающие в себя не только правовой, но и общественно-политический, социальный, нравственный и философский аспекты.

Проблеме, связанной со смертной казнью, уделяли значительное внимание К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин. Она глубоко изучалась и широко дебатировалась в нашей стране, особенно в первые годы Советской власти.

В одном из своих писем Ф. Э. Дзержинский писал в августе 1923 года: «Мне кажется, что размеры применения высшей меры наказания в настоящее время (как по суду, так и по нашим решениям) не отвечают интересам дела и сложившейся обстановке при нэпе и мирной полосе развития. Высшая мера наказания — это исключительная мера, а поэтому введение ее как постоянный институт для пролетарского государства вредно и даже пагубно. Поэтому я хочу перед ЦК поставить этот вопрос... Я уверен, что, будь Владимир Ильич у руля, он был бы за это предложение, а может быть, пошел бы еще дальше. Пришло время, когда мы можем вести борьбу и без высшей меры...» (Исторический архив. М., АН СССР, 1958, № 1, с. 21).

Смертная казнь всегда рассматривалась в Советском государстве как мера вынужденная и временная. Трижды она отменялась и каждый раз вновь вводилась. Последний раз ее отменили в мае 1947 года и снова ввели в январе 1950 года. С тех пор прошло почти 40 лет и естественно возникает вопрос: не настало ли теперь время все же отказаться от смертной казни, полностью отменить ее? Тем более и момент как будто бы для этого подходящий — в стране проводятся коренные позитивные преобразования в политической, государственной и общественной сфере, происходит процесс обновления уголовного законодательства, его гуманизация.

Однако вопрос этот не простой. Представляется, что отмена смертной казни, замена ее длительными сроками лишения свободы возможны уже теперь, например, в отношении преступлений, связанных с хозяйственной деятельностью, нарушением правил о валютных операциях, фаль-

шивомонетничеством, преступлений, совершенных женщинами, и некоторых других.

Вместе с тем вряд ли сейчас имеются предпосылки, чтобы полностью отказаться от смертной казни. Отчетливо представляя все негативные обстоятельства, которые сопутствуют этой мере наказания, следует все же высказаться за ее сохранение, но действительно для исключительных случаев и только за тягчайшие преступления, связанные с тяжкими умышленными убийствами, и, разумеется, при полном соблюдении гарантий законности и обоснованности назначения этой крайней меры наказания.

К слову сказать, в повестку дня VI Конгресса ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями в 1980 году был включен вопрос об отмене смертной казни. Однако проект резолюции, призывавший государств — членов ООН вообще отменить смертную казнь, страны — инициаторы после весьма острого обсуждения сняли с голосования.

В настоящее время в ряде стран, где смертная казнь отменена или на практике не применяется, нередки предложения о восстановлении этой меры наказания.

Таким образом, процесс отмены применения смертной казни несомненно может и должен быть начат уже сейчас, но осуществлять его следует поэтапно, а окончательное решение вопроса о полной отмене смертной казни должно произойти в тот момент, когда это позволит состояние преступности, ее динамика, и, в частности, наметится сокращение особо тяжких и опасных преступлений, связанных с убийством.

С. С. АЛЕКСЕЕВ,

член-корреспондент АН СССР

Жизнь — абсолютная ценность

По-разному мы называем смертную казнь. Но быть может, стоит сорвать покров словесных идеологем? Ведь смертная казнь не что иное, как насильственное лишение обществом жизни своего члена. Скажем жестче: убийство, умерщвление обществом человека. Впрочем — и в этом различии есть немалый смысл — не столько обществом, сколько государством.

Можно объяснить насильственное лишение жизни обществом и государством? Да, при наличии ряда суровых жизненных обстоятельств, — можно.

Понять? Тоже, пожалуй, можно.

Оправдать?

Достаточно так поставить вопрос, как оказывается необходимым сразу же выяснить — какие это общество и государство? И какова ступень их развития?

В обществе, построенном на началах авторитарного режима — административного диктата, личной диктатуры, убийство государством своих подданных является делом если не обыденным, то во всяком случае естественным, нормальным, оправданным, как бы это ни называлось — «смертной казнью», «ликвидацией», «высшей мерой», «лишением свободы без права переписки» и тому подобное. Впрочем, пожалуй, суть вопроса не только в режиме, но и в неменьшей степени в качественном уровне цивилизации: на той ее ранней стадии, которую условно называют варварством, принцип талиона — «око за око, зуб за зуб», «смерть за смерть» или даже — «смерть за оскорбление» и т. д. — считается делом оправданным. Более того, достойным, чуть ли не возвышенным, рыцарским, о котором (когда «к барьеру ведут подлецов») поэты и ныне вспоминают с восхищением.

А сейчас, на современной стадии развития общества, осознавшего уникальность и безусловную абсолютную ценность человеческой жизни? Оправданно ли лишение

жизни, умерщвление человека, сколь тяжким ни было бы его деяние, преступление перед обществом?

Скажу категорически, без каких-либо оговорок: нет, не оправданно.

Человеческая цивилизация на современном уровне ее развития призвана утвердить — и в торжественных декларативных формулах, и во всех своих практических проявлениях — *абсолютную священность человеческой жизни,* и вытекающую отсюда — *принципиальную недопустимость смертной казни.* Симптоматично, что ряд западных обществ, при всех своих органических пороках и социальной обреченности, пошел на отмену в законодательстве смертной казни как меры уголовного наказания.

Ведь, что ни говори, лишение государством жизни члена общества, пусть совершившего самое-самое отвратительное и тяжкое деяние, — это не что иное, как возмездие, прямая месть, возвращение к варварским порядкам реагирования на зло таким же, или еще большим злом, что влечет за собой бесконечную цепную реакцию нарастающего зла. Да и к тому же, по сути дела, это признание обществом своего бессилия, по большей части раздраженная расправа за свои же собственные изъяны и огрехи, предельное отчуждение «своей частицы» самым диким путем — путем умерщвления человека, что в конечном счете утверждает во всем обществе непоправимый нравственый излом, срыв, жуткую беду — принципиальную оправданность насильственного лишения жизни — убийства.

В социалистическом обществе, пожалуй, лишь крайне экстремальные условия гражданской и отечественной войн да деформация социализма, возобладание после смерти В. И. Ленина административно-репрессивного стиля управления, объясняет использование, порой, пожалуй, в необъяснимых масштабах, смертной казни. Если же исходить из ленинского облика социализма, его истинной нравственно-гуманной сути, то провозглашение священности человеческой жизни и вытекающая отсюда принципиальная недопустимость смертной казни обусловлены не только современным уровнем цивилизации, но и — что произошло впервые в истории — самой истинной сутью общественной системы — социализма.

Ну, а если государство — орган политической власти, призванный решать прозаические общественные задачи, под напором суровых жизненных проблем, вынуждено идти на частичное введение смертной казни? Причем не только в силу объективных экстремальных исторических обстоятельств, но и в силу непреклонного общественного мнения — допустим, в случае убийства с отягчающими обстоятельствами. Что ж, скажу еще раз, объяснить и понять все это можно. Но, думается, такое объяснение и понимание не должно доходить до уровня оправдания этого обществом, когда хотя бы в малейшей степени был бы поколеблен принцип священной ценности человеческой жизни. То есть ни в коей мере не должен быть поколеблен общезначимый общественный настрой против насильственного лишения жизни человека.

Да, может случиться так, что государство — орган власти, призванный вводить и поддерживать строгую организованность, жесткий порядок, твердую дисциплину, считает необходимым ввести смертную казнь за жестокое преступление. Пусть — так! Но это изначально должно рассматриваться как прямое отступление от общего принципа, шаг (и может не один) назад, приносящий обществу немалые и серьезные потери. И нужно тысячу и тысячу раз взвесить — стоит ли идти на такую меру, а если стоит, то пусть в памяти общества и каждого его члена неотступно присутствует представление о потерях, которые наступают в жизни, если государство реагирует на преступление лишением жизни человека... В том числе и для общих принципов, которыми живет общество и которые относятся к самой нравственно-гуманной сути социализма.

В нынешние дни мы много размышляем о том гигантском сдвиге в общественно-политической жизни, который наступит в обществе в результате формирования социалистического правового государства. Не будет ли отказ нашего государства — в принципе! навсегда! — от применения смертной казни одним из верных признаков такого сдвига?

писатель

Так казнить или миловать?

Начну с сообщения в газете «Советская Россия». «В 1984—1986 гг., — говорится в нем, — в г. Иркутске совершен ряд убийств, изнасилований и других тяжких преступлений. Среди потерпевших были женщины и дети. Проведенным правоохранительными органами Иркутской области и следственной частью Прокуратуры РСФСР расследованием установлено, что эти преступления совершил врач городской станции «Скорой помощи» Кулик В. С., имевший склонность к половым извращениям.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР, рассмотревшая это дело в г. Иркутске, признала Кулика виновным в совершении указанных преступлений и приговорила его к исключительной мере наказания — смертной казни».

Вот такое сообщение.

Если бы смертной казни у нас не существовало, то Кулик получил бы максимальный срок — 15 лет заключения. Каков его возраст? Не знаю, в сообщении не говорится. Думаю, не больше сорока. Даже если предположить, что он отсидит весь свой срок «от звонка до звонка» (что бывает далеко не всегда), он выйдет на свободу еще нестарым мужчиной, вряд ли излечившимся от упомянутой в сообщении склонности. И вполне возможно, возьмется за старое. Такого тюрьма не исправит. И, добавлю, не накажет. Потому что несерьезно считать даже пятнадцатилетнее пребывание в колонии соразмерным наказанием за изнасилования и убийства многих женщин и девочек.

Возьмем еще примеры.

В одной из наших республик, после многих лет поисков, был обнаружен человек, совершивший более трех десятков убийств. Совсем недавно группа преступников застрелила двух милиционеров. Во время известных событий в Сумгаите бандиты насиловали и убивали женщин.

В США бывший морской пехотинец, забравшись в об-

щежитие медицинских сестер, убил около десятка женщин. Другой американец залез на крышу дома и из снайперской винтовки застрелил восемь прохожих...

Террористы взрывают вокзал в Болонье, пассажирские авиалайнеры, подкладывают бомбы в машины, магазины, дискотеки. Гибнут десятки невинных людей.

О военных преступниках — фашистах, полицаях и тому подобных, уничтоживших уже не сотни людей, а сотни тысяч, я не говорю.

Спрашивается, какого наказания они заслуживают?

Говоря об истории введения смертной казни в ГДР и наказании военных преступников, профессор Гумбольдтского Университета в Берлине, крупный юрист Эрих Бухгольц подчеркивает: «Исключительная мера наказания в данном случае соответствовала исключительным по своему характеру и масштабам преступлениям — таким, как массовые убийства».

Те, кто ратует за отмену смертной казни подробно и, замечу, вполне обоснованно предостерегают против судебных ошибок, которые в данном случае уже нельзя поправить, ссылаются на неэффективность этого наказания в борьбе с преступностью, провозглашают общеизвестные гуманистические принципы, согласно которым ничто не может быть ценней человеческой жизни. Все это так. Но при этом они упорно молчат, за что выносится эта, так и называющаяся исключительной, мера наказания.

Будем честны с самими собой. Когда по телевизору, в документальном фильме, в газете нам рассказывают о человеке, лишившем жизни — высшей ценности бытия — другого человека (многих, а подчас ребенка), какие нас охватывают чувства?

Когда мы видим на экране зал суда, где убийца тусклым голосом повествует о сотнях казненных им советских патриотов, а то и просто мирных своих соседей по деревне, о чем мы думаем?

С трудом представляю себе человека, который, пылая праведным гневом, воскликнет: «Казнить такого? Да вы что? Как мы можем лишить его жизни! Где же гуманность? Где человеколюбие?»

Однако в отвлеченных беседах кое-кто именно так и восклицает.

Я — решительно за смертную казнь!

Сразу оговорюсь — в исключительных случаях и, разумеется, применительно к людям, умственно здоровым. Никто не требует казнить душевнобольных.

Серьезные сомнения вызывает у меня и аргумент насчет судебных ошибок. Да, конечно, казненного к жизни не вернешь. Но, думается, не стоит руководствоваться только этим принципом. По этой логике следует отказаться от сложных операций, обрекая на смерть больных, только потому, что врач может ошибиться (ведь и такое бывает), или прекратить исследования космоса, потому что могут ошибиться конструкторы и инженеры.

В любом деле могут быть ошибки, и непонятно, почему только в вопросе о применении смертной казни возможность их появления должна останавливать.

Я не юрист, я — писатель, но имею представление о том, как обстоит дело в некоторых других государствах. Сразу отвергаю существующую в ряде стран Африки и Азии практику публичных казней. Там и порки публичные практикуются. Не о том речь.

Возьмем США. В этой стране, насколько я знаю, вопрос решается по-разному в разных штатах. Даже способ казни различный — газ, электрический стул... Смертная казнь существует в 37 штатах из 50. За ее введение постоянно голосуют три четверти американцев.

А в других странах?

Во Франции смертной казни нет, и, как говорят, это никак не отразилось на уровне преступности. Впрочем, приведу здесь высказывание видного французского юриста Раймона Форни: «Вопрос о смертной казни во Франции решен окончательно. Однако это не означает, что не может быть исключений. Если бы Гитлер не покончил с собой и его пришлось бы судить в наши дни, то приговор вряд ли ограничили пожизненным тюремным заключением. То же самое относится к нацистским палачам...»

Приведенное выше высказывание меня удивило. Насколько я знаю, закон есть закон и во Франции. Так что, если б захотели казнить Гитлера, пришлось бы принимать новый. Но многие нацистские палачи, в том числе Клаус Барбье, живы, к ним прибавилось немало современных убийц из неонацистских организаций, действующих и во Франции, однако смертная казнь им не грозит. Закон-то действует.

В Великобритании смертная казнь тоже отменена. Но не по всем делам. Для виновных в государственной измене и в пиратстве ее сохранили. Отменил казнь парламент незначительным большинством. Между тем 67% населения, в том числе премьер-министр Маргарет Тетчер, выступают за ее восстановление.

В Польше за сохранение смертной казни 60% граждан.

Впрочем, за это ратует большинство почти во всех странах. Согласно проводившимся у нас в стране социологическим исследованиям, большинство советских людей также за сохранение смертной казни, а некоторые предлагают даже расширить ее применение.

Дискуссии по поводу смертной казни ведутся у нас довольно широко, о чем свидетельствует и этот сборник. Выскажу свои личные соображения.

Мне кажется, что многие, в том числе юристы, забывают об одном важном, на мой взгляд, обстоятельстве (во всяком случае, мне высказывания на эту тему не попадались), а именно: в нашей стране предельный срок лишения свободы — 15 лет. У нас никого не приговаривают ни к двум пожизненным заключениям, ни к 150 годам тюрьмы, ни даже к 25 годам. И возникает, как я уже говорил вначале, ситуация, при которой человек, совершивший чудовищные преступления, в случае отмены смертной казни практически через вполне «обозримый срок» выйдет на волю. Разумеется, кто-то из преступников раскается и всю оставшуюся жизнь посвятит искуплению вины. Но я сильно сомневаюсь, что среди таких окажется комендант нацистского концлагеря или убийца десятков женщин и детей.

Я, безусловно, за ограничение смертной казни. Нужно ли применять ее к убийцам на почве ревности, к взяточникам или расхитителям и т. п.?

Думаю, что правы те, кто считает, что угроза смертной казни не остановит настоящего преступника. Ссылаются на знаменитый пример парижских карманников, устроивших свою штаб-квартиру под помостом виселицы на Гревской площади и занимавшихся своим промыслом как раз в то время, когда толпа глазела на казнь.

Мне тоже кажется, что введение или отмена смертной казни вряд ли увеличит или уменьшит число тяжких преступлений. Преступник, сознательно идущий на убийст-

во инкассаторов ради денег, милиционеров, чтобы захватить их оружие, готовый задушить девочку, чтобы скрыть надругательство над ней, или изменник, годами продающий военные тайны родины, что в случае войны обернется гибелью тысяч соотечественников, — такой преступник не думает о смертной казни и вообще о возмездии.

Нет, таких преступников не исправить и не наказать, потому что нет наказания, соразмерного их вине.

Просто я считаю, что такие люди не имеют права жить на земле. Ведь никому не придет в голову запереть в клетку ядовитую змею или тарантула в надежде, что через пятнадцать лет они превратятся, скажем, в ужа или майского жука!

Само собой разумеется, смертный приговор должен быть вынесен только после самого тщательного, исчерпывающего следствия и судебного разбирательства. Возможно, во избежание ошибок приведение приговора в исполнение должно быть отсрочено, возможно, нужны дополнительные гарантии, определенные условия, исключающие ошибки следствия и суда, возможно, надо пересмотреть список преступлений, заслуживающих смертной казни, — пусть об этом подумают законодатели. Но отказаться от смертной казни вообще нельзя.

В решении вопроса о смертной казни, мне кажется, нередко проявляется излишнее ханжество. Характерно, в этом смысле, высказывание известного польского писателя Ежи Анджеевского, автора романа «Пепел и алмаз»: «Когда раздаются голоса, требующие сохранить смертную казнь, мне слышится в них жажда преступления».

Или, скажем, заявление немецкого юриста Э. Бухгольца: «Даже если рассматривать жизнь лишь как биологическую форму бытия — это же самое совершенное творение природы, венец всего сущего. Чем больше мы над этим думаем, тем чаще упираемся в вопрос: лишая жизни преступника, не посягаем ли мы все-таки косвенным образом на жизнь вообще?»

Но есть и другие суждения.

Профессор Фордхэмского университета (США), известный авторитет в области права Эрнст ван Дэн Хаат пишет: «Человек, который идет на преднамеренное лишение жизни другого человека, должен расплачиваться за содеянное собственной жизнью».

Думаю, что однозначного ответа нет, все зависит от конкретных обстоятельств, включая малейшие нюансы.

Недавно «Комсомольская правда» поведала о страшном преступлении: молодой солдат застрелил семерых своих товарищей и пытался бежать. О каком наказании, казалось бы, может идти речь, кроме смертной казни? Но когда дочитываешь газетный материал до конца, возникает совсем иная картина. Оказывается, не товарищей своих застрелил солдат, а извергов и чудовищ, да к тому же в состоянии законной самообороны. Так, по крайней мере, мне представляется. Судите сами.

Молодой паренек оказывается в одной конвойной команде с жестокими, циничными старослужащими, живущими по закону так называемой дедовщины. Невозможно читать спокойно о тех страшных избиениях и издевательствах, которым они подвергали новичка. «У нас и то такого не бывает», — сказал на следствии один из конвоируемых преступников, свидетель происшедшего.

Паренек раздобыл оружие и уничтожил обидчиков. Его задержали, но в ходе следствия, не выдержав процедуры дознания, он сошел с ума и был отправлен в психиатрическую лечебницу.

А если б нет? Какой бы приговор ему вынесли? Я бы лично не требовал ему смертной казни.

Я привел этот пример, чтобы показать: далеко не всякое лишение жизни другого заслуживает казни. Все неповторимо и многообразно. Все зависит от множества обстоятельств, к тому же по-разному толкуемых и оцениваемых во времени.

Напомню известный парадокс: застрелить человека, в том числе иностранца, даже если он, скажем, ударил тебя под пьяную руку — преступление. Застрелить его же во время войны с его страной — долг.

Не могу без возмущения и горечи читать газетные сообщения, в которых рассказывается, как работник милиции, получивший несколько ножевых ранений, а то и пулю, продолжает преследовать вооруженного преступника и, наконец, задерживает, порой, ценой своей жизни. А потом происходит суд над убийцей милиционера, и преступника приговаривают к десяти-пятнадцати годам заключения, но не к смертной казни.

Где же логика, где справедливость? Неужели в этом торжество высшей гуманности? По мне — это торжество лицемерия.

По-видимому, есть категория существ, которых только условно можно считать людьми, которые не должны, не имеют права жить на земле. Даже в тюрьме. Конечно, лучше, чтобы такие люди вообще не рождались. Но я не сторонник теории о врожденной преступности: когда человеку год от роду, он всегда честный.

А вот каким он станет через десять, двадцать, тридцать лет — за это ответ несет общество: семья, школа, товарищи, трудовой коллектив.

Но прежде всего — он сам. Разговоры о среде не очень убеждают. Почему у одних и тех же родителей один сын — честный человек, а другой — преступник? Почему из одного и того же института или школы выходят и порядочные и порочные люди?

Сколько у нас было различных теорий о формировании преступных начал личности, о среде, влияющей на развитие негативного в человеке. Гипотезы, предположения, догадки..., а в конечном счете выясняется, что правонарушители могут вырасти в любой семье, выйти из любой школы или СПТУ.

Но тогда почему один становится главарем банды, а другой — дружинником, почему тот идет хулиганить и воровать, а этот занимается спортом, самодеятельностью? Ведь с одного двора, из одной школы!

Все же ответственность человек в первую очередь несет за себя сам.

А как же общество? Никуда не денешься — общество тоже. Оно формирует человека по своим законам.

У нас немало недостатков, промахов, упущений, в том числе и в деле воспитания. И все же наше общество в целом здоровое, и каждый, вступающий во взрослую жизнь, может найти в ней свое место. Но находят, увы, не все. Что общество должно в таком случае делать? Оно учит, перевоспитывает, исправляет, наказывает.

Всегда ли есть надежда на исправление? На искупление?

Нет, к сожалению, не всегда. Бывает, что нельзя ни исправить, ни искупить. Тяжесть содеянного слишком велика. Вот тогда и применяется смертная казнь. Общество прибегает к законной мере самообороны, на которую имеет право и каждый его член.

Когда в суде обсуждается вопрос о самообороне, суд обязан входить во все детали и при определенных обстоятельствах приходит к выводу, что человек, убивший пьяного хулигана, перестрелявшего его семью и перезаря-

жавшего обрез, чтобы убить его самого, имел право убить этого хулигана.

Думаю, никому не придет в голову оспаривать это решение. Так почему же столько споров возникает, когда подобным образом поступает общество? Иные юристы, публицисты, общественные деятели сражаются за жизнь преступников прямо-таки самоотверженно.

Выступая с тезисом — «Смертной казни не должно быть! Вообще! Ни при каких обстоятельствах! Никогда! Ни за что!» — забывают о жертвах, о неисправимых преступниках, об общественном мнении, которое, как уже говорилось, во всех странах и у нас в том числе, против отмены смертной казни.

Ведут бесконечные споры с позиций «высшей гуманности», расплывчатой статистики.

А ведь все достаточно просто и ясно — есть те, от кого общество должно избавляться, как от неизлечимых болезней. Злокачественные опухоли надо удалять, а не лелеять.

Повторяю: речь идет не о психически больных людях, не о случаях, когда смертная казнь неадекватна тяжести совершенного преступления, не о женщинах или несовершеннолетних. Речь об извергах, на трезвую голову, хладнокровно и продуманно совершивших чудовищные преступления.

Не знаю, чем у нас руководствовались, не введя пожизненного заключения и сведя предельный срок к 15 годам, а теперь предлагают даже к 10. Не понимаю, почему не задумались, что при максимальном наказании в 15 лет лишения свободы многие опасные преступники выйдут на свободу вполне способными совершить новые преступления.

Мне, лично, это представляется не только абсурдным, но и антиобщественным.

И хотя я в целом за гуманизацию системы наказаний, все же считаю, что самые страшные преступления — чудовищные, циничные — заслуживают смертной казни.

Это не посягательство на жизнь человека, потому что те, кто подобные преступления совершают, — не люди. Это существа, которым не должно быть места на земле. Избавлять мир от них и есть подлинная гуманность. По отношению к людям.

военнослужащий

Когда со страниц некоторых органов печати меня начинают убеждать в желательности, прогрессивности, гуманности такой меры, как отмена смертной казни, ссылаются на пример 29 государств, уже предпринявших этот шаг, я отношусь к этому скептически. На мой взгляд, это — не тот путь, по которому нам следует двигаться в направлении правового государства. Как известно, в префектуре царской полиции было в широком ходу утверждение: «Преступность — это нормальная реакция нормальных людей на ненормальные условия жизни». Очевидно, что здравое зерно в этом утверждении имеется. Нетрудно построить логическую цепочку: ненормальные условия жизни — личность — преступление — смертная казнь. Как видно, мера наказания (смертная казнь) — всего лишь следствие, но вовсе не причина преступлений, и, изменяя ее, ощутимых перемен в уровне преступности ожидать не следует. Хотя нет сомнений в том, что и «мера наказания» воздействует в логической цепи через обратную связь на «преступление». Показательно в этом отношении мнение по вопросу о смертной казни рецидивиста С. Абдираимова из Чимкента. Вот что он писал: «Я — рецидивист. Специфические особенности лагерной жизни для меня с малолетства привычны...

Теперь о высшей мере. Мне кажется, отмена смертной казни может способствовать увеличению преступлений дерзостных и жестоких. Признаюсь, что в последний раз, находясь на свободе, я хотел осуществить ограбление и, кажется, имел для этой цели все возможности. Но осознание того, что в случае провала меня расстреляют за это преступление, удержало меня от подобного умысла. В этом смысле существование угрозы смертной казни с точки зрения профилактики является сдерживающим фактором. Поверьте, это вам говорю я, преступник».

Если же иметь в виду, что основная цель отмены смертной казни — сделать более гуманным отношение общества к своим членам, то более эффективными представляются другие шаги. Например, открытие статистики по преступности и правонарушениям. Известно, что каждое второе-третье преступление в прошлые годы (а в хули-

ганстве девять из десяти) было связано с пьянством. Но ввиду закрытости статистики по преступности мы не можем сказать, к примеру, скольких людей подвело под высшую меру наказания состояние алкогольного опьянения. Следовательно, мы не можем узнать, как и насколько рост (снижение) производства и потребления спиртных напитков способствует совершению преступлений, влекущих за собой смертную казнь.

Возможно, изучение этих взаимосвязей, принятие мер по ним дало бы обществу значительно больше, нежели простая замена высшей меры, к примеру, пожизненным заключением. Во всяком случае я считаю, что открытие статистики преступности позволило бы изучить указанные и другие взаимозависимости, принять по ним меры, приблизило бы нас значительно более к правовому, более гуманному обществу, чем простая замена этой меры на длительные или пожизненные сроки заключения. Пока же невозможно даже, как в первые годы Советской власти, бороться с преступностью на основе плана-прогноза (а ведь первый пятилетний план содержал раздел по борьбе с социальными аномалиями).

Мы можем лишь по отдельным появившимся в печати цифрам оценивать неполный ущерб,причиненный обществу некоторыми из деяний, могущих повлечь за собой для виновных высшую меру наказания. К примеру, известно, что за первые шесть месяцев 1987 года за умышленное убийство осуждено 4682 человека. Если считать, что каждый из осужденных лишил жизни лишь одну жертву, то, зная, что по расчетам специалистов, каждая насильственная смерть члена нашего общества равносильна потере в экономическом потенциале страны до 40 тыс. рублей (при учете среднего вклада члена общества в его развитие), нетрудно подсчитать экономические потери государства. За первое полугодие 1987 года 4682 преступника нанесли государству ущерб в 187 млн. 280 тыс. рублей. Чтобы эти сухие цифры «ожили», представим себе 187 непостроенных 9-этажных 4-подъездных 144-квартирных дома. Ведь подобный дом стоит именно 1 млн. рублей. Чтобы было, с чем сравнить эту цифру, напомню: экономия от ликвидации ракет средней и меньшей дальности составила около 300 млн. руб. Сколько десятков тысяч семей в нашем обществе могли бы получить квартиры — подсчитайте на досуге сами. Как видно, цифры умеют «говорить».

Чтобы решать проблемы, надо знать их, то есть для

создания гуманного, правового государства необходимо открыть статистику преступлений и правонарушений. Только эта мера позволит широкой общественности осознать «узкие» места в борьбе с преступностью. А без привлечения к этой борьбе общественности надеяться на успех — утопия.

Что же до отмены смертной казни, то известно, что, по данным опросов, против этого возражает 80—85% населения. Уверен, что делает большинство из них это, даже будучи не знакомым с тем, что В. И. Ленин, участвуя в обсуждении вопроса о полной отмене смертной казни, счел необходимым сослаться на изречение французского юриста о том, что сначала смертную казнь должны отменить господа убийцы.

Век нынешний, наряду со всеобщей грамотностью, образованностью, бурным развитием НТП и т. д., принес нам и новые заботы. Некоторое время назад мир обошла весть о том, что шайка преступников в США предприняла попытку украсть атомную подводную лодку. Грабители впоследствии признались, что хотели получить денежный выкуп за нее, а для большего впечатления собирались дать ядерный залп по одному из городов западного побережья страны. Вы скажете, мол, не у нас. Увы, и у нас есть организованная преступность и оружие массового уничтожения, поэтому вряд ли кто может дать гарантию, что от подобного мы застрахованы навеки.

Да, я в принципе против отмены смертной казни (можно лишь поспорить о целесообразности ее применения в отдельных конкретных случаях) и разделяю точку зрения заместителя начальника следственной части Прокуратуры РСФСР В. И. Олейника, который уже пятнадцать лет борется с организованной преступностью (в частности принимал участие в расследовании дела Н. П. Трегубова), который считает, что «тысячи шпионов не смогут нанести государству такой ущерб, как наши кровные внутренние дельцы». Логично, мне кажется, и меру наказания им определить как изменникам Родины — смертную казнь, а не предлагаемую в проекте Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик десятилетнюю «отсидку». Что же до тех государств, которые отменили смертную казнь, то кто назовет хотя бы одно из них, где эта мера изменила состояние преступности.

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РСФСР,
Лауреат Государственной премии СССР

Польза или зло?

Смертная казнь... Откуда она пошла? И когда? Что она такое: вид расправы сильных над менее сильными или слабыми, способ устранения политических противников и средство борьбы за власть или уголовное наказание как способ устрашения преступников, имеющий благородные цели — избавление человечества от преступности, осуществляемый в то же время отнюдь не благородными и гуманными средствами? Впрочем, есть немало людей, считающих смертную казнь выражением «высшего» гуманизма, когда опасный преступник, причинивший непоправимое зло другим людям, сам лишается жизни по приговору суда. Но если таких преступников немало, а значит, — немало и приговариваемых к смертной казни, то считать ли многочисленные случаи ее применения гуманизмом? А может ли причинение смерти одним человеком другому, пусть даже облеченное в юридическую формулу: «именем закона...», «именем государства...» считать гуманизмом? Да, преступник совершил преступление, тяжкое преступление. Но ведь что-то послужило тому причиной. Человек — частица общественного организма со всеми особенностями как общественного организма, так и самой личности. Этого никогда и ни при каких условиях игнорировать нельзя, как нельзя игнорировать противоречий общественного развития, политических разногласий, взглядов на человеческую личность с позиций тех или иных философских, религиозных и прочих воззрений.

Известно, что формы, методы и средства борьбы с преступностью различны в разных социально-политических системах, различны и взгляды на эти средства — даже в рамках одной и той же системы. Отношение к смертной казни как мере наказания есть в то же время показатель уровня социального и культурного развития общества. Чем оно менее культурно, чем примитивнее взгляды его членов на жизнь и предназначение человека, тем грубее и примитивнее формы «воспитания» его членов, тем безразличнее

отношение к человеку и его жизни. Идущее из древних времен вульгарное, но крайне устойчивое представление о том, что сильный всегда прав и, отстаивая свое право, не ограничен в средствах принуждения, что тот, кто богат или взобрался на верхушку политического Олимпа, тот правит миром, а кто с этим не согласен или, тем более протестует, того можно принудить, изолировать и даже уничтожить — привело к тому, что жизнь людей не очень-то и ценилась. История полна смертей, отнюдь не естественных. Причем, мы сегодня говорим о смертной казни как мере наказания, назначаемой судом. Но ведь в истории было немало случаев, когда казнили без суда, попросту умерщвляли. Короли и курфюрсты, цари и герцоги, князья и рабовладельцы, феодалы и наделенные «правами» временщики, святая инквизиция и различные от имени Бога действовавшие религиозные секты, политические лидеры, явно или тайно расправлявшиеся со своими противниками, — кто только не стремился «доказать», что человечество, остальные люди — ниже его.

Смерти предавались и те, кто посягал на чужую жизнь, и те, кто посягал на чужое имущество, и те, кто посягал на чью-то власть, и те, кто только думал о власти, и даже те, кто был просто неугоден имевшим «право» казнить или присвоившим себе такое «право».

Но тем, кто казнил, мало было просто казнить. Изобретались еще и разные виды казни. Причем предела жестокости не было, многим казнившим мало было, чтобы смерть последовала мгновенно. Такой исход казался слишком простым. Надо было еще и устрашить других. А потому казнился не только сам «виновный», но и его близкие. При этом не щадили и детей. Казни предавались те, кто были его соратниками или просто сочувствовавшими. Но и этого было мало. Придумывались самые изощренные формы лишения человека жизни, при этом фантазия человеконенавистников не имела предела. Но одно было общим для их «философии»: способ казни должен быть такой, чтобы прежде, чем жизнь покинула человека, он испытал бы все возможные мучения. Медленная смерть, постепенное умерщвление — вот что удовлетворяло «чувства» властителей, которые рассчитывали и на устрашение других. Но все они упускали из виду непреложный факт: жестокость вызывает ответную жестокость. Так было, так

есть, так будет всегда. Устрашение действует лишь на слабых. У сильных рождается желание на насилие ответить насилием, может быть даже еще более жестоким.

Сродни казни, прямому умерщвлению были и жестокие наказания, пытки, которые, не будучи прямо казнью, кончались в значительной части случаев смертью. И этот вид издевательства над человеком дожил до наших дней.

От века идущая привычка казнить преступников (нередко — псевдопреступников) и непокорных стала составной частью воззрений политиков, творцов законов, правоприменителей. Но не только их. Общественная психология, воспитанная веками в идеологии, допускающей, оправдывающей, обосновывающей право власти и законодателя казнить и записывать это право в уголовных законах, тоже и поныне не представляет себе законодательства, в котором не было бы смертной казни. Воспитание жестокостью сохранило в общественном мнении заблуждение, что без жестокости (не строгости, а именно — жестокости) не обойтись. Без жестоких законов и казни с преступностью якобы не справиться. Сложилось парадоксальное положение: требуя гуманности к себе, человек допускает жестокость по отношению к другому. Это относится и к нашему обществу. Не будем заблуждаться на этот счет и делать вид, что это не так. Опросы общественного мнения по поводу сохранения или отмены в нашем законодательстве смертной казни подтверждают это.

Однако оставим в стороне казнь как выражение произвола. Рассмотрим ее криминологические и правовые аспекты.

За что в законодательстве разных стран и в разные времена была установлена смертная казнь? Казалось бы, смертная казнь должна существовать в законе только за лишение другого человека жизни. Прежде всего потому, что испокон веков существует мнение (а ранее и законодательный принцип), что кровь должна следовать за кровь, голова за голову и т. д. Талион. Он идет и от религиозных воззрений. И сейчас многие глубоко уверены, что должен быть принцип: жизнь за жизнь. В своей основе это действительно так, за убийство в подавляющем числе случаев в законах предусматривалась смертная казнь. Но когда ученые, а вслед за ними законодатели стали глубже вникать в эту «простую» формулу жизни (и закона!), то

оказалось, что все не так просто. Оказалось, что убийство убийству рознь (парадокс, но факт!). И не за всякое убийство виновного следует предавать смертной казни. Бывают убийства, совершаемые при отягчающих обстоятельствах. Например, убийство нескольких человек, особо мучительным способом, убийство ребенка или лица, охраняющего общественный порядок, участие в геноциде и т. д. В подобных случаях, в подавляющем большинстве, вопросов не возникает. Но бывает и иначе. Например, во многих странах посягательство на священнослужителя безусловно считается более тяжким видом убийства. Так же расценивается и убийство родителей. Причем, за основу берется сам факт. Мотивы же убийства подобного рода законодатель (и мораль) оставляют в стороне. Между тем, это неправильно. Ведь и священнослужитель может вести себя по отношению к людям так, что вызовет всеобщую ненависть. То же и в отношении родителей. В жизни подобные факты далеко не единичны. И нужно ли в подобных случаях предусматривать безоговорочно смертную казнь в качестве наказания за совершенное убийство? А сколько в жизни бывает случаев, когда доведенные до отчаяния жена, дети расправляются с мужем и отцом? Всегда ли за такое деяние должна следовать смертная казнь? При этом оценка тех или иных действий, связанных с причинением смерти, законодателем и общественным мнением, моралью может расходиться (и расходится!).

Поэтому законодательство в разных странах дифференцирует убийство. Смертная казнь за убийство перестала быть общеобязательной. Но общественное мнение и до сих пор не всегда это понимает. Его отношение к причинению человеку смерти — одномерно и однозначно: смерть за смерть. Оно еще не готово принять идею о том, что за лишение человека жизни смертная казнь должна следовать вовсе не всегда. Нужно ли с этим считаться? Думаю, что да! Но тут же встает вопрос, в какой степени нужно считаться? А, может быть, (опять парадокс!) и не считаться вовсе, исходя из презумпции, что законодатель «умнее» и «лучше» не постигших тонкостей юриспруденции людей знает, что и как нужно делать? Сколько «умных», но не работающих законов приняли в мире законодатели! Как и непонимаемых и даже осуждаемых населением! Вопросы, вопросы...

12 Зак. 702

Но смертная казнь предусматривается в разных странах не только за убийство. (Кстати, кроме умышленных убийств бывают убийства по неосторожности. Как правило, они не караются смертной казнью, что, конечно, правильно со всех точек зрения: и с правовой, и с нравственной. Но ныне появились такие неосторожные преступления, последствия от которых более тяжки, чем последствия умышленного убийства, скажем, преступления, совершенные в Чернобыле, где есть не только умершие сразу или почти сразу, но существуют и более отдаленные вредные для жизни и здоровья людей последствия. Может быть, и в этих случаях нужна смертная казнь? Опросы общественного мнения показывают, что такое мнение существует.)

Смертной казнью карались прежде и караются ныне такие преступления имущественного характера, как крупные хищения государственного, общественного и личного (частного) имущества. Наше законодательство, во всяком случае, это предусматривает. Такая же мера предусматривается за взяточничество при отягчающих обстоятельствах. Законодательство других стран карает смертной казнью за пиратство или контрабанду, совершенные с применением тяжкого насилия. При этом общественное мнение возмущается тем, что суммы, получаемые преступниками от таких преступлений, бывают весьма большими. Даже очень большими. А раз так, — то и рождается требование наказать «пожестче» и даже применить смертную казнь. Получается, что суровое наказание назначается за то, что преступник оказался «умнее» тех, кто призван собственность охранять. Я понимаю, что это суждение спорно, но в истории уголовного права, в частности, в английском праве, такое суждение было.

В проблеме применения смертной казни за имущественные преступления есть один принципиальный вопрос: что дороже — любое имущество, любая сумма денег или человеческая жизнь? На мой взгляд, человеческая жизнь дороже. Поэтому от применения смертной казни за преступления имущественного характера нужно решительно отказываться. Если под носом у хозяйственника-ротозея ловкий махинатор умудряется нажиться на многие тысячи, а может быть, и миллионы рублей, то не следует его казнить, достаточно приговорить к длительному сроку лишения свободы, поставить в местах лишения свободы во

главе какого-нибудь предприятия, производящего материальные ценности, и пусть возвращает государству похищенное. Сложнее, конечно, с крупными взяточниками. Хотя это тоже имущественное преступление, но оно еще и свидетельство глубокого разложения личности, вредно влияющего на климат в обществе. Но и в этом случае вопрос о том, что ценнее — человеческая жизнь или деньги, — не снимается. Ведь взяточничество может быть элементом разложения не конкретного человека (точнее, не только его), но системы, которая цепко держит личность в своих руках. Тогда первое, что нужно делать в интересах общества, — это ломать прогнившую систему, калечащую людей. Но сломаем ли мы ее, если будем применять смертную казнь и только на нее расчитывать? Конечно, нет. Необходимо прежде всего заклеймить подобные деяния как образ действий, как способ хозяйствования или решения политических и иных вопросов, исключить его из арсенала человеческих поступков на любом уровне и в любой сфере. Но если уповать только на смертную казнь и казнить тех, кто «попадется» (или кого «захотят» поймать), то это лицемерие и ханжество. И еще — безразличие к человеческим судьбам. Говорят иногда, что угроза смертной казни удерживает взяточников от преступления. Жизнь показала, что это не так. Рашидова не удержало, Чурбанова — тоже и т. д. Хотя они имели отношение и к законотворческой деятельности, и ратовали за суровость и непримиримость к преступникам. Взяточничество, как зараза, проникает во все сферы общественной жизни. Всех расстреливать — нельзя, а «выборочная» смертная казнь — это уже не правосудие, а усмотрение. Так нужна или не нужна смертная казнь за взяточничество?!

Смертная казнь предусматривается в разных странах и за другие преступления, например за злоупотребления с наркотиками. Причем, во многих странах, в частности, входящих в так называемый золотой треугольник. Что ж, наркотизацию населения можно рассматривать как убийство многих людей. Она может быть даже средством осуществления геноцида. Но наличие в законе такой меры, как смертная казнь не остановила стремительного распространения наркомании по городам и странам. Нельзя не сказать и о том, что карательная практика в борьбе с этим

злом не просто противоречива, но даже полярна: например, потребление наркотиков карается от штрафов до смертной казни. Вообще следует сказать, что уголовная ответственность за потребление наркотиков — это та мера, которая, по моему глубокому убеждению, служит тормозом к работе медиков, до сих пор не нашедших эффективных средств лечения наркомании. А то, что это болезнь — бесспорно. Но нельзя лечить болезнь лишь тюрьмой и, тем более, смертной казнью! А врачи плохо занимаются поисками эффективных способов лечения, потому что считают потребление наркотиков преступлением. И если в отношении распространителей зла, людей, сделавших преступный бизнес средством наживы, справедливы самые суровые меры, может быть, и смертная казнь, ибо от наркотиков гибнут люди, то гуманно ли потребителей, людей несчастных, ставших жертвами распространителей зла, неизлечимо больных, карать смертной казнью, — вопрос отнюдь не праздный.

Смертную казнь человечество применяло и за ересь, и за инакомыслие, и даже за научные убеждения. Сегодня это все в прошлом, но инакомыслие и по сей день вызывает гнев, возмущение и призывы к расправам, особенно инакомыслие политического характера. А уж о ярлыках разного рода и говорить не приходится. При этом люди забывают, что расправы, кончавшиеся смертными казнями, нередко начинались именно с политических ярлыков — пример тому — репрессии в сталинский период. Вообще не надо забывать, что в истории не только нашей страны, но и практически всех других государств мира всплески репрессий и широкое применение смертной казни против действительных и мнимых противников в борьбе за власть начинались с политических обвинений и преследований за несогласие (кстати, тоже далеко не всегда действительное)! Смертная казнь в истории нередко появлялась как следствие политической борьбы либо борьбы религиозных групп.

Но время, когда человека силой, вплоть до применения смертной казни, пытались обратить «в свою веру» — прошло. Стало очевидным, что никакие идеи не могут быть вбиты в голову человека насильно. Лишь доказательность, убеждение могут быть приняты гуманным обществом и гуманным правом в качестве средства воспитания

человека. В таких случаях применение смертной казни недопустимо.

В то же время законодательство многих стран предусматривает смертную казнь за изменнические преступления. В разных странах они называются по-разному: против государства, против короля (королевы), измена родине и т. п., включая конкретные виды преступлений, вроде шпионажа, перехода на сторону врага и др. Такое законодательство исходит из идеи защиты государства от его внешних врагов, либо защиты верховной власти, либо суверенитета государства. Но оно содержит в себе и элементы лицемерия. Ведь все государства ведут друг против друга разведывательную работу, каждое государство стремится завязать связи с наиболее осведомленными представителями другой страны. А потом, когда шпиона разоблачают, то его же и казнят, хотя за его спиной стоит заинтересованное государство (правда, мы знаем и практику обмена странами граждан, уличенных в шпионаже; но в этих случаях получается, что живым остается тот, кому «повезло»). Одна сторона возводит таких людей в ранг героев, а другая — расстреливает, хотя понимает, что его граждане делают то же самое.

Однако измена всегда тяжка, может повлечь губительные последствия и для государства, и для судеб людей. Сегодня мы вынуждены констатировать, что научно-технический прогресс еще более усугубил, например, проблему шпионажа, вооружив шпионов новейшими технологическими и техническими средствами. Поэтому вряд ли много государств откажется от казни изменников. Нужно пройти большой путь, прежде чем между государствами и народами установится тот климат, который сам по себе будет способствовать преодолению столь аморальных и преступных деяний.

И еще. Всякое преступление аморально, но измена своему народу — аморальна вдвойне. (Я исключаю, конечно, случаи, когда человек покидает страну по причине несогласия с его политикой, по причинам личного порядка, не совершая при этом поступков, наносящих ущерб внешней безопасности государства. Это иной вопрос, который относится к проблеме прав человека, в частности, права на выезд. Хотя, на мой взгляд, высоко моральными подобные поступки тоже не назовешь, но жизнь уже

показывала, что многие уехавшие остались патриотами Родины.)

Особо стоит вопрос о применении смертной казни за преступления против мира и человечества. Многие годы шли люди к признанию агрессивной войны преступлением. Многие годы они жили под сенью «великой» формулы: «война есть продолжение политики иными средствами», которая узаконивала не только войну, а значит, массовое истребление людей, но и политику, освещавшую убийства. Не будем сейчас вникать в политические и юридические тонкости вопроса о «праве на войну». Конечно, война войне рознь. И голый пацифизм никому еще в истории не помог, да и не поможет. Не будем в этом заблуждаться, хотя мораль пацифиста, вроде бы, и человеколюбива. Это — предмет особого разговора. Но сейчас мы по-иному смотрим на проблемы войны и мира. Новое мышление связано прежде всего с идеей о том, что войны можно избежать и что война — не средство продолжения политики, а оружие массового уничтожения, которое приведет к гибели человечества, к тому, что победителей в ядерной войне не будет. Вот почему столь актуален вопрос о защите мира правовыми средствами. Долгий путь человечества к осознанию необходимости исключения войн, приводящих к уничтожению наций, народов, гибели культуры, привел в 1946 году к первому в истории человечества Суду Народов в Нюрнберге над военными преступниками. Смертная казнь ее вдохновителям и организаторам была справедливым возмездием за причиненное зло, как и последующие процессы над нацистскими преступниками и японскими милитаристами. Очевидно, что такая мера наказания соответствовала тяжести совершенных преступлений.

Ныне на земле все еще есть силы и конкретные люди, которые не прочь зажечь пожар войны. Их нейтрализуют другие, прогрессивные, политические движения. Но свою роль упреждающего средства должно сыграть и право. Кара за преступления против мира должна быть максимальной. Государству, не собирающемуся нападать на других, первым применить ядерное оружие, не нужно бояться установления самых суровых наказаний за преступления против мира и безопасности человечества.

Так что же такое смертная казнь как мера наказания? Добро или зло? Можно ли считать законодательство,

содержащее такую меру, гуманным или, напротив, негуманным?

Одни говорят безапелляционно: смертная казнь — зло, человек не имеет права лишать жизни другого, тем более, что у каждого преступления есть причины, коренящиеся в недостатках, а подчас, и непримиримых противоречиях самой жизни.

Другие говорят, правда, обычно не приводя аргументов, что смертная казнь нужна, что причинившего зло, особенно многим людям, надо казнить. Какую же позицию занять? А может быть, ни та, ни другая позиция неправильны, как всякие крайности? Но принципиально ли «сидеть между стульев», понимая, что доля истины есть и в той, и в другой позиции? Давайте порассуждаем. Конечно, в том, что одни люди присваивают себе право казнить других, закрепляя это в законе, есть довольно резко ощущаемая ущербность. Ведь в истории так и было: побеждали одни — казнили других; побеждали эти, другие — казнили первых. Так и лилась людская кровь.

Homo sapiens — Человек Разумный — не очень-то здорово демонстрировал свою разумность. Поэтому легче всего сказать: долой смертную казнь! И сразу стать гуманистом и человеколюбом. Меня так и тянет встать на эту позицию. Но... Я, как практик, а не только как ученый, не могу встать на позицию всепрощения. Тот, кто видел детские трупы, подчас не один, — дело рук изувера-преступника, тот вряд ли скажет, что смертная казнь сегодня уже не нужна (а если и будет так говорить, то, я глубоко убежден, что он будет кривить душой, в то же время, внутренне содрогаясь от картины зверского убийства). Тот, кто видел ужасы преступлений нацистских преступников, — тоже вряд ли скажет, что в отношении таких преступников смертную казнь применять не нужно.

Нередко обсуждают и такой вопрос: способствует ли смертная казнь уменьшению числа преступлений, является ли она надежным средством устрашения? И да, и нет! Скорее, даже нет. Ну, а если нет, то зачем она? Ответ на этот вопрос неоднозначен. Прежде всего, наказание — не главное, а вспомогательное средство борьбы с преступностью, с помощью одних наказаний преступность ни снизить, ни преодолеть невозможно. Значит, не только смертная казнь, но и вообще наказания не нужны?!

Говорят же многие западные ученые о «кризисе наказания», напрямую связывая его с состоянием преступности. Но вот именно эта прямая «увязка» и есть, на наш взгляд, глубокая ошибка. Наказание выполняет свою роль в системе мер борьбы с преступностью настолько, насколько оно может. Оно, конечно, играет предупредительную роль, но оно еще, как говорил К. Маркс, есть способ защиты общества от преступлений. Смертная казнь в числе других наказаний играет эту роль. И большего от уголовного наказания (смертной казни) требовать нельзя. Еще раз подчеркну: нельзя напрямую связывать наличие любых наказаний, в том числе смертной казни, с состоянием преступности. Думать, что, вот, введем пошире смертную казнь, — и преступлений станет меньше — глубокое заблуждение. Как не следует бояться и того, что если не будет смертной казни, то вырастет преступность. В истории нашего государства, в 1947 году, смертная казнь была отменена и ее не было в уголовном законе до 1950 года. Ну и что же произошло? Ничего. Число преступлений, в том числе тяжких, за которые была предусмотрена смертная казнь, не увеличилось. Более того, когда смертная казнь была в законе восстановлена, для усиления борьбы с некоторыми наиболее тяжкими преступлениями, число этих преступлений даже возросло (парадокс!), т. е. угроза смертью преступников не остановила. Так что же, может от этой меры и в самом деле можно (и нужно) отказаться? Если вульгарно связывать наказание с состоянием преступности, то такое решение напрашивается. Но при более глубоком подходе, при том понимании, что борьба с преступностью может быть успешной лишь при сочетании экономических, социально-культурных, воспитательных и правовых мер, наказанию, особенно смертной казни, оставим ту роль, которая ему присуща: роль одного из средств предупреждения преступлений и одного из способов защиты общества от преступлений.

Так что же, значит это возмездие, кара? Да, и бояться этого тезиса не нужно. Раз есть еще чудовищные по жестокости преступления, значит общество не созрело до уровня подлинно гуманного, культурного общества, как не стали идеальными и люди. Нельзя отказаться от смертной казни в обществе, где совершаются тяжкие убийства, процветает коррупция, не изжита профессиональная пре-

ступность, не снята угроза совершения преступлений против мира и безопасности человечества. И нужно признать: смертная казнь, конечно же, не средство перевоспитания, а кара. Философствовать на тему о воспитании применительно к смертной казни, на мой взгляд, просто неприлично. Нужно принимать существующие меры такими, какие они есть. Если же не принимать их, то следует от них отказаться, как это и делают те, кто выступает против сохранения в законе смертной казни. Это, во всяком случае, последовательно, хотя, на мой взгляд, в современных условиях идеалистично, является забеганием вперед.

Но, может быть, можно отказаться от смертной казни, найдя ей замену? Такие мнения тоже существуют. Говорят, что заменой смертной казни могло бы быть пожизненное заключение. Такие нормы имеются в законодательстве ряда стран. Но и там немало острых и спорных вопросов. Прежде всего — можно ли назвать гуманной мерой пожизненное заключение? Что государство хочет достичь этой мерой? Говорить, что достигается цель исправления и перевоспитания, — неверно. Если человек перевоспитался, его надо освобождать из заключения. Говорить, что достигается безопасность общества тоже нельзя, ибо наступит возраст (если осужденный не умрет в тюрьме), когда его общественная опасность будет равна нулю и его можно выпускать на свободу, но ... нельзя. Закон запрещает. Кроме того, а кто его ждет на свободе после целой жизни, проведенной в заключении? Отсюда справедливый вопрос: не есть ли пожизненное заключение пожизненным мучительством? Вправе ли государство узаконивать пожизненное мучительство, нравственно ли это? Ответ, на мой взгляд, однозначен: нет! Можно даже усомниться, что гуманнее — расстрелять человека, совершившего тяжкое преступление, сразу после суда или обречь его на медленную и мучительную смерть? Я не считаю, что заменять смертную казнь пожизненным заключением — значит сделать добро.

В государствах, отказавшихся от смертной казни, существуют различные объяснения. Одни говорят, что они проявляют гуманизм, но наличие в законодательстве пожизненного заключения сильно подтачивает это утверждение. Другие говорят о том, что отсутствие смертной

казни в законе для них «традиционно», хотя эти «традиции» имеют не столь уж длительный срок. Однако в обоих случаях население возражает против того, что мафиози, десятками убивающие людей, не приговариваются к смертной казни.

Бывают и иные обоснования. Мне пришлось быть в 1980 году на Конгрессе ООН по предупреждению преступности в Венесуэле, где на встрече с венесуэльскими юристами обсуждался вопрос о смертной казни. В Венесуэле смертной казни в законе нет, однако позиция законодателя обосновывается весьма интересно. Дело в том, что в центре Венесуэлы имеется сельва, почти непроходимые леса, где проживают племена, еще не вышедшие из стадии дикости. До них цивилизация практически не дошла. Законы, естественно, тоже. Они живут по своим правилам, конфликты разрешают так, как им повелели предки. А предки повелели убивать всякого, кто нарушил обычай, хотя бы за нарушение границ охоты. Венесуэльские юристы считают, что применять смертную казнь к людям, находящимся в стадии дикости, не понимающим ни современной жизни населения Венесуэлы, живущей в «цивилизованной» ее части, ни законов, — негуманно. А потому смертная казнь отменена в Венесуэле в целом. Однако, установив такой порядок, они понимают и его несовершенство, ибо тяжкие преступления, особенно связанные с наркотиками, кончающиеся смертью многих людей, в этой стране не редкость, и люди живут в постоянном страхе.

Так что мир многообразен и разнообразен, и однозначного отношения к смертной казни нет и в настоящее время быть не может. Наверное человечество сегодня не готово к однозначному решению проблемы. Все дискутирующие должны учитывать реальности жизни, а не быть абстрактными гуманистами или, что еще хуже, вечными и твердокаменными сторонниками смертной казни.

Законодатель, решая проблему смертной казни, не может отвлекаться и от общественного мнения. Конечно, оно тоже неоднозначно, разные слои населения думают поразному. Различен и уровень их правосознания. Это надо учитывать и не играть на потребу отсталым настроениям и взглядам. Но сегодня мы должны констатировать, что по опросам общественного мнения от 50 до 80 процентов населения выступает против отмены смертной казни,

причем особенно активно — против отмены ее в отношении убийц. Впрочем, очень многие считают, что эту меру следует сохранить также за крупные хищения и взяточничество. Конечно, государство должно воспитывать население в духе гуманизма, правильного понимания места принуждения в системе мер руководства обществом, но оно не может не считаться с суждениями людей, демонстрируя тем самым свое неуважение к общественному мнению. Значит, законодатель находится в весьма затруднительном положении, решая судьбу такого наказания, как смертная казнь.

Так какова же позиция автора по этому вопросу? Читатель, вероятно, вправе также сказать о «непоследовательности» автора, вроде бы, он и «за», и «против». В ответ скажу: в принципе смертная казнь вовсе не лучшее из наказаний. В основе своей лишение человека жизни, даже если это происходит в соответствии с законом, не лучшее средство разрешения конфликтов, возникающих в обществе. Но и преступление, особенно от которого тяжелые потери несут государство и люди, — тоже зло. Два зла «конкурируют» между собой. И с учетом современного состояния общественной психологии, уровня сознательности людей, их культурности, их понимания справедливости и гуманности я и высказываюсь за сохранение в законе этой меры наказания, но в очень ограниченных пределах. Я безусловно исповедую принцип, согласно которому со злом нельзя покончить путем зла. Но бывают в жизни ситуации, когда надо учитывать главное: созрело ли общество для принятия кардинального решения или к нему надо идти постепенно. Со всей определенностью утверждаю: нет, не созрело, поскольку оно содержит в себе те недостатки и серьезные противоречия, которые ведут к преступлениям. Идеальные представления надо сверять с суровыми реалиями жизни.

Вот почему, на мой взгляд, за убийство, совершенное при отягчающих обстоятельствах, смертную казнь надо сохранить. Но следует отказаться от применения этой меры за преступления имущественного характера. Пусть также смертная казнь будет угрозой для тех, кто лелеет мысли об агрессивной войне, о геноциде и других тяжких преступлениях против мира и безопасности человечества. Гуманизм не может пониматься как всепрощение. Соци-

альная справедливость — тоже не абстрактная категория, неизменная для всех времен. Смертная казнь не месть преступнику, а возмездие за тяжкое зло, от которого на данном этапе развития человеческого общества, вероятно, еще отказаться нельзя, хотя идти по этому пути нужно.

Не можем мы сейчас отказаться и от применения смертной казни в отношении предателей, тех, кто нанес существенный вред государству, вызвал тяжкие последствия для многих людей.

И, в заключение, последняя проблема, которую мне хотелось бы поставить. Это проблема круга лиц, на которых может распространяться смертная казнь: с какого возраста человек может подлежать этому суровейшему наказанию и до какого возраста?

Действующее законодательство в разных странах решает этот вопрос по-разному.

В нашем уголовном законодательстве установлено, что человек, совершивший преступление, несет ответственность с 16 лет. Но были в нашей практике печальные случаи, когда по приговору суда расстреливались пятнадцатилетние и объяснялось такое отступление от закона особой тяжестью совершенного. Такая позиция не выдерживает критики, она противозаконна. Не будем забывать, что самое тяжкое для государства — это совершение преступлений его молодыми гражданами. Их преступления — это наиболее бьющие в глаза издержки несовершенства общественных отношений. Не могу в этой связи не вспомнить, как в одной из телевизионных передач один маститый профессор-юрист (правда, не криминалист), поддерживая отсталые суждения обывателей (иного слова я не нахожу), говорил о возможности применения смертной казни к несовершеннолетним. Причем к применению смертной казни призывала женщина (мать, наверное!). А если бы тяжкое преступление совершил ее сын, тогда как бы она себя повела? Ручаюсь, что искала бы виновных, но оправдывала бы сына.

Говоря о несовершеннолетних, не будем забывать, что они действительно бывают очень жестоки. Но кто их воспитал такими? Старшие. Конечно, сегодня мы имеем дело с так называемыми акселерированными личностями, но их знания и физическое развитие намного опережают социальное созревание. Нельзя человека, не подготовлен-

ного к социальной жизни обществом (как микро-, так и макроокружением), отправлять в небытие. Такие взгляды идут из дальней истории, когда казнили детей политических противников, неимущих, детей еретиков и т. п. Но ведь мы живем в цивилизованном XX веке! Я глубоко убежден, что на несовершеннолетних распространять самое тяжкое наказание — нельзя. Давайте начнем отказ от применения смертной казни с них, малолетних граждан. А вот тех, кто толкнул несовершеннолетнего на тяжкое преступление, скажем, на убийство человека, будем наказывать по всей строгости закона. Вот это будет справедливо.

Думаю, что сегодня следует отказаться и от применения смертной казни в отношении женщин, и не только беременных, как гласит действующий закон.

Женщины, конечно, тоже могут совершать тяжкие преступления, в том числе убийства. Хотя способ их совершения специфичен, чаще всего это — отравление. Жизнь показывает, что, как правило, они идут на это тяжкое преступление, доведенные до отчаяния издевательствами своих мужей, сожителей и т. д. Таких преступлений не так уж мало. Но заслуживают ли они смертной казни в подобных ситуациях? Есть ныне и случаи, когда женщины возглавляют устойчивые преступные группы, в частности, по распространению наркотиков. Но, думается, что ни при каких условиях нельзя забывать, что женщина — это мать, жена. Не сегодня, так завтра. Так начнем отказ от смертной казни с тех, кто дает нам жизнь.

И последнее. Не следует, на мой взгляд, применять смертную казнь к престарелым (лицам старше шестидесяти пяти—семидесяти лет). В этом плане можно сделать исключение лишь в отношении тех, кто совершил преступления против мира и человечества. Это — изуверы-политики, творившие свои преступления именно в зрелом возрасте, вполне осознанно. Что же касается общеуголовных преступлений, то к 60—70 годам преступная активность человека угасает. И не стоит ради отдельных возможных эксцессов отступать от гуманных принципов.

Высказывая свои соображения, я понимаю, что могут быть и иные точки зрения, как, вероятно, и более убедительная или более «наступательная» аргументация. Однако мне хотелось бы, чтобы читатель понял — не только юрист, но, скорее, не юрист — насколько сложна проблема, рас-

сматриваемая в настоящей книге, как она неоднозначна, что нельзя решать ее, не взвесив все «за» и «против», руководствуясь существующими реалиями жизни.

Так что же смертная казнь как уголовное наказание для общества — польза или зло? Зло все то, что лишает человека жизни, ибо человек рождается на свет для созидания, а не для того, чтобы преждевременно, да еще насильственно лишиться дарованной ему природой жизни. И в этом, общефилософском, гуманистическом смысле смертная казнь зло. Но позволю себе употребить здесь весьма условное сравнение, понимая его недостаточную корректность. Естественный отбор оставляет в природе полезных особей. Когда общество применяет к преступникам всякое наказание, и смертную казнь в особенности, оно тоже как бы исправляет само себя и своих членов и даже очищается. Как уже сказано, прямого влияния на состояние преступности смертная казнь не имеет, но средством защиты общества от тяжких преступников — служит. И в этом плане можно говорить, что пока общество и люди не идеальны настолько, чтобы не совершать преступлений, даже смертная казнь относительно полезна. Хотя польза через зло — это не тот идеал, к которому должно стремиться человеческое общество.

академик

Смертная казнь

К сожалению, она существует не только в нашей стране, но и в большинстве стран. Вопрос о смертной казни — вопрос принципиальный. Это чрезвычайно жестокое наказание, которое иногда бывает более жестоким, чем само преступление. Вообще может ли быть наказанием насильственная смерть? И всегда есть возможность судебных ошибок. Смертный приговор делает их непоправимыми.

Наличие института смертной казни дегуманизирует общество. В то же время я знаю, что общественное мнение, люди, юридически не подкованные и не знакомые со статистикой, с состоянием дел в области преступности, не имеющие соответствующего социального опыта, очень часто высказываются за применение смертной казни. Выход из этой ситуации таков: с одной стороны, надо вести разъяснительную работу среди населения, но с другой — власти могут в какой-то мере идти впереди общественного мнения и управлять им. Здесь это оправдано. Но важно, чтобы и юристы, и психологи, психиатры, врачи и журналисты вели соответствующую работу. Особенно впечатляющими являются данные о большом числе ложных приговоров. Я выступал и выступаю против смертной казни (и не только в СССР) еще и потому, что эта мера наказания предусматривает наличие постоянного страшного аппарата исполнителей, целого института смертной казни.[1]

[1] Из статьи «С мыслью можно бороться только мыслью». — Новое время, декабрь, 1988 (Перестройка и права человека).

ВЛАДИСЛАВ ЦЫПИН,

**священник,
доцент Московской Духовной Академии**

Владислав Александрович, известно, что церковные деятели на протяжении веков высказывали различные точки зрения на правомерность применения смертной казни. Что бы вы могли сказать по этому поводу?

Вопрос о применении смертной казни был поставлен в самом начале бытия Русской Церкви — сразу после Крещения Руси, причем не на отвлеченно теоретическом уровне, а как актуальная проблема правовой политики государства. «Повесть временных лет» донесла до нас сюжет, беспримерный в истории средневековых христианских государств. «Владимир же жил в страхе Божием, — говорится в Летописи, — и сильно умножились разбои, и сказали епископы Владимиру: «Вот умножились разбойники; почему не наказываешь их?» Он же ответил: «Боюсь греха». Они же сказали ему: «Ты поставлен Богом для наказания злым, а добрым на милость. Следует тебе наказывать разбойников, но по проверке». Владимир же отверг виры и начал наказывать разбойников». Здесь требуется текстологическое пояснение. В подлиннике на месте слова «наказывать» стоит «казнити». Перевод верный. Славянское слово «казнити» обозначает в самом деле разные виды наказания, но поскольку в Древней Руси практически не применялось длительное содержание преступников в заключении, приходится сделать вывод, что наказанием, которое после принятия крещения перестал применять по отношению к разбойникам, а потом, по настоянию епископов, вновь ввел святой Владимир, была смертная казнь. Удивительный эпизод. Глава государства, князь, сознание которого преображено евангельской проповедью любви и милосердия, влагает карающий меч правосудия в ножны, а его духовные учители призывают его к политическому благоразумию: «Ты поставлен Богом для наказания злым. Следует тебе наказывать разбойников, но по проверке». Епископы, носители византийской правовой традиции, исходили в своем совете из многовекового опыта христианского государства, в котором нашла свое практическое разрешение коллизия евангельского учения о любви к врагам и естественного права общества

на самозащиту, реализуемого через государство. Совет епископов был мудрым, и князь Владимир, обнаруживший в своем трогательном и святом порыве искренность христианского умонастроения, смиряется перед авторитетом духовных наставников, он не дает увлечь себя на путь, который грозил разрушением государственной структуры, на путь, которым, правда, уже не на поприще государственной политики, а в сфере религиозной и политической оппозиции шли средневековые ереси.

Вопрос о применении смертной казни обсуждался в русской публицистике на рубеже XV — XVI веков, правда, уже не в общей форме, а только в частном аспекте, зато ему дано было тогда серьезное богословское и государственно-правовое обоснование. Речь идет о споре между «нестяжателями», среди которых особый авторитет имел преподобный Нил Сорский, с одной стороны, и преподобным Иосифом Волоцким и его последователями — «иосифлянами», с другой. В этом споре затрагивались и исследовались разные вопросы: об аскетическом подвижничестве, о назначении монастырей, о монастырских земельных владениях, в частности и о мерах против распространения опасной не только для Православной Церкви, но и для Русского государства ереси «жидовствующих», увлекшей многих влиятельных государственных сановников и главу Русской Церкви Митрополита Зосиму. Преподобный Иосиф в своем знаменитом «Просветителе» пишет, что христианский государь, получивший власть от Бога, обязан охранять чистоту веры и предавать посягающих на нее еретиков «лютым казням и смерти». Ответом преподобному Иосифу явилось «Послание старцев волоедских монастырей против Иосифа». Составителями его были монахи — «нестяжатели», ученики преподобного Нила. В «Послании» «нестяжатели» различают еретиков «кающихся и свою ересь проклинающих» и некающихся. Первых Церковь Божия, как пишут они, «приемлет распростертыми дланьми, ибо грешных ради Сын Божий воплотися, прииде бо и спасти погибших», вторые же заслуживают заточения, но никак не смертной казни. «Нам же в новой благодати, — пишут они, — яви Владыка христолюбивый союз, еже не осуждати брату брата, о том единому Богу судити согрешения человек». Церковные историки дают разные оценки позициям «нестяжателей»

и «иосифлян». В их оценках, конечно, учитывается весь комплекс обсуждавшихся в этом историческом споре проблем, а не только вопрос о наказании еретиков. Во всяком случае, нельзя не видеть, что своя правда или, лучше сказать, часть правды была за той и другой позицией. «Нестяжатели» отстаивали чистоту и бескомпромиссность евангельского идеала, но всю бездну сложностей, которые стоят на пути его реального воплощения в жизнь в рамках социума, «иосифляне» видели отчетливей; они не слагали с себя ответственности за государственное и общественное бытие народа.

Вопрос о применении смертной казни особенно остро обсуждался в русской печати конца XIX — начала XX века. В полемике участвовали и широко известные религиозные мыслители Вл. Соловьев, Н. Бердяев, В. Розанов, С. Булгаков (впоследствии протоиерей), и богословы, и церковные публицисты. Высказывались разные точки зрения. Диаметральное расхождение в практических выводах о правомерности применения смертной казни у авторов, стоящих на почве одного христианского мировоззрения, — расхождение, наблюдаемое на протяжении веков, говорит о том, что этот вопрос упирается в исключительно трудную диалектическую проблему общего характера — проблему соотношения евангельского учения, с его абсолютными духовными и нравственными ценностями, и реальности несовершенного общества, которое остается несовершенным, греховным и тогда, когда как государственное целое провозглашает свою приверженность христианским идеалам. Этот вопрос упирается в антиномическую природу такого явления, как «христианское государство».

Во вневероисповедном или иноверном для христиан государстве антиномическая острота проблемы для христианского сознания смягчается: в таком обществе Церковь не несет ответственности за государственную политику — но только смягчается. По существу же, проблема остается, ибо каждый член Церкви, являющийся одновременно гражданином государства, такую ответственность несет; полностью освободить свое отношение к смертной казни из-под суда своей христианской совести он не может.

Как соотнести различные точки зрения на смертную казнь с учением Ветхого и Нового Завета — Священными Книгами Христианской Церкви?

Ветхий Завет переполнен обстоятельными правовыми предписаниями, касающимися не только Храма и богослужения, но и семейных, имущественных отношений, а также уголовной ответственности за преступления. Такие ветхозаветные книги, как «Второзаконие» или «Левит» — это своего рода юридические кодексы. И смертная казнь в виде побиения камнями предусматривается ветхозаветным «уголовным кодексом» за самые разные преступления. Например: «Кто из сынов Израилевых и из пришельцев, живущих между израильтянами, даст из детей своих Молоху, тот да будет предан смерти: народ земли да побьет его камнями» (Левит 20, 2). Так обстоит дело с Ветхим Заветом.

Но предписания Ветхого Завета обязательны для христиан лишь в той мере, в какой они не расходятся с учением Нового Завета. Большая часть богослужебных, обрядовых, гражданско-правовых, уголовных предписаний Ветхого Завета утратила силу в Христианской Церкви. Основатель Церкви Иисус Христос не учит Своих учеников казнить смертью за преступления. Более того, Своим ученикам Он заповедал: «Не судите, и не будете судимы; не осуждайте, и не будете осуждены, прощайте, и прощены будете» (Евангелие от Луки 6, 37). Что же касается государства и его насильственно-принудительных мер, применяемых для защиты общественных интересов и прав, то, по слову ученика Христова апостола Павла, «всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога, существующие же власти от Бога установлены. Посему противящийся власти противится Божию установлению; а противящиеся сами навлекут на себя осуждение. Ибо начальствующие страшны не для добрых дел, но для злых. Хочешь ли не бояться власти? Делай добро, и получишь похвалу от нее; ибо начальник есть Божий слуга тебе на добро. Если же делаешь зло, бойся, ибо он не напрасно носит меч: он Божий слуга, отмститель в наказание делающему злое» (Послание апостола Павла к римлянам 13, 1—4).

До тех пор, пока христиане были бесправными подданными, а начальниками, «носящими меч», могли быть лишь

язычники, для христианского сознания не возникало мучительной коллизии. Но она встала перед ним, когда Римская империя стала христианской державой. Эту коллизию переживал и просветитель Руси святой Владимир — «начальник», «носящий меч», и одновременно христианин, призванный не судить, не осуждать, а прощать и любить врагов.

Скажите, отец Владислав, обсуждается ли вопрос о лишении жизни по приговору суда в современной церковной литературе?

Этот вопрос широко обсуждался в церковной печати начала века. Тогда выходило много повременных (периодических) церковных изданий, в которых находилось место и для выражения церковной позиции по самым разным общественным проблемам. В наше время из-за дефицита бумаги церковная печать сосредоточена исключительно на церковной и, пожалуй, еще миротворческой тематике.

А в академической церковной среде, среди священнослужителей и верующих людей?

Вопрос о смертной казни и важен, и актуален, и глубок. Поэтому он не может не обсуждаться и в академической церковной среде, и в кругах духовенства, и среди верующих мирян — людей разных профессий. При этом высказываются неодинаковые точки зрения. Традиции, восходящие к «нестяжателям» и к «иосифлянам», сохраняются в Русской Церкви в основе своей до наших дней. Это естественно, ибо Церковь причислила к лику святых и преподобного Нила Сорского и преподобного Иосифа Волоцкого, признав относительную правду того и другого.

Как Вы сами относитесь к смертной казни?

Мне затруднительно дать на этот вопрос вполне однозначный ответ типа «хорошо отношусь» или «отношусь плохо». Для трезвого, убедительного и взвешенного суждения требуется серьезная профессиональная компетентность, которой я не имею. Могу лишь высказать некоторые соображения.

Государство имеет и обязанность, и право исполнять функцию социальной защиты теми средствами, которыми

оно располагает и которые оно считает адекватными. Применение смертной казни представляется самым печальным из этих средств, свидетельствующим о серьезном неблагополучии в обществе. Да, государство не может исключить из своего уголовного кодекса этой тяжкой меры, если оно не находит иных возможностей для поддержания общественного порядка, своей безопасности и безопасности граждан. Но по масштабам применения смертной казни, более того, уже по самому факту ее применения можно судить о степени духовного, нравственного нездоровья общества, хотя, конечно, абсолютно здоровым никакое общество и никакое государство никогда не бывало и быть не может, ибо всякое государство существует на земле, а не на небе.

Для христианского сознания вопрос о применении смертной казни получает особую остроту, пожалуй, даже не со стороны участи осужденного, а со стороны совести тех, кто эту казнь исполняет. Человек смертен. Его земная жизнь имеет свои пределы; рано или поздно, естественным образом или насильственно она неизбежно обрывается. Погибая, безвинно или по справедливому приговору суда, человек этой гибелью совести своей уже не отягощает. Не он отнимает жизнь у себя. Иначе обстоит дело с совестью тех, кто несет ответственность за лишение жизни. Человеческая жизнь — дар Божий; и лишение ее не только через самоубийство и преступное убийство, но и на законном основании не может быть актом, безразличным для совести всех, ответственных за это лишение. Крайне широко распространение этой ответственности: воля общества, поддерживающего применение смертной казни, воля законодателя, приговор суда, «труд» исполнителей-палачей — смягчает переживание этой ответственности, успокаивает совесть, но вполне освободить ее от бремени вины не может.

В современном цивилизованном праве всякое наказание преследует цель исправления преступника, нравственного воздействия на него, что соответствует и христианским принципам. Уже одно то обстоятельство, что в случае применения смертной казни эта цель недостижима: нравственное воздействие на осужденного не может простираться далее приведения приговора в исполнение —

говорит о бесспорной исключительности этой карательной меры, о ее несопоставимости с другими видами наказания.

Что же остается? Возмездие? «Око за око» и «зуб за зуб»? Но современное правосознание, за которым стоит двухтысячелетняя христианская история, переросло этот ветхозаветный принцип. Устрашение? Чтобы другим неповадно было? Соображение это не лишено практического смысла, но унизительно для человеческого достоинства. При такой логике гражданин рассматривается как потенциальный преступник. И наконец, защита общества от преступника. Что ж, если нет иной возможности защититься от пойманного преступника, то, видимо, правомерно и применение против него исключительной меры. Но действительно ли нет иной возможности эффективной защиты? Вот вопрос, который законодателю следует трижды взвесить, прежде чем принимать решение.

Из современной печати известны факты судебных ошибок при решении дел, по которым выносились смертные приговоры. Эти трагические случаи потрясают. Трудность, если не невозможность гарантировать абсолютное исключение таких судебных ошибок и их непоправимость, должна побуждать к предельной осторожности в подходе к вопросу о применении смертной казни.

Что Вы можете сказать о таинстве покаяния и отпущения грехов? Было ли это действие обязательным для осужденных на смертную казнь до революции? Как обстоит дело сейчас? Стоит ли, по Вашему мнению, вернуться к этому обряду для желающих?

Таинство покаяния, по православному учению, — это священнодействие, в котором исповедующий перед священником свои грехи получает через священника прощение от Бога. Залогом прощения грехов является искренность раскаяния кающегося. Взрослые христиане не допускаются до Причащения без покаяния. Эти два таинства взаимосвязаны. Для православных христиан исповедь, или покаяние, является насущной религиозной потребностью; без покаяния немыслима нормальная духовная жизнь. В старой России приговоренный к смертной казни непременно имел возможность получить предсмертное утешение — в камеру к нему приглашался священник для исповеди и Причаще-

ния. Сделать это вновь доступным для осужденных на смертную казнь было бы актом подлинной гуманности.

Отец Владислав, Вы преподаете каноническое право. Что это такое?

Каноническое право — это дисциплина, в которой систематически излагается право, регламентирующее внутреннюю жизнь Церкви в ее общинно-институциональном аспекте, а также взаимоотношения Церкви с другими общественными союзами религиозного или политического характера.

Другое название науки — церковное право. Для большинства русских канонистов термины «церковное» и «каноническое» право — синонимы. Но на Западе принято эти дисциплины различать. Под каноническим правом (jus canonicum) подразумевается все то право, которое заключено в канонах — церковных правилах, свод которых сложился в Византии в IX веке, а на Западе продолжал восполняться и после отделения Католической церкви, независимо от их содержания. Ряд западных канонов регулирует отношения, лежащие в области гражданского и государственного права. А церковное право (jus ecclesiasticum) на языке западной юридической науки — это совокупность всех правовых актов, регулирующих церковную жизнь, независимо от их происхождения, будь то каноны, постановления поместной церковной власти или государственные законы. Иными словами, каноническое право определяется по законодателю — церковная власть, а церковное право — по предмету — церковные правоотношения. Некоторые из русских канонистов, в частности профессор Н. Суворов, придерживались западной терминологии.

Предусматривает ли каноническое право какие-либо виды наказаний?

Как и всякое право, каноническое право предусматривает санкции по отношению к нарушителям установленного порядка. Но особенность этих санкций, в сравнении с уголовным светским правом, во-первых, та, что применение их не опирается на физическое принуждение, на насилие; а во-вторых, даже самые тяжкие из них применяются прежде всего ради духовной пользы самого наруши-

теля церковных законов — грешника. Основные виды наказания для духовенства — временное запрещение в священнослужении или совершенное извержение из сана, а для мирян — отлучение от причастия на разные сроки в зависимости от тяжести содеянных грехов и внутреннего состояния души грешника.

Есть ли в каноническом праве наказания, которые можно сопоставить со смертной казнью?

Тягчайшее церковное наказание — анафема, полное отлучение от Церкви, которое может быть в некотором отношении сопоставлено со смертной казнью в уголовном светском праве. Но необратимость, присущая смертной казни, не свойственна анафеме самой по себе, ибо она налагается для того, чтобы помочь тяжкому грешнику «в сознание истины прийти». Покаяние и ему открывает путь к восстановлению церковного общения. В истории, правда, бывали не раз случаи, когда анафеме подвергались преступники, которые по суду гражданской власти приговаривались к смертной казни. Но опять-таки необратимость кары проистекала и тут из приговора светского суда.

Благодарю Вас, Владислав Александрович, за участие в нашей дискуссии.

Беседу вела Т. Парфенова

Р. Л. ХАЧАТУРОВ

кандидат юридических наук, доцент

Отказ от смертной казни в праве древней Руси

Сегодня само собой разумеется, что только те действия и бездействия, которые предусмотрены законом как преступные, влекут за собой наказание.

Древняя юстиция относилась к этому по-другому. Хотя источники права предписывали наказания за определенные действия, судьи не были жестко связаны этими предписаниями. То же самое можно сказать и о видах наказаний.

К числу наиболее распространенных наказаний относилась смертная казнь. Во всех феодальных обществах средневековая юстиция считала устрашение главной целью наказания. Поэтому смертную казнь осуществляли в наиболее мучительных формах, говоря языком права XVIII века, «чтоб иным на то смотря, не повадно было так делать». Между тем история свидетельствует о том, что суровые казни не уменьшали число преступлений и не имели желаемого воздействия на население.

Смертная казнь существовала у всех народов мира с древнейших времен. Истоками ее можно считать обычай кровной мести.

Факт существования кровной мести на Руси сомнению не подлежит.

Нарушения принятых норм социальной жизни существовали у восточных славян и при первобытном строе. К их числу можно отнести убийство, телесные повреждения. Мерами борьбы с этим злом в тех условиях были кровная месть и изгнание.

Известия о быте, нравах и обычаях восточных славян до образования у них государства и возникновения права

содержатся в древнерусской летописи и сочинениях иностранных авторов [1].

Рассказывая о древнерусских племенах, автор Начальной летописи сообщил известные ему, видимо, по старинным преданиям, сведения о языческих свадебных и погребальных обрядах. Летописец отмечает, что эти племена «имяху об обычаи свои, и закон отец своих, и преданья, каждо свой нрав. Поляне об своих отец обычай имут кроток и тих, ... а древляне живяху звериньским образом.., убиваху друг друга... Радимичи и вятичи и север один обычай имяху: живяху в лесе... си же творяху обычаи кривичи и прочии погани, не ведуще закона Божия, но творяще сами собе закон» [2]. Из этого рассказа видно, что летописец далеко не беспристрастно и недвусмысленным образом подчеркивает превосходство культурной жизни и обычаев племени полян перед низким уровнем быта и обычаями других восточнославянских племен. Для того чтобы показать значение принятия христианства, летописец подчеркивает, что языческие племена «погани» и «живяху звериньским образом».

То, что термины «закон», «обычай» и «покон» обозначают одно и то же, видно из слов летописца, рассказывающего об обычаях у разных племен: «Имяхо бо обычаи свои, и закон отец своих и преданья, каждо свой нрав». Термин «закон» употребляется летописцем и для обозначения так называемых божественных правил: «...творяху обычаи кривичи и прочии погании, не ведуще закона Божия, но творяще сами собе закон».

В древнейшую эпоху у всех народов обычаи, нравственность и религия находились в тесной, неразрывной связи. По воззрению людей того времени обычаи являлись заветами богов, а поэтому нарушение их — проступок

---

[1] См.: Повесть временных лет. Под ред. В. П. Андриановой-Перетц. М.-Л., 1950. В дальнейшем — ПВЛ. Гаркави А.Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870; Новосельцев А. П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI — IX вв. — В кн.: Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965.

[2] ПВЛ, ч. 1, с. 14—15.

против самого божества. Отсюда месть составляла не только право, но и религиозную обязанность; ордали (испытание при помощи огня и воды) и поле (судебные поединки) назывались «судами божьими». Становится понятно, почему летописец, восхваляя полян, которые «своих отец обычая имут», и сравнивая с ними другие восточнославянские племена, живущие «звериньским образом», говорит об этих последних, что они «не ведуще закона Божия, но творяще сами собе закон». Русский летописец, объясняя различия в обычаях разных племен, придавал им характер права [1].

Несмотря на тот факт, что обычаи разных народов, стоящих на одной и той же ступени развития, во многих случаях не только сходны, но и почти тождественны, тем не менее обычаи каждого народа в отдельности обладают своеобразными чертами и особенностями, сложившимися под влиянием экономической и социальной жизни.

Разделение социальных норм на обычные, нравственные и религиозные при исследовании обычая затруднительно. Например, кровная месть обосновывалась как с нравственных, так и с религиозных позиций и являлась моральной обязанностью.

Универсально-исторический характер кровной мести можно объяснить необходимостью: другого способа защитить свободу, жизнь и имущество не существовало и в известных условиях не могло существовать; обязанность мести — это и высокий нравственный и религиозный долг, забвение которого порождало изгнание из рода, и, наоборот, месть влекла за собой общий почет.

В своем зарождении институт мести не имел никакого отношения к государству и праву. В его основе лежали общественные отношения первобытного строя. Возникновение и развитие кровной мести в истории человечества характеризуется как социальное, а не биологическое явление.

---

[1] См.: Кузьмин А. Г. Об истоках древнерусского права. — Сов. государство и право, 1985, № 2, с. 111.

Рассматривая ирокезский род, Ф. Энгельс в работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» отмечал, что члены рода обязаны были оказывать друг другу помощь и защиту, «особенно при мщении за ущерб, нанесенный чужими. В деле защиты своей безопасности отдельный человек полагался на покровительство рода и мог рассчитывать на это; тот, кто причинял зло ему, причинял зло всему роду. Отсюда, из кровных уз рода, возникла обязанность кровной мести, безусловно признававшаяся ирокезами. Если члена рода убивал кто-нибудь из чужого рода, весь род убитого был обязан ответить кровной местью. Сначала делалась попытка к примирению; совет рода убийцы собирался и делал совету рода убитого предложение покончить дело миром, чаще всего изъявляя сожаление и предлагая значительные подарки. Если предложение принималось, то дело считалось улаженным. В противном случае потерпевший урон род назначал одного из нескольких мстителей, которые были обязаны выследить и умертвить убийцу. Если это выполнялось, род убитого не имел права жаловаться, дело признавалось поконченным» [1].

У арабов месть считалась доблестью, мстителей восхваляли в песнях. Отказ от мести считался позором. Измена, обман и другие подобные средства дозволялись мстителям. У древних германцев месть была обязанностью, налагаемой родственными связями. По обычаю наследники убитого не могли получить наследство, пока не отомстят за его смерть. Кровная месть существовала у евреев; ближайший родственник убитого, который обязан был мстить, считался опозоренным до тех пор, пока ему не удавалось смыть позор кровью обидчика.

У исландцев месть, как и все другие стороны социальных отношений, регулировалась обычаем и «строгими этическими нормами: убийство оскорбителя допускалось и даже считалось необходимым для поддержания досто-

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 89.

инства рода, но вражда должна была вестись открыто и иметь известные пределы»[1].

О существовании мести у восточных славян сообщает нам летописец, который отмечал, что древляне «убиваху друг друга». Известен летописный рассказ о мести княгини Ольги за убийство ее мужа Игоря в 945 году. В летописи рассказывается, как при помощи хитрости Ольге удалось покорить древлян. Киевляне подступили к древлянскому городу. Осада длилась почти год, но без успеха. Тогда Ольга предложила древлянам мир под условием легкой дани и потребовала «от двора» в знак покорности по три голубя и по три воробья. Древляне доставили эту дань в стан Ольги. Отпустив послов, Ольга приказала своим воинам привязать к каждой птице трут и лоскут полотна, а с наступлением ночи зажечь трут и выпустить птиц. «Голуби же и воробьеве полетеша в гнезда своя, голуби в голубники, врабьеве же под страхе: и тако возгарахуся голубницы... вси бо дворы возгоришася. И побигоша людье из града»[2]. Затем часть пленников была перебита, часть отдана в рабство дружинникам, множество людей было оставлено на положении данников.

Летописец сообщает и о неудавшейся мести Рогнеды, которая хотела отомстить Владимиру I, убившему ее отца и двух братьев и насильно взявшему ее в жены. Летописец объясняет попытку Рогнеды убить мужа ее же словами: «Сжалилася бях, зане отца моего убил и землю его полонил».

М. М. Ковалевский писал: «Месть грозила в древности личности и имуществу обидчика, но когда обидчик скрывался, то мститель ограничивался тем, что захватывал его имущество. Со временем вместо фактического захвата имущества утвердилось добровольное соглашение об уступке мстителю части имущества обидчика». Он отмечал далее, что в интересах сохранения мира и спокойствия «представители политической власти считают нужным

---

[1] Гуревич А. История и сага. М., 1972, с. 9.

[2] ПВЛ, ч. 1, с. 39—43.

ограничить право обязательного участия в мести и в композициях; не решаясь, однако, сразу отменить стародавний обычай, в силу которого все родство считает себя солидарным с обиженным, они из обязательной делают месть и заменяющую ее уплату виры факультативной для отдельных родственников»[1].

Месть господствовала в период первобытнообщинного строя. Вместе с разложением первобытного общества и ослаблением кровных связей ослабевала и месть. Месть считалась религиозным долгом, следовательно, она могла существовать до тех пор, пока соответствовала религиозным воззрениям, и должна была отмереть тогда, когда религия осудила и запретила ее. Такой религией стала христианская, утвердившаяся в Древней Руси в конце X века. Церковь учила не проливать кровь, с появлением государства законом запрещался обычай кровной мести, но фактическое ее уничтожение в феодальном обществе оставалось утопией.

После нескольких тысячелетий существования кровная месть постепенно стала ограничиваться еще при первобытном строе. По мере развития производительных сил у всех народов месть постепенно заменяется выкупом. Лишение жизни, нанесение телесных повреждений, уничтожение имущества и различные межплеменные конфликты стали рассматриваться как причинение материального ущерба. Это вызвало появление композиций.

Кровная месть оставалась обычаем до тех пор, пока не потребовалось ее сначала ограничить, а затем отменить правом. Но это стало возможным лишь тогда, когда вещи приобрели характер имущества, что позволило использовать их в качестве эквивалента нанесенного вреда и меры искупления.

Обычай, а затем и право ограничивали не только круг мстителей, но и места, где разрешалось мстить. Так, по чешскому обычаю, если убийца был найден у жены и она прикрывала своей одеждой или обнимала его, то мститель

[1] Ковалевский М. М. Первобытное право. М., 1886, вып. 1, с. 80.

не касался своей жертвы. У племен центральной Австралии имелись священные пещеры, где преследуемому обеспечивалась безопасность. У индейцев Калифорнии местами убежища были храмы, старые деревья, гробницы, города-убежища и т. д.

Русский историк права И. Д. Беляев приводит интересные данные о том, как осуществлялись выкуп и ограничение мести у славян: «...убийца мог вступить в договор о выкупе с родственниками убитого, но прежде этого он должен был бежать в пустыню, в дикие леса и только по прошествии 40 дней после убийства мог вступить в переговоры через своих родственников. Если родственники убитого не соглашались на выкуп, то убийца мог возобновить свое предложение через год; если во второй раз его предложение отвергалось, то по прошествии года он мог вступить еще раз в переговоры. Но если и на этот раз не было согласия, то убийца лишался всякой надежды выкупить свое преступление» [1].

Составители договора Руси с Византией 911 года сделали шаг в сторону смягчения кровной мести. Закон устанавливал для родственников убитого альтернативу — или отомстить убийце или потребовать выкуп. Статья 4 данного договора устанавливает ответственность за убийство иностранца (например, грека, заезжим в империю русским или русина, убитого греком на территории Руси) — «пусть умрет».

Большинство исследователей отмечали, что употребление в договоре выражения «пусть умрет» соответствовало и греческому и русскому праву: по греческому праву убийца приговаривался к смертной казни судом, по русскому — виновному мстили родственники пострадавшего.

Нам представляется, что в начале ст. 4, где говорится о том, что если совершено убийство, то убийца должен умереть на месте преступления, подразумевается кровная месть. В то время кровная месть в Киевской Руси еще не

---

[1] Беляев И. Д. Лекции по истории русского законодательства. М., 1888, с. 67—68.

была юридически полностью отменена. Но договор 911 года предусматривал ее ограничение. Видимо, не только бежавший преступник, но и задержанный имел возможность откупиться от наказания. В данном случае все зависело от родственников убитого, так как закон, на наш взгляд, устанавливал для родственников убитого альтернативу — или получить выкуп или отомстить убийце. Здесь наблюдается смягчение кровной мести. Иначе трудно понять смысл этой статьи — почему в случае, если преступник был задержан, он подлежал смертной казни, а если он бежал, то имел возможность откупиться? По ст. 4 договора 911 года предусматривается не только возможность мести со стороны родственников убитого, но и преследование бежавшего преступника и предание его суду органами государства. Нужно иметь в виду и то, что месть родственников убитого могла распространяться лишь на территории Киевской Руси.

Содержание и стиль данной статьи показывают, что составители ее наглядно представляли и учитывали общественные отношения в Византии и на Руси. Статья свидетельствует о том, что составители договора вынуждены были считаться с существованием на Руси пережитков древнего обычая — обычая кровной мести за убийство. Пройдет сто лет, законодатель Древнерусского государства, исходя, прежде всего, из своих интересов, ограничит круг мстителей, установит виру — денежный штраф, который шел уже в пользу князя. Еще через некоторое время господствующий класс отменит кровную месть, заменив ее денежным штрафом, предусмотренным Русской Правдой.

По ст. 1 Краткой Правды за убийство мстят близкие родственники: «Убьет муж мужа, то мстить брату брата, или сынови отца, либо отцю сына, или братучаду, любо сестрину сынови». Напомним, что Древнерусское государство возникло в IX веке, а происхождение Древнейшей Правды относится к 1016 году и представляет собой законодательный акт, созданный князем Ярославом. После смерти Ярослава (1054 год) его сыновья «отменили мщение смертью за убийство, установив денежный выкуп,

а что касается всего остального, то как судил Ярослав, так решили судить и его сыновья» (ст. 2 Пространной Правды). Таким образом, кровная месть юридически отменяется государством только в середине XI века.

Итак, обычай кровной мести, перешедший из первобытного строя, был санкционирован, а затем ограничен и отменен Древнерусским государством.

Еще до отмены кровной мести в X веке киевские князья усилили карательную деятельность государства, дополнили нормативные акты в направлении расширения составов преступлений и усиления наказаний. Доказательством существования смертной казни в качестве уголовного наказания может служить летописное предание о том, как князь Владимир по совету епископов вместо вир ввел смертную казнь.

В годы правления князя Владимира усилились разбои. По летописи, в 996 году «живяще же Володимер в страсе божьи. И умножишася зело разбоеве». Это было результатом развития феодальных отношений. Разбой (или вооруженное нападение на лиц, обладающих имуществом, их ограбление и часто убийство) представлял собой в ряде случаев не просто уголовное деяние, а акт классовой борьбы. Активные выступления этих людей были опасными для господствующего класса. Епископы посоветовали казнить таких преступников: «И реша епископи Володимеру: «Се умножишася разбойници; почто не казниши их?». Он же рече им: «Боюся греха». Они же реча ему: «Ты поставлен еси от бога на казнь злым, а добрым на милованье. Достоить ти казнити разбойника, но со испытом». Володимер же отверг виры, наче казнити разбойникы»[1]. На основании этого летописного рассказа можно считать, что князь Владимир отменил виру и ввел смертную казнь за убийство и разбой. Если принять на веру рассказ летописца, значит, еще до Владимира существовала вира, которая, по мнению В. О. Ключевского, первоначально платилась в пользу частных лиц, и только Владимир стал

[1] ПВЛ, с. 86—87.

13 Зак. 702

взыскивать ее в пользу князя[1]. Положение В. О. Ключевского о том, что Владимир первым стал взыскивать виру в пользу князя, является спорным. В летописи говорится, что епископы обратились к Владимиру с новыми советами: «Рать многа; оже вира, то на оружьи и на конях буди». И рече Володимер: «Тако буди» И живяще Володимер по устроенью отьню и дедню»[2]. Здесь речь идет о том, что виры нужны были для приобретения оружия и коней. Поэтому епископы и советовали отменить смертную казнь и возвратиться к вирам. Значит, еще до Владимира законом предусматривалось такое наказание, как вира — денежный штраф, который шел в пользу князя. Владимир в целях борьбы с наиболее опасными преступлениями для господствующего класса, возможно и с антифеодальными, ввел смертную казнь, а затем вынужден был заменить ее денежными штрафами (вирами), превратив их снова в один из важнейших источников доходов княжеской казны.

Итак, в XI веке Русская Правда запретила кровную месть, не предусмотрев смертную казнь. По сравнению с другими памятниками феодального права система наказаний Русской Правды была довольно проста и мягка. Высшей мерой наказания был поток и разграбление. Некоторые исследователи отождествляли поток и разграбление со смертной казнью.

Поток и разграбление как мера принуждения существовал и в доклассовом обществе, но имел иной характер, чем в классовом обществе времен Русской Правды. В первобытном обществе эта мера не имела классового характера, она сводилась к изгнанию виновного, имущество которого истреблялось или оставалось внутри рода. Изгнание виновного нередко вместе с его личной семьей, писал видный советский этнограф М. Косвен, представляло собой распространенную карательную меру «в случае преступлений, совершенных внутри группы, по отношению к ее сочленам.

---

1 См.: Ключевский В. О. Боярская дума. Петроград, 1919, с. 528.
2 ПВЛ, с. 86—87.

Ставя такого преступника вне защиты, вне своего мира, группа изгоняет его из своей среды, тем самым предоставляет обиженной стороне право настичь личного обидчика и отомстить ему. Впрочем, новое отношение родственного коллектива к преступлениям своих членов заставляет нередко и самого преступника бежать из своей группы»[1]. В древнерусском классовом обществе этот институт меняет свой характер. Здесь преступники с семьями и их имуществом поступали в распоряжение князя.

По Русской Правде поток и разграбление предусматриваются за три вида опасных преступлений: конокрадство, разбой и поджог. В большинстве случаев объектами таких преступлений могли быть феодалы и их собственность.

С. В. Юшков считал, что сущность потока и разграбления менялась. Вначале это было изгнание и конфискация имущества преступника и членов его семьи. Но с течением времени под потоком и разграблением стало пониматься физическое истребление и уничтожение имущества[2].

Было предложено несколько точек зрения по вопросу, являются ли поток и разграбление одним наказанием или это два самостоятельных вида наказания. Многие ученые «поток» понимали как изгнание. «Разбойника отдавали вместе с женою и детьми князю на поток (изгнание)»[3], — писал С. М. Соловьев.

Некоторые исследователи рассматривали поток как обращение или продажу в рабство. Отдельные авторы высказали мнение о том, что преступники, обращенные в рабство, не продавались за границу, а становились рабами князя.

Противоречивы мнения историков и в отношении интерпретации термина «разграбление». «Разграбление» толкуется как различные виды имущественных лишений,

---

[1] Косвен М. Преступление и наказание в догосударственном обществе. М.-Л., 1925, с. 49—50.

[2] См.: Юшков С. В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949, с. 491.

[3] Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1851, т. 1, ст. 233.

претерпеваемые преступниками: имущество конфискуется для возмещения потерпевшему или в казну.

Наказание «поток и разграбление» возникло на основе трансформации мер общественного принуждения доклассового общества и стало самым суровым наказанием по Русской Правде. На наш взгляд, именно этот момент является ярким свидетельством классовой направленности развития уголовной ответственности в древнерусском обществе. Став оружием в руках господствующего класса, поток и разграбление, по смыслу Русской Правды, представляют собой конфискацию имущества и обращение преступника с семьей в рабство князю.

Следующей по тяжести мерой наказания по Русской Правде была вира, предусмотренная только за убийство. Но уголовная политика феодального государства и здесь откровенно раскрывает свой классовый характер. В зависимости от степени убывания социального положения потерпевших различались следующие тарифы штрафов за убийство: за дворецкого или конюшего — 80; княжеского отрока, конюха, повара — 40; княжеского тиуна, ремесленника, кормильца, кормилицы — 12; рабыни — 6; рядовича и пашенного холопа — 5.

За все остальные преступления Русская Правда предусматривала так называемую продажу — уголовные штрафы, размеры которых зависели от видов преступлений.

Исследование истории древнерусского права свидетельствует о том, что до XI века на Руси обычным правом, а затем и законами киевских князей предусматривалась смертная казнь, которая была отменена Русской Правдой.

адвокат, кандидат юридических наук

Право на жизнь

Быть «за смертную казнь» проще, чем обосновывать необходимость сохранения жизни человеку, вне зависимости от того, что он совершил. На позицию «за» работает исторический опыт: преступников казнили, казнят и (само собой напрашивается) казнить будут. Эта позиция близка человеческой природе: «мне отмщение, и аз воздам», «око за око» и т. п. Она «удовлетворяет» чувство справедливости: ты убил — и тебя следует убить; создает ощущение возросшей безопасности: теперь им будет неповадно убивать (заниматься шпионажем, брать взятки и т. д.).

Я могу добавить в арсенал сторонников этой позиции немало конкретных фактов. Например, видно, уже на всю жизнь не избавиться мне от такого воспоминания. Рассказывает свидетель: «Когда я вошел в квартиру, то увидел, что Личутина лежит на полу вся в крови, а ее муж наносит ей удары большой отверткой по различным частям тела. Их сын, четырехлетний Миша, забрызганный кровью, пытается оттащить отца от мамы и кричит при этом: «Папа, меня не надо». Как я понял, ребенок думал, что и его отец может убить. Я вызвал милицию и «скорую помощь». (Фамилия изменена.) Такое очень трудно забыть.

Насилие и жестокость переполняют мир. Ни одно животное не бывает так жестоко, как человек. И первое, что хочется сделать, — ответить на насилие еще большим или хотя бы таким же насилием.

Защищая подсудимых, представляя интересы потерпевших по уголовным делам, в которых совершенное было особо отвратительно и страшно, я не раз слышал не только от присутствующих в зале суда, но и от коллег-юристов: «этого подонка, предателя, садиста я бы собственными руками расстрелял, и рука бы не дрогнула».

Однажды, правда, довелось услышать и другое. Истеричный, взбешенный не понравившейся ему репликой председательствующего подсудимый по делу о хищении

кричал в переполненный зал: «Всех бы вас самих расстрелять! Всех — под пулемет!»

Еще примеры. Совсем недавние рассказы людей, которые обратились за советами.

Подмосковный городок. Группа подростков рвет «ничейную» малину с кустов, растущих недалеко от жилых домов. Какая-то женщина обращается к соседу, взрослому мужчине: «Пойди-ка, разгони их». Тот выходит и палкой бьет одного из мальчишек по голове. Две недели пятнадцатилетний мальчик с размозженным черепом умирал в реанимационном отделении районной больницы. Перед смертью сказал отцу: «За что же? Ведь я только две ягодки сорвал...» Об этом мне рассказывает на приеме истерзанный горем человек, только что похоронивший сына. Он говорит: «Мне бы автомат в руки...» И его нетрудно понять.

Через несколько дней другой посетитель — старик, которого под руку поддерживает пожилая женщина. На лацкане пиджака орден Отечественной войны. Рассказывает: «В будний день я остался один на садовом участке. Родные и соседи разъехались на работу. Днем по улочкам садоводческого товарищества на грохочущих мотоциклах катались молодые люди. Я им сделал замечание. Они крикнули в ответ что-то нецензурно-угрожающее, а ближе к полуночи у меня на участке был устроен настоящий шабаш: ломали кусты и деревья, вытаптывали цветы, били стекла в парнике и домике... Выйти я побоялся». Посетитель продолжает: «Они фашисты, настоящие звери, уничтожили мой многолетний труд и меня убили бы, если бы я вышел. Я был на фронте. Если бы у меня в ту ночь был автомат...» И этого человека нельзя не понять.

Но бывает и пострашнее.

«Я работал агентом до падения режима... 12 и 13 августа 1978 года... сам начальник службы безопасности района и я убил 250 человек, среди которых я насчитал 110 женщин, 80 престарелых и молодых людей и 60 грудных детей. Их обвиняли в том, что они являются агентами КГБ... или агентами ЦРУ. Этих людей, у которых были связаны руки и завязаны глаза, мы избивали до смерти железными трубами и палками»[1]. Это история Кампучии.

Пожалуй, хватит примеров.

---

[1] Кампучия: суд народа. М., 1980, с. 109.

Но что же делать? Как создать общество, в котором не было бы места для тяжких преступлений?

Что необходимо, в принципе, известно. Нужен подъем экономики, рост культуры, совершенствование отношений в обществе и, в частности, создание правового государства. Наряду с этим необходима гуманизация мер уголовно-правового воздействия.

Сразу же считаю необходимым оговорить: речь не идет о всепрощении и безнаказанности, ни в коем случае нельзя упрощать сложнейшую проблему соотношения преступления и наказания.

К сожалению, статистические данные, которыми мы располагаем, крайне ограничены. Однако не могу припомнить, чтобы в юридической литературе был приведен хотя бы один пример того, как введение смертной казни ликвидировало или хотя бы существенно сократило число караемых ею деяний.

Упоминания иного рода имеются.

«Рассмотрение вопроса о смертной казни было в Англии предметом длительной дискуссии. Духовные лорды (епископы и архиепископы) высказались в духе евангелия за сохранение смертной казни, ибо церковь по-прежнему признает принцип «око за око, зуб за зуб». Духовные лорды были поддержаны почти всеми бывшими министрами внутренних дел и почти всеми верховными судьями страны, аргументировавшими по-другому, но в том же духе. **Противники смертной казни ссылались на то, что систематические данные о преступности в тех странах, где она отменена, не говорят о росте преступлений (а иногда показывают снижение) и что поэтому применение казней не дает ожидаемого эффекта**[1]. (Подчернуто мной. — *А. К.*)

Правде надо смотреть в лицо, помня, что лицо это может оказаться и неприятным, и страшным. Правда состоит в том, что преступность, преступления будут существовать еще на протяжении неопределенно длительного времени. Один из самых страшных обманов — обещание «выжечь преступность каленым железом, ликвидировать преступность к такому-то сроку» и т. п. В этом

---

[1] Черниловский З. М. Всеобщая история государства и права. М., 1970, с. 563.

случае повседневная работа по расследованию совершенных преступлений и предупреждению новых подменяется шапкозакидательскими лозунгами, лживыми рапортами о достигнутых успехах.

Преступность будет существовать еще долго, как бы ни было велико наше желание, чтобы это тяжелое, очень сложное и отвратительное социальное явление исчезло. Именно констатация ее существования, изучение и понимание реальных, а не мифических корней — база для систематической, упорной, настойчивой, кропотливой, дорогостоящей работы по снижению уровня преступности.

Бесклассовое общество и даже благополучное состояние экономики, социальной сферы и т. п. — дело неблизкого будущего, а пока общество не может отказаться от методов принуждения, сильнейшими из которых являются меры уголовно-правового воздействия. Однако наша страна живет в условиях мира, достигнуто относительное материальное благосостояние населения, то есть исключительные факторы, которые могли бы служить основанием для чрезвычайных мер в области уголовного наказания, отсутствуют. Впрочем, смертная казнь и не является наказанием в собственном смысле слова, так как о наказании — принуждении — можно говорить лишь до того момента, пока существует объект принуждения. Казнь такой объект ликвидирует.

Следует подчеркнуть, что смертная казнь за уже совершенное преступление не может восстановить положения, существовавшего до его совершения, не возмещает причиненного им вреда. Она лишает человека жизни, но не устраняет причин, породивших преступление, она не дает даже, насколько известно, ожидаемого эффекта устрашения в виде сокращения преступлений определенного вида.

Доказательством этому служат статистические данные о числе осужденных по приговорам судов, вступивших в законную силу (по отдельным видам преступлений) [1]: число осужденных за умышленное убийство составило (в тысячах): в 1985 г. — 12,6; в 1986 г. — 9,8; в 1987 г. — 9,9.

Справочник не содержит данных о числе умышленных

---

[1] СССР в цифрах в 1987 году. Краткий статистический сборник. М., 1988, с. 180.

убийств, но все же существенное снижение количества осужденных в 1986 году по сравнению с 1985 годом позволяет считать, что в этот период количество умышленных убийств тоже серьезно сократилось. Причины для этого были: активизация работы правоохранительных органов по предупреждению убийств, антиалкогольные мероприятия и др.

Но применительно к рассматриваемой проблеме важно отметить, что в этот период уголовная ответственность за умышленное убийство не ужесточалась. Более того, именно в 1986 году в наше законодательство была введена норма, разрешающая заменять смертную казнь в порядке помилования лишением свободы на срок более 15, но не свыше 20 лет [1].

Именно отсутствие прямой причинно-следственной связи между наказанием в виде смертной казни и количеством преступлений, караемых высшей мерой, линия на гуманизацию уголовной ответственности объясняют неоднократно предпринимавшиеся в нашей стране попытки отмены смертной казни.

26 октября 1917 г., на второй день после победы Октябрьской революции, II Всероссийский съезд Советов своим Декретом объявил об отмене смертной казни [2].

17 января 1920 г. было принято постановление ВЦИК и СНК «Об отмене применения высшей меры наказания (расстрела)» [3].

26 мая 1947 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об отмене смертной казни» [4].

В 1949 году Советский Союз внес предложение об отмене смертной казни на Генеральной Ассамблее ООН.

Действующие Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик декларируют принципиальную необходимость отмены смертной казни, так как предусматривают смертную казнь в виде исключительной меры наказания, «впредь до ее полной отмены».

---

[1] Указ Президиума Верховного Совета СССР от 23 мая 1986 г. — Ведомости Верховного Совета СССР, 1986, № 22, ст. 365.

[2] СУ РСФСР, 1917, № 1, ст. 10.

[3] СУ РСФСР, 1920, № 4—5, ст. 22.

[4] Ведомости Верховного Совета СССР, 1947, № 17.

Не касаясь здесь тех оснований, которые повлекли пересмотр законов 1917, 1920 и 1947 годов, отметим, что в те периоды, когда возможность применения смертной казни была исключена, никаких отрицательных изменений в общественном и государственном устройстве страны, в состоянии преступности не произошло.

18 сентября 1973 г. Президиум Верховного Совета СССР ратифицировал Международный пакт о гражданских и политических правах, в ст. 6 которого говорится: «1. Право на жизнь есть неотъемлемое право каждого человека. Это право охраняется законом. Никто не может быть произвольно лишен жизни... 2. В странах, которые не отменили смертной казни, смертные приговоры могут выноситься только за самые тяжкие преступления в соответствии с законом, который действовал во время совершения преступления... Это наказание может быть осуществлено только во исполнение окончательного приговора, вынесенного компетентным судом»[1].

Право на жизнь есть неотъемлемое право каждого человека... Неотъемлемое, то есть такое право, которое нельзя отнять ни при каких условиях. И здесь тоже надо смотреть правде в глаза.

Вина за конкретное преступление всегда лежит на человеке, который его совершил. Он имел возможность выбора, и он выбрал. Преступник должен нести ответственность. Но есть и другая вина. Эта вина — за пределами уголовно-правовых отношений, но она существует объективно. Это вина общества и государства, не сумевших еще создать предпосылок для соблюдения всеми гражданами норм общественного поведения.

Иллюстрация к этому утверждению — излюбленный сюжет фото- и тележурналистов: нянечка в родильном доме везет длинную коляску, на которой в ряд лежат спеленутые младенцы. Нянечка радостно улыбается — она везет к мамам маленьких людей. Может быть она не так радостно улыбалась, если бы подумала, что через какое-то время некоторых из ее подопечных повезут в автомашинах и вагонах с зарешеченными окнами.

Мне приходилось защищать в суде четырнадцатилетних, обвинявшихся в жестоких убийствах, изнасилова-

---

[1] Права человека. Сборник международных документов. М., 1986, с. 49.

ниях. Трагические вопросы — как, почему младенец, детсадовец с удивленными глазами, первоклашка, пионер вырос преступником?

Все то, что не доделали семья, школа, общественность, правоохранительные органы, — это и есть вина общества и государства.

Сказанное относится не только к несовершеннолетним. Взрослые люди, совершающие преступления, недовоспитаны, недообразованы. Им не привиты навыки порядочности, справедливости и т. д. Общество не создало атмосферы, в которой невозможны преступления.

Конечно, все это не может и не должно быть основанием для освобождения преступника от ответственности. Но отказ от смертной казни — та цена, которую общество должно заплатить за свою вину (и за свою беду), в том, что его член преступил суровый запрет. Надлежаще изолированный преступник безопасен для общества, он лишен возможности совершить новые злодеяния. Для тех, кто своими действиями поставил себя вне общества, следует ввести пожизненное заключение.

Существенная разница между пожизненным заключением и смертной казнью состоит в том, что исполнение высшей меры создает видимость принятия эффективных и безотлагательных мер, а содержание в пожизненной изоляции служит постоянным напоминанием о том, что не все еще в порядке. Следует помнить и о том, что смертная казнь — необратимое наказание. Если человек расстрелян, его уже не вернешь. А время от времени такие трагические ошибки происходят. Пожизненное заключение исключает подобную «необратимость».

Все аргументы в пользу сохранения смертной казни, в сущности, сводятся к необходимости воздаяния (отмщения) и устрашения. Желание отомстить, часто справедливое, не может, однако, служить основой для правильного решения этого вопроса. Но ждет, очевидно, своего исследователя вопрос о том, что представляет для человека более страшную угрозу — возможность лишения жизни или перспектива пожизненной изоляции.

Из личных наблюдений я знаю, что бо́льшая часть жестоких убийств происходит на бытовой почве. Люди, совершающие эти убийства, не могут не знать, что им грозит смертная казнь.

Законодательства многих стран и времен предусматривали наказание в виде смертной казни (нередко мучительной) за убийство и шпионаж. Ни убийства, ни шпионаж не ликвидированы.

Мысль о том, что наказание включает в себя фактор устрашения, пожалуй, наиболее откровенно сформулирована И. И. Карпецом: «... наказание включает в себя и фактор устрашения. Исключить его из содержания наказания — значит идеалистически смотреть на сущность вещей. Если преступника не будет устрашать наказание, зачем оно тогда нужно? Чем тогда объяснить, что мы не только пользуемся им, но и устанавливаем за различные деяния разные по тяжести наказания? Это и есть своеобразная дозировка устрашения» [1].

Очень не хочется соглашаться с тем, что в числе других факторов страх должен быть регулятором общественной дисциплины. Свободный гражданин в свободной стране ничего не должен бояться. Необходимо добиваться такого положения, при котором в обществе действовали бы только правовые нормы, совпадающие с нравственными установками всех или хотя бы большинства членов общества.

Но в связи с рассматриваемым вопросом важно, что даже ученый, видящий в наказании фактор устрашения, отмечает: «... увеличение числа приговоров к смертной казни не уменьшало «бюджета преступности». ... Смертная казнь была и остается в советском праве как мера вынужденная и временная. ... Никогда в истории человечества при введении смертной казни число совершаемых преступлений не уменьшалось» [2].

Эта мысль исключительно важна, так как один из аргументов сторонников смертной казни — утверждение о том, что такая суровая кара является надежной гарантией социальной защиты. Каждый гражданин и общество в целом безусловно нуждаются в надежной социальной защите от преступных посягательств. Что лучше служит такой защите — возможность смертной казни или ее отсутствие?

Конечно, отсутствие.

Преступность — сложное социальное явление. И одна

---

[1] Карпец И. И. Уголовное право и этика. М., 1985, с. 189—190.
[2] Там же, с. 195—196.

из мер, направленных на ее сокращение, как это ни парадоксально звучит, — отказ от применения смертной казни.

История учит людей тому, что жестокость — неэффективное средство воспитания. Отказ от самой жестокой меры наказания повысит уровень гуманизма в обществе. Отсутствие узаконенной возможности лишить человека жизни повысит ее цену.

К сожалению, человеческая жизнь в двадцатом столетии в результате войн, массовых репрессий, катастроф стала цениться не очень высоко. «Шлепнуть», «в расход», «ликвидировать», расстрелять — эти слова не вызывают ужаса и содрогания. Не вызывают они и чувства собственной вины и ответственности за то, что исчезает представитель рода человеческого.

А между тем, каждая человеческая жизнь бесценна. И нельзя спокойно дожидаться того времени, когда все станут добрыми, нужно очеловечивать «человечье общежитие». Одна из крайне необходимых мер по «очеловечиванию» — отказ от смертной казни.

Подрастающие поколения должны знать, что ни у кого нет права лишать жизни другого. Они должны воспитываться на этой аксиоме.

Отказ от смертной казни явится толчком для переориентации усилий и правоохранительных органов, и всего общества на устранение причин правонарушений. Если совершено тяжкое преступление, преступник отыскан и сурово наказан (расстрелян), то создается иллюзия, будто «все необходимые меры приняты», «справедливость восторжествовала». Все это вплоть до ... совершения нового преступления.

Отсутствие смертной казни устранит иллюзию «завершенности». Постоянное напоминание о числе лиц, отбывающих пожизненное заключение, будет лучшим сигналом к действию, чем безымянные могилы расстрелянных.

Вновь и вновь хотелось бы повторить: общество заинтересовано в устранении причин, порождающих преступность. Смертная казнь лиц, совершивших тяжкие преступления, на устранение этих причин не влияет.

Отрадно, что это понимает человек, весьма осведомленный в проблеме: «В решениях партии поставлена задача дальнейшей гуманизации уголовной политики. ... Принципиальное значение приобретает вопрос о целесообразности применения смертной казни. Одним из весомых аргументов

в пользу ее отмены является необратимость наступающих последствий для лица, признанного виновным. А ведь в судебной практике случаются (и не исключены в будущем) судебные ошибки, исправить которые по понятным причинам невозможно. **Нельзя согласиться и с бытующим мнением о том, что с помощью смертной казни можно добиться реальных успехов в борьбе с преступностью. История свидетельствует против этого**[1]. (Подчернуто мной. — *А. К.)*

И еще один момент. Ни одна страна мира не перенесла такой трагедии, как массовые репрессии 30-х — 50-х годов в СССР. Отказ от смертной казни, закрепление этого отказа в Конституции создаст гарантию процесса демократизации. Только в условиях объявленной войны, внешней агрессии, когда от поведения одного может зависеть судьба многих, возможно было бы введение смертной казни.

Полагаю, что соображения, изложенные выше, позволяют утверждать:

защита тезиса о необходимости отмены смертной казни построена на фактах, подтвержденных практикой многих стран: отсутствие смертной казни не ведет к росту тяжких преступлений; уровень преступности возрастает с повышением в обществе уровня жестокости и снижается с ростом гуманизации; отмена смертной казни не влечет отрицательных изменений социально-экономического строя в данной стране;

защита тезиса о сохранении смертной казни построена на эмоциях: «что бы вы сделали с выродком, который изнасиловал и убил вашу малолетнюю внучку?» Единственный возможный ответ: «Я бы растерзал его собственными руками». Жестокость порождает жестокость.

Необходимо разорвать этот порочный круг. И продолжать фантастически трудную, долгую работу по гуманизации общества, самогуманизации. Один из первых, необходимых шагов на этом пути — отказ от смертной казни.

Когда мне приходится держать в руках том уголовного дела, на обложке которого в правом верхнем углу стоят две большие буквы «СК», почему-то на память приходит формула из философского словаря: «Смерть — **естественный** (Подчеркнуто мной. — *А. К.)* конец всякого живого существа».

---

[1] Власов А. На страже правопорядка. — Коммунист, 1988, № 5, с. 58.

академик

Мы за гуманизацию уголовного наказания

Владимир Николаевич, сообщения наших корреспондентов из-за рубежа свидетельствуют, что в мире по-разному относятся к тому, что называется «высшей мерой наказания», — смертной казни. Не могли бы Вы как ученый-юрист поделиться с читателями мыслями по этому поводу?

ООН недавно провела обследование на этот счет в 48 странах. Как выяснилось, в 24 из них смертная казнь отменена в законодательном порядке, в 12 закон о ней сохраняется, но не используется. Идет неуклонный процесс сокращения ее применения в Западной Европе, где от нее отказались почти повсюду. Она сохраняется преимущественно в азиатских и африканских государствах.

В мире существует несколько тенденций. Во-первых, имеет место отмена смертной казни. Вторая: хотя ее и не запрещают, сужается круг преступлений, за которые лишают жизни. И третья тенденция — это сокращение круга лиц, которые могут подвергаться смертной казни. Например, в цивилизованных странах считается недопустимым применять такое наказание к подросткам. В Соединенных Штатах (я там был в прошлом году и знакомился с законодательством и статистикой) смертные приговоры все еще выносят и 13—14-летним. Это, конечно, не только не гуманно, но и противоречит международным пактам о правах человека, потому что несовершеннолетние пользуются особой защитой. Самое трагичное, что такие приговоры в США не только выносятся, но и приводятся в исполнение. Американские юристы говорили мне об этом с сожалением, считая, что их страна тут не может быть образцом для подражания.

В ряде стран Востока наблюдается нечто вроде «реанимации» средневековых судебных установлений, основанных на заповедях шариата...»

К сожалению, это происходит. Такая «реанимация» — реакционное движение, возврат вспять. Она охватила

мусульманские страны, тот же Иран, где жестоко наказываются проступки, которые в других странах расцениваются гораздо мягче, например супружеская неверность. Более того, мы видим возврат к публичным казням, что, с нашей точки зрения, бесчеловечно, отрицательно воздействует на психику людей, наблюдающих сцены средневекового варварства. Аналогичные вещи происходят и в некоторых африканских и азиатских государствах. Прогрессивные слои населения в этих странах и во всем мире относятся отрицательно к подобной «реанимации».

Особенно дико сегодня выглядит возрождение старых законов, по которым человека не грех убить, посадить на кол, отрубить ему конечности. Думаю, проповедь фанатичной жестокости в отношении ближнего своего во многом основана на религиозной догме, которая в наш XX век выглядит крайне жестокой и устарелой.

Совершенно очевидно, что это делается и в определенных политических целях, но, как известно, такая политика реальных плодов не приносит. Она лишь ожесточает людей, порождает элементы фанатизма, варварского отношения к человеческой жизни, к личности. Все это далеко от того гуманного процесса, который сейчас набирает силу во всем мире.

Многие полагают: чем суровее законы, тем меньше преступлений. Не могли бы вы на конкретных примерах показать, ведет ли ужесточение наказаний к сокращению преступности?

Такое мнение довольно распространено. Однако научные исследования говорят обратное: ужесточение наказаний никакого влияния на преступность не оказывает. В подтверждение можно привести много примеров. В нашей стране трижды отменялась смертная казнь, и это ни разу не вызвало роста преступности. В период с 1947 по 1954 год у нас суды не выносили смертные приговоры за умышленное убийство. Тем не менее никакого роста убийств не произошло. Есть и примеры из зарубежной практики. В свое время в Париже на Гревской площади была установлена виселица, на которую отправляли карманников. Казнили при скоплении публики. Самое любопытное, что под помостом виселицы жила шайка воров, которые во время казни обчищали карманы зевак. Как видите, их не останавливал даже страх перед виселицей.

Объяснение тут простое. Жестокость портит нравы, становится привычной и не отвращает человека от злодейства. Исследования показывают, что человек в своем поведении, в том числе и при совершении наиболее тяжких преступлений, исходит не из страха перед наказанием, а из совсем иных мотивов. Нередко, совершив злодейство, он сам приходит с повинной и говорит: «Да, я сделал, что хотел. Теперь можете меня расстреливать». Следовательно, соображения о грозящей опасности меньше всего влияют на некоторые категории людей. Я не хочу сказать — на всех. На одних влияют, на других — влияют в меньшей степени или вообще нет. Вместе с тем ведь бóльшая-то часть людей не совершает преступлений и вовсе не из страха перед карой, а просто потому, что руководствуется нормами морали и права.

Французский юрист считает, что возврат к смертной казни у него в стране невозможен. В то же время он говорит, и, конечно, справедливо, что такие изверги, как Гитлер, должны подвергаться смертной казни. С общечеловеческой точки зрения это понятно. А как относится к этому юриспруденция? Возможны ли отступления от судебно-правовых норм в сторону ужесточения наказания, когда речь идет об особо опасных, изуверских преступлениях?

Отношение общественности к смертной казни неоднородно, в том числе и в Европе, пережившей такую страшную войну, как вторая мировая, и познавшей фашистские зверства. Нацистские преступники живы до сих пор. Многие из них скрылись и не понесли ответственности.

В Европе, в том числе и у нас в стране, различаются наказания мирного и военного времени. С моей точки зрения, в условиях войны мы можем применять самые суровые наказания, от которых отказываемся в мирное время: за предательство, измену Родине, международные преступления, такие, как развязывание войны (как это сделали гитлеровцы), за жестокое обращение и уничтожение мирного населения, преступления против человечности, за многие военные зверства: расстрел военнопленных, раненых, больных, нарушения международных конвенций о защите мирного населения. Все это тяжкие преступления, заслуживающие смертной казни.

А как в международной судебной практике решается вопрос о применении «высшей меры» к женщинам?

Тут преобладает мнение, что их следует исключить из списка лиц, которым такую меру наказания можно было бы назначать. И практика такова, что подобные случаи на протяжении ряда лет вообще не встречаются. Если и встречаются, то один за год, и тот заканчивается смягчением наказания или помилованием. Это вполне понятно: мы идем по линии гуманизации уголовного законодательства. Иногда говорят: ведь женщина и мужчина юридически равны. Но, как бы они ни были равны в своих социальных и политических правах, мы должны относиться к женщине гуманней, чем к мужчине.

О чем говорит практика: ведет ли применение смертной казни к сокращению наиболее тяжких видов преступлений? Не могли бы вы проиллюстрировать это положение статистикой?

К сожалению, не могу проиллюстрировать статистическими данными, но можете мне поверить на слово как научному работнику, что практика применения смертной казни за убийство не привела к сокращению преступности. Точно так же, как она не привела и к уменьшению экономических преступлений. Речь идет о крупных хищениях, взятках, спекуляции, приписках и др. Смертная казнь за экономические преступления была введена в 60-х годах. Но, к сожалению, — и сейчас это стало наиболее очевидным, — разрослись именно эти виды преступлений, причем самым пагубным образом. Министр внутренних дел СССР сообщал, что число выявленных преступлений в сфере экономики за последние 10 лет увеличилось на 39 процентов (Коммунист, 1988, № 5). Известны факты коррупции в разных сферах государственного аппарата в различных союзных республиках, факты взяток и хищений. Воровали миллионами, несмотря на угрозу наказания смертью. Одна из основных причин, конечно, безнаказанность и всепрощенчество по отношению к таким должностным лицам. Даже наказания, которые эпизодически применялись за подобные злоупотребления, никого не останавливали. У этих людей, по-видимому, был расчет на то, что это их не коснется, что их

покроют. А если и обнаружится, то найдется средство избежать кары. Во всяком случае, психология преступника далека от того, чтобы руководствоваться только или главным образом боязнью закона.

Трагический опыт репрессий 1937 года и других лет показал, как опасен судебный произвол, но возможны ведь и судебные ошибки. Один из свежих примеров — так называемое «витебское дело», хотя там тоже были не только ошибки, но и произвол, грубое нарушение законности. Применение высшей меры наказания исключает возможность исправления «брака» в работе судебных органов. Формула «реабилитирован посмертно» звучит слишком горько. Наверное, это один из весомых доводов в пользу отмены смертной казни?

В вашем вопросе уже есть позиция, и я ее полностью разделяю. Это тот случай, который не исправишь. Вот один из сильнейших доводов против применения смертной казни. К сожалению, мы видим, даже в последние годы, что такие случаи все еще встречаются.

Трагический «брак» в работе допускают суды и других стран. Но, к несчастью, есть юристы, которые не видят в этом ничего необычного. Американский профессор Эрнест ван ден Хааг считает, что в судебной практике, как и в любом другом деле, ошибки при вынесении смертного приговора неизбежны. Хотелось бы знать вашу позицию — действительно ли юристам простителен подобный брак?

Здесь списывать на «брак» — это цинизм, который не к лицу юристу и любому политическому деятелю. Речь идет не только о судьбе, но и о жизни людей. Можно еще говорить о браке применительно к какой-нибудь чугунной болванке или к плохому строительству, хотя мы это с вами тоже критикуем и считаем ненормальным, но в отношении человека брак совершенно недопустим. Если речь идет о «браке» юриста или врача — я бы эти две профессии поставил рядом, — то цена ему в том и другом случае — человеческая жизнь. Либо мы имеем дело с плохим специалистом, либо с такими моральными качествами, которые делают его непригодным для работы.

Такие ошибки служат нам суровым предостережением. Вспомним дело Сакко и Ванцетти. Их казнили на электри-

ческом стуле. Потом было установлено, что они убийства не совершали. И потребовалось полвека, чтобы приговор признали недействительным, а их реабилитировали. А супруги Розенберг? Ведь с ними произошло то же самое. Словом, такие трагические случаи известны истории, и мы должны принять все меры к тому, чтобы они не повторялись. Тем более, что такую же мрачную полосу пережила и наша страна, когда люди пострадали и вернуть их невозможно. Мы не будем проводить разницу между людьми выдающимися, как, скажем, маршалы Блюхер, Тухачевский или известные партийные деятели, и людьми простыми. В этой трагедии все равны. Жизнь любого человека одинаково ценна, с моей точки зрения. Но трагические страницы истории учат нас более бережно относиться к юридическим средствам и инструментам, с помощью которых мы решаем судьбу человека или стремимся наказать его. Тут надо быть вдвойне или в десять раз осторожнее, помня тяжелые ошибки прошлого. Следовательно, надо создавать такой правовой механизм, который был бы гарантией не только против ошибок, но и против злоупотреблений.

Таким образом, вы ведете к тому, что в мирное время лучше вообще не применять смертную казнь?

Думаю, да. Когда мы говорим о выработке современной позиции, то не можем не учитывать две стороны дела. Первая — это научный подход к проблеме, ее понимание специалистами, которые занимаются борьбой с преступностью. Другая сторона — это общественное мнение. Отмечу, что подходы к этому вопросу ученых и общественности не совпадают в ряде стран. Вы видите это по сообщениям ваших зарубежных корреспондентов, которые пишут, что общественность смотрит на этот вопрос не так, как юристы. Такая же картина и в нашей стране.

У нас проводились социологические исследования в ряде регионов. Есть большая читательская почта. Большинство читателей — за сохранение смертной казни, а некоторые даже предлагают расширить применение этой меры.

Мне хотелось бы сказать: значительная часть писем, читательских представлений основана на незнании некоторых закономерностей борьбы с преступностью. Например, пишут, что наши законы недостаточно суровы. Но они ведь

не знают степень суровости и не могут сравнить с тем, какие меры применяются в других странах, забывают о том, что дело не в суровости закона, а в неотвратимости наказания, о которой писал Ленин. Часто борьба с преступностью неэффективна не из-за закона, а из-за практики, потому что преступников не ловят и преступления не раскрываются. Но, поскольку такое общественное мнение существует, с ним не считаться нельзя. Этот фактор тоже надо принимать во внимание, иначе мы бы поступали, очевидно, недемократично, не в духе времени. Поэтому в среде юристов складывается компромиссное решение: идти к отказу от смертной казни постепенно. На первом этапе сохранить ее за одно-два наиболее опасных преступления, прежде всего за умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах, исключить ее применение за экономические преступления и в отношении женщин. И уже на следующем этапе отменить ее полностью. Может быть, так разумнее.

Попытки сразу отменить смертную казнь уже предпринимались в нашей стране и ни к чему не приводили. Возникала общественная неудовлетворенность состоянием преступности, которая хотя и не возрастала, но и не уменьшалась, то есть по существу ничего не менялось. Все это порождало неоправданные, левацкие представления, что можно добиться результата строгими наказаниями, административными мерами. Руководство переоценивало такие методы, переоценивало репрессии. К сожалению, это у нас до сих пор еще не изжито и из общественного сознания. Вот почему специалисты считают, что лучше двигаться постепенно, одновременно проводя воспитательную работу среди населения.

Беседу вел Александр Козлов.

Из материалов журнала «Эхо планеты», 1988, № 17.

Н. А. СТРУЧКОВ,
доктор юридических наук,
Заслуженный деятель наук РСФСР

Смертная казнь: политические или теоретико-правовые доводы

1. Человек приговорен к смертной казни. Приговор приведен в исполнение. И вдруг обнаруживается настоящий преступник. Осуждая человека к смертной казни, суд совершил ошибку, но исправить ее уже невозможно. Напрасно осужденного к лишению свободы можно освободить; как ни горька его судьба — ведь безо всякой вины он провел месяцы и годы в тяжких условиях изоляции — но он остался жив, возвращается к семье, к любимому делу. Пропавшее время никакая материальная компенсация не вернет, но остается будущее. По исполнении же смертной казни никаких перспектив нет. Этот довод противников смертной казни является наиболее веским, убедительным.

Но заслуживающие внимания доводы есть и у сторонников смертной казни. Ниболее радикально настроенные в этом отношении люди считают возможным применять смертную казнь широко, практически за любое тяжкое преступление различной направленности: за преступления, не только причиняющие ущерб политическим основам существования Советского государства, не только выражающиеся в лишении жизни людей, но и за посягательства на имущественные отношения, порядок управления и др. По сути дела, сейчас, когда применение смертной казни предусмотрено за 17 преступлений, совершаемых в условиях мирного времени, и еще за 16 преступлений — в военное время или в боевой обстановке, наш закон отражает эту точку зрения распространенного применения смертной казни. Доводы сторонников приведенной точки зрения обычно сводятся к эмоциям примерно такого содержания: сколько можно терпеть преступность, церемониться с преступниками. Сторонники этого взгляда переоценивают роль наказания вообще и смертной казни, в частности, они находятся в плену у представления о всесилии наказания, чуть ли не как единственного эффективного средства борьбы с преступностью.

Необоснованность такого мнения в отношении наказания вообще и смертной казни, в частности, убедительно доказывается криминологами, выдвинувшими тезис о глубоком, многостороннем характере причин преступности, требующих целого комплекса мер для их ликвидации. Несомненно, наказание тоже является одним из средств, ограничивающих преступность. Однако его эффективность в этом отношении изучена слабо. Что касается смертной казни, то о ее возможностях в плане преодоления преступности трудно судить в силу весьма ограниченной информации о реальном ее применении. А это порождает различные слухи, вроде тех, что осужденных к смертной казни будто бы направляют на работу, связанную с риском для жизни и здоровья. Короче говоря, ни сторонники широкого использования смертной казни в борьбе с преступностью, ни их оппоненты не могут привести убедительных фактических данных в подтверждение защищаемых ими точек зрения и остаются как те, так и другие с догадками, основывающимися на эмоциях.

Существует концепция ограниченного применения смертной казни — лишь в тех случаях, когда преступник совершил убийство; допустимой также признают смертную казнь за измену Родине, шпионаж. Сторонники этого взгляда опираются на соображения справедливости: преступник должен заплатить своей жизнью за жизнь убитого им человека. Выдвигается и другое соображение: человек, который легко посягает на жизнь других людей, не может находиться в обществе, ибо он крайне опасен. Лучше от него избавиться до того, как он убьет еще кого-то.

Из сказанного следует, что проблема смертной казни имеет различные аспекты, прежде всего политико-правовой и нравственный. Мы хотели бы затронуть первый аспект, причем в плане теории советского уголовного права, а точнее — учения о наказании.

2. Теория советского уголовного права складывалась в сложных условиях. Известно, что в дореволюционной России фундаментальное развитие получили классическая и социологическая школы уголовного права. В годы революции, однако, ни та, ни другая приняты не были. Тогда существовало намерение, как писал Д. И. Курксий, «разрушить все от века существующие основы буржуазного

общества и на развалинах создать новое право, пролетарское коммунистическое право»[1].

Поэтому вопрос о наказаниях, в том числе и о смертной казни, решался в чисто политическом плане. И нужно сказать, что молодое Советское государство сразу же высказало свое отрицательное отношение к смертной казни. Об отмене смертной казни было объявлено уже одним из декретов II Всероссийского съезда Советов от 26 октября 1917 г. Но в связи с переходом контрреволюции к «белому террору» Советская власть оказалась вынужденной постановлением СНК РСФСР от 5 сентября 1918 г. восстановить применение смертной казни. Расстрел предусматривался и Руководящими началами по уголовному праву РСФСР (ст. 25). После разгрома основных белогвардейских сил в 1919 году постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 17 января 1920 г. вновь произошла отмена смертной казни[2]. В условиях осложнения военной обстановки, вызванной наступлением Врангеля и началом войны с Польшей, потребовалось усилить борьбу с целым рядом опасных преступлений. Положением о революционных военных трибуналах, утвержденным Приказом Реввоенсовета Республики 4 мая 1920 г., ведению революционных трибуналов передавались дела о контрреволюционных деяниях, крупной спекуляции, крупных должностных преступлениях и взяточничестве, явном и злостном дискредитировании Советской власти, дезертирстве, неисполнении боевых приказов и других воинских преступлениях, бандитизме (ст. 3). В Положении предусматривалось, что трибунал выносит приговор, «руководствуясь исключительно оценкой обстоятельств дела и интересами пролетарской революции» (ст. 27). Трибуналу предоставлялось право применять, наряду с другими наказаниями, расстрел[3].

При подготовке проекта первого Уголовного кодекса РСФСР в соответствии с требованиями уголовной политики того времени в оценке опасности преступлений и определении их наказуемости строго соблюдался классовый подход. Все преступления делились на две категории.

[1] Курский Д. И. Избранные статьи и речи. М., 1948, с. 56.

[2] См.: СУ РСФСР, 1917, № 1, ст. 10; 1918, № 65, ст. 710; 1920, № 4—5, ст. 22.

[3] СУ РСФСР, 1920, № 54, 236.

К первой категории относились преступления, «непосредственно направленные против советского строя, против порядка управления, т. е. направленные против интересов, которые особенно защищает и должен защищать советский строй». Во вторую категорию входили «преступления, которые являются пережитком прошлого, того, что мы унаследовали от буржуазного строя»[1].

Эта линия нашла свое выражение в УК РСФСР 1922 года. В ст. 27 УК назывались преступления, «направленные против установленных рабоче-крестьянской властью основ нового правопорядка или признаваемые ею наиболее опасными», и «все остальные преступления».

Среди видов наказаний, но за рамками общей системы предусматривался расстрел, который мог применяться «по делам, находящимся в производстве революционных трибуналов впредь до отмены Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом, в случаях, когда статьями настоящего кодекса определена высшая мера наказания» (ст. 33 УК).

На протяжении действия УК РСФСР ст. 33 неоднократно дополнялась предписаниями, ограничивавшими сферу ее применения. Так, декретом ВЦИК от 27 июля 1922 г. было исключено применение расстрела к лицам, не достигшим в момент совершения преступления 18-летнего возраста. Декретом ВЦИК от 7 сентября 1922 г. указано, что «высшая мера наказания (расстрел) не может быть применена к женщинам, находящимся в состоянии беременности, установленной врачебным исследованием».

Расстрел не мог применяться также по делам, по которым истек срок давности. Однако в постановлении 2-й сессии ВЦИК X созыва 10 июля 1923 г. оговаривалось, что при рассмотрении дел об активных действиях или активной борьбе против рабочего класса и революционного движения, проявленных на ответственных или особо секретных (агентура) должностях при царском строе, решение вопроса о применении давности в каждом случае предоставляется усмотрению суда[2].

Таким образом, в условиях становления советского уголовного права применение смертной казни явилось

---

1 Курский Д. И. Указ. соч., с. 78.
2 СУ РСФСР, 1922, № 47, ст. 590; № 58, ст. 732; 1923, № 48, ст. 479.

вынужденной мерой. При каждой возможности Советское государство отказывалось от ее применения. Даже в то время, когда смертная казнь допускалась, законом устанавливались существенные ограничения в ее использовании в качестве средства борьбы с преступностью. В этот период смертная казнь представляла собой наказание, высшую его меру, существующую временно до полной отмены.

3. В начале 20-х годов концепция наказания стала встречать серьезные возражения в теории советского уголовного права. В основе было отрицание классической школы уголовного права, которое велось с позиций так называемой позитивной концепции (критики в основном опирались на Э. Ферри) и франко-бельгийской школы. Был выдвинут тезис о непригодности и аморальности наказания как средства воздействия на лиц, совершивших преступления. Вместо наказания, кары преступников предлагалось обращение с ними на принципах попечения. Делался вывод, что наказание должно стать чисто социальной, оборонительной мерой, бралась под защиту «теория обороны» Э. Ферри, оправдывалось применение мер социальной защиты как средства обороны общества от преступности [1].

Оборонительный характер наказания, правда, подчеркивался и в УК РСФСР 1922 года (ст. 26). Этим же кодексом предусматривалось применение, помимо наказания, «других мер социальной защиты» (ст. 5), а сами меры социальной защиты перечислялись в ст. 46. Полный отказ от наказания был зафиксирован в Основных началах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1924 года, где было установлено применение мер социальной защиты трех видов: мер социальной защиты судебно-исправительного характера (заменивших наказание), мер социальной защиты медицинского характера и мер социальной защиты медико-педагогического характера (ст. 5).

Перечень мер социальной защиты судебно-исправительного характера приводился в ст. 13 Основных начал. В примечании 2 к этой статье говорилось: «Временно в качестве высшей меры социальной защиты, впредь до

[1] См.: Чельцов-Бебутов М. А. Социалистическое правосознание и уголовное право революции. Харьков, 1924. с. 28. 40, 44—45.

полной ее отмены Центральным Исполнительным Комитетом Союза ССР, для борьбы с наиболее тяжкими видами преступлений, угрожающими основам советской власти и советского строя, допускается расстрел». В том же примечании подчеркивалось, что применение расстрела подлежит особому регулированию законодательством Союза ССР и союзных республик, причем последние регулируют применение смертной казни в соответствии с директивными указаниями Президиума Центрального Исполнительного Комитета СССР. Не допускалось применение расстрела к лицам, не достигшим 18-летнего возраста, и к женщинам, находящимся в состоянии беременности.

В соответствии со ст. 13 Основных начал в УК РСФСР 1926 года была включена норма следующего содержания: «Для борьбы с наиболее тяжкими видами преступлений, угрожающими основам Советской власти и советского строя, впредь до отмены Центральным Исполнительным Комитетом СССР в случаях, специально статьями настоящего кодекса указанных, в качестве исключительной меры охраны государства трудящихся применяется расстрел» (ст. 21).

Круг деяний, при совершении которых допускалось применение расстрела, в УК РСФСР 1926 года, как и по УК РСФСР 1922 года был весьма широк. В их число входили наиболее опасные контрреволюционные преступления (организация в контрреволюционных целях вооруженных восстаний или вторжение на советскую территорию вооруженных отрядов или банд, а равно участие во всякой попытке в тех же целях захватить власть в центре или на местах или насильственно отторгнуть от РСФСР какую-то ее часть или расторгнуть заключенные ею договоры, участие в различных организациях, ставящих цели совершения контрреволюционных преступлений, совершение террористических актов, диверсий, контрреволюционная агитация и пропаганда и др.), бандитизм, фальшивомонетничество, должностные преступления, развал руководимого должностным лицом центрального аппарата управления при особо отягчающих обстоятельствах, присвоение или растрату денег, ценностей или иного имущества при наличии у должностных лиц особых полномочий, разбой и др.

Однако между предписаниями относительно применения расстрела по УК 1922 года и УК 1926 года имелись

некоторые различия. Например, по УК РСФСР 1922 года за провокацию взятки, то есть заведомое создание должностным лицом обстановки и условий, вызывающих предложение взятки, в целях последующего изобличения дающего взятку, предусматривалось лишение свободы на срок не ниже трех лет или высшая мера наказания — расстрел (ст. 115); по УК РСФСР 1926 года за это преступление могло быть назначено лишение свободы на срок до двух лет (ст. 119). За умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах в обоих кодексах устанавливалось лишение свободы.

Сопоставление норм Особенной части УК РСФСР 1922 года и УК РСФСР 1926 года позволяет сделать вывод, что возможность применения расстрела не зависела от выраженной в них концепции наказания или мер социальной защиты. Это обстоятельство отмечалось еще в 20-е годы. Так, Е. Б. Пашуканис писал: до тех пор «пока сохраняются формы судебного процесса и материального уголовного кодекса (такие традиционные категории уголовного права, как соучастие, приготовление, покушение, служившие способом более точного «взвешивания вины», умысел и неосторожность, позволявшие разграничивать степень виновности, невменяемость, предполагавшая хотя бы молчаливое признание института вины. — *Н. С.)* ... изменение терминологии будет в значительной мере реформой чисто словесной» [1].

Высказанное положение подтверждается и тем, что в текущем законодательстве без всяких объяснений стал применяться термин «наказание». Постановлением ЦИК СССР от 8 июня 1934 г. «О дополнении Положения о преступлениях государственных (контрреволюционных и особо для Союза ССР опасных преступлениях против порядка управления) статьями об измене Родине» было предусмотрено, что измена Родине карается «высшей мерой уголовного наказания — расстрелом...» [2]. Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 1 сентября 1934 г. ст. 136 УК РСФСР была дополнена частью второй следующего содержания: «Убийство, совершенное военнос-

[1] Пашуканис Е. Б. Избранные произведения по общей теории права и государства. М., 1980. с. 169.

[2] СЗ СССР, 1934, № 33, ст. 255.

лужащим, при особо отягчающих обстоятельствах (влечет за собой. — *Н. С.*) высшую меру наказания — расстрел»[1]. Отсюда, следует, что установление уголовным законом расстрела в качестве меры воздействия, назначаемой за преступления, обусловливалось положениями не теоретико-правового, а политического характера.

Следует отметить, что в советском уголовном законодательстве в известном постановлении ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 г. «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности» (в литературе известен как «Закон от 7 августа 1932 г.») в отношении применения высшей меры социальной защиты — расстрела употреблен еще один термин: «мера судебной репрессии»[2].

Эта терминология появилась в связи с разработкой Институтом советского строительства и права Коммунистической Академии учебного курса по советской уголовной политике, в котором освещалось и уголовное право. В изданной под редакцией Н. В. Крыленко в 1931 году Программе по советской уголовной политике в качестве отдельной темы (тема VIII) предлагалось изучение уголовной репрессии, мер классового подавления и мер принудительного воспитания к дисциплине. Эта тема имела три раздела: I. Советская уголовная репрессия, ее содержание, цели и действие. II. Меры классового подавления. III. Меры принудительно-воспитательного воздействия. К мерам классового подавления Программой относились: расстрел; объявление врагом трудящихся и изгнание, объявление вне закона; лишение свободы в исправительно-трудовых лагерях, которые рассматривались как «мера обезвреживания классовых врагов и преступников-профессионалов»; ссылка; поражение политических прав; конфискация. Мерами принудительно-воспитательного воздействия считались: лишение свободы в исправительно-трудовых колониях; высылка; принудительные работы; штраф и др.

Расстрел таким образом рассматривался как мера, применение которой вынуждалось условиями классовой

---

1 СУ РСФСР, 1934, № 34, ст. 206.
2 СЗ СССР, 1932, № 62, ст. 360.

борьбы, и поэтому критика смертной казни объявлялась либерально-гуманитарным лицемерием [1].

Такой подход в начале 30-х годов к применению смертной казни соответствовал начавшейся с конца 20-х годов полосе беззакония, необоснованных репрессий, приведших к гибели многих ни в чем не повинных людей. В указанное время, продолжавшееся до начала 50-х годов, расстрел был средством проводившейся Сталиным и его ближайшим окружением политики террора и насаждения в стране страха, что способствовало укреплению позиций, единоличного, абсолютно бесконтрольного владычества «великого вождя и учителя», «гения всех времен и народов».

4. Ликвидация культа личности Сталина создала условия для существенного пересмотра уголовной политики и создания нового уголовного законодательства. Под воздействием мер, проведенных Коммунистической партией и Советским государством в направлении ленинских норм партийной и государственной жизни, восстановления социалистической законности в 1953—1956 гг., особенно решений XX съезда КПСС, в Основах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 года четко выражено и закреплено серьезное сужение сферы применения смертной казни.

На момент принятия Основ, которыми восстанавливалась категория наказания, ст. 22 этого закона гласила: «В виде исключительной меры наказания, впредь до ее полной отмены, допускается применение смертной казни — расстрела — за измену Родине, шпионаж, диверсию, террористический акт, бандитизм, умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах, указанных в статьях уголовных законов Союза ССР и союзных республик, устанавливающих ответственность за умышленное убийство, а в военное время или в боевой обстановке — и за другие особо тяжкие преступления, в случаях, специально предусмотренных законодательством Союза ССР».

В тексте приведенной нормы обращает на себя внимание, во-первых, четкий, закрытый перечень деяний, за которые допустимо применение смертной казни в мирное время; во-вторых, полный отказ от использования смертной казни в качестве особой репрессии класового характе-

[1] См.: Программа по советской уголовной политике. М., 1931, с. 85.

ра; в-третьих, смертная казнь признается средством уголовно-правовой борьбы лишь с государственными преступлениями и посягательствами на жизнь человека.

К сожалению, в последующие годы законодатель отошел от этого принципа, что привело к весьма широким возможностям применения смертной казни, о чем уже говорилось в начале статьи.

В связи с приводившимися выше доводами двоякого характера, а именно о невозможности аннулировать последствия исполненного приговора к смертной казни, с одной стороны, и о существовании определенного чувства социальной справедливости и нежелания прощать преступников, посягнувших на жизнь человека, с другой стороны, мы полагаем, что необходимо вернуться к принципам, закрепленным в ст. 22 Основ в момент их принятия. Применение смертной казни за измену Родине и шпионаж справедливо потому, что в данном случае речь идет о реакции государства на столь тяжкие деяния, которые подрывают высшие интересы государства и его граждан и которые могут привести к наитягчайшим последствиям, в частности, охватывающим и причинение ущерба жизни людей. Диверсия и террористический акт — деяния, непосредственно направленные как против интересов государства, так и жизни людей. Заслуживающими смертной казни посягательствами на жизнь человека, применительно к действующему законодательству, следует считать: умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах, посягательство на жизнь работника милиции и народного дружинника, сопротивление начальнику, а также иному лицу, исполняющему возложенные на него обязанности по военной службе, или принуждение его к нарушению своих обязанностей, сопряженных с умышленным убийством начальника или иного указанного выше лица.

При подготовке нового законодательства, по нашему мнению, умышленное убийство и прежде всего при отягчающих обстоятельствах должно быть самостоятельно предусматриваемым законом преступлением. Поэтому указание на умышленное убийство следовало бы исключить из признаков таких преступлений, как сопротивление начальнику или принуждение его к нарушению служебных обязанностей. Что касается посягательства на жизнь работника милиции или народного дружинника, то эта

норма должна быть поглощена общей нормой об ответственности за умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах, в которой возможно выделение соответствующего признака. В случае же совершения бандитизма, действий, дезорганизующих работу исправительно-трудовых учреждений, сопротивления начальнику или принуждения его к нарушению служебных обязанностей, сопряженных с умышленным причинением смерти, указанные деяния должны квалифицироваться по совокупности соответствующих норм и нормы об ответственности за умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах. Возможно и другое решение: совершение актов бандитизма, действий, дезорганизующих работу исправительно-трудовых учреждений, сопротивления начальнику или принуждение его к нарушению служебных обязанностей должно быть оговорено в качестве условий ответственности за умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах.

Однако первый вариант — применение совокупности норм — нам представляется более предпочтительным, так как подчеркивает исключительность преступления в виде умышленного убийства при отягчающих обстоятельствах и применения в этих случаях смертной казни.

Хотелось бы в дополнение сказать, что в соответствии с принципами ответственности за покушение на преступление смертная казнь может быть применена и в том случае, когда лишение жизни фактически не наступило, но преступник совершил все задуманные им действия и потерпевший стал неизлечимым калекой.

специальный корреспондент
журнала «Огонек» [1]

Лицом к стене

Неслышно, в специально на то оборудованной камере следственного изолятора звучит выстрел. Волей суда оборвана еще одна преступная жизнь.

Но такой финал преступных деяний сейчас редкость. Будь эта страшная статистика гласной, мы легко убедились бы в этом. Можно сказать, что наш суд стал гуманнее, я скажу иначе, — стал осторожнее. Даже за леденящие кровь злодейства предпочитают наказывать пятнадцатью годами лишения свободы: верная гарантия, что Верховный Суд не вернет дело на доследование или не изменит приговор. Страхуют и себя, и следователей. Чутко наше правосудие и к общественному мнению. Стоит ему ожесточиться, и приговоры становятся строже. Громче зазвучат слова о доброте и милосердии — Фемида учтет и это.

Летом восемьдесят четвертого года в Петропавловске-Камчатском молодой матрос Коннов Валерий Маратович неумело, а потому особенно жестоко убил сразу двоих — хозяйку квартиры и ее взрослого сына. Из-за денег и золота. Город негодовал, преступника взяли скоро, суд приговорил Коннова к расстрелу. Верховный Суд дело вернул: «Доследовать!» Второй процесс — и снова «к исключительной мере». И опять: «Доследовать!» В восемьдесят седьмом году, зимой, спустя три с лишним года после убийства, третий состав суда по тому же делу дрогнул. Вина Коннову вменялась прежняя, а вот меру наказания изменили — пятнадцать лет лишения свободы.

Это, конечно, не правило — исключение. Пока Коннов три долгих года маялся в ожидании развязки, двоих его соседей по камерам смертников поставили лицом к стене. Время от времени, повторяю, реже, но нам напоминают, что смертная казнь не пугало, а факт.

Но даже эти редкие выстрелы, хотя и сообщают о них

---

[1] Свыше четверти века Г. В. Рожнов проработал в органах внутренних дел, из них три с лишним года — замполитом следственного изолятора г. Петропавловска-Камчатского.

14 Зак. 702

всего одной строчкой: «Приговор приведен в исполнение», — из-за тюремных стен доносятся до слуха нашего общества. Слух этот за последние год-два стал острее, а чувства, связанные с ним, тревожнее: «Нужна ли нам вообще такая мера наказания, как смертная казнь?» В обозримом прошлом, по-моему, такой вопрос нас не посещал. Значит, хоть какая-то толика наших сограждан стала сегодня и добрее, и милосерднее, ей небезразлично, что в мирное время здорового и чаще всего молодого человека лишают жизни. За его не прощенную законом вину.

Речь, как видим, сегодня идет уже не о том, надо ли казнить того или иного преступника, а о правомерности смертной казни вообще. Остроту этому спору прибавит и то, что каждому, внимательно прочитавшему Уголовный кодекс, смертная казнь покажется уже не исключительной, а весьма распространенной мерой наказания: и в самом деле, она предусмотрена за 7 общеуголовных, 10 государственных, 16 воинских преступлений в военное время и за 2 — в мирное.

Какая же тут исключительность?

А если кодекс читать еще внимательнее, с комментариями к каждой «тяжелой» статье, то мы отметим: расстрел начал венчать многие статьи УК в начале 60-х годов, именно тогда, когда нас уверяли, что человек человеку — друг, товарищ и брат. Именно тогда мы до того азартно ухватились за дубину возмездия для валютчиков и взяточников, что тут же ее и перегнули (а когда не перегибали?). Только что введенный закон о смертной казни за валютные махинации вдруг да и возымел в одном памятном случае обратную силу, чего не случалось во веки веков.

Что же это было тогда? Что двигало нашими законодателями, только что избавившими народ от чудовищных беззаконий сталинщины? Ведь и десяти лет не прошло, как стихла не прекращавшаяся почти четверть века оружейная трескотня, выкосившая миллионы безвинных. Почему не терзали наш слух новые выстрелы? Вспомним разъяснения тех лет: раньше, мол, беззаконие уничтожало невиновных, теперь закон справедливо карает виноватых. Разве не заботимся мы тем самым о безопасности державы, о ее экономической мощи, о чести и достоинстве своих граждан?

Цель как видим, высокая. А средство? Все то же — страх.

Казалось бы, парадокс: общество, и без того уставшее от страха в мрачные времена, в благовестные шестидесятые снова дружно хлопает в ладоши в залах судов, которые карают смертью взяточников, валютчиков, насильников. В этих аплодисментах, думается, было не столько восторга от суровости новых законов, сколько искреннего народного гнева: жулье роскошествует при нашей повальной бедноти-ще, при наших коммуналках, при грошовой зарплате, при хлебе, который уже повезли из-за морей! И все ведь это они, разные там рокотовы и файбишенко, — к стенке их.

Мы уже знаем теперь, каков был результат тех расстрелов, которые так и хочется назвать благотворительными. Годы застоя изумили, все еще изумляют, еще долго будут изумлять нас размахом хищений, коррупции, взяток. Трудно избавиться от назойливой мысли: либо при Хрущеве расстреливали не тех, либо при Брежневе жулики уверовали в загробную жизнь!

Впрочем, неверие в то, что смертные приговоры у нас на самом деле приводятся в исполнение, не так уж редко. Легенд о выстрелах холостыми пулями и последующей ссылке на урановые рудники я наслушался предостаточно. При этом, разумеется, называли и «очевидцев» подобных историй, и тех, кто сам и в камере смертников насиделся, и лицом к стене постоять успел, но выстрела в затылок так и не дождался: попугали, и будет.

Когда-то властелины действительно устраивали изредка подобные эффектные спектакли: вот уже все готово для казни, вот уже народ затаил дыхание, чтобы получше услышать удар топора, но тут галопом мчится курьер с помилованием от государя или сам монарх милостиво машет платочком, останавливая палача. И смерть отступает.

Все эти святочные рассказы либо из древней истории, либо из романов о днях, давно минувших. Сегодня, если уж последнее ходатайство осужденного о помиловании отклонено высшим органом государственной власти, никаких конвертов вдогонку не шлют. Приговор в этом случае будет исполнен незамедлительно. Выстрел у стены прозвучит. И всегда это страшно, всегда тяжело даже для тех, кого эта печальная служебная необходимость задевает хотя бы косвенно. И, поверьте, первыми, кто весть об отмене смертной казни воспринял бы с душевным облегчением, были бы именно они — работники следственных изолято-

ров. Признаюсь теперь: обходя тюремные коридоры, я старался как можно тише ступать в том из них, где заключены смертники. Особенно в конце дня, когда чувствовал, что запас сострадания уже полностью растрачен, что ни говорить, ни слушать, ни улыбаться уже невмоготу. А им, смертникам, нужно только это: просто слово, просто внимание, просто улыбка. Не можешь — ступай на носках, проходи мимо. Но не тут-то было! «Гражданин замполит! Подойдите! Я же слышу!» — доносится из-за пудовой двери.

Конечно, это Костя Иванов. Нашему знакомству уже полтора года. Полтора года Костя ждет, когда его убьют. Я пристрастил его к чтению, и то, что это удалось, поразило нас обоих. Костя уже знает Чехова, прочел «Теркина», сейчас впился в Шолохова, в «Тихий Дон». В своей одиночке он громко, со слезой, жалеет Григория, жалеет Аксинью, жалеет Подтелкова и офицеров, порубанных под Глубокой. Хоть полчаса, да надо пожалеть их с ним вместе — так Косте легче. И не только ему — то у одного, то у другого смертника время от времени наступает период неудержимой разговорчивости, а собеседника нет. На прогулку их не водят, в баню — поодиночке. Круглые сутки — четыре стены и тишина. И думы. Ясно, что тому же Косте очень трудно избавиться от каждодневных расчетов, когда же именно его убьют. Верховный Суд приговор оставил в силе, первая «помиловка» в Президиум Верховного Совета России — отказ. Теперь у Иванова последняя надежда — на самого Громыко.

— Дело у меня глухое, — часто говорит Костя. — Убьют. И правильно сделают. — И немного помолчав: — Интересно, до лета меня не убьют?

Я помню день, когда его привезли к нам сразу после ареста. Прочитал протокол задержания — мерзкая история, дикая. Иванов — лицо без определенных занятий, без определенного места жительства, пьяница и браконьер — уложил дуплетом рыбинспектора. Там и штраф-то грозил всего ничего, и свидетелей было полно, и рыбинспектор спокойный мужик был — с какой такой стати хватать ружье и убивать?

В камере страх вползал в Иванова постепенно. После приговора облсуда он еще хорохорился, доводил контролеров до белого каления и при моем появлении демонстра-

тивно зевал. Определение Верховного Суда, казалось, тоже его не очень встревожило. А вот время — недели, месяцы, год в одиночке — дело свое сделало. Не знаю, может быть, и чтение тут повлияло, и наши с ним разговоры — другой человек ждал сейчас решения, жить ему или не жить.

Однажды он мне сказал:

— Вы не смейтесь, я только здесь, в тюрьме, человеком стал. Вся жизнь — одна сплошная пьянка. Я ведь только здесь целый год и трезвый! Первые книги в тюрьме прочитал. Если не убьют — в зоне буду вкалывать по-черному, каждый месяц — перевод семье убитого. Господи, как я буду вкалывать, как пахать!

За Ивановым пришли осенью, когда он читал «Судьбу человека».

Все думаю: какие чувства вызовет мой рассказ? Видимо, жалость: что же это за жизнь такая окаянная была у парня, что все человеческое проснулось в нем только в тюрьме? Будут, наверное, сомнения — кому какая польза от его смерти? Возможно, кто-то поверит — сохранили бы Иванову жизнь, и он оправдал бы такую милость.

Я тоже маялся вопросом: искренним ли было его раскаяние? Ведь перемены происходили с осужденным тогда, когда он со дня на день дожидался решения своей судьбы — быть или не быть? А если б помиловали, какие чувства, какие мысли овладели бы им тогда?

Тех, кого этот вопрос коробит подозрительностью, познакомлю с Шахназаровым, тоже убийцей. Он постарше Кости, крепче характером, жизнь потрепала его основательно. Даже в наших привычных ко всему стенах Шахназаров произвел сильное впечатление: по обвинению в убийстве его арестовали в колонии усиленного режима, где он отбывал наказание тоже за убийство.

Года два назад Шахназаров в ссоре зарезал свою любовницу, тело которой потом пытался сжечь. Мотивы были корыстные — деньги. Облсуд не колебался — к смертной казни. Верховный Суд не согласился и определил убийце 15 лет лишения свободы.

И вот теперь, через два года отсидки, Шахназаров убил прапорщика, который засек его с крупной суммой денег. Гнусно убил, подло. Деньги Шахназаров прятал на крыше строящегося трехэтажного цеха, а тут, как на грех он, прапорщик. Убийца первым шагнул ему навстречу и,

подойдя, ударом ноги сбросил вниз, на груду арматуры. Я знал этого прапорщика. Знал и любил. Все в нем было крупным, красивым — рост, плечища, улыбка. Ни одного осужденного не обидел он ни словом, ни поступком — справедлив был, не очерствел на чертовой своей службе. Когда мы узнали, что следующим этапом доставят к нам Шахназарова, я убрал с постов контролеров, которые знали его жертву — ненависть клокотала в парнях, мало ли что...

Рассказывали, что в зоне Шахназаров вел себя нагло, бездельничал, среди осужденных зарабатывал себе авторитет рассказами о муках, которые претерпел в камере смертников.

После второго преступления в Шахназарова вселился не страх — ужас. Он заискивал и подхалимничал перед каждым, кто подходил к его камере, — от начальника до раздатчика пищи. Характеристику для суда Шахназаров заработал отменную: «Дисциплинирован, выдержан, вежлив, требования режима соблюдает». Но суду, как говорится, все было ясно: убийца, отбывая наказание в колонии, снова убивает, причем должностное лицо. К смертной казни! Из машины Шахназарова конвой выносил на руках: в прострацию он впал прямо в зале суда, когда после объявления приговора на его руках защелкнули наручники. Все время, пока дело в кассационном порядке рассматривал Верховный Суд, Шахназаров просидел без единого замечания. Разговаривать с ним было просто и неинтересно: «Так точно!», «Слушаюсь!».

Когда пришло определение, объявлять его выпало мне. Зная, чем подчас кончаются подобные чтения, я, кроме положенных в таких случаях офицеров и контролеров, пригласил в кабинет и фельдшера с его саквояжем. Еще по дороге из камеры Шахназаров почувствовал необычность происходящего. Шахназарова ввели. Я встал, да еще с красной папкой в руках. Это его едва не доконало. Глаза бессмысленно остановились, было слышно, как звенит, мелко дрожа, цепочка наручников на его руках.

Судейские документы, даже содержащие весьма краткое решение, всегда пространны и подробны. До завершающей фразы я добирался довольно долго, и Шахназаров был совсем плох, даже пришлось его поддерживать.

Но вот, наконец:

— Приговор отменить, дело направить на доследование.

Фельдшера я пригласил не напрасно.

Встретил я счастливчика часа через два, когда с него сняли полосатую одежду и перевели в общую камеру. Утомленно развалясь на лучшей койке, он потягивал сигарету и громко что-то рассказывал, хохоча. Заметив приоткрытый «глазок», рывком привстал и гаркнул что есть мочи:

— Ты! Мусор! Во тебе!

Навстречу мне протянулся кукиш.

Впрочем, хватит этих живописаний. В дальнейшем Шахназаров выкидывал и не такие коленца. Тут возникает вопрос: убийцу не помиловали, не заменили расстрел лишением свободы, а он уже сбросил с себя маску раскаявшегося и распоясался пуще прежнего. С чего бы это?

Все просто. Так уж получается по ряду наблюдений за сходными ситуациями, что повторное слушание одного и того же дела в том же суде редко подтверждает первый приговор. Потому что если на стадии предварительного следствия хоть в одном эпизоде сработали поспешно, халтурно и, следовательно, бездоказательно — сомнение Верховного Суда обеспечено. Тогда еще одна отмена? Кого ж из судей это красит?

Можно уже догадаться, что второй приговор убийце-рецидивисту был ровно таким, какой у него уже имелся, — 15 лет лишения свободы. А поскольку складывать сроки наказания у нас нельзя, все наказание за погибшего прапорщика состояло лишь в том, что отбытые два года Шахназарову не засчитали, а начали срок сначала.

Пока бандит ждал вступления приговора в законную силу, он каждому из нас сполна выговорил все те гадости, которые висели у него на языке долгие месяцы постыдной для него теперь покорности. Начальнику отряда, к которому вскоре попал Шахназаров, я могу только посочувствовать — воспитывать этого нелюдя бесполезно.

Понимаю, дурно, грешно примерять поведение Шахназарова на покойного ныне Иванова. Вдруг и у того прошел, забылся бы и страх, и все прочитанное, и все переговоренное со мной?

Пока будет существовать смертная казнь — будут и эти гадания. Опытные следователи и судьи могут исчерпывающе доказать вину убийцы. Но ни областной, ни Верховный Суд, ни даже Пленум этого суда не смогут так же

доказательно и убедительно объяснить, почему за похожее злодейство одному преступнику жизнь даруется, а другому — нет? А чем, скажите, руководствуется высший орган государственной власти, когда одно ходатайство о помиловании отклоняет, а другое удовлетворяет? Когда одному — жизнь, а другому — смерть? С учетом личности, дескать, принято решение? А где критерии определения плюсов и минусов этой личности?

Когда меня спрашивают, почему я все же верил Иванову, я легонько стучу по своему сердцу — оно, мол, подсказывает! Доказательство? Для меня — да. Но не для весов же Фемиды!

Смертная казнь еще, увы, существует. Поэтому моя первая просьба к следователям — никаких натяжек, никакой слепоты, никакого непрофессионализма! Дело того же Коннова тянулось три с лишним года, выдержало три судебных процесса, породило два смертных приговора и, наконец, завершилось лишением свободы отнюдь не потому, что к преступнику проявили гуманность. А потому лишь, что халтурно и торопливо шли по горячим следам преступления, подпали под гипноз «очевидности» каждой детали, каждой улики и помчались дальше, а надо было остановиться, оглянуться. Потом три раза пришлось возвращаться — и без толку!

Пусть Коннов трижды виноват, но я видел, как он отсиживал эти три с половиной года, что творилось с парнем, когда дважды его приводили в камеру смертников и дважды из нее выводили. Будь моя воля, я бы этим пережитым кошмаром и счел бы его вину искупленной.

Глупо и лицемерно вести толки о гуманизации процедуры смертной казни (а такие слышатся), но смягчить режим в камерах смертников нужно непременно. На протяжении минимум двух, а то и более лет лишать человека прогулок — неразумно и просто жестоко. Меньше хлопот режимной службе — только и всего. Лишать смертников радиоточки, которая есть в любой другой камере, — еще одна перестраховка, еще одна жестокость. А наглухо задраивать окна — это к чему? Кто смотрел фильм «Высшая мера», заметил, в каких только ракурсах не показал нам это окно с «козырьком» до потолка режиссер Герц Франк.

Все эти предложения, естественно, имеют смысл, если

смертная казнь будет сохранена. Скорее всего так и случится — думаю, правовая реформа подтвердит это мое предположение. На сегодняшнем этапе развития нашего общества отказываться от этой меры наказания нереально. Во-первых, мы лишь недавно обнаружили существование в стране организованной преступности. Кто знает, какие злодеяния вскроются, когда мы докопаемся до ее глубин и истоков? И тех, уже известных, достаточно, чтобы повременить с милосердием к «крестным отцам» нашей доморощенной мафии. За подземные тюрьмы, за средневековые пытки и убийства, за повальное разграбление державы дать этой преступной дьявольщине шанс на жизнь?! Нет, нельзя. Такие изощренные преступления, такая «мокруха» и такие барыши не снились ни Мишке Япончику, ни «Черной кошке», ни всей разом уголовщине, расползшейся по стране после известной печальной памятью амнистии пятьдесят третьего года.

Во-вторых, нужно считаться и с общественным мнением — приверженность многих наших сограждан жестоким карам преступников общеизвестна. Средства массовой информации полны писем, в которых предлагаются столь ужасные способы казней убийц, диверсантов и жуликов, что содрогнулся бы Малюта Скуратов. Не так давно один почтенный отец семейства до того опечалился мягким, по его мнению, приговором брату и сестре Овечкиным, что огласил через газету свой собственный вердикт: беременную Ольгу и несовершеннолетнего Игоря взять да и привязать за ноги к стволам деревьев, а потом эти стволы отпустить. Или — к автомобилям. Или — к лошадям. Каково? И не один он такой — десятилетия сталинщины не прошли бесследно.

Бесспорно в этих дискуссиях одно — смертная казнь должна стать действительно исключительной мерой наказания. Кто возражал, когда поставили к стенке упыря из Белоруссии? Ростовских «братьев-разбойников»? «Эмира» Бухарского? Шпиона одной иностранной державы? Никто.

... А Костю Иванова жалко. Мог бы жить.

заведующий Отделом по вопросам помилования
Президиума Верховного Совета РСФСР,
Заслуженный юрист РСФСР

Является ли решение суда, которым определена исключительная мера наказания — смертная казнь — окончательным?

Нет. После объявления осужденному к высшей мере наказания о вступлении приговора в законную силу в соответствии с Конституцией СССР и конституциями союзных республик, он имеет право подать ходатайство о помиловании. Подача такого ходатайства приостанавливает исполнение приговора.

Что такое помилование?

Помилование — это акт высшего органа государственной власти в отношении осужденного конкретного лица, освобождающий его полностью или частично от наказания либо заменяющий назначенное судом наказание другим, более мягким. В отношении лица, осужденного к смертной казни, помилование состоит в замене этого исключительного наказания лишением свободы на срок от 15 до 20 лет.

С какого времени в нашей стране осуществляется помилование и какому органу предоставлено это право?

Уже в первой Конституции Советского государства — Конституции РСФСР 1918 года — было предусмотрено право помилования, которым наделялись Всероссийский съезд Советов и Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет. В Конституции Закавказской социалистической федеративной советской республики 1922 года право помилования было закреплено за Президиумом Закавказского ЦИКа (ст. 18 «ж»). Аналогичные нормы содержались в конституциях других союзных республик. После образования в 1924 году Союза ССР и принятия Конституции СССР право помилования в отношении граждан, осужденных судебными органами союзных республик, было сохранено за центральными исполнительными комитетами этих республик, а помилование по делам, разбиравшимся судебными и административными органами Союза ССР, осуществлялось Центральным Исполнительным Комитетом СССР и его Президиумом.

В Конституциях СССР 1936 и 1977 годов и принятых на основе их конституциях союзных республик право помилования было предоставлено соответствующим Президиумам Верховных Советов. При этом нужно иметь в виду, что Президиум Верховного Совета СССР осуществляет помилование в отношении следующих лиц: осужденных судами Союза ССР, то есть Верховным Судом СССР либо военными трибуналами; отбывающих наказание по приговорам судов двух или более союзных республик; состоящих в иностранном гражданстве, а также лиц без гражданства, независимо от того, каким судом они были осуждены; отбывающих наказание, в отношении которых ранее были приняты Указы Президиума Верховного Совета СССР о замене им смертной казни лишением свободы или о сокращении сроков наказания. Ходатайства лиц, осужденных судами союзных республик, рассматриваются Президиумами Верховных Советов соответствующих союзных республик.

Кто может подать ходатайство о помиловании осужденного к смертной казни? Каков порядок подачи такого ходатайства?

Такое ходатайство подается самим осужденным администрации следственного изолятора или тюрьмы в зависимости от того, где он находится. По получении извещения о вступлении приговора в законную силу администрация объявляет об этом осужденному и разъясняет ему право на подачу ходатайства о помиловании, срок и порядок подачи, а также право на получение юридической помощи в составлении ходатайства. В этих целях осужденному может быть предоставлено свидание с адвокатом.

Ходатайство должно быть подано в течение 7 суток с момента объявления осужденному о вступлении приговора в законную силу. Поданное ходатайство направляется на рассмотрение соответственно в Президиум Верховного Совета СССР или Президиум Верховного Совета союзной республики в зависимости от того, в чьей компетенции находится рассмотрение ходатайства.

Приводится ли приговор в исполнение, если осужденный к высшей мере наказания отказался подать ходатайство о помиловании?

В этом случае составляется акт об отказе осужденного подать ходатайство о помиловании и он направляется в соответствующий Президиум Верховного Совета, который рассматривает все материалы в таком же порядке, как и в отношении лиц, подавших ходатайство о помиловании. Приговор приводится в исполнение только после получения сообщения Президиума Верховного Совета о результатах рассмотрения материалов в отношении такого лица.

Является ли решение Президиума Верховного Совета союзной республики об отклонении ходатайства о помиловании осужденного к высшей мере наказания окончательным?

Нет. Если Президиум Верховного Совета союзной республики отклонил ходатайство о помиловании лица, осужденного к смертной казни, такое ходатайство может быть подано в Президиум Верховного Совета СССР. В этом случае приговор приводится в исполнение только после решения Президиума Верховного Совета СССР либо, в случае помилования, смертная казнь заменяется лишением свободы.

Как часто применяются акты помилования в отношении осужденных к смертной казни?

В отдельных случаях, с учетом конкретных обстоятельств совершения преступления, личности осужденного, его поведения в прошлом, мнения общественности и государственных органов, Президиумами Верховных Советов принимались решения об удовлетворении ходатайств осужденных к смертной казни и замене этого исключительного наказания длительными сроками лишения свободы. Так, Президиум Верховного Совета РСФСР в 1988 году принял решения о помиловании в отношении 8,9% осужденных к смертной казни.

Беседу вела Т. Парфенова

профессор, доктор
медицинских наук

Противна природе человека

«... смерть каждого Человека умаляет и меня, ибо я един со всем Человечеством, а потому не спрашивай никогда, по ком звонит колокол: он звонит по Тебе».

Джон Донн

Быть или не быть смертной казни? Вопрос этот в развитых странах не раз приобретал характер мучительной социальной и правовой дилеммы, поляризующей общественное мнение. Особенно остро проблема вставала в переломные, кризисные моменты истории, сопровождавшиеся пробуждением и трансформацией массового сознания, активизацией духовной жизни общества, ревизией и гуманизацией социальных ценностей.

Знакомство с литературой разных лет свидетельствует, что спектр аргументов «за» и «против», излагаемых то полемически страстно и обращенных к нравственному чувству, то аналитически взвешенно и апеллирующих к разуму и науке, касался самых различных сторон проблемы: правовых, нравственных, религиозных, политических, экономических и других. Однако чем больше аспектов затрагивалось, тем более сложный, конфликтный, противоречивый и запутанный характер принимало само решение. Преодоление неизбежного расхождения мнений, порожденного несовпадающим, порой антагонистическим характером общественных отношений, стоящих за приводимыми доказательствами, обычно достигалось либо прямым игнорированием фактов и социальных эффектов, опровергающих противоположный тезис, либо таким манипулированием доводами «с одной стороны» и с «другой стороны», которое оправдывало невозможность устранения смертной казни.

Критика первого приема не требует особого труда. Односторонность и недостаточность изложенных аргументов в этом случае обычно очевидны.

Специального рассмотрения заслуживает второй способ доказывания, внешне импонирующий своей полнотой и разносторонностью, но на деле, как правило, «грешащий» несопоставимостью приводимых доводов. К преодолению этого главного его недостатка с позиций системного подхода мы и хотели бы сейчас перейти, привлекая для доказательства выдвигаемых положений некоторые данные научной психологии.

Обращение к психологическому анализу проблемы закономерно. Именно эта наука вскрывает движущие силы и механизмы человеческого поведения и, следовательно, позволяет оценить научную обоснованность и обеспеченность тех или иных правовых рекомендаций, прогнозировать типичные психологические и социальные результаты их реализации, учитывать личностные механизмы и их влияние на регулирование поведения человека.

Необходимость использования системного подхода продиктована большой сложностью, изначальной комплексностью и междисциплинарностью проблемы смертной казни, предполагающей учет и логическое увязывание многих конфликтных сторон действительности, изучаемых разными науками. Решение такой проблемы возможно только в том единственном случае, если рассматриваемые явления, факты, отношения, зависимости, аргументы «с одной» и «с другой» стороны являются в принципе сопоставимыми, однородными по какому-либо существенному качеству, имеют единый базис, универсальный эталон для сравнения. Поэтому для методологической «чистоты» и успешности проводимого анализа проблемы надо прежде всего установить общую меру рассматриваемых отношений, вещей, выделяемых сторон действительности, найти системообразующее их основание.

Исходя из данных психологии, социологии и аксиологии, таким содержательным научным основанием и такой мерой могут служить только ценности, ценностные отношения людей к различным явлениям, сторонам, аспектам бытия, в том числе и друг к другу, пронизывающие и структурирующие как объективный социальный, так и субъективный психологический мир человека. Каждая историческая конкретная общественная форма или социальная группа характеризуется специфической иерархией ценностей, система которых выступает в качестве наиболее

высокого уровня социальной регуляции. Индивидуальные ценности субъекта социальных отношений суть производное ценностей общества. Лишь пристрастно усвоенная и в известной мере преобразованная человеком иерархия общественных ценностей становится подлинным личностным регулятором человеческого поведения.

Решающая роль в этом процессе, определяющая формирование социально зрелой личности, принадлежит усвоению нравственных принципов, формирующих внутренние критерии оценки всех сфер и отношений бытия. Принципы морали имеют социально-всеобщее значение. Они поддерживают и санкционируют определенные общественные устои, строй жизни и формы общения, устанавливают необходимость и направление их изменений, одобряют или отвергают определенные способы реализации социальных отношений. В силу своей обобщенности, глубинности и всеобщности моральные принципы отражают наиболее сущностные потребности человека, не выводимые друг из друга и невзаимозаменимые. Именно поэтому они относятся к высшим духовным, внеситуативным регуляторам человеческого поведения, передающим индивидуальному сознанию основные ценности человеческого рода, условия его выживания и прогресса.

В свете сказанного подлинные цели правовой политики и используемые для их достижения правовые средства должны находиться в согласии с моралью общества, укреплять его основные ценности, не противоречить нравственным нормам. Только в этом случае правосознание индивида не будет конфликтным, а регулирующий эффект правовой нормы предопределяется ее нравственным основанием. Именно этими критериями, учитывающими перспективу взаимодействия морали и права, а не только сиюминутными соображениями целесообразности, по-видимому, должен руководствоваться законодатель при осуществлении правовых реформ.

Сейчас наступило время таких реформ. Проводимая в нашей стране социальная революция, потребовавшая перестройки политической и правовой систем общества, наиболее ярко воплотила в жизнь тезис социализма об абсолютной социальной ценности Человека, сделала отношение к Человеку мерилом всех остальных отношений и ценностей. Именно ради него и для него осуществляется

перестройка, именно ему «здесь и сейчас», а не только в исторической перспективе предназначены ее плоды. Именно провозглашение реальной жизни конкретного человека, нашего современника высшей моральной ценностью, главным смыслом государственной политики и означает переход к новому мышлению, опирающемуся на общечеловеческие ценности. В связи с этим именно человека с его неотъемлемым атрибутом — человеческой жизнью — следует считать тем универсальным и абсолютным ценностным эталоном, который необходим для научного анализа проблемы. Аналогичный подход при объяснении сущности, назначения и закономерностей формирования человеческой личности развит в современной психологии Б. С. Братусем [1].

Признание абсолютной ценности человека, отношение к нему как к универсальной системообразующей «единице» психологического анализа с очевидной неизбежностью приводит к выводу, что с позиций общечеловеческой и укрепляющейся сейчас в нашей стране перестроечной общественной морали смертная казнь в новом уголовном праве должна быть фактически упразднена или максимально ограничена, редуцирована. В противном случае возникает явная коллизия между официальным государственным курсом, наступившей гуманизацией политики и морали и чрезмерной жестокостью ныне существующего уголовного права.

Рассмотрим более подробно научные основания такого решения, перейдя от этических аргументов к психологическим, основанным на анализе общего предмета этих пограничных наук — нравственного сознания личности.

Как верно отмечает Б. С. Братусь, вся история человечества неопровержимо свидетельствует, что к человеку, к человеческой жизни можно подходить с двух принципиально различных точек зрения. Одна из них подразумевает рассмотрение человека как равносущного человеческому роду, как самоценности и самоцели исторического развития. Другая точка зрения исходит из понимания человека как средства достижения социальных целей, как вещи «пусть даже особой и уникальной, но вещи среди других вещей» [2]. Именно этот «вещный» подход к человеку

---

[1] См.: Братусь Б. С. Аномалии личности. М., 1988.
[2] Братусь Б. С. Цит. соч., с. 29.

типичен для морали и нравственного сознания субъектов прежних общественно-экономических формаций: рабовладения (когда человека можно было уничтожить как вещь), феодализма (когда человека можно было продать как вещь), капитализма (когда товаром становились главные сущностные силы человека). В контексте этой ретроспективы сохранение в обществе смертной казни есть исторический «атавизм» вещного отношения к человеку, а ее безусловное оправдание — типичный пережиток отсталой, неразвитой, негуманной морали. Вот почему сохранение, а тем более апология смертной казни оказывает на общественное сознание деморализующее влияние. Воспитание в вещной традиции, в том числе и законодательством, допускающим смертную казнь в «рекордном» числе уголовных статей, с неизбежностью приводит к угнетению человеческого в человеке, влечет за собой его социальную изолированность, разрывает отношения, уравнивающие, соединяющие людей, то есть те, которые названы К. Марксом «истинной общественной связью людей» [1]. По мнению К. Маркса, «уничтожение этой изолированности и даже частичная реакция, восстание против нее, являются настолько же более бесконечными, насколько человек более бесконечен, чем гражданин государства, и насколько человеческая жизнь более бесконечна, чем политическая жизнь» [2].

Выполнение этого условия — важнейшая предпосылка гармоничного личностного развития, так как «... первейшее из первых условий жизни человека — это другой человек. Отношение к другому человеку, к людям составляет основную ткань человеческой жизни, ее сердцевину» [3]. Оно является источником развития не только окружающих человека людей, но и его самого, определяет развитие его самосознания. Согласно классической формулировке К. Маркса «человек сначала смотрится, как в зеркало, в другого человека. Лишь отнесясь к человеку Павлу как к себе подобному, человек Петр начинает относиться к самому себе как к человеку. Вместе с тем и Павел как

---

1 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42, с. 23.
2 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1, с. 447.
3 Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. М., 1957, с. 262.

таковой, во всей его павловской телесности, становится для него формой проявления рода «человек» [1].

Осуществление и рефлексия подобных отношений закладывают основы нравственного сознания личности, передающего индивиду через нравственные чувства и понятия родовые человеческие ценности, ответственное отношение к себе, миру, другим людям. Созревание же нравственного сознания обеспечивает человеку подлинную свободу воли, по выражению Т. Ф. Михайлова, «способность изменять обстоятельства в соответствии с идеально представляемой целью» [2]. Оно является тем внутренним личностным регулятором и психологическим механизмом, который позволяет человеку подняться над обстоятельствами, ситуацией, а не только их познать и следовать им. В связи с этим уровень нравственного сознания индивида во многом определяет меру его личностной ответственности, в том числе и юридической.

Столь важное значение сознательного усвоения нравственных норм и категорий в регуляции законопослушного поведения людей связано с тем, что степень приобщенности к родовой человеческой сущности определяется «не количеством, объемом усвоенных общественных отношений, а прежде всего выбором и осуществлением главного, системообразующего отношения — отношения к людям и к каждому отдельному человеку» [2]. Лишь при опоре на нравственное отношение к человеку, при его безусловном принятии как абсолютной самоценности «безотносительно к какому бы то ни было заранее установленному масштабу» [3] возможна подлинно свободная, творческая целенаправленная надситуативная активность. Сохраняя институт смертной казни, уголовное право с неизбежностью, вступает в конфликт с нравственностью, перечеркивая абсолютную самоценность жизни.

Смертная казнь в принципе противна человеческой природе, социальной сущности человека именно потому, что она, оправдывая целесообразностью лишение государством человека жизни, в итоге ожесточает нравы человеческого сообщества, деформирует сознание его чле-

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23, с. 62.
[2] См.: Братусь Б. С. Аномалии личности. М., 1988, с. 35, с. 30.
[3] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46, ч. 1 с. 476.

нов, в какие бы словесные одежды эта акция ни рядилась. Оглядываясь в далекую и близкую историю, можно утверждать: чем выше моральный уровень развития общества, чем полнее в общественной морали учитываются и воплощаются общечеловеческие ценности, тем терпимее и милосерднее это общество к своим членам, государство — к своим гражданам, тем реже проецируется общая социальная вина, связанная с несовершенством общественного функционирования, в личную ответственность субъектов права. И тем меньше в уголовном праве санкций, предусматривающих смертную казнь. Короче, чем моральнее закон, тем он милосерднее и справедливее к своим гражданам. Падение общественных нравов с забвением самоценности и самоцельности человека, как правило, сопровождается ростом освященных законом поводов для смертной казни. Законодательство в годы застоя — наглядный тому пример. Очевидное всем падение общественных нравов в то время сопровождалось столь же быстрым, сколь и безуспешным в борьбе с преступностью расширением числа статей, предусматривающих смертную казнь. Несостоятельность такой уголовной политики сейчас уже не подлежит сомнению. Она еще раз подтверждает тезис о социальной природе преступности, доказывает, что лечить «язвы» общества, предупреждать асоциальные эксцессы, санкционированные деформациями общественной морали, только правовыми средствами невозможно, неэффективно. Поэтому простым ужесточением карательных мер, в частности введением или расширением смертной казни в уголовном праве, проблема искоренения преступности (а это один из самых частых аргументов сторонников смертной казни) не решается.

Чтобы понять, в силу каких психологических причин и закономерностей это происходит, попытаемся рассмотреть реально достигаемый психологический эффект смертной казни по отношению к официально провозглашенным целям уголовного наказания.

Как известно, наказание не только является карой за совершенное преступление, но и имеет целью исправление и перевоспитание осужденных, предупреждение совершения новых преступлений как самим осужденным, так и другими лицами.

Уже перечисление целей наказания свидетельствует,

что часть их, например, перевоспитание, в принципе недостижима. Смертная казнь не соответствует и цели частного предупреждения, рассчитанного на психологический эффект воздействия кары на самого субъекта преступления, так как в результате этого воздействия устраняется сам субъект. В этом случае ни с чем не сравнимые муки одиночного заключения в ожидании исполнения приговора приобретают значение бессмысленной дополнительной жестокости, а огромная продуктивная внутриличностная работа переживания, в ряде случаев несомненно ведущая к перерождению личности преступника в ситуации тяжелого кризиса предстоящего позорного ухода из жизни, насильственно и бесцельно обрывается. С этого момента эстафета страданий передается родным и близким казненного, чтобы для них уже не кончиться никогда. Эта перманентная душевная травма, способная искалечить психику и личность взрослых, для детей и подростков разрушительна фатально. «Шлейф» искалеченных судеб и «без вины виноватых» страдальцев — отличительный атрибут высшей меры наказания.

Но может быть карательный эффект смертной казни дает особый результат как средство общего предупреждения преступлений? Неумолимая статистика дает отрицательный ответ: введение смертной казни еще никогда и нигде не приводило к снижению как преступности в целом, так и тех видов преступлений, в отношении которых она должна была бы играть специальную предупредительную роль. Напротив, публикации последних лет показывают, что некоторые виды преступных деяний стали не только более частыми, но и еще более изощренными, жестокими, организованными. Так, на введение смертной казни за преступления против социалистической собственности, взяточничество преступный мир «ответил» сращиванием с правоохранительной и, государственной властью («мафия»)[1], то есть принял меры к нейтрализации возросшей цены риска. Изменился ли фактически сам риск разоблачения и, следовательно, предупредительный эффект смертной казни в пресловутые годы застоя? Думается, что нет! Для высокоорганизованной, могущественной, разветвленной, хорошо законспирированной мафии, бросающей

[1] Радов А. Шайка, банда, «система». — Огонек, 1988, № 48, с. 6, 25.

вызов самим устоям социализма (например, «узбекское дело»), использующей нанятых юристов-профессионалов для разработки стратегии преступной деятельности с учетом имеющихся лазеек в законодательстве, скорее снизился. Подтвердился старый юридический трюизм, что главную предупредительную роль играет не жестокость, а неотвратимость наказания. Пока законодательство оставляет лазейки для «умелых», юридически хорошо осведомленных и организованных преступников, пока для них есть объективно высокие шансы избежать наказания или повлиять на судебное решение, смертные приговоры будут выноситься не самым опасным преступникам. «Козлами отпущения», принесенными в жертву так называемому общественному мнению, могут стать слабые, неполноценные личности, а то и просто подставные лица, преступно выбранные шкурной юридической карьерой для имитации действенности закона (ярким примером может быть «витебское дело»). В таких условиях надежно гарантировать социальную справедливость может только полная отмена либо резкое сокращение смертной казни. Высшая мера наказания — необратимое правовое воздействие. При несовершенстве правовой системы в целом иметь эту меру для общества нравственно разорительно. Посмертная реабилитация невинно осужденных на смертную казнь — необходимая правовая и нравственная мера, но она никогда не возместит морального ущерба, принесенного сознательным хладнокровным умерщвлением именем государства ошибочно осужденного невиновного человека.

Итак, как мера общего предупреждения преступности смертная казнь, во-первых, объективно неэффективна, во-вторых, чревата высоким риском необратимых юридических ошибок или несправедливых судебных решений, чем отрицательно влияет на правосознание граждан, подрывая, с одной стороны, их доверие к закону, а с другой — закрепляя в правовом и нравственном сознании отсталые моральные нормы, обычаи, верования (например, восходящий еще к родовому сознанию древний принцип талиона, предписывающий смертью платить за смерть), то есть снижая в целом уровень правовой и нравственной культуры населения.

Есть и еще один аспект оценки смертной казни как меры общего предупреждения преступности: насколько

нравственно воспитывать «в духе честного отношения к труду, точного исполнения законов и уважения к правилам социалистического общежития» одних на примере лишения жизни других? Попытка подойти к рассмотрению этого вопроса с позиции соотношения цели и средства немедленно высвечивает неблагополучие и по этому критерию. Может ли предупредительный и необходимый воспитательный эффект в принципе быть достигнут страхом? Насколько стоек он? Имеет ли существенные преимущества в правовом регулировании поведения перед более мягкими юридическими санкциями, не связанными с угрозой жизни? Исходя из данных психологической науки на все три вопроса придется ответить отрицательно. Чисто биологический страх, порождаемый угрозой лишения жизни, является проявлением безусловного рефлекса и вообще не относится к личностым регуляторам. Он действует по схеме: «устрашающий стимул — реакция», то есть на инстинктивном уровне при прямой и непосредственной угрозе жизни и лишь до тех пор, пока существует реальный стимул. Для формирования прочного обусловливания требуется собственный негативный опыт. Такой опыт приобретает, например, цирковой гимнаст, сорвавшись со снаряда и получив травму, у которого в соответствующей ситуации повторения трюка страх затем возникает непроизвольно. Понятно, что в отношении правовой угрозы смертной казнью такой чувственный опыт сформирован быть не может.

А как обстоит дело с действием страха на личностном уровне, насколько эффективен устрашающий пример приведения приговора о высшей мере наказания в исполнение для других граждан? Психологическая теория и социальная практика дают на этот вопрос однозначный ответ: такой пример малоэффективен. Связано это с тем, что для обыденного сознания страх смертной казни в отдаленной, потенциальной перспективе является обычно лишь «знаемым мотивом», то есть лишенным реальной смыслообразующей и побудительной силы. Во многом это определено тем, что здоровый, социально достаточно приспособленный человек, как правило, психологически хорошо защищен от сознания своей смертности, возможности преждевременного рокового исхода. Красноречивый пример — неизменный провал борьбы с вредными привычками, в частности,

с курением, путем запугивания населения. И хотя при этом приводятся неопровержимые научные факты о резком возрастании у курящих заболеваемости раком легких, сердечно-сосудистой патологии и на каждой пачке сигарет запечатлены предупреждения Минздрава о вреде курения, эффект такого устрашения минимален. Каждый искренне верит, что именно он не попадет в роковую статистику. Многие вообще не задумываются о последствиях или активно отбрасывают дискомфортную мысль о неблагоприятном исходе, успокаивая себя низкой вероятностью события, применением мер предосторожности. Иными словами, психологическая защита личности, не пропуская негативную информацию в сознание, «нейтрализует» страх, исходящий от потенциально угрожающего стимула даже при достаточной вероятности его реализации. Поэтому роль эффективного ситуационного регулятора страх приобретает только при исключительной жестокости, а главное — тотальности и неотвратимости карательных санкций.

Однако «плата» общества за такой тотальный перманентный страх сейчас хорошо известна: это всеобщий конформизм, нивелировка, деформация, а в некоторых случаях и разрушение личностей, извращение системы ценностных ориентаций, социальная пассивность и апатия индивидов, падение (вплоть до «одичания») нравов, снижение или утрата чувства личной ответственности и, как следствие, социальный застой и деградация человеческих отношений, ущербность духовной жизни общества. На этом фоне страх смертной казни может явиться причиной совершения более тяжких деяний, чтобы скрыть менее тяжкие преступления, предусматривающие смертную казнь. Возникают условия для эскалации социального зла.

Таким образом, применение смертной казни как устрашающей меры для предупреждения преступлений среди населения в силу психологических закономерностей ее восприятия индивидуальным обыденным сознанием малоэффективно. Реальный регулирующий эффект устрашения смертной казнью возникает в тех социальных условиях, плата общества за которые чрезмерно высока, так как сопровождается нравственной деградацией и в конечном итоге отчуждением субъектов права от государства, что расшатывает его основы.

В психологическом плане правовые меры борьбы с пре-

ступностью должны не столько устрашать, сколько неотвратимо лишать преступную деятельность личностного смысла, то есть всего того, ради чего преступление совершалось: денег, возможности их сохранить и «отмыть», использовать, передать другим лицам, а также достижения власти, почестей, социального положения и прочего.

Итак, как средство правового регулирования поведения людей смертная казнь малоэффективна и не пригодна для достижения целей наказания. Вместе с тем вне чрезвычайных обстоятельств, отчасти оправдывающих ее как временную меру, она сопряжена с рядом отрицательных влияний на общественное сознание, издержки которых порой превышают ожидаемый положительный результат. «Плата за страх» слишком дорогая, разорительная плата для общества. И если общество по уровню своего морального, экономического и политического развития не может в данный исторический период от нее освободиться полностью, то уже сейчас, при осуществлении правовой реформы в соответствии с духом идущей в стране перестройки общественной системы оно должно, обязано для своего же блага предельно ограничить сферу ее применения.

Во-первых, должно быть максимально сокращено число статей, санкции которых предусматривают высшую меру наказания. Исходя из общей перестроечной установки на всемерную гуманизацию социальных отношений и в соответствии с прогрессивными этическими концепциями и психологическими закономерностями, смертная казнь обязательно должно быть изъята из статей, предусматривающих ответственность за преступления экономического характера. Именно в них человеческая жизнь невольно получает меновую стоимость и измеряется величиной причиненного экономического ущерба, что морально недопустимо.

Во-вторых, должны быть предельно сужены обстоятельства, позволяющие ставить вопрос о применении высшей меры наказания. К таким обстоятельствам, в частности, может быть отнесено убийство «на почве кровной мести» или «на почве пережитков прошлого». В настоящее время в связи с успехами культурного развития и существенными

позитивными переменами массового национального сознания эти обстоятельства потеряли прежнее политическое и правовое значение.

В-третьих, необходимо введение новых правовых институтов, позволяющих на основе привлечения смежных с юриспруденцией областей знания, в частности верифицированных данных судебно-психиатрической и судебно-психологической экспертных наук, надежно и дифференцированно оценивать меру ответственности субъекта преступления. Таким институтом в законодательстве многих стран является институт «ограниченной» или «уменьшенной» вменяемости, научная обоснованность и преимущества которого доказаны и в советской юридической науке[1]. Констатация судом «ограниченной вменяемости» в соответствии с данными, установленными экспертами, должна, как это имеет место в ряде зарубежных стран (ГДР, ЧССР, ВНР и др.), исключать применение смертной казни, но обязательно предусматривать лечение и психокоррекцию в специально предназначенных для этого местах лишения свободы. К категории лиц «ограниченно вменяемых» должны быть отнесены при определенных условиях субъекты преступления с психическими аномалиями различной природы (алкогольной, психопатической, органической, олигофренической и пр.), глубина личностных и интеллектуальных нарушений у которых не лишает их принципиальной возможности в целом отдавать себе отчет в своих действиях или руководить ими, но в то же время существенно ограничивает, лимитирует у них свободное волеизъявление и рефлексию. Именно эти лица в силу ряда болезненных особенностей своей психики склонны к легкой генерализации агрессии, застревают на обидах, ограничены в средствах продуктивного выхода из конфликтных и затруднительных ситуаций, то есть обладают рядом черт, которые вне целостного психопатологического контекста пограничных расстройств могут быть оценены как отягчающие ответственность обстоятельства. С учетом «ограниченной вменяемости» эти проявления в соответствии с их

[1] Антонян Ю. М., Бородин С. В. Преступность и психические аномалии. М., 1987, с. 124—150.

истинной природой должны быть квалифицированы по-иному: преимущественно в плоскости психопатологии и патопсихологии, что должно влечь и иные юридические последствия.

Введение в уголовное право категории «ограниченной вменяемости» имеет и ряд других достоинств. Оно позволит суду с помощью эксперта-психолога и эксперта-психиатра максимально полно выяснить имеющие значение для дела субъективные обстоятельства: учесть особенности социализации и характер развития личности преступника, рассмотреть специфику этапов ее становления и возникшие деформации, оценить вклад в аномальный модус личностного и психического функционирования врожденной или приобретенной биологической патологии и социального неблагополучия. На основании соотнесения личностных и интеллектуальных возможностей субъекта преступления, динамического состояния его личности и психики с требованиями актуальной ситуации, внешними и внутренними обстоятельствами совершения преступных действий может быть сделан вывод об уровне регуляции криминального поведения, степени его произвольности и осознанности, а, следовательно, и о мере ответственности. При наличии психолого-психиатрических и юридических признаков ее существенного ограничения смертная казнь как мера наказания субъекту преступления вынесена быть не может.

Таким образом, данные психологической науки свидетельствуют, что на пути ужесточения законодательства цели предупреждения преступности и воспитания граждан в духе уважения к закону достигнуты быть не могут. Чрезмерная жестокость закона неизбежно приводит к таким сопутствующим моральным издержкам и психологическим просчетам, которые нарушают оптимальное функционирование личности, расшатывают основы нравственных отношений между людьми, отчуждая их друг от друга и от государства, атрофируя в них чувство милосердия и сострадания.

В лучшем случае такое положение порождает защитную отгороженность и пассивную покорность, в худшем — бессмысленное озлобление или тупое безразличие. Законопослушное поведение при этом во многом утрачивает свой

подлинный нравственный смысл — перестает быть активным сознательным утверждением добра и отрицанием зла. На деле оно нередко низводится до «социальной мимикрии», уровня бездумного боязливого конформизма, омертвляющего общественную жизнь, препятствующего пробуждению нравственного сознания масс, их моральному возрождению. Выходу из затянувшегося социального анабиоза, порожденного страхом, могут способствовать гуманные законы, гарантирующие, в частности, и неприкосновенность человеческой жизни. А пока абсолютная самоценность этой жизни не возведена в правовой принцип .., не спрашивай, по ком звонит колокол.

Н. С. АЛЕКСЕЕВ,
доктор юридических наук,
профессор

Приговоры по делам о преступлениях против человечества
(Нюрнбергский и Токийский процессы)

Наиболее тяжкими, огромными по масштабам, продолжительности по времени и количеству жертв были злодеяния германских нацистов и империалистов Японии, совершенные в период второй мировой войны. «Мир содрогнется от ужаса перед открывшейся ему картиной: это была бесконечная вереница самых страшных преступлений против человечества», — писал Н. Тихонов. Проводя политику захвата чужих земель и порабощения других народов, нацисты и японские империалисты истребляли людей, принадлежавших к другой расе, уничтожали их государственную самостоятельность, попирали все моральные и правовые нормы международного общения. Все эти злодеяния заранее планировались высшими кругами государственного руководства этих стран.

Практически геноцид и террор в фашистском рейхе проводили: во-первых, обыкновенные суды (ландесгерихты и оберландесгерихты) и, во-вторых, различного рода специальные суды, в том числе действующие на временно оккупированной вермахтом территории. Но основной машиной уничтожения были внесудебные карательные органы: гестапо, полиция безопасности и служба безопасности. До 1936 года в названных судах состоялось 5425 судебных процессов и было вынесено 110 смертных приговоров. В первую неделю после захвата власти нацистами, декретом от 21 марта 1933 г. в нарушение ст. 105 Веймарской Конституции при каждом оберландесгерихте были созданы специальные военные суды, состоявшие из трех судей, и их юрисдикция стремительно расширялась. По приговорам военных судов с 1 сентября 1939 года по 30 ноября 1944 года было казнено 9413 солдат и офицеров верхмахта.

Специальные суды для проведения беспощадного террора и широкого применения смертной казни вводились на временно оккупированных вермахтом территориях. Так, 4 декабря 1941 года вступил в силу разработанный нацистским юристом Шлегельбергером декрет «О судопроизводстве по делам поляков и евреев на присоединенных восточных территориях». В нем, в частности в ст. II, говорилось, что наказание может быть применено к полякам и евреям не только в случае совершения ими деяний, предусмотренных германским уголовным правом, но и тогда, когда они заслуживают наказания, исходя из основных принципов германского уголовного права, учитывая интересы рейха на присоединенных восточных территориях. Далее, в ст. III устанавливалось, что «в тех случаях, когда закон не предусматривает смертной казни, она может и будет применяться, если совершенное преступление представляется особенно тяжким по иным причинам; смертная казнь может выноситься также несовершеннолетним правонарушителям».

24 апреля 1934 года в фашистской Германии была образована Народная судебная палата, заменившая Верховный суд по рассмотрению большинства дел о «государственной измене». В Палате было 6 отделений с 40 профессиональными судьями, в качестве заседателей им помогали 40 офицеров верхмахта, 32 сотрудника СС, СА, «Гитлерюгенда» и других верных Гитлеру организаций.

Во время войны каждый второй обвиняемый осуждался к смертной казни. Например, техник А. Фролковский был осужден к смерти за то, что сказал: «Солдаты не хотят воевать, нас ждет новый 1918 год», а торговец К. Грабе — за то, что высказал сомнение в том, что Германия выиграет войну. Лишь одна Народная судебная палата, руководимая Фрейслером, послала на смерть 5214 человек.

Каждая секция этой Палаты состояла из пяти судей — двух профессиональных судей и трех доверенных лиц нацистского партийного руководства и командования СС. Этот чрезвычайный суд, выносивший главным образом приговоры к смертной казни, не подчинялся никаким

правилам судопроизводства. Именно этот «суд» приговорил к смертной казни пламенного патриота Чехословакии коммуниста Юлиуса Фучика, бывшего депутата рейхстага коммуниста Роберта Штамма, редактора социал-демократической газеты Юлиуса Лебера, профсоюзного деятеля Вильгельма Лейшнера, Еву Бух и других участников Сопротивления, Шульце-Бойзен, Харнака, участников христианских организаций, выступавших против Гитлера, и многих других.

Многочисленные смертные приговоры, выносимые нацистскими судами, приводились в исполнение в основном в тюрьме Бранденбурга, где рядом с гаражом было оборудовано помещение с гильотиной, и при доставлении в него осужденного на стене зажигалась красная надпись о том, что просьба о помиловании отклонена. Множество смертных приговоров исполнялось и в берлинской тюрьме Плотцензее. С изданием гитлеровского закона от 23 марта 1933 г. смертная казнь осуществлялась не только гильотинированием, но и путем повешения. Только в ночь с 7 на 8 сентября 1943 года, с 19.30 часов до 8.30 часов утра были повешены группами по 8 человек 186 осужденных. 22 декабря 1942 г. в Плотцензее были повешены 11 членов группы «Красная капелла», и среди них одна женщина. Осужденных в Плотцензее содержали в подвале, в наручниках, и чиновник приводил их для казни. Помещение для казни было разделено поперек черным занавесом, задергивавшимся при ее совершении, но иногда и не скрывавшим происходящего от ожидавшего своей очереди другого заключенного. По доставлении осужденного прокурор объявлял: «Обвиняемый! Вы приговорены Народной судебной палатой к смертной казни через повешение и сейчас палач исполнит свою обязанность». При казни присутствовал адвокат осужденного (в соответствии со ст. 454 п. 3 Уголовно-процессуального кодекса), который был обязан не разглашать ход экзекуции. Тела казненных родственникам не выдавались. Но тюремная администрация нередко направляла им счет на оплату расходов по исполнению казни. При совершении казни участников

заговора 20 июля 1944 г. по распоряжению Гитлера производилась киносъемка [1].

В Третьем рейхе были и такие «специальные суды», которые осуществляли террор и уничтожение людей как внутри рейха, так и за его пределами. Таким судом был, например, «суд» из Катовиц, под председательством оберрегирунгсрата Милднера, приезжавший два раза в месяц в концентрационный лагерь Освенцим. Он предназначался для разбора дел о политических и уголовных преступлениях и заседал в самом лагере. Политическими преступлениями считались: слушание заграничных радиопередач, распространение слухов о положении на фронте и т. п. Подсудимые приводились к признанию «вины» изощренными пытками. За время приезда рассматривалось около 200 дел, вся процедура рассмотрения отдельного дела занимала несколько минут, после чего подсудимому объявлялось, что он «на основании расследования, за нарушение законов Германского рейха осуждается к смертной казни». Смертная казнь была единственным видом наказания и производилась тут же, у так называемой черной стены барака № 11. Обвиняемых, измученных заключением, голодом и пытками, доставляли по 60—80 человек. Председательствовавший в суде шеф полицейского управления в Катовицах штурмбаннфюрер СС оберрегирунгсрат Милднер потом наблюдал и за экзекуцией, происходившей под руководством хауптшарфюрера СС Палицша. Участвовали в этом полицейском полевом суде также начальник отделения лагеря в Освенциме гауптштурмфюрер СС Анмейер (казнен по приговору польского суда в 1947 году) и руководитель отделения гестапо в лагере унтерштурмфюрер Грабнер (осужден в 1947 году польским судом в Кракове и казнен) и Милднер, который был арестован

---

[1] Следует отметить, что признание недействительности приговоров «народной палаты» произошло в ФРГ лишь в 1985 году, то есть спустя 40 лет после окончания войны, на 118-м заседании бундестага 10-го созыва, по инициативе социал-демократической фракции, поддержанной представителями других партий.

союзниками, но в 1949 году освобожден, после чего скрылся и до сих пор не разыскан.

Когда осужденных было много и пространство у «черной стены» барака № 11 оказывалось недостаточным для экзекуции, осужденных отвозили к находившемуся в 100 метрах старому крематорию, замаскированному зелеными насаждениями и окруженному стеной. Осужденных по 40 человек вводили в переднее помещение и убивали выстрелами в затылок. При этом происходили ужасные сцены, когда прощались члены семьи, родственники и знакомые. 2-й отдел лагеря, составлявший протоколы об исполнении смертных приговоров, в целях маскировки обычно указывал вымышленную причину смерти.

Человекоистребление в нацистском рейхе осуществлялось и по отдельным специальным постановлениям. Так, 7 декабря 1941 г. по распоряжению Гитлера и Кейтеля был отдан приказ, именовавшийся «Мрак и туман», по которому лица, подозреваемые в неповиновении германским оккупационным властям, тайно вывозились, и никто не мог знать об их местонахождении. На оккупационной территории их судили лишь тогда, когда предполагалось, что будет вынесен и быстро исполнен смертный приговор. Для рассмотрения дел этой категории было создано четыре суда. Общее число жертв, уничтоженных по этому приказу, неизвестно. Но на третьем процессе, проведенном американцами над военными преступниками, было установлено, что до 1 ноября 1943 г. вермахт доставил в Германию с оккупированных территорий 5200 заключенных. В конце 1944 года все дела по приказу «Мрак и туман» были переданы для разрешения в гестапо. Главный обвинитель США на процессе над нацистскими судьями (процесс № 3) сказал: «Пожалуй, никогда в мировой истории мы не встречали более извращенной и дьявольской программы запугивания и подавления, чем этот приказ» [1].

Упомянутый приказ, предписывавший широкое приме-

---

[1] Нюрнбергский процесс. Суд над нацистскими судьями (Сборник материалов). М., 1970, с. 83.

нение смертной казни, в Третьем рейхе был далеко не единственным. В нарушение международных конвенций, запрещающих казнь военнопленных за побег из плена, нацисты широко применяли в соответствии с приказом «Пуля» («Кугель») смертную казнь и при задержании лиц, бежавших из плена.

Уже по секретному приказу Кейтеля от 13 мая 1941 г., озаглавленному «Распоряжение фюрера об особой подсудности в районе Барбароссы и особых мероприятиях войск», изымались из судов все дела о преступлениях, совершенных гражданскими лицами на оккупированной территории, и офицеру, не ниже командира батальона, предоставлялось право проводить массовые карательные мероприятия. Военнослужащие вермахта освобождались от ответственности за насилия над жителями оккупированной территории, даже если их действия содержали состав воинского преступления. Еще до начала второй мировой войны нацистскими руководителями — Гиммлером, Гейдрихом, Кейтелем и другими было подготовлено 14 различных указаний о проведении террористических мероприятий на территории, которую должен был захватить вермахт, в том числе пресловутый «приказ о комиссарах», по которому предписывалось «политических комиссаров немедленно, прямо на поле боя отделять от других военнопленных. После отделения их следует уничтожать».

Приведенные данные далеко не исчерпывают характеристики огромной машины уничтожения, созданной нацистами. По суду, с применением смертной казни уничтожалось сравнительно небольшое количество людей. Основным же средством истребления являлись многочисленные концентрационные лагеря. В памяти народов навсегда сохранятся их названия: Освенцим, Маутхаузен, Сабибор, Треблинка, Нойенгамме, Штутгоф, Ораниенбаум, Заксенхаузен и многие другие.

Как отмечали обвинители на Нюрнбергском процессе, концентрационные лагеря в фашистском рейхе не были местом, где скрытно, в тайне от закона, совершались злодеяния. «Напротив, концентрационные лагеря сами

15 Зак. 702

служили элементом права в гитлеровской интерпретации. Их создало государство как место ссылки и принудительных работ — не столько для обыкновенных уголовников, сколько для политических противников. Достаточно было административного предписания или рядовой полицейской акции — и вся судебная процедура отбрасывалась в сторону. Концентрационные лагеря были своего рода квинтэссенцией всей нацистской системы, всей человеконенавистнической идеологии»[1]. В лагерях и тюрьмах Третьего рейха содержалось 18 миллионов человек, из них 11 миллионов было уничтожено[2].

Масштабы злодеяний, их жестокость, разнообразие методов истребления людей различных наций, попрание всех международных норм вызвали возмущение во всем мире. После разгрома фашизма на основании Московской декларации от 30 октября 1943 г. в результате соглашения между СССР, США, Великобританией и Северной Ирландией и временным правительством Французской Республики был принят Устав Международного Военного Трибунала для рассмотрения дел о главных военных преступниках.

Юрисдикции Трибунала подлежали следующие преступные действия, влекущие индивидуальную ответственность:

а) преступления против мира, а именно: планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны или войн в нарушение международных договоров, соглашений или заверений или участие в общем плане или заговоре, направленных к осуществлению любого из вышеуказанных действий;

б) военные преступления, а именно: нарушение законов или обычаев войны. К этим нарушениям относятся убийство, истязание или увод в рабство или для других целей

---

[1] Мальцужиньский К. Преступники не хотят признать своей вины. 1979, с. 227—228.

[2] См.: Розанов Г. Л. Крушение фашистской Германии. М., 1973, с. 125.

гражданского населения оккупированной территории; убийство или истязание военнопленных или лиц, находящихся в море; убийство заложников; ограбление общественной или частной собственности; бессмысленное разрушение городов или деревень, разорение, не оправданное военной необходимостью, и другие преступления;

в) преступления против человечности, а именно: убийство, истребление, порабощение, ссылка и другие жестокости, совершенные в отношении гражданского населения до или во время войны, или преследования по политическим, расовым или религиозным мотивам с целью осуществления или в связи с любым преступлением, подлежащим юрисдикции Трибунала, независимо от того, являлись ли эти действия нарушением внутреннего права страны и где были совершены.

В ст. 6 Устава говорилось, что руководители, организаторы, подстрекатели и пособники, участвовавшие в составлении или осуществлении общего плана или заговора, направленного к совершению любых из указанных выше преступлений, несут ответственность за все действия, совершенные любыми лицами в целях осуществления такого плана. В Уставе было предусмотрено создание Комитета по расследованию дел и обвинению главных военных преступников, процессуальные гарантии для подсудимых, права Трибунала и порядок судебного заседания. Кроме того, был предусмотрен характер приговора и расходы. Статья 27 Устава указывала, что Трибунал имеет право приговорить виновного к смертной казни или другому наказанию, которое Трибунал признает справедливым. Кроме того, был составлен и утвержден Регламент Международного Военного Трибунала.

Историческая роль Международного Нюрнбергского Трибунала состояла в том, что он сурово покарал руководителей государства за преступления против человечества, установил принципы, ставшие составной частью международного права, обеспечил разработку организационных форм собирания доказательств, расследования и судебного

разбирательства по таким опаснейшим для человечества преступлениям.

Объем деятельности Международного Военного Трибунала был огромен. В Нюрнберге с 20 ноября 1945 года по 10 октября 1946 года за 218 рабочих дней он провел 403 открытых заседания. Стенографический протокол этих заседаний насчитывает 16 тыс. страниц. Обвинители в период процесса представили суду 2630 документов, защита — 2700. У обвиняемых было 27 адвокатов, 54 ассистента-юриста и 67 секретарей. Для размножения документов, представленных суду, защите, прессе и т. д., было израсходовано 5 миллионов листов бумаги. Специальная фотолаборатория выполнила 780 тыс. разных документов. Для записи хода процесса было израсходовано 27 километров магнитной ленты и 7 тыс. граммофонных дисков.

Приговор, вынесенный 30 сентября — 1 октября 1946 года, был, таким образом, основан на огромном доказательственном материале. По приговору, вынесенному в Нюрнберге 1 октября 1946 года, были приговорены к смертной казни: Геринг, Риббентроп, Кейтель, Кальтенбруннер, Розенберг, Франк, Фрик, Заукель, Иодль, Зейс-Инкварт и Борман. К пожизненному заключению — Гесс, Функ и Редер. К тюремному заключению на 20 лет — Бальдур фон Ширах, к тюремному заключению на 15 лет — фон Нейрат, к тюремному заключению на 10 лет — Дениц. Просьбы о помиловании 9—10 октября 1946 года были отклонены Контрольным Советом для Германии. Приговор к смертной казни был приведен в исполнение путем повешения с последующим сжиганием трупов. Однако Лей и Геринг до его исполнения покончили жизнь самоубийством, а Борман так и не был обнаружен.

Суровый приговор и применение смертной казни к 12 осужденным соответствовали тяжести их вины и отвечали правосознанию многих народов, жестоко пострадавших от гитлеровской агрессии. Особая жестокость преступлений, планирование агрессии и преступных акций по уничтожению людей и целых наций заранее, масштабы совершенных злодеяний, нахождение преступников на

высоких постах в рейхе, широкое применение репрессий к гражданским лицам, не участвовавшим в войне, разграбление имущества, как и неоднократные предупреждения союзников об ответственности за злодеяния, — все это оправдывало необходимость применения исключительного наказания в виде смертной казни. Применение этой меры явилось не местью, а заслуженным и справедливым наказанием за совершенные злодеяния [1].

После разгрома японских войск и капитуляции Японии возник вопрос об ответственности японской военщины за злодеяния, совершенные на оккупированных ею территориях, за преступления против многих народов в Азии.

Для справедливого суда и наказания главных военных преступников на Дальнем Востоке был учрежден Международный Военный Трибунал для Дальнего Востока с местопребыванием в Токио. Устав этого Трибунала был утвержден приказом Главнокомандующего союзных войск на Дальнем Востоке Макартура 19 января 1946 г.[2] Устав определял структуру Трибунала, юрисдикцию и общие условия, обеспечивающие справедливый суд над обвиняемыми. Кроме того, были утверждены правила процедуры Международного Военного Трибунала для Дальнего Востока, регламентировавшие: извещение подсудимых, представление дополнительных документов, порядок ведения процесса, допроса свидетелей, рассмотрения ходатайств, ведения протокола и т. д.

Обвинительное заключение по делу 28 главных японских военных преступников было составлено от имени США, Китайской Республики, Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии, Союза Советских Социалистических Республик, Австралии, Канады, Французской Республики, Королевства Нидерланды, Новой Зеландии,

---

[1] См. подробнее: Нюрнбергский процесс. Сборник материалов в 8-ми томах. Том I. М., 1987. Алексеев Н. С. Злодеяния и возмездие. Преступления против человечества. М., 1986.

[2] См.: Документы и материалы по вопросам борьбы с военными преступниками и поджигателями войны/Сост. П. С. Ромашкин. М., 1949, с. 264 и сл.

Индии и Филиппин. Оно содержало 53 пункта, сгруппированных в трех главах [1].

Первая глава содержала обвинение в преступлениях против мира в соответствии со ст. 5 Устава Международного Военного Трибунала для Дальнего Востока. Пункт «а» этой главы предусматривал следующие преступления: планирование, подготовка, развязывание или ведение объявленной или необъявленной агрессивной войны или войны, нарушающей международное право, договоры, соглашения или обязательства, или же участие в совместном плане или заговоре в целях осуществления любого из упомянутых выше действий. Пункт «б» устанавливал ответственность за преступления против правил и обычаев войны.

Вторая глава определяла ответственность за убийства, заговоры и покушения на убийство, являющиеся действиями, за которые перечисленные лица, каждый из них в отдельности несут персональную ответственность. Эти действия являются одновременно и преступлениями против мира, против законов войны и преступлениями против человечности, а также нарушением всех параграфов статьи 5 упомянутого Устава, международного права и внутренних законов всех или одной и более стран, где эти преступления совершались (включая Японию).

Третья глава содержала обвинения в преступлениях против обычаев войны и преступлениях против человечности, являющихся актами, за которые названные лица и каждый из них в отдельности несут персональную ответственность согласно ст. 5 Устава Международного Военного Трибунала для Дальнего Востока и согласно международному праву или одному из них. В частности,

---

[1] Например, п. 45 гласил: «Обвиняемые Араки, Хасимато, Хата, Хиранума, Хирота, Итагаки, Кал, Кидо, Мацуи, Муто, Судзуки и Умедзу 12 декабря 1939 года и в последующие дни посредством незаконных приказов, попустительства и разрешения вооруженным силам Японии напасть на город Нанкин, в нарушение договорных статей, перечисленных в пункте 2 данного документа, и путем организации массовых убийств его жителей и нарушения международного права незаконно убили тысячи лиц гражданского населения и разоруженных солдат Китайской Республики, имена и численность которых в настоящее время неизвестны».

пп. «б» и «е» ст. 5 предусматривали ответственность за такие преступления против законов ведения войны и против человечности, как убийства, истребление, порабощение, а также другие бесчеловечные акты, совершенные как по политическим, так и расовым мотивам, которые были произведены во время совершения любого преступления или в связи с ним, независимо от того, нарушало ли такое действие внутренние законы той страны, где оно совершалось [1].

Во всех пунктах обвинительного заключения были детализированы как сами многочисленные акты преступных деяний, так и формы конкретного участия в них отдельных обвиняемых. Все обвиняемые занимали самые высокие посты в правительстве и командовании вооруженными силами. Преступления были заранее запланированы в целях осуществления бредовой идеи империалистической военщины: обеспечить господство империалистической Японии, нацистской Германии и фашистской Италии над миром. Осуществление агрессии сопровождалось неслыханными жестокостями, полным попранием принципов свободы и уважения человеческой личности, разорением экономики, уничтожением культурных ценностей. Как подчеркнул на процессе обвинитель от СССР А. Н. Васильев, необходимо учитывать, «что главные японские военные преступники вершили свои преступления вместе со своими сообщниками из гитлеровской клики и что империалистическая Япония должна разделить ответственность гитлеровской Германии за все совершенные ею злодеяния.

Миллионы погибших на полях сражений и замученных в фашистских застенках; миллионы женщин, детей и стариков, истребленных в мирных городах и селах, подвергшихся захвату, многомиллионные убытки, понесенные народами всего мира в результате огромных разрушений, вызванных агрессивной войной; гибель колоссальных культурных и исторических ценностей, варварски уничтожен-

[1] Документы и материалы по вопросам борьбы с военными преступлениями и поджигателями войны. М., 1949, с. 265, 276, 286, 291.

ных, — таков счет, предъявляемый человечеством к империалистической Японии в сообщничестве с гитлеровской Германией»[1].

12 ноября 1948 г. Международный Военный Трибунал в Токио огласил приговор главным японским военным преступникам. К смертной казни через повешение были приговорены Коки Хироти, Сейсиро Итагаки, Хейтиро Китура, Иване Мацуи, Якиро Муто, Хидеки Тодзио, Кенузи Доихара. К пожизненному заключению были приговорены: Наоки Хосино, Садао Араки, Коици Кидо, Кунлаки Койго, Дзиро Минами, Такаумо Оки, Хироси Осита, Кеирио Сато, Сигетыро Симада, Тейици Судзуки, Тосио Сиратору, Иосидзиро Умедзу, Оконори Кайя, Сюнропу Хата, Киициро Хиранума, Кингоро Хасимото. Подсудимый Сигенори Того был приговорен к 20 годам, а подсудимый Мамору Сигемицу — к 7 годам тюремного заключения.

Двое подсудимых Осами Нигано и Иосуки Мацуока умерли во время судебного разбирательства, а подсудимый Сюмей Окава признан умалишенным, в связи с чем его дело было прекращено до его выздоровления[2].

Справедливый приговор за совершенные японской военщиной злодеяния был одобрен всей мировой общественностью. Он еще раз подтвердил неизбежность возмездия за преступное попрание положений международного права, региональных соглашений, этических основ взаимоотношений между народами. Приговор явился и суровым предупреждением для потенциальных агрессоров.

Суровое наказание высокопоставленных лиц нацистской Германии и милитаристской Японии должно служить и предотвращению возрождения человеконенавистнических «теорий». Утверждение во взаимоотношениях между людьми и народами высоких моральных принципов, предупреждение и пресечение действий по применению средств массового уничтожения, применения в войне атомного

---

[1] Документы и материалы... М., 1949, с.324.

[2] Известия, 1948, 13 нояб.

оружия сейчас является актуальнейшей задачей. Это необходимо, потому что угроза истребления всего человечества является реальной. Теперь все человечество может оказаться смертным, и от него самого зависит предупреждение самоуничтожения. Поэтому наряду с активной борьбой за мир, заключением соглашений между государствами, выработкой различных конвенций, уничтожением атомного оружия и т. п., представляется насущно необходимым установление суровой ответственности за преступления против человечества, к чему должно быть отнесено и развязывание войны с применением атомного оружия.

Первое применение атомных бомб против Хиросимы и Нагасаки осталось безнаказанным, в той конкретной обстановке не ставился вопрос об ответственности лиц, сбросивших атомные бомбы на мирное население. Тогда за считанные мгновения было уничтожено 350 тыс. японцев (то есть больше, чем США потеряли людей за все годы второй мировой войны). Причем, люди до сих пор умирают от последствий облучения. Участники этой бомбардировки пилоты Изерли и Бихем сами считали себя виновными. Брегмен накануне 40-летия со дня этой акции покончил жизнь самоубийством, а командир самолета, сбросившего бомбу на Хиросиму, Тбэтс не только не проявил раскаянья в содеянном, но заявил, что он по приказу готов и повторить бомбардировку [1].

Гуманизация отношений между народами, рост и развитие высоких нравственных начал в жизни общества позволяют в настоящее время поставить вопрос об отмене и резком ограничении такого исключительного наказания, как смертная казнь. Следует при этом учесть, что нельзя установить прямую зависимость между наличием в законодательстве некоторых стран смертной казни и уменьшением количества тяжких преступлений. Напротив, иногда наблюдается обратное явление. С 1826 года в Финляндии никто не был казнен, в Нидерландах с 1960 не применялась

---

[1] См.: Аргументы и факты, 1988, № 33, с. 8.

смертная казнь, но преступность в этих странах — самая низкая.

Однако угроза существованию человечества путем применения атомного оружия возникла сравнительно недавно, поэтому разработка самых разнообразных мер, в том числе правовых, является сейчас насущной необходимостью.

К началу нового века, видимо, целесообразно и гуманно полное устранение применения в качестве наказания смертной казни. Но при создании осуществляемого под эгидой ООН законодательства об ответственности за преступления против человечества, учитывая Нюрнбергские принципы, лежащие в основе этих разработок, следовало бы дополнить указанием на сохранение возможности применения высшей меры наказания — смертной казни за подобные злодеяния.

доктор юридических наук,
профессор
Ф. М. РЕШЕТНИКОВ

Смертная казнь в капиталистических странах
(История и современность)

У. ЗВЕКИЧ, Т. КУБО,
Научные сотрудники
Исследовательского
Института
Социальной Защиты ООН
в Риме (УНСДРИ).

Основные тенденции в исследованиях смертной казни в 1979—1986 гг.

Ф. М. РЕШЕТНИКОВ,

доктор юридических наук,
профессор

Смертная казнь в капиталистических странах
(История и современность)

В эпоху, предшествовавшую буржуазным революциям в Европе конца XVIII века, смертная казнь была во многих государствах основным способом борьбы с уголовными преступлениями самого различного характера. В ряде стран Европы и Америки на протяжении нескольких веков по приговорам трибуналов инквизиции публично сжигали на кострах или иным способом казнили сотни и тысячи еретиков и «ведьм». Нередко смертная казнь служила и главным орудием расправы после подавления революционных выступлений крестьян, ремесленников, участников национально-освободительных движений.

Господствовавшие в эту эпоху законы — например, уголовное уложение «Каролина», изданное императором Карлом V в середине XVI века, но продолжавшее действовать в ряде европейских стран чуть ли не до конца XVIII века, — предписывали, чтобы смертные приговоры приводились в исполнение по большей части особенно жестокими способами: сожжением, колесованием, четвертованием, утоплением, погребением заживо и т. п. (Ныне в теории уголовного права их принято именовать квалифицированными видами смертной казни.)

Не приходится удивляться тому, что в центре внимания философов, писателей и юристов, выступивших в эпоху буржуазного просвещения XVIII века с уничтожающей критикой произвола и жестокости феодальной системы правосудия, оказалась и проблема смертной казни, оправданности и целесообразности ее сохранения в арсенале средств уголовного наказания на будущее и, прежде всего, вопрос о том, допустимо ли вообще использовать квалифицированные виды смертной казни. Уголовно-правовые

воззрения этого круга мыслителей, наиболее рельефно представленные в трудах Монтескье, Беккариа и Вольтера, образуют самостоятельное «просветительно-гуманистическое», или «прогуманистическое» направление в истории уголовного права, существенно отличающееся от широко известной «классической» школы уголовного права, в том числе и по отношению к проблеме смертной казни [1].

Важной особенностью прогуманистического направления была тесная связь с передовой общественной мыслью своего времени, с гуманистическими идеями Просвещения XVIII века в области философии, социологии и права. Представители этого направления требовали до конца разрушить феодальное законодательство и феодальную юстицию, основанную на жестокости, несправедливости и произволе, заменив их правосудием, строящимся на принципах гуманности, равенства, добра и справедливости. Тем самым идеи прогуманистического направления в уголовном праве выступали как важная составная часть программы антифеодальной революции, которая была выдвинута Просвещением XVIII века и в конечном счете подготовила Великую французскую революцию 1789 — 1794 годов.

Сторонники этого направления потребовали в противовес феодальным законам резко сократить число деяний, влекущих за собой уголовную репрессию, и прежде всего за счет так называемых религиозных преступлений (ересь, колдовство, магия и т. п.). Они призывали запретить пытки подозреваемых в преступлениях и отменить членовредительские наказания для осужденных. Они требовали отменить смертную казнь или же свести до минимума число преступлений, за которые она может быть назначена. Со страниц произведений просветителей и гуманистов звучал страстный призыв немедленно исключить из

---

[1] См.: Герцензон А. А. Проблема законности и правосудия во французских политических учениях XVIII века. М., 1962; Решетников Ф. М. Просветительно-гуманистическое направление в уголовном праве. М., 1983.

жизни общества самые жестокие виды смертной казни, в наибольшей степени оскорбляющие чувства гуманности и справедливости.

Во взглядах ведущих представителей прогуманистического направления в уголовном праве на проблему смертной казни имелось немало различий. Это объяснялось и меняющимися историческими условиями, в которых они выступали, и особенностями идеологических и политических позиций, занимаемых каждым из них.

Основателем прогуманистического направления был выдающийся французский мыслитель XVIII века Монтескье. В его книге «О духе законов» (1748 г.) изложена гуманистическая программа преобразований в различных сферах жизни общества, в том числе и в области уголовного законодательства. Монтескье призывал к тому, чтобы законодатель руководствовался духом «умеренности», чтобы он всячески избегал излишней жестокости, чтобы наказания соответствовали природе и тяжести совершенных преступлений и при этом не выходили за «пределы необходимости». Монтескье выступал за проведение более гуманной уголовной политики, за общее смягчение уголовных наказаний. Он указал на связь уголовной политики с государственным строем, с общим характером политического режима в стране. При этом, по мнению Монтескье, чем деспотичнее государство, тем более суровы наказания; чем бо́льшими свободами пользуются граждане — тем умереннее наказания. В частности, Монтескье сравнивал уголовные законы Японии и Индии, изображая первые как воплощение жестокости, а вторые — кротости и сострадания. Об индийских законодателях он пишет, что «они установили немного наказаний и притом не очень строгих и не со всей строгостью применяемых»[1]. Нетрудно догадаться, что в данном случае Монтескье интересовали не столько действительные способы борьбы с преступностью в далеких азиатских странах, сколько возможность выска-

[1] Монтескье Ш. Избранные произведения. М., 1955, с. 361 (все последующие цитаты приводятся по этому же изданию).

зать свои взгляды на характер уголовной политики, выдав их за «индийские» порядки.

Призывая к общему смягчению карательной политики, Монтескье высказал исключительно глубокую мысль, на которую следует обратить внимание. «Вникните в причины всякой распущенности, — писал он, — и вы увидите, что она проистекает от безнаказанности преступлений, а не от слабости наказаний» (с. 233).

Однако в отличие от своих учеников и последователей, принадлежавших к основанному им прогуманистическому направлению в уголовном праве, Монтескье не выступал с требованием отмены смертной казни. Наоборот, он писал, что «это наказание извлечено из природы вещей, оно почерпнуто из разума и из самого источника добра и зла. Гражданин заслуживает смерти, если он нарушил безопасность до такой степени, что лишил кого-нибудь жизни или покушался это сделать. Смертная казнь является тут как бы лекарством для больного общества» (с. 320). Однако Монтескье поднял свой голос протеста против сожжения на костре тех, кого обвиняли в волшебстве и ереси, против смертной казни за «оскорбление величества» и другие трудно доказуемые преступления, наконец, хотя и с оговорками, он был против наказания смертной казнью за имущественные преступления.

Говоря об отношении Монтескье к смертной казни, необходимо учитывать, что сама его исходная позиция в вопросе о наказании — требование соразмерять наказание с природой преступления, требование по-разному наказывать за разные преступления — предполагала отказ от средневековых порядков, когда смертная казнь грозит почти за все преступления, и в этом смысле идеи Монтескье существенно содействовали будущим усилиям противников смертной казни.

Решающую роль в борьбе со смертной казнью как основным методом уголовной репрессии суждено было сыграть другому представителю прогуманистического направления в уголовном праве, итальянскому просветителю, юристу и публицисту Чезаре Беккариа. Его имя обессмер-

тила небольшая книга-памфлет «О преступлениях и наказаниях» (1764 г.), написанная, когда автору было всего 25 лет. Эта книга содержала блестящую по форме, математически строго аргументированную критику феодального законодательства. В ней яркими красками рисовалась убедительная картина произвола, жестокости и несправедливости тогдашнего суда, полного бесправия большинства граждан. Вместе с тем в книге излагалась развернутая программа преобразований в области уголовного права и процесса, которую предстояло реализовать в будущем.

Суждения по вопросам смертной казни, высказанные Беккариа в его книге, логически вытекают из целостной уголовно-правовой теории Беккариа, и прежде всего из общей постановки им проблемы наказания и его роли в борьбе с преступлениями. В противовес средневековым воззрениям, обосновавшим право наказания нарушениями «воли божьей» или власти монарха, Беккариа выдвинул тезис: право карать за преступления находит обоснование лишь в необходимости защищать «общее благо» от посягательств со стороны отдельных лиц. Отсюда Беккариа выводит положение о том, что наказания должны применяться лишь тогда, когда в этом имеется «абсолютная необходимость». В этой связи Беккариа указывает на бесполезность и даже вред излишне жестоких наказаний, которые превращают людей в «стадо рабов, самая запуганность которых постоянно сочетается с жестокостью» [1].

Формулируя принцип соразмерности между преступлениями и наказаниями, Беккариа приводит следующие соображения: «общая польза требует, чтобы преступления не совершались и в особенности чтобы не совершались преступления, наиболее вредные для общества» (с. 216). Беккариа считал, что следовало бы создать «точную и всеобщую лестницу преступлений и наказаний», где,

[1] Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М., 1939, с. 206 (все последующие цитаты приводятся по этому изданию).

с одной стороны, располагались бы все преступления, от высшей ступени — те, которые состоят в нарушении прав частного лица, а с другой стороны — наказания, от наиболее тяжкого до наиболее легкого. При этом Беккариа обращается к разуму и чувствам преступника, которого нельзя побуждать к совершению более тяжкого преступления. «Если, — пишет Беккариа, — за два преступления, наносящие различный вред обществу, назначено одинаковое наказание, то отсутствуют побуждения, препятствующие совершению более значительного преступления, раз оно соединено с более значительной выгодой» (с. 222).

Говоря о «лестнице наказаний», Беккариа подчеркивал, что высшую ступень в ней не должны занимать излишне жестокие наказания, так как невозможно будет сохранять соразмерность между преступлениями и наказаниями, если будет совершено крайне «вредное и ужасное преступление», а высшая ступень наказаний уже будет использована для менее тяжких преступлений. Главное же соображение Беккариа против излишне жестоких наказаний состоит в том, что «чем более жестокими становятся наказания, тем более ожесточаются души людей... и по истечении сотни лет жестоких наказаний колесование внушает не больше страха, чем прежде внушала тюрьма» (с. 310).

Выступая против жестоких наказаний, Беккариа сформулировал исключительно важный вывод о том, что «впечатление производит не столько строгость наказания, сколько его неизбежность» (с. 373). Поэтому центр тяжести уголовной репрессии Беккариа предлагает перенести с издания все более суровых законов на усиление «бдительности властей» и «неумолимость» судьи, применяющего существующие законы. «Уверенность в неизбежности хотя бы и умеренного наказания произведет всегда большее впечатление, чем страх перед другим, более жестоким, но сопровождаемым надеждой на безнаказанность» (с. 309), — эта мысль Беккариа и поныне поражает своей трезвостью и глубиной [1].

---

[1] Подробнее о его жизни и творчестве см. кн.: Решетников Ф. М. Беккариа. М., 1987.

16 Зак. 702

Обращаясь к проблеме смертной казни, которой посвящен самый большой и, вероятно, самый важный из 47 разделов его книги «О преступлениях и наказаниях», Беккариа писал, что он решил «исследовать, является ли смертная казнь действительно полезной и справедливой в хорошо устроенном правлении. Что это за право убивать себе подобных, присвоенное людьми?» (с. 314). Отвечая на этот вопрос, Беккариа, прежде всего, пишет, что смертная казнь не основана на праве, а является «войной нации с гражданином, считающей необходимым или полезным уничтожить его жизнь» (с. 315). Вслед за этим Беккариа приводит ряд аргументов в пользу отмены смертной казни.

Смертная казнь, по мнению Беккариа, была бы необходима, если сохранение жизни преступнику, даже лишенному свободы, могло бы вызвать переворот, опасный для установленного образа правления. Но «при спокойном господстве законов, при таком образе правления, который отвечает желаниям всей нации», нет необходимости «уничтожать гражданина».

Смертная казнь, продолжает развивать свою мысль Беккариа, была бы необходима, если бы смерть была «действительным и единственным средством удержать других от совершения преступления». Однако опыт веков показывает, что смертная казнь не останавливала преступников.

Как средство устрашения окружающих смертная казнь, по мнению Беккариа, уступает пожизненному рабству, ибо «ужасное, но мимолетное зрелище казни злодея» производит меньшее впечатление, чем «длительный и бедственный пример» человека, подвергнутого пожизненному рабству. Да и страх подвергнуться пожизненному рабству скорее остановит преступника, чем опасение быть казненным.

Против смертной казни, по словам Беккариа, служит и то обстоятельство, что она подает людям пример жестокости и тем самым способствует совершению новых преступлений.

Наконец, говорил Беккариа, нельзя обосновывать необходимость смертной казни и тем, что она существовала почти во все времена и почти у всех наций, поскольку «эти примеры ничего не значат перед лицом истины, которая не погашается никакой давностью». В доказательство этого он ссылается на то, что «человеческие жертвоприношения были в обычае почти у всех наций, но кто же осмелится оправдывать их?» (с. 314 — 333).

Почти через 30 лет после выхода в свет книги «О преступлениях и наказаниях» Беккариа был включен в комиссию по составлению проекта уголовного кодекса для Ломбардии, которая принадлежала в то время Австрии. В этой комиссии он вновь выступил против смертной казни, добавив еще один аргумент в пользу ее отмены: судебная ошибка при смертном приговре, в отличие от других видов наказания, не сможет быть исправлена.

Этот аргумент занял впоследствии важное место в арсенале противников смертной казни, но и без него аргументация в пользу отмены смертной казни в книге «О преступлениях и наказаниях» выглядела весьма и весьма убедительной. К тому же она была изложена с такой страстью, потрясшей современников Беккариа, что можно считать лишь чисто тактическим приемом, что Беккариа в своей книге не потребовал ее немедленной и полной отмены, а обратился к «восседающим на престолах Европы благодетельным монархам» (с. 332) с призывом прислушаться к его мнению. Вместе с тем Беккариа считал, что бывают такие обстоятельства, при которых смертная казнь является необходимостью: «когда нация возвращает или теряет свою свободу или во время анархии, когда беспорядок заменяет законы» (с. 316). Несмотря на эти оговорки в сознании и современников Беккариа, и последующих поколений его книга по справедливости была расценена и продолжает рассматриваться как первое исторически значимое выступление против смертной казни, положившее начало движению так называемых аболиционистов — сторонников ее отмены.

Выступление Беккариа в эпоху произвола феодальной

юстиции, когда смертная казнь была чуть ли не основной мерой наказания, имело и иные важные последствия: показывая ее ненужность и бессмысленность, Беккариа наносил удар по всему феодальному правосудию и по тому правосознанию, которое формировалось под его влиянием.

Призыв Беккариа к отмене смертной казни нашел непосредственное отражение в законодательстве некоторых европейских государств. Правда, в первое время после выхода в свет его книги успехи сторонников Беккариа были весьма скромными. В 1765 г. в Великом герцогстве Тосканском было прекращено исполнение смертных казней (в столице этого герцогства — Ливорно была напечатана книга Беккариа). Но отмена смертной казни в Тоскане «просвещенным монархом» Петром Леопольдом произошла сначала тайно, а официально и открыто ее отменили там лишь в 1786 г. Другое конкретное свидетельство влияния призыва Беккариа — упразднение в 1779 г. смертной казни, кроме случаев измены и отцеубийства, шведским королем Густавом III, который сослался на книгу «О преступлениях и наказаниях» как на источник своего гуманного решения. В других же европейских государствах призыв Беккариа первоначально привел лишь к сокращению круга деяний, наказуемых смертной казнью (например, в австрийском уголовном кодексе «Терезиане», принятом в 1768 г. в правление императрицы Марии Терезии). Думается, что гораздо важнее было не законодательное воплощение призыва Беккариа к отмене смертной казни, а его огромное воздействие на общественное правосознание во многих странах, где смертная казнь оставалась привычным орудием уголовной репрессии.

Успеху распространения идей Беккариа, в том числе и относящихся к смертной казни, в значительной степени содействовал выдающийся французский философ, историк, писатель и публицист Вольтер. Он написал «Комментарий к книге о преступлениях и наказаниях» (1766), якобы принадлежащий перу «одного провинциального адвоката», а также немало других сочинений, в которых затрагивались

вопросы правосудия и наказания, в том числе и прямо посвященные смертной казни. Эти труды ставят его в ряд наиболее видных представителей прогуманистического направления в уголовном праве. Однако Вольтер занимает в нем свое, особое место, поскольку в отличие от Монтескье и Беккариа он был борцом за справедливость и правосудие не только в теории, но и на практике, решительно выступая в защиту жертв произвола феодальной юстиции. К тому же никто из сторонников прогуманистического направления не был столь решительным противником церкви, никто не разоблачал так смело и с такой страстью ее преступления, как это делал Вольтер.

Среди судебных процессов, в которых принял живейшее участие Вольтер, выделяется так называемое «дело Каласа». Оно началось осенью 1762 года: в протестантской семье в г. Тулузе покончил жизнь самоубийством Марк Антуан Калас. Католическая церковь использовала это самоубийство для разжигания ненависти к протестантам. Поскольку незадолго до смерти Марк Антуан собирался перейти в католическую веру, то его отцу Жану Каласу было предъявлено обвинение, будто он из религиозных побуждений убил сына и инсценировал самоубийство. Жан Калас был казнен в 1762 году. Узнав об этой жертве феодальной юстиции и религиозного фанатизма, Вольтер развил кипучую деятельность с тем, чтобы добиться восстановления истины и реабилитации Жана Каласа. Он привлек к этому делу виднейших адвокатов Франции, написал ряд писем от имени семьи Каласа, опубликовал несколько памфлетов, специально посвященных этому процессу, и добился от Государственного Совета пересмотра дела Каласа. Спустя три года, в 1765 году, Жан Калас был признан невиновным.

Дело Каласа было использовано Вольтером для решительной критики всей системы феодального правосудия, для разоблачения всей гнусности религиозной нетерпимости. Оно привлекло к Вольтеру массу убежденных сторонников, готовых бороться с фанатизмом и произволом. В тече-

ние нескольких лет к делу Каласа было приковано внимание многих людей. Не случайно уже после победы Великой французской революции Конвент принял решение установить на месте казни Каласа памятник со следующей надписью: «Национальный Конвент — отцовской любви, природе, Каласу — жертве фанатизма».

Дело Каласа было самым значительным, но далеко не единственным из «вольтеровских» процессов. В своих статьях и памфлетах, в своих письмах к королям, придворным, философам и юристам он защищал английского адмирала Бинга и французского протестанта Пьера Поля Сирвена, молодых дворян-вольнодумцев де ла Барра и д'Эталонда, мелкого табачного торговца Монбальи и его жену, бывшего главнокомандующего французскими экспедиционными войсками в Индии генерала Лалли и многих других [1]. Его «подзащитных» обвиняли в различных преступлениях (большей частью в убийстве или государственной измене), им грозили различные виды мучительной смертной казни (повешение, четвертование, колесование и т. п.), но каждый раз Вольтеру удавалось если не спасти невинных, то привлечь к процессу внимание тысяч людей, разжечь ненависть к религиозному фанатизму служителей церкви, к варварским средневековым законам, к судьям, выносящим жестокие и несправедливые приговоры. Этой своей деятельностью Вольтер в огромной мере способствовал широкому распространению идей прогуманистического направления в уголовном праве, выработке нового правосознания, свободного от пут феодальной жестокости и религиозной нетерпимости.

В своем «Комментарии» к книге Беккариа Вольтер привел множество примеров из истории и из жизни современной ему Франции, когда по ложному обвинению без всяких доказательств осуждали на смерть за ересь,

---

[1] Вольтер. Избранные произведения по уголовному праву и процессу. Перевод Н. С. Лапшиной. Под ред. А. А. Герцензона. М., 1956 (все последующие цитаты приводятся по этому изданию).

колдовство, богохульство и т. п. Эти примеры нелепых и жестоких законов понадобились Вольтеру, чтобы доказать, что преследования людей по обвинению в так называемых религиозных преступлениях противоречат человеческому разуму. Вся ненависть Вольтера к церкви, к религиозному фанатизму, к жестокому и несправедливому феодальному правосудию выразилась в его словах, звучащих как обвинительный акт: «Христианские трибуналы, — пишет Вольтер, — приговорили к смертной казни более ста тысяч мнимых колдунов. Если бы к этим судебным убийствам присоединили бесконечно превосходящее число принесенных в жертву еретиков, то эта часть света показалась бы огромным эшафотом, покрытым палачами и жертвами, окруженным судьями и зрителями» (с. 76 — 77).

В своих работах Вольтер уделял большое внимание вопросу о соразмерности между преступлением и наказанием. В одной из них он с возмущением рассказывает о случае, когда восемнадцатилетняя девушка была повешена за кражу восемнадцати салфеток у своей хозяйки-шинкарки, которая не платила ей жалованья. «Каков же результат этого бесчеловечного закона, — спрашивал Вольтер, — который на одну чашу весов кладет, таким образом, драгоценную человеческую жизнь, а на другую — восемнадцать салфеток?» (с. 221). Приводя многочисленные примеры из истории, Вольтер доказывал, что необходимо соблюдать соразмерность между тяжестью преступления и тяжестью наказания, хотя бы ради того, чтобы не совершались наиболее серьезные преступления. «В Германии и во Франции, — писал он, — колесуют без всякого различия как тех, кто совершает кражи на больших дорогах, так и тех, кто совершает убийство с грабежом. Как же не понимают, что это значит толкать грабителя на убийство для уничтожения объектов и свидетелей их преступлений» (с. 222).

Рассматривая проблему допустимости смертной казни, Вольтер высказал ряд чрезвычайно интересных соображений о целях наказания. Отвергая теологические воззрения

на наказание и архаический принцип талиона, Вольтер утверждает, что «главная цель наказания — служение обществу» (с. 225). Поэтому Вольтер предлагал отказаться от применения смертной казни, «кроме одного случая, когда нет иного способа спасти жизнь большого числа людей, когда убивают и бешеную собаку» (с. 225). Смертную казнь должны заменить пожизненные каторжные работы — вот вывод, к которому приходит Вольтер вслед за Беккариа, вывод, в правильности которого он старается убедить составителей будущих уголовных кодексов. В доказательство этого вывода он приводит два соображения: во-первых, неразумно заставлять суды совершать новое убийство, вынося приговор о смертной казни, и пытаться таким способом «научить людей ненавидеть убийство», а во-вторых, «нужно возместить ущерб, смерть же ничего не возмещает» (с. 225). В свойственной ему манере, сочетающей убедительную логичность исследования и яркую образную форму выражения мыслей, Вольтер писал: «Разумеется, человек, обреченный на всю свою жизнь плотинами предохранять страну от наводнения или рыть каналы, облегчающие торговлю, или осушать зараженные болота, оказывает государству больше услуг, чем скелет, болтающийся у столба на железной цепи или раздробленный в куски на колесе» (с. 225).

Таким образом, вся деятельность и творчество Вольтера, пользовавшегося огромным влиянием среди современников, служили формированию накануне Великой французской революции нового правосознания, в котором смертная казнь должна была рассматриваться с самых отрицательных позиций.

Можно утверждать, что принципиальными противниками смертной казни как средства борьбы с общеуголовными преступлениями были и вожди французской революции Марат и Робеспьер. Действительно, в период ожесточенной классовой и политической борьбы во Франции, достигшей своего апогея в 1793 — 1794 гг., они выступали решительными сторонниками политики революционного террора: Марат на страницах своей газеты «Друг народа» неизменно

требовал самой суровой расправы со всеми врагами революции, а Робеспьер был инициатором издания законов, предписывающих применение к врагам народа единственного вида наказания — смертной казни [1]. Однако в 1780 г. тот же Марат в своем «Плане уголовного законодательства» изложил детально разработанную программу смягчения уголовной репрессии, в основных своих чертах соответствующую идеям прогуманистического направления в уголовном праве. Согласно «Плану» Марата наказания всегда должны быть соразмерны преступлениям, кара никогда не должна быть излишне жестокой, а смертная казнь может назначаться лишь в исключительных случаях [2]. В свою очередь, Робеспьер при обсуждении в Учредительном собрании Франции проекта уголовного кодекса 1791 г., воплотившего основные идеи прогуманистического направления в уголовном праве, счел необходимым посвятить свое выступление одному вопросу — о смертной казни. Внимательнейшим образом рассмотрев аргументы сторонников и противников смертной казни, Робеспьер решительно высказался за то, чтобы не включать ее в уголовный кодекс. Свою позицию он обосновал тем, что смертная казнь не предупреждает преступлений: иначе в странах, где она широко применяется, совершалось бы меньше преступлений, а в странах с самыми ужасными способами исполнения казни ее воздействие было бы особенно эффективным, хотя в действительности наблюдается прямо противоположная картина. Смертная казнь, говорил в своей речи Робеспьер, ужесточает нравы, нередко вызывает сострадание к преступнику, и к тому же, в случае судебной ошибки, нельзя будет вернуть к жизни невиновного человека [3].

Несмотря на выступление Робеспьера, предложение

---

[1] Герцензон А. А. Указ. соч., с. 215, 308.

[2] См. подробнее Марат Ж. П. План уголовного законодательства/Под ред. и с предисловием А. А. Герцензона. М., 1951, с. 49.

[3] См.: Герцензон А. А. Указ. соч., с. 241 — 242.

автора проекта уголовного кодекса 1791 г. Лепелетье отменить смертную казнь, заменив ее заключением в темнице, было отклонено большинством Учредительного собрания. Следует заметить, что здесь в позиции сторонника революционного террора Робеспьера, как и Марата в его «Плане», не было принципиальных противоречий: в Учредительном собрании речь шла о неприменении смертной казни к тем, кто совершает общеуголовные преступления. Необходимость карать смертью врагов революции ни у кого, в том числе и у автора весьма гуманного проекта уголовного кодекса Лепелетье, не вызывала сомнений. (История распорядилась так, что и Марат, и Лепелетье были убиты в 1793 г. фанатиками, подосланными монархистами, а Робеспьер казнен в 1794 г. после контрреволюционного «термидорианского» переворота.)

В отличие от прогуманистического направления в уголовном праве, «классическая» школа, которая стала господствующей в XIX веке после победы буржуазных революций и утверждения капиталистического строя во многих странах Европы, исходила из принципиального допущения и даже признания необходимости смертной казни. Вместе с тем ее сторонники, как правило, выступали за отказ от квалифицированных видов смертной казни и за ограничение сферы ее применения четко определенным кругом преступных деяний.

Понятие «классической» школы в уголовном праве, охватывающей различные буржуазные учения XIX века, включает в себя, в частности, и уголовно-правовые концепции выдающихся немецких философов-идеалистов Канта и Гегеля. В весьма сложном и противоречивом учении Канта о государстве и праве, разработанном им в последние десятилетия XVIII века, имеется целый ряд прогрессивных положений: о необходимости разделения властей, обеспечивающего, прежде всего, независимость судебной власти, о законодательном закреплении прав граждан, верховенстве права над государством (идея «правового государства», которая у Канта была обращена против феодального произвола, деспотизма и бюрократии). Со-

бственно уголовно-правовая теория Канта представляет собой весьма сложное переплетение и прогрессивных для своего времени, и реакционных положений [1]. Своим авторитетом великого философа Кант укрепил буржуазно-демократические требования в области уголовного права: равенство всех граждан перед законом, уважение к достоинству личности, законодательное определение преступления и др. И в то же время он выступал против призыва Беккариа к отмене смертной казни, заявив, что его аргументация основана на софизмах и «ложной концепции» права. В противоположность этому Кант выдвинул свою концепцию наказания, в основе которой лежит идея абстрактной справедливости, выраженная формулой римских юристов: «Пусть свершится правосудие, хотя бы ради этого погиб мир». Излагая свои взгляды по этому вопросу, Кант приводил в качестве примера случай, когда народ, населяющий какой-либо остров, решает уехать с него и рассеяться по всему свету. В этом случае, писал Кант, хотя гражданское общество прекращает свое существование, должен быть казнен последний убийца, находящийся в тюрьме и приговоренный к смерти. Точно так же относился Кант к предложениям врачей сохранить жизнь приговоренному к смерти преступнику, если он согласится подвергнуться опасному эксперименту и останется живым после него. «Суд, — писал Кант, — должен был бы с презрением отвергнуть это предложение медицинской коллегии, ибо справедливость перестанет быть справедливостью, если она становится предметом сделки» [2].

Такое решение Кантом этих вопросов объяснялось его трактовкой уголовного закона в качестве «категорического императива», требования которого как выражение высших нравственных законов подлежат безусловному выполнению

---

[1] Пионтковский А. А. Уголовно-правовые воззрения Канта, А. Фейербаха и Фихте. М., 1940; Решетников Ф. М. «Классическая» школа и антрополого-социологическое направление. М., 1985, с. 17 — 29.

[2] Kant I. Metaphysik der Sitten. Leipzig, 1907, s. 159 — 160 (все последующие цитаты приводятся по этому изданию).

и не зависят от каких-либо внешних целей или соображений. Именно в реализации требований «категорического императива», в осуществлении справедливости во что бы то ни стало видел Кант единственный смысл и оправдание уголовного наказания.

Исходя из этого, Кант объявил единственно разумной и возможной теорию наказания по принципу талиона — возмездия равным за равное («око за око, зуб за зуб»). Кантовская теория наказания абсолютна, ибо она стремится найти лишь справедливое соотношение между преступлением и наказанием в отличие от так называемых относительных теорий наказания, которые видят смысл наказания в реализации тех или иных утилитарных целей (устрашение, исправление и т. п.). По Канту, пытаться обосновать наказание этими утилитарными целями значило бы вступать в противоречие с «категорическим императивом», который запрещает рассматривать человека лишь как средство для достижения каких-либо, пусть даже самых благородных целей.

Рассматривая вопрос о наказании за отдельные виды преступлений, Кант стремился последовательно провести принцип равенства между преступлением и наказанием. По образному выражению Канта, при назначении наказания стрелка на весах справедливости не должна склоняться ни в сторону преступления, ни в сторону наказания. «То зло, которое ты незаслуженно причиняешь другому человеку из твоего народа, ты причиняешь самому себе: оскорбляешь ты его — оскорбляешь себя, обкрадываешь его — обкрадываешь себя, ударяешь его — ударяешь себя, убиваешь его — убиваешь самого себя».

Кант считал, что «категорический императив» требует всегда наказывать убийство смертной казнью (кроме случаев детоубийства и убийства на дуэли), изнасилование и педерастию — кастрацией, скотоложство — изгнанием из общества людей и т. п.

Позиция Канта в вопросе о смертной казни, который превратился под влиянием идей просветителей и гуманис-

тов XVIII века в одну из центральных проблем уголовного права, была значительным шагом назад. Если сторонники прогуманистического направления в уголовном праве были в принципе противниками смертной казни, хотя иногда допускали возможность ее применения, то Кант, напротив, был защитником смертной казни и лишь в виде исключения допускал отказ от нее. Кант требовал применения смертной казни не только к убийцам, но и к лицам, виновным в государственных преступлениях, к участникам антиправительственных заговоров и т. д. Более того, Кант заявил: «Сколько было убийц, которые совершили убийство, приказали его совершить или содействовали ему, столько же и должно подвергнуться смерти, — этого хочет справедливость как идея судебной власти в соответствии со всеобщими, a priori обоснованными законами».

Добавим, что Кант считал смертную казнь не просто справедливым, но в ряде случаев и «наилучшим» наказанием (например, для дворянина, оказавшегося перед выбором между приговором к смертной казни либо позорной для него пожизненной каторгой).

Идеи Канта в области уголовного права были развиты в трудах Ансельма Фейербаха, виднейшего германского криминалиста начала XIX века, автора проекта баварского уголовного кодекса 1813 г., который послужил образцом для позднейшего уголовного законодательства Германии и ряда других стран. Уголовно-правовая теория Фейербаха включала буржуазно-демократические требования, чтобы наказания назначались только на основе закона, только за предусмотренные законом преступления и, наконец, чтобы ни одно преступление не оставалось безнаказанным. Фейербах считал целью наказания предупреждение преступлений путем психологического воздействия на возможного преступника, то есть путем устрашения грозящим по закону наказанием, которое будет тем более суровым, чем более тяжкое преступление будет совершено[1]. В соответст-

---

[1] См.: Пионтковский А. А. Указ. соч., с. 79 — 86.

вии с этим баварский уголовный кодекс 1813 г., составленный по проекту Фейербаха, предусматривал суровые наказания за большинство преступлений, однако назначаться они могли лишь при установлении всех определенных по закону признаков состава преступления. В кодексе преобладали санкции в виде пожизненного или длительного лишения свободы, смертная казнь предназначалась только для осужденных за такие наиболее тяжкие преступления, как государственная измена, тяжкое убийство и т. п.

Некоторые элементы уголовно-правовых воззрений Канта были позже восприняты и развиты в «Философии права» Гегеля (1821 г.). Гегель воспроизвел в своей теории наказания положение древнегреческого философа Платона, согласно которому наказание представляет собой право преступника. Гегель считал, что самим фактом преступления преступник дает свое согласие на применение к нему наказания. Из этого положения следовал вывод о том, что пределы наказания должны определяться пределами преступления, иначе говоря, что наказание по своей тяжести должно соответствовать тяжести совершенного преступления. Поэтому, чтобы быть справедливым, наказание должно, по Гегелю, соответствовать природе преступления [1].

Рассматривая наказание как возмездие преступнику, определяемое пределами совершенного им преступления, Гегель не соглашался с выдвинутым Кантом требованием материального, «внешнего» равенства между характером преступления и видом назначаемого за него наказания и предлагал заменить его «внутренним» равенством между тяжестью преступления и наказания. Однако в вопросе кары за умышленное убийство Гегель остался на позициях Канта — в этом случае может быть назначена только смертная казнь.

Как известно, К. Маркс отмечал то рациональное зерно,

[1] См.: Пионтковский А. А. Учение Гегеля о праве и государстве и его уголовно-правовая теория. М., 1963, с. 148 — 149.

что содержалось в теории наказания Канта и Гегеля, а именно — уважение к личности преступника и ограничение произвола суда. Однако, несмотря на эти прогрессивные моменты и на различия во взглядах Канта и Гегеля, в целом их теория наказания является, по словам К. Маркса, «лишь спекулятивным выражением древнего «jus talionis — око за око, зуб за зуб, кровь за кровь»[1].

Наиболее типичным и характерным проявлением в законодательстве идей «классической» школы был французский уголовный кодекс 1810 года. Следует отметить, что первоначально комиссией, назначенной в 1801 г. Наполеоном, был составлен проект единого уголовного и уголовно-процессуального кодекса (впоследствии они были разделены на два самостоятельных кодекса), и сам Наполеон принял активное участие в подготовке и обсуждении проекта этого кодекса. В частности, он поставил перед членами назначенной им комиссии ряд важнейших вопросов, которые свидетельствуют о том, что правитель Франции уделял серьезное внимание выработке наиболее рациональной уголовной политики, соответствующей интересам французской буржуазии. Среди этих вопросов, наряду с допустимостью пожизненных наказаний и конфискации, целесообразности учреждения системы относительно определенных санкций и др., на первом месте стояла проблема: должна ли быть сохранена смертная казнь. Составители кодекса ответили на этот вопрос утвердительно, поскольку это отвечало общей направленности уголовного кодекса 1810 г. на устрашение возможных правонарушителей. УК 1810 года предусматривал санкцию в виде смертной казни в 30 случаях. При этом смертной казни за отцеубийство и за приравненное к нему посягательство на жизнь или личность императора должно было предшествовать отсечение кисти руки — средневековый ритуал, единственным назначением которого могло быть лишь устрашение. Поло-

---

[1] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 8, с. 531.

жение о том, что отцеубийце перед публичным исполнением смертной казни отрубается кисть правой руки, было отменено в 1832 г., однако до 1958 г. французский уголовный кодекс предусматривал особый ритуал приведения в исполнение смертного приговора за отцеубийство: осужденный должен был препровождаться к месту казни в рубашке, босиком, с черным покрывалом на голове.

Французский уголовный кодекс 1810 года вместе с положениями, относящимися к смертной казни, оказал огромное влияние на все последующее развитие буржуазного уголовного права. В период наполеоновских войн он нашел прямое или косвенное применение в странах, завоеванных Францией. В ряде государств Европы и Латинской Америки он использовался как образец при подготовке проектов национальных уголовных кодексов, поскольку обладал немалыми достоинствами, такими, как соблюдение требования формального равенства граждан перед законом, весьма практичная разработка важнейших уголовно-правовых институтов, по-своему логичное построение системы наказаний и т. д. Влияние этого кодекса, естественно, сохранилось и при принятии новых уголовных кодексов в бывших французских колониях. Конечно, в многочисленных кодексах, составленных по образцу французского УК 1810 г., по-разному определялся круг деяний, наказуемых смертной казнью, но признание целесообразности ее широкого применения в свое время имело принципиальное значение.

Развитие уголовного права в Англии и, в частности, его приспособление к условиям капиталистического общества происходило особыми путями, во многом отличаясь от буржуазного преобразования уголовного права в континентальной Европе. В отличие от более поздних буржуазных революций во Франции и других странах английская революция XVII века, по существу, не затронула феодального уголовного права, которое не изменилось в своей основе даже к началу XIX века. В период, когда французский уголовный кодекс 1810 года оказывал сильнейшее воздействие на уголовное право других стран, английское

уголовное законодательство, система санкций и т. д. все еще находились на уровне первой половины XVII века.

Система санкций тогдашнего английского уголовного права отличалась чудовищной жестокостью. Свыше 200 статутов предусматривали в качестве единственной меры наказания смертную казнь. Она грозила не только тому, кто был застигнут вооруженным или переодетым в чужом лесу, но и виновному в злонамеренной порубке или уничтожении деревьев, в злонамеренном уничтожении скота и т. п. Смертной казнью каралась карманная кража на сумму свыше 1 шиллинга, если она была совершена в церкви, на ярмарке, во многих других местах [1]. Характерно, что английские юристы называли смертную казнь «основным» наказанием, а все остальные — «второстепенными».

Первым английским юристом, поддержавшим, хотя и в довольно робкой форме, отдельные мысли Монтескье и Беккариа, был Уильям Блэкстон, автор знаменитых «Комментариев к праву Англии» (1765 — 1769), четвертая книга которых была посвящена уголовному праву. Блэкстон указывал на необходимость установить соответствие между тяжестью преступления и суровостью наказания. Он подчеркивал значение не только карательных, но и предупредительных, и даже «исправительных» целей наказания. Блэкстон осуждал чрезмерное увлечение смертной казнью как основной мерой наказания, призывая к периодическому пересмотру статутов, предусматривающих эту меру.

Попытка критически рассмотреть систему и основные принципы английского уголовного права была предпринята Уильямом Иденом, автором вышедшей в 1771 г. книги «Принципы уголовного права». Считая угрозу главной целью наказания, Иден, однако, предлагал ограничить суровость уголовных законов соображениями «естественной справедливости» и «общественной пользы». Он высту-

[1] См.: Radzinowicz L. History of English criminal law. Vol. 1. London, 1948, p. 548.

пал против неоправданной суровости и жестокости наказаний, подчеркивал необходимость приведения наказания в соответствие с тяжестью преступления. Не будучи решительным противником смертной казни, Иден тем не менее допускал ее применение лишь в случаях «абсолютной необходимости» и требовал отказаться от наиболее жестоких видов смертной казни [1].

В начале XIX века борьба за реформу уголовного права, и прежде всего за сокращение сферы применения смертной казни была перенесена в британский парламент. Ее возглавил видный адвокат и член парламента С. Ромильи. Его уголовно-правовая программа состояла в том, чтобы ограничить применение смертной казни лишь тяжкими преступлениями и в этих целях пересмотреть уголовное законодательство, отменив устаревшие статуты. В период с 1808 по 1818 год Ромильи и его сторонники внесли в английский парламент множество законопроектов, направленных на усовершенствование уголовного законодательства. Характерно, что ни один из этих законопроектов не содержал предложений о широкой реформе. Наоборот, в каждом из них предлагалось, как правило, отменить какой-либо конкретный устаревший статут, грозивший смертной казнью, скажем, за кражу из лавки на сумму до 5 шиллингов, за кражу из жилого строения на сумму до 40 шиллингов и т. п. Однако и эти весьма умеренные предложения Ромильи и его сторонников в большинстве своем были отвергнуты британским парламентом. И все же деятельность Ромильи во многом подготовила реформу английского уголовного законодательства, проведение которой началось в 20-х годах XIX века, когда министром внутренних дел был назначен Роберт Пиль, один из крупнейших английских государственных деятелей. Пиль провел через парламент несколько законов, которые должны были сделать уголовное правосудие более эффективным в борьбе с преступлениями. Он ставил своей целью

[1] См.: Radzinowicz L. Op. cit., p. 303 — 305.

отменить устаревшие статуты, «упростить и консолидировать» уголовное право путем издания новых законов. При этом Пиль считал целесообразным несколько смягчить санкции за уголовные преступления, в частности, отменить смертную казнь за отдельные явно незначительные деяния.

О характере проведенных Робертом Пилем реформ свидетельствуют, например, следующие факты. Была отменена смертная казнь за простую кражу на сумму свыше одного шиллинга, но она была заменена высылкой в колонии сроком на 7 лет или тюремным заключением на срок до 2 лет, к которым в качестве дополнительной меры присоединялась «публичная» или «частная» порка осужденного. Кража без взлома из церкви отныне не могла наказываться смертной казнью, но кража из церкви, сопряженная со взломом, по-прежнему каралась смертной казнью. Пособники «после факта совершения преступления», караемого смертной казнью, отныне наказывались тюремным заключением на срок до 2 лет (кроме укрывателей краденого, которые карались строже), однако пособники «до факта совершения преступления» по-прежнему могли приговариваться к смертной казни [1].

Таким образом, и после реформ Роберта Пиля, который ушел с поста министра внутренних дел в 1832 г., средневековая сущность английского уголовного права оставалась непоколебленной. И лишь в период между 1830 и 1880 гг. XIX века, т. е. за половину столетия, в Англии в результате отдельных парламентских актов была осуществлена реформа уголовного законодательства, которая в основном приспособила уголовное право к потребностям капиталистического общества.

Эта реформа состояла в отмене нескольких сотен устаревших законов, которые были заменены «консолидированными» актами, предусматривающими ответственность за отдельные группы преступлений (некоторые из них действуют по настоящее время). Одним из важнейших

---

[1] См.: Radzinowicz L. Op. cit., p. 578—587.

результатов этих реформ явилась отмена смертной казни за имущественные преступления, кроме тех, которые сопровождаются применением насилия к потерпевшему [1].

В 70 — 80-х годах XIX века в буржуазном уголовном праве возникло новое направление, которое в противоположность «классическому» иногда называют позитивистским. Оно было представлено двумя основными школами — «антропологической» («итальянской») и «социологической».

«Антропологи» (Ломброзо, Ферри, Гарофало), выступившие впервые в 70-х годах XIX века, рассматривали преступность как биологическое явление, а преступников — как особую породу людей, которую можно распознать по особым физическим признакам («стигматам»).

«Социологи», выступившие несколько позже, в 80-х годах XIX века, заявляли, что преступность есть результат взаимодействия множества факторов («физических», «индивидуальных» и «социальных») и что существует категория людей, находящихся в «опасном состоянии», от которых общество должно «защищаться» до того, как они совершат преступление.

«Антропологи» и «социологи» предлагали коренным образом реформировать уголовное право и процесс. Они предлагали отбросить как «устаревшие» важнейшие принципы и институты уголовного права: принцип соответствия наказания тяжести содеянного, понятия вины, вменяемости и т. п. При этом если «антропологи» выступали с более решительными предложениями в сфере карательной политики, требуя ее максимального ужесточения, за что даже получили со стороны своих противников прозвище «уголовных террористов», то требования «социологов» были значительно более умеренными. Это, в частности, проявилось и в отношении к смертной казни, идея широкого применения которой поддерживалась «антропо-

---

[1] О движении за реформу уголовного права в Англии см. подробнее: Решетников Ф. М. «Классическая» школа и антрополого-социологическое направление, с. 50 — 65.

логами», но не разделялась большинством сторонников социологической школы. Что же касается так называемого левого крыла этой школы, близкого к теориям социал-демократов, то виднейшие его представители на Западе и в России выступали решительными противниками смертной казни.

«Антропологи» требовали широкого применения смертной казни, пожизненного тюремного заключения, ссылки на необитаемые острова и в болотистые местности, объявляя их лучшими средствами «очищения» общества от преступников. Вступив в давний спор криминалистов о смертной казни, «антропологи» решительно высказались за ее применение. При этом Ферри, например, попытался обосновать эту позицию исходя из биологической трактовки законов общества. «Смертная казнь — писал он, — начертана самой природой во всех уголках вселенной, во всех моментах общественной жизни»[1]. Любопытно, что Ферри приветствовал изобретение в США электрического стула, считая это наиболее удобным способом «устранения» преступника из общества.

В то же время во взглядах «антропологов» имелись и немалые различия. Например, тот же Ферри порою возражал против позиции Ломброзо и Гарофало, настаивавших на применении смертной казни чуть ли не ко всем «прирожденным» либо так называемым неисправимым преступникам[2].

Во второй половине XIX века большое число сторонников «классической» школы уголовного права в ряде капиталистических государств перешло на позиции так называемой неоклассической школы. Они требовали проведения более гибкой и более либеральной карательной политики, предоставления судьям возможности большего учета смягчающих обстоятельств и особенностей личности правонарушителя при назначении наказания, допущения

---

[1] Ферри Э. Уголовная социология. М., 1908, с. 542.

[2] См.: Анашкин Г. З. Смертная казнь в капиталистических странах. М., 1971, с. 39.

условного осуждения и досрочного освобождения и т. п. В соответствии с общей направленностью сторонники «неоклассической» школы настаивали на том, чтобы смертная казнь была постепенно устранена из системы уголовных наказаний. Этим криминалистам и другим противникам смертной казни, в числе которых было немало либеральных политиков и известных писателей, удалось добиться успехов в некоторых государствах Европы, хотя начиная с середины XIX века и вплоть до второй мировой войны эти успехи нередко прерывались поражениями, когда ранее отмененная смертная казнь вводилась вновь. Иногда отмена смертной казни относилась только к отдельным категориям преступлений.

Так, во Франции в ходе революции 1848 г. была отменена смертная казнь за политические преступления, что, однако, не помешало французской буржуазии в 1871 г. после подавления Парижской коммуны устроить кровавую расправу над коммунарами, которых расстреливали по приговорам военных трибуналов, а нередко и без суда и следствия. В том же 1848 г. смертная казнь за политические преступления была отменена по конституции Швейцарии, а по конституции 1874 г. она была исключена и за все иные преступления, совершенные в мирное время. Однако в 1879 г. общий запрет был отменен, и ряд швейцарских кантонов восстановил эту меру. Вновь смертная казнь была отменена на всей территории Швейцарии с 1942 г., когда вступил в силу уголовный кодекс 1937 г., одобренный на референдуме большинством населения страны.

Большим событием в истории движения аболиционистов стала отмена смертной казни в Италии в 1889 г. Это было осуществлено в связи с принятием, пожалуй, наиболее типичного «неоклассического» уголовного кодекса, подготовленного либеральным министром юстиции Цанарделли.

В некоторых странах получила распространение практика, когда смертная казнь не запрещалась законом, но суды переставали выносить смертные приговоры. Иногда

такой отказ позже находил законодательное закрепление, но подчас фактическая отмена смертной казни так и не приводила на протяжении нескольких десятилетий к ее юридической отмене. Например, в Португалии смертная казнь была фактически упразднена в 1846 г., а юридически — в 1867 г., в Нидерландах ее перестали применять с 1861 г., а юридически отменили в 1870 г., в Норвегии фактически исключили с 1876 г., а юридически оформили запрет в 1902 г., с принятием нового уголовного кодекса, кстати, отчасти отразившего идеи социологической школы уголовного права [1]. Другим примером может служить Бельгия, где смертные приговоры, заменяемые актами помилования, фактически перестали приводить в исполнение с 1863 года (за редчайшими единичными исключениями во время мировых войн), но законодательство продолжало предусматривать санкцию в виде смертной казни за целый ряд преступлений. Более того, в 1975 г. к 11 составам преступлений, грозящим смертной казнью по бельгийскому уголовному кодексу, был добавлен захват заложников. Такая же, как в Бельгии, практика установилась на многие десятилетия в Люксембурге, где смертная казнь была законодательно отменена лишь в 1939 г.

Таким образом, к началу первой мировой войны успехи противников смертной казни в Западной Европе были очевидными, но территориально достаточно скромными: к этому времени смертная казнь была юридически отменена либо на протяжении десятилетий фактически не применялась лишь в Бельгии, Италии, Люксембурге, Нидерландах, Норвегии, Португалии и некоторых кантонах Швейцарии.

После первой мировой войны смертная казнь была отменена еще в целом ряде европейских государств, хотя во многих из них она была восстановлена накануне второй мировой войны либо еще раньше, в частности, там, где были установлены реакционные политические режимы.

---

[1] Пионтковский А. А. Смертная казнь в Европе. Казань, 1906, с. 9 — 10.

Например, в Испании смертная казнь была отменена весьма либеральным уголовным кодексом 1932 года, однако восстановлена в 1935 г. В Италии, где смертная казнь, напомним, была отменена в 1889 г., она была восстановлена при фашистском режиме в 1926 г. — за государственные преступления, а в 1930 г., когда был принят новый уголовный кодекс министра юстиции Рокко, — за тяжкие общеуголовные преступления. Точно так же в Австрии смертная казнь была отменена в 1920 г., но восстановлена в 1934 г.

В Дании смертная казнь была отменена в 1930 г. в связи с принятием нового уголовного кодекса, сочетавшего в себе идеи «неоклассической» и «социологической» школ в уголовном праве (ее временно восстановили в 1946 г. с единственной целью покарать нацистских преступников и коллаборационистов). В Швеции смертную казнь отменили в 1921 г., в Исландии — в 1928 г., и уже больше в этих странах не восстанавливали.

Движение в пользу отмены смертной казни приобрело значительное число новых сторонников на Западе после второй мировой войны как непосредственная реакция на массовые казни нацистами участников Сопротивления и уничтожение в фашистских лагерях смерти миллионов ни в чем не повинных людей. Именно в этот период усилия аболиционистов получили решительную поддержку со стороны возникшего в конце 40-х годов движения «новой социальной защиты», возглавляемого видным французским юристом Марком Анселем. Сторонники «новой социальной защиты» выступают за проведение гуманистической уголовной политики, проводимой при строгом соблюдении закона, ориентированной на исправление правонарушителя и в максимальной степени гарантирующей права личности [1]. Сторонники «новой социальной защиты» выступают как самые решительные противники идеи, согласно кото-

[1] См.: Ансель М. Новая социальная защита. М., 1970 (вступит. статья А. А. Пионтковского); Решетников Ф. М. Современные буржуазные уголовно-правовые теории. М., 1967, с. 21 — 43.

рой целью наказания должно служить устрашение возможных правонарушителей. Полностью отрицают они и смертную казнь как способ проведения уголовной политики. В арсенал положений «новой социальной защиты» прочно вошла книга ведущих европейских экзистенциалистов середины XX века писателей Альбера Камю и Артура Кестлера «Размышления о смертной казни», где с философских, прежде всего этических, позиций обосновывается необходимость ее отмены [1]. В свою очередь, обращаясь к проблеме смертной казни, Марк Ансель привел целый ряд аргументов против ее применения (потворство «инстинкту искупительной мести», создание атмосферы насилия и ненависти, бесполезность, непоправимость и др.) и заявил, что «это кровавое наказание, пережиток примитивного уголовного правосудия, не может иметь места в системе гуманистической уголовной политики» [2].

В результате усилий аболиционистов, оказавших серьезное влияние на позицию многих капиталистических стран, нормы об отмене смертной казни были включены в тексты принятых после второй мировой войны конституций целого ряда европейских государств. Правда, в некоторых конституциях содержались оговорки, что смертная казнь отменяется лишь в мирное время. Так, в ст. 27 Конституции Италии 1947 г. провозглашалось: «Смертная казнь не допускается, кроме случаев, предусмотренных военными законами во время войны». В ст. 102 Конституции ФРГ 1949 г., напротив, было провозглашено безоговорочно: «Смертная казнь отменяется». Нет сомнения, что такая формулировка конституции ФРГ, принятой в тот период, когда еще не были проведены судебные процессы над многими нацистскими преступниками, отчасти преследовала и цель не допустить вынесения им смертных приговоров западногерманскими судами [3]. Вскоре после

[1] Camus A. et Koestler A. Réflexions sur la peine capitale. Paris, 1957.
[2] См.: Ансель М. Указ. соч., с. 260.
[3] В 1980 г. ФРГ внесла в ООН предложение запретить смертную казнь как противоречащую международному праву.

второй мировой войны в 1945 г. была отменена смертная казнь также и в Австрии.

После отмены этого наказания в Финляндии в 1950 г. и в Гренландии по уголовному кодексу, изданному для нее датскими властями в 1954 г., среди скандинавских государств не осталось ни одного, где законодательство предусматривало бы смертную казнь для мирного времени (но в некоторых из них сохраняется возможность ее назначения во время войны).

Новая волна отмены смертной казни в Европе приходится на вторую половину 70-х годов. После свержения реакционного режима «черных полковников» в Греции по конституции 1975 г. была отменена смертная казнь за политические преступления, «кроме случаев, когда политическое преступление соединено с уголовным» (ст. 7.3). Впоследствии отмена смертной казни в Греции распространилась и на общеуголовные преступления. В Португалии после апрельской революции 1974 г., свергнувшей реакционный политический режим, в конституции была вновь провозглашена отмена смертной казни на этот раз в формулировке: «Применение смертной казни допускается в исключительных случаях» (ст. 25.2). Установление демократического режима в Испании имело одним из своих последствий запрещение смертной казни в мирное время (ст. 15 Конституции 1978 г.).

Представляется необходимым более подробно рассмотреть решение вопроса о смертной казни в таких странах, как Великобритания, Франция и США.

В Великобритании, как отмечалось выше, круг деяний, наказуемых смертной казнью, значительно сократился к концу XIX века и по существу ограничивался посягательствами против личности, прежде всего убийством. В 1957 г. был принят новый закон об ответственности за убийство, где перечислялось пять признаков тяжкого убийства, только при наличии которых отныне мог быть вынесен смертный приговор (убийство ради совершения другого тяжкого преступления, при сопротивлении аресту, при побеге из-под стражи и др.). Вслед за этим под

давлением английских аболиционистов, позиции которых особенно сильны в лейбористской партии и среди интеллигенции, британский парламент в 1965 г. принял закон об отмене смертной казни за тяжкое убийство, но лишь временно, сроком на 5 лет, до 31 июля 1970 г. Такое решение было связано с тем, что защитники смертной казни в Великобритании предсказывали неизбежный рост числа убийств после ее отмены. Однако эти предсказания не оправдались, количество зарегистрированных тяжких убийств в Англии и Уэльсе после временной отмены смертной казни колебалось «в пределах нормы» [1]. Поэтому 18 декабря 1969 г. британский парламент принял закон об отмене смертной казни за тяжкое убийство «навсегда». Формально по уголовному праву Великобритании ныне сохраняется возможность вынесения смертного приговора за три вида преступлений: государственную измену, сопряженное с убийствами морское пиратство и поджог королевских доков, но процессов по делам о таких преступлениях давно уже не было. Следует отметить, что после отмены смертной казни за тяжкое убийство, в британский парламент 18 раз вносились законопроекты с требованием ее восстановления прежде всего для лиц, виновных в террористических акциях, приведших к гибели людей. Последние упорные дебаты прошли в палате общин в июне 1988 г.: в ходе их премьер-министр М. Тэтчер, выступающая за восстановление смертной казни, разрешила, как всегда, членам своего кабинета занять по данному вопросу собственную позицию. Однако в результате голосования, как и прежде, сторонники восстановления смертной казни остались в меньшинстве [2].

Отмена смертной казни в Великобритании прямо или косвенно отразилась на законодательстве ряда государств, исторически связанных с Великобританией в качестве ее бывших доминионов и близких ей по своим правовым системам. Так, в Австралии, где уголовное законодательст-

---

[1] См.: Анашкин Г. З. Указ. соч., с. 76.
[2] Financial times, June 8, 1988; Time, July 25, 1988.

во является в основном прерогативой отдельных штатов, движение аболиционистов получило новую поддержку и с 1984 г. в последнем из штатов смертная казнь отменена. В Канаде смертная казнь первоначально была отменена временно в 1967 г. за все виды тяжкого убийства, кроме убийства полицейских и тюремных служащих. В 1976 г. смертная казнь за тяжкое убийство была отменена в Канаде «окончательно». Законопроект о восстановлении смертной казни, внесенный в канадский парламент в июне 1987 г., был отвергнут. При этом премьер-министр Канады, возражая против законопроекта, сослался на снижение числа зарегистрированных убийств после отмены смертной казни.

Наконец, Новая Зеландия — также один из бывших британских доминионов — даже опередила свою бывшую метрополию. В Новой Зеландии смертная казнь была отменена в 1961 г. применительно ко всем преступлениям за исключением государственной измены (в истории Новой Зеландии не было ни одного судебного процесса по обвинению в государственной измене). Заметим, что королевская комиссия по вопросам смертной казни в Великобритании рекомендовала ее отмену еще в 1961 г., однако британский парламент проявил бóльшую осторожность, чем новозеландские власти в реализации такого рода рекомендаций.

Из западноевропейских континентальных государств дольше всех смертная казнь сохранялась во Франции. Во французском уголовном кодексе после внесения в него в 1960 г. новых статей о государственных преступлениях насчитывалось не менее 20 видов преступных посягательств, караемых смертной казнью. Правда, количество приводимых в исполнение смертных приговоров с 1958 г., когда была учреждена V республика и принята действующая ныне конституция, постоянно сокращалось, поскольку президенты активно использовали право помилования: из 17 исполненных за этот период смертных приговоров при президенте Де-Голле было казнено 11 человек, при президенте Помпиду — 3 и, наконец, при Жискаре д'Эсте-

не — 3. После парламентских выборов 1981 г., принесших победу представителям левых сил, французский парламент 9 октября 1981 г. принял закон об отмене смертной казни. В соответствии с этим законом санкции статей Особенной части уголовного кодекса, которыми предусматривалась смертная казнь, заменены на «пожизненное заключение» [1].

После запрещения смертной казни во Франции стало возможным констатировать, что эта мера наказания отменена юридически или фактически во всех капиталистических государствах Европы, кроме частично расположенной там Турции, где смертные приговоры выносятся весьма часто. Следует также отметить некоторые особенности законодательного решения этого вопроса в Ирландской республике. По закону об уголовном правосудии 1964 года в Ирландии была провозглашена отмена смертной казни, однако с очень существенными оговорками: смертная казнь сохраняется не только за государственную измену, но и за убийство при некоторых отягчающих обстоятельствах (убийство полицейского, тюремного служащего и др.) [2]. Фактически с 1954 г. смертные приговоры в Ирландии не выносились.

Отражением сложившейся в Западной Европе ситуации стало решение, принятое объединением государств — Европейским Советом — 28 апреля 1983 г. Страны, входящие в него, подписали «Протокол № 6 к Конвенции о защите прав человека, касающийся отмены смертной казни». Статья 1 этого Протокола гласит: «Смертная казнь должна быть отменена. Никто не может быть приговорен к этому наказанию или казнен». В ст. 2 Протокола государствам-участникам разрешено введение смертной казни за преступления, совершенные во время войны либо в условиях, когда грозит ее приближение. В момент

---

[1] Revue de science criminelle et de droit pénal comparé, 1982, № 2, p. 371 — 373.

[2] Revue de science criminelle etc., 1979, № 2, p. 413.

составления Протокола его подписали представители 13 стран из 21, входящей в Европейский Совет [1].

Особенно подробного рассмотрения заслуживает вопрос о смертной казни в США, где поиски решения оказываются, пожалуй, наиболее сложными, противоречивыми и даже драматическими.

За последнее десятилетие в США произошли весьма существенные изменения в законодательстве о смертной казни, в масштабах вынесения смертных приговоров и в особенности в количестве приговоров, приводимых в исполнение. В период с 1930 по 1967 г. в США было казнено 3859 человек, причем 53% казненных были неграми, хотя в населении страны их доля никогда не составляла более 12%. Выступления противников смертной казни, в том числе и тех, кто справедливо отмечал расистский характер применения этой меры в США, имели своим результатом постепенное сокращение количества ежегодно выносимых смертных приговоров и в особенности числа приговоров, приводимых в исполнение. Так, если в 30-годах в США ежегодно приводились в исполнение в среднем 167 приговоров, то в 40-х годах — 140, а в 50-х годах — 72 смертных приговора. В 60-х годах число ежегодно приводимых в исполнение смертных прииприговоров стало сокращаться еще более резкими темпами: с 72 в 1961 г. до 2 в 1967 г., после чего в США фактически установился мораторий на приведение в исполнение смертных приговоров [2]. Заметим, что мораторий распространялся лишь на приведение таких приговоров в исполнение, но не на вынесение приговоров: суды продолжали приговаривать виновных к смертной казни, когда считали это необходимым. Становилось очевидным, что дальнейшая судьба смертной казни в стране зависит от того, какую позицию займет в этом вопросе Верховный суд США.

[1] Council of Europe № 114 Protocol № 6 to the Convention for the protection of human rights and fundamental freedoms concerning the abolition of death penalty. Strasbourg, 28.IV, 1983.

[2] См.: L e v y L. Against the Law. New York, 1976, p. 403.

К этому времени, то есть к началу 70-х годов, в девяти американских штатах уже были приняты законы о полной отмене смертной казни, в пяти штатах она предусматривалась лишь за некоторые редко встречающиеся преступления, а в шести штатах судьи на протяжении долгих лет не выносили смертных приговоров. Верховный суд штата Калифорния 28 апреля 1972 г. признал смертную казнь противоречащей конституции этого штата [1]. Однако в остальных 29 штатах, то есть в подавляющем их большинстве, законодательство грозило смертной казнью за многие преступления, а суды продолжали выносить смертные приговоры. Что касается федерального уголовного кодекса и законодательства округа Колумбия, то ими всегда, как и ныне, предусматривалась смертная казнь, причем за весьма внушительный перечень преступлений. (В октябре 1988 г. к их числу конгресс США добавил убийство федерального служащего, совершенное торговцами наркотиками.)

29 июня 1972 года Верховный суд США, наконец, рассмотрел три из более чем шестисот жалоб приговоренных к смертной казни, которые просили отменить эти приговоры, ссылаясь на то, что смертная казнь представляет собой «жестокое и необычное наказание», а следовательно, противоречит VIII поправке к конституции США, а также XIV поправке, запрещающей штатам «лишать какое-либо лицо жизни... без надлежащей правовой процедуры». В решениях по делам Фурмена и двух других негров, принятых большинством голосов 5 судей против 4, Верховный суд признал противоречащим конституции назначение и исполнение смертного приговора в данных конкретных случаях. Однако ни либеральные сторонники этого решения, ни его консервативные противники не смогли прийти к согласию в аргументации своей позиции, ввиду чего, вопреки обычной практике, каждый из 9 судей написал свое мнение отдельно, даже те, кто оказались

---

[1] People v. Anderson, 100 Cal. Rep. 152 (1972).

в большинстве. При этом только двое судей, Т. Маршалл и В. Бреннан, пришли к выводу, что смертная казнь при любых обстоятельствах абсолютно противоречит американской конституции [1].

Решение Верховного суда США по делу Фурмена означало не только отмену смертного приговора указанным трем апеллянтам, но и сохранение жизни для всех тех почти шестисот человек, кто ранее был приговорен к смертной казни и находился в американских тюрьмах в ожидании, какую позицию займет Верховный суд. Однако его решение носило весьма ограниченный характер и отнюдь не означало, что в США покончено со смертной казнью. В нем признавались неконституционными лишь рассмотренные Верховным судом смертные приговоры, что вело к признанию таковыми и всех других приговоров, вынесенных на основании действовавших в то время законов. Поэтому решение Верховного суда от 29 июня 1972 г. послужило лишь толчком к реформе законодательства штатов, предусматривающего смертную казнь и определяющего условия ее назначения. Уже через полгода после решения Верховного суда по делу Фурмена почти в половине американских штатов были приняты новые законы, предписывающие по существу обязательное вынесение смертного приговора за тяжкое убийство при отсутствии смягчающих обстоятельств, а иногда и за другие преступления, но каждый раз при условии соблюдения достаточно строгих и определенных процессуальных правил. Число штатов, принимавших такого рода законы, все время росло, и к середине 1976 г., к моменту нового решения Верховного суда по данному вопросу, достигло тридцати пяти. На основании этих законов американские суды даже с большей энергией, чем прежде, стали выносить смертные приговоры. Снова стала выстраиваться «очередь смертников» — тех, кому были вынесены смертные приговоры, а власти штатов все же не решались приводить их

[1] Journal of criminal law and criminology, 1978, № 2, p. 182 — 183.

в исполнение, ожидая, чтобы Верховный суд США вновь высказался по данному вопросу, уже применительно к новому, «исправленному» законодательству американских штатов.

Таким образом, решение Верховного суда по делу Фурмена, казавшееся предтечей полной отмены смертной казни в США, породило обратную реакцию, активизировав сторонников ее применения в законодательных собраниях штатов, среди обвинителей, судей и т. д.

2 июля 1976 г. Верховный суд США, в составе которого сменился лишь один из его членов, вновь вернулся к вопросу о смертной казни. Он вынес решение по делу Грегга, приобретшему, подобно делу Фурмена, наибольшую известность, и по четырем другим делам. Во всех из них обжаловались смертные приговоры осужденным за тяжкое убийство, которые были вынесены в пяти различных американских штатах на основании законов, принятых уже после решения Верховного суда США 1972 г. по делу Фурмена. На этот раз судьи В. Бреннан и Т. Маршалл, решительные противники смертной казни, остались в меньшинстве, а Верховный суд большинством в 7 голосов против 2 постановил, что «смертная казнь не есть такое наказание, которое никогда не может применяться, независимо от обстоятельств преступления, независимо от свойств личности преступника и независимо от процедуры принятия решения о назначении этого наказания» [1]. Теперь Верховный суд во главе с его тогдашним председателем У. Бергером со всей определенностью заявил, что смертная казнь в принципе не противоречит конституции США, ответив таким образом на вопрос, остававшийся открытым после решения по делу Фурмена. Однако Верховный суд признал неконституционными законы тех штатов, которые либо предписывают автоматическое вынесение смертного приговора, лишающее суд присяжных всякой свободы выбора, либо, напротив, при решении вопроса о назначении

---

[1] Gregg v. Georgia, 428 U.S. 153 (1976).

17 Зак. 702

смертной казни предоставляют им слишком широкое усмотрение.

Решение Верховного суда по делу Грегга послужило сигналом к приведению в исполнение смертных приговоров: «очередь смертников» вновь, как и накануне принятия решения по делу Фурмена, составила к середине 1976 г. около 600 человек. Правда, в первое время смертные приговоры приводились в исполнение лишь в единичных случаях. В 1977 г., впервые после описанного выше моратория, начавшегося после 1967 г., был казнен один из приговоренных к смерти, а затем, до конца 1982 г., было казнено еще 6 человек, и лишь после этого количество приводимых в исполнение смертных приговоров в США стало расти и составило, по данным министерства юстиции США, 66 на 1 октября 1986 г.[1]. В целом же разрыв между числом приговариваемых к смертной казни и количеством приводимых в исполнение приговоров достигает все бóльших размеров. Достаточно сказать, что в 1982 г., например в 28 из 37 штатов, где законодательство разрешает применение этой меры наказания, было вынесено 264 смертных приговора, а казнено 2 человека. В результате «очередь смертников» к 1 мая 1988 г., по данным некоторых общественных организаций, составила около 2048 человек, в том числе в штате Флорида — 283, в штате Техас — 259 осужденных. Эти расхождения между числом приговариваемых к смертной казни и казненных в известной мере связаны с тем, что по сложившейся ныне практике в США все смертные приговоры обязательно оказываются предметом рассмотрения апелляционных инстанций не только в соответствующем штате, но и на федеральном уровне, вплоть до Верховного суда США.

Итак, к настоящему времени уголовное законодательство большинства американских штатов, а также федеральные уголовные законы содержат в своем арсенале смертную казнь как один из видов наказания. Если не считать

[1] См.: USA death penalty briefing. London, 1987, p. 1.

норм федерального законодательства (как правило, неприменяемых), по которым смертная казнь предусмотрена за несколько видов наиболее тяжких, в том числе государственных преступлений, американское законодательство ныне грозит смертной казнью лишь за тяжкое убийство или лишение жизни, явившееся результатом другого тяжкого преступления. Попытки законодательных собраний некоторых штатов распространить эту меру наказания на иные преступления, например на вооруженное ограбление или изнасилование, встретили оппозицию не только со стороны Верховного суда США, но и Верховных судов отдельных штатов; в этих случаях вынесение смертного приговора признается ими «жестоким и необычным наказанием». Вместе с тем Верховный суд США уже несколько раз объявлял неконституционными законы, предписывающие обязательное применение смертной казни даже за наиболее опасные виды тяжкого убийства. Таковым, в частности, был признан закон штата Луизиана, не оставлявший присяжным свободы выбора и возможности учитывать смягчающие обстоятельства в случае убийства полицейского при исполнении им служебных обязанностей [1].

Характерно, что уголовное законодательство лишь 18 американских штатов содержит ограничения относительно возраста лиц, приговариваемых к смертной казни, однако, как правило, и в этих штатах установлен достаточно низкий минимум в 16 лет на момент совершения преступления. В истории США было немало случаев, когда приводились в исполнение смертные приговоры, вынесенные даже 12-летним детям. По состоянию на 1 января 1983 г. в «очереди смертников» находилось 18 приговоренных к смертной казни, которые были осуждены за преступления, совершенные ими в возрасте до 18 лет, причем двое из них — в возрасте 15 лет. Многочисленные обращения в Верховный суд США с просьбой признать неконституционными законы, допускающие применение

[1] Journal of criminal law and criminology, 1979, № 2, p. 211.

смертной казни к несовершеннолетним, долгое время не принимались им к рассмотрению. Лишь 28 июня 1988 г. Верховный суд США рассмотрел дело Томпсона, приговоренного в штате Оклахома к смертной казни за убийство, которое он совершил в 15-летнем возрасте (законодательство штата Оклахома не содержит ограничений по возрасту для вынесения такого приговора). Большинством в 5 голосов против 3 Верховный суд признал смертную казнь 15-летнего преступника противоречащей конституции, однако возможность казни подростков, достигших 16 лет, у членов суда сомнений не вызвала[1].

Изменились за последнее время и виды исполнения приговоров к смертной казни. Среди них законодательство различных американских штатов ныне предусматривает, наряду с «традиционными» электрическим стулом, газовой камерой, повешением и расстрелом, также и внутривенное вливание снотворного и парализующих веществ. Законы об осуществлении смертной казни этим последним методом, называемым «эвфаназией» — убийством из сострадания, приняты в Оклахоме, Техасе, Нью-Мексико и ряде других штатов.

Противники смертной казни в США продолжают борьбу за ее отмену. При этом они подчеркивают, что в США накоплен уже большой статистический материал, показывающий, что отмена или восстановление смертной казни в отдельных штатах (иногда на 10 — 15 лет) не оказывают влияния на количество регистрируемых преступлений, караемых этой мерой наказания. Точно так же и сопоставление данных по штатам, в одних из которых смертная казнь существует, а в других — отменена, приводит нередко к парадоксальным выводам, что уровень преступлений, караемых смертной казнью, оказывается ниже как раз в тех штатах, где она упразднена.

Противники смертной казни в США напоминают также, что в прошлом эта мера неизменно служила проявлением

---

[1] New York times, June 30, 1988.

расистской судебной политики: к приведенным выше цифрам добавим, что в США ни один белый никогда не был казнен за убийство черного. Однако, предупреждают они, и новое законодательство отнюдь не исключает возможности судейского произвола, а следовательно, и расовой дискриминации. Исследования, проведенные в конце 70-х начале 80-х годов во Флориде, Джорджии и других южных штатах, неопровержимо свидетельствуют, что смертные приговоры выносятся чаще всего обвиняемым-неграм, в особенности в тех случаях, когда потерпевшие принадлежат к белой расе [1].

Вместе с тем в настоящее время для американских криминалистов очевидна бесперспективность борьбы за отмену смертной казни в общегосударственном масштабе, поскольку этого не допустят ни законодательные собрания большинства штатов, ни большинство членов Верховного суда, ни конгресс США. Поэтому ученые-юристы, почти без исключений решительные противники смертной казни, считают необходимым в настоящих условиях добиваться хотя бы максимально ограниченного и «справедливого» вынесения смертных приговоров, то есть всего лишь совершенствования существующей практики. Именно к этому сводятся, по существу, итоги проведенного «Журналом уголовного права и криминологии» в 1983 г. симпозиума по актуальным проблемам смертной казни в США, материалы которого составили почти 500 страниц объемистого номера этого журнала [2].

Из крупных развитых капиталистических государств, не считая США, смертная казнь предусмотрена ныне лишь законодательством Японии прежде всего в качестве альтернативной санкции за умышленное убийство. Со времени второй мировой войны число выносимых и в особенности приводимых в исполнение смертных приговоров в этой стране постоянно сокращалось и ныне ежегодное число

---

[1] Journal of criminal law and criminology, 1983, № 3, p. 728 — 730.

[2] Symposium on currently death penalty issues. Journal of criminal law and criminology, 1983, № 3.

казненных исчисляется единицами. Подобно США, в Японии имеется довольно большая «очередь смертников», поскольку вынесенный смертный приговор приводится в исполнение только по особому разрешению министра юстиции. (Предполагается, что на 1 июня 1980 г. в тюрьмах Японии содержались 48 приговоренных к смертной казни, в том числе и те, кто находился под угрозой приведения приговора в исполнение более 30 лет [1].)

Следует отметить: опросы общественного мнения в США и во многих западноевропейских странах свидетельствуют, что в последнее время большинство населения в них выступает за допустимость смертной казни, хотя и по сравнительно узкому кругу преступлений. В частности, опросы, проводившиеся институтом Геллапа и другими организациями, исследующими общественное мнение в США, показывают, что за сохранение (или восстановление) смертной казни в 1966 г. выступало 42% американцев, в 1976 г. — 64%, в 1986 г. — 72% [2]. Весьма показательными являются и результаты референдума, проведенного в одном из крупнейших американских штатов Калифорния 7 ноября 1972 г., после того как Верховный суд штата (что отмечено выше) запретил смертную казнь. На референдум было вынесено предложение о восстановлении смертной казни за государственную измену, организацию крушения поезда с многочисленными жертвами и за дачу ложных показаний, имевшую следствием казнь невиновного. В ходе референдума за восстановление смертной казни высказалось 5 386 904 избирателя, против — 2 591 541 (соответственно 67,5% и 32,5%). Близкие показатели были получены и в результате опросов общественного мнения, проводившихся в других странах. Судя по ним, процент голосующих за смертную казнь значительно возрастает, если опрос проводится вскоре после известия о каком-либо преступлении, вызвавшем особенное негодование населения. Если учитывать именно такие опросы, то

---

[1] Frankfurter Allgemeine Zeitung, Januar 26, 1982.
[2] Journal of police science and administration, 1986, № 3, p. 193 — 201.

в Англии за введение смертной казни для террористов выступает 88% населения, во Франции за допустимость смертной казни высказывается 75% населения, в ФРГ — 67%. По результатам опроса, проведенного в Канаде в 1984 г., когда в стране получили большой резонанс случаи похищения и убийства детей, а также нападений на полицейских, 70% канадцев высказались за применение смертной казни к осужденным за эти преступления[1]. Представляют большой интерес и результаты опросов общественного мнения, проводившиеся на протяжении весьма длительного периода времени в Италии. В 1949 г., вскоре после отмены смертной казни, 71% населения Италии выступал за смертную казнь, 29% — против. В 1982 г., то есть после нескольких десятилетий запрещения смертных приговоров, за смертную казнь выступало 58% населения, 42% — против[2].

Проблемы смертной казни за последнее время нередко оказывались в западных странах в центре дискуссий, в которых участвовали политические деятели, юристы, философы, журналисты, представители самых различных слоев общества. Так, в Соединенных Штатах вопрос о смертной казни не раз становился предметом ожесточенной политической борьбы в ходе избирательных кампаний (последнее тому свидетельство — полемика между Дж. Бушем, решительным сторонником смертной казни, и М. Дукакисом, столь же решительно выступившим за ее отмену в ходе президентских выборов 1988 г.). По проблемам смертной казни на Западе накопилось уже попросту необозримое количество публикаций как общего плана, так и специальных криминологических и юридических работ, в частности по результатам исследований ее эффективности. Нередко этим проблемам посвящаются серии статей, а то и целые номера популярных журналов, издаваемых миллионными тиражами и распространяемых во многих

[1] Culhane C. Still barred from prison. Montreal, 1985, p. 125 — 141.

[2] Corbetta P. e Parisi A. L 'Opinione publica italiana di fronte a la pena di morte. Il Mulino, 1983, № 1, p. 89 — 90.

странах. Если попытаться обобщить аргументы, к которым в настоящее время наиболее часто прибегают сторонники и противники смертной казни на Западе, то они представляются следующими (с учетом и возможных контраргументов противной стороны).

Сторонники смертной казни утверждают, что для наиболее отвратительных преступлений эта мера — единственно справедливое наказание. Такая мера, говорят они, служит защите общества от самых опасных и, очевидно, неисправимых преступников, в борьбе с которыми без нее государство не может обойтись. Далее, введение смертной казни представляется необходимым ее сторонникам хотя бы для лиц, приговоренных к пожизненному заключению и там совершивших новое преступление, с их точки зрения остающееся безнаказанным. Вопреки утверждениям о вредном воздействии смертной казни на общественную мораль, ее сторонники ссылаются на телевидение, которое в гораздо большей степени распространяет самые жестокие нравы. Наконец, используются как аргумент в пользу смертной казни и приведенные выше результаты опросов общественного мнения.

Противники смертной казни в свою очередь ссылаются на целый ряд соображений в пользу ее отмены, многие из которых были названы выше при изложении взглядов Беккариа, Марка Анселя и других авторов, а также на результаты статистических обследований, свидетельствующих о том, что упразднение или введение смертной казни не оказывает сколько-нибудь существенного воздействия на количество преступлений, за которые могла бы быть назначена эта мера.

В заключение хотелось бы обратить внимание на то, что об общей картине распространения смертной казни в современном капиталистическом мире не следует судить исходя лишь из фактов ее отмены. Даже принимая во внимание то обстоятельство, что помимо названных стран смертная казнь формально отменена и в ряде государств Латинской Америки, необходимо учитывать, что ныне она остается в арсенале уголовного законодательства более ста

государств несоциалистического мира. В некоторых из них, например в ЮАР, ежегодное количество приведенных в исполнение смертных приговоров исчисляется десятками и даже сотнями. Но и в тех странах, где смертная казнь отменена по закону, в распоряжении репрессивного аппарата остаются возможности внесудебных расправ, жертвами которых чаще всего становятся представители революционных, национально-освободительных и иных демократических движений. Об этом свидетельствует практика реакционных режимов в ряде государств Латинской Америки, которые предпочитают, независимо от того, предусмотрена ли их законодательством смертная казнь или нет, расправляться со своими политическими противниками без суда и следствия, нередко с помощью армии, полиции либо правых террористических организаций.

Основные тенденции в исследованиях смертной казни в 1979—1986 гг.

Настоящий обзор был представлен на Международной конференции на тему «Смертная казнь как наказание», организованной Международным институтом криминологических наук, Сиракузы, Италия, 17—22 мая 1988 г.

I. Введение

Этот обзор дает основную информацию о характерных чертах исследований смертной казни, опубликованных с января 1979 г. по декабрь 1986 г. В частности, его целью является количественный и качественный анализ важнейших тенденций в указанный период. Хотя охваченный период и недостаточно длителен для того, чтобы придти к определенным заключениям относительно тенденций общего характера, проанализированные данные тем не менее дают основания для некоторых предварительных выводов.

Этот обзор опирается на материалы, содержащиеся в библиотеке Исследовательского Института Социальной Защиты ООН (УНСДРИ) и охватывает таким образом только опубликованные работы, не касаясь проводящихся исследовательских работ, которые пока не опубликованы. Целью обзора является не обобщение результатов исследований, а скорее общее описание характерных черт исследовательской деятельности, преобладающей в области изучения смертной казни.

Наконец, надо заметить, что исследования, проанализированные ниже, рассматривали только законодательно закрепленную смертную казнь. Случаи применения смерт-

ной казни вне закона или вне судебной процедуры не изучались.

II. Количественный обзор исследований по смертной казни

Как отмечалось во введении, рассматриваемый период был недостаточно длительным для того, чтобы дать возможность проанализировать общие тенденции в рамках объема исследований или адекватного охвата всех важнейших тем. Таким образом, речь идет об описании характерных черт того, что является существенной частью исследований, а также исходные позиции и предмет. Следует это возможно, объем, географию, сферу и методы исследований, а также исходные позиции и предмет. Следует отметить, что основная классификация построена как раз по предмету исследований.

Среднегодовые данные.

Число работ, распределенных по предмету исследований и времени опубликования, показано на таблице 1, представляющей основу этого обзора. Использовано 363 опубликованных работы, что составляет в среднем 45,4 работы в год. Если же учесть сноски, резюме и документы, то число публикаций за охватываемый период составляет 562. Это значит, что в этом обзоре обобщены около 65% установленных опубликованных работ. Процент публикаций по годам колеблется от 45% в 1985 г. до 77% в 1979 г. и в 1981 г. Остальные 199 работ, которые не были проанализированы в обзоре, в основном опубликованы в различных юридических журналах Соединенных Штатов Америки.

Используемые классификационные группы — те же самые, что и в предыдущем докладе УНСДРИ, где шесть групп были выведены на основе анализа 254 работ[1]. Такими группами являются: 1) общая дискуссия;

---

[1] Доклад УНСДРИ был подготовлен для Генерального секретаря ООН: Вопросы социального развития — смертная казнь, Док. E/1985/43. 26 апреля 1985.

2) правовые проблемы; 3) применение смертной казни; 4) позиции по отношению к смертной казни; 5) измерение устрашающего (сдерживающего) воздействия; 6) изучение лиц, осужденных к смертной казни.

Таблица 1

Число публикаций по предмету исследований

Год	Общая дискуссия	Правовые проблемы	Применение см. к.	Позиции по отношению к см. к.	Измерение устрашающего воздействия	Изучение лиц, осужденных к см. к.	Всего
1979	15	16	6	5	12	4	58
1980	7	16	5	4	9	3	44
1981	9	16	7	3	5	4	44
1982	17	18	4	4	10	1	54
1983	19	16	5	4	9	1	54
1984	12	19	12	8	2	0	53
1985	10	9	6	3	1	0	29
1986	8	9	5	2	0	3	27
Всего	97	119	50	33	48	16	363

Как показано на таблице 1, имеются существенные различия в количестве опубликованных работ по предмету исследования. Материалы по правовым проблемам составляют 119 работ (32,9% от общего числа), на следующем месте находятся исследования, определенные как «общая дискуссия» (26,5%) и исследования в области устрашающего (сдерживающего) воздействия (13,3%). Работы, посвященные применению смертной казни и позициям в отношении нее, составляют 13,8% и 9,1% соответственно. Исследование лиц, осужденных к смертной казни, — одна из наименее популярных тем (4,4%). Сравнение этих результатов с полученными при предварительном изучении вопроса показывает, что сферы общих дискуссий и правовых проблем остались почти теми же самыми (26,4% и 26,5% для первой названной группы и 32,3% и 32,9% для второй). Число исследований, посвященных примене-

нию смертной казни и отношению к этой мере, увеличилось с 10,6% до 13,8% для первой темы и с 7,9% до 9,1% для второй.

С другой стороны, измерению устрашающего (сдерживающего) воздействия и изучению лиц, осужденных к смертной казни, стали уделять меньше внимания (17,7% и 13,3% для первой темы и 5,1% и 4,4% для второй). Анализ опубликованных работ показывает тенденцию к сокращению таких исследований.

География исследований.

Приблизительно 70% всех работ опубликованы в Соединенных Штатах Америки, более 20% — в других западных странах, таких как Канада, Великобритания, Франция и Италия. Исследования из стран Восточной Европы составляют приблизительно 1%, на долю развивающихся стран приходится 4,1%. Таблицы 2 и 3 показывают число публикаций в развивающихся странах и странах Восточной Европы и иллюстрируют тенденцию увеличения числа публикаций (в этих странах), особенно за последние три года.

Существует большой разрыв в количестве опубликованных работ между развитыми и развивающимися странами. Конечно, этот результат может быть обусловлен недостатками сбора литературы в библиотеке УНСДРИ, однако он может также отражать, по крайней мере в некоторой степени, и «реально предпочитаемое» направление исследований смертной казни в этих странах. Другими словами, в развивающихся странах исследований по смертной казни меньше, чем это можно было бы предположить, исходя из общего состояния научных исследований в этих странах. Этот результат может отражать различные состояния в движении за отмену смертной казни или настроениях в различных странах, а также политические, законодательные и юридические реакции на них. Наконец, некоторые темы, такие, как измерение устрашающего (сдерживающего) воздействия фактически ограничены теми странами или регионами, где

Таблица 2

Число публикаций по предмету исследования в развивающихся странах

Год	Общая дискуссия	Правовые проблемы	Применение см. к.	Позиции по отношению к см. к.	Измерение устрашающего воздействия	Изучение лиц, осужденных к см. к.	Всего
1979	0	0	0	0	0	0	0
1980	0	0	0	0	0	0	0
1981	0	0	0	0	0	0	0
1982	1	0	1	0	0	0	0
1983	0	0	0	0	1	0	2
1984	3	1	2	0	0	0	1
1985	1	0	0	0	0	0	6
1986	3	0	1	1	0	0	1
							5
Всего	8	1	4	1	1	0	15

Таблица 3

Число публикаций по предмету исследования в странах Восточной Европы

Год	Общая дискуссия	Правовые проблемы	Применение см. к.	Позиции по отношению к см. к.	Измерение устрашающего воздействия	Изучение лиц, осужденных к см. к.	Всего
1979	0	0	0	0	0	0	0
1980	0	0	0	0	0	0	0
1981	0	0	0	0	0	0	0
1982	0	0	0	0	0	0	0
1983	0	0	0	0	0	0	0
1984	1	0	0	0	0	0	1
1985	0	0	1	0	0	0	1
1986	1	0	0	0	0	0	1
Всего	2	0	1	0	0	0	3

происходили изменения в статусе смертной казни de jure и de facto.

Сфера исследований.

Приблизительно 85% опубликованных работ представляют собой монокультурный тип исследований, касающихся проблем, специфичных только для одной страны или одной культуры. Около 15% работ принадлежат к межкультурному типу исследований в самом широком смысле. В большинстве такого рода работ делаются сравнения по разным странам. Однако можно также отметить, что работы, определенные как «общие дискуссии», используют некоторые общие или межкультурные источники, даже если они относятся к одной стране, и поэтому имеют общий или межкультурный смысл и значение.

Следует указать, что большинство исследований межкультурного типа нуждается в понимании природы смертной казни в рамках объединения правовой, социальной и политической структур.

Методы исследований.

Существуют три важнейшие группы методов, использованных в исследованиях: юридико-нормативистские подходы, бихевиористские подходы и их сочетание. Есть четкая связь между предметом исследования и примененными методами. Большинство работ в группе «правовые проблемы» характеризуются использованием юридико-нормативистских подходов, в то время как в исследованиях устрашающего (сдерживающего) воздействия и применения смертной казни преимущественно используются бихевиористские подходы. Однако следует заметить, что около одной трети опубликованных работ пользуются сочетанием этих двух методов, и такое сочетание имеет тенденцию к распространению на области, где ранее традиционно применялся исключительно тот либо другой метод. Представляется, что междисциплинарный подход, предполагающий многомерный анализ данного явления, может содей-

ствовать лучшему пониманию такого сложного явления, каковым является смертная казнь.

Исходные позиции.

Речь идет об идеологической позиции — «за» или «против» смертной казни. Установлено, что нейтральная позиция отражена в большинстве исследовательских работ обозреваемого периода.

Однако существует некоторая связь между предметом исследования и исходной позицией. Исследования, посвященные устрашающему (сдерживающему) воздействию смертной казни, и материалы обсуждения правовых проблем имеют тенденцию быть нейтральными в рамках исходной позиции, в то время как в области общих дискуссий они отражают более определенное отношение. Следует также отметить, что когда исходная позиция выражена, то наиболее часто она отражает положительное отношение к отмене смертной казни, нежели к ее сохранению.

III. Обзор важнейших тем

Цель дальнейшего обсуждения состоит не в обзоре всех результатов исследований применительно к обозреваемому периоду, а скорее в своего рода анализе важнейших результатов с точки зрения тематики и методологии.

Общая дискуссия.

Обсуждение смертной казни актуально всегда. Эта тема была предметом дебатов в прошлом, она есть в настоящем и будет в будущем. Это обсуждение включает этические, религиозные и политические подходы, которые тесно переплетены. Специфическая природа смертной казни, тесно связанная с фундаментальными ценностями современного общества, недавняя тенденция повторного введения этого наказания в правовые системы многих государств, равно как различия между общественным мнением, научными взглядами, политическими и правовыми реакци-

ями по этому вопросу — все это в некотором роде объясняет тематическую важность проблемы смертной казни.

С древних времен юридическая мысль рассматривала смертную казнь как меру, необходимую для защиты основополагающих ценностей общества. По мере того, как правовые системы становились более организованными и развивались нормы права, в правовых предписаниях формулировалось достижение целей кары, а позднее целей устрашения (удержания). Эти две исходные позиции, сохранившиеся в уголовном праве наших дней, составляют вечный спор, в котором ученые, политики, философы, юристы и общественность продолжают использовать различные подходы и аргументы.

Споры «за» и «против» смертной казни начались в конце XVIII столетия и остаются нерешенными и, возможно, нерешаемыми. Хотя дебаты возникают по разным вопросам, типичные аргументы, используемые обеими сторонами, частота их использования, формы, которые они принимают, в большой степени подвержены влиянию отдельных случаев из жизни, возбуждающих общественные эмоции, которые в свою очередь формируют дискуссии.

Если отвлечься от ситуационных факторов, можно сказать, что дискуссия поддерживается двумя противоположными тенденциями. С одной стороны, существует тенденция к отмене или сокращению применения смертной казни посредством изменения de jure или de facto во все большем числе стран, в том числе странах Восточной Европы и Латинской Америки. В частности, эти изменения проявляются de jure или de facto в сдерживании применения смертной казни, сокращении числа преступлений, наказываемых смертной казнью, и приостановлении ее исполнения на неопределенный срок. Противоположная тенденция также находит свое проявление и заключается в сохранении, повторном введении и применении смертной казни во многих странах. Обе эти тенденции связаны с доминирующими политическими и социальными условиями.

Современная дискуссия о смертной казни является комплексной и характеризуется такими расхождениями и часто несовместимыми точками зрения, что может быть сравнима с диалогом глухих. Умозрительные предположения обеих сторон дискуссии абсолютно различны, и исследования, основывающиеся на таких различных предположениях, неизбежно приводят к противоположным выводам. В дискуссии по-прежнему преобладают два главных аспекта проблемы смертной казни: карательный аспект, при котором функцией смертной казни признается главным образом удовлетворение потребности общества в мести; и превентивный аспект, при котором функцией смертной казни считается прежде всего устрашение (удержание). Как сторонники сохранения, так и сторонники отмены смертной казни концентрируют свои аргументы на этих двух аспектах, привлекая моральные и научные доказательства, наилучшим образом подкрепляющие их точки зрения. Кроме того, обе стороны принимают во внимание этические и утилитарные аспекты смертной казни. При этом те, кто подчеркивает карательный аспект, приводят доводы более из этических арсеналов, в то время как те, кто озабочен принципом устрашения (удержания) придают больший вес утилитарной стороне вопроса. Противоположность в этических и политических позициях попрежнему преобладает в дебатах, посвященных объяснению и оправданию смертной казни.

Правовые проблемы.

Изучение описываемых правовых исследований показывает состояние правовой мысли в различных странах. Правовая и моральная дискуссия относительно конституционности смертной казни, которая господствовала в этой области в течение длительного времени, сейчас затухает. Представляется, что происходит некоторое смещение от проблемы конституционности к проблемам процедурных гарантий в процессе назначения смертной казни. Если раньше выделялась проблема «за» и «против» смертной казни, то сейчас на первый план выходят процедурные

гарантии, которые должны уменьшить риск случайности в юридическом процессе. В этом смысле происходит смещение от моральных к формальным аргументам. Правовые исследования преимущественно следуют за законодательной или судебной практикой, хотя проблема процедуры и имеет собственную ценность.

В правовых исследованиях наиболее часто обсуждаются по крайней мере четыре темы: 1) апелляционный пересмотр; 2) квалификация присяжных для вынесения приговоров к смертной казни; 3) проблема доказательств, включая психиатрическую экспертизу и 4) применение смертной казни к молодым преступникам. Первая и третья темы близко связаны с процедурными гарантиями, в то время как вторая тема относится к проблеме случайности. В последнее время было высказано особенно много аргументов по проблемам квалификации присяжных для вынесения смертных приговоров и применения смертной казни к молодым преступникам.

Замечено, что правовые исследования имеют тенденции все более и более сочетаться с социологическими, где общественное явление анализируется на основе эмпирических данных о факторах, влияющих на изучаемый процесс. Но существует много работ, в которых используются и традиционные сочетания правового, философского и исторического анализов. В то время как социально-правовые исследования более нейтральны по вопросу об отмене или сохранении смертной казни, философско-правовые исследования занимают более четкую позицию — либо за отмену смертной казни, либо за ее сохранение.

Нужно упомянуть также о нескольких работах, в которых обсуждается соответствие смертной казни новым видам преступности, исходя из перспективы правового контроля и борьбы с этими видами преступности.

Что касается проблемы случайности в процессе принятия юридических решений, то обычно признается, что случайность должна быть сведена к минимуму. Тем не менее исследования судебной практики показывают, что

существуют резкие расхождения между участниками процесса, обусловленные либо различны толкованием правовых норм, либо различиями в их социально-политических воззрениях. По-видимому, личные предпочтения и различные оценки юридических решений неизбежны в ходе правового обсуждения, независимо от пределов, в которых правовая системы пытается быть беспристрастной. Но каждая данная правовая система совершенно необходимо должна иметь строгие процедурные гарантии для сокращения риска случайности принятия решений, а также для того, чтобы защитить права личности, равно как и для обеспечения справедливости.

Анализ судебной практики показывает, что во многих случаях суд склонен сосредоточивать свое внимание на вопросах, по которым всегда существуют руководящие принципы, оставляя в стороне «затруднительные аспекты». Эта тенденция наблюдается не только при решении вопроса о смертной казни, но и в общем процессе принятия юридических решений из-за высокой формализации их правового обоснования. Но процессуальные гарантии сокращения случайности являются особенно важными из-за необратимых последствий применения смертной казни.

Следует заметить, что правовые исследования, которые указывают на существование риска случайности, хотя они и касаются технических вопросов, подкрепляют аргументацию в пользу отмены смертной казни.

Применение смертной казни.

В эту группу включены такие вопросы, как тенденции в современном использовании смертной казни на национальном, религиозном и международном уровнях, а также особенности реакции на преступления и обращения с обвиняемыми.

В более чем половине рассматриваемых работ изучалась проблема «дискриминации в системе уголовной юстиции». Наибольшая часть таких исследований проведена в Соединенных Штатах, где особенное внимание привлекла проблема расовой дискриминации в системе уголовной

юстиции, особенно при назначении смертной казни. На основе статистического анализа в некоторых работах доказывается, что к цветным обвиняемым в прошлом смертная казнь применялась несоразмерно чаще, хотя такие случаи встречаются и сейчас. Другие исследования показывают, что расовая принадлежность жертвы, но не раса обвиняемого существенно влияет на назначение смертной казни. Иногда полагают, что определяющим фактором в процессе назначения смертной казни выступает социально-экономическое положение обвиняемого, а не его раса. Установлено также и некоторое влияние на применение этой меры пола как жертвы, так и обвиняемого. Отмечаются также географические различия в приговорах к смертной казни. Таким образом, в большинстве исследований делается вывод о существовании определенной дискриминации в системе уголовной юстиции.

Часть работ этой группы относится к описательному типу, представляя собой обзоры случаев назначения смертной казни и фактического ее исполнения. Из-за отсутствия в некоторых регионах надежной статистики о смертной казни трудно проследить тенденции в ее исполнении в мировом масштабе. Следует подчеркнуть, что исследование общих тенденций реального исполнения приговоров к смертной казни требует бо́льших усилий, равно как и получение надежной статистики по этому вопросу на мировом уровне.

Позиции по отношению к смертной казни.

Общественные установки и эмоции в отношении к смертной казни являются главной темой в этой группе. Все обсуждаемые проблемы могут быть разделены на три основные подгруппы. Первая из них изучает общественные установки относительно смертной казни в рамках общей системы наказаний. Вторая подгруппа сосредоточивается на отношении между общественными позициями и законодательством, правовой и (или) политической ситуациями. Третьи обращают внимание на убеждения или причинные процессы, лежащие в основе общественных позиций. Все

указанные проблемы в большой степени взаимосвязаны. В большинстве исследований рассматривается общественная поддержка по вопросу об отмене или сохранении смертной казни. В некоторых работах, непосредственно связанных с правовыми проблемами и применением смертной казни, изучаются позиции присяжных в процессе принятия ими решений.

Исследователи уделяют большое внимание общественным установкам по отношению к смертной казни, потому что получаемые результаты могут быть использованы ими для поддержки позиций «за» и «против» смертной казни. Однако, если подойти к этой проблеме с другой стороны, то она оказывается не такой простой. Многие исследования показывают, что общественные позиции могут быть детерминированными разными сочетаниями отдельных факторов. Одна и та же позиция может быть результатом влияния различных факторов, лежащих в ее основе. Эти авторы подчеркивают, что природа формирования установки пока еще хорошо не известна. Обсуждается вопрос о возможности изменения общественных позиций разными способами. С другой стороны, высказывается мысль о том, что если общественные установки могут быть изменены относительно легко, то не они являются детерминантами поведения индивидов. Исследования наводят на мысль, что позиция по отношению к социальному явлению — это одно, а фактическое поведение (например, такое политическое поведение, как голосование) — совсем другое. В работах этой группы также исследовалась пригодность общественных установок в качестве адекватной основы для законодательства.

Исследовательские работы показали, что природа общественного знания о смертной казни в большой степени остается неизвестной, или по меньшей мере, этот вопрос изучен только частично. Предполагается, что простой подсчет общественных позиций по отношению к смертной казни может быть обманчивым или ненадежным для принятия юридического или политического решения, так как неизвестна сущность отношения между знанием и со-

циальным поведением. Замечено также, что общественные установки существенно изменяются, особенно по отношению к тяжким преступлениям, вызывающим сильные эмоциональные реакции.

Последние исследования в основном были ориентированы на изучение природы общественного знания, а также социальных и психологических процессов, лежащих в основе позиций относительно смертной казни. Понимание процесса образования общественной установки и ее воздействия на фактическое поведение, равно как и изучение убеждения в качестве основы формирования установки, может объяснить разрыв между общественными позициями и аболиционистскими нормами даже в тех странах, где смертная казнь была отменена на несколько десятилетий.

По контрасту с ранее проведенными исследованиями, где изучалось общественное мнение по вопросу о смертной казни, исследования последнего времени имеют тенденцию проводить различие между характером установки, с одной стороны, и социальными и психологическими факторами, обусловливающими ее формирование, с другой. Эмпирические исследования обнаружили, что хотя явно выраженная позиция может быть как «за», так и «против» смертной казни, факторы, лежащие в основе формирования установки, такие, как утилитарные, гуманитарные, инструментальные, этические и т. д., разбиваются на несколько кластеров [1]. Кроме того, установки по отношению к смертной казни связаны с общим отношением к преступности, системе уголовной юстиции и другим социальным явлениям. И эти отношения не всегда прямые.

В проведенных исследованиях обсуждаются также ра-

[1] Кластеры — классы элементов, образованные при группировке по сходству таким образом, что элементы одного класса ближе друг к другу, чем к другим элементам. Кластерный анализ используется в задачах автоматической классификации, распознавания образов и т. д. (прим. перев.).

нее полученные результаты, в которых поддержка смертной казни объясняется убеждением в ее сдерживающем эффекте, основанном на страхе перед наказанием, что обычно отмечалось в опросах общественного мнения. Хотя такое убеждение, действительно, может быть одной из причин поддержания смертной казни, не обязательно, что эта причина является единственной. Недавние исследования показали, что существуют различные показатели, которые могут рассматриваться как основание для социально-политической ценностной системы. Следовательно, хотя отношение между поддержанием смертной казни и убеждением в ее устрашающем воздействии выглядит как мотив или как главный фактор, поддерживающий позицию сохранения смертной казни, такое убеждение проявляется как интеллектуальное оправдание, часто бессознательное, для более фундаментальной ценностной системы, которая фактически и определяет социальное и политическое поведение.

Интересно заметить, что хотя как сторонники, так и противники отмены смертной казни высказывают твердые убеждения в правоте своих позиций, и те, и другие демонстрируют слабое знание организационной стороны применения смертной казни. Это противоречие ставит под сомнение надежность общественных установок как единственной основы для законодательных изменений.

Установка по отношению к смертной казни есть не просто отклик на мнение о преступности или опыт столкновения с ней, но скорее — аспект общей социально-политической идеологии и системы ценностей. Опросы общественного мнения, результаты которых часто используются в поддержку позиций как «за», так и «против» смертной казни и которые обычно опираются на небольшое число вопросов о смертной казни, иногда скрывают сложность этого явления. В последних исследованиях высказывается положение, что проблема не может быть изучена надлежащим образом только посредством анализа результатов опросов общественного мнения или с помощью экспертных оценок.

Общественные позиции по отношению к смертной казни должны изучаться в рамках теоретической структуры установки вообще как социального, психологического и политического явления.

Измерение устрашающего (сдерживающего) воздействия.

Сдерживающее воздействие посредством страха перед наказанием — центральная проблема в дебатах о смертной казни. Исследователи этой группы старались изучить, каким образом различные аспекты смертной казни реально имеют устрашающий эффект.

Более половины работ этой группы эмпирические. Преобладают четыре типа подходов, применяемых для измерения устрашающего воздействия смертной казни:

1 — долговременные или серия временных исследований, где исследуется ковариация[1] между коэффициентом убийств[2] и исполнением приговора к смертной казни;

2 — сравнение коэффициента преступности, особенно коэффициента убийств «до» и «после» отмены или восстановления смертной казни в границах одного региона, при этом изменения в коэффициенте убийств исследуются и объясняются изменениями в законодательстве;

3 — кратковременное воздействие исполнения смертной казни, где изучаются изменения в числе убийств, о которых заявлено, вскоре после обнародования сведения о приведении приговора в исполнение;

4 — межгрупповые сравнения, в которых изучаются коэффициенты убийств в странах или регионах, отменивших смертную казнь или сохранивших ее.

---

[1] Ковариация — числовая характеристика совместного распределения двух случайных величин, с помощью которой определяется коэффициент корреляции (прим. перев.).

[2] Коэффициент убийств — статистический показатель распространенности убийств; рассчитывается как отношение числа убийств, о которых стало известно, к 10 000 или 100 000 населения (прим. перев.).

Почти три четверти эмпирических исследований констатируют отсутствие достоверной зависимости между смертной казнью и коэффициентом убийств. Некоторые исследования указывают, что исполнение смертной казни и коэффициент убийств — независимые явления и что социально-экономические и демографические факторы могут иметь большее значение в отношении убийств, чем число казней. Как показывают некоторые межгрупповые исследования, отмена смертной казни часто следует за ростом коэффициента убийств. С другой стороны, часть исследований утверждает, что смертная казнь имеет некоторое сдерживающее воздействие, основывающееся на устрашении, или, по крайней мере, оказывает кратковременное влияние на коэффициент убийств.

В большинстве исследовательских работ коэффициент убийств используется как индикатор при измерении возможного устрашающего эффекта смертной казни, при этом использованию других показателей уделяется не много внимания.

Поскольку исследования этой группы требуют эмпирических доказательств существования или отсутствия устрашающего (сдерживающего) воздействия, то методологические вопросы, связанные с измерением этого воздействия, также привлекают внимание ученых. Некоторые из основных проблем методологии могут быть обобщены следующим образом:

а) даже если ковариация между смертной казнью и коэффициентом убийств обнаружена, она не обязательно указывает на причинную связь между этими явлениями. Всегда существует возможность, что на то и на другое явления влияют неучтенные факторы. Когда используются сравнительные методы изменения в коэффициенте убийств, не следует преувеличивать влияние фактора смертной казни. Когда применяются методы количественного анализа и делается вывод, что изменения в коэффициенте убийств статистически объяснимы влиянием фактора смертной казни, это вовсе не означает, что правильны теоретические модели, положенные в основу таких исследований;

б) иногда для анализа оказываются недоступными адекватные данные; кроме того, в анализе могут быть использованы неполные данные или данные, не соответствующие необходимым требованиям по количеству и качеству;

в) как отмечалось выше, показатели, используемые для измерения устрашения, не всегда тщательно отбираются с точки зрения их соответствия цели исследования;

г) для обсуждаемого предмета исследования невозможно проведение соответствующих контрольных экспериментов. Проверка опирается на наблюдение за ситуацией, которая развивается только в некоторой степени подобным образом в квазиэкспериментальном состоянии;

д) главное предположение в гипотезах о существовании устрашения заключается в том, что потенциальные преступники — рационалисты, которые взвешивают потери и выгоды перед совершением преступлений. Однако такое предположение небесспорно как само по себе, так и тогда, когда в качестве индикатора устрашения используется коэффициент убийств, поскольку установлено, что эмоции играют существенную роль в значительном числе случаев совершения таких преступлений.

Результаты рассмотренных исследований не закрывают дискуссию о сдерживающем воздействии, основанном на страхе перед смертной казнью, хотя общей их тенденцией является констатация отсутствия этого воздействия. Эта дискуссия открыта и для теоретических аргументов, и для методологических соображений. Результаты, основанные на статистических данных, выходящих за пределы их непосредственного значения, следует использовать крайне осторожно.

Изучение лиц, осужденных к смертной казни.

Основной вопрос этой темы — это исследование и классификация психологических, социологических и криминологических характеристик лиц, осужденных к смертной казни. Все эти исследования были проведены в США, где

общественный доступ к лицам, осужденным к смертной казни, относительно открыт. Есть несколько исследований, в которых собрана информация, полученная из уголовной статистики, наблюдений в пределах юридических учреждений и интервью с осужденными к смертной казни. В некоторых из них обнаружено, что большинство осужденных к смертной казни составляют лица, впервые совершившие преступления, не имеющие уголовного прошлого, и что около 5% осужденных уверены, что они признаны виновными несправедливо. Указывается также на то, что у лиц, осужденных к смертной казни, часто встречаются такие психологические черты, как безразличие, апатия, безволие и психические нарушения. В работах изучалась также современная юридическая процедура определения состояния здоровья, что обусловлено данными о наличии значительного числа осужденных, страдающих психическими нарушениями, и предположением о необходимости разработки всесторонней процедуры для охраны прав человека. Кроме того, внимание исследователей привлекает вопрос о доступе общественности и прессы к исполнению смертной казни, а также проблема прав осужденных.

IV. Заключение

Большая часть исследовательских работ поступает из Соединенных Штатов Америки и развитых стран Запада. Существует потребность в большем числе исследований из других регионов мира, особенно из развивающихся стран, хотя число публикаций здесь за последнее время стало расти. Расширение исследовательских усилий в развивающихся странах вместе с работами, выполненными в развитых странах, создает возможность для проведения большего числа межкультурных и ситуационных сравнений и сделает более понятными проблемы, вытекающие из специфических социальных, культурных и политико-правовых взаимодействий в глобальном контексте.

Этот тематический и методологический обзор, касаю-

щийся исследований смертной казни за период между 1979 и 1986 гг., показывает, что серьезного прорыва в обсуждаемой проблеме не было. Дискуссии «за» и «против» смертной казни продолжаются, следуя путями, проложенными еще много лет назад.

В развитых странах спектр направлений исследовательских работ весьма широк. С другой стороны, представляется, что в развивающихся странах большинство исследований ограничивается общими дискуссиями и изучением применения смертной казни.

Следует подчеркнуть, что результаты исследований сегодня становятся богаче в большей степени, чем раньше, благодаря эмпирическому подтверждению, проводимому в социально-правовых исследованиях, по крайней мере в развитых странах. И хотя эта верификация осуществляется в целях защиты той или иной позиции, она повышает искусство исследователей, углубляет понимание сложной природы проблем.

Перевод с английского
к. ю. н. ПОЛУБИНСКОЙ С. В.

Смертная казнь: за и против./Под ред. С. Г. Кели-
С 50 ной — М.: Юрид. лит., 1989. — 528 с.

ISBN 5-7260-0150-8

В полемическом сборнике публицистического характера помещены статьи русских дореволюционных и советских авторов — юристов, философов, социологов, историков, писателей, представителей духовенства, государственных и общественных деятелей — противников и сторонников смертной казни. Публикуется материал об истории смертной казни в нашей стране и обзор по западным странам.

Книга снабжена обширным библиографическим материалом по данному вопросу.

Для широкого круга читателей.

С $\frac{1203020110-040}{012(01)-89}$ КБ-31-10-88 67.99(2)8

ISBN 5-7260-0150-8

СМЕРТНАЯ КАЗНЬ: ЗА И ПРОТИВ

Художник А. Б. Бобров
Художественный редактор Э. П. Батаева
Технический редактор О. П. Соловова
Корректоры М. Ю. Калинцева, М. В. Сладкина
Операторы Т. Н. Котова, Н. Г. Шкуратова

ИБ № 2139. Научно-популярное издание

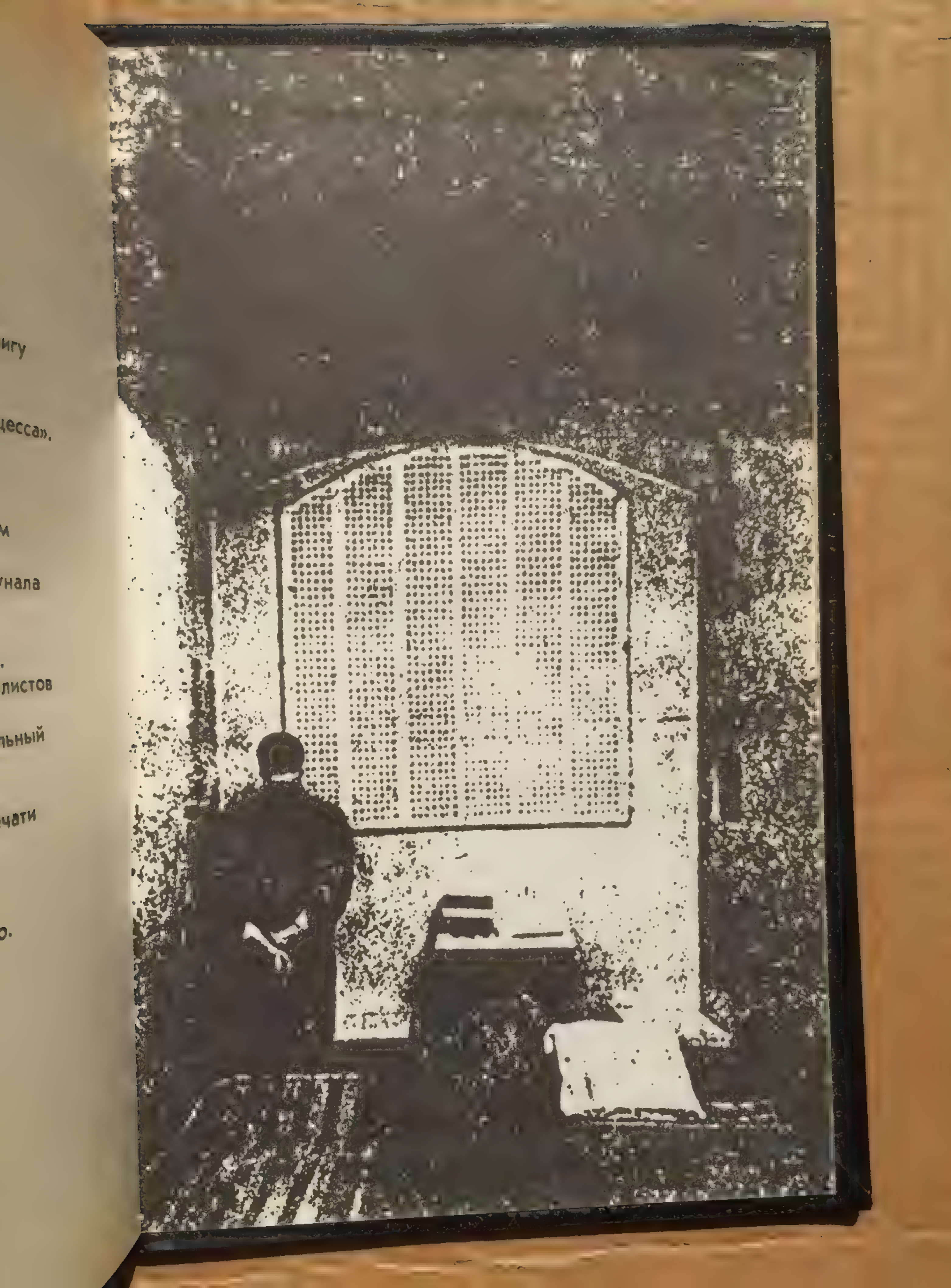
Сдано в набор 23.11.88. Подписано в печать 17.02.89.
А-08308. Формат 84×108 1/32. Бумага типографская № 2.
Гарнитура «Тип Таймс». Печать высокая.
Объем: усл. печ. л.27,72 ; усл. кр.-отт.27,72 ; учет.-изд. л.27,22.
Тираж 100 000 экз. Заказ № 702. Цена 2 р.40к.

Издание подготовлено к печати на ЭВМ
и фотонаборном оборудовании
в ордена «Знак Почета»
издательстве «Юридическая литература».
121069, Москва, Г-69, ул. Качалова, д. 14.

Отпечатано в Ленинградской типографии № 6
ордена Трудового Красного Знамени
Ленинградского объединения «Техническая книга»
им. Евгении Соколовой Союзполиграфпрома
при Государственном комитете СССР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
193144, г. Ленинград, ул. Моисеенко, 10.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

В 1990 году
наше издательство
планирует выпустить в свет книгу
А. Н. Николаева
«Токио: суд народов.
По воспоминаниям участника процесса».
Автор — Чрезвычайный
и Полномочный Посол,
доктор юридических наук —
работал судебным секретарем
Советской части
Международного военного трибунала
для Дальнего Востока,
проходившего
в Токио в 1946—1948 годах.
В книге объемом в 30 печатных листов
содержится
интересный и весьма обстоятельный
фактический материал,
документы, фотографии,
помещен обзор японской печати
о Токийском процессе.
Издание рассчитано
на широкую
читательскую аудиторию.

Библиотеки Москвы
СВАО Библиотека №61-1
0 280006 514446

Смертная казнь
за и против

Дополнение.

Что стало с детьми Андрея Чикатило, как они живут и как выглядят (с...

74К отзывов

Яндекс Дзен

Известные личности
17 786 подписчиков

Вы подписаны

1.1 тыс. нравится

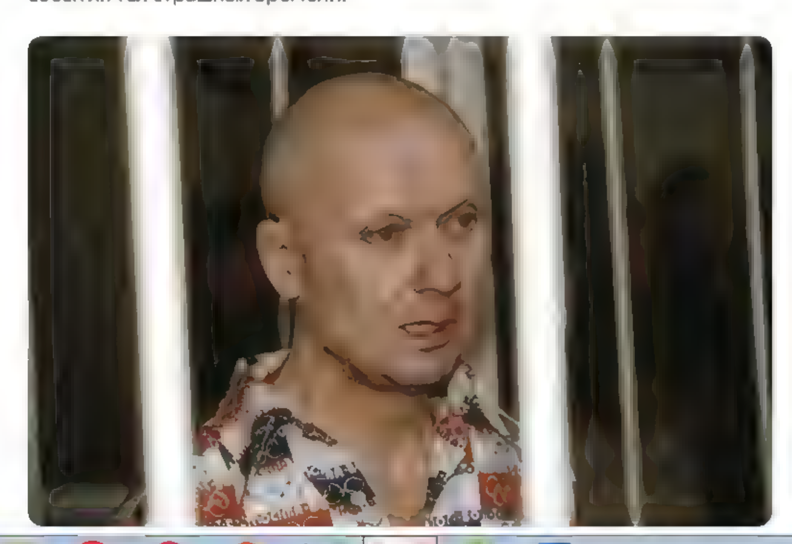
Не нравится

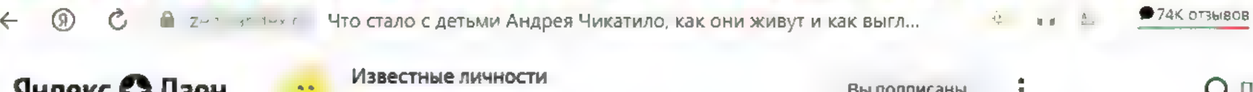
59 обсудили

Поделиться

Что стало с детьми Андрея Чикатило, как они живут и как выглядят (сын пошел по стопам)

Кто самый злой и устрашающий преступник всех времен в СССР? Многие из вас ответят, что это Андрей Чикатило. Ясность в биографию этого преступника внесли режиссеры одноименного фильма. В сериале «Чикатило», который вышел совсем недавно, очень хорошо рассказаны события тех страшных времени.

1.1 тыс. нравится

Не нравится

59 обсудили

Поделиться

Но в сериале показаны и другие стороны преступлений этого человека. Ведь он так же. Как и все люди, был отцом и мужем. Именно в этой статье я расскажу вам о том, что же случилось с детьми преступника. А, как известно, у него их было двое – дочь Люда и сын Юрий. Отметим сразу, что сын пошел по стопам отца.

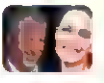
Нам с вами даже нельзя представить себе, какой позор и стыд пережили дети и жена Чикатило. Сразу после того, как Андрея Романовича арестовали и предали суду, его дети и особенно жена прятались от соседей и боялись выходить на улицу.

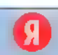

Другие публикации канала

Красивая Екатерина Мельник из "Физрука", ее личная жизнь и фото

Как выглядит и что делает актер, сыгравший "Терминатора Т1000" Роберт...

Отношения Романа Абрамовича - возможная помолвка с Анджелиной...

Отметим, что Андрей всегда был тихим, примерным на работе, он был домоседом и никогда не ссорился с соседями. Именно поэтому родные никак не могли поверить в то, что инкриминировали их отцу и супругу. Дочь преступника в то время жила уже в Харькове, ей было 27 лет. После суда сын Юрий и жена Феодосия отправились так же в этот город, чтобы скрыться от людей.

Но теперь поговорим подробнее о родственниках Андрея Чикатило. В отличии от своего отца, который был примерным семьянином, Юрий никогда не был послушным. Он всегда был агрессивным и даже жестоким. Еще в юношеском возрасте он начал заниматься рэкетом со своими друзьями. Он нападал на торговцев и других работников рынка, вымогал деньги и часто просто избивал прохожих.

Таким образом, очень быстро сын самого разыскиваемого преступника в СССР получил первое наказание, но не слишком суровое – всего год

Что стало с детьми Андрея Чикатило, как они живут и как выгл...

Яндекс Дзен

Известные личности
17 786 подписчиков

Вы подписаны

Поиск

1.1 тыс. нравится

Не нравится

59 обсудили

Поделиться

А потом преступления Юрия стали более серьезными. Ее начали обвинять в том, чем в принципе занимался и его отец. Но, по непонятным причинам девушка, которая написала заявление на Юрия, забрала свою жалобу из милиции.

А потом вообще нашли доказательства того, что сын известного преступника удерживал у себя дома заложника. Им стал случайный дальнобойщик, которого ограбили и похитили бандиты Юрия. В этот раз суд приговорил Юрия к семи годам лишения свободы.

Картинка ...

Что касается судьбы Людмилы, дочери Чикатило, то о ней мало что известно. Еще в юности Люда перестала общаться с отцом и практически

Другие публикации канала

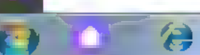
Красивая Екатерина Мельник из "Физрука", ее личная жизнь и фото

Как выглядит и что делает актер, сыгравший "Терминатора Т1000" Роберт...

Отношения Романа Абрамовича - возможная помолвка с Анджелиной...

Что стало с детьми Андрея Чикатило, как они живут и как выгл...

74К отзывов

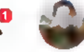

Известные личности
17 786 подписчиков

Вы подписаны

Поиск

1.1 тыс. нравится

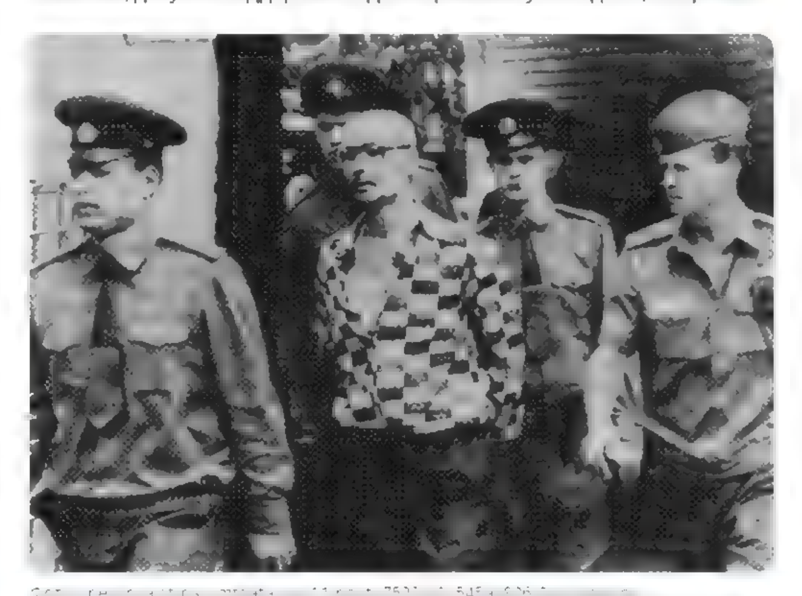
Не нравится

59 обсудили

Поделиться

Что касается судьбы Людмилы, дочери Чикатило, то о ней мало что известно. Еще в юности Люда перестала общаться с отцом и практически сбежала из дома. Девушка давно догадывалась, что с отцом происходит что-то непристойное.

Когда об отце открылась настоящая правда, Людмила не была особенно удивлена. Но мать и брата, которые до конца не верили в виновности Чикатило, девушка поддержала и даже приютила у себя дома, в Харькове.

Сын отсидел свой срок и даже написал книгу о своем отце, так сказать

Другие публикации канала

Красивая Екатерина Мельник из "Физрука", ее личная жизнь и фото

Как выглядит и что делает актер, сыгравший "Терминатора Т1000" Роберт...

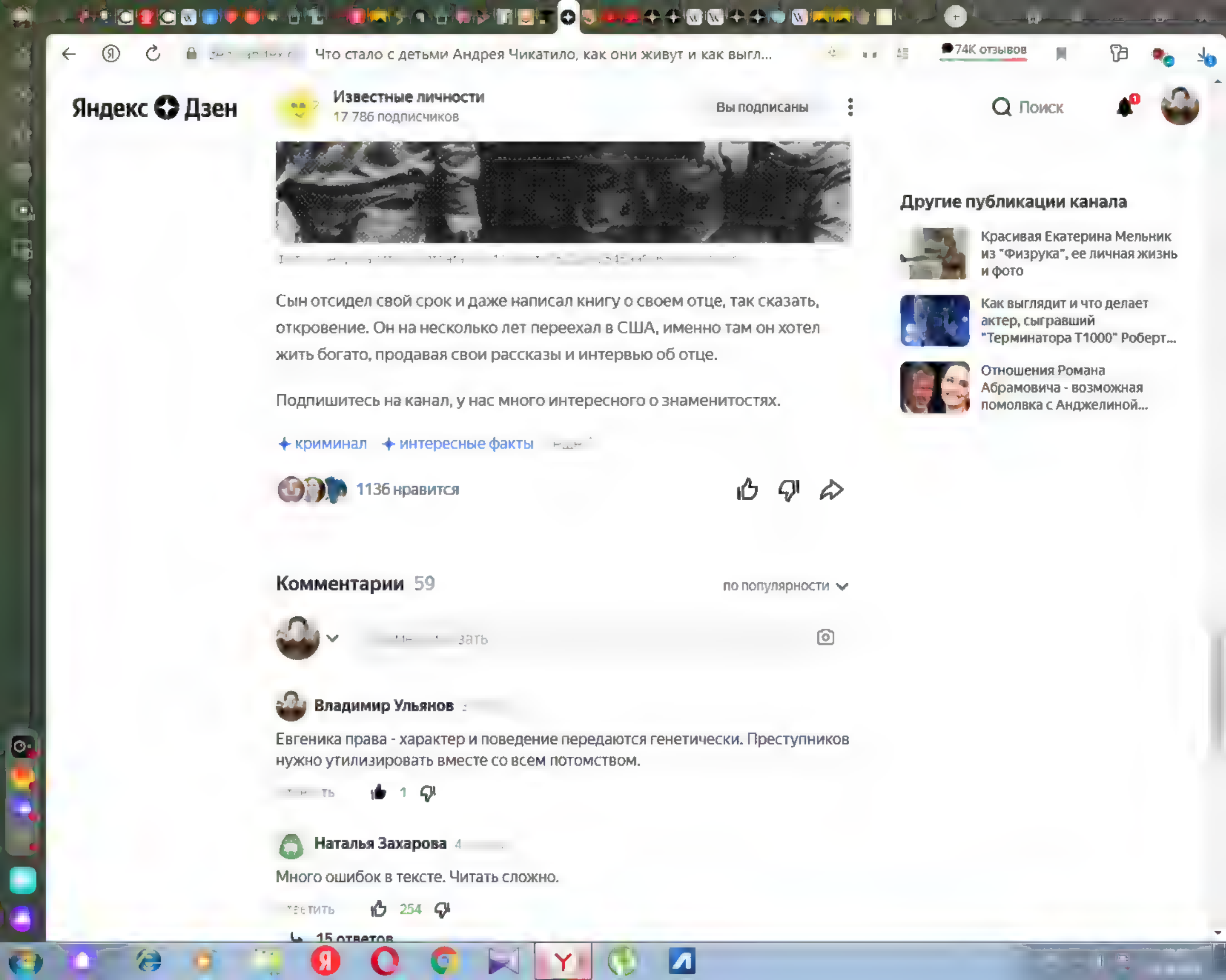
Отношения Романа Абрамовича - возможная помолвка с Анджелиной...

Что стало с детьми Андрея Чикатило, как они живут и как выгл...
74К отзывов
Яндекс Дзен
Известные личности
17 786 подписчиков
Вы подписаны
Поиск
Другие публикации канала
Красивая Екатерина Мельник из "Физрука", ее личная жизнь и фото
Как выглядит и что делает актер, сыгравший "Терминатора Т1000" Роберт...
Отношения Романа Абрамовича - возможная помолвка с Анджелиной...
Сын отсидел свой срок и даже написал книгу о своем отце, так сказать, откровение. Он на несколько лет переехал в США, именно там он хотел жить богато, продавая свои рассказы и интервью об отце.
Подпишитесь на канал, у нас много интересного о знаменитостях.
криминал
интересные факты
1136 нравится
Комментарии 59
по популярности
Владимир Ульянов
Евгеника права - характер и поведение передаются генетически. Преступников нужно утилизировать вместе со всем потомством.
1
Наталья Захарова
Много ошибок в тексте. Читать сложно.
254
15 ответов

М О С К О В С К И Й
ökko
ЧИКАТИЛО
ökko
ökko

Ещё раз напоминаю ЧЕМ Человек отличается от обезьян.

Человека отличает от животных - социализация. Человек живет ПОМОГАЯ ДРУГИМ, с тем что бы ВСЕ ЖИЛИ ХОРОШО.

У животных, у ВСЕХ животных социализация ограничивается стаей, в которой ВСЕГДА есть САМЫЙ ЖИРНЫЙ который ВСЕГДА ЖРЕТ ПЕРВЫМ, а ОСТАЛЬНЫЕ жрут ТО, ЧТО ОСТАЛОСЬ после того как пожрет вожак стаи.

Животные, ВСЕ животные включая Пещерных говорящих приматов ДУМАЮТ ТОЛЬКО (!) О СЕБЕ и СВОЁМ потомстве.

Зажиточный и бедный крестьяне

Куклы с синдромом Дауна стали лучшими игрушками 2020 года

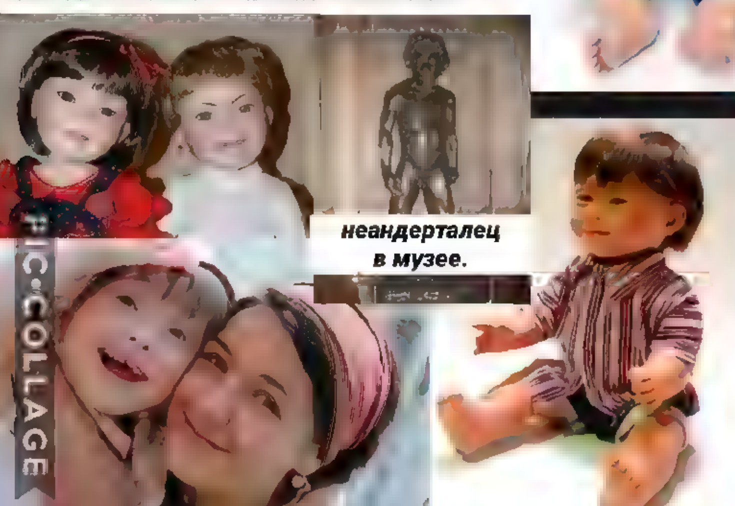
В этом году 24 бренда презентовали 81 игрушку для участия в конкурсе

Продвижение разнообразия

Куклы – представители разных рас с синдромом Дауна испанского бренда

Первая роль

Дочка Учителя сыграла сына Цоя

В прокат вышла картина «Цой». Режиссёр Алексей Учитель рассказал Metro, как [illegible] запомнил Виктора Цоя и что думает про желание родственников музыканта запретить фильм

tro Weekend читай и обсуждай на сайте metronews.ru

У - РАЗНЫХ - на лицо и тело граждан - Р А З Н Ы Е - характеры.

Мыслями, желаниями, ПОВЕДЕНИЕМ - ВСЕМ организмом ЦЕЛИКОМ управляют химические, биохимические процессы в каждом биологическом организме.

Но какую же роль играет ВОСПИТАНИЕ?

Воспитание для ГЕНЕТИЧЕСКИ добрых и честных ОТ РОЖДЕНИЯ всего лишь повторяет добрым и хорошим то, что ОНИ И ТАК ГЕНЕТИЧЕСКИ знают.

НЕ БУДЕТ генетически добрый и хороший Человек совершать преступления ДАЖЕ если в детстве говорить что воровать «это хорошо».

ЕСТЬ Люди которые В ПРОЦЕССЕ Эволюции приобрели МОЗГ и ВЕСЬ (!) ОРГАНИЗМ В ЦЕЛОМ устроенный ГЕНЕТИЧЕСКИ таким образом что, - Люди ОТ РОЖДЕНИЯ ДОБРЫЕ, ЧЕСТНЫЕ, БЛАГОРОДНЫЕ!

А «тожелюди» ЛИШЬ ПРИТВОРЯЮТСЯ, ИЗОБРАЖАЮТ «челавеков»!

ВСЕ «люди» РАЗНЫЕ! НО! Среди этого огромного стада РАЗНЫХ «челавеков» - ОЧЕНЬ МНОГО - ОДИНАКОВЫХ «людей»!

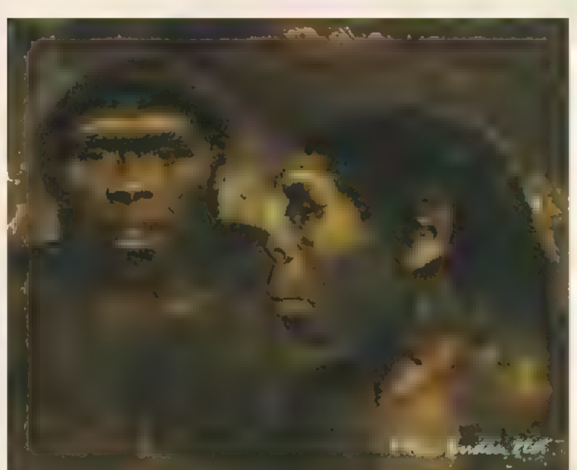
Ты можешь лично проверить
всё что прочёл в этой книге.

ВСЁ «человечество» это ОГРОМНОЕ
количество РАЗНЕХ - НЕ (homo) НЕ
(одинаково) разумных гоминид!

КАЖДЫЙ ВИД «челавека» это ГРУППА
«челавеков» С ОДИНАКОВЫМИ ЛИЦАМИ!

ТАК ЖЕ, КАК У ВСЕХ ВИДОВ НА ПЛАНЕТЕ!

РУССКИЕ РАСЫ
races of Russian
РАЗДЕЛ I
ОСНОВНЫЕ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ТИПЫ НАСЕЛЕНИЯ СССР
PIC•COLLAGE

ВСЕ виды «челавеков» ОТЛИЧАЮТСЯ от других ВИДОВ «челавека» ГЕНЕТИКОЙ, МОРФОЛОГИЕЙ и ФИЗИОЛОГИЕЙ = ЧТО И ЯВЛЯЕТСЯ ПРИЧИНОЙ ЧТО У - 9 из 10 ГРАЖДАН С ОДИНАКОВОЙ ВНЕШНОСТЬЮ - ОДИНАКОВЫЙ ХАРАКТЕР, ПОВЕДЕНИЕ, МЫСЛИТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС, УМСТВЕННЫЕ СПОСОБНОСТИ и ДАЖЕ(!) ТРАКТОВАНИЕ НРАВСТВЕННОСТИ И МОРАЛИ!

ВСЕ (!) «люди» ОТ РОЖДЕНИЯ (!) ИЛИ добропорядочные и хорошие люди,

ИЛИ - ГЕНЕТИЧЕСКИЕ ПРЕСТУПНИКИ!

У добрых, честных, хороших, ответственных, надежных людей - ОПРЕДЕЛЕННЫЕ ЛИЦА!

У дурачков, лохов, ни то ни сё, у опездолов, шалашовок, у никаких челавеков - ОПРЕДЕЛЕННЫЕ ЛИЦА!

У преступников, лжецов, мошенников, воров, проституток, у жадных, у подлых, у лиц с психопатологиями, у больных, у грабителей, убийц, каннибалов, у ВСЕХ «челавеков» имеющих ПРЕСТУПНУЮ ГЕНЕТИКУ - ОПРЕДЕЛЕННЫЕ ЛИЦА!

ПОЧЕМУ тигр убивает когда хочет жрать, а овца когда голодна ищет траву?

ПОТОМУ ЧТО - тигр и овца это РАЗНЫЕ биологические ОРГАНИЗМЫ!

ВСЁ «человечество» это стадо РАЗНЫХ биологических ВИДОВ - НЕ одинаково разумных гоминид!

Законы написали ЛЮДИ и создали свод правил ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ!

Для КОГО существуют ВСЕ законы, ЗАПРЕТЫ, табу и предупреждения?

ДЛЯ Пещерных говорящих гоминидов. Которым НЕОБХОДИМО (!) КАЖДОДНЕВНО напоминать о НЕДОПУСТИМОСТИ совершения действий которые ДЛЯ ЖИВОТНЫХ ЯВЛЯЮТСЯ - Н О Р М О Й !

Для совсем имбецилов которые всё ещё не доехали - «человечество», ВСЁ «человечество» - это всего лишь ТЕРМИН, являющийся ОБОБЩЕННЫМ НАЗВАНИЕМ - ВСЕХ ВИДОВ не одинаково РАЗУМНЫХ ГОМИНИДОВ живущих СЕЙЧАС на планете Земля.

ВСЕ виды не одинаково разумных, говорящих приматов - ГЕНЕТИЧЕСКИ (!), своим устройством ВСЕГО организма, разделяются на ГЕНЕТИЧЕСКИХ, ОТ РОЖДЕНИЯ - ХИЩНИКОВ которым ПРИЯТНО ПРИЧИНЯТЬ ДРУГИМ ЖИВЫМ ФОРМАМ БОЛЬ и СТРАДАНИЯ,

И на ТРАВОЯДНЫХ «человеков», которые ОТ РОЖДЕНИЯ, ГЕНЕТИЧЕСКИЕ ПАЦИФИСТЫ!

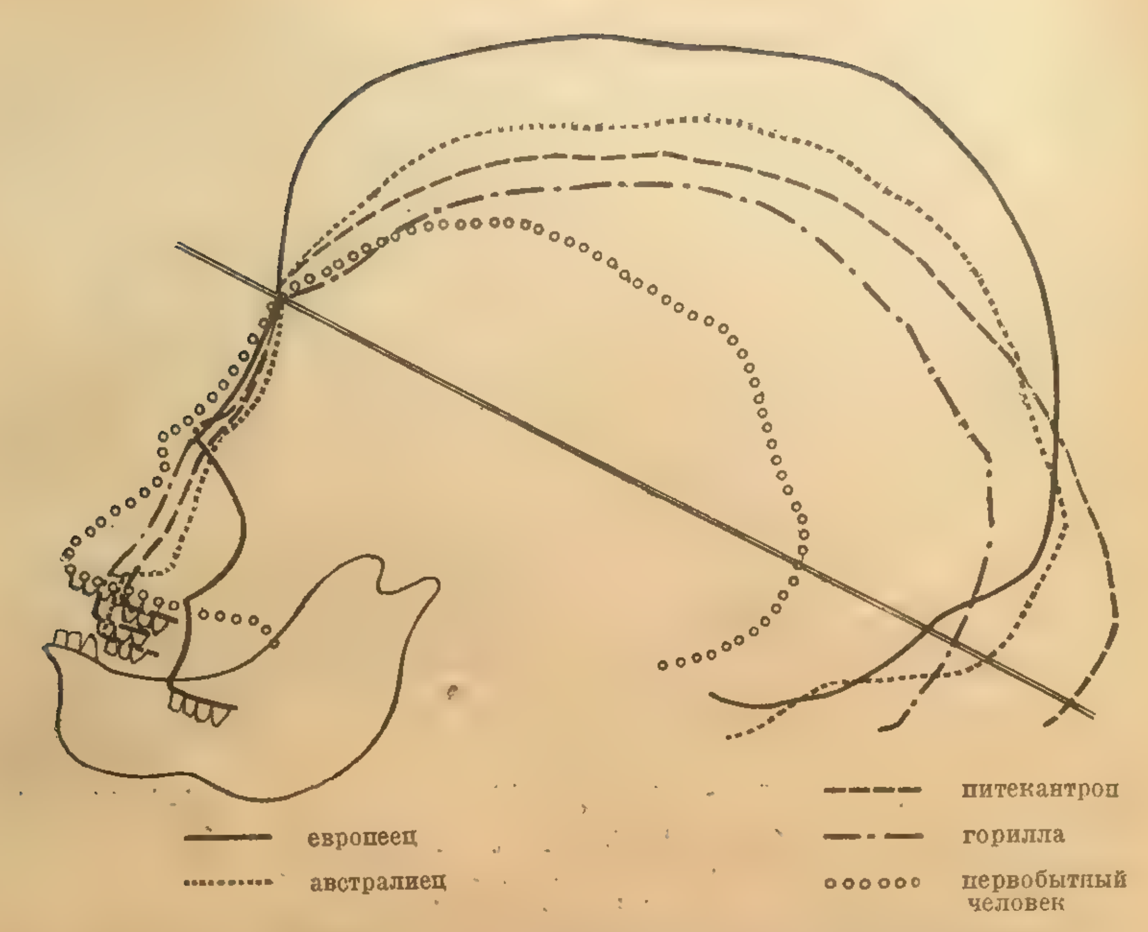

Рис. 18. Различные стенки прогнатизма у обезьяны и человека.

Рис. 19. Неправильное, частью несимметричное строение черепа и лица у олигофренов; оттопыренная ушная раковина у мальчика справа.

Рис. 103. Группа детей-наркоманов в учреждении для беспризорных.

нередкого злоупотребления ими, а быстро развивающееся привыкание ведет к тяжелой картине наркомании, более или менее одинаковой

Homo Neanderthal
Одинаково Неандертальцы
Неандертальцы
цы, ископаемые древние люди создавшие
еские культуры раннего палеолита. Скелетные
еандертальцев открыты в Европе, Азии и Африке.
ществования 200 — 35 тыс. лет назад. Как установили
ания генетического материала неандертальцев они
не являются прямыми предками современного
ка
Shared
Нет нет неандертальцы давно вымерли.
Я человек.
Совпадения случайны.
Homo одинаково

Может ты возмутишься? Ведь ТАКИЕ ЖЕ Первобытные ХАРИ в СССР и ДО СИХ ПОР всем лгут что «внешность может быть любая, внешность лица мол не имеет отношения к характеру и моральным характеристикам индивида»?

ЗАПОМНИ!

У 9 и 10 граждан С ОДИНАКОВОЙ ВНЕШНОСТЬЮ - БУДЕТ ОДИНАКОВЫЙ ХАРАКТЕР, ОДИНАКОВОЕ МЫШЛЕНИЕ, даже ОДИНАКОВЫЕ ГОЛОСА и МАНЕРА РАЗГОВОРА!

Это - ВИДОВЫЕ, ГЕНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ - РАЗНЫХ ВИДОВ разумных гоминид!

Мышление, характер личности, психика и ПОВЕДЕНИЕ - КАЖДОГО индивида диктуется его ГЕНЕТИКОЙ, ФИЗИОЛОГИЕЙ и ОБМЕНОМ ВЕЩЕСТВ!

Это научно ДОКАЗАНО уже давным давно.

«Воспитание» НЕ ИГРАЕТ НИКАКОЙ РОЛИ в формировании личности.

Возможно ты снова не согласишься?

Вот пример - в детский сад приводят РАЗНЫХ детей. У детей РАЗНЫЕ характеры? ДА!

В детском саду ВСЕХ детей ПРИУЧАЮТ к ОДИНАКОВЫМ манерам поведения? ДА!

Дети из детского сада переходят в школу с одинаковыми характерами? НЕТ! ВСЕ - КАК БЫЛИ = РАЗНЫЕ!

В школу ВСЕ дети приходят с РАЗНЫМИ характерами.

10 ЛЕТ учителя и воспитатели учат и воспитывают ВСЕХ школьников ОДИНАКОВО ОДИНАКОВОМУ? ДА!

Школьники заканчивают школу с одинаковыми оценками и характерами личности? НЕТ! ВСЕ КАК БЫЛИ - РАЗНЫЕ!

Тогда какую же роль играет «воспитание»?

А воспитание, это ВБИВАНИЕ в мозг детей догм и правил поведения!

И ВСЁ!

Для ГЕНЕТИЧЕСКИ честного и доброго Человека воспитание служит лишь ПОВТОРЕНИЕМ НА СЛОВАХ ЕГО И ТАК ГЕНЕТИЧЕСКИ ПРАВИЛЬНОГО ОРГАНИЗМА.

ГЕНЕТИЧЕСКИ добрый и честный Человек И БЕЗ ВОСПИТАНИЯ ВСЮ СВОЮ ЖИЗНЬ БУДЕТ ЧЕСТНЫМ И ДОБРЫМ Человеком!

КАЖДЫЙ (!) ВИД обезьян ОТЛИЧАЮЩИЙСЯ от других обезьян это - ДРУГОЙ БИОЛОГИЧЕСКИЙ ВИД!

ВСЕ «челавеки» с РАЗНЫМИ ЛИЦАМИ это РАЗНЫЕ ВИДЫ «челавека».

У 9 из 10 «челавеков» с ОДИНАКОВЫМИ и ОЧЕНЬ ПОХОЖИМИ лицами будут ОДИНАКОВЫЕ мышление, ОДИНАКОВЫЙ характер, ОДИНАКОВОЕ ПОВЕДЕНИЕ И ПОСТУПКИ (!), ОДИНАКОВЫЙ голос и манера разговора. ДАЖЕ у НЕ РОДСТВЕННИКОВ! Даже если ОДИНАКОВЫЕ «челавеки» РОДИЛИСЬ и ЖИВУТ в РАЗНЫХ странах и ДАЖЕ НА РАЗНЫХ КОНТИНЕНТАХ!

А теперь открываю Карты - ПОЧЕМУ генетические преступные ВИДЫ разумных гоминид совершают преступления.

КАЖДЫЙ ВИД разумных приматов имеют РАЗНЫЙ МОЗГ и РАЗНЫЙ обмен веществ.

Те виды представители которых совершают преступления это ПОЛУФАБРИКАТЫ «человека». БУКВАЛЬНО! Имея некоторое сходство с Человеком, говорящие приматы МАЛО чем изменились со времён Палеолита. Их мозг не совершенен, и даже наиболее умные преступники «умны» ТОЛЬКО когда обманывают ДУРАКОВ или ГЕНЕТИЧЕСКИ ДОБРЫХ людей, которые в силу ГЕНЕТИКИ и ВБИТЫМ в мозг фальшивым догмам - становятся жертвами преступников.

Организм ВСЕХ биологических организмов работает как ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ!

ВСЕ чувства и настроения, ВСЕ желания и фантазии, ВСЕ мысли и ПОСТУПКИ регулируются МОЗГОМ, который выступает как ОТДЕЛЬНЫЙ ОРГАНИЗМ!

САМ (!) организм КАЖДОГО (!) гражданина ВСЁ ВРЕМЯ синтезирует большое количество РАЗНЫХ веществ, веществ которые НАПРЯМУЮ УПРАВЛЯЮТ ВСЕМ ОРГАНИЗМОМ каждого гражданина.

КАЖДЫЙ организм САМ синтезирует внутри себя РАЗНЫЕ вещества, ДАЖЕ НАРКОТИКИ.

Ясно? Когда преступники совершают любое преступление, то они делают это потому что ЭТО ДОСТАВЛЯЕТ ИМ ФИЗИЧЕСКОЕ НАСЛАЖДЕНИЕ.

Когда преступник ДАЖЕ просто думает о преступлении, то ДАЖЕ МЫСЛИ о преступлении вызывают у преступника начало выработки внутренних наркотиков, от которых преступник получает хорошее настроение и радость.

Это ГЕНЕТИЧЕСКАЯ особенность устройства преступников - ПОЭТОМУ никакого «перевоспитания» преступников БЫТЬ НЕ МОЖЕТ.

Главное достижение Эволюции гоминид это СПОСОБНОСТЬ РАЗНЫХ ВИДОВ говорящих приматов ГОВОРИТЬ И ПОНИМАТЬ РЕЧЬ ДРУГИХ.

Говорящие приматы давно заметили, что есть ДУРАКИ которые ВЕРЯТ СЛОВАМ!

Преступные приматы используют слова как звуки которым ДРУГИЕ разумные обезьяны - ВЕРЯТ!

Речь, слова могут быть одинаковы, НО У ВСЕХ - РАЗНОЕ (!!!!) ПОНИМАНИЕ СЛОВ!

Переходим к следующему и столь же важному -

ВСЕ РАЗНЫЕ виды говорящих приматов имеют - Р А З Н О Е - мышление.

Это означает - что ДАЖЕ если ВСЕМ в детстве вбивать в мозг что делать одно хорошо, а делать другое это плохо, то

ГЕНЕТИЧЕСКИМ преступникам это воспитание - ПОhuЙ.

Повторяю ещё раз!

Мышление, личностное определения что такое «хорошо и плохо», личностное понимание и принятие или отрицание «нравственности», ПОВЕДЕНИЕ (публичное на людях и когда нет свидетелей), ТО - добрый ли индивид или злой, правдивый ли или является лжецом и мошенником, жестокий ли или не способный причинять боль - ВСЁ ЭТО, - ВСЯ ЛИЧНОСТЬ КАЖДОГО индивида УПРАВЛЯЕТСЯ ЕГО ОБМЕНОМ ВЕЩЕСТВ!

БИОХИМИЧЕСКИЕ процессы - ВОТ ЧТО УПРАВЛЯЕТ ВСЕМ - МЫШЛЕНИЕМ, ПОВЕДЕНИЕМ и ПОСТУПКАМИ ЛЮБОГО биологического организма!

Не только характер, но и МЫШЛЕНИЕ а значит и то
КАК индивид ПОНИМАЕТ «нравственность», его
ПОВЕДЕНИЕ И ПОСТУПКИ - ВСЁ это на 100%
зависит ОТ ВИДОВОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ
КАЖДОГО индивида.
Антропологическое Изслѣдованіе.
Женщины Убійцы.
Современная гуманитарная академия
УБИЙЦЫ
PIC•COLLAGE

Разве ВСЕХ ПОГОЛОВНО - лжецов, воров, мошенников, убийц, грабителей, проституток - не учили в детстве что совершать ВСЁ ТО что они ДЕЛАЮТ это плохо?

Учили. Так ПОЧЕМУ несмотря на ОДИНАКОВОЕ ДЛЯ ВСЕХ ВОСПИТАНИЕ - одни всю жизнь живут как честные и добрые Люди,

а другие НЕ ТАКИЕ ЖЕ как честные и добрые, а С ДРУГИМИ - УРОДЛИВЫМИ ХАРЯМИ живут совершая преступления, обманывая, грабя и убивая?

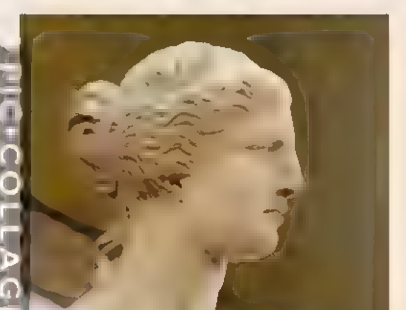
ПОТОМУ что, - мыслями, характером и поведением управляют генетика, физиология и обмен веществ индивида.

Методами наблюдения за РАЗНЫМИ видами говорящих приматов установлено -

Чем МЕНЬШЕ НОС у индивида, тем БОЛЕЕ МЕРЗКОЕ и НИЗКОЕ морально-нравственное наполнение у данного говорящего примата!

СМОТРИ НА НОС!

Это Человек.

Вот обезьяна

Вот гомосапиенс

Можешь сам проверить-

Чем БОЛЬШЕ ХАРЯ «лица» «челавека» похожа на свинью - тем БОЛЬШЕ в таком «челавеке» ПОДЛОСТИ, ЛЖИВОСТИ, ЭГОИЗМА, ЖЕСТОКОСТИ, ТУПОУМИЯ, АЛЧНОСТИ, ЗАВИСТИ И ЖЕЛАНИЯ ПОЛУЧАТЬ НАСЛАЖДЕНИЯ В ТОМ ЧИСЛЕ И ОТ СТРАДАНИЙ СЕБЕ ПОДОБНЫХ.

Чем ЖИРНЕЙ ХАРЯ и ЧЕМ МЕНЬШЕ НОС - тем ГОВНИСТЕЙ «челавек».

ХЛЕБНЫЙ ПАУК

КУЛАК-МИРОЕД

ДОЛОЙ КУЛАКА

Ясно, что это?
неандерталец, разумный и много болтающий подлый гоминид.

Вынес в пакетах из под мусора' чиновник расчленил «мисс Кузбасс» и вы...

★ 68К отзывов

YouTube

ПОДРОБНОСТИ.

#телеканал360 #мисскузбасс #преступление

Вынес в пакетах из-под мусора: чиновник расчленил «мисс Кузбасс» и выкинул в реку

15 604 просмотра

496 НЕ НРАВИТСЯ ПОДЕЛИТЬСЯ СОХРАНИТЬ ...

Телеканал 360

ВЫ ПОДПИСАНЫ

Итоги встречи Зеленского с Джонсоном. Прямая...

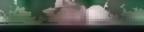
Телеканал 360

Зрителей: 399

СЕЙЧАС В ПРЯМОМ ЭФИРЕ

Спортлото-82 (комедия,

RU

21:04

Портреты Пещерных говорящих приматов из книги «люди Каменного века», автор М.М. Герасимов. 1964 г.

они действительно вымерли?

Современная гуманитарная академия

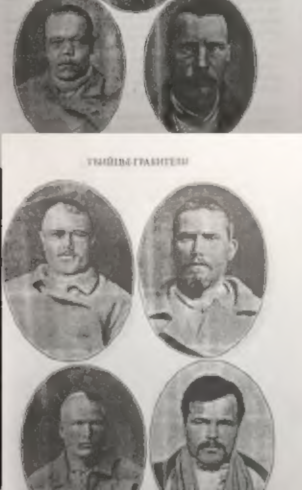
Н.С. Лобас
бывший врач сахалинских каторжных тюрем

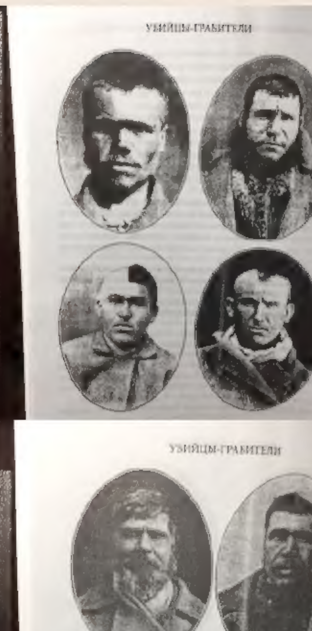
УБИЙЦЫ

(Некоторые черты психофизики преступников)

Со снимками преступников

Москва 2008

Антропологическое Изслѣдованіе.

Женщины-Убійцы.

Врача

П. Н. Тарновской.

Съ 163 рисунками
и
8 антропометрическими таблицами

С.-Петербургъ.
„Т-во Художественной Печати", Ангалійскій пр., 2"
1902.

Чешуя затылочной кости при этомъ обыкновенно бываетъ выпуклою, утолщенною по срединѣ, и образуетъ крутой загибъ, спускающійся къ шеѣ.

ЛИЦО. Переходя къ физическимъ признакамъ вырожденія, наблюдаемымъ на лицѣ, необходимо прежде всего упомянуть объ очевидныхъ *асимметріяхъ* различныхъ частей лица.

Мы говоримъ *очевидныхъ*, такъ какъ существуетъ мнѣніе, что нѣтъ вполнѣ симметричнаго лица, и что каждый человѣкъ представляетъ болѣе или менѣе выраженную асимметрію какой-либо части тѣла, преимущественно лица.

Не входя въ дальнѣйшее обсужденіе этого взгляда, которое намъ кажется, несомнѣнно, преувеличеннымъ, мы будемъ говорить здѣсь объ асимметріяхъ очевидныхъ, неоспоримыхъ и бросающихся въ глаза.

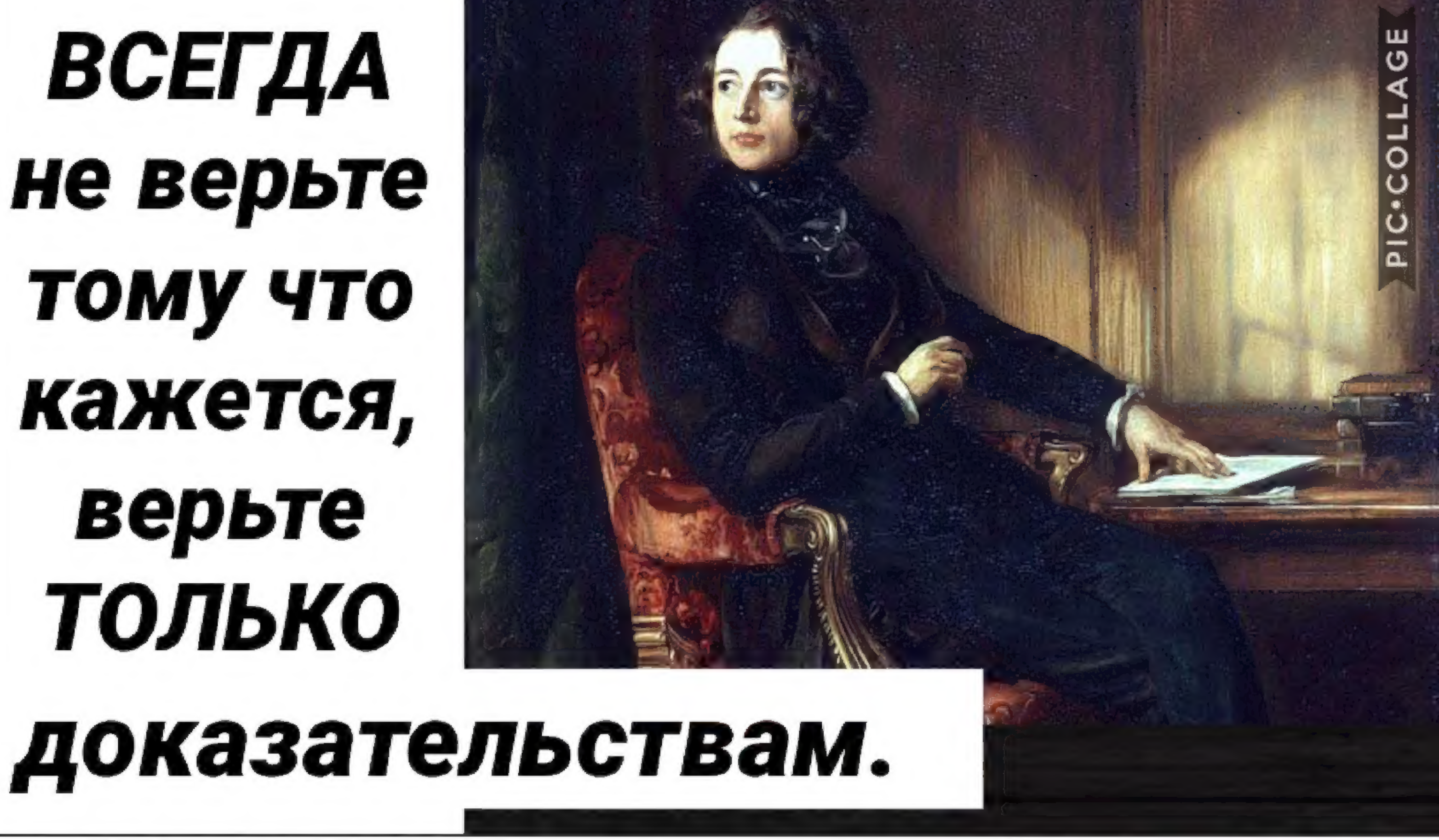
Асимметріи могутъ одинаково представлять всѣ безъ исключенія части обѣихъ половинъ лица, и выражаться, напримѣръ, отклоненіемъ носа въ правую или лѣвую сторону; ушами прикрѣпленными не на одномъ уровнѣ, или представляющими неодинаковую величину; неодинаковымъ развитіемъ обѣихъ вѣтвей нижней челюсти, причемъ одна изъ нихъ короче другой, что обусловливаетъ у даннаго субъекта неправильный профиль; про-

К. Ротов

Так будет выглядеть комната Наплевакина, если он забудет, что здесь — не сквер и не театр.

Чарльз Диккенс. «Большие надежды» 1861 г.